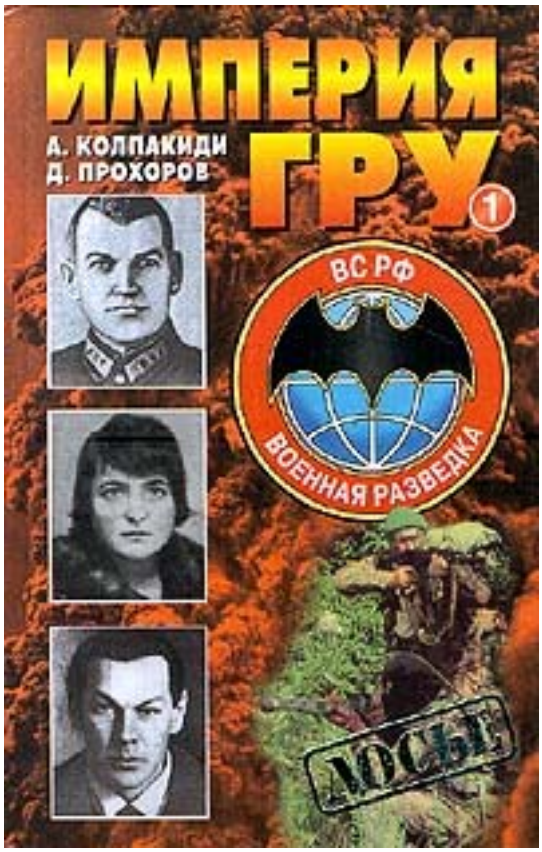
ИМПЕРИЯ ГРУ

Очерки истории российской военной разведки



Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
1999

Авторы выражают свою признательность за помощь в работе Михаилу Алексеевичу Алексееву, Евгению Александровичу Горбунову и Валерию Яковлевичу Кочику.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.

Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. — ... с.: илл. — ... (Досье)

ISBN

В книге впервые в исчерпывающем объеме собраны сведения об уникальных и практически неизвестных операциях российской военной разведки на протяжении почти двух веков ее существования, о создании нелегальных резидентур в 20-30-е годы, о роли ГРУ в похищении атомных секретов и многом другом. Подробно рассказывается о руководителях ГРУ, о структуре управления, спецназе ГРУ.

Впервые приводятся имена сотен ранее неизвестных военных разведчиков. Книга снабжена документальным приложением и большим библиографическим справочником.

© А.И.Колпакиди, Д.П.Прохоров, 1999

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 1999

Том 1

Военная разведка в России до 1917 г.

Существует мнение, что разведка — одна из старейших профессий на земле. В доказательство этого часто приводят цитаты из Ветхого завета или из шумерского эпоса о Гильгамеше. Во многом это утверждение правомерно. Действительно, слово «разведка» в своем изначальном смысле предполагает проведение какого-либо тайного обследования со специальной целью. Но гораздо важнее другое: то, что разведка — это необходимый механизм для решения важнейших государственных задач. Это доказано историей, это подтверждает и современность.

Говоря о России, надо отметить, что с момента образования Киевской Руси разведка была делом государственным и велась на двух уровнях — внешнеполитическими и военными ведомствами. Для сбора разведывательных сведений использовались русские подданные: послы и сотрудников посольств, направляемых для переговоров, с XVII века — члены постоянных миссий за границей, гонцы, торговые люди, представители духовенства, жители пограничных областей, крупные и мелкие воинские отряды, а также отдельные военнослужащие. Привлекались для ведения разведки и иностранцы, в том числе и проживающие на территории русского государства (купцы, церковнослужители, сотрудники зарубежных представительств, перебежчики и военнопленные).

В XVI веке в России появляются первые органы центрального управления, организующие и ведущие разведку, благодаря чему осведомленность руководства государства о замыслах и намерениях противника возросла. По мере роста влияния России на международные дела возрастала и роль разведки. В 1654 г. по указу царя Алексея Михайловича основан Приказ тайных дел, где сосредотачивается управление разведкой. Руководителями Приказа — дьяками — были Д.М.Башмаков, Ф.М.Ртищев, Д.Л.Полянский и Ф.Михайлов. Преображенским приказом (1686-1729), осуществлявшим функции тайной полиции, в том числе и разведывательные, руководили отец и сын князья Ромодановские — Федор Юрьевич (1686-1717) и Иван Федорович (1717-1729).

Петр I в воинском уставе 1716 г. впервые подводит законодательную и правовую базу под разведывательную работу.

Усиление военных действий в конце XVIII — начале XIX веков ставит перед разведкой новые задачи, а к ее ведению привлекаются все новые силы и средства. Это потребовало создания специального центрального органа разведки, особенно военной, который соединил бы в себе как добывающие, так и обрабатывающие функции агентурной стратегической и войсковой разведок. Решающим же толчком к организации постоянно действующего центрального органа российской военной разведки послужили кровопролитные войны, которые Россия с 1805 г. вела с наполеоновской Францией. На этом периоде истории российской военной разведки мы остановимся более подробно.

Поражение русских войск в компаниях 1805 и 1806-1807 гг. закончилось заключением 25 июня 1807 г. Тильзитского мира с Францией. Но подписание мирного договора, во многом ущемляющего русские интересы, вовсе не означало для России, что войны с французским императором больше не будет никогда. Это прекрасно понимал император Александр I и все русские государственные деятели. В связи с этим своевременное получение информации о политических и военных планах Наполеона приобрело первостепенное значение. Поэтому, когда генерал М.Барклай-де-Толли в 1810 г. стал военным министром и приступил к укреплению армии, он начал огромное внимание уделять организации военной стратегической разведки.

Большую роль в создании военной разведки в России сыграл генерал-адъютант князь П.М.Волконский, будущий начальник квартирмейстерской части Главного штаба русской армии. В 1807-1810 гг. он находился в заграничной командировке, по возвращении из которой представил отчет «О внутреннем устройстве французской армии генерального штаба».

Находясь под влиянием этого отчета, Барклай-де-Толли поставил перед Александром I вопрос об организации постоянного органа стратегической военной разведки.

И первым таким органом стала Экспедиция секретных дел при военном министерстве, созданная по инициативе Барклая-де-Толли в январе 1810 г. В январе 1812 г. ее переименовали в Особенную канцелярию при военном министре. По его мнению, Экспедиция секретных дел должна была решать следующие задачи: ведение стратегической разведки (сбор стратегически важных секретных сведений за рубежом), оперативно-тактической разведки (сбор данных о войсках противника на границах России) и контрразведки (выявление и нейтрализация агентуры противника)[1]. Первыми руководителями военной разведки России поочередно становились три близких к военному министру человека: с 29 сентября 1810 г. — флигель-адъютант полковник А.В.Воейков, с 19 марта 1812 г. — полковник А.А.Закревский, с 10 января 1813 г. — полковник П.А.Чуйкевич[2].

В том же январе 1810 г. Барклай-де-Толли разговаривает с Александром I о необходимости организации стратегической военной разведки за границей и попросил разрешение направить в русские посольства специальных военных агентов, с тем чтобы собирать сведения «о числе войск, об устройстве, вооружении и духе их, о состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах лучших генералов, а также о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположении и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выводах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям»[3]. Эти военные агенты должны были находиться при дипломатических миссиях под видом адъютантов при послах-генералах или гражданских чиновников и служащих министерства иностранных дел.

Александр I согласился с предложениями Барклая де Толли, и для выполнения секретных поручений в зарубежные командировки были направлены следующие офицеры:

— полковник А.И.Чернышев (Париж);
— полковник Ф.В.Тейль фон Сераскерен (Вена);
— полковник Р.Е.Ренни (Берлин);
— поручик М.Ф.Орлов (Берлин);
— майор В.А.Прендель (Дрезден);
— поручик П.Х.Граббе (Мюнхен);
— поручик П.И.Брозин (Кассель, потом Мадрид).

Разведывательные задачи им надлежало выполнять тайно. Например, в инструкции майору Пренделю указывалось:

«... настоящее поручение ваше должно подлежать непроницаемой тайне, посему во всех действиях ваших вы должны быть скромны и осторожны. Главнейшая цель вашего тайного поручения должна состоять, чтобы ... приобрести точные статистические и физические познания о состоянии Саксонского королевства и Варшавского герцогства, обращая особое внимание на военное состояние ... а также сообщать о достоинствах и свойствах военных генералов»[4].

Особо отличился на этом поприще полковник А.И.Чернышев, офицер Особенной канцелярии квартирмейстерской части Главного штаба. За короткий срок ему удалось создать во Франции сеть информаторов в правительственной и военной сферах и получать от них, часто за большое вознаграждение, интересующие Москву сведения. Так, 23 декабря 1810 г. он писал, что «Наполеон уже принял решение о войне против России, но пока что выигрывает время из-за неудовлетворительного положения его дел в Испании и Португалии»[5].

---

[1] Очерки истории российской внешней разведки. М., 1996. Т.1. С.111.
[2] Алексеев М. Военная разведка России. Кн.1. М., 1998. С.33-38.
[3] Очерки истории российской внешней разведки. М., 1996. Т.1. С.111.
[4] Ламбик С. Люди непроницаемой тайны // Новости разведки и контрразведки, 1996. №24. С.15.
[5] Там же. С.15.

Вот еще одно донесение Чернышева в Петербург, где он, давая характеристику маршалу Франции Даву, выказывает себя внимательным и умным наблюдателем:

«Даву, герцог Ауэрштадтский, князь Экмюльский. Маршал Империи, главнокомандующий войсками на севере Германии. Человек грубый и жестокий, ненавидимый всеми, кто окружает Императора Наполеона; усердный сторонник поляков, он большой враг России. В настоящее время это тот маршал, который имеет наибольшее влияние на Императора. Ему Наполеон более чем всем другим доверяет и которым он пользуется наиболее охотно, будучи уверен, что, каковы бы ни были его приказы, они будут всегда исполнены точно и буквально.

Не обнаруживая под огнем особо блестящей храбрости, он очень настойчив и упорен и, сверх того, умеет всех заставить повиноваться себе. Этот маршал имеет несчастье быть чрезвычайно близоруким»[6].

Одним из информаторов Чернышева являлся работник военного министерства Франции М.Мишель. Он входил в группу сотрудников, которые раз в две недели составляли лично для Наполеона в единственном экземпляре сводку о численности и дислокации французских вооруженных сил. Копию этой сводки Мишель передавал Чернышеву, а тот отправлял ее в Петербург. К сожалению, деятельность Чернышева в Париже закончилась в 1811 г. В тот момент, когда он находился в Петербурге, французская полиция обнаружила при негласном обыске его парижского дома записку М.Мишеля. В результате Чернышева обвинили в шпионаже, и он не смог вернуться во Францию, а Мишеля приговорили к смертной казни.

Еще одним ценным русским агентом во Франции был, как это не покажется удивительным, князь Шарль-Морис Талейран, бывший министр иностранных дел Наполеона. В сентябре 1808 г. во время Эрфуртского свидания Александра I и Наполеона он сам предложил свои услуги русскому императору. Первоначально Александр недоверчиво относился к словам Талейрана, но после конфиденциальной встречи его подозрения рассеялись. За огромное по тем временам вознаграждение Талейран сообщал о состоянии французской армии, давал советы относительно укрепления российской финансовой системы и т.д. А в декабре 1810 г. он написал Александру I, что Наполеон готовится к нападению на Россию и даже назвал конкретную дату — апрель 1812 г.

Но несмотря на то, что переписка Талейрана с Александром велась с соблюдением всех правил конспирации, к началу 1809 г. у Наполеона появились подозрения в двойной игре Талейрана. В январе Наполеон неожиданно передал командование испанскими армиями маршалам, а сам возвратился в Париж. 28 января 1809 г. произошла знаменитая сцена, многократно приводившаяся в мемуарной литературе. Император в буквальном смысле набросился на Талейрана со словами:

«Вы вор, мерзавец, бесчестный человек! Вы не верите в бога, вы всю вашу жизнь нарушали все ваши обязательства, вы всех обманывали, всех предавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца!.. Почему я вас еще не повесил на решетке Карусельской площади? Но есть, есть еще для этого достаточно времени! Вы — грязь в шелковых чулках! Грязь! Грязь!..»[7].

Однако, у Наполеона не было конкретных доказательств предательства Талейрана, гроза прошла стороной, и Талейран до самого начала войны передавал в Россию важную информацию.

Большое внимание уделял Барклай-де-Толли и агентурной разведке, которую вели своими силами командующие полевыми армиями и командиры корпусов. 27 января 1812 г. Александр I подписал три секретных дополнения к «Учреждению для управления Большой действующей армией»: «Образование высшей воинской полиции», «Инструкция директору высшей воинской полиции» и «Инструкция Начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией». Эти документы вобрали в себя представления Барклая-де-Толли и его окружения о

[6] Очерки истории российской внешней разведки. Т.1. С.112-113.

[7] Тарле Е. Талейран. М., 1992. С.112-113.

подходах к организации и ведению военной разведки и контрразведки накануне и во время боевых действий. В них особенное внимание обращается на ведение агентурной разведки. Так, в дополнении об «Образовании высшей воинской полиции» говорилось об постоянном использовании агентуры (п.13 «О лазутчиках»):

«1. Лазутчики на постоянном жалованье. Они ... рассылаются в нужных случаях, под разными видами и в различных одеяниях. Они должны быть люди расторопные, хитрые и опытные. Их обязанность есть приносить сведения, за коими они отправляются, и набирать лазутчиков второго рода и разносчиков переписки.

2. Лазутчики второго рода должны быть предпочтительно обывателями нейтральных и неприятельских земель разных состояний, и в числе оных дезертиры. Они приносят сведения по требованию и по большей части местныя. Они получают особенную плату за каждое известие, по мере его важности»[8].

Там же давалась классификация агентов, чья задача заключалась «в собирании сведений о неприятельской армии и занимаемой ею земли:

— 1-е в земле союзной;

— 2-е в земле нейтральной;

— 3-е в земле неприятельской.»

При этом делались следующие разъяснения:

«— Агенты в земле союзной могут быть чиновники гражданские и военные той земли или от армии посланные.

— Агенты в земле нейтральной могут быть нейтральные подданные, имеющие знакомства и связи, и по оным, или за деньги снабжаемые аттестатами, паспортами и маршрутами, для переездов нужными. Они могут быть равным образом бургомистры, инспекторы таможен и проч.

— Агенты в земле неприятельской могут быть лазутчики, в оную отправляемые и постоянно там остающиеся, или монахи, продавцы, публичные девки, лекари и писцы, или мелкие чиновники, в неприятельской службе находящиеся»[9].

А в дополнении к «Инструкции Начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией» было и такое положение:

«В случае совершенной невозможности иметь известие о неприятеле в важных и решительных обстоятельствах должно иметь прибежище к принужденному шпионству. Оно состоит в склонении обещанием наград и даже угрозами местных жителей к проходу через места, неприятелем занимаемыя»[10].

Это положение появилось не случайно. Объяснение ему можно найти в письме де Лезера, занимавшегося организацией агентурной разведки на западной границе, Барклаю-де-Толли от 6 декабря 1811 г.:

«Крайняя осмотрительность, — пишет де Лезер, — которая проявляется жителями Герцогства (Варшавского княжества. — Прим. авт.) по отношению к путешественникам, создает для нас большие трудности по заведению агентов и шпионов, способных принести пользу»[11].

Но невзирая на все трудности, агентурная разведка в войсках перед началом войны велась достаточно активно и приносила много информации. Свидетельство тому докладная записка командующего 2-й Западной армией князя Багратиона Барклаю-де-Толли. Вот выдержка из нее:

«А как я намерен в сомнительные места для тайного разведывания делать посылки под иным каким предлогом достойных доверенности и надежных людей, то для свободного проезда за границу не угодно ли будет Вашему Высокопревосходительству прислать ко мне несколько

[8] Алексеев М. Лексика русской разведки. М., 1996. С.39.
[9] Там же. С.49.
[10] Там же. С.77.
[11] Там же. С.48.

бланков пашпортов за подписанием господина канцлера, дабы ... удалить могущее пасть подозрение»[12].

Что касается войсковой разведки, то ведение ее практически не подверглось изменению. В основном она проводилась по старинке — конными разъездами. «Инструкция Начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией» предписывала вести войсковую разведку следующим образом:

«Вооруженное шпионство производится следующим образом. Командующий отряжает разные партии козаков ... команды сии поручает он самым отважным офицерам и дает каждому расторопного лазутчика, который бы знал местное положение ...»[13].

Следует сказать несколько слов и о контрразведывательных операциях, проводимых в России накануне войны 1812 г. В архивных документах есть сведения, что в период с 1810 по 1812 г. на территории Российской империи было задержано и обезврежено 39 военных и гражданских лиц, работавших на иностранные спецслужбы[14].

В результате принятых русским командованием мер к лету 1812 г., несмотря на сложные оперативные условия, разведка смогла достичь неплохих результатов. Так, ей удалось узнать точное время предполагаемого наступления французских войск, их численность, места дислокации основных подразделений, а также установить командиров армейских подразделений и дать им характеристики. Кроме того, она наладила агентурные связи на территориях, контролируемых неприятелем. Но, что следует отметить особо, данные, полученные разведкой, к сожалению, не оказали существенного влияния на выработку плана ведения военных действий. Оборонительный план Фуля, по которому стратегическая инициатива уступалась противнику, не только не соответствовал реальной обстановке, но и полностью игнорировал данные разведки.

Разумеется, это отразилось на первом этапе боевых действий и привело к тому, что для русского командования начало военных действий в оперативно-тактическом плане стало внезапным. Так, в Вильно, где находился Александр I, о переправе Наполеона через Неман узнали только спустя сутки от генерала В.В.Орлова-Денисова, чей полк находился на самой границе. Внезапность французского наступления внесла некоторую дезорганизацию в работу русского командования и сказалась на управлении разведкой. В дневнике Н.Д.Дурново, состоявшего в начале 1812 г. в свите начальника квартирмейстерской части Главного штаба П.М.Волконского, есть следующие записи, датированные 27 и 28 июня:

«27. ... Главная квартира его величества осталась в Янчинах, Барклая-де-Толли — в Дворчанах, в двух верстах от нашей. Не было никаких известий о движении неприятеля. Одни предполагают, что он направился на Ригу, другие — что на Минск; я придерживаюсь последнего мнения ...

28. Весь день прошел за работой. Нет никаких сведений о французах. Наши аванпосты проделали двадцать верст от своих позиций, не встретив ни одного неприятеля. Евреи предполагают, что Минск занят самим Наполеоном»[15].

Но вскоре растерянность прошла, и в командование русской армии начала регулярно поступать информация от разведки. В течение всей войны командование уделяло разведке огромное внимание, понимая всю важность получения своевременных и точных данных о противнике. Свидетельство тому, например, предписание Кутузова генералу Платову от 19 октября 1812 г.:

«При нынешних обстоятельствах мне непременно нужно, чтоб Ваше высокопревосходительство доставляли как можно чаще сведения о неприятеле, ибо, не имея

[12] Там же. С.25.
[13] Там же. С.77.
[14] Очерки истории российской внешней разведки. Т.1. С.113.
[15] Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. В кн.: 1812 г. ... Военные дневники. М., 1990. С.81.

скорых и верных известий, армия сделала один марш совсем не в том направлении, как бы ей надлежало, отчего весьма вредные следствия произойти могут»[16].

Из всех видов разведки наиболее трудным оказался сбор сведений с помощью агентуры, особенно в районе деятельности 3-й Западной армии генерала А.Тормасова. Связано это было с неприязненным отношением местного населения к русским и отсутствием достаточных денежных средств. Вот что пишет по этому поводу в своем «Журнале» генерал В.В.Вяземский, командовавший дивизией в 3-й Западной армии:

«30-го (августа). Мы по сю пору еще не знаем, где неприятельские корпусы расположены и какое их намерение, — мало денег, нет верных шпионов. Обыватели преданы им, жиды боятся виселицы»[17].

Однако на исконных русских землях, особенно после того, как французы заняли Москву, агентурная разведка действовала плодотворно и добывала важные сведения. Вот один из примеров. Купец Жданов не успел выехать из Москвы и был взят в плен французами. В штабе маршала Даву ему предложили проникнуть в расположение главной русской армии и собрать нужные французам сведения, за что ему обещали большое вознаграждение. Жданов «согласился». Получив от французов список с интересующими их вопросами и оказавшись в расположении русских войск, он немедленно потребовал доставить его к генералу Милорадовичу и подробно рассказал ему о полученном от неприятеля задании и его положении в Москве. Кутузов, оценив его патриотический поступок, принял Жданова и наградил его медалью, а генерал Коновницын 2 сентября выдал ему такое свидетельство:

«Московский третьей гильдии купец Петр Жданов, подвизаем будучи ревностью и усердием к своему Отечеству, несмотря ни на какие лестные предложения со стороны французов, наклонявших его к шпионству, оставил дом, жену и детей, явился в главную квартиру и доставил весьма важные сведения о состоянии и положении неприятельской армии. Такой его патриотический поступок заслуживает признательности и уважения всех истинных сынов России»[18].

Не утратила своего значения агентурная разведка и в период перехода русской армии в контрнаступление. Вот что пишет об этом А.Ермолов, бывший во время войны 1812 г. начальником штаба 1-й, а потом и главной армии:

«Фельдмаршалу докладывал я, что из собранных от окрестных поселян показаний, потвержденных из Смоленска выходящими жителями, граф Остерман доносит, что тому более уже суток, как Наполеон выступил с своей гвардией на Красный. Не могло быть более приятного известия фельдмаршалу ...»[19].

Наряду с агентурной разведкой использовались и играли большую роль опрос пленных и перехват корреспонденции противника. Данные методы ведения разведки применялись постоянно. Так, в период отступления русской армии перед Смоленским сражением таким образом были добыты важные данные. Генерал Ермолов описывает этот случай так:

«Атаман Платов, подкрепленный авангардом графа Палена, встретил при селении Лешне сильный отряд французской конницы, разбил его и преследовал до Рудни. В плен взято: один израненный полковник, несколько офицеров и 500 нижних чинов. Полковник сообщил, что о приближении нашем они не имели известия и на то особенных распоряжений не сделано, равномерно и в других корпусах никаких движений не происходит. Из взятых бумаг в квартире командовавшего генерала Себастиани видно было распоряжение для передовых постов и наставление генералам, кто из них, для которой части войск и с какими силами должен служить подкреплением для сохранения общей связи»[20].

---

[16] Кутузов М.И. Письма, записки. М., 1989. С.376-377.
[17] Вяземский В.В. «Журнал». 1812 г. В кн.: 1812 г. ... Военные дневники. С.210.
[18] Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С.251-252.
[19] Записки А.П.Ермолова. 1798-1826 гг. М., 1991. С.236.
[20] Там же. С.157.

Еще одним примером получения ценной информации при опросе пленных может служить рапорт Кутузова Александру I от 29 августа, написанный после Бородинского сражения. В нем Кутузов на основании сообщенных пленными сведениях делает выводы о потерях французской армии:

«... Пленные показывают, однако же, что неприятельская потеря чрезвычайно велика. Кроме дивизионного генерала Бонами, который взят в плен, есть и другие убитые, между прочим Давуст ранен ...

P.S. Некоторые пленные уверяют, что общее мнение во французской армии, что они потеряли ранеными и убитыми сорок тысяч»[21].

Большую пользу приносил и перехват корреспонденции и документов противника. Так, отряд полковника Кудашева в день Тарутинского боя 5 октября захватил предписание маршала Бертье одному французскому генералу об отправлении всех тяжестей на Можайскую дорогу. Это позволило Кутузову принять правильное решение об отказе от преследования разбитого авангарда неприятеля под командованием Мюрата и сосредоточить основные силы на Калужской дороге, закрыв тем самым путь французам на юг. Еще одной иллюстрацией важности перехвата неприятельской корреспонденции для принятия русским командованием важных решений служит письмо Кутузова командующему 3-й армии адмиралу П.Чичагову от 30 октября:

«Господин адмирал!

Для большей уверенности посылаю еще раз вашему превосходительству достоверные подробности, подчерпнутые из переписки, вплоть до писем самого Наполеона, — копии с которых я вам уже отослал. Из этих выдержек Вы увидите, господин адмирал, как в действительности ничтожны те средства, коими располагает противник в своем тылу в части продовольствия и обмундирования ...»[22].

По-прежнему важнейшую роль в ходе боевых действий играла войсковая разведка, проводимая с помощью разъездов и партий казаков. Специально останавливаться на этом виде разведки нет необходимости. Думается, что важность его будет видна из донесения Кутузова Александру I от 23 августа:

«... Касательно неприятеля, примерно уже несколько дней, что он стал чрезвычайно осторожен, и когда трогается вперед, то сие, так сказать, ощупью. Вчерашнего дня посланной от меня полковник князь Кудашев заставил с 200 казаков всю конницу Давустова корпуса и короля неаполитанского несколько часов сидеть на лошадях неподвижно. Вчера неприятель ни шагу вперед движения не сделал. Сегодня казачьи наши форпосты от меня в 30-ти верстах дороги наблюдают весьма рачительно ...»[23].

Для ведения разведки и сбора сведений о неприятеле использовались все возможности. Например, во французскую армию посылались парламентеры. Один из них — поручик Михаил Федорович Орлов (впоследствии генерал-майор, будущий декабрист) — вернувшись назад, подробно описал все им виденное. На основании его донесения Кутузов составил следующий рапорт от 19 августа Александру I о численности французской армии:

«Кавалергардского полка поручик Орлов, посланный парламентером до прибытия моего к армиям главнокомандующим 1-ю Западною армиею для узнания о взятом в плен генерал-майоре Тучкове, после 9-ти дневного содержания его у неприятеля донес мне при возвращении вчерашнего числа довольно подробные сведения. При встрече его неприятельским аванпостом по Смоленской дороге у деревни Коровино он застал короля неаполитанского со всею его кавалерией, которую полагает он около 20000. В недалеком от него расстоянии фельдмаршала Давуста корпус, состоящий из 5 дивизий, имянно из дивизии Моран, дивизии Фриан, дивизии Годен, который при сражении у Заболотье ранен и умер, дивизии Дессек и дивизии Компанс, силы которого корпуса полагает он около 50000. Потом за оным в расстоянии 45-ти верст при

[21] Кутузов М.И. Указ. соч. С.338.
[22] Там же. С.403.
[23] Там же. С.320.

деревне Заболотье корпус маршала Нея, составленный из 3-х дивизий, из дивизии Ледрю, дивизии Разу и дивизии виртембергских войск, состоящих под командую виртембергского принца наследного. Корпус сей он полагает около 20000.

Потом в Смоленске он нашел императора Наполеона с его гвардией, в силах около 30000 и 5-й корпус, составленный из поляков, около 15000, который корпус составлен из дивизий генерала Зайончека и генерала Князевича, следуемые по дороге, где отступала 2-я Западная армия, по которой он, Орлов, будучи возвращен, не нашел более никого, а слышал только он от французских офицеров, что на левом неприятельском фланге по направлению к Сычевке следуют корпусы фельдмаршала Жюно и Мортье под командою вице-короля итальянского, не более оба как в 30000, что и составило бы 165000.

Но по расспросам, деланным нашими офицерами по квартирмейстерской части от пленных, полагаю я донесение Орлова несколько увеличенным.

Генерал от инфантерии князь Г(оленищев) Кутузов»[24].

Впрочем, рассказ о разведывательных операциях русской армии в 1812 г. не был бы полным без упоминания о сборе сведений о неприятеле при помощи партизанских отрядов, основная задача деятельности которых была сформулирована Кутузовым следующим образом:

«Поелику ныне осеннее время наступает, через что движения большою армией делаются совершенно затруднительными, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отдаю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску»[25].

Армейские партизанские отряды создавались преимущественно из казачьих войск и были неодинаковыми по своей численности: от 50 до 500 человек. Перед ними ставились следующие задачи: уничтожать в тылу противника его живую силу, наносить удары по гарнизонам, подходящим резервам, выводить из строя транспорты, лишать противника продовольствия и фуража, следить за передвижением неприятельских войск и доносить об этом в Главный штаб русской армии. О последнем направлении деятельности партизан известный поэт и командир партизанских отрядов Денис Васильевич Давыдов пишет следующим образом:

«Партизанская война имеет влияние и на главные операции неприятельской армии. Перемещение ее в течение кампании по стратегическим видам долженствует встретить необоримые затруднения, когда первый и каждый шаг ее может быть немедленно быть известен противному полководцу посредством партий (партизанских — Прим. авт.)»[26].

Первым армейским партизанским отрядом был отряд подполковника Д.В.Давыдова, отправленный в тыл французской армии сразу после Бородинского сражения. А после занятия французами Москвы такая практика стала постоянной. Об этом вполне конкретно говорит в своих воспоминаниях генерал А.Ермолов:

«Вскоре по оставлении Москвы докладывал я князю Кутузову, что артиллерии капитан Фигнер предлагал доставить сведения о состоянии французской армии в Москве и буде есть какие чрезвычайные приуготовления в войсках; князь дал полное соизволение ...

Князь Кутузов был весьма доволен первыми успехами партизанских его действий, нашел полезным умножить число партизан, и вторым после Фигнера назначен гвардейской конной артиллерии капитан Сеславин, и после него вскоре гвардии полковник князь Кудашев»[27].

И действительно, командиры партизанских отрядов регулярно информировали главный штаб русской армии о передвижении французских войск и их численности. Так, в одном из донесений Фигнер сообщал дежурному генералу штаба главной армии Коновницыну:

---

[24] Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С.80.

[25] Жилин П.А. Указ. соч. С.245.

[26] Давыдов Д.В. О партизанской войне. В кн.: Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 г.; Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. Л., 1985. С.172.

[27] Записки А.П.Ермолова. С.212.

«Вчера я узнал, что Вы беспокоитесь узнать о силе и движениях неприятеля. Чего ради вчера же был у французов один, а сегодня посещал их вооруженною рукою, после чего опять имел с ними переговоры. О всем случившемся посланный мною к Вам ротмистр Алексеев лучше расскажет, ибо я боюсь расхвастаться»[28].

Важность и необходимость войсковой партизанской разведки наиболее полно проявилась в начале отступления французской армии из Москвы, когда Наполеон принял решение наступать на южные, не затронутые войной губернии России. Эпизод, когда 11 октября Кутузов получил от Сеславина точные данные о движении главных сил французов на Малоярославец, приводится в каждой работе, посвященной войне 1812 г. Пересказывать его нет смысла. Достаточно будет привести выдержку из рапорта Кутузова Александру I о сражении при Малоярославце:

«... Партизан полковник Сеславин действительно открыл движение Наполеона, стремящегося со всеми его силами по сей дороге (Калужской. — Прим. авт.) к Боровску. Сие то побудило меня, не теряя времени, 11-го числа октября пополудни со всею армиею выступить и сделать форсированный фланговый марш к Малоярославцу ...

Сей день есть один из знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собой пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебороднейшие наши провинции»[29].

Еще одним видом деятельности партизанских отрядов стал захват французских курьеров. При этом не только добывались важные сведения разведывательного характера, но самое главное — нарушалось управление в неприятельских войсках. Правда, некоторые французские участники войны 1812 г., в том числе и сам Наполеон, утверждали, что «ни одна эстафета не была перехвачена». Это убедительно опроверг Д.В.Давыдов, приведя большое количество конкретных доказательств обратного. Вот только часть из них:

«В рапорте фельдмаршала к государю императору, от 22-го сентября (4-го октября), сказано: «Сентября 11/23 генерал-майор Дорохов, продолжая действия со своим отрядом, доставил перехваченную им у неприятеля почту в двух запечатанных ящиках, а третий ящик — с ограбленными церковными вещами; 12/24 сентября поймано его отрядом на Можайской дороге два курьера с депешами», и прочее.

В рапорте генерала Винценгероде к государю императору из города Клина, от 3/15 октября, сказано: «На сих днях сим последним полковником (Чернозубовым) взяты два французских курьера, ехавшие из Москвы с депешами».

Фельдмаршал доносит также государю императору, от 1/13 октября, о взятии 24-го сентября (6 октября) курьера близь Вереи подполковником Вадбольским»[30].

Поэтому мы не преувеличим, если скажем, что разведывательные операции партизанских отрядов существенно дополняли обычные войсковые разведывательные операции: агентурную разведку, разведку, проводимую разъездами и партиями казаков, опрос пленных и перехват курьеров. А в некоторых случаях информация, добываемая партизанами, оказывала решающее влияние на принятие оперативных решений (донесение Сеславина 11 октября).

Заканчивая разговор о деятельности молодой российской военной разведки в Отечественной войне 1812 г., отметим, что опыт проведения разведывательных операций русское командование учло и с успехом применяло в заграничных походах русской армии 1813-1814 гг. А опыт ведения партизанской войны, в том числе и разведки, был собран Д.В.Давыдовым в его книге «1812 г.». Что касается влияния данных, получаемых разведкой, на ход военных действий в войне 1812 г., то оно достаточно велико. Если откинуть первоначальный период, когда при составлении плана обороны они были проигнорированы, все последующее время разведывательная информация играла чрезвычайно важную роль в принятии русским командованием всех ответственных оперативных и стратегических решений.

[28] Жилин П.А. Указ. соч. С.248.
[29] Кутузов М.И. Указ. соч. С.364-365.
[30] Давыдов Д.В. 1812 г. Указ. соч. С.27.

После окончания наполеоновских войн и перехода русской армии к штатам мирного времени прошла очередная реорганизация военного министерства. В частности, был создан Главный штаб, в состав которого и вошло военное министерство.

Что касается военной разведки, то Особенная канцелярия при военном министре в 1815 г. была распущена, а ее функции были переданы в первое отделение Управления генерал-квартирмейстера Главного штаба. Однако, по сути, оно являлось обрабатывающим органом военной разведки, который получал сведения в основном от министерства иностранных дел. Впрочем, руководство первого отделения делало попытки командировать за границу и своих офицеров. Так, в русское посольство в Париже направили полковника М.П.Бутурлина, в посольство в Баварии — поручика Вильбоа, нескольких офицеров под прикрытием различных дипломатических миссий отправили в Хиву и Бухару[31].

В 1836 г. после очередной реорганизации в составе военного министерства был образован департамент генерального штаба, состоящий из трех отделений. При этом разведывательные функции возлагались на Второе (военно-ученое) отделение департамента генерального штаба. Однако это отделение по-прежнему занималось только обработкой поступающей из министерства иностранных дел информации[32].

Поражение России в Крымской войне заставило руководство военного министерства обратить самое пристальное внимание на разведку. И уже 10 июля 1856 г. Александр II утвердил первую инструкцию о работе военных агентов. В ней указывалось, что «каждому агенту вменяется в обязанность приобретать наивозможно точные и положительные сведения о нижеследующих предметах:

1) О числе, составе, устройстве и расположении как сухопутных, так и морских сил.

2) О способах правительства к пополнению и умножению вооруженных сил своих и к снабжению войск и флота оружием и другими военными потребностями.

3) О различных передвижениях войск, как приведенных уже в исполнение, так и предполагаемых, стараясь по мере возможности проникнуть в истинную цель сих передвижений.

4) О нынешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах для укрепления берегов и других пунктов.

5) Об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия и других военных потребностей, имеющих влияние на военное искусство.

6) О лагерных сборах войск и о маневрах.

7) О духе войск и образе мыслей офицеров и высших чинов.

8) О состоянии различных частей военного управления, как то: артиллерийского, инженерного, комиссариатского, провиантского со всеми их отраслями.

9) О всех замечательных преобразованиях в войсках и изменениях в воинских уставах, вооружении и обмундировании.

10) О новейших сочинениях, касающихся до военных наук, а также о картах-планах издаваемых, в особенности тех местностей, о которых сведения могут быть нам полезны.

11) О состоянии военно-учебных заведений, в отношении устройства их, методов преподавания наук и господствующего духа в этих заведениях.

12) Об устройстве генерального штаба и о степени познаний офицеров, оный составляющих.

(Статья эта для агента, посылаемого в Турцию, где не устроен еще генеральный штаб, заменена следующим пунктом: «О лицах, составляющих военное управление Турции, степени их познаний, способности каждого и доверенности к нему правительства и подчиненных лиц».)

13) О способах к передвижению войск по железным дорогам, с возможными подробностями о числе войск и времени окончании ими передвижения между данными пунктами.

---

[31] Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 1. С.38-39.

[32] Там же. С.40.

14) Об улучшениях военной администрации вообще для скорейшего исполнения письменных дел и сокращения времени в передаче приказаний.

15) Все означенные сведения собирать с самою строгою осторожностью и осмотрительностью и тщательно избегать всего, что бы могло навлечь на агента малейшее подозрения местного правительства.

16) Каждому агенту состоять в полной зависимости и подчиненности от начальника миссии, при коем находится. Без его разрешения ничего особенного не предпринимать, испрашивать наставлений и руководствоваться ими в точности. Собранные сведения, в особенности кои могут быть в связи с политическими отношениями, прежде отправления их к военному министру предварительно докладывать начальнику миссии и в случае экстренно необходимых расходов испрашивать от него пособия»[33].

Условно сотрудников военной разведки в то время можно разделить на следующие категории: генерал-квартирмейстеры и офицеры генерал-квартирмейстерской части (Генерального штаба) военного министерства, генерал-квартирмейстеры и находящиеся в их распоряжении офицеры военных округов, гласные и негласные военные агенты за рубежом, конфиденты, агенты-ходоки. К последним следует отнести офицеров Генерального штаба, отправляемых с секретной миссией за границу, и лазутчиков, засылаемых в тыл к противнику во время войны. Если же говорить более конкретно, то в 1856 г. за границу были направлены: в Париж — флигель-адъютант полковник П.П.Альбединский, в Лондон — флигель-адъютант полковник Н.П.Игнатьев, в Вену — полковник барон Ф.Ф. фон Торнау, в Константинополь — штабс-капитан Франкини. Одновременно с ними в Италии сбором военных сведений занимался полномочный представитель России в Турине генерал-майор граф Штакельберг (до этого находился в Вене) и представитель России в Неаполе полковник В.Г.Гасфорт[34].

Однако полноценные централизованные органы военной разведки появились в России только в сентябре 1863 г., когда император Александр II в виде опыта на два года утвердил Положение и Штаты Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Разведывательные функции в ГУГШ были возложены на 2-е (азиатское) и 3-е (военно-ученое) отделения, которые подчинялись вице-директору по части Генерального штаба. При этом военно-ученое отделение занималось сбором военной и военно-технической информации об иностранных государствах, руководством военными агентами за границей и военно-учеными экспедициями, направляемыми для сбора сведений в приграничные районы России и прилегающих к ним стран и т.д. Что же касается азиатского отделения, то оно выполняло те же задачи, но в граничащих с Россией странах Азии. По штатам в военно-ученом отделении предусматривалось 14 сотрудников, а в азиатском — 8. Таким образом, впервые с 1815 г. была сделана попытка восстановить военную разведку[35].

Введенная на два года в виде эксперимента новая структура военной разведки в целом себя оправдала. Поэтому в 1865 г. во время очередной реорганизации военного министерства ее сохранили. 3-е отделение переименовали в 7-е военно-ученое отделение Главного штаба, а его руководителем назначили полковника Ф.А.Фельдмана. Сохранилось и 2-е азиатское отделение, получившее название «Азиатская часть». Продолжали свою работу и зарубежные военные агенты военно-ученого отделения, более того, их число увеличилось. Так, в Париже находился флигель-адъютант полковник Витгенштейн, в Вене — генерал-майор барон Торнау, в Берлине — генерал-адъютант граф Н.В.Адлерберг 3-й, во Флоренции — генерал-майор Гасфорт, в Лондоне — полковник Новицкий, в Константинополе — полковник Франкини.

В январе 1867 г. 7-е военно-ученое отделение Главного штаба перешло в состав Совещательного комитета, который был образован для руководства «ученой» и топографической деятельностью. А 30 марта 1867 г. Совещательный комитет преобразовали в

[33] Очерки истории российской внешней разведки. Т.1. С.152-153.
[34] Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 1. С.57.
[35] Там же. С.60-61.

Военно-ученый комитет Главного штаба, в нем на базе 7-го отделения создали канцелярию. Именно канцелярия Военно-ученого комитета вплоть до 1903 г. являлась центральным органом российской военной разведки. Первым ее руководителем стал генерал Н.Обручев, правая рука военного министра Милютина, а после него — генералы Ф.А.Фельдман (с 1881 по 1896 г.), В.У.Соллогуб (с 1896 по 1900 г.) и В.П.Целебровский (с 1900 по 1903 г.). Что касается Азиатской части, то она осталась самостоятельным подразделением Главного Штаба, хотя и была в 1869 г. переименована в Азиатское делопроизводство. Состояло Азиатское производство из заведующего, полковника А.П.Проценко, и его помощника[36].

Серьезным испытанием для российской военной разведки явилась русско-турецкая война 1877-1878 гг. Накануне и во время боевых действий разведка по-прежнему находилась в ведении командиров соединений и частей, начиная с командующего армией. Ее проводили специально подготовленные сотрудники. Перед самым началом русско-турецкой войны общее руководство агентурной разведки в Турции и на Балканах было возложено на полковника Генерального штаба П.Д.Паренсова, офицера «по особым поручениям», признанного специалиста разведывательного дела.

Так как основная тяжесть предстоящих боевых действий должна была лечь на сосредоточенную в Бессарабии мощную группировку российской армии под командованием великого князя Николая Николаевича, ее штаб нуждался в свежих оперативных данных о турецких войсках, расположенных на территории Болгарии и Румынии. Поэтому главнокомандующий лично поставил перед Паренсовым задачу: ехать в Бухарест и организовать сбор сведений о турках.

В середине декабря 1876 г. Паренсов под именем Пауля Паульсона уезжает из Кишинева в Бухарест, где появляется как родственник российского консула барона Стюарта. В короткий срок он наладил необходимые связи, создал активную агентурную сеть и собрал вокруг себя преданных людей из числа местных жителей. Так, наблюдение за перемещениями судов по Дунаю взяли под свой контроль скопческий староста Матюшев и воевода Вельк.

Большую помощь (причем бесплатную) оказал Паренсову болгарский патриот банкир и хлеботорговец Евлогий Георгиев, который имел торговых агентов и склады во многих городах Болгарии, интересовавших русское командование, что давало Паренсову возможность пользоваться готовой и достаточно надежной агентурой. Благодаря Евлогию он приобрел ценного помощника Григория Начовича. Образованный человек, владевший французским, немецким, румынским языками и прилично понимающий русский, он имел большие связи по обе стороны Дуная, был необычайно изобретателен в способах добывания информации. Начович помогал русской разведке как истинный патриот своего отечества — за все время работы он ни разу не принял от русского командования денежного вознаграждения[37].

В течение всей зимы 1876-1877 гг. резидентура полковника Паренсова доставляла исчерпывающие сведения о количестве турецких войск, их передвижениях в придунайской Болгарии, кораблях и минных заграждениях на Дунае, состоянии укреплений, продовольственных запасах. Так, например, русское командование заблаговременно было извещено о прибытии подкрепления из Египета.

С началом боевых действий потребовались новые точные оперативные сведения о неприятеле. Поэтому Паренсов и его ближайшие помощники, в частности полковник Н.Д.Артамонов, стали активно использовать агентов-ходоков. Одним из них стал Константин Николаевич Фаврикодоров, грек по происхождению, который не был новичком в военном деле. Фаврикадоров участвовал в Крымской войне 1853-1856 гг., храбро сражаясь на бастионах Севастополя как волонтер Греческого легиона, и получил награды — Георгиевский крест 4-го класса и серебряную медаль. Внешне похожий на турка, к тому же владевший турецким языком, он идеально подходил для роли разведчика.

---

[36] Там же.

[37] Очерки истории российской внешней разведки. Т.1. С.168.

26 июня 1877 г. полковник Генерального штаба Артамонов посылает Фаврикодорова под именем турецкого подданного Хасана Демершиоглу из города Систова в глубокий разведывательный рейд по тылам турецкой армии — города Видин и Плевну. Оттуда ему следовало отправиться на юго-восток, чтобы выяснить количество турецких войск, сосредоточенных в Румелии, а также в крепостях Шумле и Варне.

Фаврикодоров отлично справился с поставленной перед ним задачей. Он побывал в Плевне, крепости Шумле, Варне, Андрианополе, Филиппополе (Пловдиве), собрал большое количество ценных сведений о турецкой армии и, вернувшись в Главную квартиру русской армии, передал их Артамонову. И это был не единственный рейд отважного разведчика. Впоследствии он еще неоднократно направлялся в тыл турецкой армии и каждый раз добывал чрезвычайно ценные разведывательные сведения.

Итоги работы Паренсова, Артамонова, Фаврикодорова и многих других офицеров русской разведки в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в целом отражены в оценке, данной в 1880 г. управляющим Военно-ученым комитетом, будущим начальником Главного штаба генерал-адъютантом Н.Обручевым: «Никогда данные о турецкой армии не были столь тщательно и подробно разработаны, как перед минувшею войною: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи ...»[38].

Однако, несмотря на столь хвалебное утверждение Обручева, русско-турецкая война вскрыла и ряд недостатков в российской военной разведке, что послужило причиной очередной реорганизации ее центрального аппарата. В декабре 1879 г. утверждается новый штат канцелярии Военно-ученого комитета в составе управляющего делами, пяти старших и девяти младших делопроизводителей с четким разграничением функций каждого из них. Штаты Азиатского делопроизводства в 1886 г. увеличили с двух до пяти человек. А в середине 1890-х годов оно состояло уже из трех делопроизводств. Первые два отвечали за работу азиатских военных округов, а третье занималось непосредственно разведкой за рубежом. Всего же к концу XIX века Россия располагала военными агентами в 18 мировых столицах, а также морскими агентами в десяти странах.

В июле 1900 г. началась очередная реорганизация военной разведки. В составе Главного штаба учреждается генерал-квартирмейстерская часть, в состав которой включили оперативное и статистическое отделения. При этом на статистическое отделение были возложены функции Азиатского делопроизводства, а именно ведение разведки в Китае, Корее, Японии и других азиатских странах. А полгода спустя, в декабре 1900 г., генерал-квартирмейстерской части передали и канцелярию Военно-ученого комитета.

В апреле 1903 г. объявили новые штаты Главного штаба. Согласно им, вместо канцелярии Военно-ученого комитета ведение разведки возлагалось на 7-е (военная статистика иностранных государств) отделение 1-го (Военно-статистического) отдела Управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. Состояло 7-е отделение из начальника, 8 столоначальников и такого же числа их помощников. Практически сразу же негласно внутри 7-го отделения выделяется добывающая часть, получившая название Особое делопроизводство, в котором работало два офицера[39]. Однако в 7-м отделении по-прежнему не были разделены добывающие и обрабатывающие функции разведки и не велась работа по руководству разведкой военных округов. Начальником 7-го отделения в 1903 г. назначили генерала Целебровского, до этого руководившего Военно-ученым комитетом Главного штаба. Он возглавлял военную разведку до 1905 г., когда его сменил генерал Н.С.Ермолов, занимавший этот пост до 1906 г.

Поражение России в войне с Японией вскрыло существенные недостатки в организации военной разведки. Война 1904-1905 гг. наглядно показала необходимость не только непрерывной войсковой разведки в период боевых действий, но и постоянного агентурного

[38] Там же. С.169.

[39] Алексеев М. Военная разведка России. Кн.1. С.84-86.

наблюдения за вероятными противниками, чему, по мнению большинства офицеров-разведчиков, не уделялось должного внимания.

Поэтому военные реформы, которые начали проводить в 1906 г., заставили офицеров-разведчиков приступить к коренной реорганизации своей службы. Осенью 1906 г. в ГУГШ поступили докладные записки нескольких офицеров разведывательного отделения с конкретными предложениями по перестройке деятельности разведорганов. По их мнению, разведкой следовало заниматься штабам приграничных округов под руководством ГУГШ, которое создавало агентурную сеть в важнейших центрах предполагаемых противников, тогда как штабы округов — в приграничных районах прилегающих государств. Еще одним важным звеном в выявлении сил вероятных противников России они считали секретные командировки офицеров Генерального штаба для рекогносцировки путей сообщения и укрепленных районов в приграничной полосе.

В результате в апреле 1906 г. утверждается новая структура ГУГШ. Она впервые официально закрепила разделение добывающей и обрабатывающей функций военной разведки. Добывающие функции были теперь сосредоточены в 5-м (разведывательном) делопроизводстве части 1-го обер-квартирмейстера Управления генерал-квартирмейстера ГУГШ. Оно состояло из одного делопроизводителя и двух его помощников, один из которых отвечал за восточное, а другой — за западное направление разведки. Первым делопроизводителем назначили полковника М.А.Адабаша, а его помощниками — молодых офицеров О.К.Энкеля и П.Ф.Рябикова. А в марте 1908 г. Адабаша сменил полковник Н.А.Монкевиц, руководивший военной разведкой до начала первой мировой войны.

Обрабатывающие функции возложили на части 2-го и 3-го обер-квартирмейстеров: у 2-го — на 2-е, 3-е, 4-е, 5-е и 6-е делопроизводства, а у 3-го — на 1-е, 2-е и 4-е делопроизводства. Сотрудниками этих обрабатывающих делопроизводств стали работники бывшего 7-го отделения.

Впрочем, реорганизации на этом не прекратились, и 11 сентября 1910 г. утверждаются новые штаты Главного управления Генерального штаба. 5-е делопроизводство преобразовали в Особое делопроизводство (разведки и контрразведки) в составе Отдела генерал-квартирмейстера. Подчинялось Особое делопроизводство непосредственно генерал-квартирмейстеру, что говорило о повышении статуса разведслужбы и усилении роли разведки. В его составе была образована журнальная часть для ведения секретной переписки. А всего штат Особого делопроизводства включал в себя делопроизводителя, трех его помощников и журналиста.

Обрабатывающие делопроизводства вошли в состав частей 1-го и 2-го обер-квартирмейстеров. Части 1-го оберквартирмейстера занимались западным направлением: 4-е делопроизводство — Германией, 5-е — Австро-Венгрией, 6-е — Балканскими государствами, 7-е — скандинавскими странами, 8-е — прочими странами Западной Европы. Делопроизводство части 2-го обер-квартирмейстера занималось восточным направлением: 1-е делопроизводство — Туркестанским, 2-е — турецко-персидским, 4-е — Дальневосточным.

Если говорить о личном состава разведки, то в результате преобразований разведывательного делопроизводства в 1909-1910 гг. серьезных изменений в нем не произошло. И хотя начальники ГУГШ, как и раньше, менялись слишком часто — 5 человек за 6 лет: Ф.Ф.Палицын (1906-1908 гг.), В.А.Сухомлинов (1908-1909 гг.), Е.А.Гернгрос (1910 гг.), Я.Г.Жилинский (1911-1914 гг.), Н.Н.Якушкевич (с 1914 г.), однако кадровый состав отделов и делопроизводств практически оставался прежним вплоть до начала Первой мировой войны[40]. Так, в октябре 1910 г. полковник Монкевиц был назначен помощником 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ, а его задачей стало руководство Особым делопроизводством и военно-статистическими производствами части 1-го обер-квартирмейстера, то есть добывающими и

[40] Шелухин А. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX в. (1906-1914 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.8, История. 1996. №3. С.24.

обрабатывающими органами разведки по западным странам. Что же касается руководителей Особого делопроизводства, то ими были полковник О.К.Энкель (в 1913-1914 гг.) и полковник Н.К.Раша (в 1914-1916 гг.)[41].

Рассказывая о конкретных операциях российской военной разведки перед первой мировой войной, нельзя обойти историю, связанную с именем полковника австро-венгерской армии Альфреда Редля. А поскольку те события во многом остаются неясными до сих пор, то на них стоит остановиться более подробно.

26 мая 1913 г. все газеты, выходившие в Австро-Венгерской империи, поместили на своих страницах сообщение Венского телеграфного агентства, извещающее о неожиданном самоубийстве полковника Альфреда Редля, начальника штаба 8-го корпуса австро-венгерской армии. «Высокоталантливый офицер, — говорилось в сообщении, — которому предстояла блестящая карьера, находясь в Вене при исполнении служебных обязанностей, в припадке сумасшествия покончил с собой». Далее сообщалось о предстоящих торжественных похоронах Редля, павшего жертвой нервного истощения, вызванного продолжительной бессоницей. Но уже на следующий день в пражской газете «Прага тагеблатт» появилась заметка следующего содержания:

«Одно высокопоставленное лицо просит нас опровергнуть слухи, распространяемые преимущественно в военных кругах, относительно начальника штаба пражского корпуса полковника Редля, который, как уже сообщалось, покончил жизнь самоубийством в Вене в воскресенье утром. Согласно этим слухам, полковник будто бы обвиняется в том, что передавал одному государству, а именно России, военные секреты. На самом же деле комиссия высших офицеров, приехавшая в Прагу для того, чтобы произвести обыск в доме покойного полковника, преследовала совсем другую цель»[42].

В условиях строжайшей цензуры, действовавшей тогда в Австро-Венгрии, для редактора «Прага тагеблатт» это был единственный способ сообщить своим читателям о том, что полковник Редль на самом деле застрелился после того, как его разоблачили как русского агента. До публикации в пражской газете о предательстве полковника Редля знали всего 10 высших австрийских офицеров. Даже император Франц Иосиф не был поставлен в известность. Но после 27 мая эта тайна стала известна всему миру.

Альфред Редль, безусловно один из способнейших разведчиков, родился в Лемберге (Львове) в семье аудитора гарнизонного суда. Выбрав для себя военную карьеру, он в 15 лет поступил в кадетский корпус, а потом в офицерское училище, которое закончил блестяще. Превосходное знание им иностранных языков привлекло к молодому лейтенанту внимание кадровиков Генерального штаба австро-венгерской армии, и Редль вместо службы в провинциальных частях был зачислен в штат этого высшего военного органа страны. Попав в столь престижное место, Редль делал все возможное, чтобы на него обратили внимание. И это ему удалось, несмотря на царившие в австрийской армии кастовые предрассудки, когда в продвижении по службе отдавали предпочтение исключительно дворянам. В 1900 г. он, уже в чине капитана, был командирован в Россию для изучения русского языка и ознакомления с обстановкой в этой стране, считавшейся одним из вероятных противников. Несколько месяцев Редль проходил стажировку в военном училище в Казани, ведя в свободное время беззаботный образ жизни и посещая многочисленные вечеринки. Само собой разумеется, что все это время за ним велось негласное наблюдение агентами русской контрразведки с целью изучения его сильных и слабых сторон, увлечений и особенностей характера. Позднее сделанные выводы легли в основу следующей характеристики Редля, датируемой 1907 г.:

«Альфред Редль, майор Генштаба, 2-й помощник начальника разведывательного бюро Генерального штаба ... Среднего роста, седоватый блондин, с седоватыми короткими усами, несколько выдающимися скулами, улыбающимися вкрадчивыми глазами. Человек лукавый, замкнутый, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума мелочный. Вся наружность

[41] Алексеев М. Военная разведка России. Т.2. С.23-25.

[42] Вудхол Э. История полковника Редля и других. В кн: С риском для жизни. М., 1991. С.126.

слащавая. Речь сладкая, мягкая, угодливая. Движения рассчитанные, медленные. Любит повеселиться»[43].

Вернувшись в Вену, Редль был назначен помощником начальника разведывательного бюро Генерального штаба генерала барона Гизля фон Гизлингена. Гизль назначил Редля начальником агентурного отдела бюро («Kundschaftsstelle», сокращенно «KS»), отвечавшего за контрразведывательные операции. На этом посту Редль проявил себя как отличный организатор, полностью реорганизовавший отдел контрразведки и превративший его в одну из сильнейших спецслужб австро-венгерской армии. Прежде всего это было связано с введением новой техники и новых приемов работы. Так, по его указанию комнату для приемов посетителей оборудовали только что изобретенным фонографом, что позволяло записывать на граммофонной пластинке, находящейся в соседней комнате, каждое слово приглашенного для беседы человека. Помимо этого в комнате установили две скрытые фотокамеры, с помощью которых посетителя тайно фотографировали. Иногда во время беседы с посетителем вдруг звонил телефон. Но это был ложный звонок — дело в том, что дежурный офицер сам «вызывал» себя к телефону, нажимая ногой расположенную под столом кнопку электрического звонка. «Говоря» по телефону, офицер жестом указывал гостю на портсигар, лежащий на столе, приглашая взять сигарету. Крышка портсигара обрабатывалась специальным составом, с помощью которого отпечатки пальцев курильщика сохранялись. Если же гость не курил, офицер по телефону «вызывал» себя из комнаты, забирая с собой со стола портфель. Под ним находилась папка с грифом «Секретно, не подлежит оглашению». И редко кто из посетителей мог отказать себе в удовольствии заглянуть в папку с подобной надписью. Излишне говорить, что папка также была соответствующим образом обработана для сохранения отпечатков пальцев. Если же и эта хитрость не удавалась, то применялся другой прием, и так до тех пор, пока не достигался успех.

Редлю, кроме того, принадлежала разработка новой методики ведения допроса, которая позволяла достигнуть желаемого результата без применения дополнительных «усилий». Помимо прочего, по его указанию контрразведка стала вести досье на каждого жителя Вены, который хоть раз посещал основные тогда центры шпионажа, такие как Цюрих, Стокгольм, Брюссель. Но главная заслуга Редля состояла в том, что он добывал уникальные секретные документы русской армии. Эти успехи были настолько впечатляющими, что его начальник генерал Гизль фон Гизлинген, назначенный командиром 8-го пражского корпуса, забрал Редля, к тому времени уже полковника, с собой в качестве начальника штаба. Таким образом, карьера Редля круто пошла вверх, и многие стали поговаривать, что он может в будущем занять пост начальника генерального штаба.

Отправляясь к новому месту службы, Редль оставил своему преемнику капитану Максимилиану Ронге написанный от руки в единственном экземпляре документ под названием «Советы по раскрытию шпионажа». Он представлял собой небольшую 40-страничную переплетенную книжечку, где Редль подводил итоги своей работы на посту начальника отдела «KS» и давал некоторые практические советы. Капитан Ронге и новый начальник разведывательного бюро австрийского Генерального штаба Август Урбанский фон Остромиц в полной мере воспользовались советами Редля. С подачи Ронге в 1908 г. был создан так называемый черный кабинет, здесь производилась перлюстрация почтовых отправлений. При этом особое внимание уделялось письмам, поступавшим из приграничных районов Голландии, Франции, Бельгии и России, а также посланным «До востребования». О том, что истинной целью перлюстрации являлась контрразведка, знали только три человека — Ронге, Урбанский и начальник «черного кабинета». Всем остальным говорилось, что столь строгая цензура введена для борьбы с контрабандой. Отдел главного венского почтамта, где выдавались письма до востребования, был соединен электрическим звонком с полицейским участком, находившимся в соседнем здании. И когда подозрительное лицо приходило за письмом, почтовый служащий нажимал кнопку звонка и через пару минут появлялись два сотрудника наружного наблюдения.

[43] Очерки истории российской внешней разведки. Т.1. С.215.

Именно работа «черного кабинета» и положила начало шпионской истории, которую связывают с именем полковника Редля. Первым, кто более или менее подробно рассказал о «деле Редля», стал полковник Вальтер Николаи, накануне первой мировой войны занимавший пост начальника разведывательного отдела германского Генерального штаба. Будучи хоть и косвенным, но участником происходивших тогда в Вене событий, он описывает их в своей книге «Тайные силы», вышедшей в Лейпциге в 1923 г. Его версию уточняет Ронге в книге «Война и индустрия шпионажа» (в русском переводе — «Разведка и контрразведка», М. 1937) и Урбанский в статье «Провал Редля». И хотя все три рассказа не совпадают в мелких подробностях, по ним можно реконструировать ход событий.

В начале марта 1913 г. в Берлин было возвращено письмо, адресованное до востребования в Вену господину Никону Ницетасу. В Берлине его вскрыл немецкий «черный кабинет». В письме находились 6000 крон и записка, где сообщалось о высылке денег и давался адрес некого господина Ларгье в Женеве, которому следовало писать впредь, и еще один адрес в Париже. То, что письмо со столь крупной суммой не было объявлено ценным, вызвало определенные подозрения, их усиливало и то обстоятельство, что его отправили из пограничного с Россией немецкого городка Эйдкунена, а марка на нем наклеена необычным образом. Ознакомившись с содержанием письма, полковник Николаи принял решение переслать его своему австрийскому коллеге Урбанскому, справедливо полагая, что оно связано со шпионской деятельностью на территории Австро-Венгрии. Получив послание от Николаи, Урбанский дал распоряжение вернуть письмо на венский почтамт и установить личность адресата — господина Ницетаса. Но время шло, а таинственный господин Ницетас не приходил за письмом. Более того, в скором времени на его имя пришло еще два письма, в одном из них находились 7 тысяч крон и записка следующего содержания:

«Глубокоуважаемый г. Ницетас. Конечно, вы уже получили мое письмо от с/мая, в котором я извиняюсь за задержку в высылке. К сожалению, я не мог выслать Вам денег раньше. Ныне имею честь, уважаемый г. Ницетас, препроводить Вам при сем 7000 крон, которые я рискну послать вот в этом простом письме. Что касается Ваших предложений, то все они приемлемы. Уважающий Вас И.Дитрих.

P.S. Еще раз прошу Вас писать по следующему адресу: Христиания (Норвегия), Розенборггате, №1, Эльзе Кьернли»[44].

Тем временем австрийская разведка проводила проверку адресов, содержавшихся в первом письме. При этом парижский адрес было решено не проверять, дабы, по выражению Ронге, «не попасть в лапы французской контрразведки». Что же касается швейцарского адреса, то выяснилось, что Ларгье — удалившийся на покой отставной французский капитан, работавший в 1904-1905 гг. на австрийскую разведку. В результате у австрийской контрразведки возникло подозрение, что Ларгье «работает» на разных хозяев. Поэтому на него были собраны компрометирующие материалы, которые анонимно передали властям Швейцарии, после чего Ларгье выслали из страны.

Развязка этого затянувшегося дела наступила в субботу, 24 мая, вечером. Сотрудники контрразведки, дежурившие в полицейском участке около почтамта, получили долгожданный сигнал, означавший, что господин Ницетас пришел за письмами. Несмотря на то, что два сотрудника наружного наблюдения пришли на почтамт через три минуты, получатель письма уже успел уйти. Выбежав на улицу, они увидели удаляющееся такси. Другого такси или извозчика поблизости не оказалось, и создавалось впечатление, что господину Ницетасу удалось улизнуть от слежки. Но на этот раз контрразведчикам повезло — такси, на котором уехал получатель письма, вернулось на стоянку около почтамта. Шофер сообщил, что его клиент, хорошо и модно одетый господин, доехал до кафе «Кайзерхоф», где и вышел. Контразведчики направились туда, а по дороге внимательно осмотрели салон автомобиля. Они обнаружили замшевый футляр от карманного ножика, оставленный последним пассажиром.

[44] Там же. С.218.

У кафе «Кайзерхоф» таинственного пассажира не оказалось, но после опроса водителей такси на стоянке возле кафе было установлено, что один высокий и хорошо одетый господин недавно нанял такси и поехал в отель «Кломзер». В отеле сыщики узнали, что в течение часа в гостиницу вернулись четверо посетителей, в том числе и полковник Редль из Праги, проживающий в люксе №1. Тогда они вручили портье футляр от ножика и попросили его спросить у своих постояльцев — не теряли ли они его? Через некоторое время портье задал этот полковнику Редлю, выходившему из отеля. «О, да, — ответил Редль, — это мой футляр, благодарю вас». Но уже через минуту он вспомнил, что обронил его в такси, когда вскрывал конверты. Его подозрения усилились после того, как он заметил за собой слежку. Пытаясь оторваться, он достал из кармана какие-то бумажки и, мелко разорвав, выбросил на улицу. Но и это не помогло. Несмотря на поздний вечер, одному из сыщиков удалось собрать обрывки и передать их Ронге с сообщением, что таинственным господином Ницетасом оказался полковник Альфред Редль.

Сличение почерка на разорваных бумажках, оказавшихся квитанциями о посылке денег и квитанциями на отправку заказных зарубежных писем в Брюссель, Лозанну и Варшаву по адресам, известным контрразведке как штаб-квартиры иностранных разведслужб, с почерком на бланке, в обязательном порядке заполняемом на почтамте при получении заказной корреспонденции, и почерком документа «Советы по раскрытию шпионажа», составленным Редлем, установило, что все они написаны одним и тем же лицом. Таким образом Ронге к своему ужасу узнал, что его предшественник полковник Редль оказался шпионом.

О своем открытии Ронге немедленно сообщил своему начальнику Урбанскому, который в свою очередь поставил об этом в известность начальника Генерального штаба генерала Конрада фон Гетцендорфа. По его указанию в отель «Кломзер» направилась группа из четырех офицеров во главе с Ронге с предложением Редлю застрелиться, чтобы смыть позорное пятно на мундире. В полночь они поднялись в номер Редля. Он уже ждал их, заканчивая что-то писать.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал он. — Я погубил свою жизнь. Я пишу прощальные письма.

Пришедшие поинтересовались, были ли у него сообщники.

— У меня их не было.

— Мы должны узнать масштабы и продолжительность вашей деятельности.

— Вы найдете все нужные вам доказательства в моем доме в Праге, — ответил Редль и попросил револьвер.

Но никто из офицеров не имел при себе оружия. Тогда один из них вышел на полчаса, после чего вернулся и положил перед Редлем браунинг. Затем, немного замешкавшись, офицеры покинули номер. Проведя всю ночь в кафе напротив, они около пяти часов утра вернулись в отель и попросили швейцара позвать Редля к телефону. Буквально через минуту швейцар вернулся и сказал: «Господа, полковник Редль мертв». При осмотре номера на столе нашли два письма: одно на имя брата Редля, а второе барону Гизлю фон Гизленгену, начальнику Редля в Праге. Там же лежала посмертная записка:

«Легкомыслие и страсти погубили меня. Молитесь за меня. За свои грехи я расплачиваюсь жизнью. Альфред.

1 час 15 м. Сейчас я умру. Пожалуйста, не делайте вскрытия моего тела. Молитесь за меня»[45].

После того как начальнику Генерального штаба доложили о самоубийстве полковника Редля, он распорядился отправить в Прагу комиссию, чтобы обследовать его квартиру и установить размеры нанесенного им ущерба. Результаты обследования оказались сногшибательными. Было обнаружено большое количество документов, подтверждающих, что Редль в течение многих лет работал на русскую разведку (как впоследствии утверждалось — с 1902 г.). Услуги Редля очень хорошо оплачивались. Его квартира оказалась роскошно

[45] Вудхол Э. Указ. соч. С.135-136.

обставленной, в ней описали 195 верхних рубашек, 10 военных шинелей на меху, 400 лайковых перчаток, 10 пар лакированных ботинок, а в винном погребе обнаружили 160 дюжин бутылок шампанского самых высших марок. Кроме того, было установлено, что в 1910 г. он купил дорогое поместье, а за последние пять лет приобрел, по меньшей мере, четыре автомобиля и трех первоклассных рысаков.

Как уже говорилось, истинные причины самоубийства полковника Редля решили сохранить в тайне. Но, как утверждает Ронге, случилась непредвиденная утечка информации. Дело в том, что для вскрытия сейфа и замков шкафов, находящихся в квартире Редля, пригласили лучшего слесарь Праги некоего Вагнера. Он не только присутствовал при обыске, но и видел большое количество бумаг, часть которых была на русском языке. Но на беду австрийской контрразведки Вагнер оказался ведущим игроком пражской футбольной команды «Шторм 1», а из-за обыска в квартире Редля ему пришлось пропустить матч, который его команда проиграла. Когда на следующий день капитан команды, он же редактор пражской газеты «Прага тагеблатт», стал интересоваться причинами отсутствия Вагнера на игре, тот ответил, что не мог прийти ввиду чрезвычайных обстоятельств. При этом он подробно рассказал обо всем увиденном на квартире Редля, упомянув о том, что офицеры, производившие обыск, были очень сконфужены и постоянно восклицали: «Кто бы мог подумать!», «Неужели это возможно!». Редактор, сопоставив сообщение Венского телеграфного агентства о самоубийстве Редля и факты, сообщенные ему Вагнером, понял, что открыл сенсационную тайну. И, воспользовавшись эзоповским языком, он на следующий день поместил в газете заметку-опровержение, из которой следовало, что Редль был русским шпионом.

Такова общепринятая версия «дела Редля», изложенная основными участниками событий. Но при внимательном рассмотрении она вовсе не выглядит убедительной. Прежде всего это касается доказательств шпионской деятельности Редля, найденных в его пражской квартире. Описывая результаты обыска Ронге сообщает, что Урбанский обнаружил в квартире Редля «обширный материал», занимавший целую комнату. Сам Урбанский пишет, что у Редля сохранились многочисленные неудачные снимки с секретных документов, свидетельствующие о его неопытности в фотографии. Кроме того, оба сообщают о том, что вещи покойного Редля были проданы с аукциона и некий ученик реального училища купил фотоаппарат, где осталась непроявленная фотопленка, на которой были засняты секретные документы. И это все.

Если принять сказанное на веру, то создается впечатление, что обыск проводили дилетанты, ничего не смыслящие в порученном им деле. Иначе казус с фотопленкой невозможно объяснить. Более того, никто никогда не называл ни одного конкретного документа, обнаруженного в квартире Редля, что тоже довольно странно.

Также странно, что ни Урбанский, ни Ронге не приводят фотокопию письма, пришедшего на венский почтамт на имя Ницетаса, со швейцарским адресом французского капитана Ларгье, которого действительно арестовали в Женеве по подозрению в шпионаже. Поэтому закрадывается законное подозрение — существовало ли вообще это письмо? А если оно и существовало, то непонятно, почему профессиональный контрразведчик Редль так надолго затянул получение вознаграждения, увеличивая тем самым риск быть разоблаченным.

Не менее странным выглядит и то, что Редль хранил при себе квитанции на отправку за границу заказных писем и, что совсем непонятно, почему он взял их с собой в Вену. А тот факт, что он выбросил их на улице, когда за ним ведут наблюдение, а не уничтожил в другом месте, вовсе не укладывается в голове. Еще более удивляет ловкость сотрудников наружного наблюдения, умудрившихся вечером в полной темноте собрать разорванные и специально разбросанные клочки бумаги.

Но что поражает больше всего, так это описание допроса Редля в отеле «Кломзер». Быстрота и поверхностность допроса поразительна. Совершенно непонятно, почему такой профессионал, как Ронге, удовлетворился ничего не значащими словами Редля о том, что он работал в одиночку, и не попытался установить важные детали: кто завербовал, когда, как передавались донесения и т.д. Также непонятны причины, по которым Редлю предложили

немедленно покончить с собой. Правда, позднее, видимо, понимая, что приведенных доказательств вины Редля явно недостаточно, Ронге поведал о добровольном признании шпиона. «Редль был совсем разбит, но согласился дать свои показания мне одному, — пишет Ронге. — Он сказал, что в течение 1910-1911 гг. широко обслуживал некоторые иностранные государства. В последнее время ему пришлось ограничиться лишь материалом, доступным пражскому корпусному командованию ... Самым тяжелым преступлением была выдача плана нашего развертывания против России в том виде, в каком он существовал в упомянутые годы и каким в общих чертах оставался в силе ...». А Урбанский, пытаясь объяснить причины, толкнувшие Редля на предательство, делает упор на его гомосексуальные наклонности. Они, став известными иностранной разведки, позволили ей завербовать полковника под угрозой разоблачения.

Еще одна странность связана со слесарем Вагнером, оказавшимся близко знакомым с редактором газеты «Прага тагеблатт». Неужели в пражском отделении контрразведки не оказалось абсолютно надежного слесаря, умеющего держать язык за зубами? А даже если дело и обстояло таким образом, то ничто не мешало поступить с Вагнером так, как поступил начальник полиции Вены Гайер с лакеем Редля И.Сладеком. Когда последний обратил внимание начальника полиции на то, что браунинг, из которого застрелился Редль, не принадлежал его хозяину, а ночью в номер приходили четверо офицеров, Гайер провел с ним столь внушительную беседу, что на другой день репортеры не смогли выудить из Сладека ни слова.

Из сказанного можно сделать вывод, что в деле полковника Редля нет серьезных улик, доказывающих его измену. И сразу возникает вопрос: был ли Редль агентом русской разведки? Чтобы попытаться ответить на него, следует ознакомиться с организацией русской военной разведки и ее сотрудниками, работавшими против Австро-Венгрии перед первой мировой войной.

Разведка против Австро-Венгрии велась как ГУГШ, так разведотделениями штабов Варшавского и Киевского военных округов. А военным агентом в Вене до 1903 г. был полковник Владимир Христофорович Рооп. Именно он завербовал некого офицера, занимающего ответственную должность в австрийском Генштабе, в дальнейшем поставлявшего ценную информацию русской разведке.

В 1903 г., будучи отозванным из Вены и назначенным командиром полка Киевского военного округа, Рооп передал все свои венские связи капитану Александру Алексеевичу Самойло, бывшему в то время старшим адъютантом штаба Киевского военного округа и отвечавшему за сбор разведывательных данных об австро-венгерской армии. Воспользовавшись сведениями Роопа, Самойло нелегально побывал в Вене и через посредника установил контакт с его источником в Генштабе. Тот согласился продолжить сотрудничество с русской разведкой за солидное вознаграждение и в течение нескольких лет штаб Киевского округа получал от своего неизвестного агента важные сведения. Вот, например, выдержка из рапорта генерал-квартирмейстера округа в ГУГШ, датированного ноябрем 1908 г.:

«За последний год от упоминаемого выше венского агента были приобретены следующие документы и сведения: новые данные о мобилизации австрийских укрепленных пунктов, некоторые подробные сведения об устройстве вооруженных сил Австро-Венгрии, сведения о прикомандированном к штабу Варшавского военного округа П.Григорьеве, предложившем в Вену и Берлин свои услуги в качестве шпиона, полное расписание австрийской армии на случай войны с Россией ...»[46].

В 1911 г. Самойло перевели в Особое делопроизводство ГУГШ, и туда же передали ценного австрийского агента. В «Записке о деятельности штабов Варшавского и Киевского военных округов и негласных агентов в Австро-Венгрии по сбору разведывательных сведений в 1913 г.», составленной Самойло, этот агент проходит в рубрике «Негласные агенты» под №25. Там же перечислены секретные документы, полученные от этого агента в 1913 г.:

[46] Алексеев М. Агент №25 // Совершенно секретно. 1993. №8. С.21.

«Krieg ordre Bataille» (план боевого развертывания на случай войны) к 1 марта 1913 г. с особым «Ordre de Bataille» (план боевого развертывания) для войны с Балканами, мобилизация укрепленных пунктов, инструкция об этапной службе, положение об охране железных дорог при мобилизации, новые штаты военного времени ...». В этой же «Записке» Самойло, подводя итоги деятельности агента №25,пишет: «Дело Редля указывает, что этим агентом и был Редль, однако это отрицает генерал Рооп, которым агент первоначально и был завербован»[47].

Из этого следует, что в Вене был обвинен в шпионаже и покончил с собой посторонний для русской разведки человек. Это подтверждает и тот факт, что перед самой войной в 1914 г. Самойло вновь ездил на свидание с агентом №25 в Берн и получил от него интересующие русскую разведку сведения, хотя так и не узнал имени своего информатора. Следовательно, можно утверждать, что Редль не был русским агентом, так как информация от источника в Вене продолжала поступать и после самоубийства полковника.

Соответственно, возникает вопрос: почему же в предательстве обвинили Редля? Этому можно предложить следующее объяснение. В начале 1913 г. в австрийскую контрразведку поступили сведения о наличии в Генштабе тайного агента, передающего русским секретные материалы. Однако поиски шпиона не дали результатов, что грозило большими неприятностями для руководства спецслужб австрийской армии. В конце концов Урбанский и Ронге решили сделать «козлом отпущения» Редля, тем более, что руководству контрразведки было известно о его гомосексуальных наклонностях. Это обстоятельство делало его уязвимым для шантажа и могло послужить объяснением причин «предательства». Контрразведка быстро организовала «улики» и таким образом вынудила Редля пойти на самоубийство. (Также возможно, что его вообще просто убили.) Это являлось необходимым условием «разоблачения» шпиона, поскольку ни о каком суде или следствии не могло быть и речи. После смерти Редля информация о его «шпионской деятельности» была быстро и аккуратно подсунута журналистам через слесаря-футболиста Вагнера. В дальнейшем миф о предательстве Редля старательно поддерживался на плаву усилиями Урбанского и Ронге, вовсе не заинтересованных в том, чтобы правда об этом деле стала известна.

Но, как известно, показные процессы никогда не приносят пользы. Так произошло и в случае с Редлем. Убив его, австрийская контрразведка не лишила Россию подлинного источника информации, тем самым проиграв тайную войну.

Начавшаяся в августе 1914 г. первая мировая война стала серьезным испытанием для русской военной разведки. Главной ее задачей явилось вскрытие военных планов противника, выявление группировок его войск и направлений главного удара. Так, о действиях разведки в период наступления русских войск в Восточной Пруссии в августе 1914 г. можно судить по следующему донесению генерал-квартирмейстера 1-й армии:

«К началу отчетного года район обслуживался агентурной сетью из 15 человек негласных агентов, из которых трое находились в Кенигсберге, остальные — в Тильзите, Гумбинене, Эйдкунене, Инстербурге, Данциге, Штеттине, Алленштейне, Гольдапе, и Кибартах. Планировалось насадить еще трех агентов в Шнейдемюле, Дейч-Эйлау и Торне. Для содержания сети и ее усиления ГУГШ был утвержден отпуск на расходы 30000 рублей в год.

В течение отчетного года агентурная сеть подверглась серьезным изменениям, главной причиной которых — перемена дислокации. В настоящее время на службе состоят 53 агента, из них 41 — на местах, остальные высылаются с новыми задачами»[48]. А старший адъютант разведотдела штаба 2-й армии полковник Генштаба Лебедев в рапорте от 22 августа 1914 г. указывал, что с начала войны в тыл противника для выполнения различных задач было направлено 60 агентов[49].

[47] Там же. С.21.
[48] Аптекарь П. Агенты и резиденты // Родина. 1993. №8-9. С.40-41.
[49] Там же. С.40.

Однако во время наступления 1-й и 2-й армий донесения разведки во внимание не принимались. Более того, в штабе Северо-Западного фронта разведданные о возможности нанесения тремя немецкими корпусами флангового удара сочли плодом чрезмерно развитого воображения разведчиков. В результате передовые части 2-й армии генерала Самсонова были 28-30 августа окружены и уничтожены.

В 1915 г., когда между русскими и немецкими войсками установилась сплошная линия фронта, возможности агентурной разведки сократились. А отсутствие централизованного управления разведывательными операциями еще больше затрудняло получение объективной и точной информации. В связи с этим в апреле 1915 г. генерал-квартирмейстер Ставки Главнокомандующего генерал-лейтенат М.С.Пустовойтенко направил генерал-квартирмейстерам фронтов и армий следующую телеграмму:

«С самого начала штабы армий и фронтов ведут негласную разведку за границей совершенно самостоятельно, посылая своих агентов в разные города нейтральных стран, не оповещая ни высшие штабы, ни друг друга взаимно. Вследствие этого в Бухаресте, Стокгольме и Копенгагене сосредоточилось большое количество агентов, работающих независимо и без всякой связи. Агенты эти стараются дискредитировать друг друга в глазах соответствующего начальства, иногда состоя на службе сразу в нескольких штабах, что часто приводит к нежелательным последствиям. Ввиду изложенного обращаюсь в Вашему Превосходительству с просьбой: не признаете ли Вы возможным и полезным сообщить мне совершенно доверительно о всех негласных агентах штаба фронта (армии), находящихся за границей как с начала войны, так и вновь командируемых»[50].

Однако, как правило, генерал-квартирмейстеры фронтов и армий отказывались передавать свою агентуру ГУГШ, и до конца войны единого руководства агентурной разведкой наладить так и не удалось. Тем не менее российская военная разведка продолжала активную работу, добиваясь порой значительных успехов.

Успешно действовал в Париже руководитель Русской секции Межсоюзнического бюро (МСБ) при военном министерстве Франции полковник граф Павел Алексеевич Игнатьев (1878-1931), брат знаменитого Алексея Игнатьева, военного атташе в Париже, автора воспоминаний "50 лет в строю". Павел Игнатьев окончил Киевский лицей и Петербургский университет, служил в лейб-гвардии гусарском полку, затем окончил Академию Генштаба, с начала войны с Германией во главе эскадрона гвардейского гусарского полка воевал в Восточной Пруссии, с декабря 1915 г. служил в Париже в Русском военном бюро (аппарате военного атташе) под именем капитана Истомина. Русскую секцию МСБ П.А.Игнатьев возглавлял с января 1917 по январь 1918 г., когда она была ликвидирована французскими военными властями. Он занимался созданием агентурного аппарата, несмотря на отсутствие поддержки в Генштабе. Он также оказывал помощь солдатам Русского экспедиционного корпуса во Франции после его роспуска в 1918 г. Умер П.А.Игнатьев в Париже в эмиграции. В 1933 г. в Париже вышли его мемуары, русский перевод которых переиздан в 1999 г. в Москве под названием "Моя миссия в Париже"[51].

Многие военные агенты в нейтральных странах выполняли свои обязанности вплоть до весны 1918 г. — до тех пор, пока у большинства русских дипломатических миссий не были исчерпаны средства на содержание сотрудников.

Впоследствии Н.Ф.Рябиков дал такую оценку русской военной разведке этого периода : "Надо сознаться, что постановка разведывательного дела в России не носила в достаточной степени государственного характера, не чувствовалось в этой отрасли службы достаточного определенного идейного руководства правительством, а налицо была лишь скромная

[50] Там же. С.41.

[51] Игнатьев П.А. Моя миссия в Париже. М.,1999. Малеванный В. Парижские тайны русской разведки./Независимое военное обозрение. 1999. № 45.

ведомственная работа, сплошь и рядом преследовавшая свои узкие цели и задачи, иногда противоположные в разных ведомствах"[52].

В октябре 1917 г. перед сотрудниками русской разведки встал вопрос: с кем идти дальше? Каждый из них сделал свой выбор. А для российской военной разведки начинался новый период, продолжавшийся более 70 лет и принесший ей как славу побед, так и горечь поражений.

[52] *ГАРФ. Ф.5793. Оп.2. Д.40.*

Рождение советской военной разведки

(1917-1921 гг.)

Захватив власть в результате октябрьского, 1917 г., переворота большевики столкнулись со многими трудностями, в том числе и с развалом армии. К концу 1917 г. разложение царской армии приняло лавинообразный характер. Солдаты с фронта дезертировали целыми подразделениями, буквально понимая выдвинутый большевиками лозунг «Долой войну!»

Сначала Ленин и его соратники шли на поводу у населения России, уставшего от кровопролитной войны. Но в то же время они понимали, что для удержания власти им необходимо сохранить в своих руках многие рычаги управления страной и особенно вооруженными силами. Поэтому, реорганизуя руководящие органы старой армии, они оставили в составе преемника военного министерства — Народного комиссариата по военным делам — Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). Последний же включал Отдел 2-го генерал-квартирмейстера, являвшийся центральным органом разведки и контрразведки вооруженных сил России. Так что созданная к концу 1918 г. советская военная разведка в полной мере может считаться правопреемницей органов дореволюционной армейской разведки.

Приступая к рассказу об организации первых структур советской военной разведки, необходимо отметить, что до самого последнего времени практически не было работ, посвященных данной теме. И лишь совсем недавно увидели свет публикации Михаила Алексеевича Алексеева и Валерия Яковлевича Кочика, в которых период создания советской военной разведки получил наконец должное освещение. Поэтому тем, кто заинтересуется этим временем и захочет узнать о нем более подробно, рекомендуем обратиться к публикациям данных авторов.

После Октябрьской революции сотрудники ГУГШ были поставлены перед выбором: бастовать по примеру служащих других учреждений или продолжать работать, сохранив военный аппарат. Общее собрание служащих ГУГШ, большинство из которых составляли проэсеровски настроенные писари, постановило: «работу продолжать и всем начальникам оставаться на местах». Однако не все начальники этого хотели. Возглавлявший ГУГШ генерал В.В.Марушевский отказался сотрудничать с новой властью. Тогда во главе ГУГШ стал генерал-квартирмейстер Николай Михайлович Потапов, о котором следует сказать несколько слов особо, поскольку в плеяде профессионалов царской разведки, перешедших на сторону большевиков, ему, без сомнения, принадлежит первое место.

Николай Михайлович Потапов родился в 1871 г. в Москве в семье чиновника. В 1888 г. он окончил кадетский корпус, в 1891 артиллерийское училище, а в 1897 г. — Академию Генерального штаба. В 1901-1903 гг. он находился в Австро-Венгрии в качестве помощника военного атташе, а затем до 1915 г. был одним из организаторов и главным инструктором черногорской армии. В 1915-1917 гг. Потапов служит в Главном управлении Генерального штаба на должности генерал-квартирмейстера. Опытнейший разведчик царской армии, он пользовался в Генштабе заслуженным авторитетом, и поэтому его решение сотрудничать с Советской властью повлияло и на выбор многих его младших коллег. Правда, по некоторым данным, он уже с июля 1917 г. сотрудничал с Военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б), и если это соответствовало действительности, то данное его решение выглядит вполне естественным.

В ноябре 1917 — мае 1918 г. Потапов занимал должность начальника Главного управления Генштаба, одновременно являясь помощником управляющего Военным министерством и управляющим делами Наркомвоена. В июне 1918 г. он становится членом Высшего военного совета, а с июля 1919 г. — председателем Военного законодательного совета при РВСР. Позднее, в 1920-е гг. он был одной из ключевых фигур в проводимой ОГПУ знаменитой операции «Трест».

Вскоре после того как начальником ГУГШ стал Потапов, там появился и комиссар, тоже бывший кадровый офицер. Впрочем, человек он был тихий и скромный, крайне молчаливый, стеснявшийся своего нового высокого положения. К генералам он обращался исключительно «господин генерал». Все его функции сводились к тому, чтобы ставить печати на документы.

Надо отметить, что ни в разведотделе, ни в шифровальном отделе, возглавляемом полковником Юдиным, никто из большевиков так и не появился.

Накануне Октябрьской революции должность руководителя Отдела генерал-квартирмейстера (с декабря 1917 г. — Отдела 2-го генерал-квартирмейстера), непосредственно возглавлявшего разведку, занимал Петр Федорович Рябиков. После переворота он так и оставался на этом посту. Большевики не трогали военную разведку, в отличие от военной контрразведки, которую они сразу же разогнали, так как последняя была замешана в развернувшейся летом 1917 г. кампании по обвинению большевиков в шпионаже в пользу Германии.

Первым делом П.Ф.Рябиков отправил телеграммы всем военным атташе с призывом продолжить работу. Поступившие ответы в большинстве своем были отрицательными — военные атташе не желали сотрудничать с советской властью. Рябиков скрыл ответы от комиссара и продолжал руководить разведкой. По-прежнему обрабатывались сводки и телеграммы с фронтов и от сохранивших верность своей родине части военных атташе, поддерживались отношения с союзниками и т.п. Как писал сам Рябиков в своих мемуарах, «раз заведенная машина продолжала катиться, но, правда, с уже меньшей скоростью».

Однако по мере того как становилось понятно, что новая власть утвердилась всерьез и надолго, среди сотрудников разведки началось политическое расслоение. Так, правая рука Рябикова — полковник Андрей Васильевич Станиславский фактически перешел на службу во французскую разведку, за что позднее получил орден Почетного легиона. В то же время среди рядовых сотрудников нашелся некий зауряд-чиновник, который выкрал телеграммы военных атташе из шифровальной части и передал их большевикам. В результате этого инцидента новое правительство приняло решение об отзыве ряда военных атташе — из Швеции, Дании, Англии, Италии и Японии. Большевики хотели назначить на эти посты своих людей, но генерал Потапов отговорил их, и были назначены «опытные» представители ГУГШ. Естественно, все они пошли по пути своих предшественников и вскоре изменили Советской власти.

Не лучше обстояли дела и с агентурной разведкой, оставшейся в наследство от старой русской армии. Она тоже разваливалась на глазах. В первую очередь рассыпалась агентурная разведка штабов фронтов и армий в связи с демобилизацией вооруженных сил и полным развалом полевых штабов всех степеней. Кризис же зарубежной агентурной разведки стал необратимым с конца декабря 1917 г., когда ГУГШ прекратило высылать деньги за границу. Это привело к тому, что зарубежная агентурная сеть начала разваливаться, негласные агенты стали разрывать свое сотрудничество с русской военной разведкой и часто по материальным соображениям переходили на службу к бывшим союзникам России[53]. Важную роль здесь сыграло, безусловно, неприятие Советской власти большинством военных агентов — основного звена по организации негласной агентурной сети. Однако остатки зарубежной агентурной разведки сохранились до февраля 1918 г. Так, еще в январе 1918 г. военный агент Генерального штаба в Берне генерал-майор Головань продолжал сообщать в Центр о крупномасштабных перебросках германских войск с Восточного фронта на Западный. Изредка, но приходили информационные телеграммы от военного агента в Стокгольме. Разведывательные же сводки от союзников — французской военной миссии в Москве — поступали до конца июля 1918 г.

О положении в низовых структурах войсковой разведки того времени можно судить по свидетельству выпускника Академии Генерального штаба (АГШ), штабс-капитана, начальника штаба дивизии Василия Михайловича Цейтлина. В 1918-1919 гг. он руководил Разведотделом штаба Московского военного округа, был консультантом Региструпра РВСР, а затем служил на различных должностях в войсках связи. В своей книге «Разведывательная работа штабов», изданной в 1923 г. в Смоленске, он пишет:

«После октябрьского переворота деятельность штабов вообще замерла, в том числе и разведывательная служба. После подписания Брестского мира, благодаря ликвидации всех

[53] Алексеев М. Как создавалось ГРУ // Секретное досье. СПб, 1998. №2. С.38.

штабов, разведывательная служба прекратилась совершенно, и хотя всевозможные партизанские отряды и вели разведку, но ее никто не объединял и сведения пропадали»[54].

Таковым в общих чертах было положение русской военной разведки к февралю 1918 г., когда перед страной в полный рост встала угроза долгой и кровопролитной гражданской войны.

Разворачивающаяся в начале 1918 г. полномасштабная гражданская война потребовала от большевистского руководства наличия регулярной армии. А регулярная армия, как известно, требует централизованного командования. Поэтому для руководства боевыми действиями в марте 1918 г. советским правительством создается Высший военный совет (ВВС)[55]. Он создается как орган стратегического руководства вооруженными силами для организации обороны государства и формирования кадровой Красной Армии. Первоначально ВВС состоял из военного руководителя — им являлся бывший царский генерал знаменитый М.Д.Бонч-Бруевич — и двух политических комиссаров — К.И.Шутко и П.П.Прошьяна. Управление ВВС формировалось из личного состава бывшей Ставки верховного главнокомандующего на добровольных началах. По штату, утвержденному 17 марта 1918 г., в управление ВВС входили: военный руководитель, его помощник, генерал-квартирмейстер с несколькими помощниками по оперативной части и разведке, начальники связи, военных сообщений, полевой инспектор артиллерии и другие.

19 марта 1918 г. постановлением Совнаркома вводятся следующие должности: председателя ВВС (им стал нарком по военным делам Лев Троцкий), членов Совета и двух их заместителей. Среди членов Совета был и упоминавшийся выше генерал Н.М.Потапов.

В мае того же года при ВВС создаются оперативное и организационное управления. В июне ВВС был преобразован. В его управление вошли: военный руководитель — им по-прежнему оставался Бонч-Бруевич, начальник штаба и штаб ВВС. Руководящие должности в аппарате ВВС занимали бывшие офицеры Главного управления Генерального штаба, в том числе и кадровые русские разведчики. Так, заместителем одного из военных руководителей назначили бывшего генерал-майора Генерального штаба талантливого русского разведчика Александра Александровича Самойло. Помощником начальника Оперативного управления Высшего военного совета по разведке были сначала полковник Генштаба Александр Николаевич Ковалевский (апрель-май 1918 г.), а затем полковник Генштаба, знаменитый впоследствии Борис Михайлович Шапошников (май-сентябрь 1918 г.), одновременно являвшийся и начальником Разведотделения[56].

Интересна дальнейшая судьба обоих полковников. Ковалевский вскоре переберется на Юг, где возглавит мобилизационное управление штаба Северо-Кавказского военного округа. Здесь его вместе с генералом Носовичем арестует Сталин, однако по настоянию Льва Троцкого их освободят и Ковалевского назначат начальником оперативно-разведывательного отдела штаба Южного фронта. После бегства Носовича к белым Ковалевского вновь арестуют и расстреляют.

В отличие от своего предшественника, полковник Шапошников честно служил Советской власти. Позднее он возглавит Генштаб РККА и станет Маршалом Советского Союза.

На первых порах ВВС организовывал разведку на базе партизанского движения. В рамках Высшего военного совета существовал штаб партизанских формирований и отрядов, включавший в себя и разведывательный отдел. Задачей отдела была организация широкомасштабной разведки в оккупированных областях и в прифронтовой полосе, подготовка тайной агентуры на случай дальнейшего продвижения немецких и австро-венгерских войск вглубь России. В качестве агентуры предполагалось использовать жителей оккупированной полосы и партизан, причем агентов следовало вербовать только из «элементов, социально близких советской власти».

---

[54] Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Свободная мысль. М., 1998. №5. С.96.

[55] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М, 1987. С.137.

[56] Кочик В. Указ. соч. С.96.

Как вспоминал в уже цитировавшейся книге В.М.Цейтлин, этот штаб «объединял действия всех отдельных отрядов, затем постепенно выросли западная и северная завесы, составлявшие как бы подвижный партизанский фронт мелких отрядов, оборонявших важнейшие направления, железнодорожные и другие пути сообщения, узлы железных дорог и т.д. Появились штабы западной и северной завесы, штабы отдельных отрядов и районов. В штабах появились разведывательные отделения, начали поступать сведения, появляются первые схемы и сводки».

Постепенно стали создаваться и разведывательные отделы при штабах военных округов. В мае 1918 г. на базе оперативного отдела штаба Московского военного округа возник еще один центральный разведывательный орган — Оперативный отдел Народного Комиссариата по военным делам (Оперод Наркомвоена). Он объединял всю агентурную и войсковую разведку на территории Советской России, а также выполнял специальные задания Совнаркома. Его начальником был назначен Семен Иванович Аралов. Разведкой в Опероде руководил Борис Иннокентьевич Кузнецов (1889-1957), в последующие годы служивший на штабных должностях в РККА (с 1940 г. — генерал-майор). Вот что писал в своих воспоминаниях С.И.Аралов про деятельность Оперода в то время:

«Организационное и разведывательное отделение оперода возглавлял молодой генштабист Б.И.Кузнецов, окончивший Николаевскую военную академию в 1916 или 1917 г. Когда отделение разрослось и его функции расширились, Кузнецов занялся исключительно вопросами военной разведки. Комиссаром отделения был член партии Макс Тракман. Здесь же работала в качестве секретаря Р.А.Крюгер.

В.И.Ленин придавал разведке первостепенное значение. Он требовал обязательной присылки ему газет, приказов и другого печатного материала из вражеского тыла, советовал подробно расспрашивать пленных, предоставлять им возможность встречаться с красноармейцами и крестьянами, чтобы те узнавали от них о зверствах белых генералов и помещиков. Владимир Ильич поручал добывать материалы о снабжении армий противника военной техникой, боеприпасами, обмундированием и продовольствием, о моральном состоянии солдат, политическом настроении населения района военных действий.

Всем этим и занимался аппарат отделения Б.И.Кузнецова. Сам Кузнецов всю свою жизнь посвятил военному делу. Встретил я его последний раз после Великой Отечественной войны в звании генерал-майора»[57].

К сказанному остается лишь добавить, что и третий центральный орган советской разведки — Оперод, как, впрочем, и разведчасть ВВС, не вел серьезной агентурной работы, ограничиваясь лишь решением оперативных и тактических задач. Однако он был наиболее лоялен к новой власти, его сотрудники, молодые генштабисты выпуска 1917 г., по своему социальному происхождению являлись выходцами из той же среды разночинной интеллигенции, откуда вышло и большинство руководителей партии большевиков (а также и меньшевиков с эсерами). На первых порах они пользовались полным доверием со стороны советского руководства.

Параллельно с двумя новыми военными разведками продолжает функционировать и Отдел 2-го генерал-квартирмейстера. В начале 1918 г. он по-прежнему пытался заниматься стратегической агентурной разведкой под управлением все тех же начальников. Исполняющий должность 2-го генерал-квартирмейстера П.Ф.Рябиков по-прежнему осуществлял общее руководство работой Отдела. Исполняющий должность 3-го обер-квартирмейстера полковник А.В.Станиславский объединял и согласовывал работу разведывательного отделения с работой статистических отделений, отвечал за правильность и продуктивность военной разведки и за полное использование добытых материалов. 1-е (разведывательное) отделение являлось «добывающим», его возглавлял полковник Генштаба Николай Николаевич Шварц.

Интересно отметить, что в отличие от перебежавших позднее к белым Рябикова и Станиславского, Шварц продолжал честно служить большевикам. В целом же

[57] Аралов С. Ленин вел нас к победе. М., 1989. С.38.

дореволюционные разведчики по своим политическим симпатиям разделились как раз поровну. В армии белых, на стороне помещиков, капиталистов и иностранных интервентов служили М.В.Алексеев, Л.Г.Корнилов, Е.Е.Миллер, С.Л.Марков, П.Ф.Рябиков, В.П.Агапеев, Н.С.Батюшин, С.Н.Розанов, М.Ф.Квецинский, Д.И.Ромейко-Гурко, Г.И.Кортацци, М.Н.Леонтьев, И.А.Хольмсен, Н.Н.Стогов, С.Н.Потоцкий, П.И.Аверьянов, Б.В.Геруа и другие. На стороне же народа, в Красной Армии оказались П.П.Лебедев, А.А.Поливанов, Ф.В.Костяев, А.А.Самойло, С.И.Одинцов, Ф.Е.Огородников, А.А.Балтийский, В.Н.Егорьев, А.Е.Снесарев, В.Ф.Новицкий, Н.Г.Корсун, Е.А.Искрицкий, Н.А.Сулейман, Е.А.Беренс, Н.М.Потапов, Ф.А.Подгурский и другие.

Остальные отделения были обрабатывающими и разделялись по региональному признаку. 2-е (германское) отделение отвечало за сбор сведений по Германии, 3-е (романское) — за сбор статистических данных по Франции, Бельгии, Италии, Швейцарии, Голландии, Испании и Португалии, 4-е отделение являлось скандинавским, 5-е — австрийским — по Австро-Венгрии, 8-е (дальневосточное) — по Северной Америке, Китаю и Японии[58].

В начале мая 1918 г. была проведена очередная реорганизация органов военного управления и на базе подразделений Наркомвоена, в частности ГУГШ, создается Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб)[59]. Он ведал формированием, устройством и обучением Красной Армии, а также разработкой всех вопросов, связанных с обороной республики. Во главе Всероглавштаба стоял совет в составе начальника штаба и двух комиссаров при нем. Начальниками штаба были генерал-майоры Николай Николаевич Стогов (май-август 1918 г.), Александр Андреевич Свечин (август-октябрь 1918 г.), Николай Иосифович Раттэль (октябрь 1918 — июнь 1920 г.) и Александр Александрович Самойло (июнь 1920 — февраль 1921 г.). Интересно, что все они, кроме Раттэля, до революции работали в военной разведке. За исключением Стогова, ставшего изменником и сбежавшего к белым, все продолжали верно служить Советской власти.

Вначале в состав Всероглавштаба входили 7 управлений, среди них — Оперативное. Именно в нем был создан орган разведки — Военно-статистический отдел (ВСО). Данный отдел без существенных изменений сохранил структуру Отдела 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ. Он включал в себя разведывательную часть в составе 7 отделений, регистрационную службу (контрразведку) в составе трех отделений, военно-агентское и общее отделения. Военно-агентское отделение курировало личный состав военных миссий за границей, назначение военных агентов, а также сношения с иностранными военными миссиями в России. Общее отделение ведало всевозможной штабной канцелярщиной. Заметим также, что все подразделения отдела возглавляли бывшие офицеры ГУГШ.

Теоретически ВСО нацеливали на организацию и ведение зарубежной, стратегической агентурной разведки, однако развернуть ее отдел не мог, так как не имел ни подчиненных штабов, ни негласной агентуры, ни средств на ее организацию. Это была все та же голова без тела. Деятельность отдела заключалась в аналитической работе, составлении общих разведывательных сводок по всему фронту на основании данных, получаемых от штабов войсковых завес, Оперода Наркомвоена, а также от штаба военного руководителя Московского района и французской военной миссии, которая имела свою агентуру.

Таким образом, к лету 1918 г. существовало три независимых центральных органа военной разведки — Военно-статистический отдел Всероглавштаба, разведчасть ВВС и разведчасть Оперода Наркомвоена, не имеющих общего руководства, отсутствовал и аналитический орган, объединяющий и систематизирующий добываемые разными структурами материалы, действия разведок были разобщены и нескоординированы. Это положение всерьез беспокоило остававшихся на службе у большевиков специалистов из Генштаба царской армии. В июле 1918 г. по инициативе сотрудников Всероглавштаба и с одобрения Наркомвоена

[58] Кочик В. Указ. соч. С. 97.

[59] Гражданская война и военная интервенция в СССР. С.124.

создается межведомственная Комиссия по организации разведывательного и контрразведывательного дела.

5 июля 1918 г. комиссия приняла «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе» и «Руководящие соображения по ведению агентурной разведки штабами военных округов». Эти документы, хотя и солидно назывались, но отнюдь не исправляли главного порока советской разведывательной службы, а наоборот, узаконили сложившуюся децентрализованную систему разведывательных органов, всего лишь определив сферу деятельности и компетенцию каждого из них. На ВСО Всероглавштаба возлагалось ведение заграничной — стратегической агентурной разведки как в мирное, так и в военное время. ВВС вменялось в обязанность организовывать и вести разведку в районе демаркационной линии, организовывать агентурную разведку штабов войсковой «завесы». Опероду Наркомвоена поручалось ведение разведки против всех сил, грозивших агрессией Советской республике. На Оперод возлагалась также разведка в оккупированных германскими войсками областях Украины, Польши, Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, Финляндии и в Закавказье[60].

Кроме того, решено было привлечь к организации разведки пограничные военные округа — Беломорский, Московский, Ярославский, Орловский, Северо-Кавказский и все азиатские военные округа. Округам надлежало вести разведку только в сопредельных с ними государствах и территориальных образованиях, появившихся на бывших окраинах России. Однако, поскольку с этими районами связь отсутствовала, а также катастрофически не хватало сил и средств, объем задач существенно сузили. Штабам следовало добывать только сведения, имевшие непосредственное отношение к текущим событиям. Этот принцип и положили в основу деятельности не только штабов пограничных военных округов, но и всех органов военной разведки[61].

С 9 по 11 сентября 1918 г. был сделан следующий шаг в борьбе за единоначалие в разведке. По инициативе Всероглавштаба состоялось совещание начальников разведывательных отделений Всероглавштаба, ВВС, Оперода, Орловского, Московского и Ярославского военных округов, а также штабов войсковой «завесы». На нем подвели первые итоги организации агентурной разведки Красной Армии на Западе, которые отразили ее плачевное состояние. Как оказалось, штабы Ярославского и Московского военных округов еще и не приступали к разведке. Более того, в них даже еще не сформировали разведывательных отделений. В штабе Орловского военного округа дело продвинулось несколько дальше, разведотделение было создано и даже имело в своем распоряжении двоих агентов-резидентов — в Харькове и Екатеринославле. Процесс формирования разведывательных органов и штабов войсковой «завесы» тоже находился в зачаточном состоянии. Неукомплектованность органов разведки объясняли отсутствием преданных советской власти квалифицированных кадров, которым можно было доверить организацию разведки в целом и агентурной разведки в частности.

Впрочем, в районе западной «завесы» к сентябрю 1918 г. на территории, оккупированной германскими войсками, уже существовала целая агентурная сеть, состоявшая из 20 агентов-резидентов, шесть из них имели помощников. Этой агентуре вменялось в обязанность наблюдение за обстановкой южной части Финляндии, Эстонии и Латвии, а также за воинскими перевозками противника по важнейшим железнодорожным магистралям: Рига — Двинск — Витебск — Смоленск, Варшава — Вильно — Двинск — Псков. Нельзя сказать, что это были агенты высокого качества, но они, по крайней мере, были[62].

Однако, как уже говорилось, с агентурой дела обстояли более чем плохо. Основным недостатком агентуры образца 1918 г. являлась ее крайняя неустойчивость. Что и понятно, так как вербовали агентов исключительно «за интерес». Агенту-резиденту платили жалованье до

[60] Кочик В. Указ. соч. С. 97.
[61] Алексеев М. Указ. соч. С.41.
[62] Там же.

трех тысяч рублей в месяц, а помощнику резидента — до двух тысяч. Естественно, когда агенту удавалось подыскать для себя более выгодный и безопасный заработок, он прекращал свою работу. Кроме того, агенты-резиденты, «завязанные» на отдельных работников штабов, при переходе последних на другую работу не передавались новому руководителю, а попросту терялись, и с каждой штабной подвижкой приходилось все начинать сначала.

Серьезные проблемы существовали и в деле организации связи между агентами и штабами. Почтово-телеграфного сообщения с оккупированными районами, как нетрудно догадаться, не было. Вновь созданные буферные государства: Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Польша и другие, следуя примеру стран Антанты, стали на путь дипломатической изоляции Советской республики и контактов с ней не имели. В результате советской военной разведке пришлось строить свою работу только на «живой» связи и в очень тяжелых условиях, поскольку проход через демаркационную линию был делом непростым. Поэтому систематический приток агентурных донесений пока отсутствовал, и ей приходилось довольствоваться отрывочными сведениями, главным образом общего характера.

Если говорить об агентуре более конкретно, то, например, разведывательные отделения Оперода Наркомвоена к 1 сентября 1918 г. имели 34 агентов-резидентов, одну агентурную группу в составе шести агентов и двух агентов-маршрутников. Большинство этих людей работало на территории, оккупированной германскими войсками и в основном в городах[63].

Однако в сентябре 1918 г. наконец-то образован единый коллегиальный орган советской высшей военной власти — Революционный Военный Совет Республики (РВСР). А в октябре 1918 г. из бывшего штаба ВВС и Оперода Нарковоена формируется Штаб РВСР. Начальником Разведывательного отдела Штаба назначают Б.М.Шапошникова, начальником разведывательного отделения этого отдела — капитана Генштаба Федора Леонидовича Григорьева. В начале же октября 1918 г. было объявлено о создании вместо Штаба РВСР Полевого штаба РВСР[64].

Тогда же для всех стала очевидной и необходимость централизации военных разведслужб. Однако долгое время так и не было принято принципиальное решение — на базе какой из структур объединяться. Руководство Всероглавштаба, все время подталкивавшее процесс объединения, рассчитывало подмять под себя все разведывательные органы. Однако молодые и радикально настроенные офицеры Оперода воспротивились этому. Выступая на заседании РВСР в сентябре 1918 г., капитан Генштаба Георгий Иванович Теодори решительно высказался против включения Оперода во Всероглавштаб, мотивируя это тем, что последний является прибежищем саботажников. И он был не так уж неправ — к тому времени число перебежчиков изрядно пополнилось. Например, перешел к белым полковник А.В.Станиславский.

Наконец 2 октября 1918 г. на заседании РВСР принимается решение: подчинить Оперод РВСР и переименовать его в Управление дел РВСР. Всю разведку и контрразведку сосредоточить в этом управлении, передав сюда материалы из бывшего ВВС, а также оперативного и статистического отделов Всероглавштаба. Во главе Управления дел решено поставить С.И.Аралова и его ближайших помощников по Опероду: Г.И.Теодори — начальником штаба Управления дел, а В.П.Павулана — заместителем Аралова. Однако и это решение так и не было претворено в жизнь.

14 октября вышел приказ РВСР N 94, пункт 3 которого гласил: «Руководство всеми органами военного контроля и агентурной разведкой сосредоточить в ведении Полевого штаба РВСР». Из ведения ВСО была изъята агентурная разведка и в отделе остались лишь региональные обрабатывающие отделения. Теперь на ВСО возлагались такие задачи:

«I. Изучение вооруженных сил иностранных государств.

II. Изучение военно-экономической мощи иностранных государств.

---

[63] Там же.

[64] Кочик В. Указ. соч. С.103.

III. Изучение планов обороны иностранных государств.

IV. Изучение внешней политики иностранных государств.

V. Составление описаний и справочников военно-статистического характера по иностранным государствам; издание важнейших наставлений и обзоров по вопросам военно-экономической жизни иностранных государств.

VI. Подготовка всех данных военно-статистического характера, в коих может встретиться надобность нашим военным представителям на будущих международных совещаниях по ликвидации текущей войны»[65].

1 ноября 1918 г. заместитель председателя РВСР Эфраим Склянский, главком Иоаким Вацетис и член РВСР Карл-Юлий Данишевский утвердили штат Полевого Штаба РВСР. До надлежащих учреждений и лиц он был доведен секретным приказом РВСР №197/27 от 5 ноября и приказом по Полевому Штабу РВСР №46 от 8 ноября. Согласно штатам сформировано шесть управлений, в том числе Регистрационное (Региструпр). Регистрационное управление стало первым центральным органом военной агентурной разведки Красной Армии и первым центральным органом военной контрразведки. Нынешнее Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального Штаба является преемником Региструпра по прямой линии. Именно поэтому 5 ноября считается днем рождения советской (а теперь и российской) военной разведки. Хотя, как видно из вышеизложенного, сотрудники ГРУ имеют полное моральное право отмечать свой профессиональный праздник целую неделю подряд[66].

В состав Регистрационного управления входило два отдела: агентурный (разведывательный) — 39 человек по штату и военного контроля (контрразведывательный) — 157 человек. Войсковой (тактической) разведкой занималось с этого момента Разведывательное отделение Оперативного управления, имевшее штат 15 человек. Таким образом, хотя и появился центральный орган руководства агентурной работой, однако военная разведка все еще была разъединена — две ее части находились в разных подразделениях Полевого штаба РВСР, а третья (информационная служба) оставалась в ВСО Всероглавштаба[67].

Здесь, думается, стоит прервать рассказ о первых шагах советской военной разведки, которые далеко не всегда были удачными, и посмотреть, как обстояли дела у противников советской власти — командования белыми армиями.

В сфере военной разведки их деятельность можно смело назвать неважной. Если у Красной Армии имелся центральный штаб и подчинявшиеся ему разведывательные органы, то сказать то же самое о белых армиях нельзя. Более того, основной упор их штабы делали на контрразведку.

В Сибири фронтовые и армейские отделения разведки находились в ведении 2-го генерал-квартирмейстера при штабе Верховного Главнокомандующего, должность которого занимал уже упоминавшийся генерал-майор П.Ф.Рябиков, бежавший к Колчаку в мае 1918 г. В его подчинении находился разведотдел, состоявший из двух отделений: фронтовой и центральной (заграничной) разведки, а также контрразведывательный и осведомительный отделы. Кроме того, три тыловых военных округа (Омский, Иркутский и Приамурский) имели свои собственные спецслужбы, которые формально подчинялись 3-му генерал-квартирмейстеру полковнику И.Т.Антоновичу. И хотя к лету 1919 г. разведывательный аппарат белых в Сибири вполне сложился, работа его сотрудников не приносила ощутимых результатов. Отсутствие систематических сведений о частях Красной Армии, противостоящих колчаковским войскам, приводили к серьезным оперативным просчетам его военного командования, как, например, во время обороны белого Омска осенью 1919 г.

На белом юге России в конце 1917-начале 1918 г. службы разведки и контрразведки отсутствовали. Но без разведки там обходились недолго, и уже в апреле 1918 г. при штабе

---

[65] Там же. С.103-104.

[66] Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Свободная мысль. М., 1998. №6. С.88.

[67] Кочик В. Там же. С.88; Алексеев М. Указ. соч. С.41.

Добровольческой армии создается разведывательное отделение. Возглавил его полковник Генерального штаба С.Н.Ряснянский, участник 1-го и 2-го Кубанских походов, лично знакомый с генералами Л.Г.Корниловым и А.И.Деникиным еще в 1917 г. по боям на Юго-Западном фронте. Он руководил разведкой на протяжении 1918-1919 гг., с небольшими перерывами. Под его контролем разведотдел составлял подробные оперативные сводки о составе Красной Армии на южном театре боевых действий. Другим кадровым разведчиком, возглавлявшим попеременно разведку и контрразведку, был полковник Генерального штаба Б.И.Бучинский. В Добровольческой армии также занимались разведкой полковники Ераркин и Станиславский. Подполковник Соколовский в марте 1919 г. по заданию А.В.Станиславского поступил на службу в Киевский губвоенкомат, а затем в отдел обороны штаба Наркомвоена Украины (в должности помощника начальника). Позднее он был начальником штаба Внутреннего фронта УССР, которым командовал нарком внутренних дел Украины К.Е.Ворошилов. Занимая такие посты и пользуясь доверием Наркомвоена Н.И.Подвойского, Соколовский вместе с другими бывшими офицерами, служившими в Красной Армии, в частности, с подполковником Парвом, передавал белогвардейскому командованию военную информацию, способствовавшую успешному наступлению деникинской армии и временному падению Советской власти на Украине. Кроме того, разведкой на белом Юге занимались так называемые Политические центры, образованные в мае 1918 г. в Таганроге, Харькове, Киеве, Одессе, Тифлисе, Сухуми и других городах бывшей Российской империи приказом генерала Алексеева.

На белом Севере разведка находилась в еще более унылом состоянии. Что же касается спецслужб, то в период с весны 1918 до весны 1919 г. наиболее активно действовала контрразведка, созданная на основе аппарата морской контрразведки царской армии. Возглавлял ее бывший начальник военно-морского контроля коллежский асессор М.К.Рындин[68].

Между тем сформированный в результате объединения трех разведок Региструпр расположился в Москве на улице Пречистенка в домах №№35, 37 и 39, где ранее находился Оперод Наркомвоена. Там же размещались Курсы разведки и военного контроля, основанные еще 12 октября 1918 г. Начальником Региструпра назначили члена РВСР, члена Реввоентрибунала Республики, комиссара Полевого штаба (ПШ) РВСР Семена Ивановича Аралова. Нынешние работники ГРУ ведут отсчет своим руководителям именно от штабс-капитана Аралова.

Семен Иванович Аралов родился 30 декабря 1880 г. в семье купца. Первоначально он собирался унаследовать профессию отца, окончив Коммерческое училище и Коммерческий институт. Однако в 1902 г. он поступил вольноопределяющимся в Перновский гренадерский полк и тогда же активно включился в социал-демократическое движение. Во время русско-японской войны воевал на фронте, после чего участвовал в революции 1905-1907 гг. и был заочно приговорен к расстрелу. Воевал Аралов и на фронтах первой мировой войны, имел чин штабс-капитана. После Февральской революции он — зам. председателя, затем председатель армейского комитета 3-й армии. В это время он примыкал к меньшевикам и стоял на позициях оборончества.

После Октябрьской революции Аралов — помощник командира полка. С 1918 г. — член партии большевиков. В 1918-1920 гг. — начальник Оперативного отдела сперва Московского военного округа, затем Наркомвоена, член РВС 12-й, 14-й армий и Юго-Западного фронта. В сентябре 1918-июле 1919 г. — член РВСР, одновременно в октябре 1918-июне 1919 г. — военком Полевого штаба РВСР и в ноябре 1918-июле 1919 г. — начальник Регистрационного (разведывательного) управления Полевого штаба РВС.

Большинство сотрудников Аралова пришло вместе с ним из Оперода Наркомвоена. По штату после начальника следовали: консультант — капитан Генштаба Г.И.Теодори (он же начальник Курсов разведки и военного контроля), порученцы Л.И.Лорченков и

[68] Цветков В.Ж. Разведка и контрразведка белого движения: Рукопись.

Н.М.Готовицкий, начальник Агентурного отдела капитан Генштаба В.Ф.Тарасов, комиссар отдела В.П.Павулан, начальник Агентурного отделения капитан Генштаба Г.Я.Кутырев, комиссар отделения Е.В.Гиршфельд, помощники начальника отделения: капитаны Генштаба В.А.Срывалин и А.Н.Николаев, а также С.А.Щетинин, «заведующий шифром» В.А.Панин и его помощник П.Б.Озолин[69].

В то же время руководство Отдела военного контроля (Военконтроль) в списке руководителей, объявленном в приложении к приказу по ПШ РВСР № 46 от 8 ноября, не значилось. Но известно, что Военконтроль возглавляли эстонец Макс Тракман и сменивший его позднее латыш Вилис Штейнгарт, ранее руководившие Отделом военного контроля Оперода Наркомвоена[70]. Кстати, в ведении Региструпра Военконтроль оставался недолго. 19 декабря 1918 г. решением Бюро ЦК РКП(б) на базе военного отдела ВЧК и отдела военного контроля Региструпра был создан Особый отдел ВЧК, на него возлагалась задача «борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте».

Сразу же — в начале ноября — Аралову назначили заместителя, хотя штат Региструпра такую должность не предусматривал. Заместителем стал комиссар отдела латыш Валентин Петрович Павулан. Эта довольно загадочная личность, неизвестно откуда появившаяся и неизвестно куда сгинувшая. По некоторым данным, он погиб в начале 20-х гг. в Туркестане. Получилась классическая пара: командир — комиссар, и оба большевики. Восторжествовал известный принцип Феликса Дзержинского, согласно которому при подборе кадров на ответственные должности политическая лояльность важнее профессиональной компетентности. Учитывая постоянные предательства бывших офицеров Генштаба, это было более чем оправдано.

Что же касается офицеров — разведчиков Генерального штаба старой русской армии — то им тоже нашлось применение. Для использования их опыта РВСР учредил специальный институт консультантов при начальнике Региструпра. Консультантам предстояло решать следующие задачи:

— общее техническое руководство работой Регистрационного управления;

— разработка и классификация заданий по разведке;

— обработка сведений и составление сводок по получаемым с мест донесениям;

— изучение иностранной печати и составление по ней сводок;

— разработка разного рода инструкций, наставлений, а также переводов иностранной литературы[71].

Однако от непосредственного ведения тайной агентуры консультантов отстранили. Теперь даже в случае возможного перехода того или иного специалиста в лагерь противника они не могли выдать систему организации агентурной работы и дислокацию тайной агентуры. При этом Аралов, не мудрствуя лукаво, делит весь штат своего ведомства на две категории — комиссаров и консультантов. В телеграмме, направленной в Москву из Серпухова 23 февраля 1919 г., он пишет:

«Штатом Региструпр предусматривался Начальник Управления и Консультант. На Консультанта возлагается специальное хозяйственное внутреннее руководство. На Комиссаров и меня политическое и выбор агентов в политическом отношении. Инструктирование же агентов и задание и поверка их знаний на консультантов. Ввиду своих частых отъездов и отсутствием из Москвы я своим приказом, а не штатом назначил заместителем тов. Павулана для решения неотложных политических вопросов. Предлагаю ... работать в полном контакте и взаимодействии комиссаров и специалистов, каковое до сих пор было ...»[72].

Но уже на следующий день после утверждения первого состава сотрудников Региструпра в нем произошли изменения: начальник Агентурного отдела бывший капитан Генштаба

[69] Кочик В. Указ. соч. С.89.
[70] Гражданская война и военная интервенция в СССР. С.109.
[71] Кочик В. Указ. соч. С.93.
[72] Там же С.89.

Владимир Федорович Тарасов отбыл на фронт, а его обязанности с 9 ноября стал исполнять начальник Агентурного отделения Гавриил Яковлевич Кутырев, также капитан Генштаба. На посту начальника отделения Кутырева сменил его помощник Владимир Андреевич Срывалин, опять-таки капитан Генштаба.

9 января 1919 г. РВСР приказал всем штабам военных округов, кроме Петроградского и Орловского, передать органы агентурной разведки в соответствующие штабы фронтов и армий. Агентура действующей армии и штабов Петроградского и Орловского военных округов была подчинена Регистрационному управлению Полевого штаба.

Несколько слов отдельно следует сказать и о людях, которые в то время пришли работать в советскую военную разведку. Обучением кадров военной разведки и контрразведки Красной Армии, как мы уже писали, занимались Курсы разведки и военного контроля, рассчитанные на 60 человек. Здесь в течение двух месяцев обучались военнослужащие, командированные штабами армий. Курсы имели два отделения — разведки и военного контроля[73]. В середине февраля 1919 г. состоялся первый выпуск в количестве 29 человек, 14 из них — на отделении разведки и 15 — на отделении военного контроля. Затем увеличили срок обучения (до четырех месяцев) и количество обучающихся. В июле курсы выпустили 60 человек. Создание курсов в известной степени двинуло вперед дело подготовки руководящих кадров разведки Красной Армии. Вместе с тем эта проблема в течение всей гражданской войны так и не была снята (да и потом тоже).

Еще хуже обстояли дела с кадрами агентуры. Ведь главное, что делает разведку эффективной — это агентурная сеть. А именно здесь и начинались основные проблемы Региструпра. Дело в том, что недостаток людей, желающих (и способных) заняться агентурной работой, сказывался с первых же дней. Попытки привлечь к работе бывших тайных военных агентов русской армии, как правило, терпели неудачу, поскольку они испытывали глубокое недоверие к Советской власти. Вербовка агентов из интеллигенции также не дала результатов. Оставалось последнее средство — партийный набор. Но и здесь руководство Региструпра ждало разочарование — впрочем, вполне предсказуемое. Так, из 20 партийных работников, мобилизованных с ноября 1918 по январь 1919 г., 13 оказались изначально непригодны к агентурной работе, а еще двое давали сведения, но весьма посредственные и толку от них было мало. Поэтому неудивительно, что 19 февраля 1919 г. начальник 1-го отделения 1-го отдела Региструпра В.А.Срывалин в докладе на имя начальника 1-го отдела Г.Я.Кутырева пишет следующее:

«В настоящее время крайне затруднено обследование агентов (из партийных) с нравственной и деловой стороны их качеств. Запас старых партийных работников исчерпан с первых дней октябрьской революции — все они заняли высокие административные посты. Коммунисты же октябрьского и более поздних сроков в большинстве не поддаются обследованию вследствие постоянно меняемых ими специальностей службы, непродолжительности сроков этой службы и отсутствия достаточно авторитетных лиц, которые могут дать оценку личности того или другого человека.

Последний месяц Отделение приобрело как будто бы заслуживающие большого доверия организации Планциса, Нагеля, Сатке — но это не вселяет радужных надежд на улучшение дела, так как опыт недавнего прошлого не раз обманывал надежды: Бирзе, Балахович, Григорьев, Краинский, Брегман, Бральницкий, Азаров и много других, большинство коих имело солидные рекомендации даже от членов Совнаркома»[74].

Фамилии эти ничего не говорят современному читателю, незнакомому со всеми запутанными перипетиями гражданской войны. Однако для соратников Срывалина по Региструпру каждое из них означало конкретный случай вопиющего головотяпства или

[73] Алексев М. Указ. соч. С.42.
[74] Кочик В. Указ. соч. С.89-90.

откровенной измены. За примером далеко ходить не надо — достаточно поведать об упомянутом Бирзе.

Бирзе — на самом деле латышский полковник А.И.Эрдман, один из руководителей савинсковского «Союза защиты Родины и свободы». Под видом лидера поддерживающих Советскую власть анархистов он втерся в доверие к Ф.Дзержинскому и был назначен одним из руководителей Региструпра («представитель ВЧК», перед которым тряслись все региструпровские военспецы). Он использовал документы и деньги Региструпра для своей контрреволюционной деятельности. Именно он спровоцировал так называемый Муравьевский мятеж, способствовал расколу между большевиками и левыми эсерами, а затем и внутри самих большевиков, всячески запугивая «левых коммунистов» и левых эсеров германской угрозой и т.д. Разоблачения наглый провокатор избежал, и только в 20-е гг. вся эта история вскрылась в полном объеме.

Не оправдал доверия и Сатке. О нем как о провокаторе пишет в своих воспоминаниях Иван Никитич Смирнов, руководивший в годы гражданской войны политорганами 5-й армии в должности члена РВС этой армии. Именно он курировал деятельность большевистской разведки в Сибири. По рассказу Смирнова Сатке (у Смирнова — Садке) — венгр-инженер, появился в январе 1919 г. в Особом отделе 5-й армии как представитель подпольной организации, якобы подготовившей восстание на Экибастузских копях. Его переправили в Москву для доклада в РВС Республики о положении в Сибири. Сатке встречался с Лениным и Троцким и получил полторы тысячи рублей керенками «на работу». В феврале того же года он вернулся с бумагой, подписанной начальником Региструпра, где предписывалось немедленно переправить его через линию фронта, что и было сделано. Сатке, его жена и некий разведчик Александр благополучно переправились на ту сторону. Летом того же года Троцкий два-три раза запрашивал Смирнова по телеграфу, что слышно «об известном предприятии в Сибири». Естественно, что слышно ничего не было[75]. Не менее одиозны и другие упоминаемые Срывалиным личности, но не о них сейчас речь.

Справедливости ради надо сказать, что в период гражданской войны были и удачи в деятельности большевистской разведки. Как правило, это заслуга сотрудников большевистской партийной или фронтовых и армейских разведывательных органов, а не центрального аппарата. Несколько примеров такого рода приводит в своей статье ветеран советской разведки Ю.А.Челпанов. Так, разведчик П.Р.Акимов проник в органы польской контрразведки. Другой разведчик, Я.П.Горлов внедрился в главный штаб польской армии. В результате их успешной деятельности чекистами была вскрыта польская агентурная сеть в полосе Западного фронта, а советское командование получило важнейшие сведения о составе и дислокации польских войск. На Южном фронте против Врангеля, а также интервентов в районе Черного моря удачно действовали разведчики Ф.П.Гайдаров и Елена Феррари-Голубовская. На Дальнем Востоке, в Китае и Маньчжурии вели разведывательную работу Х.И.Салнынь , Л.Я.Бурлаков и В.В.Бердникова.

Уже в конце гражданской войны, в 1921 году, молодой советский разведчик В.В.Давыдов, начальник разведывательного пункта Туркестанского фронта, организовал дерзкую операцию по похищению атамана Дутова из его штаба, находящегося на китайской территории. Хотя похищение не удалось и Дутова пришлось убить, тем не менее, эта операция сорвала готовящийся поход белоказаков на советскую территорию[76].

В тылу колчаковских войск в Иркутске хорошо поработал на благо «мировой революции» Дмитрий Киселев . Он четыре раза переходил линию фронта, доставляя советскому командованию ценные сведения, причем встречался с самим Лениным. Факт этой встречи, как ни странно, вдохновил художника Е.О.Машкевича на написание сразу двух картин — «Беседа

[75] Борьба за Урал и Сибирь. М.-Л., 1926. С.128-134.

[76] Челпанов Ю.А. Юбилей военной разведки // Военно-исторический архив. 1998. №3. С.287.

тов. В.И.Ленина с делегатом ДВК Д.Д.Киселевым» и «Разговор Ленина с делегатом-дальневосточником Д.Киселевым»[77].

Однако вернемся к докладу Срывалина. В нем он отмечает и еще один негативный момент — то, что личный состав агентуры отличался крайней текучестью. В докладе приводятся следующие цифры: из 164 человек, зарегистрированных в Отделении за 10 месяцев, около половины по разным причинам были уволены. На 15 февраля 1919 г. агентурное отделение имело в своем распоряжении 89 зарегистрированных и около 50 незарегистрированных агентов. По мнению Срывалина, 50% из них в ближайшее время должны быть уволены «за неспособностью к работе, шантаж и другие качества подобного характера; таким образом высший разведывательный орган Республики имеет в своем распоряжении около 70 человек агентов, из которых можно указать только 10 человек, могущих дать хорошие сведения (из них 4 беспартийные, 3 левые социалисты-революционеры, 3 сочувствующих коммунистам)»[78].

А о том, что же представлял из себя агент советской военной разведки в конце 1918-начале 1919 г. можно судить по следующим данным. По социальному положению из упомянутых 89 зарегистрированных агентов 43 были рабочими, 11 — техниками, 19 — приказчиками, 9 — бухгалтерами, 2 — журналистами, оставшиеся 5 представляли прочие специальности. Высшее образование имело 12 человек, законченное среднее — 21, начальное — 56. Национальный состав: русских — 11 человек, латышей и эстонцев — 39, белорусов — 11, финнов — 6, украинцев — 6, немцев — 1, мадьяр — 2, евреев — 7 и поляков — 6[79].

Каждому поступавшему на службу в разведку в качестве агента предлагалось ответить на вопросы специальной анкеты. Новый сотрудник агентурной разведки давал подписку-обязательство, составлявшееся в произвольной форме. Вот один из образцов таких обязательств:

«Я, нижеподписавшийся, добровольно без всякого принуждения, вступил в число секретных разведчиков Регистрационного отдела. Сущность работы разведчика и условия, в которых приходится вести работу в тылу противника, я уяснил вполне и нахожу возможным для себя ее вести, т.е. нахожу в себе достаточно хладнокровия и выдержки при наличии опасности и достаточно силы воли и нравственной силы, чтобы не стать предателем. Все возложенные на меня задачи и поручения обязуюсь выполнять точно, аккуратно и своевременно с соблюдением строгой конспирации».

Заканчивая разговор о кадрах советской военной разведки в период ее становления, следует привести еще одну выдержку из доклада Срывалина, в которой он называет основные причины неудовлетворительной работы Отделения:

1) малочисленность агентуры, хотя «правильная организация требует в настоящий момент не менее 50 перворазрядных агентов только на территории оккупированных областей и 450-500 человек второразрядных агентов»;

2) сильная текучесть в личном составе;

3) отсутствие выбора и подбора кадров;

4) связь — «трудна до чрезвычайности: донесение ходоком из Одессы в Москву доставляется при самых благоприятных условиях на 12-й день, а из Челябинска — на 18-21-й день и позже. Донесения из Баку в Астрахань агентства берутся доставлять не ранее 14 дней»;

5) «власть на местах» — «в многочисленных докладах, составивших целое «дело» и представленных в течение последних 3 месяцев, приводится много фактов о препятствиях в работе агентуры, встречаемых начиная от Ч.К. и кончая командармами».

К середине июля 1919 г., обобщив накопленный опыт, Региструпр разослал своим подчиненным органам «Положение об агентуре штабов фронта, армий и дивизий». Согласно ему центр тяжести в организации агентурной разведки ложился на полевые разведывательные

[77] Творчество. 1957. №11-12.
[78] Кочик В. Указ. соч. С.90.
[79] Алексеев М. Указ. соч. С.42.

подразделения. «Положение» определяло, что агентурой фронта должен руководить комиссар разведывательного отделения штаба фронта, непосредственно подчиненный одному из членов РВС штаба фронта, на которого было возложено общее наблюдение за ходом работы агентуры. Зона, подлежащая агентурному наблюдению из штаба фронта, должна была охватывать глубокий тыл противника и разделяться на округа наблюдения, в важнейших пунктах которых следовало насаждать местных резидентов. В круг ведения агентуры штаба фронта входил сбор сведений о новых формированиях противника, его ресурсах, живой силе, технической оснащенности войск, планах высшего командования, направлениях переброс, подготовке к крупным операциям и местах сосредоточения стратегических резервов.

Однако в условиях гражданской войны, когда фронт боевых действий являлся чрезвычайно маневренным, а дислокация воинских частей постоянно менялась, было почти невозможно организовать систематическое и непрерывное изучение противника на определенном участке. Не раз случалось так, что только разведка приступала к созданию агентурной сети в тылу и прифронтовой полосе противника, как воинская часть, а вместе с ней и штаб перебрасывали на другой участок фронта, и вся работа шла прахом. Имевшаяся агентура передавалась от штаба к штабу в редких случаях. Обычно вновь прибывшим на данный участок фронта приходилось все создавать заново. В данных условиях разведка строилась практически на деятельности агентов-ходоков (в большей степени) и отдельных резидентов (в меньшей), которые составляли подвижные агентурные сети. Происходило это следующим образом — в разведываемый район направлялось несколько резидентов, иногда им придавались агенты-ходоки.

На том же примерно уровне находилась и организация связи. Например, штаб 9-й армии вполне серьезно рекомендовал резиденту: «Если долго не возвращается агент, посланный с донесением, то посылать другого с таким же донесением». Ценные сведения рекомендовалось направлять с двумя разными агентами. Инструкция требовала от агента-резидента безотлучного присутствия в пункте дислокации резидентуры. Однако далеко не во всех полевых штабах, в первую очередь армейских, имелись даже отдельные агенты-резиденты. Тогда агентурную сеть приходилось строить используя исключительно ходоков. В результате агент-ходок являлся основной фигурой в агентурной разведке Красной Армии почти до конца 1919 г. Само их название говорило о том, чем занимались эти агенты: их направляли с определенным заданием, а то и вовсе без задания, по известному маршруту или в указанный район, где они должны были вести разведку.

Агенты-ходоки делились на две категории: внутренние и внешние ходоки. Внутренние использовались только в расположении частей противника. Они получали задание пристроиться к какой-либо воинской части и, следуя вместе с ней, вести разведку. Если разведчик не был связан с определенным резидентом, то он поддерживал контакт или самолично доставляя сведения через линию фронта, или посылая их по почте на условный адрес в тылу противника. Из этого «почтового ящика» (от хозяина конспиративного адреса, по нынешней терминологии) корреспонденция извлекалась специально посланным агентом-ходоком. Так же осуществлялась связь внутреннего ходока и с резидентом, в случае если он был подчинен какому-либо резиденту. Переписка велась, естественно, только с использованием шифра. Так, например, Разведывательное отделение 14-й армии имело 23 собственных шифра. Ими снабжались те резиденты и агенты-ходоки, которые должны были в качестве связи пользоваться почтой.

Внешние ходоки использовались по двум направлениям: непосредственно для ведения разведки в выделенном районе и в качестве курьеров — агентов-связников — между разведывательным отделением и резидентом, а также между резидентом и его агентами. Ходоков отправляли в тыл противника большими группами. Многие из них получали не только один и тот же район разведки, но и одно и то же задание. Это делалось с простым расчетом: не дойдет один, дойдет другой. Агенты перебрасывались через линию фронта как в одиночку, так и по нескольку десятков человек, которые веером расходились по тылу противника, охватывая целые районы и области.

Разведывательные отделения штабов армий в меру своих возможностей стремились обеспечить перебрасываемого разведчика необходимыми для передвижения по тылу противника документами. Так, разведывательное отделение штаба 14-й армии для этой цели имело 179 чистых бланков паспортных книжек, бланки различных удостоверений, аттестатов, свидетельств, земских книжек и 278 различных печатей. С документами было более-менее нормально, хуже было с деньгами. На первых порах агентов снабжали советскими деньгами, которые в деникинском тылу хождения не имели. Это приводило к тому, что они нередко оставались без денег. На Украине военная разведка для обеспечения агентуры удачно использовала 50 млн. украинских кредитных билетов, выпущенных в свое время Украинской Центральной Радой и хранившихся в Народном Банке Советской Республики. Резидент получал оклад 3 тыс. рублей в месяц, внешний ходок — 2,5, внутренний — 2 тыс. рублей. В среднем на одного агента расходовалось в месяц до 10 тыс. рублей. Для экипировки агентуры широко использовалась одежда, конфискованная у буржуазии[80].

Однако военная разведка, основанная на подвижных агентурных сетях, не могла обеспечить командование регулярно поступающей и полной информацией о противнике. Сведения, добываемые агентами-ходоками, были отрывочными. Главными методами работы агентуры являлись наблюдение, осведомление и подслушивание. Разведчики изучали и печать противника, откуда также черпали необходимые сведения. Печать преимущественно изучалась на местах, так как своевременная доставка белогвардейской прессы через линию фронта была крайне затруднена, а порой просто невозможна. Впрочем, иногда удавалось добыть сведения чрезвычайной важности. Так, в июле 1919 г. разведорганы Южного фронта сообщили в Регистрационное управление о том, что «ближайшей задачей Деникина является удар на Курск-Орел-Тулу»[81].

Несколько большие возможности для ведения глубокой разведки предоставляло взаимодействие с большевистским подпольем. В годы гражданской войны и иностранной интервенции во вражеском тылу создавались подпольные органы РКП(б) и партизанские отряды, составной частью деятельности которых был сбор разведывательных сведений и материалов. Для руководства партийным подпольем и партизанским движением создавались Зафронтовые бюро ЦК(б) и Зарубежные партийные бюро РКП(б). Так появились Зафронтовое бюро ЦК(б)У — для руководства подпольем и партизанским движением на территории Украины и Крыма, и Донское бюро РКП(б). Одновременно сформировались Зарубежные бюро РКП(б) в Польше, Финляндии, Латвии, Белоруссии и Эстонии. При ряде Зафронтовых и Зарубежных бюро были созданы специальные разведывательные органы — регистрационные бюро, некоторые из них возглавляли сами руководители Зафронтовых и Зарубежных организаций: Эйно Рахья (Финбюро), Станислав Косиор (Зафронтовое бюро ЦК(б)У) и Иосиф Уншлихт (Польское бюро). Позднее, в апреле 1920 г., была утверждена "Инструкция о взаимодействии Региструпра РВСР и Зарубежных бюро РКП(б)", согласно которой Региструпр получал право давать разведывательные задания Зарубежным бюро, осуществлять финансирование и техническое оснащение бюро, снабжать их агентурной информацией. Инструкцию подписали руководящие сотрудники РУ Т.П.Самсонов и Д.Р.Ипполитов, а также партийные работники, работавшие в Зарубежных бюро (в т.ч. С.В.Косиор и С.И.Сырцов).

Очередная реорганизация Региструпра, во многом вызванная изменившейся боевой обстановкой, произошла в начале лета 1919 г. 19 июня был утвержден новый штат Региструпра ПШ РВСР и впервые принято «Положение» о нем. Согласно «Положению», Региструпр представлял собой «центральный орган тайной агентурной разведки», подчинявшийся непосредственно РВСР минуя начальника ПШ РВСР. «Во главе Регистрационного Управления, — говорилось в «Положении», — стоит член Революционного Военного Совета Республики, который вместе с тем является его начальником. Обязанности его в Москве несет его

[80] Там же.
[81] Там же. С.43.

заместитель. Во главе отделов, как и входящих в их состав отделений, стоят исключительно партийные работники».

В результате данной реорганизации основными подразделениями Региструпра стали:

1-й отдел — сухопутный агентурный;

2-й — морской агентурный (входил в Региструпр с февраля 1919 по январь 1920 г.);

3-й — военно-цензурный (в составе Региструпра с декабря 1918 по октябрь 1919 г.);

Консультантство, где работали военные специалисты старой армии.

Сухопутный агентурный отдел состоял согласно «Положению» из четырех отделений:

— Северное охватывало скандинавские страны, Финляндию, Прибалтику, Мурманск и Архангельский район;

— Западное — Литву, Польшу, Галицию, Румынию, Германию и государства на территории бывшей Австро-Венгрии;

— Ближневосточное — балканские страны, Турцию, Кавказ, Туркестан, Афганистан и Индию;

— Дальневосточное — Сибирь, Китай, Японию.

По новому штату комсостав Региструпра выглядел так:

— заместитель начальника Управления — Валентин Петрович Павулан, для поручений при нем — Дмитрий Романович Ипполитов;

— начальник Агентурного (сухопутного) отдела — Н.М.Чихиржин (Назаров), для поручений при нем — В.К.Вальтер, места начальников всех четырех отделений были вакантны;

— Агентурный (морской) отдел или, как его еще называли, Морской разведывательный отдел, возглавлял А.А.Деливрон;

— Отдел военной цензуры — Я.А.Грейер;

— старшим консультантом Консультантства был В.Г.Зиверт;

— шифрами по-прежнему ведали В.А.Панин и П.Б.Озолин.

Что до начальников отделений 1-го отдела, то они были назначены лишь в июле-сентябре 1919 г. Ими стали соответственно В.Х.Груздуп, Р.Я.Кальнин, Е.Л.Соколов, Г.П.Михайленко.

Сменился и руководитель Региструпра. В июне 1919 г. С.И.Аралов передал свои дела как военкома ПШ РВСР новому члену РВСР С.И.Гусеву, а в самом начале июля 1919 г. сдал ему и должность члена РВСР. Таким образом, новым куратором (в качестве военкома ПШ) и начальником Региструпра стал старый профессиональный революционер Сергей Иванович Гусев[82].

Сергей Иванович Гусев (настоящие имя и фамилия — Драбкин Яков Давидович) родился в 1874 г. С 1896 г. он состоял членом партии большевиков. В 1917-1918 гг. Гусев возглавлял секретариат Петроградского военно-революционного комитета, был членом ВЦИКа, секретарем Революционной обороны Петрограда, управделами СНК Северной коммуны; в 1918-1924 гг. Гусев — член РВС 2-й армии, командующий Московским сектором обороны, член РВСР и РВС ряда фронтов, начальник Политуправления Реввоенсовета Республики, а в 1924-1933 гг. он работал в аппарате ЦК ВКП(б) и ИККИ.

В это же время дни так называемого Консультанства, где трудились военспецы из царского Генштаба, отстраненные от непосредственной агентурной работы и занимающиеся «разработкой заданий» и «техническим руководством работой», были сочтены. Причиной тому стал факт раскрытия ВЧК летом 1919 г. целого ряда заговоров против Советской власти среди военспецов Полевого штаба РВСР.

Самый сильный удар был нанесен так называемым «делом Полевого штаба». В начале июля 1919 г. Особый отдел ВЧК по обвинению в участии в заговорщической контрреволюционной организации и подготовке переворота арестовал действующего главнокомандующего вооруженными силами Республики бывшего полковника царской армии И.И.Вацетиса (факт сам по себе потрясающий — арест главкома страны). Было арестовано и его ближайшее окружение, в том числе: порученец при главкоме бывший капитан Евгений

[82] Кочик В. Указ. соч. С.93-94.

Иванович Исаев, находившийся в распоряжении главкома бывший капитан Николай Николаевич Доможиров, начальник разведывательного отделения Полевого штаба бывший капитан Б.И.Кузнецов, консультант разведывательного отделения Юлий Иванович Григорьев, сотрудник для поручений при начальнике Полевого штаба бывший штабс-капитан Александр Кузьмич Малышев. Сразу же после ареста, 8 июля 1919 г., Троцкому, находившемуся на фронте, послали телеграмму следующего содержания:

«Вполне изобличенный в предательстве и сознавшийся Доможиров дал фактические показания о заговоре, в котором принимал деятельное участие Исаев, состоявший издавна для поручений при главкоме и живший с ним в одной квартире. Много других улик, ряд данных, изобличающих главкома в том, что он знал об этом заговоре. Пришлось подвергнуть аресту главкома.

Дзержинский, Крестинский, Ленин, Склянский»[83].

По горячим следам зам. председателя Особого отдела ВЧК И.П.Павлуновский состряпал доклад по «делу о белогвардейской организации в Полевом штабе РВСР»:

«Арестованная в ночь с 8 на 9 июля с. г. группа лиц Полевого штаба в составе: для поручений при главкоме Исаева, начальника разведывательного отделения Кузнецова, для поручений при начальнике штаба Малышева и преподавателя Академии Генерального штаба Григорьева по данным следствия ставила перед собой следующие задачи:

а) Установление связи со штабами Деникина и Колчака.

б) Свержение Советской власти путем внутреннего переворота.

в) Захват аппарата управления армией в свои руки под видом воссоздания Генштаба ...

Следствием установлено, что белогвардейская группа Полевого штаба находилась в первоначальной стадии своей организации, т.е. она только что создавалась, намечала свои задачи и планы и приступила лишь к частичной их реализации, причем была еще настолько невлиятельна, что ее нахождение в Полевом штабе не отражалось на ходе операций на фронтах.

Таковое положение могло продолжаться лишь до момента установления связи со штабами Колчака и Деникина.

Очевидно, что с установлением этой связи, которая, по словам Григорьева, имелась бы «недели через две», роль организации существенно изменилась бы и нахождение ее в Полевом штабе уже безусловно отражалось бы на развитии операций на фронтах; возможность этого влияния предупредил арест белогвардейской организации 9 июля сего года»[84].

Как мы видим, никаких серьезных доказательств вины арестованных в докладе Павлуновского не приводилось. Поэтому вскоре дело «главного виновника торжества» Вацетиса было передано во ВЦИК, президиум которого 7 октября 1919 г. вынес следующее решение: «Поведение бывшего главкома, как оно выяснилось из данных следствия, рисует его как крайне неуравновешенного, неразборчивого в своих связях, несмотря на свое положение. С несомненностью выясняется, что около главкома находились элементы, его компрометирующие. Но, принимая во внимание, что нет оснований подозревать бывшего главкома в непосредственной контрреволюционной деятельности, а также принимая во внимание бесспорно крупные заслуги его в прошлом, дело прекратить и передать Вацетиса в распоряжение Военного ведомства»[85].

Надо было делать что-то и с окружением Вацетиса. Этот вопрос рассматривался на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 6 ноября 1919 г.:

«Слушали:

18. Предложение тт. Дзержинского и Павлуновского применить объявленную ВЦИК амнистию к арестованным в июле месяце по делу Полевого штаба генштабистам Доможирову, Малышеву, Григорьеву и Исаеву, причем последнему не давать никаких ответственных назначений.

---

[83] В.И.Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917-1922 гг.). М., 1987. С.184.

[84] Там же. С.192.

[85] Там же. С.184.

Постановили:

18. Принять с тем, чтобы а) ответственных назначений не давать никому ...»[86].

Таким образом, в связи с объявленной ВЦИК 4 ноября амнистией 7 ноября были амнистированы Е.И.Исаев, Н.Н.Доможиров и Ю.И.Григорьев. В этот же день Б.И.Кузнецова и А.К.Малышева освободили под подписку о возвращении к месту службы.

Как видим, раздутое особистами «дело Полевого штаба» лопнуло, как мыльный пузырь.

В чем же заключались причины подобного демарша в отношении руководства РККА со стороны людей Феликса Дзержинского. На этот счет у нас имеются, по крайней мере, две версии. Первая — после внезапной смерти в начале 1919 г. Якова Свердлова, прочно занимавшего вторую ступеньку в партийной иерархии, был нарушен баланс сил. Совершенно неожиданно малоавторитетный в партийной элите, но получивший в период гражданской войны ключевой пост Лев Троцкий фактически занял место Свердлова. Это, естественно, вызвало «ревность» со стороны большевистских «авторитетов» Григория Зиновьева и Иосифа Сталина. Они использовали Дзержинского, который, будучи по натуре «трудоголиком», никогда не отказывался от получения новых должностей, для того чтобы натравить его на Троцкого, и, с одной стороны, скинуть близкого к Троцкому главкома Вацетиса, а с другой — отобрать у Троцкого и передать в ведение ВЧК военную разведку.

Возможна и другая, более простая версия. Сам Дзержинский, ободренный той легкостью, с которой ему удалось увести у военного ведомства контрразведку, решил повторить этот номер и с разведкой. Впрочем, обе эти версии не противоречат, а взаимодополняют друг друга.

Впрочем, справедливости ради отметим, что, конечно, бывшие царские офицеры, работавшие в Полевом штабе, вряд ли так уж сильно хранили верность Советской власти. Скорее наоборот, можно предположить, что, выражаясь словами Зощенко, они «затаили в душе некоторое хамство». Об этом, к примеру, пишет в своих воспоминаниях назначенный в июне 1919 г. начальником Полевого штаба бывший генерал-лейтенант царской армии Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич. Он так описывает обстановку, которую обнаружил в Полевом штабе после своего назначения туда:

«Большинство штабных принадлежало к офицерам, окончившим ускоренный четырехмесячный выпуск Военной академии, известный под названием «выпуска Керенского».

Эта зеленая еще молодежь играла в какую-то нелепую игру и даже пыталась «профессионально» объединиться.

Помню, ко мне явился некий Теодори и заявил, что является «лидером» выпуска 1917 г. и, как таковой, хочет «выяснить» наши отношения.

Признаться, я был ошеломлен бесцеремонностью этого юного, но не в меру развязного «генштабиста». Как следует отчитав Теодори и даже выгнав его из моего кабинета, я решил, что этим покончил с попыткой обосновавшейся в штабе самоуверенной молодежи «организоваться». Но генштабисты «выпуска Керенского» решили действовать скопом и попытались давить на меня в таких вопросах, решение которых целиком лежало на мне.

Очень скоро я заметил, что вся эта нагловатая публика преследует какие-то цели политического характера и старается вести дело, если и не прямо в пользу противника, то во всяком случае без особого на него нажима.

Поведение генштабистской «молодежи», кстати сказать, не такой уж юной по возрасту, не нравилось мне все больше и больше. Собрав всех этих молодчиков у себя, я дал волю своей «грубости», о которой так любили говаривать еще в царских штабах все умышленно обиженные мною офицеры, и отчитал «выпуск Керенского» так, что, вероятно, получил бы добрый десяток вызовов на дуэль, если бы она практиковалась в наше время»[87].

К воспоминаниям Бонч-Бруевича надо относиться осторожно — в них много неточностей. К примеру, Теодори, с которым он якобы разговаривал, к тому времени был уже арестован

[86] Там же. С.234.

[87] Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957. С.345-346.

чекистами. Однако саму атмосферу, сложившуюся в Полевом штабе, он передает довольно верно.

Как бы то ни было, причастность бывших офицеров Генерального штаба, занимавших руководящие должности в Красной Армии, к заговорам, в ряде случаев действительная, а зачастую и мнимая, привела к созданию специальной комиссии для проведения чистки разведорганов от ненадежных элементов и военных специалистов. По указанию ЦК РКП(б), решено окончательно превратить разведку в классовый орган, доверив дело ее организации и ведения только членам партии.

16 сентября был издан приказ РВСР №1484, где говорилось: «С 15 сентября 1919 г. Институт Консультантства при Регистрационном Управлении РВСР упраздняется. Личный состав передается в распоряжение Полевого штаба для немедленного назначения на фронт»[88].

Через неделю после этого МЧК арестовала сменившего Теодори бывшего старшего консультанта Региструпра, бывшего капитана Генштаба Вольдемара Генриховича Зиверта. Его подозревали в принадлежности к белогвардейской организации. Сам Г.И.Теодори 1 марта 1919 г. был командирован в Литву, Латвию, на Северный и другие фронты для выполнения особых заданий РВСР по агентурной разведке. Однако 12 марта его арестовали чекисты в Двинске и этапировали в Москву. По подозрению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации он содержался в Бутырской тюрьме и в Особом отделе ВЧК до 4 января 1921 г. После освобождения служил с перерывами на различных должностях в РККА до своего ареста 16 апреля 1937 г.[89]

Чистку провели и на Курсах разведки, где исключили 50% курсантов, не удовлетворявших политическим требованиям. Помимо этого, почистили и периферийные органы, а также агентурную сеть, из состава которой были удалены ненадежные элементы.

К чему привели все эти чистки и аресты, можно судить по воспоминаниям генерала М.Д.Бонч-Бруевича:

«Сведения о противнике должно было дать мне разведывательное отделение; их я и затребовал. Оказалось, однако, что отделение это изъято из ведения штаба и передано в Особый Отдел.

Для доклада о противнике ко мне в кабинет явился молодой человек того «чекистского» типа, который уже успел выработаться. И хотя я никогда не имел ничего против Чрезвычайных комиссий и от всей души уважал Дзержинского, которого считал и считаю одним из самых чистых людей, когда-либо попадавшихся на моем долгом жизненном пути, «чекистская» внешность и манеры (огромный маузер, взгляд исподлобья, подчеркнутое недоверие к собеседнику и безмерная самонадеянность) моего посетителя мне сразу же не понравились. В довершение всего, вместо просимых сведений он с видом победителя (вот возьму, мол, и ошарашу этого старорежимного старикашку, пусть знает, как мы ведем разведку) выложил на мой письменный стол целую серию брошюр, отпечатанных типографским способом и имеющих гриф «совершенно секретно». По словам молодого чекиста, в брошюрах этих содержались исчерпывающие сведения о противнике, в том числе и о поляках.

Просмотрев все эти материалы, я тотчас же убедился, что они не содержат ничего из того, что мне необходимо для составления схемы сосредоточения Красной Армии и разработки оперативного плана. Зато в них содержалось множество поверхностных и общеизвестных политических и бытовых сведений и куча всякого рода мелочей, имевших к военному делу весьма отдаленное отношение.

На заданные мною дополнительные вопросы о противнике молодой человек не смог ответить, и я не без удивления узнал, что он-то как раз и является начальником разведывательного отделения.

[88] Кочик В. Указ. соч. С.93.
[89] Там же. С.92-93.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что в старой армии мой посетитель был писарем какого-то тылового управления, военного дела совершенно не знает и о той же разведке имеет самое смутное представление.

Необходимых мне данных о противнике я так и не получил. Пришлось ограничиться теми сведениями, которые добывались войсковой разведкой и излагались в разведывательных сводках, кстати сказать, поступавших с большим запозданием»[90].

Понятно, что долго такое положение сохраняться не могло, и поэтому уже в августе 1919 г. вместо арестованного Кузнецова на пост начальника разведчасти Оперативного управления Полевого штаба назначили Б.М.Шапошников, а в конце того же года его сменил бывший подполковник Генштаба Константин Юльевич Берендс, который оставался на этом посту вплоть до окончания гражданской войны.

В сентябре 1919 г. был освобожден от занимаемой должности заместитель начальника Региструпра В.П.Павулан, его сменил Т.П.Самсонов. С февраля 1920 г. эту должность занимал Д.Р.Ипполитов, с сентября 1920 г. — А.Я.Зейбот ; в январе 1921 г. появился еще один заместитель — А.М.Устинов. Не менее часто менялись начальники в Агентурном отделе. В июне 1919 г. его недолго возглавлял В.Г.Зиверт, затем с июня же — Н.М.Чихиржин, с декабря — В.К.Вальтер, с января 1920 г. — В.Н.Соколов, с апреля — А.П.Аппен , с декабря 1920 г. — Я.К.Берзин [91].

Интересно появление в этот период в Региструпре группы бывших эсеровских боевиков, опытных конспираторов, среди которых выделялись племянник Столыпина Алексей Михайлович Устинов, Афанасий Семенович Северов-Одоевский и Яков Фишман .

Впрочем, на этом реорганизация Региструпра не закончилась, и 1 января 1920 г. военные разведчики получили новогодний подарок в виде нового «Положения» о Региструпре и нового штата. Задачи разведки в этих документах формулировались так:

«Выяснение военных, политических, дипломатических и экономических планов и намерений стран враждебно действующих против Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и нейтральных государств, а также их отдельных групп и классов, могущих нанести тот или иной вред Республике ...»

При этом задания для Региструпра поступают из ПШ и РВСР. РВСР также назначает начальника Управления и «через одного из своих членов имеет непосредственное наблюдение за деятельностью Региструпра».

Что касается организационной структуры, то в составе Управления теперь стало четыре отдела (мобилизационный, оперативный, информационный и хозяйственно-финансовый) и комендантская часть. Мобилизационный отдел привлекал сотрудников, занимался их обучением и разрабатывал для них инструкции и указания. Оперативный составлял общий и частный планы агентурных сетей, распределял задания между местными органами Региструпра и отдельными агентами, снабжал агентов всем необходимым для работы, опрашивал возвращающихся из-за рубежа людей и оценивал их сведения. Информационный обрабатывал и сводил все сведения, получаемые от оперативного отдела и из зарубежной прессы и документов, издавал разного рода сводки, обозрения и т.п.; в его функции входило также «сообщение представителям Советской печати различных сведений из добытых Региструпром материалов, по утверждению начальником Региструпра».

Как и прежде, «ответственными работниками и сотрудниками Региструпра и его местных органов, независимо от занимаемой ими должности или выполняемой работы, могут быть лишь члены Р.К.П.

Примечание. В исключительных случаях работа может быть поручена и лицу, не состоящему членом Р.К.П., если за таковое лицо ручаются два ответственных работника Региструпра или его местных органов»[92].

---

[90] Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С.347-348.

[91] Кочик В. Указ. соч. С.95.

[92] Там же. С.99-100.

Сменился и начальник Региструпра. Им стал лидер украинских коммунистов, которые после захвата Деникиным Украины переехали в Москву, Георгий Леонидович Пятаков. Однако возглавлял Управление он недолго. Уже в феврале 1920 г. его заменил в этой должности другой украинский лидер Владимир Христианович Ауссем . Впрочем, и он пробыл начальником военной разведки короткое время. По примеру практически всех своих предшественников, Ауссем безуспешно надоедал руководству страны докладами о бедственном положении вверенного ему ведомства, требуя при этом денег, которых ему никто не давал. 10 июня 1920 г., недовольный действиями члена РВСР и РВС Юго-Западного фронта И.В.Сталина, отозвавшего в действующую армию начальника Региструпра Юго-Западного фронта Фрица Матвеевича Маркуса, Ауссем подал рапорт об отставке и 11 августа его направили в распоряжение члена РВСР Д.И.Курского. На посту начальника Региструпра его сменил Я.Д.Ленцман, до этого занимавший должность члена РВС и начальника политотдела 15-й армии. Тем самым верные большевикам латыши, которых и без того было в разведке с избытком, практически на 15 лет получили военную разведку в свое полное распоряжение.

Приняв в августе 1920 г. Региструпр, Ленцман нашел Управление в развaленном виде. Докладывая об этом руководству РВСР, он писал, что если какие-то сведения и добывались, то только войсковой разведкой. Причем из-за нескоординированности действий центра и его местных органов в Латвию, например, послали примерно 700 агентов, а в Грузию — не менее 500. Поскольку подходящих людей найти было трудно, то на агентурную работу за рубеж и в местные подразделения посылали кого попало, среди агентуры процветали пьянство, провокации и спекуляция[93].

В сентябре 1920 г. утверждаются вторые за этот год штат и «Положение» о Региструпре, которые можно считать документами переходного периода — от войны к мирному времени.

Первым пунктом сентябрьского «Положения» стояло определение того, чем является Региструпр:

«... Самостоятельным органом стратегической агентурной разведки глубокого типа и центральным органом управления подведомственных ему органов агентурной разведки штабов Округов, Фронтов и Отдельных действующих армий, не входящих в состав фронтовых войсковых соединений».

Указывались в «Положении» и его задачи:

«... Действует в мирное и военное время, добывая все необходимые сведения и разрабатывая их по всем вопросам в областях: военной, дипломатической и экономической жизни всех стран. В военное время главенствующее значение приобретает выяснение планов и намерений враждебно действующих государств и нейтральных стран с целью выяснения их ближайшей политической конъюнктуры и заблаговременного определения возможных противников».

Согласно новому «Положению», Региструпр теперь разрабатывал и выполнял задания РВСР, которые давались ему непосредственно или через ПШ, а подчинялось оно Комиссару ПШ и через него — РВСР.

В составе Региструпра стало теперь пять отделов: оперативный (агентурный), информационный, общий, организационный и хозяйственно-финансовый. Функции их распределялись так:

— Оперативный отдел — составление общего и частных планов агентурных сетей, насаждение агентуры в соответствии с планами, разработка и распределение заданий между местными органами и отдельными агентами, общее и личное детальное инструктирование агентов и снабжение их всем необходимым, приглашение агентов на службу и сбор сведений от них, оценка полученных сведений, подбор и представление на утверждение РВСР «официальных, неофициальных и полуофициальных военных представителей». Последнее было новой обязанностью для Региструпра, раньше военно-дипломатической работой занимался Всероглавштаб.

[93] Там же. С.102-103.

— Информационный отдел — обработка и сводка полученных из различных источников сведений, обработка зарубежной и иностранной прессы и документов, издание различных сводок, направляемых по утвержденному начальником Региструпра перечню адресов.

— Общий отдел — рассылка секретных пакетов Управления, ведение персонального учета сотрудников («открытых») и приказов по Региструпру, общее делопроизводство, хранение шифров и соответствующей переписки; отдел ведал также типографией и комендатурой.

— Организационный отдел — учет и распределение открытых (легальных) ответственных работников Управления и подчиненных ему органов, организация новых и реорганизация по мере необходимости существующих низовых подразделений, контроль и координация их действий и периодическое инспектирование, разработка разного рода нормативных документов.

По новому сентябрьскому штату в Управлении предусматривалось 327 сотрудников[94].

Вопреки сложившейся традиции, принятие нового «Положения» не сопровождалось приходом в Региструпр нового начальника. По-видимому, это объяснялось тем, что Я.Д.Ленцман лишь месяц назад вступил в свою должность. В связи с этим к началу 1921 г. руководство Региструпра выглядело следующим образом:

начальник Управления — Я.Д.Ленцман;

помощники начальника — А.Я.Зейбот, А.М.Устинов;

Оперативный отдел: начальник — Я.К.Берзин, «для поручений при нем» — С.Т.Мандрико, В.В.Татаринов, 1-е отделение (оперативное), начальник — Ф.И.Буш, 2-е отделение (организационное), начальник — Н.И.Никольский, 3-е отделение (техническое), начальник — Я.Я.Бренгман;

Информационный отдел: начальник — О.П.Дзенис, помощник начальника — Э.П.Пучин, 1-е отделение (сводочное), начальник — Р.В.Лонгва, 2-е отделение (прессы), начальник — С.Р.Будкевич ;

Общий отдел: начальник — Э.Г.Юревич, начальник отделения связи — В.Я.Закис, начальник шифровального отделения — П.Б.Озолин;

Организационный отдел: начальник — В.Х.Груздуп, помощник начальника — М.И.Зелтынь, 1-е отделение (организационное), начальник — В.Г.Обухов, 2-е отделение (инспекторское), начальник — Николай Михайлович Назаров-Чихиржин;

Хозяйственно-финансовый отдел: начальник — Я.М.Мартинсон[95].

Как мы видим, более половины руководителей — латыши, причем они занимают все ключевые посты.

По мере изменения ситуации на фронтах менялись и основные задачи Региструпра. Еще в апреле 1920 г. Ауссем отмечал, что разведка в тылу белогвардейских войск на окраинах страны отпадает или сокращается до минимума по мере очищения этих окраин. На первое место выходит глубокая разведка в странах Западной Европы, Японии и Америки, которые рассматриваются как потенциальные противники. Начальник военной разведки не сомневался, что в осуществлении планов этих стран против советского государства будет использована и многочисленная русская эмиграция. Заграничная тайная разведка, писал далее Ауссем, значительно отличается от разведки в тылу белогвардейцев, она требует большого политического кругозора, знания языков и местных условий, для чего достаточно 10-20 человек из старой (дореволюционной) русской эмиграции, которым можно доверить связи Коминтерна. Но проблема в том, чтобы найти их и отправить в распоряжение Региструпра. Резолюция на документе гласит: «Тов. Ауссему необходимо помочь людьми, знающими тамошние условия и языки»[96].

---

[94] Там же. С.101-102.

[95] Там же. С.102.

[96] Там же. С.100.

Первые шаги по созданию агентурных сетей на территориях Российской империи, ставших вдруг иностранными государствами, были предприняты еще во второй половине 1919 г. Так, например, на 1 декабря 1919 г. в агентурной сети штаба Западного фронта, которой руководили начальник агентурного отделения Фриц Матвеевич Маркус и член РВС фронта Иосиф Станиславович Уншлихт, имелось девять действующих резидентов, пять резервных резидентов, три отдельно действовавших агента и 47 агентов-ходоков. Позднее по заданию Полевого штаба и Региструпра Уншлихт в короткий срок сумел создать агентурную сеть, получившую название «организация Уншлихта». Она состояла из четырех резидентур, находившихся в Минске, Вильно, Ново-Свечанах и Варшаве. Основной задачей этой организации было ведение разведки в Польше. В резидентурах насчитывалось несколько десятков агентов. В качестве помощников Уншлихта в организации агентурной работы выступали Артур Карлович Верховский (вошел в историю как Сташевский, настоящая фамилия Гиршфельд) и Бронислав Брониславович Бортновский, впоследствии ставшие крупными руководящими работниками разведки[97].

16 февраля 1920 г. начальник ПШ РВСР дал указание начальнику Региструпра «организовать агентурную разведку в широком масштабе», выходя за рамки сопредельных с Советской Россией стран. Главное внимание следовало уделить выяснению состояния вооруженных сил тех государств, с которыми вероятнее всего в данный период могло произойти вооруженное столкновение. К таким странам в 1920 г. были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Турция, Азербайджан, Армения, Персия, Афганистан и Япония. Региструпр рассматривал прибалтийские страны, Финляндию и Грузию в качестве агентурных плацдармов для организации работы в странах Западной Европы. Первым таким плацдармом стала Эстония, подписавшая с Советской Республикой мирный договор.

Здесь надо отметить, что разведывательный центр Региструпра для ведения агентурной разведки в Эстонии был создан еще во время мирных переговоров с ней и дислоцировался в Петрограде. На центр возлагалась задача вербовки разведчиков, их инструктаж и переброска в Эстонию, руководство их деятельностью, а также прием прибывающей агентуры. Возглавил центр военнослужащий, эстонец по национальности, большевик Л.Март, приступивший к своим обязанностям 31 декабря 1919 г. Для организации работы он первоначально получил 15 тыс. рублей николаевскими деньгами, через две недели ему передали еще 44 тысячи советскими рублями.

17 января 1920 г. руководство разведывательного центра представило в Региструпр «Схему организации разведки в Эстландии», согласно ей страна разделялась на пять разведываемых районов: Юрьевский, Нарвский, Ревельский, Валкский и Везенбергский. Во главе каждого из этих пяти районов предполагалось поставить резидента с тремя помощниками, которые должны были приступить к насаждению агентурных сетей. Данную схему почти сразу же утвердило руководство Региструпра.

К июню 1920 г. разведсеть Региструпра в Эстонии включала в себя центральный аппарат в Петрограде со штатной численностью 20 человек, пограничные пункты для отправки и приема агентуры в Ямбурге и Пскове и две окружные резидентуры — в Ревеле и Юрьеве. Первая из них имела три участковых (районных) резидентуры, из них две в Нарве и одну в Везенберге. Вторая состояла из двух участковых резидентур, обе в городе Валка. Кроме того, было создано еще шесть самостоятельных участковых резидентур, не связанных с окружными резидентурами и поддерживающих непосредственный контакт с центром. Связь участковых резидентов с вышестоящим органом осуществлялась через агентов-курьеров, которые направлялись с материалами в передаточные пограничные пункты. В том случае, когда позволяла агентурная обстановка, связь производилась с использованием шифра по телеграфу.

Особенно успешно действовала резидентура в Ревеле, возглавляемая старым большевиком-подпольщиком (псевдоним Федоров). 24 декабря 1920 г. «Федоров» переслал в

[97] Алексеев М. Указ. соч. С.43-44.

Региструпр сведения о дислокации эстонской армии, полученные через агента в эстонском военном министерстве. Этот же агент передавал ему копии всех приказов военного министра. Ревельской резидентурой были добыты и пересланы в центр сведения о состоянии укреплений на островах Сурай, Норчен и Вульф, материалы по финской армии, включавшие перечень всех воинских частей с характеристикой командного состава и схему дислокации частей. Агентура, действовавшая в белогвардейских организациях, добыла «План предполагаемого вооруженного выступления Народной Армии к востоку от границ Латвии и Эстонии». Интересно, что продавший этот документ белый курьер, служивший одновременно в эстонской контрразведке, первоначально запросил за него 2500 фунтов стерлингов, однако затем, видимо, трезво оценив перспективы белого движения, согласился на сумму в 250 фунтов.

Помимо разведработы в Эстонии, резидентура в Ревеле по заданию Региструпра обеспечивала переброску агентуры через Ригу в другие страны — Америку, Германию, Швецию и т.д. Затем Региструпр приступил к насаждению подобной сети в Литве, используя проходившие в июле 1920 г. переговоры о заключении мирного договора между этой страной и РСФСР. К концу августа агентурные сети были созданы во всех прибалтийских государствах[98].

Летом 1920 г. РВСР принял решение об учреждении института военных атташе при полномочных представителях Республики в странах, с которыми советское государство заключило мирные договора и установило дипломатические отношения. А 3 июня 1920 г. РВСР утвердил инструкцию военным представителям РСФСР за границей. В параграфе 4 инструкции определен круг деятельности военных атташе по сбору сведений об иностранном государстве. Военные атташе должны были собирать необходимые сведения:

а) путем изучения иностранной литературы;

б) извлечения нужных данных из периодической печати;

в) непосредственным наблюдением;

г) агентурой.

В том случае, когда военным атташе назначался беспартийный работник (что отнюдь не являлось исключением),его работа сводилась к представительству, консультациям по военным вопросам и изучению вооруженных сил страны пребывания по доступным ему открытым источникам. Агентурой ведал специально выделенный партийный работник, занимавший должность помощника военного атташе.

Введение института военных атташе способствовало улучшению организации и ведения разведки. Советские военные атташе или их помощники стали руководителями агентуры. Так, например, организация разведки в Литве, Польше и Германии была возложена на помощника военного атташе при советском представительстве в Литве В.Г.Ромма, он одновременно являлся и окружным резидентом. В первые три месяца работы он сумел создать агентурную сеть, которая к ноябрю 1920 г. уже начала давать ценные сведения. При этом Ромм действовал в тесном контакте с другим окружным резидентом, носившим псевдоним Бобров.

К концу 1920 г. Ромм и Бобров организовали 14 резидентур — четыре в Данциге, по две — в Варшаве, Вильно и Мемеле, по одной — в Познани, Гродно, Белостоке и Кибартах. Они осуществляли сбор информации по северо-восточной части Польши, Восточной Пруссии и Литве, охватывали агентурным наблюдением важнейшие железнодорожные узлы линии Варшава — Вильно, а также крупнейшие морские порты Балтийского моря.

Помимо резидентур действовали и отдельные агенты. Так, на личной связи с Роммом находились два ценных источника информации: Клоц в Берлине и агент В (сотрудник литовской военной контрразведки в Ковно). Бобров сумел восстановить связь с агентом старой русской армии Щукиным, поддерживающим контакты с французской контрразведкой в Вильно. Бобров также завербовал агента во французской дипломатической миссии в Литве. На связи у Боброва находились агент Сергеенко в Ковно и агент-ходок Шмидт в Восточной Пруссии.

[98] Там же.

Кроме информации агентура добывала образцы иностранных документов, с которых в Региструпре изготовляли копии для использования при переброске агентов. Ромм несколько раз пересылал в Регистрационное управление образцы паспортных бланков и печатей, а также образцы бумаги для паспортов[99].

Если до установления дипломатических, экономических, культурных и иных связей со странами Прибалтики агентурная разведка Красной Армии в основном была нелегальной, то с налаживанием этих связей советская военная разведка стала широко использовать их в качестве прикрытия для своей миссии. В комиссиях и делегациях, направляемых за границу, обеспечивалось широкое представительство Регистрационному управлению.

Здесь необходимо отметить, что на руководящую разведывательную работу за рубежом привлекались, как правило, только члены РКП(б), нередко имевшие опыт подпольной работы. В качестве рядовых разведчиков использовались молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет, преимущественно из рядов Красной Армии, в большинстве случаев неженатые. Беспартийный мог попасть на работу в военную разведку только в том случае, если за него поручатся как минимум двое ответственных партийных работников. Большинство будущих разведчиков до революции проживали в Прибалтике, Бессарабии или Польше, и, следовательно, хорошо знали язык и обычаи той страны, где им предстояло вести разведку. Широко известны имена целой плеяды советских разведчиков-латышей, таких как Оскар Стигга, Август Песс , Рудольф Кирхенштейн, Ян Биркенфельд, супруги Тылтынь . Из эстонцев — Гаральд Туммельтау , Карл Римм, Рихард Венникас , Иоганнес Кясперт, Карл Тракман, Вольдемар Пусс. Из Бессарабии вышли такие «звезды» советской разведки, как создатель «Красной капеллы» Леонид Анулов , Федор Карин и Федор Гайдаров. Выходцами из Польши были Феликс Гурский, Бронислав Бортновский, Станислав Будкевич, Роман Лонгва, Стефан Жбиковский, Лев Борович , Макс Максимов , братья Эренлиб (Яновские), Стефан Узданский и многие другие. Достаточно сказать, что только из одного маленького пограничного галицийского городка Подволочиска вышло шестеро, как сейчас принято говорить, «мэтров советского шпионажа» — Альфред Глезнер, Бертольд Ильк, Михаил Уманский, Вильгельм Шталь, Вальтер Кривицкий и Игнатий Рейсс-Порецкий.

Молодежь, пришедшую в разведку, как правило, вначале обучали на Курсах. Каждый, окончивший их, направлялся в разведывательный орган с соответствующей характеристикой, которая давала возможность его использовать в соответствии с выявленными способностями и возможностями.

Кроме того, неисчерпаемым резервом для подбора разведывательных кадров являлись осевшие в России бывшие военнопленные, в основном из австро-венгерской армии, принявшие участие в гражданской войне на стороне большевиков. Из их среды вышли Манфред Стерн (известен как Штерн), Ганс Димма, Виктор Кидайш, Адольф Шипек, Василь Дидушек , Дезидер Фрид, Дюла Капитань, Бэла Кассони и многие другие.

К концу 1920 г. руководство Региструпра поставило задачу включать в зарубежную агентурную сеть специально выделенных партийными организациями этих стран коммунистов. Так, ставший к тому времени начальником Региструпра Ян Давыдович Ленцман указывал, что «сейчас, когда весь мир находится в состоянии активной гражданской войны, во всех буржуазных государствах коммунистические партии являются не только нашими друзьями, но и активными борцами в нашем лагере. Поэтому они принимают и должны принимать активное участие во всех видах борьбы и разной работы ... В силу этого они должны выделить из своей среды работников, задачей которых является выяснение сил противника — буржуазии. Конкретно; сеть агентов Региструпра во всех странах должна состоять из людей, выделенных коммунистическими организациями этих стран. Единственно при такой постановке вопроса ведение агентурной работы может быть поставлено на широкую ногу и дать результаты ...».

Для вербовки вышеупомянутых агентов широко использовались эмиссары Коминтерна, которые одновременно работали и на разведку. Они вербовали людей в основном из

[99] Там же.

нелегальных военных аппаратов компартий. Последние стали создаваться повсеместно после II конгресса Коминтерна на волне эйфории, охватившей коммунистов всех стран в результате наступления Красной Армии на Варшаву. Опытные и испытанные эмиссары Ленина в Европе, такие как Юзеф Ротштадт (Иосиф Красный) в Австрии, Стоян Минев во Франции, Ян Страуян в Италии за короткий срок смогли привлечь в советские разведывательные сети сотни молодых людей в странах Западной и Восточной Европы, с нетерпением ожидавших мировой революции и считавших Советскую Россию своей подлинной родиной.

Об определенных успехах, достигнутых сотрудниками Региструпра в этом направлении, можно судить по тому факту, что, как пишет в своей статье ветеран ГРУ Ю.А.Челпанов, уже в конце 1920 г. советская разведка успешно действовала более чем в 15 важнейших государствах, особенно эффективно — в Прибалтике, Польше и на Балканах. Во время гражданской войны советским разведчикам удалось проникнуть в штабы армий Колчака и Врангеля, а во время советско-польской войны — в штаб армии белополяков. Военная разведка Красной Армии имела свои источники в центральных штабах, в правительственных кругах и контрразведке Эстонии, сумела добыть планы выступления Латвии и Эстонии против Советской России, сведения о подписании секретных договоров между Венгрией и Францией, направленных против РСФСР[100].

С окончанием гражданской войны процесс централизации руководства Красной Армией вступил в завершающую фазу. 10 февраля 1921 г. ПШ РВСР был слит со Всероглавштабом в Штаб РККА для создания единого органа управления всеми вооруженными силами Республики. Затронули эти преобразования и молодую советскую военную разведку. Региструпр, еще не опомнившийся от прошлой реорганизации, подвергся новой. Но об этом разговор пойдет в следующем очерке.

[100] Челпанов Ю.А. Юбилей военной разведки // Военно-исторический архив. 1998. №3. С.286.

Эпоха «великих нелегалов» (1921-1937 гг.)

После окончания гражданской войны на карте мира появилось новое государство — Советская Россия, а каждому уважающему себя государству, беспокоящемуся о своей безопасности, необходимо иметь военную разведку. Советская военная разведка времен гражданской войны решала оперативные задачи. Новый — мирный — период ставил новую задачу — организацию стратегической разведки. Поэтому приказом РВСР №785/141 от 4 апреля 1921 г. вместо Региструпра и разведывательной части оперативного управления Штаба РККА, выполнивших свою задачу создается Разведывательное управление (Разведупр) Штаба РККА.

Разведупр становится центральным органом военной разведки как в военное, так и в мирное время. По общим вопросам начальник Разведывательного управления подчинялся начальнику Штаба РККА, по вопросам же агентурной работы — непосредственно комиссару Штаба, а после введения единоначалия в армии — заместителю председателя Реввоенсовета СССР. Организационно Разведупр состоял из канцелярии и четырех отделов: войсковой разведки, агентурной разведки, информационно-статистического и радиоинформационного. Штат управления был определен в 275 человек[101].

Перед Разведуправлением в тот период стояли следующие задачи:

— организация, руководство и контроль стратегической агентурной разведки в иностранных государствах, в их военной, а при необходимости — в политической, экономической и дипломатической областях;

— организация, в зависимости от международного положения, активной разведки в тылу противника (подготовка и проведение диверсионных действий в тылу противника на будущих театрах военных действий (театрах войны);

— организация и проведение дезинформационных мероприятий;

— добывание, получение и обработка всякого рода изданий иностранной прессы, военной и военно-статистической литературы;

— обработка добываемых агентурными и другими методами материалов, изучение образцов добытой техники и издание информационных документов по всем видам разведки (сводки, обзоры, описания и т.д.), составление заключений о возможных стратегических намерениях (замыслах) и планах иностранных государств, вытекающих из добытых разведывательных данных о подготовке к войне;

— организация взаимодействия и получение сведений, необходимых Разведупру от ведомств, имеющих заграничную агентуру;

— руководство деятельностью разведывательных органов в военных округах и на фронтах, назначение по согласованию с соответствующими реввоенсоветами и командующими фронтами (военными округами) начальников их разведывательных органов[102].

Задачи эти характерны для разведки в любое время, и поэтому в целом они остались неизменными. А вот самому главному органу разведки повезло меньше, в последующие годы он неоднократно подвергался всевозможным реорганизациям. К концу 1921 г. из структуры управления изъяли отдел радиоразведки, а в начале 1922 г. упразднили и отдел войсковой разведки. В ноябре того же года Разведупр был преобразован в Разведывательный отдел Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА с изменением структуры. Количество штатных сотрудников уменьшилось с 275 в 1921 г. до 91 в 1924 г.[103].

Но проведенная реорганизация себя не оправдала. Статус разведотдела не соответствовал ни объему, ни характеру работы. Поэтому в 1924 г. после очередной реорганизации разведывательный отдел снова стал Разведывательным управлением Штаба РККА. Однако в

---

[101] Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Правда-5. 1998, ¹25. С.10.
[102] Серов Е., Волгин В. Тайны военной разведки. 1918-1945 гг. // Армия. 1995. №19. С.47-48.
[103] Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Правда-5. 1998, ¹25. С.10.

нем еще долго то появлялись, то пропадали разные отделы, на которые возлагалось решение новых задач разведки.

В сентябре 1926 г., когда все наименования управлений Штаба РККА стали номерными, Разведупр превратился в IV Управление. В его состав входили общая (административная) часть, а также отделы: 1-й (войсковой разведки), 2-й (агентурный), 3-й (информационно-статистический) и 4-й (внешних сношений). На этом эпоха реорганизаций практически завершилась[104]. Около 10 лет структура Разведупра хотя и подвергалась небольшим изменениям, однако в целом они носили скорее косметический характер. Только с приходом в военную разведку в 1935 г. большой группы чекистов во главе с Артуром Христиановичем Артузовым ее структура была полностью реорганизована. По штату Разведупр насчитывал к тому времени 403 сотрудника, которые работали в 12 отделах. Наиболее важными из них были первые 6.

1-й отдел — агентурная разведка на Западе, состоял из 5 отделений. В нем работало 36 человек. Во главе отдела стоял корпусный комиссар Отто Оттович Штейнбрюк.

2-й отдел — агентурная разведка на Востоке, также состоял из 5 отделений и насчитывал 43 сотрудника. Начальником отдела был корпусный комиссар Федор Яковлевич Карин.

3-й отдел — научно-техническая разведка, возглавлялся комдивом Оскаром Ансовичем Стиггой.

4-й отдел, руководивший деятельностью разведотделов штабов военных округов и флотов, возглавлял комбриг Василий Григорьевич Боговой.

5-й отдел — дешифровальная служба, возглавлялся полковником Павлом Христофоровичем Харкевичем.

6-й отдел — внешних сношений, возглавлял комкор Анатолий Ильич Геккер .

Остальные отделы были вспомогательными.

Большим недостатком новой структуры была предпринятая по инициативе Артузова ликвидация информационно-статистического отдела.

Реорганизация 1920-х гг. коснулась и разведывательных отделов штабов военных округов. Теперь в аппарат агентурной разведки округа (фронта) входили: агентурный отдел штаба округа, агентурные отделения разведотделов армий и корпусов, оперативные офицеры разведывательных отделений отдельных дивизий. Глубина ведения разведки разведотделами округов была определена таким образом: на западном направлении — 250-300 км., на восточном — 500 км. Работали разведотделы округов в интересах обслуживания командования и войск округа по вопросам изучения вооруженных сил сопредельных государств, их территорий и театра военных действий. Так, разведотдел штаба Петроградского (позднее — Ленинградского) военного округа вел разведку в Финляндии, Эстонии и Латвии, штаба Западного фронта — в Польше и Литве, штаба Отдельной Кавказской армии (позже — Краснознаменной Кавказской армии) — в Турции и Персии, штаба Туркестанского фронта (позднее Среднеазиатского военного округа) — частично в Персии, Индии, Афганистане и прилегающих к Туркестану северо-западных районах Китая, штаба 5-й армии (позже Сибирского военного округа) — в Китае и Монголии, штаба Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) — в Маньчжурии и Японии.

Разведотделы округов должны были решать следуюшие задачи:

— создание закордонной агентуры для самостоятельного ведения стратегической разведки в политической, экономической, дипломатической и военной областях;

— организация связи с резидентурами, непосредственное руководство и финансирование;

— вербовка, обучение и персональный инструктаж агентов различных категорий, снабжение их легализационными документами и экипировкой;

— организация активной разведки в тылу противника[105].

[104] Там же. С.11.

[105] Серов Е., Волгин В. Указ. соч. // Армия. 1995. №20. С.53-54.

С апреля 1921 г. руководил советской военной разведкой Арвид Янович Зейбот — он возглавлял Разведывательное Управление (потом отдел). Однако пробыл на этом посту недолго, уже в феврале 1924 г. Зейбот направил в ЦК РКП(б) письмо, где весьма средне оценивал собственную работу в должности руководителя. В частности, он писал, что пока насаждалась агентура, проводилась чистка аппарата и оргработа, он более-менее справлялся с делами Разведупра, но в связи с тем, что ситуация изменилась — центр тяжести переместился теперь на чисто военные вопросы, Зейбот просил освободить его от занимаемой должности и предложил на свое место Я.К.Берзина. Член РВС СССР И.С.Уншлихт 10 февраля 1924 г. следующим образом прокомментировал просьбу Зейбота в резолюции на его заявлении : "Последнее время настойчивость, с которой т.Зейбот возобновил свое ходатайство, убедила меня, что его просьбу следует удовлетворить, несмотря на то, что мы теряем весьма ценного работника. Полагаю, что т. Берзин сможет заменить т. Зейбота"[106]. Руководство страны согласилось с Зейботом и Уншлихтом, и во главе советской военной разведки стал Берзин, занимавший этот пост более одиннадцати лет.

Здесь надо отметить, что начало 20-х гг. стало очень трудным временем для Разведупра РККА. Причины тому были разные — и неопытность, и проблемы с кадрами, но пуще всего — вечная нехватка денег, особенно в валюте. Чтобы их добыть, приходилось прибегать ко всяким ухищрениям. Так, на первых порах содержание зарубежного аппарата финансировалось за счет продажи за границей драгоценностей и пушнины. Не случайно, к примеру, первый руководитель резидентуры Разведупра в Берлине Артур Сташевский после возвращения из-за границы в 1926 г. стал заместителем председателя правления «Пушносиндиката» и «Союзпушнины», а в 1934 г. возглавил «Главпушнину» Наркомвнешторга.

Занималось Разведывательное управление и самостоятельными коммерческими операциями. Уже в 1921 г. сотрудники Разведупра братья Абрам и Арон Эренлиб (Яновские) создали в Берлине первое торговое предприятие, являвшееся прикрытием для советской военной разведки. Однако решение поставить разведку на самоокупаемость было неправильным. И хотя среди разведчиков попадались отдельные коммерческие гении, такие как болгарин Христо Боев или поляк Игнатий Порецкий, одновременно добывать разведданные и торговать было весьма затруднительно. Не говоря уже о том, что торговать информацией куда прибыльнее, чем товарами. Поэтому разведка, безусловно, нуждалась в стабильном государственном финансировании. Однако государство оказалось весьма прижимистым спонсором. Так, в 1923 г. Наркомфин урезал смету Разведуправления в несколько раз. Результаты этого решения стали просто катастрофическими — разведка лишилась многих уже налаженных агентурных сетей. А, как известно, хорошую агентурную сеть за два квартала не создашь, на ее становление уходят годы — те самые, которые в гонке вооружений идут один за два, за три, за пять лет ...

Иногда по причине непомерной скупости финансирующих органов возникали просто анекдотические ситуации. Так, например, разведчики, отправлявшиеся на работу за рубеж под официальным прикрытием, обязывались не выделяться «из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств». Требование, с одной стороны, вполне разумное, но с другой ... В то время, когда советские люди, и официальные представители в том числе, оказывались за границей, они настолько выделялись своей одеждой в толпе, что за ними, бывало, буквально бегали зеваки. Один из деятелей разведки аж в 1934 (!) г. писал: «Я полагаю, что этот политический момент заставляет нас еще раз поставить вопрос во всю величину о выделении каких-то специальных фондов по линии ЦХУ (кооперация провалит дело) и увеличить денежный отпуск с тем, чтобы люди ехали за границу, не похожие на белых ворон среди той толпы ...». Однако ничего не изменилось. И когда несколько лет спустя молодого военного разведчика С.Н.Старостина направляли на полугодовую стажировку в советское посольство в

[106] РГА СПИ. Ф.17. Оп.100. Д.17974.

Германии, ему так и не смогли подобрать гражданский костюм. Пришлось Старостину одеваться в комиссионке на Пятницкой и платить за костюм из собственного кармана[107].

Кроме денежного Разведупр испытывал и острый кадровый голод. Разумеется, часть заграничных работников являлись выходцами из западных областей России — Польши и Прибалтики или имели опыт зарубежной эмиграции. Они хорошо знали закордонную обстановку, в должной мере владели языками и не слишком отличались от местного населения, тем более что послевоенная Европа представляла собой настоящее вавилонское столпотворение. Но таких людей было мало. Поэтому Разведупру поневоле приходилось привлекать случайных людей, отобранных по принципу верности делу партии, без опыта подпольной работы, без знания языка и обстановки. А ведь один такой оперативник мог поставить под угрозу провала всю сеть.

Впрочем, отчасти нехватка кадров компенсировалась за счет выпускников Военной академии РККА. Отобранных слушателей прикомандировывали на определенный срок к Разведупру. По истечении этого срока слушатели возвращались в академию, завершали учебу. Если им удавалось хорошо себя зарекомендовать во время стажировки в Центре или за рубежом, их вновь брали на службу в Разведывательное управление. Среди попавших таким путем в военную разведку можно назвать Семена Урицкого , Карла Янеля, Августа Гайлиса, Яна-Альфреда Тылтыня, Александра Граффа (Бармин), Гаральда Туммельтау. Однако и здесь были серьезные проблемы. Из выпускников Военной академии только небольшой процент годился для работы в разведке. Отсутствие специальных навыков и способностей, незнание языка, страны, в которой предстоит работать, — вот причины, по которых большинство выпускников приходилось возвращать обратно в войска.

Особенно остро недостаток кадров ощущался в странах Востока. В связи с этим еще в 1920 г. при Академии открывается восточный факультет. Его основателем и руководителем становится Андрей Евгеньевич Снесарев, бывший генерал-лейтенант царской армии, опытный разведчик и выдающийся востоковед. Туда принимались выпускники основного отделения. Первый выпуск восточного факультета — восемь человек — состоялся в 1923 г. А в октябре 1926 г. начались занятия на специальных трехгодичных курсах при Дальневосточном университете. Там готовили разведчиков, которые могли бы работать в Японии, Китае и Корее.

Кадры разведчиков готовили и на Курсах усовершенствования по разведке при Разведупре Штаба РККА. Но это была, так сказать, работа «местного значения», на случай войны. Курсы готовили начальников разведки штабов округов, корпусов и дивизий и их помощников, а также давали командирам РККА некоторые специальные знания по агентурной и активной разведке и по контрразведке. На курсах одновременно обучались 36 человек (из расчета по 4 человека на округ).

Кроме финансовых и кадровых трудностей существенно затрудняло работу советской военной разведки постоянное соперничество с ВЧК-ОГПУ. Дело в том, что первый председатель ВЧК-ОГПУ Ф.Дзержинский, стремясь подмять под себя военную разведку, добился того, что в ноябре 1920 г. было принято постановление Совета Труда и Обороны за подписью Ленина, согласно которому Региструпр, помимо РВСР, подчинялся еще и ВЧК — на правах ее отдела. При этом начальник Региструпра входил в коллегию ВЧК с правом решающего голоса. Назначение начальника Региструпра должно было производиться по согласованию РВСР и ВЧК.

Однако проведение этого постановления в жизнь встретило сильное сопротивление со стороны военных. В результате Разведупр так и не включили в ВЧК. Поэтому 20 декабря 1920 г. ВЧК создает собственный орган агентурной внешней разведки — иностранный отдел (ИНО). Но при этом начальник Регистрационного, а потом и Разведывательного управления оставался членом коллегии ВЧК и по-прежнему назначался по согласованию с Чрезвычайной Комиссией,

[107] Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Правда-5. 1998, №29. С.11.

что в дальнейшем привело к объединению зарубежных агентурных сетей, назначению единых резидентов и их двойному подчинению[108].

Подобная практика, когда при единстве задач и нехватке средств за рубежом действовали объединенные резидентуры ИНО ВЧК и Разведупра под руководством объединенных резидентов, бывших одновременно уполномоченными военной и политической разведок, просуществовала до 1925 г. Так, в начале 1920 гг. объединенным резидентом во Франции был Я.М.Рудник , а затем С.П.Урицкий, в Польше — М.А.Логановский , на Балканах — Б.Н.Иванов , в Германии — А.К.Сташевский, затем Б.Б.Бортновский. К концу 1922 г. уже существуют объединенные резидентуры в Германии, Франции, Италии, Австрии, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Польше, Литве, Финляндии, Турции и Китае. Раздельно работали лишь агентурные сети разведотделов военных округов и полномочных представителей ГПУ.

Слабой стороной этого «двойственного союза» стал ИНО ВЧК, который испытывал острую нехватку кадров и не имел сформировавшейся структуры за рубежом. А руководство работой одного и того же агентурного аппарата из двух центров вносило изрядную неразбериху. Из Москвы поступали противоречивые директивы, возникала путаница в денежной отчетности резидентур и т.п. Объединенные резиденты вели переписку с руководителями обеих разведывательных служб и неплохо пользовались своим положением, выбирая из потока указаний только те, которым хотели следовать, и обращаясь при случае к другой стороне, а то и прямо в РВСР.

В итоге уже весной 1921 г. начальник Разведывательного управления А.Зейбот заговорил о необходимости объединить не только зарубежную агентуру, но и центральное руководство. Как водится, каждый тянул одеяло на себя. Проект, рожденный в недрах Разведывательного управления, предусматривал передачу ему всей агентуры, ликвидацию ИНО ОГПУ, расширение агентурного отдела Разведывательного Управления. На долю ОГПУ приходилось лишь право давать некоторые задания. Естественно, чекисты с такой постановкой вопроса были категорически не согласны. Тогда Разведупр родил новое предложение: наоборот, ИНО передается весь личный состав разведаппаратов и агентурной сети, а Разведупр сохраняет за собой лишь право контроля за расходованием денежных средств, на участие в решении кадровых вопросов и выработки руководящих директив. ОГПУ опять не согласилось — чекисты не желали никакого контроля со стороны военной разведки. Военным дозволялось лишь участвовать (на уровне представителя РВС СССР) в выработке годового плана разведки и постановке отдельных заданий. Эти пререкания тянулись до 1923 г., когда на совещании РВС под председательством Э.М.Склянского вообще было признано нецелесообразным объединение агентурных аппаратов ИНО ОГПУ и Разведупра. Таким образом Склянский разрубил узел, который не в силах были развязать на многочисленных переговорах представители обеих разведок.

В результате в 1923 г. началось разделение зарубежной агентурной сети с назначением в каждую сеть своего резидента. К началу 1925 г. разделение практически закончилось. (Кстати, в ходе этого процесса оперативные работники сплошь и рядом меняли подчиненность, переходя из органов военной разведки в политическую и наоборот). В итоге остались довольны все, кроме Наркомфина — разделенные разведки обходились гораздо дороже. Впрочем, впоследствии не раз возвращались к этому вопросу, вновь пытаясь объединить разведки. Ничего путного из этого не вышло, и до сих пор военная и политическая разведки разделены и соперничают между собой.

Еще одним слабым местом, вызывающим постоянные нарекания и даже провалы, было сотрудничество Разведупра и Зарубежных бюро РКП (б), имевшее давние традиции. Так, еще до окончания Гражданской войны, 15 апреля 1920 г., была принята инструкция о взаимоотношениях Региструпра РВСР и Зарубежных бюро РКП(б). В ней указывалось, что «Региструпр РВСР является центральным органом разведки, руководит ею на местах и через

[108] Серов Е., Волгин В. Указ. соч. // Армия. 1995. №19. С.47.

Зарубежные бюро РКП(б)». Среди задач, которые ставились перед Зарубежными бюро в этой инструкции, можно отметить следующие:

— выполнение заданий Региструпра по разведке во всех ее видах;

— помощь Региструпру в вербовке работников для зарубежной работы;

— доставка разведывательных сводок непосредственно в Региструпр.

Но в начале августа 1921 г., когда состоялось совещание представителей Разведупра, ВЧК и Коминтерна, это положение изменилось. На совещании был принят проект Положения об отделениях Коминтерна за границей и представителях Разведупра и ВЧК. В нем, в частности, говорилось следующее:

«Представитель Коминтерна не может в одно и то же время быть и уполномоченным ВЧК и Разведупра. Наоборот, представители Разведупра и ВЧК не могут выполнять функции представителя Коминтерна в целом и его отделов.

2. Представители Разведупра и ВЧК ни в коем случае не имеют права финансировать за границей партии или группы. Это право принадлежит исключительно Исполкому Коминтерна.

Примечание: НКИД и Внешторгу также не дается право без согласия ИККИ финансировать заграничные партии.

Представители ВЧК и Разведупра не могут обращаться к заграничным партиям и группам с предложением об их сотрудничестве для Разведупра и ВЧК.

3. Разведупр и ВЧК могут обращаться за помощью к компартиям только через представителя Коминтерна.

4. Представитель Коминтерна обязан оказывать ВЧК и Разведупру и его представителям всяческое содействие»[109].

Документ был подписан: от Коминтерна — Зиновьевым и Пятницким, от ВЧК — Уншлихтом, от Разведупра — его тогдашним начальником Арвидом Зейботом.

Это постановление открывает длинный список подобных ему документов, запрещающих использовать членов национальных компартий для разведывательной работы в пользу СССР. Однако соблазн использовать готовых даровых агентов велик, и к вопросу о взаимоотношениях с коммунистами приходилось возвращаться снова и снова.

Так, 14 августа 1925 г. состоялось совещание представителей Разведупра, ИНО ОГПУ, НКИДа и Коминтерна. Оно было созвано одним из создателей советской военной разведки С.Араловым по поручению Коллегии НКИД СССР, членом которой он к тому времени состоял. Инициатором же совещания стал полпред (и одновременно представитель Коминтерна) в Чехословакии Антонов-Овсеенко. Он написал письмо руководству НКИДа, где сетовал на частые провалы у военных разведчиков (три провала в течение короткого времени) и указывал, что Разведупр, ИНО и Коминтерн не согласовывают своей деятельности, интригуют друг против друга и т.д.

От Коминтерна на совещании присутствовал И.Пятницкий, от Разведупра — Ян Берзин, от ИНО — заместитель Трилиссера Алексей Логинов. Совещание приняло решение вынести работу разведок из посольств, сократить работу спецслужб через местные компартии и прибегать к ней только с согласия местных ЦК или руководства Коминтерна. Было решено, что в случае, если члены компартии переходят на работу в разведку, то они обязаны предварительно выйти из рядов своей компартии, а также решение, что список таких людей будет составляться в единственном экземпляре и храниться у Пятницкого. Однако совещание решило не прекращать полностью сотрудничества компартий с разведкой, поскольку «товарищ Берзин указывал, что невозможно обойтись без квартир и адресов местных товарищей».

Впрочем, толку от всех этих решений оказалось мало. Прошло чуть больше года, и последовал новый провал, что характерно, в той же Чехословакии. В ноябре 1926 г. в Праге арестовали работника военной типографии, болгарского коммуниста Илью Кратунова и несколько чехословацких коммунистов. Дирекция чехословацкой полиции в докладе в МИД своей страны от 1 декабря 1926 г. писала: «При аресте болгарского студента Ильи Кратунова,

[109] РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.19. Д.342. Л.1-2.

который являлся сотрудником уличенного в шпионаже работника Советской миссии Христо Дымова, был найден материал, свидетельствующий, что коммунистическая агитация на балканские страны была сосредоточена в Праге в руках Ильи Кратунова. Он получал сведения из Парижа, Италии и Вены, а также деньги, которые посылал в Болгарию. Деньги эти, по утверждению Кратунова, болгарские заграничные коммунистические организации предназначали для лиц, преследуемых болгарским правительством, или для их близких. Кратунов имел связь и с болгарской эмиграцией в Советской России, некоторые корреспонденции оттуда он посылал в Болгарию проставив пражский адрес ...». Скандал был колоссальный. Руководителя группы, советского вице-консула Христофора Ивановича Дымова (Христо Боев) выслали из страны[110].

После провала в Праге Постановлением ЦК ВКП(б) от 8 декабря 1926 г. Разведупру было запрещено привлекать членов иностранных коммунистических партий в качестве агентов. Допускалось это только в исключительных случаях, «когда отдельные члены партии могут принести особые заслуги», с разрешения ЦК соответствующей партии. Причем коммунист, привлекаемый в качестве агента, должен был выйти из партии и порвать все партийные связи. Нетрудно догадаться, что исключение легко превращалось в правило, а формальный выход из партии, конечно же, не мог обмануть полицию.

Результат не заставил себя ждать. Широкое использование действующих членов партии стало источником провала в апреле 1927 г. во Франции, где резидентом был С.Л.Узданский, нелегально работавший под именем Абрама Бернштейна. Вот как описывал произошедшее тогда советский журнал «Суд идет!» (Л., 1928. №1. С.50-52): «8-го апреля палата депутатов была отправлена по декрету в очередной отпуск. На следующий же день, 9-го апреля французская охранка, не стесняемая в своих движениях контролем парламентской комфракции, двинула свой боевой аппарат. Через несколько дней столбцы бульварных газет запестрели огромными, сенсационными заголовками: «Раскрыт военный шпионаж!», «Иностранная держава за нами шпионит!», «Коммунисты на службе у иностранцев!» и т.д. А вскоре стали известны и имена арестованных. Провост — видный синдикалист, секретарь редакции «Синдикалистский справочник документов», Менетрие — секретарь унитарной федерации служащих и рабочих в правительственных учреждениях, Депуйи — активный работник той же федерации. Был дан мандат на арест тов. Кремэ — муниципального советника, члена Политбюро франц. компартии, и его секретаря Луизы Кларак, но за «ненахождением» (они бежали в СССР. — Прим. авт.) — мандат не был приведен в исполнение. Зато были арестованы два иностранца: русский литовец студент Гродницкий и просто русский — художник А.Бернштейн».

Дальше шло душещипательное описание процесса, побоев в охранке, жестокостей полиции и свирепости приговора. (Кстати, максимальный срок, полученный подсудимыми на этом процессе, был пять лет тюрьмы.) А самое забавное во всей статье — то, что французская полиция была в своих действиях абсолютно права и что получивший три года русский художник А.Бернштейн на самом деле являлся резидентом советской разведки (но об этом, конечно же, журнал не писал). Следствие, по-видимому, так и не раскрыло действительной роли Бернштейна, иначе не отделался бы он тремя годами. Однако скандал, как и в Праге, был грандиозный[111].

Впрочем, отсутствие связей с советской разведкой ни в коей мере не избавляло зарубежных коммунистов от обвинений в шпионаже. Это стало еще одним аргументом, чтобы все-таки привлекать коммунистов к работе. И связи, естественно, старались сохранить, как с ведома Центра, так и без оного. Правда, уже не в таких глобальных масштабах, как в начале 1920-х гг., — все-таки заслон был поставлен, но сотрудничество продолжалось, случались, конечно, время от времени провалы, а вслед за провалами разворачивались в средствах массовой информации антисоветские кампании.

[110] Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Правда-5. 1998, №29. С.11.
[111] Там же. С.11.

Еще одним вопросом, требующим незамедлительного решения, была форма организации разведывательной работы за рубежом. Дело в том, что советская военная разведка началась с нелегальной работы. В годы гражданской войны в тыл противника в массовом порядке перебрасывались подготовленные нелегальные резиденты и агенты, а после ее окончания разведывательно-диверсионную работу заменила нелегальная отправка за рубеж отдельных резидентов-организаторов для создания агентурных сетей. Однако, как уже говорилось, для полнокровной работы не хватало ни средств, ни опыта, ни кадров. Поэтому не стоит удивляться тому, что после прорыва дипломатической блокады Советской республики руководство Разведупра с радостью ухватилось за возможность организовать легальные зарубежные резидентуры. Так, уже в 1920 г. Центр направил первых резидентов в качестве сотрудников официальных советских учреждений в Германию, а затем в Прибалтику. А к середине 1920-х гг. в подавляющем большинстве стран, где работали советские разведчики, они действовали легально. При этом нелегальная работа отошла на второй план, хотя уже в начале 1920-х годов за рубеж отправили несколько нелегальных резидентов, в частности во Францию и на Балканы, причем нелегальная резидентура в Париже была сохранена и после создания там в 1924 г. легальной резидентуры.

Тогда же все более существенную роль в разведывательной работе Разведупра стали играть аппараты военных атташе. Так, к 1926 г. аппараты военного (ВАТ) и военно-морского (ВМАТ) атташе учредили в 12 странах: Финляндии, Швеции, Прибалтике (один аппарат ВАТ на Латвию, Литву и Эстонию), Польше, Германии, Италии, Англии, Турции, Иране, Афганистане, Китае и Японии. В задачи атташе входила всесторонняя оценка вооруженных сил страны пребывания, их мобилизационной и боевой готовности, оперативной и боевой подготовки личного состава, военной политики правительств и командования этих государств, а также сопредельных с ними стран[112].

Но более-менее успешно легальные резидентуры действовали лишь до 1923 г., пока спецслужбы стран пребывания (особенно французская «Сюрте Женераль» и польская «Дефензива») не изучила методов работы советских разведчиков и не взяла советские представительства под особый контроль. Начиная с этого момента работа легальных резидентур становилась все более трудной. Положение усугубляло и чрезмерное усердие некоторых резидентов. Стремясь как можно быстрее создать агентурную сеть, они часто включали в нее непроверенных людей. Такая практика отзывалась многочисленными провалами, которые давали повод обвинять советские дипломатические представительства в разведывательной и даже диверсионной деятельности, в подрывной пропаганде, из-за чего престижу советского государства наносился серьезный ущерб.

Руководство СССР не желало мириться с таким положением вещей. В результате осенью 1926 г. по распоряжению ЦК ВК(б) была создана комиссия для изучения причин провалов. Рассмотрев сложившуюся ситуацию, комиссия предложила не назначать сотрудников Разведупра на руководящие должности в советских представительствах любого рода, а если без этого обойтись было нельзя, то запретить им поддерживать связь с агентурой и заниматься вербовкой. Одним словом, комиссия рекомендовала вновь сделать основной упор на нелегальную работу. 6 декабря 1926 г. Политбюро утвердило это предложение. Начался «пир» нелегалов.

Как уже было сказано, главной задачей советской военной разведки в данный период стало добывание сведений о вооруженных силах вероятных противников, об их планах и намерениях в отношении Советского Союза. Если же говорить более конкретно, то в 1921-1923 гг. основные усилия советской военной разведки направляются на сбор информации по Польше и Румынии. Затем в этот список вошли и другие ближайшие соседи СССР — Финляндия, Латвия, Литва, Эстония. А в середине 1924 г. изучаемые Разведывательным управлением РККА государства были разделены на четыре группы по степени уделяемого им внимания:

[112] Серов Е., Волгин В. Указ. соч. // Армия. 1995. №20. С.54.

первая — «западные пограничные государства» (Польша, Румыния, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония);

вторая — «великие державы» (Англия, Франция, Германия, Италия) и Североамериканские Соединенные Штаты;

третья — «восточные соседи СССР» (Турция, Персия, Афганистан, Китай, Япония);

четвертая — «прочие государства» (в первую очередь Чехословакия, Югославия, Венгрия, Болгария, Греция, Бельгия и проч.)[113].

Кроме того, существовала и пятая категория объектов внимания — «зарубежные белогвардейские группы и внутренний бандитизм». И хотя белоэмигрантские организации относились к сфере деятельности ВЧК-ОГПУ, советскую военную разведку также ориентировали на работу против них. Так, в 1921-1922 гг. с ее участием были сорваны готовящиеся на территориях сопредельных государств вооруженные выступления белогвардейцев против СССР. Более того, вплоть до 1926 г. перед Разведупром ставились и контрразведывательные задачи — выявление агентуры белогвардейцев на территории Советского Союза, разложение белогвардейских отрядов, подрыв авторитета белогвардейских руководителей. Эта работа проводилась прежде всего в тех странах, где белая эмиграция действовала наиболее активно: в Турции, Франции, Болгарии и Китае.

Заканчивая рассказ об этом периоде истории военной разведки, следует упомянуть о первом массовом награждении сотрудников Разведупра в феврале 1928 г., к 10-летнему юбилею РККА. Были награждены орденом Красного Знамени начальник 4-го Управления Я.К.Берзин, его помощник Б.Б.Бортновский, состоящий для особых поручений при 4-м Управлении В.В.Давыдов, помощники начальников отделов Управления А.П.Аппен, А.Ю.Гайлис, С.В.Жбиковский, Я.М.Жигур, И.К.Мамаев, А.Я.Песс, И.С.Порецкий, К.Ю.Янель, находившиеся в то время на зарубежной работе Х.И.Салнынь и Я.-А.М.Тылтынь, а также бывший начальник Региструпра Я.Д.Ленцман.

Что до конкретных операций советской военной разведки в данный период, то рассказ о них будет удобнее вести по странам.

Австрия

В Австрии советская разведка весьма успешно действовала с самого начала 1920-х гг. Первым резидентом объединенной резидентуры РУ и ИНО ВЧК-ГПУ в Вене был Юзеф Яковлевич Красный (Ротштадт). Этот человек, близкий друг Феликса Дзержинского, сыграл огромную роль на начальном этапе развертывания советских агентурных сетей в странах Восточной Европы.

Родился он в 1877 г. в Варшаве в семье фабриканта. В 17 лет попал в тюрьму за участие в демонстрации. Член СДКПиЛ с мая 1905 г. Профессиональный революционер. Под кличкой «Муковский» вел агитационную и организаторскую работу, был секретарем редакции газеты «Червонный Штандарт». В декабре 1906 г. арестован на конференции СДКПиЛ и Бунда по поводу выборов во 2-ю Государственную Думу. Осенью 1908 г. осужден на 6 лет каторги. До 1913 г. сидел в Кельцах и в Смоленске. В 1913 г. был в ссылке в Бирюльске и Манзурке Иркутской губернии. В 1914 г. бежал из ссылки за границу. Жил в Силезии и Австрии. В период немецкой оккупации Польши был арестован и просидел в немецких лагерях более 2 лет (с небольшим перерывом).

В декабре 1918 г. участвовал в Объединительном съезде СДКПиЛ и ППС-Левицы, на котором была создана Коммунистическая рабочая партия Польши. С декабря 1918 г. по март 1919 г. — представитель КРПП в Совете Рабочих депутатов в Домбровском районе. С мая 1919 г. — представитель ЦК КРПП при венгерском советском правительстве, принадлежал к т.н. «русской группе», одновременно организовал польскую группу, работал среди красных польских солдат в Будапеште.

[113] Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Правда-5. 1998, №25. С.11.

После поражения Венгерской Советской республики Ю.Я.Красный перебрался в Вену, где редактировал польский коммунистический журнал «Свит». С 1919 г. руководил Венским (Юго-Восточным) бюро Коминтерна, являлся основателем и соредактором его органа — журнала «Коммунизмус». Некоторое время работал в Верхней Силезии.

С 1921 г., по соглашению с Москвой и Берлинским центром ИНО и Разведупра — резидент объединенной резидентуры советской разведки в странах Восточной Европы и на Балканах. Именно в Вене и находилась эта резидентура. Вместе с ним работала его жена Елена Адольфовна Красная (Старке). Помощником Красного с мая 1921 г. был известный впоследствии разведчик Лев Борович (Розенталь).

Под их руководством работали молодые коммунисты — уроженцы Вены (Карл Небенфюр, Якоб Локкер-Мюллер) и большая группа выходцев из Галиции (Вильгельм Шталь — "Готфрид", "Роберт", Альфред Глезнер – "Федин", "Оскар Гирс", "Джино", впоследствии работавший в ОМС ИККИ и с конца 20-х гг. вновь в Разведупре, а также перешедшие позднее в ИНО ОГПУ братья Гюзберг — Бертольд, работавший под псевдонимом Ильк и бывший первым нелегальным резидентом ИНО в Центральной Европе в конце 1920-х гг., и Михаил (Уманский), известные впоследствии невозвращенцы Самуил Гинзберг, более известный как Вальтер Кривицкий и Игнац Рейсс-Порецкий — "Людвиг"). Рейсс — Порецкий и Локкер выполняли задания резидентуры Красного в Польше, в частности, во Львове, собирая военную информацию. Как писала впоследствии жена Рейсса Элизабет Порецки, в первом донесении "Людвига" и Локкера, отправленном Красным в Москву, говорилось о том, что"украинские части (польской армии) считались ненадежными и их никогда не располагали вдоль советской границы... о состоянии дорог, мостов, железнодорожных путей и т.д.[114]".

В 1922 г. Ю.Я.Красный был арестован вместе с женой в Чехословакии, просидел три месяца, после чего был осужден к 8 суткам ареста за фальшивый паспорт. В том же году он вернулся в СССР. Планировался на должность первого советского легального резидента в Лондон, однако английское правительство отказало в визе. С 1923 г. работал заведующим библиотекой Социалистической академии. С мая 1923 г. — организатор и председатель Центрального, Восточного и Западного издательств, затем — оргсекретарь Международного крестьянского совета (Крестинтерна). В этом качестве Ю.Я.Красный нелегально выезжал на Балканы. Позднее работал в издательстве Наркомзема. С 1925 г. — член и секретарь польской комиссии Истпарта. Умер в Москве 5 декабря 1932 г.

Красного сменил на посту резидента знаменитый Феликс Вольф, известный в Вене под фамилией «Инков» (подробный рассказ о нем читатели найдут в разделе о работе военной разведки в США). Он работал официально в качестве атташе советского полпредства. Затем резидентурой Разведупра (уже после разделения резидентур) последовательно руководили такие крупные разведчики, как Карл Янель, Владимир Нестерович (Ярославский), Александр Емельянов-Сурик, Стефан Жбиковский и в 1927-1930 гг. – Лев Борович. Среди оперативных сотрудников резидентуры выделялись Юрий Майзель, Ян-Альфред и Мария Тылтыни, Зося Залесская, Феликс Гурский, перешедший затем в ОГПУ.

В это время Вена была одним из центров международного шпионажа, где шел активный обмен разведданными между представителями разведок различных стран, кроме того, из Вены они вели работу в странах Центральной и Восточной Европы. В первые годы своей деятельности резидентура Разведупра весьма успешно подбирала агентов из числа бывших офицеров и солдат австро-венгерской армии, которые в годы 1-й мировой войны находились в русском плену и затем служили в т.н. "Спартаковской бригаде" – Особой бригаде при штабе Западного фронта, командиром которой был Артур Карлович Сташевский (в ней также служили С.Г.Фирин, В.Р.Розе и Л.А.Борович). Но кроме идейных помощников на резидентуру Разведупра также работали за вознаграждение чиновники госаппарата бывшей Австро-Венгерской империи (а затем Австрийской республики).

[114] Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996. С.63.

Среди агентов, завербованных в Вене в начале 20-х гг., выделялись венгры: Ференц Мюнних, впоследствии председатель правительства Венгерской Народной Республики в 1956-1967 гг., брат знаменитого деятеля Венгерской Советской республики Тибора Самуэли — Георг и другие венгерские коммунисты, осевшие в Австрии после разгрома «Венгерской Коммуны». Вскоре их ряды пополнили многочисленные болгарские эмигранты, бежавшие в Вену после поражения Сентябрьского восстания 1923 года. Как ни странно, болгары оказались гораздо более проворны и эффективны в качестве разведчиков, чем их дунайские соседи. С этого времени на протяжении двух десятков лет они, наряду с немцами, составляли львиную долю советской агентуры в странах Центральной и Восточной Европы, а также в Азии.

С 1930 г. в Вене действовали одновременно 3 резидентуры Разведупра, функции которых были различными. Резидентура, которой руководил Иван Цолович Винаров ("Март"), занималась разведкой в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии, Греции и Турции. В Вене помощниками Винарова были его соотечественники, болгарские коммунисты Христо Генчев, Васил и Никола Йотовы, Петко Николов Петков и др. В Польше работал Никола Попов, о котором подробнее будет рассказано далее. В Чехословакии резидентом в 1930-1934 гг. был Иван Крекманов ("Шварц"), его помощниками – Стефан Буюклиев, Стефан Кратунский. Агентами этой резидентуры были сотрудники чехословацких военных заводов – заведующий отделом патентов дирекции заводов "Шкода" в Праге Л.Лацина, инженер К.Китрих, конструктор военной фабрики в Праге Я.Досталек. Резидентура смогла добыть секретные военные приказы, чертежи и схемы различных видов вооружения. Ян Досталек, передавший информацию о сделанном им же армейском радиопередатчике, был осужден к 5 годам заключения в 1932 г. (освобожден в 1937 г., погиб во время немецкой оккупации Чехословакии).

В Румынии работали Иван Тевекелиев (ранее работавший в Праге в резидентуре Крекманова) и Иван Мициев. Группа Тевекелиева обнаружила готовившую диверсантов румынскую разведывательно-диверсионную школу в Карпатах. В 1933 г. Тевекелиев был арестован и в 1940 г. после 7-летнего заключения выслан в Болгарию.

В Болгарии на резидентуру "Марта" работали Димитр Ананиев (1932-1935) и с 1930 до падения монархии в 1944 г. Иван Пылов и Марин Калбуров (также работавший в Праге, в Софии он работал под прикрытием владельца фирмы по торговле чешским и немецким оружием).

В Югославии в 1932-1941 гг. работал Драгутин Чолич, впоследствии известный композитор. В Турции в начале 30-х гг. работали под руководством резидентуры Винарова Гиню Стойнов и Васил Карагезов, а в Греции – Гавриил Савов и Неделко Понеделков. Одним из главных заданий резидентуры был "массовый перехват военно-дипломатической и прочей корреспонденции в Софии, Бухаресте, Белграде и Афинах с помощью служащих почты и телеграфа"[115]. Винаров был отозван в Москву в 1933 г. Его сменил Ф.П.Гайдаров, работавший ранее в Турции.

Резидентура в Вене под руководством К.М.Басова организовала на курорте Баден под Веной "радиостанцию, принимавшую шифровки разведгрупп в Центральной Европе и передававшую их в Центр"[116]. После провала в декабре 1931 г. сотрудники нелегальной резидентуры были высланы из Австрии. Руководивший операцией Басов в январе 1932 г. был награжден орденом Красного Знамени. Видимо, задачи операции были выполнены. Третьей резидентурой в Вене руководил В.Г.Кривицкий.

Болгария

Хотя Болгария и не входила в число стран, которым советская военная разведка уделяла приоритетное внимание, операции на ее территории стали проводиться сразу же после

[115] Кочик В.Я. Некоторые аспекты деятельности советской военной разведки в 20-е-30-е годы // Военно-исторический архив. 2001, №13. С.71-74.

[116] Кочик В.Я. Там же.

окончания гражданской войны. Уже начиная с 1921 г., как только более-менее выяснилась география белой эмиграции, Разведупр за короткий срок создает на Балканах несколько сильных резидентур с многочисленной агентурной сетью. Самой эффективной из всех существовавших в странах Балканского полуострова стала резидентура Русева, действовавшая именно в Болгарии.

Федор Русев (он же Христо Боев) был направлен в Болгарию в августе 1921 г. за короткий срок ему удалось создать крупную резидентуру, собиравшую информацию среди высших правительственных кругов, политиков, крупных предпринимателей, в болгарской армии и в среде русской белой эмиграции. Боев организовал в портовом городе Бургосе небольшое коммерческое предприятие для торговли с Советской Россией — «Матеев, Кремаков и Ко». Это акционерное общество закупило быстроходный пароход «Иван Вазов», который неоднократно совершал рейсы в Одессу и Севастополь, перевозя ценную информацию, людей, оружие, агитационную литературу. С 1922 г. по Черному морю для болгарских коммунистов перевозилось оружие.

Большую помощь резидентура Боева получала от Военной организации Болгарской компартии. В 1925-1926 ей руководил сотрудник Разведупра М.М.Чхеидзе. Х.И.Салнынь в 1924 инспектировал партизанские отряды БКП[117]. В составе последней действовал разведывательный отдел, передававший Боеву важную информацию от самых различных источников, в том числе даже от болгарской полиции и органов общественной безопасности.

Параллельно с Боевым в Болгарии действовала и резидентура Бориса Базарова , русского офицера-белоэмигранта, перешедшего на работу в советскую разведку. «Крышей» для его резидентуры служили сначала магазин «Шар — механика и измерительные приборы», а затем венский книжный магазин. Резидентура Базарова получала сведения не только из Болгарии, но также из Румынии и Югославии. Сотрудник Базарова, известный македонский революционер Павел Шатев (на протяжении более чем 20 лет он являлся ценным сотрудником советской военной разведки) проник в одну из масонских лож, в которой состоял также глава болгарских фашистов Александр Цанков[118].

Однако наибольших успехов в своей работе в Болгарии добился Борис Николаевич Иванов, работавший под псевдонимом Борис Краснославский, прибывший в Болгарию в качестве заместителя руководителя советского Красного Креста. Кроме Иванова в состав миссии Красного Креста входили еще два разведчика — чекисты Федор Карин (А.Корецкий) и Герман Клесмет (Р.Озол).

Резидентура Бориса Иванова в основном занималась разложением армии генерала Врангеля. Советское правительство придавало этой работе большое значение, так как именно из Болгарии готовились и проводились различного рода провокационные десанты на территорию Советского Причерноморья. Хорошо организованные и боеспособные остатки врангелевской армии в количестве 15 тысяч человек, находившиеся на территории Болгарии, могли стать ударной силой в случае агрессии против СССР.

Для разложения белоэмигрантских формирований советская разведка использовала противоречия внутри самого белого движения, сделав ставку на оппозиционные силы в нем. Активная работа велась среди казачества, в частности в рядах оппозиционного Врангелю Общеказачьего земледельческого союза.

В 1922 г. в Болгарии создается репатриационная организация «Союз за возвращение на Родину» («Совнарод»). В скором времени эта организация начала издавать свой орган — «На Родину». Борис Иванов и его товарищи, среди которых был и присланный из Берлина для координации всей работы Семен Фирин, активно использовали «Совнарод» для ведения просоветской агитации. Им удалось привлечь в организацию генералов Гравицкого, Секретева, Клочкова, Зеленина и большую группу офицеров. Несколько позднее газеты «Совнарода» и Общеказачьего союза объединились в единый орган «Новая Россия», в состав его редакции под

[117] Кочик В.Я. Там же.
[118] Кочик В. Болгарский вариант. Рукопись.

своей настоящей фамилией вошел Семен Фирин. Большую помощь Иванову в его работе в Болгарии оказывал мичман Сергей Чайкин, имевший большие связи в Болгарии и также ставший сотрудником миссии Красного Креста. В результате резидентуре Иванова удалось предотвратить несколько попыток врангелевских диверсантов проникнуть на советскую территорию. Так, летом 1922 г. стало известно, что специально прибывший из Берлина генерал В.Л.Покровский, в свое время снятый Деникиным с поста командующего Кавказской армией, готовит десант на Кубань. Покровский установил связь с антисоветской организацией генерала Смердова в Варне и сумел подготовить к переброске свыше 60 казачьих офицеров. Своевременно вскрыв планы заговорщиков и использовав свое влияние на болгарские власти, советские разведчики предотвратили десант. Более того, заговорщиков арестовали, а генерала Покровского убили 9 ноября при попытке оказать вооруженное сопротивление.

Другой важной операцией советских разведчиков стало изъятие архивов белогвардейского командования в Болгарии, готовившего заговор против местного правительства. Похищенные документы были переданы болгарским властям, которые приняли соответствующие меры. В результате около 150 белых офицеров арестовали, многих из них выслали из Болгарии. Однако главным результатом деятельности сотрудников Разведупра следует считать массовое возвращение врангелевских солдат на Родину. Советское руководство чрезвычайно высоко оценило деятельность С.Фирина, Б.Иванова и других сотрудников Разведупра в Болгарии. Так, С.Фирин за свою успешную работу был награжден в 1925 году орденом Красного Знамени.

Однако в работе Разведупра в Болгарии случались и провалы. Один из них связан со взрывом в Софийском кафедральном соборе, организованном военным отделом ЦК Болгарской компартии при самой активной поддержке Коминтерна и Разведупра. Целью взрыва, организованного 16 апреля 1925 г., стало убийство главы болгарского правительства А.Цанкова, пришедшего к власти в результате военного переворота 9 июня 1923 г., и членов его кабинета. По замыслу организаторов этого теракта после ликвидации членов правительства должны были начаться рабочие вооруженные выступления, которые неизбежно переросли бы в коммунистическую революцию. Но вся эта безумная затея с треском провалилась. Хотя бомба взорвалась во время службы и погибло около 150 человек, ни Цанков, ни его министры не пострадали. Более того, последствия оказались совершенно противоположными ожидаемым — все непосредственные участники покушения были казнены,а на коммунистов обрушился шквал репрессий.

Еще одним последствием взрыва в Софийском соборе стало решение резидента Разведупра в Вене Владимира Нестеровича (он же Ярославский, он же Ибрагим), координировавшего работу по Балканским странам, порвать с советской разведкой. Ошеломленный случившимся, он покинул свой пост в Вене и выехал в Германию. Вскоре после этого в Москву пришло донесение, где утверждалось, что он якобы пытается установить контакты с представителями английской разведки. Это крайне обеспокоило советское руководство. В результате начальник ИНО ОГПУ Трилиссер отдал приказ о ликвидации Ярославского, и 6 августа 1925 г. его отравили в одном из кафе города Майнца работники военного аппарата компартии Германии братья Голке.

После установления дипотношений между СССР и Болгарией в 1934 г. первым легальным резидентом РУ стал военный атташе полковник Василий Тимофеевич Сухоруков.

Польша

В первой половине 1920-х гг. и еще долго после этого Польша считалась противником номер один Советской России. Поэтому разведывательную работу по ее вооруженным силам, кроме Варшавской резидентуры, вели работники Разведупра, действовавшие в Берлине, Париже, Вене и даже в США. А первым легальным резидентом советской военной разведки в Варшаве был работавший под прикрытием второго секретаря полпредства М.А.Логановский, который одновременно выполнял и функции резидента ИНО ОГПУ.

Тактика работы против Польши напоминала тактику времен гражданской войны. Агенты вербовались среди польских эмигрантов во Франции, Бельгии, Чехословакии, Германии, а также среди жителей польско-германской приграничной полосы. Затем завербованные перебрасывались в Польшу, где приступали к разведывательной работе.

К 1927 г. Польшу изучили достаточно хорошо. Разведупру была документально известна организация ее вооруженных сил, имелись также очень важные и редкие материалы, касающиеся мобилизации и предполагаемого стратегического развертывания польской армии, и практически вся информация о воздушном флоте.

Что же касается конкретных операций советской разведки в Польше в этот период, то здесь можно отметить работу Софьи Залесской. Молодую разведчицу в 1921 г. командировали в Краков с заданием организовать нелегальную резидентуру. Успешно справиться с этим заданием ей помогли родственные связи (она происходила из дворянской семьи). В результате Залесской удалось быстро войти в аристократические и военные круги Кракова и даже завербовать несколько офицеров, от которых она получала информацию оперативного характера. В 1922 г., когда работа краковской нелегальной резидентуры была налажена, Залесскую направили в Берлин.

Если говорить о работе легальной резидентуры в Варшаве, то о ней довольно интересные подробности рассказывает в своей книге «На путях к термидору» советский дипломат-невозвращенец Григорий Беседовский — с ноября 1922 г. сначала он был первым секретарем, а затем поверенным в делах УССР, а в сентябре 1923 г. стал советником полпредства СССР в Варшаве: «В это время, то есть в первой половине 1923 г., во главе отдела ЧК и военной разведки при посольстве стоял Мечислав Логановский. Это был поляк по происхождению, бывший член польской социалистической партии, перешедший затем к коммунистам. Во время гражданской войны Логановский отличился на фронте, имел ордена Красного Знамени и пользовался личным расположением Дзержинского. Дзержинский, любивший окружать себя польскими коммунистами, предложил Логановскому перейти на работу в Чека, и Логановский принял предложение. Одновременно с этим он принял также предложение Уншлихта быть резидентом Разведывательного управления (Разведупра) в Польше. Эта работа давала Логановскому большое политическое влияние, так как Уншлихт руководил тогда не только военной разведкой, но и польской секцией Коммунистического Интернационала. От Уншлихта, а не от Наркоминдела зависело направление советской политики в отношении Польши.

Логановский был человеком твердой воли, железной выдержки и зверской жестокости. Человеческая жизнь не имела в его глазах никакой ценности. Он готов был принести в жертву тысячи жизней, чтобы добиться выполнения какой-либо, иногда чисто технической, директивы. Помощником Логановского по отделу Чека являлся Казимир Кобецкий, тоже поляк по происхождению и бывший член польской социалистической партии. Кобецкий значительно уступал Логановскому по политическому развитию и по уму, но зато был блестящим техником, и недаром польская газета «Курьер червоный» назвала его в одной из статей о советском шпионаже в Польше «королем шпионов». Основной специальностью Кобецкого являлась вербовка агентуры вовне посольства. Несмотря на свое официальное положение (Кобецкий, как и Логановский, был секретарем миссии), он работал вовне под разными вымышленными фамилиями, и надо было обладать действительно блестящими способностями, чтобы вести такую двойную жизнь. Информация Кобецкого была поставлена блестяще. Он имел десятки осведомителей во всех слоях польского общества и еженедельно посылал в Москву обстоятельнейший доклад о внутреннем политическом положении Польши. Для этого доклада Кобецкий, впрочем, лишь систематизировал сырой материал, который обрабатывался вторым помощником Логановского — Карским (Тыщуком по кличке).

Карский был несомненно крупным политическим работником. Типичный интеллигент, вечно бегающий с книжкой или газетой в руке, близорукий и рассеянный, он был похож на учителя провинциальной школы. Он обладал большими политическими знаниями, много работал над собой, прекрасно разбирался во внутренней польской обстановке, знал всех политических лидеров, со всеми их достоинствами и недостатками. Карский считался в Чека

«кабинетным» работником, и к нему относились поэтому несколько свысока. Оперативная работа ему никогда не поручалась, лишь изредка, когда Кобецкий бывал занят, Карский ходил в город на свидания с информаторами, но при этом у него бывал такой растерянный, перепуганный и вместе с тем таинственный вид, что за несколько километров можно было догадаться, что он идет на конспиративное свидание. Однажды Кобецкий вздумал подшутить над ним, и, когда Карский вечером возвращался в посольство, в одном из темных переулков к нему подскочила какая-то фигура и крикнула: «Арестую вас, как сотрудника ГПУ! Следуйте за мной на Братскую улицу!» (на этой улице помещалась политическая полиция). Карский, несмотря на свое дипломатическое звание, покорно поплелся за фигурой, не попросив даже предъявить какое-нибудь служебное удостоверение. На одном из ближайших перекрестков фигура юркнула в подворотню, а перепуганный Карский еле живым добрался до посольства и рассказал о своем страшном приключении. Кобецкий смеялся до слез, так как неизвестный, «арестовавший» Карского, был одним из его агентов...

По линии военной разведки Логановский имел в качестве помощника офицера красного генерального штаба Еленского. Еленский прекрасно наладил разведку, пользуясь услугами коммунистов-рабочих на железных дорогах, заводах и фабриках и работой Союза коммунистической молодежи в армии. Главной опорной базой его работы был Данциг. Там, на территории вольного города, работали в то время военные разведки нескольких стран, и там же устроил свою главную квартиру Еленский. Польские граждане ездили в Данциг без виз. Это создавало большие удобства в работе агентов Еленского, ездивших в Данциг как в польский город и в то же время гарантированных на его территории от посягательств польской полиции»[119].

В 1923 г. Варшаву посетил эмиссар Коминтерна В.П.Милютин. Вскоре после его отъезда полпред СССР Оболенский вызвал Беседовского и сообщил под строжайшим секретом, что по распоряжению Уншлихта Логановский должен создать в Польше террористическую организацию. Целью проводимых ею диверсий и терактов должно стать усиление и обострение революционной борьбы в Польше. А во главе организации встанут два польских офицера-коммуниста: поручик Багинский и подпоручик Вечоркевич.

Это сообщение вызвало у Оболенского чувство глубокой озабоченности: он опасался бессмысленных террористических актов, которые могут скомпрометировать советское полпредство. Тем более, что непосредственная связь резидента с Уншлихтом ставила Логановского в положение прямого подчинения Коминтерну минуя полпреда. Коминтерн же вел в Польше совершенно самостоятельную политику, нимало не считаясь с государственными интересами СССР. Террористическая организация была создана в очень короткие сроки и вскоре дала о себе знать. В помещениях польских политических и общественных организаций и газет начали взрываться бомбы и адские машины. Взрывы происходили без различия политической ориентации, точнее, по принципу маятника — то взлетит на воздух контора правой политической организации, то левой. Создавалось впечатление, что появились две экстремистские политические организации, перешедшие к «латиноамериканским формам» политической борьбы. Некоторый публицисты назвали этот период польской истории «бомбовым периодом».

В полпредстве подозревали, что взрывы — дело рук организации Логановского, но «железный Мечислав» категорически отрицал какую-либо к ним причастность. Проконтролировать же его было невозможно — ведомство Логановского в полпредстве было «государством в государстве». Более того, создавалось впечатление, что само полпредство существовало только для прикрытия деятельности резидента.

Впрочем, постепенно польская полиция начала выходить на след неуловимых бомбистов. И к сентябрю 1923 г. часть руководителей организации арестовали, хотя основная масса террористов еще находилась на свободе.

[119] Беседовский Г. На путях к термидору. М. 1997. С.63-66.

Однако самым громким, в прямом и переносном смысле, террористическим актом «бомбового периода» стал взрыв Варшавской цитадели в октябре 1923 г. К тому времени Логановский уже покинул Варшаву, а вместо него организацию курировал новый резидент военной разведки Еленский (настоящее имя — Стефан Узданский). Беседовский, бывший очевидцем этих событий, так описывает случившееся:

«В ночь на 13 октября 1923 г. я лег спать очень поздно, так как пришлось приводить в порядок ряд разных дел, и около трех часов ночи заснул крепким сном. Утром меня разбудил неожиданный толчок. Дверь из комнаты на балкон распахнулась со страшным шумом. Стекла посыпались из окон и из дверей. Я почувствовал, что лежу на полу. Сильный ток воздуха ворвался в комнату, сбрасывая все на пути. Жена проснулась одновременно со мной. Мы подбежали к балкону. В это время часы показывали ровно девять часов пять минут утра. Вся улица была усеяна осколками битого стекла. Толпа народа в ужасе бежала от Краковского предместья по Трембацкой улице. Я сначала подумал, что кто-нибудь бросил бомбу у здания посольства, и мне невольно пришла в голову мысль, что вот настала наконец расплата за грехи Логановского. Но вдали, на Краковском предместье, виднелись также толстые слои битого стекла, и было ясно, что взрыв произошел где-то далеко и что до нас дошли только последние волны воздуха, приведенного взрывом в движение. Я выскочил из комнаты в коридор. Оболенский бежал по коридору в нижнем белье. Он был взлохмачен; с перекошенным от страха лицом, не переставая повторял: «В нас бросили бомбу! В нас бросили бомбу!» С трудом удалось успокоить его и разъяснить, что никакой бомбы в посольство никто не бросал.

Через час вышли экстренные выпуски газет, из которых мы узнали, что взрыв произошел в варшавской цитадели, отстоявшей от посольства на расстоянии нескольких километров. Взорвалась большая часть погребов цитадели, где хранился экразит. Взрыв произошел сначала в одном погребе, а затем, вследствие детонации, взлетели на воздух и остальные. Лишь несколько погребов случайно уцелели. Сила взрыва была так велика, что рота солдат, стоявшая на плацу в полукилометре от цитадели, была поднята целиком на воздух и сброшена на середину Вислы, где утонуло несколько десятков человек. От взрыва пострадали сотни людей, и только счастливой случайностью можно было объяснить, что уцелели предместья и улицы Варшавы, расположенные вблизи цитадели. На этих улицах ютится, в гнилых и пыльных трущобах, еврейская беднота, и если бы взрыв захватил и погреба, расположенные в той части цитадели, которая обращена в сторону предместья, то десятки тысяч еврейских трупов усеяли бы Варшаву. Лишь чудом спаслись от смерти эти вечно полуголодные нищие еврейские ремесленники и торговцы!..

Взрыв породил массу толков в городе. Правительство Витоса выпустило воззвание к населению, указывая, что «преступная рука» взорвала цитадель, но доказательств участия этой руки у правительства почти не было. Взрыв был произведен искусно. Только часовой, стоявший у первого взорвавшегося погреба и спасшийся чудом, показал, что сначала блеснул огонь в проходе в погреб, а затем раздался сравнительно слабый взрыв, вслед за которым последовал второй взрыв и самый погреб взлетел на воздух. Было ясно, что цитадель взорвалась от адской машины, спрятанной в проходе первого погреба...

Страшные дни потянулись в посольстве. Все понимали или догадывались, кто герой этого преступного акта, его инициатор и организатор»[120].

Впрочем, надо заметить, что лидеров террористической организации Багинского и Вечоркевича арестовали еще до взрыва и в ноябре 1923 г. приговорили к смертной казни. На процессе они вели себя мужественно. Эти два польских офицера были убежденными коммунистами. После их ареста их семьи жили в нищете, но Багинский и Вечоркевич не хотели брать денег от советского полпредства, чтобы у польских властей не возникло даже тени подозрения, что они являлись платными агентами большевиков. По настоянию советского правительства Багинский и Вечоркевич были помилованы польским президентом и

[120] Там же. С.85-86.

впоследствии обменяны. Но в вагоне, отвозившем их в Советский Союз, 25 марта 1925 г. у самой границы их убил полицейский чиновник Мурашко.

Взрыв Варшавской цитадели заставил польскую контрразведку активизировать свою работу. В результате к 1924 г. нелегальная резидентура Разведупра была фактически разгромлена. И тогда Центр направил в Варшаву опытного сотрудника М.Скаковскую, поставив перед ней задачу принять на себя руководство остатками агентурной сети и заново наладить ее деятельность.

Мария Вячеславовна Скаковская, дворянка, стала работать в советской военной разведке в 1921 г. В то время Штаб РККА особенно интересовала деятельность Верховного штаба Антанты и генеральных штабов западных стран. И М.Скаковскую направляют в Париж, где довольно скоро она становится помощником резидента. Ее деятельность во Франции была весьма успешной. Так, в 1923-1924 гг. в Москву начинают регулярно поступать сведения о планах Верховного штаба Антанты. А в начале 1924 г. военные разведчики раздобыли даже стенограмму совместного совещания представителей генеральных штабов Англии и Франции с командованием русской армии в эмиграции. На совещании обсуждался вопрос о новой интервенции с одновременным выступлением контрреволюции внутри страны.

Обосновавшись в Польше, обаятельная и интересная женщина, Скаковская привлекала к себе широкое внимание как польских офицеров, так и сотрудников дипломатического корпуса Варшавы. Пал жертвой ее чар и советский посол П.Л.Войков. Это был мужчина хоть куда (точнее, он считал себя таковым), а работу за границей он воспринимал как сплошную увеселительную поездку. Чтобы не быть голословными, процитируем снова Беседовского: «Войков стремился сделать из советского посольства центр «великосветской жизни» дипломатического корпуса. Начались рауты, приемы, балы. Из Москвы в громадном количестве выписывалась икра, разные балыки, деликатесы. Завезены были российские настойки, «рябиновка», «спотыкач» и т.п. Одновременно Войков пытался играть роль «льва» в дамской части дипломатического корпуса. Он был твердо уверен, что ореол «цареубийцы» придает ему особое обаяние в глазах женщин, и настойчиво добивался своего появления на разных дипломатических приемах и церемониях, причиняя этим не мало огорчений устроителям, так как именно дамская часть дипломатического корпуса упорно не хотела с ним знакомиться из-за пресловутого «ореола». Впрочем, Войков брал реванш среди женщин — сотрудниц посольства»[121].

Страсть посла оказалась роковой для советской разведки в Польше. Войков оказался в высшей степени навязчивым поклонником Марии Вячеславовны. Понимая, что его ухаживания могут привести к крупному провалу, Скаковская не раз посылала в Москву телеграммы, умоляя Центр воздействовать на высокопоставленного дипломата и избавить ее от наглых домогательств Войкова. Но тщетно!

Все окончилось так, как и предполагала Скаковская. Из-за ухаживаний советского посла польская контрразведка обратила на нее внимание. В результате в июле 1926 г. Скаковскую арестовали и осудили на пять лет каторжных работ. Польская каторга основательно подорвала ее здоровье. Поэтому, возвратившись после освобождения в 1931 г. в СССР, она переходит на гражданскую работу[122].

Обстоятельства провала Скаковской были доложены в ЦК ВКП(б) и лично Сталину. По его указанию делом посла Войкова занялась Центральная контрольная комиссия. Решением Президиума ЦКК ВКП(б) Войкова исключили из партии и освободили от обязанностей посла в Польше. Однако судьба готовила ему более трагическую развязку. Еще в 1918 г., будучи комиссаром продовольствия в Екатеринбурге, Войков в числе других участвовал в убийстве царской семьи. Ко времени освобождения Войкова от должности посла террористическая группа русских эмигрантов, поставившая себе цель ликвидировать всех, кто имел отношение к трагической смерти членов царской семьи, выследила его. И 7 июня 1927 г. он был убит в

[121] Там же. С.132.

[122] Старков Б. Ваших б... награждать не будем // Совершенно секретно. 1992, №5. С.7.

Варшаве неким Борисом Ковердой. Труп Войкова с большой помпой перевезли в Москву и как жертву полицейско-белогвардейского террора захоронили у Кремлевской стены. При этом по «политическим» соображениям о решении Президиума ЦКК ВКП(б) больше не вспоминали.

О дальнейшей деятельности Разведупра в Польше известно следующее.

В июле 1931 г. после скандала с арестом и расстрелом офицера польского Главного штаба майора Демковского из Варшавы был отозван заместитель военного атташе Василий Григорьевич Боговой[123].

Вот что по поводу этой истории писала эмигрантская газета «Возрождение»:

«Громадной сенсацией для всей Польши явился арест майора ген. штаба Петра Демковского. В один из ясных вечеров осени 1931 года, в Варшаве на углу улиц Снядецких и Польной стоял господин в штатском, с туго набитым портфелем под мышкою. У тротуара остановилась крытая машина с дипломатическим значком на крыле и услужливая рука изнутри открыла дверцу автомобиля. Господин с портфелем быстро направился к автомобилю и в тот момент, когда склонив голову вступил на ступеньку, внезапно он оказался окруженным несколькими людьми в штатском. Минутная борьба, портфель схвачен, его владелец арестован, таинственный незнакомец, пытавшийся силою втянуть арестуемого в автомобиль, грубо оттолкнут и смят.

Через секунду автомобиль укатил в неизвестном направлении.

Арестованный оказался майором ген. штаба Петром Демковским, портфель был набит документами мобилизационного отдела, в котором работал майор, а таинственный незнакомец в дипломатической машине — военным агентом СССР в Польше комбригом Боговым.

Несмотря на свою дипломатическую неприкосновенность, Боговой решил из Польши бежать. В тот же вечер, около 10 часов — арест Демковского произошел приблизительно в 7 час. вечера — Боговой выехал, в сопровождении нескольких сотрудников полпредства, в Данциг.

Майор Демковский, поляк, во время войны был офицером казачьих войск. Попав в Польшу, Демковский, благодаря способностям и редкому трудолюбию, делал быструю и блестящую карьеру штабного офицера. По делам службы он познакомился с военным агентом СССР в Польше и его сотрудниками. Занимаясь, помимо службы, военно-историческими изысканиями, — Демковский принимал, как военный историк, участие в издании самой большой польской энциклопедии — он «ценил знакомство с большевиками, как бесплатный источник дорогих и трудно доступных в Польше русских и советских военных и исторических памятников». Под видом хлопот о приезде из СССР в Польшу его отца, Демковский стал бывать в полпредстве и в скором времени сделался советским агентом.

Утверждают, что в предательстве Демковского играли роль не только деньги, но и громадное честолюбие офицера-шпиона. Будто бы ему было показано письмо одного из членов реввоенсовета, в котором обещалось Демковскому за предательство блестящее положение в красной армии.

Измена Демковского произвела потрясающее впечатление на польские военные круги, в частности, на многочисленных сослуживцев и товарищей Демковского, у которых он пользовался репутацией отличного офицера. Раскрытие этого предательства, хотя и было чрезвычайно ценным, но в то же время принесло военному ведомству большие хлопоты. Пришлось проверить за продолжительные сроки папки документов, планов и материалов, к которым по службе имел доступ майор Демковский и внести изменения в мобилизационные планы. Это стоило массы труда и еще больше денег.

Майор Демковский был расстрелян дежурным взводом стрелков у староварша вской цитадели ...

[123] О.Н.Кен, А.И.Рупасов. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами... Часть I. 1928-1934. Спб., 2000. С.240-242.

В связи с поимкой Демковского, бегством Богового и обострившимся вниманием польских властей была раскрыта еще одна крупная шайка советских шпионов, руководимая и организованная военным агентом СССР в Польше Боговым.

Через короткое время после расстрела майора Демковского стало известно, что еще один офицер арестован по обвинению в шпионаже. Поручик Хумницкий, принадлежащий к родовитой польской семье, служил в штабе брестского военного округа, пользовался доверием начальства и товарищей, на шпионскую работу пошел ради денег. Следствие выяснило, что Хумницкий был членом шайки, непосредственно руководимой Боговым. Дело поручика разбиралось в военно-полевом суде. Хумницкий был расстрелян»[124].

«Дело остальных членов шайки было выделено и разбиралось в варшавском окружном суде. Механик Станишевский выдавал себя в Польше за инженера. С фальшивым дипломом, он работал продолжительное время в качестве инженера на заводах, обслуживающих военное ведомство. У него был обнаружен фотографический аппарат Богового, которым он пользовался для работы. Его любовница, Г-а, принимала участие в шпионской работе в качестве агента связи между полпредством и остальными членами шайки. Следствие выяснило, что встречи с Боговым происходили регулярно.

Станишевский имеет за собою богатое шпионское прошлое. В свое время он работал за границей в иностранных разведках. Предполагают, что и в Польшу он вернулся по поручению иностранной разведки, с которой впоследствии разошелся. Варшавский суд приговорил его к десяти годам тюрьмы»[125].

Заметим, что майор Петр Демковский и поручик Винценты Богдан Хумницкий были не единственными офицерами польской армии, завербованными советской разведкой в этот период. В печати назывались имена более дюжины их коллег, вплоть до бригадного генерала Михала Жимерского.

С начала 30-х гг. и вплоть до развязывания Второй мировой войны в Варшаве в качестве групповода, руководившего сетью из проживавших в Польше немцев — журналистов и дипломатов, работал выдающийся советский разведчик немецкий коммунист Рудолф Гернштадт, завербованный в Праге в 1930 г., о котором подробнее будет рассказано далее.

С 1936 г. в Кракове действовала нелегальная резидентура «Монблан» во главе с болгарским коммунистом Николой Поповым. О нем и его деятельности впервые в нашей стране рассказал московский историк Валерий Яковлевич Кочик в статье, опубликованной в еженедельнике «Секретные материалы».

Его настоящее имя – Никола Василев Задиров. Родился он в 1888 г. в с. Мадлеш Бургасского округа Болгарии в семье священника. Окончил в 1906 г. Русенское военное училище машинистов Дунайской флотилии, служил машинистом на железной дороге и в армии во время Балканской войны. Активно участвовал в социал-демократическом движении в Болгарии, подвергался арестам. Работал музыкантом в кинотеатрах и в оркестре. Во время Сентябрьского восстания 1923 г. командовал отрядом, после поражения восстания перешел болгаро-турецкую границу. С помощью руководителей резидентур Коминтерна и Региструпра в Стамбуле Семена Мирного и Николы Трайчева Попов вместе с 60 других болгарских эмигрантов на советском корабле прибыл в Одессу в октябре 1923 г. Затем по линии Разведупра он занимался переправкой оружия в Болгарию (под руководством Христофора Салныня). После захвата складов с оружием болгарскими властями в августе 1924 г. был заочно приговорен к 5 годам тюрьмы. Затем получил военную подготовку в спецшколе в Тамбове и по заданию Коминтерна под именем Ивана Петрова работал в Югославии, где заведовал участком канала связи София — Белград — Вена. С 1927 г. под именем хорвата Станко Кукеца он находился в Париже в советском торгпредстве, был официальным представителем МОПР и одновременно работал в резидентуре Разведупра. Тогда же он вступил во Французскую компартию. После провала Павла Стучевского, о котором речь пойдет далее, Попов выехал в Москву в сентябре

[124] Тугарин. Советские шпионы в Польше // Возрождение. 21.12.1933.
[125] Тугарин. Советские шпионы в Польше // Возрождение. 26.12.1933.

1931 г., где работал в ИККИ, учился в Военной академии им.Фрунзе, после окончания которой в 1935 г. был направлен в Разведупр.

По заданию С.П.Урицкого он направился в Париж, затем в Вену для промежуточной легализации под именем богатого богарского фермера Стояна Владова. В Кракове его резидентура, в которой работала радисткой Урсула Кучински- Рут Вернер ("Соня"), получала ценную информацию от сотрудников болгарских представительств в Варшаве, Берлине, Вене, Праге, Будапеште, преподавателей и студентов Ягеллонского университета в Кракове, рабочих военных заводов и садоводов в Болгарии, Чехословакии, Венгрии и Австрии. Попов продолжал работу и после оккупации Польши немцами.

После начала Великой Отечественной войны связь Попова с Москвой прервалась. Он установил контакты с польскими подпольщиками. Видимо, это и навело немцев на его след. В январе 1943 г. он был арестован и содержался в Освенциме и Маутхаузене. Погиб Попов в июле 1944 г. в австрийском концлагере Хартхайм. В сентябре 1977 г. в Кракове на доме, где жил Никола Попов (Стоян Владов) была установлена посвященная ему мемориальная доска[126]. Сохранилась ли она теперь?

Румыния и Бессарабия

Румыния, как и Польша, считалась одним из главных военных противников СССР, ударным авангардом стран Запада (в первую очередь Англии) в случае войны. Разведка в Румынии велась с нелегальных позиций, так как дипломатические отношения между Москвой и Бухарестом до 1934 г. отсутствовали.

На территории оккупированной Румынией Бессарабии резидентура Разведупра действовала с 1919 г. Ее первым руководителем был Исай Константинович Парфелюк.

Он родился в 1885 г. в с. Кицканы под Бендерами в крестьянской семье. В 1914 г. был призван в армию и после окончания унтер-офицерских курсов направлен на Юго-Западный фронт командиром разведроты. За храбрость в боях во время Брусиловского прорыва Парфелюк был произведен в офицеры и награжден 13-ю наградами, в т.ч. орденом св. Георгия всех 4-х степеней и именным Георгиевским оружием за храбрость. К октябрю 1917 г. Парфелюк был уже полковником и командиром 766-го Шипкинского пехотного, а затем и выборным командиром 55-го Подольского полков. Позднее он служил в Красной Армии, воевал с махновцами, был начальником разведотдела 14-й армии, а с 1919 г. руководил нелегальной резидентурой военной разведки под фамилией Семенов. Под его руководством резидентура добывала ценные сведения о составе и вооружении румынских войск, связях румынских военных и полицейских органов с белогвардейскими формировании, о политической ситуации в Румынии и Бессарабии. В 1921 г. он был арестован по доносу провокатора Микулича, но во время массового бессудного расстрела ему удалось бежать. Он продолжил работу в подполье, уделяя, по заданию Центра, большое внимание бежавшему в 1921 г. в Румынию Махно и его окружению. Однако в январе 1923 г. он был арестован в Кишиневе на конспиративной квартире и после двух месяцев допросов и пыток в марте 1923 г. по "процессу 56-ти" был осужден военным трибуналом 3-го корпуса румынской армии к 20 годам каторжных работ. В августе того же года его товарищи из разведки организовали ему побег, подкупив начальника кишиневской тюрьмы.

Позднее Парфелюк работал в МОПР и Всемолдавском союзе охотников. В 1937 г. он был арестован и в 1941 г. расстрелян в лагере[127].

В Румынии в конце 20-х гг. на советскую разведку работало большое количество коммунистов из разных стран. Среди них американец Николас Дозенберг, австрийцы Карл Небенфюр и Франц Клауда, итальянец Арнальдо Сильва (более подробно о нем в разделе про Италию).

---

[126] Кочик В.Я. Неизвестный герой невидимого фронта. //Секретные материалы.

[127] Донец Л. Судьба резидента.// Новости разведки и контрразведки. 1999. №11-12. //Бондаренко А. Судьба "красного резидента". //Красная звезда. 7.02.2001.

Прибалтика

Когда в 1921 г. в прибалтийских государствах появились советские военные атташе, вместе с ними в качестве секретарей или помощников прибыли и резиденты Разведупра. Разумеется, сами прибалтийские государства не представляли военной угрозы. Но их территория вполне могла быть использована как плацдарм для агрессии против Советской республики. И именно поэтому Латвия, Литва и Эстония находились под пристальным вниманием советской военной разведки.

Так, к началу 1922 г. в Латвии была создана агентурная сеть, насчитывавшая более 20 человек, которой руководили Мартин Зелтынь, работавший под видом кассира советского посольства Яна Соирио, и помощник военного атташе Андрейс Виксне. В число агентов резидентуры входили люди, работавшие в организационно-мобилизационном и административном отделах Генерального штаба Латвии, в штабе пограничной дивизии, в главном таможенном управлении, на артиллерийском складе и т.д. Через агента — офицера Генштаба — в 1922 г. резидентура получила мобилизационные планы Генштаба, а также штаты частей и соединений латвийской армии на военное время. В том же 1922 г. Зелтыню удалось раздобыть важные материалы Варшавской конференции министров иностранных дел Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши, проходившей с 13 по 17 марта 1922 г., и завербовать высокопоставленного сотрудника Государственного контроля Латвии Альфреда Витолса. За приличное вознаграждение (от 25 до 40 тысяч рублей за документ) он поставлял особо ценную информацию о латышской армии[128].

Однако успех длился недолго. 9 января 1923 г. Зелтыня арестовали в отдельном кабинете рижского ресторана «Мариенбад». А за последующие два с половиной года латвийская контрразведка раскрыла и арестовала почти всех агентов резидентуры. Так, в марте 1924 г. была разгромлена агентура в латышской армии, которой руководили второй секретарь советского полпредства Волгин и его помощник, служащий транспортного отдела полпредства Лев Миллер. Он держал явку в лавке Зиверта на улице Матиса. Среди арестованных агентов Волгина были Трейчунас, Жуковский и другие. Основной причиной провалов стала активная и профессиональная работа латвийской контрразведки, установившей плотное и систематическое наблюдение за всеми работниками советских учреждений. Кроме того, зачастую провал происходил в результате плохой подготовки как агентов, так и оперативных работников Разведупра.

В результате к середине 1925 г. в латвийской резидентуре осталось всего два агента. Сложившееся положение надо было срочно исправлять, и в сентябре 1925 г. в Ригу направили нового резидента — военного атташе Анина. За год работы он сумел наладить, а точнее, воссоздать агентурную сеть. И уже к исходу 1926 г. она довольно полно освещала состояние вооруженных сил Латвии. Более того, один из агентов добывал сведения из посольств Англии и Японии, а также латвийского министерства иностранных дел. Всего с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. от резидентуры было получено 769 материалов по различным вопросам.

Но вслед за успехами последовали провалы. В 1926 г. арестовали Альфреда Витолса, а также сотрудника советского полпредства Белова. Анин был объявлен персоной «нон грата» и выслан из страны. В период с января по ноябрь 1926 г. в Латвии было ликвидировано 5 советских разведывательных групп, арестовано 40 человек, занимавшихся, главным образом, военным шпионажем.

Тогда для усиления агентурной работы в сентябре 1926 г. в Ригу командировали Карлиса Ланге (Яна Фреймана), официально занявшего должность секретаря военного атташе, которым был И.Г.Клочко, а с августа 1927 — полковник Ф.П.Судаков. Прибыв в Ригу, Ланге развернул активную разведывательную деятельность, занимаясь прежде всего сбором информации по латвийской армии. С агентами он работал лично, сделав местом конспиративных встреч с ними мебельный магазин Тайца. К.Ланге активно помогала Антония Биндже, чей брат служил в

[128] Странга А. На вечные времена // Даугава. 1990. №8. С.100.

ОГПУ в Москве. На своей даче на берегу озера Балтэзерс она часто устраивала приемы для латышских офицеров, а некоторое время там даже проживал бывший командующий латвийской армией П.Радзиньш. Антонии Биндже удалось завязать знакомства с офицерами штаба Видземской дивизии — старшим лейтенантом Кактиньшем, ранее служившим в Красной Армии и капитанами Зандбергсом и Званерсом.

Но и К.Ланге уже через полтора года постигла неудача. 11 мая 1928 г. он был арестован с поличным — при нем нашли мобилизационные планы латвийской армии и сведения о сотрудничестве Латвии с Польшей. После этого К.Ланге и Ф.Судакова выслали из Латвии, а Антония Биндже получила пять лет каторги[129].

В мае 1929 г. советским военным агентом в Латвию назначают Николая Смирнова, который до этого в 1927-1929 гг. работал в Финляндии. Там он создал обширную разведывательную сеть, но после провала части агентуры был вынужден покинуть Хельсинки. Прибыв в Ригу и ознакомившись с ситуацией, Смирнов приступил к работе, и уже к декабрю 1930 г. его агентурная сеть насчитывала около 15 человек.

Что касается Литвы, то там дела обстояли хуже. Литовская контрразведка полностью блокировала любые попытки вести на территории страны какие-либо разведывательные операции. В результате вооруженные силы Литвы приходилось изучать, используя в основном легальные возможности, а также по косвенным данным, полученным из других стран. Однако в одной области был достигнут успех и даже взаимопонимание с Генштабом Литвы, который санкционировал ведение с литовской территории разведку против Польши. Используя давнее, точнее, вечное соперничество этих двух государств, представители Разведупра заключили с Генштабом Литвы неофициальное соглашение об обмене разведданными по польским вооруженным силам.

В очень сложной обстановке пришлось работать советской военной разведке в Эстонии. Активность контрразведки и террор против членов компартии создали крайне трудные условия для агентурной работы в этой стране. Немногочисленная агентурная сеть, организованная в 1922 г., после неудавшегося 1 декабря 1924 г. вооруженного восстания в Таллинне была почти полностью утрачена. К концу 1925 г. у Разведупра в Эстонии осталось только пять глубоко законспирированных агентов-источников, которые, впрочем, добывали ценную информацию по вооруженным силам и военно-политическим вопросам.

Скандинавия

Наиболее пристальное внимание из всех скандинавских стран Разведуправление РККА уделяло Финляндии. Это было связано и с тем, что наша страна имела с Финляндией общую границу, что на ее территории нашла прибежище многочисленная белая эмиграция и что военная разведка Финляндии активно помогала всем противникам Советской России.

Первый резидент в Финляндии Рихард Венникас, прибывший в страну в сентябре 1921 г., вскоре сообщил в Центр данные о численном составе резидентуры. В его распоряжении имелось несколько десятков агентов и источников, а также налаженная система связников, групповодов и хозяев конспиративных квартир. Среди источников Венникаса были как финские сотрудники различных «силовых» ведомств, так и русские белоэмигранты.

В апреле 1922 г. в Финляндию военным атташе назначают А.А.Бобрищева, а новым резидентом Разведупра становится помощник военного атташе Август Яковлевич Песс (в будущем ближайший помощник Я.Берзина, один из руководящих сотрудников Разведупра), работавший под именем Августа Лиллемяги. Песс изменил организационную структуру резидентуры. Вместо пяти групп агентов он создал одну и сократил численный состав до 20 человек, исключив из нее наименее ценных людей. Эта резидентура просуществовала до 1927 г. и работала достаточно успешно. Однако самому Пессу повезло гораздо меньше. В 1923 г. в результате провала разведгруппы Р.Дрокилло его выслали из Финляндии.

[129] Там же. С.108.

После этого провала военный атташе Бобрищев, принявший на себя руководство резидентурой, провел реорганизацию разведывательной работы. Финляндия была разбита на 11 секторов с резидентурами в городах Выборге, Тамерфорсе, Або, Гельсингфорсе (Хельсинки), Ганге, Вильмансранде, Тавастгусте, Бьернеборге, Раумо, Лахти и Торнео. Впрочем, и эта реорганизация не спасла от провалов. Так, в 1929 г. из Финляндии был выслан резидент Н.Смирнов, объявленный персоной «нон грата» после ареста нескольких его агентов.

×òî êàñàåòñÿ Øâåöèè, òî îðãàíèçàöèåé òàì àãåíòóðíîé ñåòè â çàíèìàëñü ðàçâåäêà Ïåòðîãðàäñêîãî âîåííîãî îêðóãà åùå â 1920 ã. Â îêòÿáðå-äåêàáðå 1920 ã. ðåçèäåíò äàë ïðâûå àãåíòóðíûå ìàòåðèàëû. À ïîñëå ó÷ðåæäåíèÿ â Øâåöèè àïïàðàòà âîåííî-ïîðñêîãî àòòàøå ðåøåíèå ðàçâåäûâàòåëüíûõ çàäà÷ áûëî âîçëîæåíî íà íåãî — Øâåöèÿ íå ñ÷èòàëàñü íàøèì âåðîÿòíûì ïðîòèâíèêîì, è ïîýòîìó íåëåãàëüíàÿ àãåíòóðíàÿ ðàáîòà ïðîòèâ íåå áûëà ïðåêðàùåíà è íå âåëàñü äî 1927 ã. Âïðî÷åì, áåç ïðîâàëîâ íå îáîøëîñü è çäåñü. Â äåêàáðå 1927 ã. âîåííî-ïîðñêîãî àòòàøå Ïàâëà Îðàñà âûñëàëè èç Øâåöèè â ñâÿçè ñ àðåñòîì øâåäñêîãî àðòèëëåðèéñêîãî îôèöåðà çàïàñà Ãåñòà Íîðåãà è åãî æåíû, êîòîðûå ÿâëÿëèñü àãåíòàìè Îðàñà è ïîñòàâëÿëè åìó ñâåäåíèÿ è äîêóìåíòû ñåêðåòíîãî õàðàêòåðà. Íîðåãà, ïîïàâøèé ïîä ñîêðàùåíèå â øâåäñêîé àðìèè, ñàì ÿâèëñÿ ê Îðàñó è ïðåäëîæèë ñâîè óñëóãè.

Против Дании и Норвегии Разведупр также не вел разведку, поскольку воевать с СССР они явно не собирались.

Германия

Совершенно особое место в «разведгеографии» 1920-х гг. занимает Германия. Дело в том, что в начале 20-х обе страны — Советская Россия и Германия — были насильственно развернуты лицом друг к другу. Обе оказались во внешнеполитической изоляции и какое-то время пребывали как бы вне «клуба» великих держав. Объединяло их и наличие общего соседа-врага — Польши. В те времена она располагала мощной армией, сравнимой как с немецким рейхсвером, так и с РККА. Германия долгое время находилась на грани войны с Польшей, а Советская Россия в 1920 г. оказалась втянутой в такую войну, и после поражения ей пришлось подписать Рижский мирный договор, закрепивший за Польшей часть украинских и белорусских земель. Первые контакты между советскими и германскими военными состоялись в 1920 г. С нашей стороны их вдохновлял Карл Радек, с немецкой — главнокомандующий рейхсвера генерал фон Сект. Сотрудничество продолжалось весь период существования Веймарской республики и было довольно плодотворным, особенно для германской стороны, получившей возможность в обход Версальского договора разрабатывать и испытывать на нашей территории новое вооружение. Впрочем, и тогда, и позднее бытовало мнение, что сотрудничество не принесло реальной пользы ни для рейхсвера, ни для РККА.

В качестве связующего звена между РККА и рейхсвером выступал сначала И.Уншлихт, а затем руководство Разведупра, в первую очередь Я.К.Берзин. Именно по каналам военной разведки в правительство шла информация о военном сотрудничестве двух стран. При этом Разведупр не только докладывал, но и анализировал выдвинутые предложения и давал рекомендации.

Особое место в рамках советско-германских военных связей занимало двустороннее сотрудничество разведок, где инициатива принадлежала немецкой стороне. С начала 20-х годов Абвер и Региструпр регулярно обменивались материалами, в основном по Польше, но также и по Балканам и странам Азии. Этот обмен с 1925 г. со стороны советской военной разведки проходил под непосредственным руководством Я.К.Берзина. До какой степени дошло сотрудничество двух разведок, можно судить по такому факту. Когда в начале 30-х годов в Вене были арестованы несколько крупных советских разведчиков, при посредничестве тогдашнего главы Абвера полковника Фердинанда фон Бредова удалось добиться их освобождения. Лишь после прихода Гитлера к власти советское партийное руководство запретило военным разведчикам поддерживать какие-либо контакты с немецкими коллегами, а представители ИНО ОГПУ следили за тем, чтобы это указание строго выполнялось.

Особые отношения СССР с Германией позволяли использовать территорию последней как базу для ведения агентурной разведки в других странах Европы. В связи с этим в 1921 г. при

нашей миссии в Берлине было учреждено Заграничное представительство Региструпра, получившие название Берлинского руководящего центра. Руководители центра занимали официальные должности в советском полпредстве.

Первым руководителем Берлинского центра назначили Сташевского, известного также как Верховский, настоящее имя его — Артур Карлович Гиршфельд. Перед ним поставили задачу — создать работоспособную агентурную сеть в Германии и других европейских странах, объединить и взять под свое руководство уже имеющиеся агентурные группы и резидентуры, создать условия для организации агентурной сети в США, наладить линии связи Берлинского центра с европейскими странами и Америкой[130].

Разведывательные задачи центра в самой Германии были не менее многочисленны. О них можно судить по составленному еще в 1920 г. тогдашним начальником советской военной разведки Владимиром Ауссемом «Проекту плана постановки агентуры в Германии», в котором, в частности, говорилось:

«Германия требует всестороннего обследования не только в дипломатическом и политическом, но и военном и экономическом отношениях. <...> Центральной резидентуре необходимо будет обратить самое серьезное внимание ...

3) В военной сфере необходимо выяснить действительные силы Германии, как предусмотренные Версальским договором, так и созданные или создаваемые в обход его, в виде различного рода обществ и организаций внутренней охраны, стрелковых, гимнастических и т.д. Количество лишь номинально числящихся в запасе офицеров и унтер-офицеров. Далее необходимо выяснение вооружения частей и различных организаций военного характера, степени обученности и дисциплинированности последних, запасы оружия и снаряжения всякого рода, имеющегося налицо в Германии, место расположения складов, а также и степень производительности фабрик. Важно также выяснение настроения частей, возможности их использования для внутренних целей и для внешней борьбы, секретные мобилизационные планы на случай войны, фактическое положение обучения молодежи военному делу (в связи с Версальским договором), настроение офицерства и влиятельных военных сфер, то или иное воздействие на них политических кругов (монархических) и значение этого в качестве политического фактора ...

Необходимо выяснение точного количества военнопленных из России, их состав, место расположения лагерей, состояние, настроение, агитация реакционных русских кругов и степень поддержки последней современным Германским правительством, правительственными агентами, влиятельными монархическими кругами и представителями Антанты ...

6) Провоз через территорию Германии тех или иных грузов для Польши, Чехословакии или Украины, переброска формируемых русских или украинских частей в этих направлениях.

7) Возможность изготовления военных заказов в Германии для нужд ее соседних государств ...»[131].

Впрочем, основное внимание уделялось, естественно, вероятным противникам, в число которых тогда входили Польша, Румыния и Прибалтийские государства. А между делом центр должен был обеспечивать Разведывательное управление иностранными паспортами и другими документами, необходимыми для советских разведчиков-нелегалов.

Берлинский центр принял самое активное участие в подготовке т.н. "Германского Октября" — неудавшейся попытке готовившегося немецкими коммунистами при поддержке Коминтерна, Иностранного отдела ГПУ и Разведупра общегерманского вооруженного восстания осенью 1923 г. В последнее время на эту тему появилось немало публикаций, поэтому следует кратко упомянуть о том, что в этих событиях по линии военной разведки участвовали заместитель начальника Разведотдела Штаба РККА Я.К.Берзин, советским инструкторами военного аппарата КПГ руководил Стефан Жбиковский, его помощниками были Август Гайлис и Тууре Лехен, аппарат военной организации КПГ возглавляли Вольдемар

[130] Серов Е., Волгин В. Указ. соч. // Армия. 1995. №20. С.56.

[131] Дьяков Ю., Бушуева Т. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992. С.36-37.

Розе (Скоблевский), а после его ареста немецкой полицией в 1924 г. — Семен Фирин. Разведывательной работой военного аппарата КПГ руководил Вернер Раков (он же Феликс Вольф, подробно о нем далее, в разделе о США). Его помощником был немецкий коммунист, друг Карла Радека, так же, как и Радек, выходец из Галиции Мёллер, известный также под кличкой «Эрих», а также как Гейнц Шиппе. Настоящая же его фамилия была Гржип. Позднее в 30-е гг. этот человек был одним из резидентов ГРУ в Китае.

К сожалению, как известно Германия тогда в 1923 г. так и не стала советской. Однако работа советских спецслужб в ней не только не прекратилась, но даже усилилась.

К началу 20-х годов агентурная сеть Берлинского центра насчитывала уже свыше сотни человек, а к середине этого десятилетия им были организованы резидентуры в ряде важнейших в разведывательном отношении стран Восточной и Западной Европы, включая Францию, Польшу и Италия.

Однако руководить сложившимися тогда в Европе крупными агентурными организациями из одного Берлинского центра становилось все сложнее. Объединенная сеть явно была слишком велика для одних рук. Кроме того, появились и другие проблемы. Мощный Берлинский центр становился трудноуправляемым. Он слишком полно реализовывал свою автономию и в ряде случаев выходил из-под контроля руководства, а по некоторым вопросам вообще не считал нужным информировать Москву или ставил Центр перед свершившимся фактом. Поэтому руководство Разведывательного управления в 1924 г. приняло, все-таки, решение о ликвидации Берлинского центра и создании самостоятельных резидентур во Франции, Италии, на Балканах и в других странах, с непосредственным подчинением их Разведупру, а Берлинский центр был превращен в Берлинскую резидентуру. Однако старые связи остались, и впоследствии Берлинская резидентура не ограничивалась разведкой только в Германии, а выполняла некоторые задачи и в других европейских странах.

Задачи немецкой резидентуры были весьма разнообразными. Помимо чисто разведывательных задач именно через нее шло нелегальное военное сотрудничество рейхсвера и РККА, продолжавшееся вплоть до 1933 г. Ведущие сотрудники резидентуры, такие, как Артур Сташевский, Семен Фирин, Яков Фишман, Валентин Кангелари, а позднее — официальный военный атташе непосредственно занимались поддержанием контактов между представителями двух армий и налаживанием научно-технического обмена в оборонных отраслях.

Несколько слов надо сказать и об агентах, работавших на Разведупр в Германии. Среди них одним из самых интересных и неоднозначных был Владимир Федорович Петров, или Вольдемар фон Петров, как называли его на Западе.

Петров родился в 1896 г. в Иркутске в семье крупного уральского промышленника. Позднее один из его братьев перебрался в Париж, а другие родственники обосновались в Америке. Сам Петров окончил училище правоведения, был ротмистром царской армии, в совершенстве владел немецким и французскими языкам, неплохо знал и английский язык.

Оказавшись после гражданской войны в эмиграции в Германии, он устроился на работу в японскую военную миссию в Берлине. А в 1923 г. установил связь с советской военной разведкой, где проходил под псевдонимом Дипломат. После этого копии всех документов и материалов, к которым он имел доступ, регулярно поступали в берлинскую резидентуру Разведупра. Среди них стоит отметить дипломатическую переписку между правительствами стран Антанты, экономические и политические доклады о положении в Германии, получаемые от японского агента в германском МИДе. Кроме того, он имел отличные связи в белогвардейских кругах Берлина, постоянно контактировал с контрольной комиссией, был лично знаком со многими офицерами рейхсвера, имел доступ к информации о деятельности «Союза балтийских воинов» и работе объединенных национальных союзов[132].

В середине 1920-х гг. Петров обзавелся тремя агентами. Один из них — начальник германской морской разведки, другой — английский разведчик Эллис, третий — один из

[132] Серов Е., Волгин В. Указ. соч. // Армия. 1995. №19. С.50.

директоров «Дойче Верке». Примечательно, что первых двух агентов Петров завербовал от имени японской разведки. От них он получал информацию о деятельности английской разведки в Вене против Германии, Италии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, СССР, документы иностранных разведок по военно-морскому флоту и морской авиации, важные политические материалы и многое другое[133].

К началу 1930-х гг. Петров был уже самостоятельным и высококвалифицированным разведчиком, имел свою агентуру, контактировал с немецкой разведкой и контрразведкой, с германским МИДом, с берлинскими финансовыми и промышленными кругами. Но его коммуникабельность сослужила ему плохую службу. Связь «Дипломата» с разведками нескольких государств — японской, английской, французской и немецкой — привела к тому, что в Советском Союзе ему приклеили ярлык «международного шпика», а получаемая от него информация стала считаться сомнительной. В связи с этим в марте 1935 г. Разведупр временно прекратил с ним связь. Однако в 1937 г. руководством военной разведки было принято решение о восстановлении контактов с «Дипломатом». Но массовые чистки в центральном аппарате разведки помешали этому.

Пост резидента в Германии считался самым важным в Разведупре. Поэтому по рекомендации Берзина на него назначались пользующиеся особенным доверием люди. Как нетрудно догадаться, по преимуществу это были латыши — Рудольф Кирхенштейн, Август Песс, Христофор Салнынь, Август Гайлис, Алексей Витолин и другие.

Так, с 1928 г. резидентом был Константин Михайлович Басов (Ян Янович Аболтынь) , успешно работавший в течение двух лет. Именно Басов рекомендовал привлечь к работе в военной разведке прославившегося позднее Рихарда Зорге. При Басове берлинская резидентура насчитывала в своем составе 250 человек, т.е. выросла по сравнению с первой половиной 20-х годов более чем в два раза.

Болгарин Николай Янков — Яблин ("Жан"), работавший в берлинской резидентуре РУ в 1925-1928, организовал пункт нелегальной радиосвязи с Москвой.

В 1930 г. резидентом стал ближайший друг и помощник Берзина Оскар Ансович Стигга. Основной упор при нем делался на научно-техническую разведку. При этом максимально использовался нелегальный военный аппарат Компартии Германии, так называемый «М-аппарат». Его руководителями были сначала член Политбюро Эрнст Шнеллер, а затем с 1929 г. — Ганс Киппенбергер. Работа военного аппарата по-прежнему тесно переплеталась с работой ГРУ. Яркий пример тому — судьба одного из виднейших руководителей «М-аппарата» в этот период Вильгельма Цайссера.

Он родился 20 июня 1893 г. в семье жандармского вахмистра в г. Роттхаузене под Эссеном. После окончания народной школы и учительской семинарии в Эссене, он участвовал в 1-й мировой войне и получил звание лейтенанта. В 1919 г. Цайссер стал членом Союза "Спартак" и вступил в КПГ. Во время путча генерала Каппа в 1920 г. он был одним из руководителей борьбы против путчистов в Эссене. В 1921 г. в Касселе был осужден за организацию Красной Армии в Руре на 6 месяцев тюрьмы. После освобождения он редактировал коммунистические газеты в Эссене и Бремене, работал в профсоюзе горняков и в 1922 г. в качестве делегата участвовал во 2-м конгрессе Профинтерна в Москве. С сентября 1923 г. Цайссер руководил военной работой КПГ в Рурской области. В 1924 г. он 4 месяца учился в Москве на специальных военных курсах, а затем вновь руководил «М-аппаратом» в Руре и Нижнерейнском округе, занимаясь антивоенной пропагандой среди французских оккупационных войск. С конца 1925 до начала 1926 г. Цайссер работал по линии Разведупра в Палестине, а затем в 1926-1927 гг. — в военном отделе ЦК КПГ. Следующие три года он провел в Маньчжурии, выполняя задания Разведупра. Затем до 1932 г. он работал в Праге инструктором орготдела ИККИ и Разведупра, а в 1932-1935 гг. — в Москве в орготделе ИККИ, одновременно будучи преподавателем в Международной Ленинской школе и Комуниверситете нацменьшинств Запада. Во время войны в Испании Цайссер командовал 13-й интербригадой. В

[133] Там же.

Великую Отечественную войну он работал в Москве в Издательстве литературы на иностранных языках при ИККИ, в немецкой редакции радио, преподавал на курсах для военнопленных. После возвращения в Германию был министром госбезопасности ГДР вплоть до 1954 г., когда был снят с работы и исключен из партии за оппозицию руководителю СЕПГ В.Ульбрихту. Умер Цайссер в 1958 г.

В «М-аппарате» в 1929 г. был создан специальный отдел, занимавшийся промышленным шпионажем, так называемый «ББ-отдел». Его руководителями являлись: в 1929-1930 гг. — Франц Грибовский, в 1930-1931 гг. — Фриц Бурде и в 1932-1935 гг. — Вильгельм Баник (1900-1938, погиб в Испании, где работал по линии Коминтерна). На местах сотрудникам «ББ-отдела» всестороннюю помощь оказывали рядовые члены партии, одержимые идеей мировой революции. При этом широко использовались также сочувствующие, в основном из среды интеллигенции.

«ББ-отдел» работал не только на оборонных предприятиях. Он собирал также всю информацию, имевшую техническое и экономическое значение для СССР. В числе его достижений были похищение в фирме «Крупп-Эссен» документов и чертежей по производству амуниции и оружия, аналогичных документов по изготовлению прицелов в Дрездене. В марте 1932 г. «ББ-отдел» Северной Баварии подготовил доклад о производстве взрывчатых веществ и о перспективах немецкого ракетостроения. Были собраны сведения о деятельности немецкого исследовательского института воздушного флота, о изготовлении самолетов на предприятиях «Юнкерса» в Десау, о изготовлении высокомощных взрывчатых веществ на заводе фирмы «Хауф». Аресты сотрудников «М-аппарата» компартии, взятых с поличным, были рядовым явлением в веймарской Германии. Показательно в связи с этим задержание Эриха Штеффена и Карла Динсбаха с детальной информацией о строительстве броненосцев серии «А» и «Б», о коротковолновых передатчиках и производстве моторов.

Разведупр неоднократно пытался вывести «ББ-отдел» из подчинения «М-аппарату» компартии и взять его полностью под свой контроль. Однако это удалось сделать только в марте 1934 г., уже после фактического разгрома компартии[134].

Помощником Оскара Стигги и руководителем нелегальной резидентуры в Германии в начале 1930-х гг. был Макс Германович Максимов («Бруно»), работавший под именем Ганса Грюнфельда. Максимов был человеком незаурядным и неординарным. Его яркий портрет нарисовала в своих мемуарах Эльза Порецкая, вдова небезызвестного советского разведчика-невозвращенца Порецкого:

«Когда Макс Фридман жил в СССР, он взял фамилию Максимов. Кривицкий в своей книге ошибочно называет его Макс Уншлихт, возможно, в связи с тем, что Макс находился в дальнем родстве с лидером польских коммунистов. Он был высокого роста, красив, образован. Являлся в свое время студентом Школы изящных искусств, что позднее служило прекрасным прикрытием. Объездил всю Европу. Макс хорошо знал европейцев, в особенности те слои общества, которые были недоступны для других сотрудников, бегло разговаривал на нескольких языках.

Он приехал в Советский Союз в начале 20-х гг. и решил там остаться. Кривицкий устроил его в IV управление, которое послало Макса в Голландию, где его космополитическая культура легко открыла перед ним двери в художественные и интеллектуальные круги. Одной из его первоочередных задач было привлечь на сторону СССР либералов и левых интеллектуалов, используя свои отношения с такими подлинными социалистами, как поэтесса Генриетта Роланд-Гольст — старый друг Розы Люксембург. Одним из его достижений было привлечение знаменитого скульптора Хильдо Кропа. СССР ценил свой престиж в глазах интеллектуалов и либералов. Кроп отмечал и ценил все положительное в СССР, но ненавидел социалистический реализм. Однако с Максом они оставались друзьями.

В отличие от других работников IV управления, Макс не был коммунистом. Он не только не принадлежал к партии, но не обладал ни психологическими чертами, ни духом настоящего

[134] B.Kaufmann u.a. Der Nachrichtendinst der KPD. Berlin. 1993. S.194-202.

коммуниста. Симпатизируя коммунизму, будучи преданным его идеям, как и своим друзьям, он действовал из чистого идеализма, не имея ничего общего с боевыми коммунистами. Поэтому утверждение Кривицкого, описывающего Макса (после встречи с ним в Москве в 1937 г.) как «закоренелого сталиниста», неправдоподобно и непонятно. Жена Макса, Анна Рязанова, которую можно было назвать «железной коммунисткой», так никогда и не смогла его переделать ...

Последний раз Макса отправили за границу в Германию. Это была опасная работа, требующая большой осторожности, так как нацисты уже пришли к власти. Макс подверг себя еще большей опасности, когда стал любовником молодой немки, что ему как еврею грозило арестом по обвинению в осквернении чистоты расы. Он завершил свою работу, избежав неприятностей. Мы все думали, что его везение будет длиться вечно ... В действительности же он был одним из первых, кого арестовали, как раз тогда, когда он собирался уезжать на место своего нового назначения в США»[135].

Максимов проработал в Германии до февраля 1935 г. И именно ему пришлось перестраивать работу берлинской резидентуры после прихода в 1933 г. к власти Гитлера.

С 1935 г. в нелегальной резидентуре в Германии работал А.М.Иодловский, с 1936 г. – Иван Крекманов ("Шварц")[136].

Великобритания

О деятельности военной разведки в великой островной державе, счиавшейся в Советском Союзе в 20-е годы главным противником, известно мало. Архивные материалы еще ждут своих исследователей. Известно, что в 1927 г. в Англии работал военный разведчик, бывший начальник разведотдела Кавказской Красной Армии Рудольф Кирхенштейн. Возможно, именно с ним были связаны члены ликвидированной в том же году английской контрразведкой группы лейтенанта Уилфреда Маккартни[137]. В середине 20-х также нелегально работал в Англии Стефан Жбиковский. В 1932-1937 гг. легальным резидентом Разведупра в Лондоне под прикрытием сотрудника торгпредства действовал Михаил Вайнберг[138].

Франция

Как одна из великих держав, Франция постоянно находилась в зоне повышенного внимания советской военной разведки. Уже в феврале 1921 г. во Францию для ведения разведки был направлен нелегал Региструпра и ВЧК Яков Рудник. Его задачей становится создание агентурной сети в Париже, Нанси, Лилле, Шербуре, Марселе, а также в Меце и Страсбурге, способной добывать материалы по французской армии и флоту с особым упором на новейшие достижения в области разработок авиационной техники, танков и подводных лодок. Связь с Москвой Рудник должен был поддерживать через специальных курьеров Центра и отчасти через Берлинскую и Римскую резидентуры.

В самый короткий срок Руднику удалось установить полезные связи и организовать добывание интересовавшей Центр информации. Кроме того, уже в 1921 г. он открыл бюро по изготовлению загранпаспортов для действующих во Франции советских разведчиков, оборудовал фотолабораторию для пересъемки агентурных материалов, а также организовал передаточный пункт на франко-итальянской границе для приема и передачи разведывательных материалов[139].

В том же 1921 г. с помощью представителя Коминтерна во Франции Стояна Минева Рудник завербовал Жозефа Томмази, члена Руководящего Комитета (позднее ставшего Центральным Комитетом) Компартии Франции и одного из руководителей профсоюза рабочих

[135] Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996. С.93-95.

[136] Кочик В.Я. Некоторые аспекты деятельности советской военной разведки в предвоенный период. // Военно- исторический архив. 2001. № (16).

[137] О.Царев, Н.Вест. КГБ в Англии. М., 1999. С.53, 253.

[138] Кочик В.Я. Указ.соч. //Военно-исторический архив. №1(16). С.108.

[139] Серов Е., Волгин В. Указ. соч. // Армия. 1995. №19. С.49.

авиационной промышленности. Многочисленные связи Томмази в Бурже и других центрах французской авиационной промышленности были весьма полезны советским агентам. А руководящая должность в профсоюзе давала ему идеальное прикрытие. Следует отметить, что о работе Томмази на советскую разведку ФКП не знала до 1924 г., когда он из-за угрозы ареста ему пришлось бежать в СССР. В Москве Томмази продолжал работать в Разведупре в качестве эксперта по Франции. Все это время он жил в гостинице Коминтерна «Люкс», где внезапно умер в 1926 г. Похоронили его на Новодевичьем кладбище в Москве.

Еще одним направлением деятельности Рудника была работа по белой эмиграции, одним из центров которой в начале 20-х являлся Париж. Руднику удалось установить многочисленные связи с соотечественниками. Так, от эсеров он получал регулярную информацию о деятельности их организаций в Париже и Москве, что позволило в 1922 г. организовать в Москве процесс над членами эсеровской партии. Установил он связи и с некоторыми членами «Союза русских офицеров и русских монархистов», «Союза русских студентов» и других подобных организаций. А летом 1921 г. организовал наблюдение за деятельностью генерала Шкуро, который намеревался выехать на Кавказ, чтобы поднять восстание. Так что можно смело утверждать, что в деле раскрытия подготовки террористических актов на территории СССР и вне ее парижской резидентуре принадлежит особое место.

Помимо материалов о французской военной промышленности и белой эмиграции парижская резидентура направляла в Москву официальные и секретные издания Министерства обороны и Генерального штаба Франции по вопросам структуры, организации и боевой подготовки вооруженных сил. А в марте 1922 г. в Центр была послана информация о позиции французского правительства на предстоящей Генуэзской конференции. Эти сведения во многом обеспечили успех советской дипломатии в Генуе. О том, насколько мощно работала парижская сеть, свидетельствует объем поступавшей оттуда информации: еженедельно из резидентуры в Берлин отправлялось от 20 до 35 документов и агентурных донесений.

Однако в 1922 г. Рудника арестовали и осудили на два года тюремного заключения. Провал был серьезный — как позже выяснилось, в агентурную сеть проник провокатор. В результате резидентуру в Париже пришлось фактически создавать заново в жестких условиях пристального внимания полиции и контрразведки.

Для решения этой сложной задачи во Францию в качестве резидента направляют Семена Петровича Урицкого (впоследствии, в 1935-1937 гг., он был начальником Разведупра). Его помощниками стали Мария Вячеславовна Скаковская (до 1924 г.) и Ольга Федоровна Голубовская (до 1923 г.). Кроме того, учитывая важность работы во Франции и сложность положения, в котором оказались военные разведчики после провала, парижскую резидентуру решено было перевести на прямую связь с Центром без посредничества Берлина и Рима. Вся эта работа заняла два года. Работать во Франции было крайне сложно. Урицкий также был задержан французской полицией, однако, в отличие от Рудника, избежал суда и тюремного заключения. Тем не менее, после провала он был вынужден перебраться на работу в Германию.

В марте 1924 г. на смену Урицкому в Париж прибыл выдающийся советский разведчик Я.-А.М.Тылтынь, к которому в том же году присоединился уже упоминавшийся нелегал Стефан Узданский, действовавший во Франции под именем Абрама Бернштейна, художника.

В начале 1925 г. после установления дипломатических отношений с Францией советская разведка получила возможность направлять в Париж своих сотрудников под официальным прикрытием. Однако работе в этой стране придавалось такое значение, что и нелегальная сеть тоже была здесь сохранена. В результате во Франции параллельно действовали как разведчики, находившиеся под официальным прикрытием, так и разведчики-нелегалы. При этом организационно весь разведывательный аппарат подчинялся главному резиденту. С 1925 г. им являлся один из создателей и руководителей Разведупра Станислав Будкевич, официально занимавший должность атташе посольства.

Благодаря такой организации работы советская разведка во Франции могла решать очень серьезные и важные задачи. Так, когда возникла угроза военного нападения на СССР со

стороны Польши и Румынии, мощная французская сеть стала с территории Франции вести разведку против этих государств, а также стран, в которых еще не было самостоятельных сетей.

Была продолжена работа и по добыванию французских военно-промышленных секретов. Этим занимался нелегальный резидент Разведупра Узданский и его помощник, литовский студент Стефан Гродницкий. Для сбора информации они использовали доверенное лицо советской разведки во французской компартии Жана Креме. Здесь надо отметить, что Креме был не просто одним из руководителей компартии Франции, но и являлся членом ЦК, а затем Политбюро ФКП. Кроме того, он также был и членом высших органов Коминтерна, вплоть до Политсекретариата ИККИ. Занимая должность секретаря профсоюза кораблестроителей и металлургов, Креме организовал многочисленную сеть информаторов в арсеналах, на военных складах, в портовых городах и на военных заводах. Использование такого человека в разведывательной работе было прямым нарушением многочисленных постановлений руководства Разведупра, ИНО ОГПУ и Коминтерна, но, как уже говорилось, жизнь вносила свои коррективы.

Через своего помощника Гродницкого Узданский передал Креме план-вопросник по сбору информации, составленный в Москве руководителями советской разведки и экспертами военной промышленности. Он состоял из очень конкретных вопросов, на которые следовало дать ответы: каковы новые методы производства пороха, тактико-технические данные танков, пушек, снарядов, сведения о противогазах, самолетах, верфях, передвижениях войск и т. д.

Креме с помощью своей организации заполнил опросник. Все было сделано оперативно, но не очень надежно. Для ответа на технические вопросы подпольной организации пришлось прибегнуть к консультациям экспертов, главным образом профсоюзных деятелей, в каждой отрасли промышленности. В конечном счете в курсе дела оказалось слишком много людей, что не могло не привести к провалу.

В октябре 1925 г. один из помощников Креме был вынужден обратиться за консультацией к некому механику, служившему в арсенале Версаля и одновременно являвшемуся секретарем коммунистического профсоюза этого пригорода Парижа. Однако механик весьма удивился тому, что от него требуют подробности, не имеющие ничего общего с профсоюзным движением. Более того, он передал разговор руководству арсенала, которое предупредило полицию. Благодаря этому военная контрразведка получила возможность в течение нескольких месяцев передавать ложную информацию Советскому Союзу через сеть Креме.

А в апреле 1927 г. полиция нанесла решающий удар советской разведке во Франции. Она арестовала около ста человек, в том числе Узданского и его помощника Гродницкого. Их приговорили соответственно к трем и пяти годам тюремного заключения. Жану Креме со своей подругой и соратницей Луизой Кларак удалось бежать в СССР. Он был заочно приговорен к пяти годам тюрьмы и к штрафу в пять тысяч франков[140].

После приезда в Москву Креме работал в кооперативной секции ИККИ, а в 1929 г. его отправили в секретную командировку по линии военной разведки на Дальний Восток — в Индокитай и Китай. Тут надо отметить, что в литературе, посвященной советской разведке, имеет хождение версия, что Креме стал одной из жертв НКВД за границей. Его имя упоминают в одном ряду с такими деятелями, как Игнатий Рейсс (Порецкий) — убит в 1937 г. в Швейцарии, Лев Троцкий — убит в 1940 г. в Мексике, и Степан Бандера — убит уже после второй мировой войны в Мюнхене. Но на самом деле это не соответствует действительности. После окончания второй мировой войны Креме под именем Габриэль Пейро жил в Брюсселе, где и умер в 1973 г. Его подруга Луиза Кларак уехала из Советского Союза в 1936 г. Она нелегально вернулась во Францию и вела работу в подпольном аппарате ФКП и Коминтерна. Более того, после второй мировой войны некоторые члены сети Креме, например, Пьер Прово, вновь стали оказывать помощь советской разведке.

[140] Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993. С.19-20.

После ареста Узданского и провала Креме в Москве было решено послать во Францию другого нелегального резидента. И в 1927 г. в Париж приехал П.В.Стучевский , более известный как генерал Поль Мюрай (Анри, Альбер, Буассон).

Прибыв во Францию, Стучевский заново организовал работу резидентуры. При этом, учитывая массовые провалы 1927 г., он старался тщательно скрывать все контакты с местными коммунистами. За короткий период ему удалось восстановить агентурную сеть и достичь значительных успехов, особенно в сборе сведений о военно-морском флоте и военно-воздушных силах Франции. Так, он организовал сеть информаторов в портах Марселя, Тулона, Сен-Назера, с помощью которой получил материалы о подводных лодках и торпедном вооружении. В Нант Стучевский направил рабочего из Парижа Луи Моннето, снабженного деньгами для открытия рыбного магазина под названием «Прямые поставки». Разъезжая для закупки рыбы по портам Северного моря, Моннето имел большие возможности для сбора интересующей Москву информации[141].

Строгая конспирация и изоляция друг от друга звеньев агентурной сети дала свои результаты. Так, например, в Лионе агенты Стучевского выкрали чертежи нового самолета, сняли с них копию, после чего вернули на место. Однако французская контрразведка узнала о произошедшем и провела расследование. Но в результате был арестован только один агент. Впрочем, удача вскоре отвернулась от Стучевского. В 1929 г. отказался вернуться в СССР сотрудник советского посольства в Париже Г.Беседовский. Это привело к целому ряду провалов. А в апреле 1931 г. в результате предательства был арестован и сам Стучевский. На суде он утверждал, что собирал информацию для написания книги о Франции. Будучи осужден на три года, он отсидел срок в тюрьме Пуасси и после освобождения в 1934 г. вернулся в СССР.

Надо отметить, что после разгрома сети Креме из Москвы в очередной раз поступили категорические указания не использовать членов ФКП в нелегальных операциях. Однако они в очередной раз были проигнорированы, так как использовать потенциал французских коммунистов для Разведуправления было очень заманчиво.

В связи с этим в 1929 г. во Франции создается сеть так называемых рабкоров — рабочих корреспондентов газеты «Юманите». Сбор информации был организован следующим образом. Партийный печатный орган призвал всех активистов компартии присылать со своих предприятий материалы об отношениях между предпринимателями и профсоюзами, о перемещении штатов, организации производства и т.д. В «Юманите» обработкой этих материалов занимался специальный отдел, который отбирал достойные публикации сведения. Однако основной задачей этого отдела было выявление материалов, способных заинтересовать Разведупр. Если же поступала информация, заслуживающая внимания, то на место выезжал кто-то из сотрудников отдела, специализирующийся на разведдеятельности. При этом часто использовался вопросник, вошедший в обиход со времен Креме.

Работой рабкоров руководил Клод Лиожье под кличкой Филипп, бывший рабочий из департамента Луара, автор романа «Сталь», тесно связанный с Исайей Биром, — помощником нелегального резидента Разведупра Сергея Марковича, который курировал эту работу. Принимал участие в деятельности рабкоров и будущий лидер французских коммунистов Жак Дюкло. Он начал работать на Коминтерн с конца двадцатых годов и вплоть до своей смерти в 1975 г. поддерживал прямые связи с Москвой, курируя с 1931 г., когда его избрали в Политбюро и секретариат ФКП и поручили заниматься оргвопросами, нелегальную деятельность партии — так называемую спецработу.

Однако уже в 1932 г. произошел провал. Леожье, Бир, его помощник Альтер Штрем и большая группа ответственных работников французской компартии, среди них Морис Гандуен и Андре Куату, были арестованы. При обыске квартиры самого Бира полиция обнаружила секретные документы. В результате 5 декабря 1932 г. его и Альтера Штрема приговорили к трем годам тюрьмы. Правда, резиденту С. Марковичу удалось скрыться и вернуться в Москву. Жак Дюкло, спасаясь от ареста, отправился в Берлин, где под псевдонимом «Лауэр» работал

[141] Вольтон Т. Указ. соч. С.21.

под руководством Георгия Димитрова в Западноевропейском бюро Коминтерна. Оправданный судом 4 ноября 1932 г. за отсутствием состава преступления, он вернулся во Францию, где продолжил свою деятельность[142].

Французская полиция, решив одним выстрелом убить двух зайцев, объявила виновником разоблачения Бира сотрудника «Юманите» и члена ФКП Рикье. Однако проведенная в 1937 г. по инициативе Разведупра проверка причин провала, основанная на материалах, полученных Л.Треппером из Дворца правосудия, установила истинного виновника. Им оказался агент Разведупра Гордон Свитц, до 1932 г. работавший в США и там перевербованный американцами. Будучи направленным в 1932 г. в Париж для помощи Биру, он сдал всю сеть «рабкоров», после чего исчез в неизвестном направлении.

Впрочем, после арестов Стучевского и Бира работа по добыванию военно-техничской информации во Франции не была прервана. В 1933 г. нелегальным резидентом в Париже был назначен Арнольд Шнеэ, более известный под именем Генри Робинсон («Гарри»). Член компартии с 1920 г., он с 1923 г. оказывал разностороннюю помощь работникам Разведупра. А в 1933 г. по указанию Я.К.Берзина официально становится сотрудником советской военной разведки.

Созданная Шнеэ агентурная сеть занималась, как сказано выше, в основном военно-технической разведкой. О эффективности работы его резидентуры в этом направлении можно судить по заключению Наркомата оборонной промышленности СССР, в котором говорилось, что полученные из Франции материалы позволили сэкономить миллионы инвалютных рублей. Среди источников Шнеэ можно назвать французского ученого Андре Лабарта, до 1938 г. работавшего во французском министерстве авиации, инженера Мориса Ойнис-Хенцлина, а также Эрнста Вайса и Ганса Любчинского, работавших на заводах электронной промышленности в Англии.

Как уже говорилось, территория Франции использовалась и для ведения разведки против других стран. Так, в ноябре 1936 г., после начала гражданской войны в Испании в Париж прибыл нелегал Разведупра И.Винаров, получивший задание создать ориентированную на Испанию агентурную сеть. Находясь в Париже, Винаров действовал под «крышей» торговой фирмы «Александр и Макс Баучер и К°», владельцы которой давно сотрудничали с советской разведкой. Именно на парижский адрес этой фирмы приходили «торговые» телеграммы от агентурных групп резидентуры, работавших в Гибралтаре, Лиссабоне, Неаполе, Генуе, Киле, Гамбурге и других портовых городах Европы, в которых содержалась информация о поставках оружия войскам генерала Франко. В Центр собранная информация передавалась по радиосвязи. Первый передатчик, расположенный в Париже, вышел в эфир в ноябре 1936 г.. Позднее, в связи с увеличением количества информации, Винаров увеличил число радиостанций до 4-х: три из них находились в Париже и одна в Тулузе[143].

Италия

Прекрасная Италия одной из первых была опутана сетями советской разведки. Создание резидентур в этой стране началось еще в 1920 г. Первоначально разведывательную работу проводили засланные сюда через Одессу эмиссары Коминтерна Даниил Ридель, Владимир Деготь, Ян Страуян и другие. А первая резидентура военной разведки была создана в Италии в начале 1921 г., когда в феврале в Рим прибыла торговая делегация Центросоюза во главе с Вацлавом Воровским. В составе делегации под прикрытием заведующего экспортом находился резидент Разведупра Яков Фишман. Его помощником являлся руководитель подпольного аппарата Коминтерна в Италии Ян Страуян, как и Фишман уже бывавший в Италии. Страуян вел работу по разложению белогвардейской эмиграции, а позднее сменил Фишмана на посту резидента Разведупра.

[142] Там же. С.22.

[143] О работе резидентуры Винарова см: Винаров И. Бойцы тихого фронта. М., 1971. С.299-336.

Италия с самого начала являлась одной из наиболее удобных для советской разведки стран в силу как традиционно сильных позиций левых кругов в стране, так и природных качеств итальянцев. Все это значительно облегчало работу советских военных разведчиков. Фишман начал свою деятельность с большим размахом. Уже в 1921 г. Разведуправление имело в Италии резидента в Риме и большое количество агентов в Милане, Неаполе, Генуе и ряде других крупных городов страны.

Разместившись на улице Диоклетиановых терм, Фишман в короткий срок обзавелся обширной агентурой из среды русских эмигрантов и итальянских коммунистов, через которых скупил значительное количество секретных документов, а также образцы нового оружия (автоматические ружья и пулеметы). Однако он, что называется, зарвался. Для доставки оружия в Москву Фишман купил у фирмы «ФИАТ» два аэроплана «Капрони». В ноябре 1921 г. управляемые четырьмя пилотами из бывшей эскадрильи Д'Анунцио аэропланы вылетели в контрабандный рейс из Турина в Советскую Россию. Около Гориции один из них потерпел аварию, а экипаж другого приземлившегося аэроплана был схвачен жандармами. В результате этой неудачи Фишману пришлось покинуть Италию и перебраться в Германию.

Среди агентов, завербованных Фишманом в Италии и сбежавших после его провала в СССР, выделяются трое.

Первый из них — Арнальдо Сильва (работал позднее в Разведупре под именем Ивана Романовича Манатова). Он родился в 1887 г. в Риме, активно участвовал в итальянском социалистическом, а затем и коммунистическом движении. В годы Первой мировой войны — офицер итальянской армии. В 1922 г., опасаясь ареста, выехал в СССР. А когда руководители Коммунистической партии Италии выступили с проектом создания в рамках РККА особого «Итальянского легиона», который должен был формироваться из итальянских политэмигрантов, именно Сильву прочили на должность командира этого легиона. Впрочем, советское руководство не поддержало этот проект.

В это время Сильва учится в Высшей военно-педагогической школе Коминтерна, а с 1924 г. — в Военной академии РККА. В 1926 г. он выезжает в свою первую зарубежную командировку в качестве советского разведчика — работает в Австрии и Румынии, выдавая себя за итальянского скульптора. В 1932 г. в связи с оппозиционной троцкистской деятельностью Сильву увольняют из рядов РККА. В 1935 г. он был арестован и выслан в Сибирь. Дальнейшие его следы теряются.

Другим заметным агентом являлся Николай Николаевич Зедлер, работавший позднее в Разведупре под фамилией Герберт. Он родился в 1876 г. в Петербурге в дворянской семье. О деятельности этого человека можно написать авантюрный роман. Будучи выходцем из привилегированного сословия, да к тому же из обеспеченной семьи, он учился сначала в Александровском кадетском корпусе, откуда был исключен с 3-го курса за хранение книг Герцена. Затем был переведен в Полтавский кадетский корпус, но выпускной экзамен держал уже в Морском кадетском корпусе. На военной службе, согласно автобиографии Зедлера, составленной уже в советское время, он оставался всего год. В 1897 г. Зедлер переезжает в Баварию и учится сначала в частной школе живописи, а затем в Академии художеств. В этот период он сотрудничает с русскими эмигрантами социал-демократами, в частности, со знаменитым Парвусом, и вступает в социал-демократическую партию Германии. С 1906 г. Зедлер живет в Париже, занимается живописью и подрабатывает уроками. В 1912 г. он переезжает в Италию, где работает художником. Однако то ли в связи с избытком художников в Италии, то ли с недостатком таланта у самого Зедлера, он вынужден сменить профессию и устраивается сначала чернорабочим, а потом декоратором на кинофабрику «Чинез» в Риме. Здесь он активно участвует в рабочем движении.

В годы Первой мировой войны Зедлера увольняют с кинофабрики и он устраивается слесарем на авиазавод «Киокина». В 1917 г. он вместе с небольшой группой русских эмигрантов создает в Риме «Группу сочувствующих большевикам», активно работает в итальянской социалистической, а потом — коммунистической партии. С приездом Фишмана Зедлер становится одним из его ближайших помощников, но в конце 1922 г., в связи с

неизбежным арестом, он по требованию нового резидента Страуяна, сменившего к тому времени Фишмана, бежит в СССР. Здесь он продолжает работу в Разведупре, затем работает на авиазаводе, а с 1926 г. находится на нелегальной работе в ОМС Коминтерна: в 1927-1928 гг. — в Париже, в 1929 в Бельгии, Берлине и Вене, в 1930 г. — в Румынии. В 1931 г. Зедлер вновь переходит на работу в Разведупр. Его посылают в Китай. Китайская командировка длится до мая 1935 г. Дальнейшая судьба Зедлера неизвестна.

Однако пожалуй самой яркой фигурой среди сотрудников Фишмана был прославившийся позднее на весь мир авиаконструктор Роберто Бартини. Он родился в 1897 г. в городе Фиуме, входившем тогда в состав Австро-Венгрии, и был незаконным сыном барона Лодовико Орос ди Бартини. В 1915 г. Роберто окончил гимназию и поступил добровольцем на офицерские курсы, откуда затем был направлен в летную школу. Летом 1916 г. Бартини попал в русский плен и до 1920 г. находился в лагере военнопленных во Владивостоке.

В 1920 г. Бартини возвращается в Италию и становится студентом Миланского политехнического института, одновременно работая в местной авиамастерской. В январе 1921 г. он вступает в Итальянскую коммунистическую партию и входит в состав ее боевой дружины. В 1922 г. в связи с угрозой ареста Бартини был вынужден перейти на нелегальное положение, а затем выехать в СССР. Он становится инженером научно-опытного аэродрома ВВС РККА, а в конце 20-х гг. переходит на работу в ЦАГИ, где возглавляет работы по созданию серии гидросамолетов. В это время он переводится из ИКП в ВКП (б) и получает воинское звание комбрига.

Позднее вплоть до своей смерти в 1974 г. Бартини являлся одним из наиболее ярких и талантливых советских авиаконструкторов. Его работы на десятилетия опережали свое время. Поистине можно назвать Бартини легендой советского авиастроения...

Продолжая разговор о деятельности советской военной разведки в Италии, надо отметить, что к середине 20-х гг. она достигла там значительных результатов. Так, при подведении итогов работы Разведывательного управления Штаба РККА за 1923-1924 г. успехи в Италии отмечались особо: «... нам были доступны самые секретные документы, касающиеся всех заказов и состояния научно-опытных работ в воздушном флоте. Равно получались исчерпывающие сведения о самолетном составе и различные статистические данные».

Итальянская резидентура не только успешно действовала в самой Италии, но и добывала сведения о сопредельных странах. В 1921-1923 гг. в Италии вербовались агенты для работы против Румынии, Болгарии, Югославии, Албании, Венгрии, Сербии, Черногории, Турции, Франции и Швейцарии. Как правило это были бывшие военнослужащие, участники национально-освободительного движения и прочие подобные лица.

С 1924 г. для прикрытия сотрудников Разведупра в Италии стали, как и везде, использоваться должности в полпредстве, консульстве, торгпредстве и в других советских официальных представительствах. Организованная в это время в Риме легальная резидентура подчинялась непосредственно Центру. К 1927 г. итальянская резидентура стала широко освещать вопросы военной техники и военного производства, а также военно-политические, касающиеся итальянской политики на Балканах и в колониях. Однако она чрезмерно разрослась, стала громоздкой и трудноуправляемой. В связи с этим в конце 20-х гг. было решено создать в Милане отдельную нелегальную резидентуру для ведения военно-технической разведки на промышленно развитом севере страны с непосредственным подчинением ее Центру. Резидентом создаваемой миланской резидентуры был назначен Л.Е.Маневич , действовавший под псевдонимом «Этьен».

В декабре 1930 г. Маневич выехал в Австрию и приступил к выполнению задания. В Вене он легализовался как австрийский коммерсант Конрад Кертнер, открывший патентное бюро «Эврика», после чего приступил к созданию миланской нелегальной резидентуры. Действуя с территории Австрии, он уже в 1931 г. лично завербовал несколько человек, имевших доступ к информации по авиационной технике и организации литейного производства, а также агентов связи и курьеров. В 1932 г. им было завербовано еще несколько человек, имевших отношение к производству оружия и военно-морскому флоту Италии. Расширяя возможности Маневича,

Центр передал ему из Германии агента-универсала, который был одновременно и фотографом и хозяином конспиративной квартиры, где хранились агентурные материалы. В результате к концу 1932 г. миланская резидентура Маневича имела в своем составе 9 агентов-источников и 3 вспомогательных агента. Что же касается материалов, посылаемых им в Москву, то они неизменно получали высокую оценку Центра. Это касается прежде всего чертежей и протоколов испытаний опытных образцов самолетов (бомбардировщика-гиганта ВР, истребителей СР-30, СР-32, Капрони-80, -97, -101, -113), генерального чертежа подводной лодки «Мамели», характеристики подводной лодки «Бригандине», чертежей и описания 37-мм пушки типа «Бреде», чертежей и описания прибора центрального управления артиллерийским огнем на боевых кораблях[144].

Однако в 1932 г. произошел провал — в Милане был арестован один из агентов Маневича. В связи с этим для более действенного управления резидентурой Маневич в 1934 г. переехал в Милан, где также открыл патентное бюро. В это время его главной задачей был сбор информации по вопросам, связанным со «слепыми полетами», инструментальным самолетовождением, а также полетом авиационного соединения в строю и в тумане. Как отмечалось в шифровке, посланной Берзином Маневичу в 1934 г. , «эти вопросы чрезвычайно важные, и мы просим обратить на них самое серьезное внимание»[145].

Разумеется, круг вопросов, которые должен был освещать Маневич, не ограничивался только авиацией. Не менее пристальное внимание он уделял и военному судостроению, стоявшему в Италии на очень высоком уровне. В частности, объектом внимания Маневича была судостроительная фирма «Ото Малара». Для связи с Центром в его распоряжение была направлена радистка, для прикрытия поступившая на учебу в миланскую консерваторию.

В мае 1936 г. в связи с обострением обстановки в Испании Маневич побывал в Барселоне, после чего сообщил в Москву о готовящемся за Пиренеями фашистском перевороте. Второй раз он побывал в Испании в сентябре 1936 г., передав в Центр подробный отчет о авиации генерала Франко и о последней модели немецкого истребителя «Мессершмитт». Однако итальянская контрразведка к концу 1936 г. напала на след Маневича. 5 декабря 1936 г. в результате предательства одного из агентов Маневич был арестован. Осужденный в 1937 г. Особым трибуналом по защите фашизма на 12 лет тюремного заключения, он всю Вторую мировую войну провел в фашистских застенках и умер 9 мая 1945 г.

В резидентуре Маневича работали Георгий Павлович Григорьев, супруги Сигизмунд Абрамович и Анна Моисеевна Скарбек, продолжавшие свою работу и после ареста Маневича.

США

Несмотря на то, что США входили в так называемую вторую группу государств в списке приоритетов Разведуправления РККА, а их отношение к СССР было далеко от доброжелательного, до 1925 г. разведывательная работа на их территории не велась. Объяснялось это довольно просто: при общей слабости советской разведки и вечной нехватке денег Разведупр в первую очередь обращал внимание на сопредельные страны и наиболее значимые государства Европы. Что же касается США, то в первую половину 20-х гг. сведения о них собирались на основе прессы и случайных материалов, получаемых европейскими резидентурами.

Но в начале 1925 г. в США, так сказать, на рекогносцировку был направлен первый резидент советской военной разведки Феликс Вольф[146]. Он должен был выяснить общую обстановку в стране, возможности ведения разведывательной работы, подобрать легализационные прикрытия и приступить к созданию агентурной сети с центром в Нью-Йорке.

---

[144] Серов Е., Волгин В. Указ. соч. // Армия. 1995. №20. С.55-56.

[145] Воробьев Е. Тень Этьена. В сборнике: Люди молчаливого подвига. Кн.1. М., 1987. С.338.

[146] Венер М. Братья Раковы: немецкие коммунисты в России (1914-1938) // Отечественная история. 1996. №4. С.155-169.

Личность первого американского резидента Разведупра настолько интересна, что о нем необходимо рассказать более подробно.

Настоящая фамилия Феликса Вольфа, имевшего советский паспорт и работавшего в Разведупре под именем Владимира Богдановича Котлова — Вернер Раков. Он родился в 1893 г. в Адзель-Койкюль в Курляндии, где его отец работал в лесничестве. В 1900 г. семья вернулась в Германию, чтобы дети могли посещать немецкую школу. Феликс Вольф учился в гимназии, а затем стажировался в банковских фирмах Ганновера. В 1914 г. он вернулся в Россию и поступил на работу бухгалтером на резиновую фабрику, впоследствии прославившуюся на весь мир под названием «Красный треугольник». В начале Первой мировой войны он был интернирован и отправлен на поселение сначала в Вологду, а затем на Урал в город Ирбит Пермской губернии, где работал железнодорожным рабочим. После Февральской революции Вольф является одним из организаторов большевистской группы в Ирбите. Позднее, ввиду угрозы ареста он бежит в Омск, где создает одну из крупнейших в Сибири организаций военнопленных. В период белочешского мятежа, участвуя в боях, он был ранен. Летом 1918 г. Вольф переезжает в Москву, где сначала работает редактором газеты «Мировая революция» на немецком языке, а затем направляется ЦК РКП(б) в Белоруссию для ведения пропаганды среди германо-австрийских войск. Здесь, будучи в Минске, Вольф получает новое задание — направиться в Германию. Вместе с Карлом Радеком и Эрнстом Рейтером (будущим бургомистром Западного Берлина в период берлинского кризиса) под видом освобожденных австрийских пленных он прибывает в Берлин, где участвует в учредительном съезде Компартии Германии. Именно в этот период он действует по паспорту некого Карла Феликса Вольфа, под именем которого и входит позднее в мировую историю.

Участвовал Вольф и в создании Бременской советской республики. А весной 1919 г. его направляют в Кенигсберг, а затем в Гамбург. Здесь до конца 1920 г. он является одним из руководителей Северного округа КПГ, одновременно возглавляя советскую военную резидентуру в Северной Германии. Вольф быстро создает сеть агентов, которые внедряются в различные структуры, в том числе в рейхсвер, полицию и другие государственные организации. С 1921 г. Вольф — информатор Малого бюро Коминтерна и сотрудник Западноевропейского секретариата Коминтерна в Берлине. В 1922 г. под именем Владимир Инков он — резидент советской военной разведки в Вене. Этот псевдоним был придуман Вольфом на основе имени своей супруги — Инны Натановны Беленькой. Официально числясь руководителем отдела полпредства РСФСР в Австрии, Вольф руководит из Вены подготовкой сети агентов на Балканах.

В сентябре 1923 г. в связи с подготовкой революции в Германии Вольф возвращается в Берлин и становится руководителем разведывательного аппарата Компартии Германии. В короткий срок ему удается создать внушительную организацию, которая позднее на протяжении многих лет служила неистощимым источником кадров для советской военной разведки. Аппарат Вольфа имел осведомителей во всех крупных партиях и организациях Германии, начиная от социал-демократов и кончая фашистами. Вольфу удалось внедрить своих людей во многие государственные учреждения Германии, в том числе в Прусское министерство иностранных дел. Одновременно Вольф входил в созданный для руководства восстанием германский ревком.

Как известно, в 1923 г. попытка организации социалистической революции в Германии потерпела фиаско. Как всегда бывает в таких случаях, в партии начались дрязги, разборки и поиски виновных. Вольфа обвинили в приверженности к правому крылу и потребовали его отзыва в Москву. Перед отъездом Вольфа из Германии многие его сотрудники — Карл Штюке, Хейнц («Эрих») Меллер, Эда Танненбаум и другие — были переведены на работу в Разведупр. Самого Вольфа, после недолгого пребывания в Москве и Париже, где он был в 1924 г. резидентом Разведупра, отправили на нелегальную работу в США[147].

[147] После возвращение в 1926 г. из США в Москву Вольфа обвиняют в троцкизме и несколько раз то исключают, то восстанавливают в партии. В результате он постоянно был вынужден менять место работы,

Как уже было сказано, Вольф прибыл в США в начале 1925 г. Прикрытием его миссии в Америке служила стажировка в Колумбийском университете Нью-Йорка в области философии и социальных наук. Параллельно Вольф сотрудничал и с «Амторгом», который с этого времени становится основной базой для деятельности советской разведки в США.

Вольф с заданием справился быстро, и в августе 1925 г. первая резидентура советской военной разведки в США приступила к работе. Правда, неожиданно резиденту пришлось столкнуться с большими трудностями в самом, казалось бы, простом вопросе — поддержании связи с Центром. Но вскоре этот вопрос был решен: в основном донесения отправляли по почте, а письма, как правило, писались тайнописью и отправлялись на конспиративные адреса в Нью-Йорке, Париже и Берлине.

В течение последних месяцев 1925 г. и первой половины 1926 г. Нью-Йоркская резидентура сумела создать небольшую, но работоспособную агентурную сеть. Наиболее полно освещались последние достижения в области авиации, военной химии и военно-морских сил.

Весной 1926 г. Центр по личной просьбе Вольфа отозвал его и направил в Штаты нового резидента. Им стал уже знакомый нам по Парижу Ян-Альфред Матисович Тылтынь. С собой он привез и заместителя — свою жену, Марию Юрьевну Тылтынь. Они прибыли в США 2 ноября 1926 г. и сразу же приступили к укреплению и расширению агентурных связей резидентуры. В результате к концу года в резидентуре насчитывалось уже 11 агентов-источников.

В 1930 г. в США прибыли два крупных советских военных разведчика, сменивших Тылтыня на посту резидента в Северной Америке. Одним из них был прославившийся позднее на весь мир в качестве командира интербригад в Испании Манфред Штерн. В Советском Союзе он жил и служил под именем Манфреда Соломоновича Стерна и имел псевдоним «Фред». А напарником Штерна был не менее известный позднее по гражданской войне в Испании Владимир Горев .

Яркую характеристику Гореву дает хорошо знакомая с ним Надежда Улановская, жена сменившего позднее его на посту резидента Александра Улановского , в своих написанных совместно с дочерью воспоминаниях:

«Горев был необычайным человеком. Красивый, светловолосый, у немцев считался бы образцом арийца, а происходил из белорусской крестьянской семьи. И этот человек сделал из себя безупречного джентльмена. Он просвещал нас, как себя вести в обществе, показывал, например, как снимать в лифте шляпу, если входит дама. Все это он проделывал совершенно естественно. На ... американцев производил впечатление настоящего аристократа. Они его все боготворили»[148].

В 1932 г., после серии провалов и неудач советской разведки в США, было принято решение создать здесь объединенную резидентуру военной и политической разведок. На должность резидента был назначен бывший работник Разведупра, а в то время уже сотрудник ИНО ОГПУ «Оскар», настоящее имя которого было Валентин Борисович Маркин .

Эльза Порецкая, вдова известного советского разведчика-невозвращенца «Людвига»-Порецкого, пишет о Маркине в своей книге воспоминаний, рисуя отвратительный образ беспринципного комсомольского выдвиженца-карьериста, столь знакомого нам по годам «перестройки»:

«Частые визиты Валентина Маркина, которого Кривицкий описывает в своей книге и с которым Людвиг встретился в Германии (Людвиг недолюбливал его) были гораздо менее естественны и очень неприятны. Маркина, известного под псевдонимом «Оскар», направило в Германию в середине 20-х гг. IV управление. Он был в подчинении у Людвига, бывшего старше его на несколько лет. Очень способный, он быстро выучил немецкий язык, освоился и обещал стать первоклассным разведчиком. К несчастью, он почти сразу же начал пить, и драки, которые он затевал в кафе, ставили под удар весь служебный аппарат. Он не только пил, но и

переходя то в химическую промышленность, то в издательство Коминтерна (правда, всегда занимая руководящие должности). В конце концов 27 июля 1937 г. он был арестован и 14 сентября 1937 г. расстрелян.

[148] Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. М., 1994. С.91.

обожал интриговать против своих коллег, посылая на них кучу доносов в Москву. IV управление, гордившееся тем, что тщательно подбирает агентов и доверяет им, не одобрило его поведение. Маркина вскоре отозвали в СССР, где он стал интриговать еще больше. Каждый раз, когда ему что-то не нравилось, он не раздумывая обращался через голову своего начальства к партийному руководству. Берзин ухватился за первую же возможность избавиться от него ... ИНО был счастлив заполучить Маркина как человека из IV управления. Он был именно тем, кто был им нужен для интриг против своих конкурентов. Маркин часто приходил к Порецкому, убеждая его также перейти в ИНО... Он мог лишь увеличить отвращение Людвига к ИНО, и Порецкий вступил контакт со Слуцким (руководитель ИНО НКВД — авт.) только после отъезда Маркина за границу. Маркин понял это отвращение и как он сказал Людвигу потом, когда они встретились в Париже в 1934 г. , ему этого не простил.

Маркин уехал в США. Однажды, это было в 1934 г., его нашли в одном из баров Нью-Йорка с проломленным черепом. Через несколько дней он умер в больнице. Так и не было установлено, кто же ударил и ранил Маркина. Большинство из тех, кто его знал, склонялись к тому, что его ударили бутылкой по голове в пьяной драке. Но некоторые подозревали НКВД, что кажется маловероятным. НКВД еще не начало уничтожать своих агентов за границей и, конечно же, не стало бы ликвидировать Маркина, бывшего очень полезным для интриг против IV управления. Его смерть совпала с крахом попытки наводнить мировой рынок фальшивыми долларами. IV управление неохотно участвовало в этой афере, утвержденной личным приказом Сталина, верившего в пользу подобных операций. Многочисленные аресты, последовавшие в США и Европе, серьезно скомпрометировали IV управление и лично Берзина в связи с тем, что один из его протеже — латыш Альфред Тылтынь — был замешан в этом деле ...

По словам Кривицкого, Слуцкий заявил ему несколько лет спустя: «Маркин был троцкистом» и Кривицкий сделал вывод, что того убили по приказу Сталина»[149].

Надо заметить, что не один Кривицкий считал, что причиной гибели Маркина была его симпатия к Троцкому. Троцкисты уже в конце 30-х гг. занесли его в свой мартиролог «умученных от Сталина», однако серьезных доказательств по этому делу никто никогда так и не представил.

После смерти Маркина резидентом Разведупра был назначен Борис Яковлевич Буков . Его деятельность в США была чрезвычайно плодотворна вследствие опоры на сочувствующие компартии левые круги, несмотря на серию предательств и отказов агентуры от работы, произошедших в 1937-1938 гг.

Вот какую характеристику дает Букову Надежда Улановская в уже цитировавшихся выше воспоминаниях:

«Буков работал то в ЧК, то в Разведупре. В Америке он был от Разведупра, а в 1923 г. в Германии работал от ЧК. Мы его знали с 1919 г., с одесского подполья, в молодости он был ярко-рыжим, с годами седел, лысел и тускнел. Друзьями мы не стали, как человек он был нам не симпатичен: трусоват, к тому же слишком увлекался сам, наблюдая за границей «буржуазное разложение». В 1939 г. мы встретились с ним в Москве, и он рассказал, что вернувшись из Америки, несколько месяцев ждал каждую минуту ареста. Вокруг него все время брали людей, и он решился на отчаянный шаг — написал письмо Сталину. Не помню, что это было за письмо, но факт — Буков уцелел»[150].

Легальной резидентурой в Нью-Йорке с момента установления дипломатических отношений между СССР и США руководил генеральный консул Толоконский.

Среди других резидентов Разведупра в США этого периода следует отметить Иосифа Исаевича Зильберта , длительное время находившегося в разведкомандировках, помимо США, также во Франции и Китае.

Заканчивая разговор о деятельности сотрудников Разведупра в США, нельзя не рассказать о еще одном, очень необычном человеке, который также выполнял в Америке специальные

[149] Порецки Э. Указ. соч. С.141-143.

[150] Улановская Н., Улановская М. Указ. соч. С.96.

задания — Льве Термене. Ученый, изобретатель, музыкант, он в 1921 г. создал так называемый электротехнический прибор «терменвокс», позволяющий исполнять сложные музыкальные произведения, а в 1927 г. — первый телевизор, на демонстрации первой действующей модели которого присутствовали Сталин, Орджоникидзе, Ворошилов, Тухачевский.

В 1928 г. Термена командируют в Европу с целью демонстрации достижений советской науки. Его европейские гастроли с демонстрацией терменвокса имели оглушительный успех. В 1929 г. Термен отправляется в Америку. Там он выступает в залах «Метрополитен-Опера», «Карнеги-холл», открывает студию электронной музыки в Нью-Йорке. Его терменвокс выпускается серийно на специально созданной им фирме[151]. Но все это было лишь видимой частью его американской жизни. Дело в том, что в 1929 г., перед командировкой в США, Термен имел долгий разговор с Ворошиловым и начальником Разведупра Берзиным. В результате, помимо всего прочего, он занимался в Америке разведывательной работой. Связь с ним чаще всего поддерживали сотрудники Разведупра, работавшие под «крышей» посольства. Что до информации, которую он передавал через них в Москву, то оценить ее в должной мере невозможно. Ведь Термен общался не только с артистами, аристократами и финансистами. Среди его контактов были будущий президент США. Д.Эйзенхауэр, будущий руководитель американского атомного проекта генерал Гровс, созданная им фирма поставляла на предприятия ВПК уникальные охранные системы. А по просьбе Энштейна он активно участвовал в настройке телефонной связи между США и Европой. Все это говорит о том, что он был более чем хорошо информирован о военном и промышленном потенциале США и о стратегических планах американской внешней политики. А в свете приближающейся мировой войны вопрос — на чьей стороне выступит Америка — имел первостепенное значение.

С поставленной перед ним задачей Термен справился полностью. И в конце 1938 г., свернув в Америке все дела, он возвращается в Москву. На родине его уже ждали. Вместо Берзина, к тому времени уже расстрелянного, Термена встретили сотрудники НКВД. В марте 1939 он был арестован и осужден на 8 лет по статье 58-4. Обвинение стандартное — участие в убийстве Кирова.

Турция

Расположенная на южных рубежах России Турция находилась в зоне повышенного интереса советской военной разведки с первых дней ее существования. Дело в том, что в апреле 1920 г. в Турции победило национально освободительное движение, названное по имени его руководителя Мустафы Кемаля-паши (Ататюрка) кемалистским. А одним из первых шагов нового турецкого правительства было обращение Мустафы Кемаля к Ленину с письмом от 26 апреля 1920 г., в котором, в частности, говорилось, что кемалисты «принимают на себя обязательство соединить всю нашу работу и все наши операции (против Антанты — авт.) с российскими большевиками»[152].

Но хотя советское руководство и оказывало в 1920-1922 гг. помощь деньгами и оружием кемалистам, они не были единственными, на кого большевики делали свою ставку в восточной политике. Так, в 1921 г. советское руководство всерьез рассчитывало на то, что местные коммунисты смогут придти к власти и создать в Турции советскую республику. Для помощи им в Турцию были направлены многочисленные эмиссары Разведупра и Коминтерна. В результате, как отмечал в своем докладе тогдашний руководитель военной разведки Ян Ленцман, только в одном Трапезунде насчитывалось 200 агентов Региструпра. Более того, для проведения этой идеи в жизнь большевики были готовы даже использовать солдат и офицеров врангелевской армии. Свидетельство тому — письмо наркома иностранных дел Г.Чичерина в ЦК РКП(б) от 22 апреля 1921 г.: «Коллегия НКИД решительно высказывается за принятие предложения тов. Е. (личность не установлена — авт.) относительно Константинополя. Она считает это

[151] Галеев Б. На воле он изобрел телевизор, а в лагере — систему подслушивания. Комсомольская правда, 6 февраля 1992.

[152] Казанджян Р. Большевики и младотурки. М., 1996. С.2.

предложение заслуживающим серьезного внимания. При проведении этого плана следует однако действовать осторожно по дипломатическим отношениям. По словам тов. Е. врангелевцы так резко настроены против Антанты, что они охотно возьмут Константинополь. Престиж Советской России среди них очень велик, но не настолько, чтобы они сами обратились к нам с заявлением о своем подчинении. После захвата ими Константинополя мы должны будем по словам тов. Е. обратиться к ним в таком приблизительном смысле: «Антанта водила вас за нос и пользовалась вами против Советской России, но у вас теперь открылись глаза и мы рассчитываем, что вы больше не будете действовать во вред трудящимся России, мы предлагаем признать Советскую Власть, ваши преступления забываются и вам разрешается вернуться на родину». У нас должен быть наготове политический аппарат, чтобы в тот момент сразу бросить его в Константинополь, причем ради большей осторожности переброска политработников может происходить как будто самочинно по их собственному желанию. Мы таким образом овладеем положением в Константинополе. Нас нельзя будет винить за события, развернувшиеся помимо нас. После этого мы передадим Константинополь его законным владельцам туркам, но не ангорским кемалистам, отделенных от Константинополя проливами, а константинопольским кемалистам, гораздо более левым, т.е. главным образом имеющемуся в Константинополе рабочему элементу, который мы организуем и вооружим. Формально же Константинополь будет передан турецкому государству. Тов. Е. полагает, что в тот момент врангелевцы без труда займут Андрианополь и Солоники, там появятся наши комиссары, и едва держащиеся балканские правительства будут опрокинуты, что может иметь громадный политический эффект и дальше Балкан ...»[153].

Однако «Турецкий Октябрь» не состоялся. В результате хитрой политики Кемаля Ататюрка прибывшие из РСФСР руководители турецкой компартии были уничтожены, а турецкие прокоммунистические организации — разгромлены.

В начале 1922 г. в Анкаре открылось советское полпредство, которое возглавил бывший начальник Региструпра С.Аралов. Вместе с ним в Турцию прибыл и военный атташе Константин Кириллович Звонарев (Карл Кришьянович Звайгзне) с группой своих сотрудников. Это обстоятельство позволило вести разведывательную работу в Турции с легальных позиций. Так, в марте-апреле 1922 г. Аралов и Звонарев совершили поездку на турецко-греческий фронт и побывали в шести пехотных и трех кавалерийских дивизиях, посетили ставку Мустафы Кемаля[154].

Ценным свидетельством о деятельности советской военной разведки в Турции в 20-е гг. являются воспоминания бывшего зам. торгпреда в Турции, ставшего невозвращенцем Ибрагима Ибрагимова «Работа Коминтерна и ОГПУ в Турции». Он, в частности, пишет:

«В Турции действует целый штаб, очень хорошо организованный, из бывших офицеров — северных татар, ставших коммунистами и окончивших спецкурсы при Красном Генштабе, числящихся официально на должностях драгоманов (переводчиков — авт.) разных рангов при полпредствах и в консульствах. Главная квартира этой организации — в Стамбуле, при генконсульстве, а не в Анкаре. Во главе все время находился Абсалямов , его помощник Халил Таканаев имел постоянное пребывание в Анкаре, числясь официально драгоманом. Оба они очень воспитанны, скромны, с первого же свидания с ними завоевывают полное доверие и расположение собеседников. Работают тихо, спокойно, без всякого шума, очень осторожно, абсолютно не посещают всевозможные «злачные места», не афишируют себя (не в пример агентам ОГПУ), но работают чрезвычайно энергично и плодотворно. Результатом их работы очень довольны были всегда в Центре, и в Генеральном штабе вполне удовлетворены, за что не раз получали благодарность и доказательством служило то, что они очень долго сидели на этих должностях, несмотря на все козни местных агентов ГПУ против них лично, потому что они не подчинялись в оперативной работе местной резидентуре ОГПУ и не давали им сведения о своей работе.

[153] Там же. С.12-13.

[154] Аралов С. Воспоминания советского дипломата. М. 1960. С.76.

Не раз они мне жаловались, что местная резидентура ОГПУ интригует против них, создает дутые дела только потому, что они сами не в состоянии доставать мало-мальски серьезных сведений, что их снабжают постоянно свои же сексоты разными подложными военными документами и сведениями, дорого материально им обходящимися.

Резидентура, спеша перебить своих «конкурентов» в подаче сведений непосредственно в центр и «более точных» и тем самым «дискредитировать» этих, всегда попадала впросак и по проверке их сведений всегда агенты ГПУ получали нахлобучку. Конечно, такое положение они стерпеть не могли и начали подкапываться под них, возведя на них небывалую клевету, вплоть до того, что обвиняли их в государственной измене в пользу Турции, указывая на их магометанское происхождение, подводя их под риск смертной казни.

Можно сделать после этого определенный вывод, насколько плодотворна, ценна и точна была их работа, что даже всесильная резидентура ОГПУ не могла справиться с ними, несмотря на всё их «контрреволюционное» происхождение, как то: бывшие царские офицеры, дети богатых купцов-буржуев, интеллигенты и т.д. Почва самая благоприятная при советских условиях для травли.

Их в конце концов отозвали, но с назначением на высокие военные должности в Штабе Закавказской Армии, в частях, расположенных на турецкой границе, фактически на ту же работу, только с резиденцией на территории СССР. А на их место на те же должности прислали опять татар, рабочих-коммунистов, но уже красных офицеров ... — драгоманами полпредств и генконсульства»[155].

Таким образом, можно констатировать, что к концу 1920-х гг. становление заграничных резидентур советской военной разведки было, в основном, закончено. IV Управление имело в своем распоряжении сильный заграничный аппарат легальных резидентур, работавших под официальным прикрытием, и разветвленную нелегальную сеть. Так, например, в нелегальной берлинской резидентуре насчитывалось свыше 250 человек. На специальную работу в 1929-1930 гг. Управлению было выделено 750 тысяч американских долларов и 515 тысяч рублей (в эту сумму не входила оплата деятельности военных и военно-морских атташе и оплата научных командировок)[156].

Необходимо также отметить, что одним из приоритетных направлений деятельности Разведупра во второй половине 20-х гг. становится военно-техническая разведка. Так, с апреля 1926 г. Разведупр выпускает «Военно-технический бюллетень». Это издание знакомило заинтересованные учреждения с секретными или не подлежащими оглашению материалами, которые не могли быть помещены или использованы в «Информационных сборниках» Разведупра. «Военно-технические бюллетени» должны были освещать новейшие технические достижения и их применение в области артиллерии, ручного оружия, броневого дела, военной химии, связи и электротехники, военно-инженерного дела, воздушного флота, морского флота и военной промышленности[157].

Для ведения военно-технической разведки использовались все возможности, как легальные, так и нелегальные. На легальном уровне разведка широко пользовалась возможностями Наркомата внешней торговли и Наркомата по иностранным делам. В советских торгпредствах создаются инженерные отделы, которые должны обеспечивать РККА всем необходимым — от современной военной техники до предметов культурно-бытового назначения. Кроме всего прочего, инженерные отделы обязаны были «собирать, проверять, систематизировать и изучать все материалы о новых научно-технических усовершенствованиях и достижениях, как применяемых, так и могущих быть примененными для военных целей и обороны страны». Естественно, среди сотрудников ИО были и военные разведчики. Одним из

[155] РЦХИДНИ. Ф.328. Оп.1. Ед. хран. 203. С.59-62.
[156] Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Правда-5. 1998, №29. С.10-11.
[157] Там же.

наиболее известных среди них был Г.П.Григорьев, инженер советского торгпредства в Милане, который многие годы поддерживал связь с резидентурой Л.Е.Маневича[158].

Что до масштабов деятельности военной агентурной разведки, то о них можно судить по докладу начальника 3-го отдела А.М.Никонова. В нем говорится, что только в 1924-1925 гг. через агентурный аппарат Разведупра было получено «9851 агентурных материалов, с общим количеством 84148 листов и 3703 книг и журналов: кроме того получались материалы непосредственно других органов — в количестве 1986 материалов ... Отделом было дано 10000 оценок на поступившие материалы, а также 3156 заданий агентуре ... Из общего количества ... данных заданий приходилось: 784 (24,8%) на сухопутные вооруженные силы, 274 (8,75%) на политические и экономические вопросы, 1310 (41,9%) на военную технику, 405 (12,5%) на воздушный флот и 383 (12,1%) на военно-морской флот»[159].

[158] Там же.
[159] Там же.

В трудные годы на Дальнем Востоке

Деятельность советской военной разведки в Европе и Америке — тема достаточно изученная. Но Россия — государство, расположенное как в Европе, так и в Азии. При этом протяженность азиатской границы России превышает европейскую, что позволяет говорить о повышенном интересе России к странам Востока и, в частности, к Китаю. Огромная территория (около 9,6 млн. кв. км) и постоянно растущая численность населения этого южного соседа России, его материальные и сырьевые ресурсы, делали Китай той страной, военно-политическое положение в которой в значительной мере определяло внешнюю политику Советского Союза в азиатском регионе. Поэтому деятельность советской военной разведки в Китае с первых дней ее основания была весьма активной и направлена прежде всего на обеспечение национальной безопасности и обороноспособности нашей страны. То же самое можно сказать и о стране "восходящего солнца" — Японии.

Начать следует с того, что политическое и экономическое положение в Китае в период прихода к власти в России большевиков было достаточно сложным. После поражения в японо-китайской войне 18941895 годов и подавления в 1901 году ихэтуаньского восстания (восстание "боксеров") страна фактически была превращена в полуколонию. Революция 1911 года хотя и свергла Цинскую династию, но не смогла добиться настоящей независимости Китая. Центральное правительство во главе с лидером партии Гоминьдан Сун Ят-сеном контролировало, и то формально, только провинции Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и часть провинции Хунань, расположенные на юге страны, а фактически его власть распространялась лишь на провинцию Гуандун. В результате к началу 1920-х годов Китай оказался раздробленным на многочисленные полунезависимые территории, где полноправными хозяевами были так называемые "провинциальные милитаристы" или "военные лорды" — китайские генералы, опирающиеся на подконтрольные им войска и захватившие власть в ряде провинций в свои руки.

После освобождения в 1921-1922 годах Сибири, Забайкалья и Приморья руководство советской военной разведки обратило пристальное внимание на положение в Китае и особенно в его северных территориях. Связано это было с тем, что в Маньчжурию, находившуюся под контролем генерала Чжан Цзолиня, бежало множество русских эмигрантов, воевавших против Красной Армии. Многие из них, как, например, атаманы Б.Анненков, А.Дутов и Г.Семенов, вынашивали планы вооруженного реванша и отторжения от России ее дальневосточных территорий, рассчитывая на поддержку Японии. Поэтому одной из важнейших задач военной разведки было получение точной и своевременной информации о планах руководителей белой эмиграции. В связи с этим в военно-политических обзорах Разведупра РККА, направляемых руководству страны, белоэмигрантские организации выделялись в специальный раздел "Белые".

В качестве примера успешной оперативной работы военной разведки по белой эмиграции стоит отметить деятельность в 1923-1924 годах Х.Салныня, находившегося в Харбине под видом бежавшего из России крупного коммерсанта Христофора Фогеля. Как человек со средствами, Салнынь выразил желание финансировать любую реальную вооруженную акцию, направленную против советской России, что привело к нему многих бывших белых офицеров. Впрочем, всем им было отказано в средствах под предлогом нереальности и авантюрности предложенных планов, а руководство военной разведки в Москве тем временем получало от Салныня информацию о возможных провокациях и вооруженных выступлениях на дальневосточной границе.

Кроме того, в Китае при участии сотрудников Разведупра в 1921 году был ликвидирован атаман А.Дутов, а в 1922 году — похищен и вывезен на территорию СССР атаман Б.Анненков.

Работа по белой эмиграции в Китае оставалась для советской военной разведки одним из важнейших направлений ее деятельности еще долгие годы. Так, в докладе Разведупра РККА руководству страны от 20 сентября 1929 года говорилось:

"Белые продолжают деятельность по формированию отрядов. Базами формируемых белых отрядов являются Харбин (генерал Сахаров, Савич), Муланские копи (ст. Мулан) по всей линии

КВЖД и Маньчжурско-Хайларский район. Количество всех активных белых в Северной Маньчжурии достигает 5-6 тысяч человек. Работу по формированию белые ведут в основном с белокитайцами или пытаются создать партизанские отряды для переброски на нашу территорию. Случаи таких переброс в составе небольших отрядов уже неоднократно имели место, но нашими контрмерами быстро ликвидировались. Переброски в составе крупных отрядов в последнее время не отмечались. Белых формирований как самостоятельных отрядов в китайских войсках не обнаружено. Отмечаются лишь небольшие группы белых в китайских войсках и совместные действия против наших пограничников. В штабах китайских войск имеются белые офицеры в качестве советников.

По последним данным, в связи с появившейся возможностью для безработных устроиться на службу на КВЖД и с нашими ответными мероприятиями (решительный отпор всем попыткам белоотрядов проникнуть на нашу территорию) среди белобанд наблюдается развал, приток добровольцев в белоотряды идет слабо. Имеются сведения о прибытии в Шанхай для следования в Маньчжурию белых офицеров из Парижа. Следует отметить, вместе с тем, ряд случаев вынесения китайским населением пограничной полосы резолюций с просьбой о применении арестов в отношении белобандитов и прекращении их активной деятельности. В Харбине по приказу из Мукдена 28 августа распущена фашистская белая организация по борьбе с Коминтерном"[160].

Работа Разведупра РККА против белой эмиграции в Китае велась в плотном контакте с ИНО ОГПУ. Среди известных чекистов, работавших в Маньчжурии, можно назвать Р.Абеля. С 1930 по 1936 год он вместе с женой Александрой под видом беженцев из советской России жили в Тяньзине, занимаясь оперативной работой в среде белой эмиграции. А главным успехом советской разведки на этом направлении можно считать предотвращение покушения на И.Сталина, организованное в 1939 году 2-м (разведывательным) отделом генштаба японской армии, который привлек для проведения этой операции бежавшего в Маньчжурию начальника Дальневосточного управления НКВД Г.Люшкова и членов белоэмигрантской организации "Союз русских патриотов"[161].

Что касается собственно Китая, то Разведупр РККА внимательно отслеживал складывающуюся там ситуацию и действовал строго в русле внешней политики советского руководства. Еще в 1922 году в Пекин в качестве военного атташе был направлен комкор А.Геккер, которому было поручено создать первую легальную резидентуру в стране. А в октябре 1922 года в Харбин был командирован Николаевский (В.Нейман), создавший в Харбине, Мукдене и Каунчензы агентурную сеть в составе 27 человек (22 белогвардейца и 5 китайцев). Однако из-за постоянных реорганизаций наладить продуктивную работу долгое время не удавалось. Так, в апреле 1923 года все резидентуры в Маньчжурии и Монголии (в Кульдже, Кашгаре, Урумчи и Чугучаке) были переданы в подчинение разведотдела 5-й Краснознаменной армии. Что же касается разведсети Николаевского, то она была ликвидирована вовсе — в Харбине в резидентуре Привалова работали машинистка и всего 4 агента, а занимались они переводами китайской прессы.

Но вскоре положение резко изменилось. 26 января 1923 года Сун Ят-сеном и советским представителем в Китае А.Иоффе было подписано советско-китайское соглашение, после чего в Китай была направлена группа советских политических советников под началом М.Бородина (Грузенберга). А в 1924 году в Гуанчжоу (Кантон) прибыла группа советских военных советников во главе с В.Блюхером (находился в Китае под фамилией Галин). В их число входили и сотрудники военной разведки. Так, например, в начале 1926 года в миссию Блюхера были направлены военные разведчики Х.Салнынь, И.Винаров, его жена Г.Лебедева и другие. Их задачей было оказание помощи в организации разведки китайской национально-

[160] Старков Б. Трагедия советской военной разведки. В кн.: Кривицкий В. Я был агентом Сталина. С.28.

[161] Цветов В. Почему не расцвела хризантема. Совершенно секретно, №6, 1991; Чумаков Н. Класс кремации — второй. Совершенно секретно, №5, 1992.

революционной армии и работа против спецслужб Японии, Англии, Германии, Франции и США.

В результате только в начале 1925 года в Китай было направлено 39 сотрудников Разведупра для помощи местным резидентам. И уже к апрелю 1926 года военная разведка имела в Китае 16 резидентур. В ноябре 1925 года в связи с началом гражданской войны и созданием Пекине военного отдела Разведупр организовал Пекинский разведцентр, которому были подчинены все резидентуры в стране. Однако Пекинский разведцентр работал не в интересах Разведупра, а фактически выполнял роль разведывательного органа военного отдела в Пекине и не уделял должного внимания освещению вопросов, касающихся безопасности СССР. Поэтому в ноябре 1926 года была проведена очередная реорганизация резидентур в Китае. В подчинении Пекинского разведцентра были оставлены только четыре резидентуры (в Калгане, Шанхае, Тяньцзине и Ханькоу). Часть резидентур была ликвидирована (в Кайфыне, Чифу, Чанше и Хайларе), а остальные (в Харбине, Кантоне и Угре) подчинены непосредственно Разведупру РККА.

Здесь надо особо отметить, что после образования в 1921 году Коммунистической партии Китая (КПК), реорганизации в 1923-24 годах Гоминьдана и вступления в него коммунистов и смерти 12 марта 1925 года Сун Ят-сена руководство Советского Союза во главе со И. Сталиным взяло курс на раздувание китайской революции и ее советизации с целью в самое ближайшее время направить Китай на "социалистические рельсы". Наиболее рьяными сторонниками этого пути являлись М.Бородин и полпред СССР в Китае Л.Карахан (Караханян). Но были и противники столь решительного курса. Например, заместитель наркома иностранных дел М.Литвинов, полпред СССР в Японии В. Копп и другие. Противостояние этих группировок в советском руководстве, доходящее порой до интриг самого низкого пошиба, не могло не повлечь за собой отрицательных последствий. А главное, проводимая Бородиным политика по отношению к Гоминьдану и главнокомандующему китайской армией Чан Кайши привела к резкому обострению отношений между официальным правительством Китая и СССР.

Дело в том, что Бородин после начала Северного похода национально-революционной армии, предпринятого в июле 1926 — марте 1927 года с целью объединения Китая, стал требовать от советских военных советников вести "военно-техническую работу в зависимости от политической обстановки и в тесном контакте с агентурой Коминтерна". На деле это означало попытку смещения Чан Кайши путем преднамеренного поражения частей китайской армии на шанхайском фронте, действующем против войск генерала Сун Чуанфана, и замене его военачальником-коммунистом. Одновременно с этим в Шанхае под руководством КПК быстрыми темпами началось формирование отрядов китайской Красной гвардии с целью организации вооруженного восстания, провозглашения революционного правительства по типу советского и создания китайской Красной Армии. Требование Бородина было встречено военными советниками крайне негативно, а Блюхер прямо заявил, что директивы Бородина преступны, о чем телеграфировал лично Сталину. Но Сталин встал на сторону Бородина и его план был принят к исполнению.

Однако о намерениях Бородина стало известно Чан Кайши, и он немедленно начал наступлние на Шанхай. 12 апреля 1927 года Шанхай был взят его войсками, начавшееся восстание — потоплено в крови, а 28 апреля были арестованы и казнены двадцать пять функционеров КПК. А затем в Нанкине лидеры Гоминьдана создали новое правительство во главе Ху Хан-минем. Впрочем, фактическим главой нового гоминьданского режима стал Чан Кайши, занимавший с ноября 1928 по январь 1932 года пост премьер-министра и сохранивший за собой должность главнокомандующего армией. В результате в августе 1927 года советские политические и военные советники были вынуждены покинуть Китай, а сотрудники военной разведки — перейти на нелегальное положение.

В это же время (апрель 1927 года) по указанию нанкинского правительства в советском консульстве в Пекине был произведен обыск, нанесший сильный удар по позициям военной разведки в Китае. В ходе обыска полиция изъяла огромное количество документов, в том числе шифры, списки агентуры и поставок оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по

оказанию помощи в разведработе, а также директивы из Москвы, в которых говорилось, что "не следует избегать никаких мер, в том числе грабежа и массовых убийств", с тем, чтобы способствовать развитию конфликта между Китаем и западными странами. Таким образом, китайскому правительству стало известно о деятельности военной и боевой организаций КПК, которыми руководили сотрудники Разведупра А.Аппен и Г.Семенов. В результате оперативную работу военной разведки в Китае пришлось практически начинать заново.

Центром деятельности советской военной разведки с конца 1920-х годов стал Шанхай. Дело в том, что в Шанхае было сосредоточено 1/4 всех предприятий тяжелой и 4/5 — легкой промышленности. Здесь же располагались наиболее крупные китайские и зарубежные банки, а шанхайский порт являлся морскими воротами для всего Северного и Центрального Китая. Кроме того, иностранцы в Шанхае, которых было около миллиона человек, проживали в специальных районах, пользующихся правом экстерриториальности, и не подчинялись местному законодательству. Все это создавало благоприятную почву для работы советской разведки, учитывая специфические местные условия.

Основной задачей, стоявшей в этот период перед резидентурами военной разведки, было информирование Центра по следующим вопросам:

— характеристика политической деятельности нанкинского правительства и его отдельных фракций;

— внутренняя и внешняя политика нанкинского режима;

— уровень развития промышленности и сельского хозяйства Китая;

— военный потенциал чанкайшистов;

— социальная и политическая характеристика всех оппозиционных правительству Чан Кайши сил;

— политика западных государств в Китае;

— военный потенциал ведущих иностранных держав в Китае;

— обострившаяся проблема статуса экстерриториальности для иностранцев в Китае.

Легальную резидентуру военной разведки в Шанхае в это время возглавлял Алексеев, но основная оперативная работа велась силами нелегальных резидентур. Так, в конце 1927 года в Шанхае начала действовать нелегальная резидентура во главе с Салнынем. Его помощником был И.Винаров, а курьером — жена Винарова Галина Лебедева, работавшая легально в советском посольстве в Пекине шифровальщицей. Для прикрытия своей деятельности Салнынем была организована экспортно-импортная торговая фирма с филиалом в Пекине и торговыми агентами почти во всех крупных портах и многих городах Китая. Помимо сбора интересующей Москву военной, экономической и политической информации резидентура Салныня занималась переброской из СССР в Китай оружия и передачей его китайским коммунистам. К началу 1929 года резидентура распространила свою деятельность и на Харбин, где прикрытием служила консервная фабрика, официальными хозяевами которой считались эмигрант из России Л.Вегедека и его жена Вероника, активно сотрудничавшие с советской разведкой.

Одной из самых сложных и рискованных операций, осуществленной резидентурой Салныня, была ликвидация в 1928 году фактического главы пекинского правительства генерала Чжан Цзолиня. Чжан Цзолинь, долгое время державшийся у власти, успешно играя на противоречивых интересах в Маньчжури Японии, СССР и правительства Сун-Ятсена, был крайне обозлен итогами деятельности Бородина в 1926-27 годах. В результате его позиция стала откровенно прояпонской, а нормальное функционирование КВЖД поставлено под угрозу из-за постоянных провокаций против советских служащих. Поэтому в Москве было принято решение о ликвидации Чжан Цзолиня, но так, чтобы подозрения пали на японских военных. (У Чжан Цзолиня было много недоброжелатели в японском генеральном штабе.) Для проведения этой операции к Салныню был направлен Н.Эйтингон. (Позднее он получил известность как организатор убийства в Мексике Л.Троцкого в 1940 году.) Намеченная спецоперация была

проведена успешно — Чжан Цзолинь погиб в результате взрыва своего специального вагона во время поездки по железнодорожной линии Пекин — Харбин[162].

Салнынь и Винаров были отозваны в Москву весной 1929 года перед началом вооруженного конфликта на КВЖД между СССР и войсками Чан Кайши и Чжан Сюэляня, сына Чжан Цзолиня, ставшего после смерти отца правителем Севеного Китая и главой фынтяньской (мукденской) группы "провинциальных милитаристов". Непосредственно военным действиям предшествовали многочисленные провокации против советских официальных лиц в Маньчжурии и служащих КВЖД, а также постоянные обстрелы советской территории, начавшиеся летом 1929 года.

В связи с этими событиями в начале августа 1929 года советское правительство в срочном порядке сформировало Особую краснознаменную дальневосточную армию (ОКДВА), командующим которой был назначен Блюхер. К ноябрю 1929 года разведотдел ОКДВА во главе с В. Медведевым собрал исчерпывающие данные о противнике, на основании которых был разработан план предстоящей операции. Боевые действия начались 17 ноября и завершились 20 ноября 1929 года. В ходе четырехдневных боев противник понес большие потери и был разбит. В плен попало свыше 10000 китайских солдат и офицеров, командир 9-й бригады генерал Лян со своим штабом, захвачено большое количество оружия и боеприпасов, бронепоезд, речные суда и т.д. Существенную роль в разгроме китайской армии сыграли заброшенные перед наступлением в тыл противника диверсионные группы, которыми руководил специально прибывший из Москвы Салнынь. Благодаря их активным действиям была нарушена переброска китайских войск и боеприпасов по КВЖД в район конфликта. А главным итогом победы Красной Армии стало подписание 22 декабря 1929 года в Хабаровске советско-китайского соглашения, восстанавливающего нормальное положение на дальневосточной границе и КВЖД.

В связи с событиями на КВЖД в феврале 1930 года группа сотрудников Разведупра была представлена к наградам. Так, Л.Анулов был награжден орденом Красного Знамени, а А.Гурвич-Горин, Е.Шмидт, Б. Кассони, С.Скарбек ("Бенедикт"), С.Фирин и Л.Новиков — ценными подарками.

В начале 1930-х годов положение Шанхая как опорного пункта советской военной разведки в Китае не изменилось. Так, несколько лет проработал в Шанхае нелегал "Бенджи", прибывший из Франции после службы в Иностранном легионе и сумевший устроиться в колониальную полицию капитаном. А в 1930-32 году в Шанхае успешно действовала нелегальная резидентура небезызвестного Р.Зорге, которого затем сменил Я.Бронин. И хотя в 1935 году Бронин был арестован, нелегальная работа в Шанхае не прекратилась — на смену Бронину из Москвы под прикрытием корреспондента ТАСС был командирован один из крупнейших работников Разведупра Л.Борович, помощником которого был З.Литвин. Не менее успешно действовал в Шанхае, Тяньзине и других городах Китая К.Римм, работавший сначала заместителем Р. Зорге, а потом возглавивший самостоятельную резидентуру. А в Маньчжурии в это время плодотворно работал нелегальный резидент И.Мамаев. Легально работал в Харбине под прикрытием должности вицеконсула майор А.С.Рогов, впоследствии зам. начальника ГРУ.

Самый известным из этих резидентов был, безусловно, Р.Зорге. Он приехал в Шанхай в 1929 году в качестве помощника нелегального резидента Разведупра Александра Улановского. Однако в 1930 году Улановский был раскрыт и вынужден покинуть Китай. Вместо него резидентом был назначен Зорге. Его ближайшими помощниками в это время были К.Римм и польский коммунист Григорий Стронский, настоящая фамилия которого — Герцберг. Обязанности радиста резидентуры исполнял бывший моряк немецкого торгового флота Зепп Вайнгартен, к которому позднее присоединился и Макс Клаузен.

Здесь следует отметить, что ввиду специфических условий сотрудники военной разведки в Китае работали в тесном контакте с представителями ОМС Коминтерна. И хотя такое сотрудничество было запрещено совеместным решением представителей Коминтерна,

[162] Волкогонов Д. Троцкий. Т.2. С.309.

Разведупра РККА и ВЧК от 8 августа 1921 года, оно было вызвано реальными условиями тех лет. Свидетельством тому может служить следующий документ:

"17 мая 1928 г.

Совершенно секретно

Лично

ИККИ, тов. Пятницкому

Нашим представителем в Шанхае т. Алексеевым одолжено в свое время т.Альбрехту 4000 дол. Тов. Алексеев, вследствие этого, остался сейчас без денег и просит срочно телеграфировать по Вашей линии т. Альбрехту о возврате ему долга. Кроме того, в Харбине из наших средств по Вашему поручению были выданы Вашей линии 2000 дол., каковые до сих пор нам не возвращены.

Прошу Вас в срочном порядке дать соответствующие распоряжения в Шанхай, а также вернуть нам здесь на месте 2000 дол.

Начальник IV Управления Штаба РККА Берзин"[163]

Разумеется, это сотрудничество было взаимовыгодным. Так, благодаря контактам с американской журналисткой Агнесс Смедли, прожившей в Китае 13 лет и активно участвовавшей в работе зарубежных организаций Коминтерна ("Индийское революционное общество", "Друзья Советского Союза", "Всекитайская федерация труда" и др.) Зорге стал членом "Китайского автомобильного клуба", президентом которого был Чан Кайши. А близкое знакомство Смедли со вдовой Сун Ят-сена позволило Зорге получать информацию о бюджете и общем состоянии экономики нанкинского правительства. Интересен и тот факт, что Смедли скрупулезно собирала досье на всех гоминьдановских генералов, а всего в ее картотеке имелись сведения о 218 китайских военначальниках. Зорге регулярно пользовался этой картотекой, что позволяло ему посылать в Москву обстоятельные доклады о структуре и организации вооруженных сил нанкинского правительства, их финансировании, военных операциях внутри страны и антисоветских провокациях.

Большую роль работники Коминтерна сыграли и в поддержании связи с частями китайской Красной Армии, Реввоенсоветом и Временным революционным правительством, изолированными после апреля 1927 года в так называемом Центральном советском районе, располагавшимся в Восточной Цзянси и Западной Фуцзяни. Так, сотрудник Разведупра Отто Браун после окончания в 1932 году Военной академии им.М.В. Фрунзе был командирован по линии Коминтерна в Китай военным советником китайской Красной Армии и с 1933 по 1937 год был единственным советским представителем при Временном революционном правительстве. Он участвовал в знаменитом Великом походе Красной Армии на север Китая и регулярно информировал Москву о ходе боев, планах командования, разногласиях в рядах руководства КПК и т.д. При этом связь с Москвой поддерживалась в 1930-32 гг. через группу советских военных советников при КПК во главе с Августом Гайлисом (псевдоним Фрелих), а затем — через Манфреда Штерна, тоже бывшего сотрудника Разведупра, в 1932-1934 годах работавшего в Шанхае по линии Коминтерна главным военным советником КПК.

Кроме того, именно из рядов работников Коминтерна шло пополнение оперативных кадров военной разведки. В качестве примера можно привести немецкую коммунистку У.Кучински, более известную как Рут Вернер. В 1930 году она вместе с мужем архитектором Р.Гамбургером приехала в Шанхай и сразу же включилась в нелегальную работу, которую проводил Коминтерн в поддержку КПК. В ноябре 1930 года она начала сотрудничать с Зорге, а в 1933 году была отозвана в Москву, где закончила школу Разведупра. В 1934 году Кучински снова направили в Китай, но уже как радистку нелегальной резидентуры Разведупра, которую возглавлял Эрнст Отто, ставший ее вторым мужем.

Настоящее имя Отто — Иоганн Патра, а в Китае он был известен как Курт Фридрих. Он родился в 1901 г. в Мемеле (Клайпеда) в немецкой семье. Получил специальность телеграфиста, плавал на германских торговых судах кочегаром и телеграфистом. Тогда же

[163] Пятницкий В. Заговор против Сталина. С.219.

вступил в КПГ и был привлечен для работы на Коминтерн в качестве курьера. Но уже в 1931 г. был завербован сотрудником ГРУ И.Винаровым на идейной основе. С 1932 года Патра работал по заданиям Разведупра в Гамбурге и Вене, а затем был направлен в СССР, где прошел подготовку на подмосковной базе Разведупра в Сходне в качестве подрывника. После Второй мировой войны Патра выехал в Аргентину, где жил под именем Джона Патра и работал радиоинженером.

Кучински работала в Шанхае, Мукдене, Пекине и была отозвана в Москву в 1935 году. Муж Кучински Гамбургер, с которым она развелась 1939 году, также в дальнейшем работал в качестве агента Разведупра в Китае до своего ареста в 1940 году.

Разумеется, это был не единственный провал сотрудников Разведупра. Так, в августе 1931 года в Шанхае были арестованы по подозрению в шпионаже сотрудник Разведупра и ОМС Коминтерна Я.Рудник, работавший под "крышей" секретаря Тихоокеанских профсоюзов, и его жена, проживавшие по швейцарским паспортам на имя Пауля и Гертруды Руек. Несмотря на отсутствие прямых улик и развернутую Коминтерном компанию по их освобождению, они пробыли в заключении восемь лет и только в 1939 году смогли вернуться в Москву. Еще один провал произошел в 1935 году в Ханькоу, где был арестован резидент Разведупра Я.Бронин. Он был приговорен к 15 годам тюремного заключения, но в декабре 1937 года его обменяли на арестованного в Свердловске сына Чан Кайши Цзян Цзинго. А во время неудавшейся попытки освободить Бронина путем подкупа начальника тюрьмы, организованной в 1935 году резидентами Разведупра и ИНО НКВД в Шанхае А.Гартманом и Э.Куциным, был арестован агент ИНО НКВД некий Найдис, после чего Гартман и Куцин были вынуждены покинуть Китай[164].

Но несмотря на провалы и другие трудности сотрудники военной разведки регулярно посылали в Центр важную информацию, касающуюся военно-политического и экономического положения в Китае. Так, систематически уходили в Москву материалы о экономическом положении Китая: отчет Китайского национального банка за 1931 год, сведения о числе зарегистрированных в Китае иностранных фирм и их капиталах, секретный меморандум о генеральном направлении экономической политики США в Китае, известный как "меморандум Фессендена" и многое другое.

Огромное значение имела передаваемая в Центр информация о армии нанкинского режима, используемых ею шифрах и ее оперативных планах, особенно тех, которые касались действий частей Чан Кайши против войск китайской Красной Армии, и в частности — планах четырех наступательных операциях нанкинской армии против опорных пунктов Красной Армии в Центральном советском районе в период с декабря 1930 по август 1932 года. Высокую оценку получали в Центре и данные о наращивании китайских воинских контингентов около дальневосточных границ СССР. Кроме того, в Москву были переданы сведения о иностранных военных советниках в нанкинской армии (в том числе полный список немецких военных советников), данных о поставках режиму Чан Кайши оружия из Германии, Англии и Франции, материалы о производстве в 1927-35 годах на заводах Ханькоу и Шанхая авиационных бомб и артиллерийских снарядов, начиненных отравляющими газами, и их применении против частей китайской Красной Армии.

Что касается политической информации, то она касалась прежде всего противоборства китайских "военных лордов", интригах в семействе Чан Кайши, которое сконцентрировало в своих руках всю власть в Нанкине, политических дрязгах в рядах КПК, во многом происходящих из-за властных амбиций Мао Дзэдуна и т.п.

18 сентября 1931 года на Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД), принадлежавшей Японии, произошел взрыв, послуживший поводом для вторжения японской армии в Северный Китай. В результате этой агрессии Маньчжурия была оккупирована японцами, а на ее территории создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, номинальным главой которого стал Айсинцзеро Пу И, последний представитель китайской императорской

[164] Тепляков А. Провал в Китае. Секретное досье, №1, 1998. С.89-95.

династии Цинь. Выдвижение японской Квантунской армии к самой границе СССР и отклонение Японией в декабре 1931 года предложения советского правительства подписать японосоветский пакт о ненападении, заставили резидентуры Разведупра в Китае обратить самое пристальное внимание на военно-политические планы кабинета премьер-министра Танаки. Центр потребовал от них наладить получение информации по следующим основным вопросам:

— Совершит ли Япония нападение на СССР на маньчжурской границе?

— Какие военные силы могут быть брошены против СССР?

— Какова политика Японии по отношеию к Китаю?

Впрочем, работа по освещению военных планов Японии проводилась Разведупром РККА и раньше. Так, в 1928 году Б.Мельникову, находящемуся в Харбине под "крышей" генерального консула, удалось достать копию докладной записки о перспективах нападения Японии на СССР, составленной в начале 1927 года по заданию харбинской японской военной миссии (ЯВМ) бывшим начальником Академии Генерального штаба русской армии генерал-лейтенантом А.Андогским. Еще раньше сотрудниками Разведупра был получен так называемый "меморандум Танаки", содержащий основные приоритеты внешней политики Японии. Большую работу по японской армии проводил и разведотдел ОКДВА под руководством В.Медведева и его заместителя Н.Лухманова. Лухманов в начале 1920-х годов закончил специальный (разведывательный) факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе, а потом работал в аппарате советского военного атташе в Японии. Позднее он опубликовал несколько работ по тактике японской армии, а в середине 1930-х годов успешно руководил операцией по дезинформации штаба Квантунской армии.

Здесь надо с сожалением отметить, что в Москве, особенно в высшем руководстве страны, не всегда с должным вниманием, а то и пренебрежительно, относились к донесениям разведки. Например, К.Ворошилов, посылая 17 ноября 1932 года М.Калинину поступившие от разведки материалы, сопроводил их следующей запиской:

"Дорогой Михаил Иванович!

Посылаю тебе справку IV управления штаба об антияпонском и партизанском движении в Маньчжурии.

Я приказал своему народу посылать тебе все наиболее интересные материалы по этому вопросу.

Твой Ворошилов"[165]

В январе 1932 года японские войска продолжили наступление в Китае и заняли Шанхай. А на следующий год ими была оккупирована провинция Жэхэ. Перспектива дальнейшей полномасштабной войны с Японией подтолкнуло правительство Чан Кайши к пересмотру своих отношений с Советским Союзом. В результате в декабре 1932 года между Китаем и СССР были восстановлены дипломатические отношения, прерванные в июле 1929 года.

В том же 1932 году Разведупр РККА получил данные о намерении Японии отторгуть от Китая провинцию Синьцзян, имеющую важное стратегическое значение, богатую полезными ископаемыми и населенную исповедующими ислам уйгурами и дунганами. Японские представители начали активно подталкивать местное население к вооруженным выступлениям против китайцев с требованием предоставления Синьцзяну автономии. Положение в Синьцзяне уже давно вызывало беспокойство в Москве, так как там нашли себе прибежище несколько тысяч солдат и офицеров белогвардейского генерала Дутова, а также басмачи и бежавшие от коллективизации крестьяне из советской Средней Азии. Нанкинский режим, представленный наместником (дубанем) У Чжунсинем, фактически не контролировал провинцию, о чем Разведупр регулярно информировал советское правительство.

В апреле 1933 года наместник У Чжунсинь, ненавидимый местным населением, был свергнут, и власть в столице Синьцзяна Урумчи захватил бывший начальник штаба Синьцзянского военного округа Шен Шицай. Однако и ему не удалось справиться с восставшими уйгурами. Тогда Шен Шицай стал искать пути сближения с Советским Союзом, а

[165] Старков Б. Указ. соч. С.35.

в конце 1933 года начал открыто конфиктовать с пекинским правительством. В ответ в Синьцзян была введена 36-я китайская дивизия, целиком состоящая из мусульман-дунган, что заставило Шен Шицая обратиться за военной помощью к СССР.

Советское руководство, опасаясь появления у границ СССР нового марионеточного государства под протекторатом Токио, как это случилось в Маньчжурии, в начале 1934 года решило оказать Шен Шицаю поддержку и ввело в Синьцзян свои войска. Кроме того, Шен Шицаю были переданы около 10 тысяч китайских солдат и офицеров, вытесненных японцами из Маньчжурии и интернированых в СССР. Из них была сформирована так называемая Алтайская добровольческая армия, куда, кроме китайских отрядов и советских войск, вошел и русский полк полковника Паппенгута, состоящий из бывших солдат генерала Дутова. В ходе боев 36-я дивизия была разгромлена и отступила на юг, в округ Хотан, после чего урумчинское правительство (УРПРА) смогло перевести дух.

Однако после вывода советских войск из Синьцзяна уйгурские сепаратисты, поддерживаемые Японией и Англией, вновь подняли голову. В донесении разведотдела Среднеазиатского военного округа, датированного декабрем 1935 года, говорилось:

"Положение Синьцзяна характеризуется враждебными отношениями двух военных группировок — Урумчинского правительства и 36-й Дунганской дивизии, распространившей свою власть на Хотанский округ. 36-я дивизия пришла из провинци Ганьсу. После поражения у Урумчи и неудачных боев в других округах, в мае 1934 г. вынуждена была отойти на юг, а ее командир после переговоров интернировался в СССР. К моменту отхода в Хотан дивизия насчитывала около 6 тыс. человек, 20-25 пулеметов и 10-12 старых пушек. За время своего пребывания в Хотанском округе дивизия основательно ограбила округ поборами и налогами. Этим она вызвала недовольство населения (уйгуры составляют абсолютное большинство).

В командовании дивизии несколько группировок (по вопросу оставления Хотана и возвращения в Ганьсу). Тем не менее дивизия остается боеспособной и может противостоять силам УРПРА. С мая с.г. начались переговоры УРПРА с дивизией. Они окончились безрезультатно. Дивизия не хочет уступать в каких-либо вопросах и продолжает независимое существование...

Положение УРПРА за 1935 г. заметно укрепилось. Разоренное в результате войны сельское хозяйство восстанавливается, заметно оживление торговли. Благодаря предоставлению политических прав уйгурам, монголам и казахам национальные противоречия ослаблены. Вместе с тем уйгурское национальное движение усиливается. Идея независимого Уйгурстана продолжает занимать важное место в головах многих уйгурских руководителей, даже сторонников УРПРА...

Несмотря на увеличение жалования, обеспечение армии УРПРА нищенское, паек дает лишь около 100 калорий. Казармы не оборудованы, без постельных принадлежностей. Все солдаты — вшивые. В армии имеется около 16000 винтовок, 107 ручных и 130 станковых пулеметов, 50 орудий (большей частью неисправны), 6 бронемашин и 6 самолетов. Оставленные "алтайцами" горные пушки и бронемашины без ремонта к бою не пригодны...

В настоящее время удовлетворяется военный заказ УРПРА, заменяются самолеты, требующие ремонта, на новые. Кроме того, будет поставлено еще семь У-2 и Р-5, 2000 английских винтовок, 15 станковых и 30 ручных пулеметов, 4 бронемашины ФАИ. Снарядов — 5000 шт., патронов — 9 млн. шт. Для поднятия боеспособности войск дубанем были приглашены командиры из частей РККА и НКВД. Сейчас их насчитывается 28 человек, из них 15 подлежат замене"[166].

В конце 1936 года в Синьцзяне опять разгорелось восстание, и в начале 1937 года Шен Шицай вновь обратился за помощью к СССР. 9 июля 1937 года, через два дня после начала японского наступления в Китае, советские войска снова вступили в Суньцзян, где оставались по просьбе китайского правительства до 1948 года.

[166] Аптекарь П. Новые тайны старых преступлений. Московские новости, №40, 1997.

Впрочем, для успешной борьбы с националистическими движениями необходимо было сочетать военные меры с политическими. Поэтому в Синьцзян в 1937 году была направлена группа сотрудников Разведупра во главе с комбригом А.Маликовым. В группу входил будущий маршал, дважды Герой Советского Союза П.Рыбалко, псевдонимом которого было не совсем привычное для русского уха китайское имя Фу Дзи Хуй, а также В.Обухов, И.Куц и М.Шаймуратов. Они блестяще справились со своей задачей. В короткий срок были разгромлены все противники местного губернатора, создана сильная регулярная армия, пресечены попытки английской и японской агентуры вновь поднять мятеж. Из белоэмигрантов и казаков, которым обещали возвращение на родину, была создана дивизия под командованием генерала Бехтерева, которая помогала поддерживать порядок в регионе. Позднее, в конце 30-х годов главной задачей группы сотрудников Разведупра в Синьцзане стало строительство шоссе из Алма-Аты до территории, контролируемой войсками Чан Кайши, по которому шло снабжение антияпонских сил в Китае.

7 июля 1937 года японские войска спровоцировали инцидент с китайскими частями у моста Лугоуцяо, около Пекина, что послужило поводом для начала военных действий. Впрочем, это не стало неожиданностью для Разведупра. Агентура военной разведки, работавшая в Маньчжурии, начиная с 1933 года доносила о наращивании военно-экономического потенциала Японии в Китае. Так, Центром были получены данные о расширении производства продукции военного назначения на сталелитейных заводах компании "ЮМЖД-Сева" в Маньчжурии, о производстве мазута из горючих сланцев, добыче жидкого топлива из угля, об увеличении производства бензина. Кроме того, были получены сведения о том, какие области Китая были смоделированы в японском генштабе в виде рельефных макетов — масштабных копий местности, а также данные о движении воинских эшелонов по ЮМЖД из Чанчуня в Дайрен. Об особом внимании, с котором советское руководство относилось к положению в Маньчжурии, говорит тот факт, что с апреля 1935 по май 1936 года заместителем командующего ОКДВА был бывший начальник Разведупра РККА Я.Берзин, а начальником разведотдела армии — Х.Салнынь.

Начало наступления японской армии и захват ее частями 28 июля Пекина, а 30 июля — Тяньзиня, заставило правительство Чан Кайши пересмотреть отношение к сделанному Советским Союзом еще в 1933 году предложению заключить между СССР и Китаем пакт о ненападении, а также к предложению КПК заключить союз для совместного отражения японской агрессии. Впрочем, в отношении союза с КПК у Чан Кайши не было особого выбора. Дело в том, что в декабре 1936 года разведка КПК провела в Сиане (провинция Шэньси) тщательно подготовленную операцию, в ходе которой влиятельные гоминьдановские генералы Чжан Сюэлян и Ян Сюйчен предложили своему главнокомандующему заключить союз с КПК для совместных действий против японских войск. А когда 12 декабря Чан Кайши решительно отверг это предложение, генералы арестовали его и предложили Мао Дзэдуну провести переговоры с пленным Чан Кайши, чтобы силой заставить его дать согласие на альянс Гоминьдана с КПК. Безусловно, данная операция проводилась с ведома руководства СССР и под контролем советской разведки. Об этом свидетельствует следующая телеграмма лидерам КПК, составленная лично Сталиным:

"Приписать Сианьское дело происками японских секретных служб, которые якобы действовали в окружении Чжан Сюэляна, чтобы ослабить Китай. Возродить идею Антияпонского национального фронта, а, главное, во что бы то ни стало добиться освобождения Чан Кайши, который может возглавить желательный для нас союз"[167].

В результате между Чан Кайши и представителем КПК Чжоу Эньлаем состоялись переговоры, на которых было достигнуто соглашение о временном прекращении огня, после чего 25 декабря генералиссимус был освобожден.

Так или иначе, но 21 августа 1937 года между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении, а в сентябре 1937 года руководство Гоминьдана приняло решение о прекращении

[167] Тень председателя Мао. Новости разведки и контрразведки, №3, 1996.

гражданской войны и создании в союзе с КПК антияпонского национального фронта. Тогда же части китайской Красной Армии были переименованы в 8-ю армию Национально-революционной армии Китая (с начала 1938 года — 18-я армейская группа). Вслед за этим уже 14 сентября между СССР и центральным китайским правительством, переехавшим в Чунцин, была достигнута договоренность о конкретных поставках в Китай советского оружия. Правда, при этом оговаривалось, что оружие и военные материалы будут поставляться только Чан Кайши и не в коем случае Временному революционному правительству Мао Цзэдуна.

Серьезность намерений Чан Кайши начать решительную борьбу против Японии была подтверждена сведениями, полученными советской военной разведкой агентурным путем. Было установлено, что Чан Кайши в октябре 1937 года решительно отверг предложение прояпонской группировки в своем правительстве, возглавляемой Ван Цзинвеем, о заключении мира с Японией на любых условиях, а на совещании высшего руководства 14 декабря 1937 года заявил, что Советский Союз является единственным союзником Китая в войне с Японией.

Поставки советского оружия в Китай начались уже в октябре 1937 года. А 1 марта 1938 года между СССР и Китаем был подписан первый договор о предоставлении китайскому правительству кредита на 50 млн. долл. для закупки в Советском Союзе военных и других материалов. В соответствии с этим договором в марте 1938 года было подписано три контракта на поставку вооружений, по которым СССР поставил в Китай 287 самолетов, 82 танка, 390 орудий и гаубиц, 1800 пулеметов, 400 автомашин, 360 тыс. снарядов, 10 млн. патронов для пулеметов, 10 млн. винтовочных патронов и другие военные материалы.

1 июля 1938 года был подписан второй договор о предоставлении советским правительством Китаю кредита (50 млн. долл.) для закупки вооружений. Тогда же во исполнение этого договора был заключен контракт, по которому в Китай было поставлено 180 самолетов, 300 орудий, 2120 пулеметов, 300 грузовых машин, авиационные моторы и вооружение для самолетов, а также снаряды, патроны и другие военные материалы. А по следующему контракту СССР поставил в Китай 120 самолетов, запасные части и боекомплекты к ним, 83 авиамотора, снаряды, патроны и т.п.

Третий договор о предоставлении Китаю советского кредита (150 млн. долл.) для закупки вооружений был подписан 13 июня 1939 года. По первому контракту от 20 июня 1939 года в Китай было поставлено 263 орудия, 4400 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 500 грузовых автомашин, около 16, 5 тыс. авиабомб, 500 тыс. снарядов, 100 млн. патронов и другие материалы. А по следующим трем контрактам, заключенным в соответствии с этим договором, в Китай было направлено более 300 самолетов, 350 грузовых автомашин и тракторов, 250 орудий, 1300 пулеметов, а также большое количество бомб, снарядов, патронов, элетрооборудование, штурманское оборудование, горюче-смазачные и другие военные материалы[168].

Все поставки оружия в Китай проходили под контролем Разведупра РККА. Для этого в Разведупре было создано подразделение "Z", аналогичное подразделению "X", образованному в 1936 году и отвечающему за поставки оружия республиканскому правительству Испании. Кроме того, подразделение "Z" занималось подбором добровольцев, которых направляли в Китай для оказания помощи войскам Чан Кайши в организации отпора японским агрессорам. Отвечал за это направление работы подразделения "Z" И.Чернов.

Советские добровольцы стали прибывать в Китай с октября 1937 года. Это были прежде всего летчики, которые в первый период военных действий приняли на себя удары японских ВВС. А общее руководство действиями советскими добровольцев и военными советниками осуществлялось аппаратом главного военного советника, которым с 1937 по 1942 год руководили М.Дратвин, А.Черепанов, К.Качанов и В.Чуйков. Как и в 1924-1927 годах, в

[168] О поставках советского оружия в Китай см.: Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. Т.1. С.244-245, 363-364, Т.2. С.20-24, 43, 44, 365, 398; Дубинский А. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937-1945. С.64, 80-85; Сладковский М. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). С.127-154.

аппарате главного военного советника находились и сотрудники Разведупра. Не обошло вниманием советское руководство и китайскую Красную Армию (18-я армейская группа и 4-я Новая армия), находившуюся в это время в так называемом Особом районе Китая (провинции Шэньси и Ганьсю) со столицей в Яньане Но если при Чан Кайши находились официальные советские представители, то сведения о положении в Особом районе поступали только от Разведупра, чьи сотрудники действовали там как представители Коминтерна. В 1938-1942 годах в Яньане находился П. Мотинов, а в 1942-1945 годах — П.Владимиров (Власов), причем последний считался не только связным Коминтерна, но и военным корреспондентом ТАСС.

В апреле 1938 года во время советско-китайских переговоров был поднят вопрос о совместных разведывательных операциях. При этом начальник 2-го отдела Военного комитета (разведка) центрального правительства Чжан Цзолинь внес следующие предложения:

— для совместной работы против Японии нелегальные резидентуры китайской и советской разведок в Шанхае будут связаны либо непосредственно, либо через связника;

— китайцы станут передавать в Москву перехваченные ими японские шифротелеграммы с тем, чтобы после декодирования получать расшифрованные тексты;

— китайская разведка передаст Москве материалы по белой эмиграции и троцкистам, а взамен получит список известных советской разведке японских агентов в Китае.

После тщательного рассмотрения эти предложения были приняты, и в мае 1938 года на паритетных началах было создано Объединенное бюро, куда вошли представители китайской разведки, Разведупра РККА и ИНО НКВД. Организационно Объединенное бюро состояло из трех отделов:

1-й отдел (оперативный) отвечал за организацию агентурной работы, подготовку личного состава и оперативную технику;

2-й отдел (информационный) занимался обработкой полученных материалов;

3-й отдел — хозяйственный.

Расходы на финансирование Объединенного бюро были определены в 20 тыс. долл. в год, которые распределялись поровну между СССР и Китаем.

Первое время работа Объединенного бюро была весьма плодотворной. Так, от резидентур, действующих в Нинся, Ханькоу, Тяньзине, Гонконге, Пекине и других городах были получены сведения о дислокации японских войск, их вооружении, перебросках, подготовке боевых операций и т.д. Но в скором времени каждая сторона начала преследовать только собственные интересы, и в 1940 году Объединенное бюро прекратило свое существование. С этого времени сотрудничество с китайской разведкой носило эпизодический характер[169].

Говоря о работе советской военной разведки в Китае в конце 1930-х — начале 1940-х годов необходимо отметить, что координация деятельности аппарата военного атташе, аппарата главного военного советника и аппарата заместителя главного военного советника по разведке, которым руководил Н.Рощин, была слабой, так как все три аппарата подчинялись непосредственно Москве. Однако в некоторой степени это компенсировалось тесными контактами военной разведки и ИНО НКВД. Главным резидентом ИНО НКВД в Китае с 1938 по 1944 год был Александр Панюшкин, исполняющий одновременно и обязанности посла СССР при центральном китайском правительстве. Что же касается конкретных сведений, то они достаточно полно отражали политическую, экономическую и военную обстановку в Китае.

Очень важным для советского руководства был вопрос о возможности дальнейшего ведения Китаем военных действий против Японии. И поэтому получение сведений о наличие людских ресурсов и возможности пополнения ими китайской армии, возможности финансирования военных действий, обеспечения армии оружием, боеприпасами, транспортом и другими военными материалами, а также об обеспечении армии и населения продовольствием имело первостепенное значение. Так, советской военной разведкой были получены материалы о том, что военные расходы в 1940 году составляли 2/3 бюджета правительства Чан Кайши, причем налоговые поступления составляли лишь половину доходов бюджета. Покрыть дефицит

[169] Очерки истории российской внешней разведки. Т.3. С.219-220.

предполагалось за счет выпуска двух займов — Займа военного снабжения и Золотого займа. Однако, как и предсказывали в Разведупре, надежда на займы не оправдалась, дефицит был покрыт за счет включения печатного станка, а рост инфляции к концу 1940 года составил более 400 процентов.

Что же касается КПК, то она финансировала свою армию за счет продажи опиума, выращиваемого в Особом районе. Это также не составляло тайны для Разведупра. Например, 22 сентября 1943 года П. Владимиров направил в Москву следующее сообщение:

"Экономические затруднения были предметом обсуждения на политбюро. Найден весьма оригинальный выход. Политбюро санкционировало всемерное развитие "государственного сектора производства опиума и его сбыта". Пока в качестве быстродействующей меры решено выбросить в течение года на рынки провинций, находящихся под управлением центрального правительства (так называемый внешний рынок), не менее одного миллиона двухсот тысяч лян опиума. Опиум будут производить в основном армейские части (Это и выращивание мака, и его обработка). Главный поставщик — районы 120-й пехотной дивизии Хэ Луна (дивизия этим давно занимается). Отдано распоряжение о массовой скупке опиума на территориях, захваченных японцами"[170].

Исчерпывающей была и информация о положении китайской армии и снабжении ее оружием и боеприпасами. В донесениях военной разведки отмечалось, что в самом Китае производится только легкое оружие, да и то кустарно и в недостаточных для армии объемах. Что же касается производства артиллерийских орудий, танков и самолетов, то оно отсутствовало. А так как все вооружение, поступавшее из-за границы, направлялось в распоряжение Чан Кайши, то КПК вооружало свою армию в значительной степени за счет японского трофейного оружия или захваченного у войск центрального правительства.

Большое место в донесениях резидентур Разведупра занимало освещение взаимоотношений китайского центрального правительства Чан Кайши и Временного революционного правительства Мао Цзэдуна. Как Чан Кайши, так и Мао Цзэдун расчитывали после изгнания японцев взять власть в стране в свои руки и поэтому с подозрением относились к друг другу. Более того, Чан Кайши не раз предпринимал попытки вооруженным путем уничтожить конкурента, пользуясь тем, что его армия по численности значительно превосходила армию коммунистов. Вооруженные столкновения имели место в 1939 и 1940 годах, а в 1941 году вылились в открытую войну. В этих условиях послу и резиденту ИНО НКВД Панюшкину и советским военным советникам приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы погасить конфликт.

Здесь надо отметить, что деятельность легальных сотрудников военной разведки в Китае проходила в условиях жесткого контрразведывательного режима. В Чунцине контрразведка Чан Кайши, которой руководил генерал Дай Ли, вела за всеми советскими представителями круглосуточное наружное наблюдение и даже установила в занимаемых ими помещениях аппаратуру прослушивания. А в Яньане наблюдением за советскими представителями занималось бюро безопасности ("Гонаньбу"), одно из подразделений спецслужб КПК, руководителем которых был Кан Шэн.

Находящиеся в Китае сотрудники Разведупра вели работу не только по китайской армии, по и по армиям других государств. Так, весной 1941 года от французского военного атташе полковника Ивона, представляющего в Чунцине правительство Виши, были получены сведения о стратегии и тактике вермахта во время захвата Франции. От него же поступала информация о переброске немецких войск из оккупированной Франции к западным границам СССР[171].

Но самое пристальное внимание уделялось японским вооруженным силам, и особенно частям Квантунской армии, расположенной непосредственно у дальневосточных границ Советского Союза. Начиная с 1936 года советская военная разведка фиксировала наращивание ударной мощи Квантунской армии, выдвижение ее частей все ближе к советской границе,

[170] Владимиров П. Особый район Китая. С.204.
[171] Чуйков В. Миссия в Китае. С.126-127.

активизацию работы 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления японского Генштаба. Все это говорило о том, что японская армия планирует ряд вооруженных столкновений с частями РККА. А после бегства 13 июня 1938 года в Маньчжурию начальника Дальневосточного управления НКВД Г.Люшкова, передавшего японцам сведения об охране советской государственной границе, командование Квантунской армии решило, что благоприятный момент для нападения настал. 29 июля 1938 года части Квантунской армии вторглись на территорию СССР в районе озера Хасан. Но уже 9 августа советские войска выбили японцев с территории СССР, а 10 августа была достигнута договоренность о прекращении военных действий.

Следующий вооруженный конфликт, начавшийся в мае 1939 года в районе Халхин-Гола, также не стал неожиданностью для СССР. Уже в начале 1939 года в Разведупре получили сведения о интенсивных работах на железнодорожной линии Харбин — Цицикар — Хайлар и строительстве железнодорожной ветки Ганьчжур — Солон, что в совокупности с поступившими данными о движении японских воинских эшелонов позволяло сделать вывод о намерении командования Квантунской армии вторгнуться в Монголию, с которой у СССР был заключен договор о взаимопомощи. Ценная информация о Квантунской армии была получена и разведотделами 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий от китайских партизан в Маньчжурии. Взаимодействие разведотделов с партизанами было налажено весной 1939 года, после указания наркома обороны СССР К.Ворошилова и наркома НКВД СССР Л.Берия от 15 апреля 1939 года, в котором говорилось:

"В целях наиболее полного использования китайского партизанского движения в Маньчжурии и его дальнейшего организационного укрепления Военным советам 1-й и 2-й ОКА разрешается в случаях обращения руководства китайских партизанских отрядов оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами иностранного происхождения или в обезличенном виде, а также руководить их работой.

Из числа интернированных партизан — проверенных людей небольшими группами перебрасывать обратно в Маньчжурию в разведывательных целях и [в целях] оказания помощи партизанскому движению...

Начальникам УНКВД Хабаровского и Приморского краев и Читинской области предлагается оказывать Военным советам полное содействие в проводимой работе, в частности в проверке и отборе из числа переходящих со стороны Маньчжурии и интернированных партизан и передаче их Военным советам для использования в разведывательных целях и переброски их обратно в Маньчжурию"[172].

В результате неожиданного нападения у японцев не получилось, а в ходе контрнаступления советской армии 20-31 августа 1939 года японские войска были разбиты. Маршал Г.Жуков, говоря о работе войсковой разведки во время боев на Халхин-Голе, дал ей следующую оценку: "Многие командиры, штабы и разведывательные органы в начале боевых действий показали недостаточную опытность. Перед разведкой ставились многочисленные задачи, часто невыполнимые и не имеющие принципиального значения. В результате усилия разведорганов распылялись в ущерб главным целям. Часто и сами разведчики вводили командование в заблуждение своими предположительными выводами, построенными только на основе тех или иных признаков и умозаключений...

Однако, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, нам удалось организовать разведку и получить от нее ряд ценных сведений"[173].

После начала второй мировой войны главной задачей, стоящей перед советской военной разведкой в Китае, стал сбор информации о дальнейших военных планах Японии. По данным Разведупра к середине 1941 года японские сухопутные силы, находящиеся за пределами Японии, насчитывали 56 дивизий. Из них 36 дивизии действовало в Китае, 5 — в Корее, 2 — в

[172] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т.1. Кн.1. С.36-37.

[173] Жуков Г. Воспоминания и размышления.

Индокитае, 12 — в Маньчжурии и 1 — на Сахалине. И от того, куда Япония повернет эти силы, во многом зависел исход войны.

Резидентуры Разведупра в Китае внимательно отслеживали всю информацию по военным приготовлениям Японии, и на ее основании к концу 1941 года пришли к выводу, что кабинет премьер-министра Тодзио принял решение нанести удар на юг. Так, весной 1941 года были получены данные о строительстве японцами на острове Хайнань и в Индокитае баз для действий флота в южных морях. В марте 1941 года Н.Рощиным были получены секретные документы японских ВМС, захваченные китайскими партизанами после аварии японского самолета в горах провинции Гуандун. Документы представляли собой план подготовки военного плацдарма на юге, в районе Хайфона и острова Хайнань. К нему прилагались схемы по организации аэродромов, морских баз и пунктов высадки сухопутных войск. Все эти материалы были специальным самолетом немедленно отправлены в Москву[174].

Важную информацию передавал главному советскому военному советнику в Китае Чуйкову начальник разведывательного управления генштаба китайской армии адмирал Ян Сюаньчэн. Он утверждал, что все разговоры о подготовке Квантунской армии к наступлению ни на чем не основаны, хотя и не отрицал возможности нападения Японии на советский Дальний Восток, но только в том случае, если немцы овладеют Москвой и другими важными промышленными районами СССР. А в октябре 1941 года была получена важная информация о переброске на юг около тысячи японских самолетов.

Данные, говорившие о дальнейшем развитие японской агрессии в южном направлении полностью подтвердились после нападения 7 декабря 1941 года японского флота на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе. Но и после этого советская военная разведка продолжала внимательно следить за военно-политическим положением в Китае и особенно в Маньчжурии. Сведения, собранные о Квантунской армии, особенно пригодились в апреле-августе 1945 года во время подготовки операции по ее разгрому.

Теперь необходимо остановиться на деятельности Разведупра в Японии.

В 1922 году после изгнания японцев из Владивостока Разведывательное управление Штаба РККА принимает решительные меры по организации агентурной разведки против Японии. С этой целью во Владивостоке при разведотделе 17-го стрелкового корпуса, входившего в 5-ю армию, создается агентурное отделение с целью подготовки и заброски агентуры в Японию. Несмотря на многочисленные сложности, связанные с отсутствием денежных средств и подготовленных кадров, некоторые успехи были достигнуты. Так, в 1923 году разведотделом 17-го стрелкового корпуса был завербован боцман японского броненосца "Ниссин". Этот агент передавал ценные сведения о военно-морском флоте Японии, однако через год связь с ним была потеряна. В том же 1923 году начальником агентурной разведки 17-го корпуса Л.Я.Бурлаковым был завербован В.С.Ощепков, ставший первым советским нелегалом в Японии.

Первое время Ощепков, получивший псевдонимы "Японец" и Монах", собирал информацию о японских войсках на Сахалине, а в середине 1924 года выехал через Шанхай в Японию, в город Кобе, бывший в то время кинематографическим центром страны восходящего солнца. Несмотря на короткий срок пребывания в Японии (с ноября 1924 по апрель 1926 года), слабую разведывательную подготовку, недостаток денежных средств и жесткий контрразведывательный режим Ощепкову удалось сделать очень многое. Так, в январе 1925 года им был завербован преподаватель Токийского военного училища К., получивший псевдоним "Чепчин". С его помощью в разведотдел Сибирского военного округа, на который с ноября 1923 года была возложена разведка против Японии, были направлены уставы всех родов войск, учебники по тактике, некоторые не подлежащие продаже издания типографии "Кайкоося", выполняющей заказы министерства обороны и Генерального штаба, программа занятий в Токийском военном училище и т.п. Кроме того, Ощепкову удалось через фотографа, ателье которого находилось напротив казарм 1-го Абазского полка, получить расписание

[174] Чуйков В. Указ. соч. С.188-189.

проводимых с солдатами занятий. Вышел Ощепков и на белого атамана Семенова, который в это время вел судебные процессы за царские денежные вклады, находящиеся в Японских банках[175].

Однако в апреле 1926 года, когда работа начала налаживаться, Ощепкова неожиданно отозвал во Владивосток. Причиной тому было недовольство его работой начальника разведотдела Сибирского ВО Заколодина, слабо разбиравшегося в реалиях японской действительности. В результате, как докладывал в 1927 году начальнику Разведупра Берзину новый начальник разведотдела Сибирского ВО Комаров, военная разведка лишилась ценного нелегального резидента в Токио, "которого нам едва ли придется иметь когда-либо... Я полагаю, что если бы дали нам Ощепкова сейчас, мы бы сделали из него работника такого, о котором может быть не позволяем себе и думать"[176].

После установления с Японией дипломатических отношений разведывательную работу по ней стали вести с легальных позиций. Первым военным атташе и резидентом в Японии в 1925-26 годах был К.Ю.Янель. Военными атташе в Японии позднее были опытные разведчики Александр Иванович Кукк (1931-1932 гг.), а после его смерти — Иван Аленксандрович Ринк, занимавший эту должность до своего отзыва и ареста в 1937 г.

Среди действовавших в 1920-х года в Японии под легальным прикрытием сотрудников Разведупра можно назвать секретаря генконсульства в Токио Бориса Владимировича Звонарева (впоследствии зам. начальника отдела Разведупра, а во время Великой Отечественной войны — начальника штаба стрелковой дивизии, скончавшегося в 1944 г. после тяжелого ранения на 1-ом Белорусском фронте), консула в Нагасаки, бывшего царского офицера Васильева, М.Бабичева, работавшего под "крышей" Совторгфлота. А о результатах работы можно судить по "Отчету о работе информационно-статистического отдела Разведывательного управления штаба РККА за 1924-1925 операционный год", в котором говорилось, что необходимо "освещение во всех деталях вооруженных сил Японии, которая в силу политических и иных условий до сих пор охватывалась нашим агентурным аппаратом в недостаточной мере".

Поэтому неудивительно, что в начале 1930-х годов Разведупр вновь вернулся к нелегальным методам работы в Японии. И уже в сентябре 1933 года в Японию прибыл небезызвестный Р.Зорге, которого уже ожидал радист Бруно Виндт ("Бернард"), бывший немецкий моряк. Так было положено начало работы нелегальной резидентуры "Рамзай", чрезвычайно много сделавшей для освещения военного и политического положения в Японии в конце 30-х — начале 40-х годов.

Виндт впоследствии работал в Испании радиоинструктором Разведупра, причем вопрос о его направлении туда решался на самом высоком уровне. Об этом свидетельствуют записка Ворошилова Сталину о назначении военным советником в испанскую республиканскую армию В.Е.Горева и "для обеспечения связи" Виндта, и справка С.П.Урицкого о Виндте: "Родился в 1895 г. До революции был матросом германского военного флота. С 1918 г. член германской компартии. Работал радистом на судах германского торгового флота. С 1929 г. на радиоразведывательной работе в РККА. В течение двух лет осуществлял бесперебойную нелегальную связь Токио — Москва. В настоящее время радиоинструктор Разведывательного управления РККА"[177]. Одновременно с Зорге в Японию были посланы в качестве нелегальных резидентов английский журналист немецкого происхождения Гюнтер Штайн ("Густав"), вместе с которым работала его подруга, швейцарская журналистка Маргарет Гаттенберг, и финская коммунистка Айно Куусинен ("Ингрид"), жена одного из лидеров Коминтерна, а позднее члена Президиума ЦК КПСС Отто Куусинена.

Легальным резидентом Разведупра в Японии в 1933-1937 гг. был Аркадий Борисович Асков, работавший там еще в 20-е годы. Он в 1925 г. окончил японское отделение Восточного факультета Военной академии и находился на разведывательной работе под прикрытием

[175] Алексеев М. "Монах" с черным поясом. Родина. 1997. №8.
[176] Там же.
[177] РГВА. Ф.4. Оп.19. Д.18.

должностей секретаря консульства в Нагасаки и Цуруге (сентябрь 1925 май 1926 г.), вице-консула и консула в Кобо (сентябрь 1926 — январь 1930 г.).

В феврале 1930 — январе 1932 г. Асков работал старшим референтом 2-го восточного отдела НКИД, а затем находился в распоряжении Разведупра РККА, преподавал на Восточном факультете Военной академии им. М.В.Фрунзе и гражданских вузах. В январе 1932 — октябре 1933 г. Асков — помощник начальника 2-го отдела IV управления Штаба РККА.

Помощниками руководителя легальной резидентуры были П.А.Панов и Н.П.Вишневский. Также работали в Японии старейший сотрудник Разведупра Г.А.Абрамов (Родионов) и Б.Н.Мельников (в 1931 г. — поверенный в делах в Токио).

Смена капитанов[178]

Íåïðèÿòíîñòè íà÷àëèñü ñ êîðîòêîãî ñîîáùåíèÿ â ãàçåòå «Ïðàâäà» îò 23 ìàðòà 1934 ã. Íà ïåðâîé ñòðàíèöå, ãäå ïîìåùàëèñü íàèáîëåå èíòåðåñíûå íîâîñòè, ïîä õàðàêòåðíûì çàãîëîâêîì «Àíòèñîâåòñêàÿ êàìïàíèÿ ôðàíöóçñêèõ ÷åêiñòîâíîâåâ» ïîÿâèëîñü êîðîòêîå ñîîáùåíèå èç Ïàðèæà. Â íåì ãîâîðèëîñü, ÷òî ôðàíöóçñêàÿ ïå÷àòü, ïîñëå íåñêîëüêèõ ìåñÿöåâ ìîë÷àíèÿ, ïûòàåòñÿ èñïîëüçîâàòü äåëî î øïèîíñêîé îðãàíèçàöèè, ðàñêðûòîé îñåíüþ 1933 ã. âî Ôðàíöèè, äëÿ àíòèñîâåòñêîé êàìïàíèè. «Ïðàâäà» çàÿâèëà: «Ñ ýòîé öåëüþ áîëüøèíñòâî ãàçåò ïîìåùàò âûìûøëåííûå ñîîáùåíèÿ î òîì, ÷òî øïèîíñêàÿ îðãàíèçàöèÿ äåéñòâîâàëà ÿêîáû â ïîëüçó Ñîâåòñêîãî Ñîþçà ...».

«Правда» ограничилась разовым сообщением и больше к этой теме не возвращалась. Но на страницах европейских газет антисоветская кампания продолжала разрастаться, обрастая все новыми и новыми подробностями, не очень приятными для советского руководства.

Через несколько дней были подготовлены все материалы для обсуждения этого вопроса на очередном заседании Политбюро ЦК. Уже 29 марта с докладом «О кампании за границей о советском шпионаже» выступил сам Сталин. (Для 1934 года случай был достаточно редким. Сталин в это время почти не выступал с докладами на заседаниях Политбюро.) Уже на следующий день во всех центральных газетах на первой странице появилось опровержение ТАСС, где говорилось: «В связи с появившимися во французской печати утверждениями, будто группа лиц разной национальности, арестованная в Париже по обвинению в шпионаже, занималась им в пользу СССР, ТАСС уполномочен заявить со всей категоричностью, что эти утверждения являются ни на чем не основанным клеветническим вымыслом»[179].

Как же обстояло дело в действительности, а не по утверждению ТАСС?

Первая волна провалов ГРУ, случившихся весной 1927 г., была связана с резким обострением советско-английских отношений. Английские спецслужбы показали, насколько эффективно и быстро они могут парализовать деятельность советской разведки одновременно в разных странах. На протяжении двух-трех месяцев с подачи англичан произошли аресты советской агентуры в восьми странах.

В марте в Польше раскрыли разведывательную группу, возглавляемую бывшим сподвижником Юденича генералом Даниилом Ветренко. В Стамбуле задержали руководителя советско-турецкой компании, а в Швейцарии — двух советских агентов.

В апреле был совершен налет на советское консульство в Пекине, во время которого в руки местной полиции попало множество документов, свидетельствующих о широкомасштабной деятельности Разведупра в Китае. В этом же месяце французская Сюрте произвела аресты среди агентов огромной разведывательной сети, действовавшей во Франции и возглавляемой руководителями французской компартии Жаком Креме и Пьером Прово.

В мае задержали сотрудников австрийского МИДа, снабжавших советскую разведку секретной информацией. Тогда же в мае в Лондоне британские спецслужбы провели знаменитый рейд и обыск в помещениях «Аркоса» и советского торгпредства. Эти провалы сопровождались публикацией захваченных при налетах в Пекине и Лондоне секретных документов.

Однако после рокового 1927 г. агентурная сеть военной разведки, имевшаяся почти всюду в Европе, работала достаточно эффективно несколько лет. Но болезнь, главным симптомом которой были случавшиеся время от время грандиозные провалы, осталась. Самоуспокоенность руководства разведки, замкнутость этой организации, отсутствие жесткого контроля за действиями агентуры вскоре снова привели к большим неприятностям. Конечно, ни одна разведка не может похвастаться только победами. Но на этот раз дело было серьезным. Провал следовал за провалом.

---

[178] При написании этой и следующей глав использовались, с его любезного согласия, материалы московского исследователя Евгения Александровича Горбунова, опубликованные в журнале «Свободная мысль», 1998, №№2, 3.

[179] Правда, 1934. 30 марта

Они начались в Вене, где в 1932 г. были задержаны несколько советских разведчиков, в том числе резидент Константин Басов (Ян Аболтынь). Спасло их только вмешательство руководителя абвера полковника Фердинанда фон Бредова, который по просьбе советского агента Василия Дидушка сумел добиться освобождения арестованных австрийскими властями резидента и четырех его агентов. Поводом для его вмешательства послужило то, что Басов при аресте заявил австрийским властям, что выполнял задание в контакте с рейхсвером.

Продолжение последовало в Латвии. 4 июня 1933 г. латвийская полиция разгромила одну из резидентур IV Управления. Основные агенты резидентуры — Чауле, Матисон и Фридрихсон — были арестованы. Провал произошел по вине руководства IV Управления. Зная о том, что Чауле и Матисон известны латышской контрразведке, оно тем не менее не предприняло никаких мер. А ведь Чауле раскрыли еще в 1932 г. — после венского провала.

О латвийском провале руководство IV Управления узнало из бюллетеней иностранной информации ТАСС. (Эти особые бюллетени, не предназначенные для печати, содержали иностранную информацию, поступавшую в Москву от зарубежных корреспондентов ТАСС и не публиковавшуюся на страницах центральных газет. Печатались они тиражом 70 экземпляров и рассылались по специальным спискам, составлявшимся на «верху».) Уже одно то, что разведка узнавала новости о себе от журналистов, говорит о многом, не так ли? На этот раз опять-таки ничего не было предпринято, и последовали провалы в других странах. В Гамбурге 6 июля арестовали агента-вербовщика IV Управления, члена компартии Германии Юлиуса Троссина (он долгое время работал курьером по линии связи Гамбург-Америка, Латвия-Франция, Румыния, Эстония, Англия, Финляндия).

IV Управление не подозревало о связи резидентур Финляндии и Германии, о переплетении линий связи в этих странах. Резидентура в Латвии не предупредила об опасности, что и привело к германскому провалу. Последствия этого провала оказались особенно тяжелыми, поскольку в руках Ю.Троссина было сосредоточено огромное количество линий связи. По плану 1932 года IV Управление намечало разукрупнение связей, однако вплоть до ареста Троссина они оставались у него. И он выдал германской контрразведке известные ему линии связи, явки и лиц, принимающих и отправляющих почту. Связь с резидентурами в Америке, Румынии, Эстонии и Англии прервалась на продолжительное время. Перевербованный немцами Троссин был послан в СССР, где его арестовали и изобличили.

В том же июле 1933 г. выяснилось, что значительная часть агентуры 4-го отдела штаба Белорусского военного округа перевербована польской разведкой. В сентябре 1933 г. одновременно произошли аресты советской военной агентуры в Румынии и в Турции.

Но наиболее крупным стал провал в Финляндии. 10 октября 1933 г. в Хельсинки финская полиция арестовала нелегального резидента IV Управления Марию Юрьевну Шуль-Тылтынь и ее помощников — Арвида Якобсона, Юхо Эйнара Вяхью и Франса Яако Клеметти, а также значительную часть советской агентурной сети. Незадолго до провала бывший начальник Пункта разведывательных переправ 4-го отдела штаба Ленинградского ВО Армос Густавович Утриайнен был разоблачен как финский агент. Он выдал финской полиции всю известную ему агентурную сеть в Финляндии и линии связи резидентуры.

Естественно, после измены Утриайнена следовало бы перестроить работу резидентуры. Однако IV Управление опять не предприняло никаких мер. Возглавивший резидентуру в 1932 г. военный атташе Александр Яковлев по-прежнему оставил линии связи в руках людей, внушавших к тому времени серьезные подозрения, например, несмотря на ряд компрометирующих обстоятельств, не был отстранен агент резидентуры Сирениус. Более того, игнорируя элементарные требования конспирации, Яковлев и его помощники Николай Сергеев и Яков Торский встречались с нелегальным резидентом Шуль-Тылтынь у нее на квартире. Когда в октябре 1933 г. начались аресты второстепенных агентов сети, Яковлев и руководство IV Управления еще имели возможность спасти наиболее ценную агентуру и вывезти ее в Советский Союз. Однако этого не последовало, и вся резидентура была разгромлена.

Мария Шуль-Тылтынь была осуждена финскими властями на 8 лет заключения и умерла в тюрьме. Ее девятилетнего сына оставили на свободе в качестве «подсадной утки», но его выкрал и увез из Финляндии советский разведчик И.М.Болотин.

Сразу же за финским провалом последовал грандиозный провал во Франции. 19 декабря 1933 г. в Париже были арестованы резидент IV Управления Вениамин Беркович с женой, его помощник Шварц, связистка Лидия Сталь (Чекалова), агенты профессор Луи Пьер Мартен (работавший в отделе шифров морского министерства), учительница Магдалена Мерме, супруги Сальман и другие. Аресты продолжались более года и затронули, кроме Франции, также Великобританию, Германию и США. Затем арестовали полковника Октава Дюмулена, химика Вартослава Рейха, дантистку Риву Давидович, инженера из военного министерства Обри. Лишь немногим сотрудникам резидентуры (Маркович, Свакрейза, Шерский) удалось скрыться. У арестованных изъяли документы, радиоаппаратуру (коротковолновые приемники и передатчики). Эти аресты были вызваны предательством американского гражданина Роберта Гордона Свица, завербованного еще в США.

Французский провал, явно связанный с финским, так же, как и последний, можно было предотвратить. Еще в 1932 г. тогдашний резидент Разведупра в Париже Килачицкий обнаружил ведущееся за ним наблюдение и сообщил об этом руководству. И снова никакой реакции.

За провалами центральных резидентур IV Управления последовали провалы на пунктах разведывательных переправ (ПРП) разведотделов военных округов. (Через эти пункты за кордон перебрасывалась агентура разведотделов военных округов, которая действовала в пограничной полосе глубиной 150-200 километров.) Там вообще творилось что-то немыслимое. Так, 10 сентября 1933 г. румынская контрразведка разгромила резидентуру Одесского ПРП 4-го отдела штаба Украинского ВО. У семи арестованных агентов сети отобрали голубей Беляевской станции, служивших средством связи. Провал произошел по вине начальника Одесского ПРП Днепрова, перебросившего за кордон, несмотря на возражения областного отдела ОГПУ, агентов Недина и Герченика, имеющих контакт с осужденными за шпионаж румынскими агентами. В ходе расследования была вдобавок установлена связь официального сотрудника ПРП Федотова с агентом румынской разведки Тарахтиенко. Днепрову предложили отстранить Федотова от работы, однако тот не только не отстранил сомнительного сотрудника, но и послал его на курсы переподготовки, а затем привлек к операции по переброске за границу. Голуби Беляевской голубятни оказались недостаточно тренированными (20 из них попали в руки румынской контрразведки). Кроме того, выяснилось, что зав. переправами Каминский, пьянствуя с переправщиками, сообщал им сведения о работе пункта. В результате во время одной из переправ с советской стороны был подан секретный световой сигнал и переправлявшегося агента арестовали.

Одесский ПРП был, пожалуй, первым по разгильдяйству, но отнюдь не единственным. Так, 15 сентября 1933 г. случилось два провала агентов, переброшенных Ленинаканским ПРП 4-го отдела штаба Краснознаменной Кавказской армии в Турцию. Первый произошел из-за переброски за рубеж подозрительного в своих связях источника Даги Садыхбекова, а второй — из-за привлечения к вербовочной работе провокатора Мамеда Мама-оглы. Армянское ОГПУ предупреждало о ненадежности Садыхбекова, но пом. начальника Ленинаканского ПРП Алабьян проигнорировал предупреждение и перебросил его в Турцию, где последний был вскоре арестован местной контрразведкой. Одновременно последовали провалы Эриванского, Батумского и других ПРП. Причины были аналогичны ленинаканскому случаю — наличие в сети Разведупра предателей и провокаторов, а также недостатки в руководстве со стороны начсостава и наплевательское отношение ко всем предостережениям ГПУ.

В начале июля 1933 г. во время ликвидации в Белоруссии контрреволюционной организации «Белорусский национальный центр» (БНЦ) стало известно, что 19 человек негласного состава 4-го отдела штаба Белорусского ВО одновременно являются членами этого центра, а также агентами польской разведки. В ходе расследования выяснилось, что еще в 1932 г. польская разведка перевербовала нескольких переброшенных за кордон агентов 4-го отдела БВО и через них внедрило на территорию СССР ряд своих агентов с диверсионными целями.

Член организации и негласный сотрудник 4-го отдела Ковшик по заданию польской разведки создавал ячейки БНЦ в Белоруссии и вел подготовку к диверсионной работе. Через него в сеть Разведупра были внедрены агенты Мартынчик, Дрозд, Метла, Кичан, Лихач и другие, передававшие полякам сведения о дислокации советских воинских частей и обороноспособности приграничных районов. Другой негласный сотрудник 4-го отдела БВО Шуцкий сразу же после заброски в Польшу сдался польским властям и рассказал все что знал о работе сети Разведупра.

9 февраля 1934 г. произошел провал одной из резидентур 4-го отдела штаба Украинского ВО в Аккермане (Румыния), в результате чего 10 человек арестовали, в том числе и резидента Апреленко. У некоторых из них нашли радиоаппаратуру. Причина провала — преждевременное возобновление связи с агентурой, законсервированной после провала резидентуры Одесского ПРП в сентябре 1933 г., о котором мы уже рассказывали выше. С арестом Апреленко была ликвидирована вся резидентура 4-го отдела штаба УВО в Румынии.

В начале января 1934 г. последовали провалы сразу нескольких резидентур 4-го отдела штаба ОКДВА в Маньчжурии, был арестован ряд работников особой группы №100 (диверсии, саботаж), в том числе Лядов, Базанов, Калмыков, Файнберг, Кузнецов, Трубников и другие. Японской контрразведке удалось их всех перевербовать и под видом депортированных переправить в СССР. Разоблаченные Особым отделом ОГПУ, на допросах они показали, что при подготовке группы к заброске за рубеж сотрудники 4-го отдела не соблюдали правил конспирации, что, будучи направленными в Хабаровск для занятий подрывным делом, они находились на базе Амурской флотилии, где заметно выделялись среди личного состава формой пехотных частей РККА. Вскоре окружающим стало известно, что они — выходцы из Харбина и Северной Маньчжурии. На базе их посещал начальник 4-го отдела Карпов (это был прославленный в будущем советский военачальник Василий Иванович Чуйков), фамилию которого им сообщил начальник команды Золин. Легенды сотрудников особой группы были плохо подготовлены и на допросах в японской контрразведке сразу раскрыты. Кроме того, они знали не только друг друга, но и все линии работы, в связи с чем в результате предательства Базанова в руки японской контрразведки попала вся группа. К тому же работа боевых организаций не была законспирирована от партийной работы. Вопреки конспирации, встречи происходили на квартире у Калмыкова или в Политехническом институте.

Конечно, провалы у военных разведчиков случались и раньше. Неопытность, особенно в начале 20-х гг., отсутствие квалифицированной агентуры, использование для разведывательной работы членов местных компартий — все это было и у Разведупра, и у ИНО ОГПУ тоже. Но такое количество серьезных провалов и за столь короткий срок, пожалуй, произошло впервые. На этом фоне деятельность руководства Управления во главе с «легендарным» Берзиным выглядела не лучшим образом.

После публикаций во французской печати и выступления Сталина на Политбюро Особый отдел ОГПУ, наблюдавший за работой Наркомата по военным и морским делам, забил тревогу. Так как уже в те годы работа всех звеньев разведывательной триады (Разведупр, ИНО ОГПУ и Отдел международных связей Коминтерна) курировалась Сталиным, то ему и направили подробную докладную записку о работе IV Управления Штаба РККА. На десяти страницах шло сухое перечисление всех резидентур Управления с фактами, датами, фамилиями провалившихся. Выводы были сведены в один абзац: «Тщательное изучение причин провалов, приведших к разгрому крупнейших резидентур, показало, что все они являются следствием засоренности предателями; подбора зарубежных кадров из элементов сомнительных по своему прошлому и связям; несоблюдением правил конспирации; недостаточного руководства зарубежной работой со стороны самого IV Управления Штаба РККА, что, несомненно, способствовало проникновению большого количества дезориентирующих нас материалов». Документ подписал всесильный зампред ОГПУ Генрих Ягода.

Время тогда было еще тихим. Киров был еще жив и массовый террор пока еще не начался. В 1937 или 1938 гг. за подобные провалы расстреляли бы все руководство Разведупра, обвинив каждого из руководителей в принадлежности одновременно к нескольким иностранным

разведкам. Но пока шла весна 1934 года, и к стенке никого не поставили. Сталин внимательно изучил докладную Ягоды, наложил на первой странице, как он всегда это делал, резолюцию: «В мой личный архив. И.Ст.» и решил рассмотреть работу военной разведки в Политбюро. Были подготовлены необходимые документы и проект постановления, и 26 мая на очередном заседании Политбюро приняло развернутое постановление, после чего протокол №7 был упрятан в «Особую папку», где и пролежал 60 лет — до 1994 г.

Все вспомогательные материалы к постановлению Политбюро до сих пор находятся в недрах Президентского архива, и установить авторов проекта постановления Политбюро о работе Разведупра пока невозможно. Но, очевидно, проект этого документа готовили профессиональные разведчики, тщательно проанализировавшие причины провалов в странах Европы. В постановлении отмечалось, что создание крупных резидентур в некоторых странах и сосредоточение в одном пункте линий связи нескольких резидентур — неправильно, при этом возможность провалов резко возрастает. Отмечалось, что «Переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну явилось грубейшим нарушением основных принципов конспирации и создавало предпосылки для провалов одновременно в ряде стран». Современному читателю шпионских романов сами факты эти кажутся дикими ... а оказывается, так работали наяву, и не кто-нибудь, а наша собственная разведка.

Особое внимание при обсуждении в Политбюро было обращено на «недостаточность подбора агентурных работников и недостаточную их подготовку». Обстановка в Европе после прихода Гитлера к власти резко обострилась. Разведупр активизировал агентурную работу против Германии, создавая новые резидентуры как в этой стране, так и в соседних странах. Людей требовалось все больше и больше, причем людей квалифицированных, подготовленных, а не просто «брошенных на невидимый фронт по призыву Родины».

До 1935 г. Разведупр не имел своего высшего учебного заведения, готовившего военных разведчиков высокой квалификации. Курсы усовершенствования по разведке при Управлении существовали, но учились здесь (проходили начальную подготовку) в основном новички, которых набирали в Разведупр. Восточный факультет Военной академии, большинство выпускников которого распределялось в Разведупр, давал только фундаментальную военно-политическую подготовку, а его выпускники работали главным образом в странах Востока. Опытных и квалифицированных разведчиков не хватало и приходилось использовать на агентурной работе малоопытных сотрудников. Было признано также неправильным удовлетворение «всех запросов различных военных и военно-промышленных учреждений» по военно-технической разведке и «освещение агентурным путем почти всех, в том числе и не имеющих для нас значения стран». Время глобальной агентурной разведки, которой славилось ГРУ в послевоенные годы, еще не наступило.

После обсуждения всех вопросов, связанных с деятельностью военной разведки, Политбюро решило вывести Управление из системы Штаба РККА и подчинить его непосредственно Наркому. Чтобы избежать чрезмерной загрузки зарубежной агентуры, все задания должны были выдаваться только через Наркома или с его ведома и одобрения. Начальнику Разведупра следовало в кратчайший срок перестроить всю систему агентурной работы, создав небольшие и совершенно самостоятельные резидентуры, имеющие самостоятельную связь с Центром. Чтобы решить очень острую кадровую проблему зарубежной агентуры, предстояло в сжатые сроки организовать специальную школу разведчиков на 200 человек и укомплектовать ее тщательно проверенным командным составом. Была определена группа стран, против которых в первую очередь направлялось острие агентурной разведки: Польша, Германия, Финляндия, Румыния, Англия, Япония, Маньчжурия, Китай. Изучение вооруженных сил остальных стран решено было вести легальным путем через официальных военных представителей.

Чтобы увязать работу военной и политической разведок, решили создать постоянную комиссию. В нее вошли начальник Разведупра и начальник ИНО ОГПУ. Им надлежало обсуждать и согласовывать общий план разведывательной работы за границей, обмениваться

опытом и информацией, предупреждать друг друга о возможных провалах. Комиссии следовало также изучить все провалы, как по линии Разведупра, так и по линии ИНО и выработать мероприятия против возможных неудач в будущем. Тщательная проверка отправляемых на заграничную работу сотрудников также возлагалась на эту комиссию.

И наконец Политбюро решило усилить руководство военной разведкой. До сих пор Берзин не имел официального первого заместителя, у него были только помощники. Теперь решили ввести эту должность в штат Управления. Первым замом Берзина стал человек из конкурирующего ведомства, и не кто-нибудь, а сам Артузов, который в это время был начальником ИНО ОГПУ, т.е. возглавлял политическую разведку страны. А.Х.Артузов возглавил ИНО летом 1931 г. К моменту заседания Политбюро он имел четырехлетний стаж руководства разведкой, огромный опыт, провел блестящие разведывательные операции — одна вербовка «кембриджской пятерки» в Англии чего стоит. Артузов являлся специалистом высшего класса по руководству разведкой, равного которому не было в то время ни в Разведупре, ни в ИНО. Поэтому его кандидатура и оказалась наиболее приемлемой для Сталина.

Ïîñëå ñåðèè ïðîâàëîâ ê ðóêîâîäñòâó âîåííîé ðàçâåäêîé ñëåäîâàëî, êîíå÷íî, ïðèâëå÷ü êðóïíîãî ïðîôåññèîíàëà, ðàçáèðàâøåãîñÿ âî âñåõ òîíêîñòÿõ ðàçâåäûâàòåëüíîé ðàáîòû, ñ èìåíåì è àâòîðèòåòîì. Ñòàëèí ïîíèìàë ýòî, íî îí òàêæå õîðîøî ïîíèìàë è òî, ÷òî â âîåííîì âåäîìñòâå òàêîãî ïðîôåññèîíàëà íåò. Çà ïîñëåäíèå äåñÿòü ëåò âîåííàÿ ðàçâåäêà «âàðëàñü â ñîáñòâåííîì ñîêó». Îíà ïðåäñòàâëÿëà ñîáîé äîâîëüíî çàìêíóòóþ îðãàíèçàöèþ, êóäà ïðèêîì÷åñêè íå ïîïàäàëè êðóïíûå ðàáîòíèêè ñî ñòîðîíû, êîòîðûå ñî âðåìåíåì ìîãëè áû âûðàñòè íà ðàçâåäûâàòåëüíîé ðàáîòå è çàíÿòü ðóêîâîäÿùèå ïîñòû. È Ñòàëèí, è Äàâûäîâ, è Íèêîíîâ ïî ñâîåìó îïûòó, çíàíèÿì è íàâûêàì ðàáîòû êàê ðóêîâîäèòåëè ðàçâåäêè çíà÷èòåëüíî óñòóïàëè Áåðçèíó.

Все основные перемещения происходили внутри Управления. Работники разведки перемещались вверх или вниз, переходили из одного сектора или отдела в другой, уходили на какое-то время за кордон на нелегальную работу или на периферийную работу в пограничный округ и затем возвращались в родное Управление. К 1934 г. для высшего руководства было ясно, что надо встряхнуть эту устоявшуюся организацию, влить в нее свежие силы, активизировать ее работу. Собственно говоря, произошло то, о чем предупреждал Арвид Зейбот еще за 10 лет до этого.

На кандидатуру Артузова Сталину, скорее всего, указал Ягода, который преследовал при этом свои цели. Артузов явно не вписывался в окружение всесильного зампреда ОГПУ. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы понадеялся только на рекомендации Ягоды. Он и сам хорошо знал руководителя ИНО, встречался с ним, знал его твердость в отстаивании своего мнения даже перед «хозяином». Мнение генсека о руководителе разведки ОГПУ было высоким, и для этого у него имелись основания ...

... Летом 1933 г. обстановка в Центральной Европе обострилась. После прихода нацистов к власти воинственные заявления Берлина о присоединении к Третьему рейху Данцига и данцигского коридора звучали все громче. В Варшаве хорошо понимали, что в случае войны в одиночку уже не выстоять и не удержать того, что было получено по Версальскому договору. Предстояло определиться — с кем и против кого? С Москвой против Берлина, или же попробовать с Берлином против Москвы? Если с Москвой — можно было сохранить коридор и Силезию, отрезанные от Германии по Версальскому договору, если с Берлином — можно рассчитывать на часть Украины после начала войны Германии с Советским Союзом. С кем будет Варшава? От точного ответа на этот вопрос зависело многое и во внешней политике Советского Союза, и в строительстве Красной Армии.

Чтобы определиться с Польшей, летом 1933 г. в Кремле созвали совещание. Пригласили представителей Наркоминдела, отдела международной информации ЦК партии, Разведупра и ИНО. И дипломаты, и руководитель информбюро Карл Радек, и сотрудники военной разведки доказывали Сталину, что Польша повернулась в сторону Советского Союза, что союз с Варшавой — дело ближайшего будущего. Диссонансом прозвучало заявление начальника ИНО

Артузова о том, что Варшава никогда, ни при каких обстоятельствах не пойдет на союз с Москвой. Слишком хорошо помнили в Польше 1920 г., когда армии Тухачевского стояли под Варшавой. Информация из агентурных источников, которой располагал руководитель политической загранразведки, показывала, что возможное сближение с Москвой — тактический ход польской дипломатии, рассчитанный на то, чтобы усыпить бдительность кремлевского руководства. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы вопреки всем выступлениям на этом ответственном совещании высказать свою точку зрения по такой важной проблеме, как развитие в будущем советско-польских отношений.

Выступление Артузова и его прогнозы не понравились Сталину. Он бросил упрек руководителю политической загранразведки, что его агентурные источники занимаются дезинформацией. И даже в конце 1933 г., когда обстановка в Центральной Европе уже достаточно прояснилась, генсек продолжал думать так же. В декабре 1933 г. отмечали очередную годовщину ВЧК-ОГПУ. На товарищеском ужине с руководителями ОГПУ в Кремле Сталин поднимал тост за каждого из приглашенных чекистов. Когда дошла очередь до Артузова, вождь в шутливом тоне сказал: «Ну как Ваши источники, или как Вы их называете, — все Вас дезинформируют?» Артузов смутился от такого «нетрадиционного» тоста и ответил, что постарается избежать дезинформации. Он решил, видимо, что замечание Сталина относится к польской работе, так как сводки источника Илинича кардинально расходились со взглядами НКИД и, особенно, со взглядами заведующего бюро международной информации ЦК К.Радека, утверждавшего, что Польша идет на искреннее сближение с СССР. «Поворот, а не маневрирование в сторону СССР», — тезис Радека. Сводки Илинича утверждали, что готовится сближение Польши с Германией, а СССР поляки стараются убаюкать просоветским маневром. Обстановка прояснилась в январе 1934 г., когда с подписанием германо-польского протокола о ненападении началось сближение двух стран, и антисоветская политика Польши стала достаточно откровенной. Предположения Артузова, высказанные им на совещании, полностью подтвердились.

Эти события и определили отношение генсека к начальнику ИНО. Накануне принятия решения Политбюро о работе Разведупра, то есть 25 мая 1934 г., Артузов был вызван в Кремль. Он вошел в кабинет Сталина в 13 ч 20 мин. Там уже были два наркома: Ворошилов и Ягода[180]. Подробная обстоятельная беседа продолжалась шесть часов . Конечно, уходить в другой наркомат, хотя и на родственную работу, с понижением в должности и без всяких перспектив продвижения по службе, не хотелось. Артузов понимал, что как штатский человек он никогда не станет начальником Разведупра. Но слова Сталина, сказанные ему во время беседы: «Еще при Ленине в нашей партии завелся порядок, в силу которого коммунист не должен отказываться работать на том посту, который ему предлагается», — исключали выражение недовольства в любой форме. Как послушный член партии, Артузов не мог спорить с генсеком. Хорошо зная обстановку и взаимоотношения в военном ведомстве, он сказал Сталину, что ему одному трудно будет вписаться в новый коллектив и сработаться с руководством военной разведки. Он попросил разрешения взять с собой группу сотрудников, которых отлично знал по работе в ИНО. Сталин дал согласие на этот переход[181].

Сейчас уже невозможно выяснить, сколько людей запрашивал Артузов. Вместе с ним на работу в Разведупр перешли первоначально 13 сотрудников ИНО, позднее к ним присоединилось еще более десятка чекистов. Очевидно, что запрашивал он больше, с запасом. Со Сталиным была согласована и расстановка новых людей в структурах Разведупра. Без приказа «хозяина» Ворошилов никогда бы не отдал «пришельцам» важнейшие посты в военной разведке.

---

[180] Время приема и список присутствующих даны по записям в тетради приема у Сталина // Исторический архив. 1995. №3. С.132.

[181] О встрече со Сталиным и содержании разговора Артузов писал в письме начальнику Разведупра комкору С.П.Урицкому 20 декабря 1936 г. Письмо находится в следственном деле Артузова в центральном архиве ФСБ.

Вместе с Артузовым в Разведывательное управление перешла большая группа чекистов: Ф.Я.Карин, О.О.Штейнбрюк, Л.Н.Мейер-Захаров, Б.Ш.Эльман, А.Ф.Маншейт, А.А.Ригин, М.М.Михалевский, П.Ф.Воропинов, М.Н.Панкратов, В.И.Федоров, Г.С.Тылис и другие, всего около 20-30 человек. Причем многих из пришедших в Разведупр чекисты сразу же поставили во главе ключевых отделов и направлений.

Наиболее крупными фигурами из 13 сотрудников были Ф.Я.Карин и О.О.Штейнбрюк. И не только потому, что они возглавили два важнейших отдела Разведупра. В ноябре 1935 г. в Красной Армии вводят персональные воинские звания. Звание комкора (что соответствует генерал-лейтенанту) получил новый начальник управления С.П.Урицкий. Звание корпусного комиссара (соответствует званию комкора) — бывший начальник Разведупра Берзин и Артузов. Такое же воинское звание присвоили Карину и Штейнбрюку. Начальники отделов по своим знаниям разведывательной службы и опыту работы в разведке были приравнены к руководству военной разведки. Уже по этим присвоениям воинских званий можно судить о том, что и Карин, и Штейнбрюк были специалистами высокого класса.

Переход в другое ведомство начальника и 13 лучших (а Артузов забрал с собой, конечно, самых талантливых и квалифицированных работников политической разведки) сотрудников значительно ослабил ИНО. Новый начальник отдела Слуцкий и по опыту, и по знаниям, не говоря уже об интеллекте, значительно уступал Артузову. Ослаблен был и общий состав отдела. Почему же Сталин согласился на такое перемещение? ОГПУ — вооруженный отряд партии, а разведчики ОГПУ — глаза и уши партии. Чем объяснить их резкое ослабление? Дать четкий и верный ответ, не зная того, о чем говорилось в кабинете у Сталина, невозможно. Остается только строить предположения с достаточной долей вероятности. Одно из таких предположений можно сделать, исходя из сложившейся к маю 1934 г. военно-политической обстановки в Европе.

Â ÿíâàðå 1934 ã. áûë çàêëþ÷åí ãåðìàíî-ïîëüñêèé äîãîâîð î íåíàïàäåíèè. Îòíîøåíèÿ ìåæäó äâóìÿ ñòðàíàìè íîðìàëèçîâàëèñü è íà÷àëîñü ñáëèæåíèå Ãåðìàíèè è Ïîëüøè âî ìíîãèõ îáëàñòÿõ, â òîì ÷èñëå è â âîåííîé. Ñòàëà âûðàáàòûâàòüñÿ âîçìîæíîñòü âîåííîãî ñîþçà ìåæäó ýòèìè ñòðàíàìè è èõ ñîâìåñòíîãî âûñòóïëåíèÿ ïðîòèâ ÑÑÑÐ. ßïîíèÿ, ïðîâîäèâøàÿ ïîñëå çàõâàòà Ìàíü÷æóðèè è ñîçäàíèÿ âîåííîãî ïëàöäàðìà ó äàëüíåâîñòî÷íûõ ãðàíèö Ñîâåòñêîãî Ñîþçà àêòèâíóþ àíòèñîâåòñêóþ ïîëèòèêó, òîæå ñòðåìëåííî ïðèâåë÷ íà ñâîþ ñòîðîíó Ïîëüøó, îáåùàÿ åé âñÿ÷åñêèå áëàãà ïîñëå ðàçãðîìà ÑÑÑÐ. Ñëîæèëàñü ñèòóàöèÿ, êîãäà ýòè ðàçíûå ìîãëè âûñòóïèòü ñîâìåñòíî. Â äàííûõ óñëîâèÿõ çíà÷åíèå âîåííîé ðàçâåäêè ðåçêî âîçðàñòàëî, à ñîîòíîøåíèå åå ðåçèäåíòóð è àãåíòóðíîé ñåòè ïîñëå ìíîãî÷èñëåííûõ ïðîâàëîâ â Åâðîïå îñòàâàëîñü òÿæåëûì. Äåÿòåëüíîñòü æå ÈÍÎ ÎÃÏÓ, êîòîðûé â áîëüøèíñòâå ñëó÷àå ïîëó÷àë ïîëèòè÷åñêóþ èíôîðìàöèþ, îòñòóïàëà íà çàäíèé ïëàí, è åå âðåìåííûì îñëàáëåíèåì ìîæíî áûëî ïðåíåáðå÷ü.

Для доказательства возможности такого предположения можно сослаться на план стратегического развертывания на Западе и Востоке, составленный Генштабом в марте 1938 г. Через четыре года после описываемых событий начальник Генштаба Б.М.Шапошников считал, что Советскому Союзу надо быть готовым к войне на два фронта: на Западе — против Германии, Италии и Польши, и на Востоке — против Японии. Главным считался западный театр военных действий, на котором против Красной Армии выступали совместно вооруженные силы Германии и Польши. Если начальник Генштаба высказал в таком документе уверенность в выступлении Польши против СССР, то у него наверняка были для этого достаточные основания.

Новый заместитель приступил к работе. Времени на раскачку не было. Ему предстояло проанализировать работу Управления, выявить все недостатки, разработать и предложить свои рекомендации по реорганизации центрального аппарата военной разведки. На все про все отводился месяц. И уже 23 июня 1934 г. подробный доклад был готов. Основные соображения доклада в предварительном порядке Артузов изложил наркому обороны Ворошилову. Возражений с его стороны не последовало. Нарком, будучи опытным политиком, спорить с посланцем Сталина в Разведупре не стал.

Объемный, на 16 страницах, доклад о состоянии агентурной работы Управления и мерах по ее улучшению был адресован: «Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину». Второй экземпляр доклада предназначался наркому обороны Ворошилову. Сейчас невозможно определить, был ли в это время в Москве начальник Разведупра Берзин. Но если был, то сам факт обращения с докладом через его голову, да и через голову наркома обороны непосредственно к Сталину является беспрецедентным. В 1936 г. в разговоре с Б.И.Гудзем Артузов обронил: «Сталин, направляя меня в Разведупр, сказал, что я должен быть там его глазами и ушами». Только таким указанием и можно объяснить чинопочитание Артузова, пославшего свой первый доклад в новой должности на самый «верх».

В военной разведке Артузов был человеком новым, никакой ответственности за провалы он не нес, и поэтому ему не пришлось ничего скрывать или приукрашивать, анализируя работу Разведупра. В докладе отмечалось, что после провалов нелегальная агентурная разведка Управления фактически перестала существовать в Румынии, Латвии, Франции, Финляндии, Эстонии, Италии. Нелегальная агентурная сеть сохранилась лишь в Германии, Польше, Китае и Маньчжурии. В некоторых странах (Турция, Персия, Афганистан, Корея) агентурная разведка ведется полулегальным путем, когда резидент и его помощники являются сотрудниками посольств, консульств и торговых представительств.

Говоря о разведывательной работе в Германии, Артузов отмечал, что там имеется несколько ценных агентов, передающих документы об организации, вооружении и боевой подготовке Рейхсвера, а также данные германских военных атташе об иностранных армиях (в частности, и о Красной Армии). Одним из серьезных просчетов он считал то, что несколько подпольных работников нелегальной резидентуры были переданы в распоряжение Разведупра от ЦК Компартии Германии руководством военного аппарата. Иностранные коммунисты часто не исполняли приказы о прекращении всяких связей с партией в случае перехода на разведывательную работу. При провалах (а бывшему начальнику ИНО об этом было хорошо известно), полиция без труда доказывала эту связь. Артузов опасался, что в случае провала в Германии гестапо тоже легко может доказать связь между компартией и советской военной разведкой. Впрочем, его пожелание в докладе: «Как правило, не следует использовать на разведывательной работе в данной стране коммунистов данной страны», — осталось на бумаге, как и все пожелания такого рода.

Артузов считал, что Управление не обеспечило закрепление за собой кадров агентурных работников. Опытные разведчики, выросшие на агентурной работе, возвращаясь в СССР после нескольких лет проживания в другой стране, сталкивались с очень тяжелыми условиями и жизни, и работы. Управление не могло предоставить возвращающимся сотрудникам ни приличного жилья, ни хорошего денежного содержания. Окончить академию и получить высшее военное образование, что очень содействовало продвижению по служебной лестнице, вернувшиеся разведчиков тоже не могли. Время было тревожное, квалифицированных кадров с опытом зарубежной работы мало, и поэтому долго их в Советском Союзе не держали. После короткого отдыха и переподготовки снова отправляли за рубеж. В таком режиме работали тогда и разведчики Разведупра, и разведчики ИНО ОГПУ.

Не удивительно, что такие условия жизни и такой режим работы устраивал не всех. Кто-то покорно нес свой крест, кто-то пытался вырваться и уйти. Некоторым это удавалось. А поскольку нелегальная агентурная работа очень способствовала быстрому общему развитию разведчиков, то уходили они, как правило, на хорошо оплачиваемую и выгодную работу и делали вне Разведупра неплохую карьеру. В докладе Сталину Артузов упоминает несколько фамилий сотрудников Управления, покинувших военную разведку. И.Зильберт стал начальником научно-исследовательского института военно-воздушных сил РККА, А.Тылтынь — командиром механизированной бригады, В.Горев — помощником командующего бронетанковых войск ЛВО, В.Коханский — командиром особой авиабригады. В докладе предлагалось хотя бы некоторую часть утерянных кадров вернуть на агентурную работу.

Серьезные претензии Артузов предъявил и к подготовке иностранных коммунистов, привлекаемых Управлением для агентурной работы. Как правило, их отличали болтливость,

отсутствие навыков конспирации, невыполнение требований Управления. Вот один из характерных случаев, который приводится в докладе. Посланный в Париж в качестве отдельного резидента немецкий коммунист, встретил там знакомого венгерского коммуниста, географа Шандора Радо, и рассказал ему все о своей работе, а также назвал человека, выходящего с ним на связь. Узнав об этом, начальник Управления приказал освободить резидента от всех заданий и разорвать с ним контакт. Знаменитый теперь Радо тоже разоткровенничался с парижским резидентом о своей работе на советскую разведку, в том числе и о секретной. Что выболтал Радо немецкому коммунисту, осталось тайной для руководства военной разведки. Поэтому его, к счастью, решили не отстранять, и Разведупр получил великолепную разведывательную группу «Дора».

В начале 30-х гг. Управление возобновило подготовку к активной разведке на случай войны, то есть к проведению партизанских и диверсионных действий в тылу будущих противников как на Западе, так и на Востоке[182]. Этой работой в Центре руководили Христофор Салнынь, а затем Хаджи Мамсуров и Гайк Туманян.

Для активных действий против западных противников отбирались люди из числа болгарских коммунистов, эмигрировавших из своей страны после провала восстания в апреле 1925 г. Так вот: эти люди сумели провалиться, еще до того, как приступили к работе. Как удалось выяснить Артузову, причинами провала в Австрии (именно там находилась самая многочисленная колония болгарских эмигрантов) стало то, что болгары, вопреки запрету, по собственной инициативе, вели разведку. Другая причина провала заключалась в том, что опять-таки, невзирая на запреты, они продолжали заниматься партийной работой. Эмигранты состояли на учете в австрийской полиции, и возобновление партийной работы было достаточным поводом для начала арестов. Правда, на момент составления доклада, по данным агентуры ИНО, австрийская полиция обвиняла арестованных болгар только в коммунистической деятельности, а не на советскую разведку.

Для улучшения работы Управления Артузов предложил прекратить текучесть агентурных кадров. Для этого предполагалась простая мера — ввести особое положение о продвижении агентурных сотрудников по службе. Работа за кордоном приравнивалась к службе в действующей армии на фронте со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Предлагалось также разрешить агентам разведки учебу в военных академиях с годовыми перерывами для заграничной деятельности. Создавался особый жилой фонд для возвращавшихся из-за рубежа, улучшалось их материальное положение и денежное содержание. Все эти меры подействовали, и утечку опытных разведчиков из Управления удалось приостановить.

Наиболее серьезные предложения Артузова касались изменения структуры центрального аппарата Разведупра. Эта структура сложилась в середине 20-х гг., и до 1934 г. не менялась. В Управлении было четыре отдела и несколько отделений. Наиболее сильным и по составу, и по квалификации сотрудников считался 3-й информационно-статистический отдел, возглавляемый с 1925 г. А.М.Никоновым.

Третий отдел являлся аналитическим центром военной разведки, который систематизировал, обобщал и анализировал всю поступающую информацию, давал свою оценку текущим событиям в Европе и мире. Из этого отдела поступали заявки во 2-й агентурный отдел на получение информации по военным и политическим проблемам, интересовавшим высшее военное руководство страны. Недостатком этой структуры было то, что в 3-м отделе при составлении заявок на информацию плохо представляли агентурные возможности 2-го отдела. А во 2-м отделе почти не видели результатов своего труда.

Кроме 2-го и 3-го отделов, в Разведупре существовал 1-й отдел, занимавшийся войсковой разведкой и 4-й отдел, осуществлявший контакты с иностранными военными атташе. В 1935 г. этот отдел стал называться Отделом внешних сношений Наркомата Обороны, его возглавлял комкор А.И.Геккер.

---

[182] Активная разведка, проводившаяся в начале 20-х гг. на территории Польши и Бессарабии, была ликвидирована по постановлению Политбюро от 25 февраля 1925 г. (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.162. Д.2. Л.78).

Артузов предложил сократить аппарат Управления и ликвидировать деление на добывающий и обрабатывающий аппараты, то есть расформировать сложившиеся и имевшие многолетний опыт работы 2-й и 3-й отделы. Сейчас трудно сказать чем он руководствовался, предлагая полностью сломать сложившуюся структуру организации центрального аппарата военной разведки. Может быть, он хотел видеть в Разведупре хорошо знакомую ему схему ИНО ОГПУ, который не имел сильной аналитической службы?[183] Структура ИНО без такой службы сохранялась и в последующие годы, вплоть до начала войны, и платой за это стали серьезные промахи и ошибки в предвоенные месяцы 1941 г. (Отсутствие аналитической службы и связанные с этим грубейшие просчеты и ошибки были официально признаны службой внешней разведки России только спустя 60 лет[184]). Артузов, безусловно, не обязан был обладать даром предвидения на годы вперед, но тщательно проанализировать работу аналитического аппарата Разведупра, прежде чем предлагать его ликвидировать, был обязан. Этого сделано не было, и это стало крупным просчетом Артузова.

Новый заместитель предложил создать два отдела стратегической разведки: в европейских странах (первый отдел) и странах востока (второй отдел). Агентура этих отделов действовала в Европе, а также в Турции, Персии, Афганистане, Китае, Маньчжурии, Японии и США. Отдел технической разведки должен был вербовать агентов на военных заводах, в секретных конструкторских бюро и лабораториях и добывать данные о новой военной технике. На отдел активных действий за рубежом возлагалась подготовка кадров партизан для работы в тылу противника в случае войны. На отдел по руководству разведкой округов, как следует из названия, — руководство разведотделами пограничных округов, через которые периферийная агентура внедрялась в соседние страны для непосредственного наблюдения за действиями в пограничной полосе. Таковы были функции пяти ведущих отделов по новой схеме организации, предложенной Артузовым.

Доклад отправили Сталину. Генсек внимательно ознакомился с документом. Замечаний с его стороны не последовало, и с резолюцией на первой странице: «Мой архив. И.Ст» он был упрятан в святая святых — личный архив Сталина. Уже через месяц было разработано и введено в действие «Положение о прохождении службы в РККА оперативными работниками разведорганов»[185]. В этом документе были учтены все предложения, изложенные в докладе Артузова. 27 ноября 1935 г. Нарком утвердил новые штаты Разведывательного Управления РККА. В управлении создается 12 отделов. В первом (западном) было 5 отделений и 36 человек. Второй (восточный) тоже имел 5 отделений и 43 человека. Общая численность сотрудников не только не сократилась, как предлагал Артузов, но, наоборот, увеличилась на 100 человек. По новому штату в Управлении было 403 сотрудника. Реорганизация закончилась. Руководителями ведущих отделов назначили сотрудников ИНО, пришедших с Артузовым в военную разведку. И началась повседневная работа.

Через девять месяцев события, приведшие к назначению нового зама в Разведупр, повторились. Произошел новый позорнейший провал, который смело можно считать крупнейшим провалом за всю историю советских спецслужб. На этот раз скандал разразился в Дании. 19 февраля 1935 г. датская полиция арестовала советского агента, американца Джорджа Минка. Во время двух обысков, произведенных у него на квартире 19 и 20 февраля, полиция организовала там засаду и арестовала четырех работников Центра и десять иностранных агентов IV Управления (одного американца, помимо самого Минка, и восемь датчан). Главной фигурой среди арестованных стал Улановский — старый работник Разведупра и руководитель

[183] В июле 1934 г. аппарат Разведупра состоял из 111 человек командного состава и 190 человек вольнонаемных сотрудников — всего 301 человек. Центральный аппарат ИНО ОГПУ состоял в это время из 81 сотрудника, считая и технический персонал.

[184] Секреты Гитлера на столе у Сталина. Документы из Центрального архива ФСБ России. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 1995. С.11-12.

[185] Положение введено в действие приказом Наркома Обороны №006 от 19 июля 1934 г. (РГВА. Ф.4. Оп.15. Д.80).

резидентуры связи в Дании. В его основную задачу входило получение нелегальным путем материалов от резидентур в Германии и их пересылка в Советский Союз. Четверо из арестованных иностранцев должны были возить почту. На этой вербовке старый разведупровский волк и погорел во второй раз.

Нельзя дважды совершать одну ошибку — привлекать для работы в стране местных членов компартии. У них и дисциплина на порядок ниже, чем в разведке, и навыков разведывательной работы почти нет. Но самое главное — члены партии, как правило, находятся «под колпаком» у полиции. В случае малейших подозрений в шпионаже за коммунистом устанавливается наружное наблюдение, и разведчик, выходящий с ним на связь, рискует нарваться на крупные неприятности или быть арестованным с поличным. Все эти истины были хорошо известны и работникам Разведупра, и работникам ИНО ОГПУ. Знали они и о громких, освещаемых в европейских газетах, провалах резидентов военной разведки в 20-х гг. После ноябрьского 1926 г. провала Разведупра в Праге ЦК 8 декабря 1926 г. принял специальное постановление, запрещавшее вербовать агентов из числа членов компартий зарубежных стран. Но людей с подлинными иностранными паспортами, свободно владевших языками, великолепно знавших условия жизни и работы в зарубежных странах катастрофически не хватало ни Разведупру, ни Иностранному отделу. И декабрьское постановление нарушали и там, и там. Если при этом провалов не случалось, то для нарушителей все кончалось благополучно — разведывательное начальство закрывало на их нарушения глаза. А если все-таки кто-то опять проваливался, то начиналась очередная разборка на высшем уровне.

Так произошло, например, в 1931 г. После очередного провала — на этот раз в Германии — Берзина вызвал к себе Сталин. В присутствии Ягоды и Ежова он полтора часа отвечал на вопросы Сталина, касающиеся провала. На следующий день, 10 ноября, на очередном заседании Политбюро обсуждался вопрос: «О заявлении немцев». (Очевидно, провал наделал много шума, и немецкое правительство выразило официальный протест.) На заседании опять объяснялся Берзин, выступали Сталин, Молотов, Ворошилов. Для выяснения всех обстоятельств дела создали комиссию в составе Кагановича, Ворошилова, Мануильского и Пятницкого. 20 ноября комиссия на очередном заседании Политбюро доложила о результатах своей работы, допросив вызванных из Германии виновников провала — Гришина и Улановского. Берзину удалось оправдаться и доказать, что он «давал указания своим работникам в духе решения ЦК от 1926 г.». А вот Гришину и Улановскому досталось. Их предупредили, что «... малейшие попытки обойти решение ЦК повлекут исключение их из партии».

Но на Улановского вся эта история не подействовала. Через четыре года все свои берлинские ошибки он повторил в Копенгагене. Несмотря на категорический запрет вербовать членов компартий, все пятеро его связников были американскими и датскими коммунистами. Этот факт Улановский скрыл от центра. Из Коминтерна сообщили, что американец Френк (Минк) вербует датских матросов-коммунистов. Улановский признал этот факт, после чего ему приказали вербовку прекратить, а Минка послать через США в СССР на учебу. Но Улановский приказ не выполнил и продолжал осуществлять через Минка связь с датчанами. Один из них, по всей видимости Нильсен, оказался агентом полиции. За конспиративной квартирой, которой пользовался Улановский и на адрес которой поступала почта из Германии, было установлено наблюдение.

Вопреки всем правилам конспирации, Улановский принимал всех завербованных иностранцев на этой квартире. Там их и арестовала датская полиция. На той же квартире взяли и троих других работников Центра. Первый их них — Давид Угер , старый работник Разведупра, назначенный одним из резидентов в Германии. Ехал он туда через Данию и прошел через явку Улановского. Благополучно приняв резидентуру, Угер возвращался с докладом в СССР. На обратном пути, не имея никакой нужды связываться с кем-либо в Дании, но зная адрес явки, он решил навестить Улановского, там попал в засаду и погорел. Второй — Макс Максимов, тоже старый работник Разведупра. Он сдал свою разветвленную резидентуру в Германии, которую вел более двух лет, трем отдельным резидентам и возвращался через Данию

в СССР. Так же, как и Угер, он не должен был ни с кем видеться в Дании, поскольку имел явку в Швеции, но тоже решил встретиться с Улановским. В результате опытный резидент, избежавший провала в Германии, попался в транзитной стране. (Сразу же после провала Артузову пришлось писать подробный доклад Наркому обороны. По поводу ареста Угера и Максимова он отмечал: «Очевидно, обычай навещать всех своих друзей, как у себя на родине, поддается искоренению с большим трудом»). Третий работник Центра — помощник начальника первого отдела Разведупра Д.Львович. В ноябре 1933 г. он вернулся из Германии, куда был командирован для реорганизации разведки, и его послали в Данию для налаживания связи с Германией через малые страны. Считая себя в Дании в полной безопасности, Львович без проверки явился на конспиративную квартиру Улановского, где и «сгорел». Помимо них был арестован американец — адвокат Леон Джозефсон, он направлялся из США на работу в Чехословакию.

Копенгагенский провал, получивший название «совещание резидентов», стал одним из крупнейших в истории советской военной разведки. Разведупр потерял четырех опытных нелегалов, которых уже нельзя было использовать на заграничной работе. Была разгромлена резидентура связи в Дании, и всю нелегальную почту из Германии пришлось направлять в Москву по другим каналам и через другие страны. О причинах провалов в своем докладе Артузов писал: «Наиболее характерным моментом во всем деле является то, что наши работники, неплохо работавшие в фашистской Германии, по прибытии в «нейтральную» страну пренебрегли элементарными правилами конспирации». Единственным утешением в этой истории было то, что, поскольку «никаких дел, направленных против интересов Дании, арестованные разоблачить не могут (таких дел не было), то надо полагать, что датчане не найдут оснований для каких-либо претензий к советскому государству.» Под этим докладом врид (временно исполняющему должность) начальника Разведупра (Берзина, очевидно, не было в Москве) Артузову 16 марта 1935 г. пришлось поставить свою подпись. На следующий день Нарком обороны ознакомился с докладом и «выдал» подробную резолюцию для генсека, которую следует привести полностью: «Из этого сообщения (не совсем внятного и наивного) видно, что наша зарубежная разведка все еще хромает на все четыре ноги. Мало что дал нам и т. Артузов в смысле улучшения этого серьезного дела. На днях доложу меры, принимаемые для избежания повторения случаев, подобных копенгагенскому». Доклад с сопроводительным письмом и резолюцией, в которой проглядывался упрек в силовом назначении Артузова в Разведупр, был направлен Сталину.

Для Берзина копенгагенский провал означал конец карьеры в военной разведке. Не дожидаясь жестких оргвыводов, которые последовали бы после доклада Артузова и резолюции Ворошилова, он подал рапорт об освобождении от должности. Ворошилову удалось уговорить Сталина согласиться с уходом Берзина. Сталин согласился, но Берзина он не принял и его объяснений не выслушал. Должность начальника Разведупра стала вакантной[186].

Начались поиски кандидата в руководители военной разведки. Но если в Разведупре не удалось найти достойного первого зама и пришлось приглашать человека со стороны, то уж отыскать внутри аппарата преемника Берзина было просто невозможно. Приглашать профессионала со стороны, например из Коминтерна, или партийного функционера из ЦК партии неразумно — не приживется и кроме склоки внутри Управления ничего не будет. Это в шестидесятые и семидесятые годы партийные бонзы табуном шли в разведку, занимая в ней руководящие посты. В 1935 г., в преддверии больших событий, подобных глупостей не делали. Решили искать кандидата среди высшего командного состава РККА, который имел хотя бы косвенное отношение к военной разведке. Выбрали С.П.Урицкого. Старый член партии, участник гражданской войны и подавления кронштадтского мятежа, кавалер двух орденов Красного Знамени, что в те годы имело большое значение. После войны кончил Военную

[186] В тетради записи посетителей Сталина в марте-апреле фамилии Берзина нет.

академию и был послан на разведывательную работу в Чехословакию и Германию. Так что определенное отношение к разведке имел.

Сталин, опекавший свою разведку, решил познакомиться с новым кандидатом на этот пост. И уже 3 мая 1935 г. заместитель Наркома Обороны и начальник Главпура Я.Б.Гамарник, курировавший работу Разведупра, представил Сталину нового кандидата на этот высокий пост. Беседа продолжалась 2,5 часа, на ней присутствовал врид начальника Артузов. Очевидно все вопросы были решены, сомнений у генсека не возникло, и новый начальник Разведупра приступил к исполнению своих обязанностей[187].

В результате смены «капитанов» в Разведупре произошли большие изменения. Новый начальник, новый опытный первый зам, который мог заменять отсутствующего руководителя и держать в своих руках руководство военной разведки. Агентурную разведку разделили на два стратегических направления: запад и восток, с созданием соответствующих отделов. Во главе этих отделов стали «варяги», пришедшие с Артузовым из ИНО. И наконец по типу ИНО была организована вся структура центрального аппарата военной разведки со значительным увеличением штата сотрудников. Таковы были итоги смены «капитанов».

Казалось бы, что такая крупная реорганизация военной разведки через несколько лет должна будет дать крупные результаты. Но времени уже не оставалось — приближался грозный 1937 г., когда лубянские подвалы откроют свои двери для всех, в том числе и для военных разведчиков.

[187] Исторический архив. 1995. №3. С.164.

Пуля уравняла всех

Широко известно, что в 1937-1938 гг. по приказу высшего руководства СССР советская военная разведка (IV Управление Штаба РККА, позднее — Разведывательное Управление народного комиссариата обороны) была подвергнута жестокому разгрому органами НКВД. Этот факт стал общим для всех многочисленных работ и публикаций, посвященных «сталинскому террору». Причем авторы ограничиваются только перечнем репрессированных руководителей военной разведки и причитаниями о несчастной Красной Армии, лишившейся своих «глаз» и «ушей» в преддверии второй мировой войны, не рассматривая при этом причин, вызвавших репрессии. Между тем даже весьма поверхностный анализ процессов, происходивших внутри Разведупра с начала 30-х гг., позволяет сделать вывод о том, что не все было так однозначно, как кажется на первый взгляд.

Итак, в 1932-1935 гг. советская военная разведка понесла большие потери. И не только от органов НКВД и умелых действий контрразведок враждебных государств. Провал следовал за провалом. Причины их в меньшей степени были случайными, они скрывались внутри самого IV управления. Ни Берзину, ни Артузову так и не удалось поднять дисциплину, добиться соблюдения элементарных требований конспирации, скрупулезного выполнения указаний начальства. «Смена капитанов» добавила ко всем проблемам еще и внутренний раскол.

По сложившейся традиции Урицкий, естественно, привел с собой на новое место работы «своих» людей. Антагонизм между военными (из окружения Урицкого и «берзинцами») и вновь пришедшими чекистами возник сразу же. (Впрочем, он существовал не только в Управлении, но и в целом между РККА и НКВД по стране, поскольку НКВД в лице Особого отдела контролировало армию.) И не только потому, что в военном ведомстве не жаловали чекистов, попадавших в их среду. На взаимоотношения в руководстве Управления оказало влияние и то, что вся стратегическая разведка (первый и второй отделы) стала подчиняться Ф.Я.Карину и О.О.Штейнбрюку. Ближайшие соратники Я.К.Берзина — А.М.Никонов, О.А.Стигга, В.В.Давыдов и Х.И.Салнынь, отдавшие военной разведке многие годы, — были отодвинуты на задний план. Б.Н.Мельников, недавний помощник Берзина, вообще ушел из военной разведки и возглавил службу связи Исполкома Коминтерна (интересно, что человек, которого он сменил в Коминтерне — Александр Абрамов — перешел в IV Управление и получил в свою очередь пост помощника начальника, курировавшего, правда, не восточное, как Мельников, а испанское направление). Другой помощник — В.Х.Таиров — был переведен на дипломатическую работу в Монголию.

Подлили масла в огонь и ноябрьские (1935 г.) присвоения персональных воинских званий. «Пришельцы» — А.Х.Артузов, Ф.Я.Карин, О.О.Штейнбрюк, Л.Н.Захаров-Мейер — получили звания корпусных комиссаров, а А.М.Никонов и О.А.Стигга — только комдивов. Появление недовольства со стороны «коренных» разведупровцев в этой обстановке было неизбежным.

Новый начальник, комкор Семен Урицкий, стал на сторону сотрудников Управления, возражавших против засилья чекистов. Его нельзя назвать новичком в военной разведке, еще в начале 20-х гг., обучаясь в Военной академии, он работал в центральном аппарате, а в 1922-1924 гг. находился в нелегальной командировке в Чехословакии, Франции и Германии. Кроме того, в начале 30-х гг. он в течение года учился в Германии. Как кадровый военный, прослуживший в РККА 19 лет, Урицкий просто не мог стать на сторону сотрудников другого наркомата. Так что противостояние в руководстве Разведупра было неизбежным. Хорошо понимая это, Артузов решил написать своему непосредственному начальнику обстоятельное письмо. (Видимо эпистолярный стиль изложения мыслей он предпочитал другим. Письма Менжинскому и Урицкому, несколько писем наркому Ежову, обстоятельное и подробное письмо Сталину, написанное перед самым арестом, — далеко не полный перечень переписки этой незаурядной личности. Копии данных писем лежали в сейфе его служебного кабинета, во время ареста их изъяли и приобщили к уголовному делу, и они навсегда осели в центральном архиве ФСБ).

Надо отметить, что энергичный Урицкий и по интеллекту, и по характеру, и по манере поведения с подчиненными несколько отличался от своего флегматичного предшественника. Участник мировой и гражданской, провоевавший почти всю войну в кавалерийском седле, он воспринял характерный для некоторой части высшего комсостава РККА грубый и пренебрежительный стиль отношения к подчиненным. И если вначале с приходом в Управление в мае 1935 г. он как-то сдерживался, входя в новую для себя атмосферу, то спустя какое-то время он стал открыто проявлять недостатки своего характера и поведения.

Тактичный и сдержанный Артузов указал ему на это в своем письме: «исключительная усилившаяся резкость с вашей стороны в отношении бывших чекистов». Карину и Штейнбрюку доставалось в первую очередь. Урицкий прекратил обсуждение оперативных вопросов с начальниками двух ведущих отделов. Все руководство с его стороны свелось к написанию резких и обидных резолюций по каждому мелкому упущению и вызовам в свой кабинет для отчитывания и высказывания угроз снять с должности. Подобные солдафонские меры руководства в разведке явно не годились, и Артузов, хорошо понимая это, писал ему в письме: «Лично я считаю, что меры взыскания и внушения необходимы для поднятия нашей работы. Однако без чередования со спокойной, воспитательной, подбадривающей работой они цели не достигают, особенно в разведке (полагаю также и в строевых частях)». Намек на грубость и нетактичность нового начальника был достаточно ясным.

Однако нельзя не отметить следующее. Сталин не мог сразу после ухода Берзина назначить чекиста Артузова начальником Управления. Для этого ему пришлось бы вступить в конфликт с наркомом обороны Ворошиловым, чего вождь явно не хотел. В то же время Урицкий, придя в Управление, довольно быстро понял, что в Разведупре ему отведена неблагодарная роль дурака-начальника при умном заме. С таким положением вещей амбициозный комкор смириться никак не мог. Это и привело к его недоброжелательному отношению к чекистам.

Изменилось отношение Урицкого не только к начальникам первого и второго отделов, но и к Артузову. Как первый заместитель он руководил стратегической разведкой, курируя основные отделы Управления. Но все указания и распоряжения этим отделам отдавались через его голову, и таким образом ас разведки становился заместителем без определенных занятий. Артузов понимал, что тучи над ним и пришедшими с ним людьми сгущаются и старался взять под защиту людей ИНО в Разведупре. До Ворошилова он добраться не мог, нарком никогда не вызывал его, предпочитая получать всю информацию о работе Управления от Урицкого. Поэтому Артузов и написал подробное письмо комкору.

Конечно, Урицкий знал, почему и по чьему приказу появился в Разведупре начальник ИНО с группой сотрудников. Наверняка он был знаком и с постановлением Политбюро от 26 мая 1934 г. И все-таки Артузов еще раз подчеркивает в письме, кем он был послан в военную разведку и под чьим покровительством находится. «Не для того, чтобы искать положения, популярности, выдвижения или еще чего-либо пошли эти товарищи со мной работать в Разведупр. Вот слова тов. Сталина, которые он счел нужным сказать мне, когда посылал меня в Разведупр: «Еще при Ленине в нашей партии завелся порядок, в силу которого коммунист не должен отказываться работать на том посту, который ему предлагается». Я хорошо помню, что это означало, конечно, не только то, что как невоенный человек я не могу занимать вашей должности, но также и то, что я не являюсь Вашим аппаратным замом, а обязан все, что я знаю полезного по работе в ГПУ, полностью передать военной разведке, дополняя, а иногда и поправляя Вас». И, упрекая Урицкого в плохом отношении к нему, Артузов опять упоминает о том, что Сталин хотел видеть его в Разведупре: «Простите меня, но и лично Ваше отношение ко мне не свидетельствует о том, что Вы имеете во мне ближайшего сотрудника, советчика и товарища, каким, я в этом не сомневаюсь, хотел меня видеть в Разведупре тов. Сталин». Намеки на покровительство Сталина были достаточно прозрачны и красноречивы.

Пришлось Артузову защищать в письме и своего товарища по ИНО Штейнбрюка. Очевидно, на одном из совещаний Урицкий намекнул о якобы имевшихся политических подозрениях против корпусного комиссара. Ничего конкретного он не сказал, но в тяжелой

обстановке 1936 г., когда шли массовые аресты иностранных коммунистов, находившихся в СССР, таких намеков со стороны начальника Управления по отношению к начальнику отдела, ведущего агентурную разведку против стран Европы, оказалось достаточно чтобы попасть под подозрение. Немец по национальности, бывший офицер австро-венгерского генштаба, член венгерской и германской компартий, он хорошо вписывался в качестве жертвы в бушевавшую на территории Союза вакханалию репрессий, которая сметала лучших представителей коммунистов-эмигрантов.

Артузов считал, что единственной виной Штейнбрюка (а знал он его много лет, и его мнение можно считать объективным), являлось только медленное продвижение агентурной работы в Германии. Но он тут же замечал, что и у разведупровского ветерана Стигги, тоже работавшего по Германии, успехи по этой стране еще меньше, и что вся экономическая сеть Стигги в Германии либо села, либо перевербована. Очевидно, Артузов за два с половиной года работы в Разведупре так и не понял той атмосферы склок, подсиживаний, интриг, попыток столкнуть вышестоящего, чтобы занять его место, столь характерной для высших эшелонов военного ведомства. Может быть, отсюда и такое искреннее недоумение в конце его подробного письма: «Я думаю, что Вы изменили свое отношение к пришедшим со мной товарищам, Семен Петрович. Для чего? Не пойму. Не хочу думать, что и Вас коснулась атмосфера несколько нездоровых отношений среди многих товарищей к чекистам ... но я думаю, что я привел в Разведупр неплохой народ. Ему не хватает военной школы, у него много недостатков, но он полезен для разведки и не надо от нас избавляться Семен Петрович. Конечно он требует не только холодного административного приказа, но и некоторого терпения». Но здесь бывший начальник ИНО ошибся. Держать дальше «пришельцев» в аппарате военной разведки не собирались, и момент для их изгнания, учитывая изменившуюся с мая 1934 г. политическую обстановку в стране, был выбран удачно. Безусловно, это не являлось личной инициативой Урицкого. Наверняка его поддерживал и нарком обороны, так и не смирившийся с тем, что группу чекистов направили в святая святых военного ведомства. Дни Артузова в Разведупре были сочтены.

Письмо Урицкому написано 20 декабря. А уже через три недели, 11 января 1937 г., по предложению Ворошилова Политбюро принимает решение об освобождении Артузова и Штейнбрюка от работы в Разведупре и направляет их в распоряжение НКВД. Новым замом начальника Управления тем же постановлением назначается старший майор госбезопасности М.К.Александровский. Начинался 1937 г., обстановка в Европе накалялась, впереди был Мюнхен, и замена аса разведки на человека, ранее не имевшего к ней прямого отношения, но с большим опытом контрразведывательной работы, была весьма показательной — она говорила о планируемой чистке рядов, уничтожении предателей — настоящих, мнимых и потенциальных.

К назначению Александровского начальник Управления не имел никакого отношения. Эта кандидатура обсуждалась на более высоком уровне. Уже после ареста 24 апреля 1938 г. в своих показаниях Урицкий говорил, что назначение Александровского в Разведупр состоялось совершенно помимо него: «Когда я получил согласие Наркома Обороны по увольнению Артузова, он (т.е. Ворошилов) имел ряд переговоров в наркомате Ежова о замене Артузова. Назывались разные кандидатуры, в том числе и Александровского ...».

Вместе с Артузовым, как уже говорилось, обратно в НКВД отправили и Штейнбрюка. Важнейший отдел Разведупра, ведавший агентурной разведкой в Европе, остался без руководителя. Но здесь Урицкому удалось отстоять должность. Из НКВД в первый отдел никого не прислали, и временно исполняющим должность (врид) был назначен сотрудник Управления, ветеран Разведупра полковник С.Л.Узданский. Полковник во главе крупнейшего отдела (пусть даже врид) вместо корпусного комиссара — явление, ставшее обычным для РККА 1937 г., когда более молодые и энергичные командиры среднего звена быстро делали карьеру, занимая генеральские должности. Узданский продержался на этом высоком посту,

очевидно, до мая 1937 г.[188], а затем разделил трагическую судьбу Артузова, Штейнбрюка и того же Александровского.

Корпусной комиссар Карин пока удержался на должности начальника 2-го (восточного) отдела. Вряд ли это было заслугой Ворошилова. Если нарком «сдал» Артузова и Штейнбрюка, а иначе, как сдачей, направление в распоряжение НКВД назвать нельзя, то, видимо, он не отстаивал на заседании Политбюро Карина. Скорее всего, причина того, что Карина оставили на должности, объяснялась просто: пока ему как специалисту по Востоку достойной замены в Разведупре не нашлось. Очевидно, это понимал и Сталин, и решил до поры не трогать корпусного комиссара. Несколько месяцев Карин продолжал руководить отделом, но и его судьба была предрешена.

Артузов вернулся в НКВД. Во внешнюю разведку его не пустили, а предоставление ему скромной должности по архивной части можно назвать издевательством для специалиста такого класса. Осознавал ли корпусной комиссар свое положение: что дни его сочтены, что впереди лубянские подвалы и путь в небытие? Вряд ли. За два с половиной года работы в другой системе, в другом ведомстве он отвык от обстановки в своем Наркомате, плохо разбирался в процессах, происходивших на этажах и в подвалах этого страшного здания.

Артузов пытался поговорить с Ежовым, но прорваться в кабинет наркома не смог. Заместитель наркома М.П.Фриновский объяснил ему, что Николай Иванович занят борьбой с троцкистами и времени для бесед у него нет. Поняв достаточно прозрачный намек, Артузов решился написать Ежову. Он послал ему несколько писем, но содержание их всех было связано с громким польским делом, которое в то время раскручивали следователи Лубянки. В конце 1936 г. начались массовые аресты польских коммунистов-эмигрантов, проживающих в СССР. За ними последовали и поляки, участники гражданской войны, занимавшие после ее окончания крупные посты. Арестовали И.С.Уншлихта, С.А.Мессинга, И.И.Сосновского (его Артузов хорошо знал по 1920 г.), сотрудника ИНО В.Илинича, тоже знакомого Артузову. Обвинение против всех арестованных было стандартным: террор, шпионаж, принадлежность к польской разведке. В делах фигурировали признательные показания. И Фриновский в разговорах с Артузовым упрекал его в том, что тот, будучи начальником КРО и ИНО, проморгал, прозевал, не заметил, не разоблачил и т.д. и т.п.

Артузов не сомневался в том, что «признательные показания» поляков были правдой и что эти люди действительно являлись агентами польской разведки, пробравшимися на руководящие посты в Советском Союзе и успешно работавшими 16 лет под носом у чекистов и у начальника КРО Артузова в пользу панской Польши. В одном из своих писем Ежову он писал: «... Три месяца я переживаю провал нашей польской работы, думаю о его причинах и корнях. Стыжусь, что в разведке дал себя обмануть полякам, которых бил, работая в контрразведке. Глубоко понял, как должен быть недоволен мною и возмущен Сталин, который послал меня в разведывательное управление исправлять работу. Особенно тяжело сознание, что я его подвел перед военными, ведь он надеялся, что я буду сталинским глазом в Разведупре». В свете польского дела Артузов считал, что его правильно выгнали из военной разведки и что это еще мягкое наказание за его просчеты в работе в 20-е годы: «Пока я еще не знал, почему меня сняли из Разведупра. Я написал Сталину письмо (если разрешите, представлю вам копию этого письма), отчет о моей работе в Разведупре. Я думал, что военные меня выперли, пользуясь тем, что Вам, занятому троцкистами, не до меня. Безуспешно я пытался тогда попасть к Вам на прием. После разговора с Фриновским я понял, какое несчастье случилось в НКВД по польской работе, понял свою ответственность, считал, что моя собственная судьба и моя работа — мелочь по сравнению со случившейся бедой, что ЦК поступил со мной чрезвычайно терпеливо ...». Это из того же письма. Вот такую самокритичную оценку давал он своей работе.

[188] В сборнике №26 информационных материалов о военной обстановке в Испании, выпущенном 15 апреля 1937 г., имеется личная подпись врид начальника 1-го отдела Разведупра полковника Узданского.

Сам Артузов тоже не избежал трагической участи: арест, следствие, «признание» в работе на несколько разведок, скорый суд и пуля в затылок.

Все эти события совпали с войной в Испании (1936 — 1939), участие в которых приняли и сотрудники Разведупра. В августе 1936 г. было организовано отделение "Х" РУ РККА, занимавшееся испанскими делами, его начальником был назначен полковник Г.Г.Шпилевский. Главным военным советником республиканской армии стал бывший начальник Разведупра корпусной комиссар (затем армейский комиссар 2-го ранга) Я.К.Берзин (под псевдонимом "Гришин"), военным атташе в Мадриде — также военный разведчик комбриг В.Е.Горев, его помощником стал замначальника разведотдела ЛВО майор Д.О.Львович, советниками по разведывательно-диверсионной работе — майор Х.-У.Д.Мамсуров и Г.Л.Туманян. По линии военно-морской разведки работал бывший начальник отделения разведотдела Черноморского флота капитан-лейтенант Л.К.Бекренев. Советником 14-го корпуса республиканской армии по диверсионной работе стал известный впоследствии специалист по минно-подрывному делу военный инженер 3-го ранга И.Г.Старинов[189]. В ноябре 1937 года Старинова на посту советника сменил другой военный разведчик — бригадный комиссар Христофор Интович Салнынь. С апреля 1938 года старшим советником корпуса стал Николай Кириллович Патрахальцев, а с июня 1938 года — Василий Аврамович Троян. Советниками корпуса были также разведупровцы Андрей Иванович Эмильев, Григорий Самсонович Харитоненко, чекисты Станислав Алексеевич Ваупшасов, Кирилл Прокофьевич Орловский, Никон Григорьевич Коваленко, Александр Маркович Рабцевич (бывшие сотрудники Разведупра, занимавшиеся "активной разведкой " в 20-х годах).

Под руководством советника В.Ефимова партизаны Мадридской дивизии ликвидировали железнодорожный узел, разгромив при этом гарнизон франкистов и захватив важные документы. Группа разведчиков под командованием П.Герасимова захватила в плен племянника Франко, обмененного на группу республиканцев. Были взорваны 3 моста на реке Сегре. Группа Г.Харитоненко разгромила штаб 8-й Наварской дивизии[190].

Операциями по доставке оружия в Испанию занимались помощник начальника Разведупра корпусной комиссар Л.Н.Мейер-Захаров, Б.Ш.Эльман (бывшие чекисты), комбриг О.А.Стигга, полковой комиссар Е.С.Иолк и другие сотрудники военной разведки.

В это же время военная разведка, как и другие советские спецслужбы, сотрудничала с разведкой Чехословакии (после заключения в мае 1935 г. советско-чехословацкого договора о взаимопомощи). "Дружили" разведки против немцев. В1935 и 1936 гг. в Праге побывали группы сотрудников Разведупра во главе с Артузовым и Никоновым. В Праге в 1936-1938 гг. действовал совместный разведцентр. Чехи помогали переправлять в Испанию советских военных (по фальшивым документам). С советской стороны работой по этой линии руководили (до своего отзыва в Москву) военный атташе полковник Л.А.Шнитман и его заместитель военный инженер 1-го ранга В.В.Ветвицкий, с чешской — полковники Дргач, Соукуп, Ф.Гаек и Ф.Моравец. Это многообещающее сотрудничество прекратилось после Мюнхена[191].

После зловещего февральско-мартовского пленума ЦК наступило временное затишье. В НКВД готовились, собирая «компромат» на военных, в военном ведомстве, сжавшись и втянув голову в плечи, ждали очередного удара «карающего меча» пролетариата. Ждали и в Разведупре, отлично понимая, что выгнанные Артузов и Штейнбрюк — это первые ласточки, за которыми последуют многие другие. (Можно себе представить, сколько доносов написали друг на друга представители враждующих лагерей.) Очень неуютно чувствовал себя и начальник Разведупра Урицкий, понимая, что он тоже — ближайший кандидат на вылет из разведки со

[189] Кочик В.Я. Указ.соч. //Военно-исторический архив. №1(16).2001.
[190] «Вместе с патриотами Испании». Киев, 1978. С.367-369.
[191] Кочик В.Я.Указ.соч.С.114-115.

всеми вытекающими отсюда последствиями. И старался как-то оправдаться, выгородить себя. На одном из партсобраний Разведупра 19 мая он жаловался, может быть и справедливо, поскольку был дилетантом в разведке: «Причины, почему я пришел в Управление, всем известны. Это были причины прорыва. И те люди, которые остались здесь, должны были мне помочь. Я пришел сюда, и здесь были люди, которые мне мало помогали. Разведчики мы все вместе с вами плоховатые ...».

Но весной этого страшного года такие самокритичные выступления уже не помогали. Добиваясь у Ворошилова, а через него и у Сталина изгнания Артузова из Управления, Урицкий рубил сук, на котором сидел. После такого опытного и квалифицированного зама неопытность, некомпетентность и дилетантизм нового руководителя военной разведки выявились в полной мере. Новый зам, чекист Александровский, ничем не мог помочь своему начальнику, будучи таким же дилетантом в разведке, как и Урицкий. Сталин, внимательно следивший за работой военной разведки, хорошо понимал это. Урицкого освободили от руководства Управлением и он сдал дела реабилитировавшему себя в Испании Берзину, получившему орден Ленина и воинское звание армейского комиссара 2-го ранга. Назначение аса разведки Берзина на прежнее место было вполне закономерным. 3 июня он занял свой кабинет в «шоколадном домике», став на короткое время начальником Разведупра. 21 мая на совещании в Разведупре выступил Сталин. Он заявил о том, что «Разведуправление со своим аппаратом попало в руки немцев» и дал установку на роспуск агентурной сети.

2 июня 1937 г. Сталин повторил эту оценку в своем выступлении на расширенном заседании военного совета при наркоме обороны: «Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также, в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ПУ возглавлялась шпионом Гаем и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши»[192].

11 июня, в день суда над генералами, страна взорвалась яростными митингами, организованными по директиве Сталина. Везде клеймили, проклинали, требовали только расстрела для врагов народа. В воинских частях, штабах и управлениях Наркомата Обороны также проходили «стихийные» митинги, и Разведупр не стал исключением. Так же, как и везде, здесь организовали митинг, так же, как и везде, единогласно приняли резолюцию. Партбюро Управления отчиталось в проделанном мероприятии, послав резолюцию в Главпур. Содержание ее тоже было стандартным: «... Вся эта гнусная шайка фашистских разведчиков сегодня предстала перед пролетарским судом, покрыв себя несмываемым позором и величайшим презрением и проклятьем. Мы, работники Управления, партийные и не партийные большевики, вместе со всеми трудящимися нашей страны требуем самой беспощадной и суровой расправы с фашистскими выродками ...». И после здравицы в честь ЦК ленинской партии, Сталина, Ворошилова шло требование: «Смерть предателям и бандитам, подлым агентам кровавого фашизма».

По имеющимся документам сейчас трудно установить последовательность разгрома центральных управлений Наркомата Обороны. В одном из дел рассекреченного фонда Главпура хранятся протоколы партийных собраний Разведупра. В них десятки фамилий арестованных с их краткими данными. Безусловно, это неполные списки всех арестованных и погибших сотрудников военной разведки, но они дают некоторое представление о потерях Разведупра в 1937 г. 20 человек руководящего состава были арестованы и отправлены на Лубянку, и именно новому начальнику управления пришлось 19 июля докладывать об этом на

[192] Источник. 1994. №3. С.79.

заседании партбюро. Что чувствовал Берзин, называя шпионами и террористами людей, с которыми проработал многие годы, которых отлично знал и которым полностью доверял? Верил ли он сам этим обвинениям? Догадывался ли, что многолетняя работа с «врагами народа» бросает тень и на него и что его дни сочтены? На все эти вопросы сейчас невозможно ответить.

В отдельных управлениях Наркомата Обороны люди исчезали бесследно. Просто в какой-то день человек не выходил на работу. Из его сейфа изымали документы, кабинет опечатывали, и никто не задавал лишних вопросов. Любопытство не поощрялось, да всем и так все было ясно.

В Разведупре все происходило иначе. Созывали закрытое партсобрание, а членами партии были почти все сотрудники, и называли фамилии всех «врагов народа». Так случилось и 20 июля. В президиуме заседал Берзин со своими ближайшими помощниками Никоновым и Стиггой, сменившим арестованного Узданского на посту начальника 1-го отдела. В зале более 200 пар глаз, устремленных на докладчика. Докладывает секретарь парткома управления Г.Л.Туманян. Повестка дня: «Об исключении из рядов ВКП(б) бывших работников Разведупра, арестованных органами НКВД как враги народа». «Врагов народа» осудили единодушно и протокол собрания отправили секретарю партбюро Наркомата Обороны дивизионному комиссару Снегову.

В числе 20 арестованных оказались уже упомянутые Геккер, Штейнбрюк, Карин, Захаров-Мейер, Узданский, Абрамов-Миров, Александровский, Максимов, а также:

Борович (Розенталь) Лев Александрович, дивизионный комиссар, с 1935 г. — зам. начальника 2-го отдела Разведупра, резидент военной разведки в Шанхае;

Боговой Василий Григорьевич, комбриг, с 20 января 1935 г. — начальник 4-го отдела Разведупра, с 4 февраля 1936 г. — начальник 5-го отдела;

Мазалов Алексей Антонович, полковник, с 20 июля 1935 г. — зам. начальника 1-го отдела Разведупра, с 28 апреля 1937 г. находился в распоряжении Управления по командному и начальствующему составу РККА;

Иодловский Александр Максимилианович, полковник, в 1935-1937 гг. занимался разведработой в Берлине;

Юревич Леонард Антонович, полковой комиссар, член компартии с 1918 г., сотрудник Разведупра с 1919 г., находился в распоряжении Разведупра;

Залесская Софья Александровна, занималась нелегальной работой в Чехословакии, Германии, Польше и других странах, в 1933 г. награждена орденом Красного Знамени, находилась в распоряжении Разведупра;

Асков Аркадий Борисович , полковой комиссар, член компартии с 1918 г., в Разведупре с 1923 г., находился в распоряжении Разведупра;

Полуэктов-Прозоров Александр Иванович, сотрудник Разведупра, майор;

Семенов Григорий Иванович (псевдоним — Андрей), анархо-коммунист в 1906-1915 гг., эсер в 1915-1921 гг., с 1921 г. — в ВКП(б), с 1919 г. — в РККА, сотрудник Разведупра, в 1927 г. — советник Военной комиссии ЦК КПК, в дальнейшем занимался разведывательной работой в Маньчжурии и Испании.

Первый арест такой большой группы сотрудников вызвал цепную реакцию смещений, перемещений, новых назначений. 1 августа положение в Разведупре в связи с разоблачением «врагов народа» обсуждалось на заседании Политбюро. Было принято решение: «Освободить Я.К.Берзина от обязанностей начальника Разведывательного управления РККА с оставлением его в распоряжении Наркомата Обороны. Временное исполнение обязанностей начальника Разведывательного управления возложить на товарища Никонова». После ареста его соратников, с которыми он работал многие годы, у начальника Управления не было никаких шансов удержаться на своем посту, а «оставление его в распоряжении Наркомата Обороны» означало последующий арест. И Берзин, и его подчиненные это прекрасно поняли.

Военная разведка все больше и больше попадала под влияние НКВД. В том же постановлении Политбюро Ежову поручалось «установить общее наблюдение за работой Разведупра, изучить состояние работы, принимать по согласованию с Наркомом Обороны неотложные оперативные меры, выявить недостатки Разведупра и через две недели доложить ЦК свои предложения об улучшении работы Разведупра и указания по свежим кадрам». После принятия этого постановления Ежов становился полновластным хозяином военной разведки.

Никонов, однако, продержался в должности врио всего несколько дней. Конвейер смерти работал бесперебойно. Уже 10 августа в Разведупре состоялось очередное закрытое партийное собрание. В зале 239 коммунистов, но в президиуме уже нет ни Берзина, ни Никонова. И опять Туманян сообщает о новых арестах. На этот раз только три фамилии, но это асы военной разведки:

Никонов Александр Матвеевич, комдив, в Разведупре с 1921 г.;

Гайлис Август Юрьевич (Валин), комбриг, сменивший Карина на должности начальника 2-го отдела, в разведке с 1924 г.;

Стельмах Емельян Васильевич (1898-1937), дивизионный комиссар, начальник 8-го отдела Разведупра, в Разведупре с 1933 г.[193].

19 августа в Управлении прошел очередной партактив. От партбюро Наркомата присутствовал дивизионный комиссар Симонов. На этот раз обсуждается вопрос о состоянии и ближайших задачах парторганизации. Туманян информировал партактив о том, что «пятнадцать дней, как начальник Управления т. Берзин отстранен от работы начальника в связи с имевшими у нас место арестами врагов народа Никонова, Валина, Стельмаха ...» Заявил секретарь партбюро и следующее: «Мы проявили политическую близорукость, мы проглядели врагов, даже больше выбирали врагов народа Никонова и Валина в партбюро, а Стельмах делал доклад по Пленуму ЦК на партсобрании Управления».

Но Разведупр терял своих квалифицированных сотрудников не только в результате арестов. Некоторых под различными предлогами увольняли, однако такое увольнение лишь за редчайшим исключением не заканчивалось арестом и последующим осуждением. В одном из архивных дел мелькнули две фамилии: Довгалло и Витолин. Оба уроженцы Риги. И оба были уволены из Разведупра за то, что «работали на агентурной работе за рубежом под руководством арестованных врагов народа Штейнбрюка и Максимова», т.е. в Германии. Не важно, как работали за рубежом и каковы результаты работы, — главное, что работали под руководством врагов народа. И подобных примеров, когда из разведки выгоняли, было, очевидно, много.

Поиски «врагов народа» продолжались. Регулярно, каждый месяц, проводились партийные собрания, на которых объявлялись фамилии очередных жертв. И таяли кадры опытных сотрудников, много лет отдавших военной разведке. На собрании 7 сентября Туманян сообщил об аресте еще пяти руководящих сотрудников Управления, в их числе:

Троицкий Дмитрий Иванович, бригадный комиссар, в РККА с 1918 г., в РКП(б) с 1919 г., начальник 12-го отдела Разведупра;

Болотин Илья Миронович, бригадный комиссар, в компартии с 1920 г., в РККА с 1920 г., начальник отделения 1-го отдела Разведупра;

Янов Петр Ильич, бригадный комиссар, член компартии с 1917 г., в РККА с 1918 г., в Разведупре с 1935 г., особоуполномоченный Разведупра;

Иолк Евгений Сигизмундович (псевдонимы: Иоган, Иогансон, Яо Кай), полковой комиссар, член компартии с 1919 г., в РККА с 1926 г., совершавший рейсы в Испанию на кораблях, перевозивших оружие Испанской республике[194].

[193] РГВА. Ф.9. Оп.30. Д.53. Л.99.

[194] Там же. Л.171.

15 октября на очередном собрании Туманян докладывает об аресте четырех руководящих работников. Среди них:

Панюков Владимир Николаевич, комбриг, член компартии с 1918 г, в РККА с 1918 г., в Разведупре с 1932 г., начальник 9-го отдела;

Шинкарев Николай Лаврентьевич, бригадный комиссар, член компартии с 1918 г., в РККА с 1919 г., в Разведупре с 1935 г., начальник отделения «И» Разведупра;

Федоров Виктор Иванович, полковник, член компартии с 1919 г., начальник отделения 2-го отдела, работавший в Разведупре с 1930 г.[195].

15 ноября Туманян опять докладывает на партсобрании об аресте очередной пятерки сотрудников, в их числе:

Пакнис Николай Леонидович, полковник, член ВКП(б) с 1928 г., находился в распоряжении Разведупра;

Локкер Яков Германович (Миллер Франц Иванович), австриец, член КП Австрии с 1918 г., член ВКП(б) с 1927 г., в Разведупре с 1921 г.[196].

10 ноября НКВД СССР издал и направил начальникам особых отделов военных округов, флотов и флотилий и в периферийные органы НКВД директиву № 286498, предлагавшую немедленно реализовать агентурные, архивные и следственные материалы, которые имелись в отношении работников военной разведки, взять на учет и в активную разработку всех бывших работников разведорганов.

3 декабря на партбюро Разведупра обсуждался еще один список арестованных органами НКВД «врагов народа». На этот раз «наши славные наркомвнудельцы», как их любовно называли газеты тех лет, взяли всех оставшихся на свободе асов разведывательного дела, проработавших в Разведупре многие годы и знавших все тонкости своей трудной профессии. В списке 22 человека, в том числе Я.К.Берзин, О.А.Стигга, а также:

Звонарев (Звайгзне) Константин Кириллович, 1892 г. рождения, латыш, бывший унтер-офицер, член компартии с 1908 г., в РККА с 1919 г., в Разведупре с 1920 г., полковник, на момент ареста — врид начальника 8-го отдела, крупный теоретик разведки, автор двух монографий по истории разведки[197], не потерявших своего значения и сегодня;

Озолин Эдуард Янович, 1898 г. рождения, латыш, писарь царской армии, член компартии с 1919 г., в Разведупре с 1927 г., начальник отделения «Ш», полковой комиссар;

Янберг (Перкон) Эрнст Карлович, 1897 г. рождения, латыш, член компартии с 1917 г., в РККА с 1918 г., в Разведупре с 1922 г., заместитель начальника 10-го отдела, бригадный комиссар;

Груздуп Вольдемар Христофорович, 1889 г. рождения, латыш, младший офицер царской армии, член компартии с 1917 г., в РККА с 1918 г., в Разведупре с 1919 г., полковой комиссар;

Повереннов Иван Алексеевич, 1899 г. рождения, русский, прапорщик царской армии, член компартии с 1918 г., в РККА с 1918 г., в Разведупре с 1929 г., начальник отделения, полковник;

Тылтынь Ян Альфред Матисович, 1897 г. рождения, латыш, бывший подпоручик, член компартии с 1917 г., в РККА с 1918 г., в Разведупре с 1922 г., на момент ареста находился в распоряжении Разведупра. (Его первая жена — М.Ю.Шуль-Тылтынь, уже упоминавшаяся, была арестована в Финляндии и спустя год погибла в финской каторжной тюрьме);

Тель Вильгельм Максимович (Шульце Георг Максович), 1906 г. рождения, немец, в Разведупре с 1928 г., в РККА с 1929 г., член ВКП(б) с 1930 г., радист Разведупра;

---

[195] Там же. Л.173.

[196] Там же. Л.179.

[197] Звонарев К.К. Агентурная разведка Германии; Звонарев К.К. Агентурная разведка России. Обе монографии были изданы Разведупром в 1929 и 1931 годах.

Кирхенштейн Рудольф Мартынович (Князь), 1891 г. рождения, член РСДРП с 1907 г., прапорщик царской армии, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны, награжден орденом Красного Знамени (1931), близкий друг Яна Берзина, полковник;

Римм Карл Мартынович (Клаас Зельман, Пауль), 1891 г. рождения, эстонец, подпоручик царской армии, член РКП(б) с 1918 г., с 1930 г. — заместитель и военный советник Рихарда Зорге в Шанхае, начальник отдела Разведупра, полковник;

Римм Любовь Ивановна, жена К.М.Римма, 1894 г. рождения, эстонка, работавшая помощником начальника библиотеки Разведупра;

Тикк Карл Янович, 1892 г. рождения, эстонец, младший офицер царской армии, член компартии с 1919 г., пом. начальника 3-го отделения 1-го отдела Разведупра, полковник,

Гурвич Александр Иосифович, 1898 г. рождения, уроженец г. Риги, член компартии с 1917 г., в РККА с 1918 г., в Разведупре с 1923 г. Начальник НИИ техники связи Разведупра, бригадный инженер[198].

В декабре 1937 г., январе и феврале 1938 г. партбюро Разведупра регулярно собиралось, чтобы исключить из рядов партии арестованных «врагов народа». 15 февраля 1938 г. на партийном собрании подвели итоги — собравшимся коммунистам зачитали список 16 арестованных сотрудников. Среди них было несколько опытных командиров с солидным стажем работы в разведке:

Воропинов Павел Фокич, 1889 г. рождения, русский, начальник отделения 2-го отдела Разведупра, полковой комиссар;

Туммельтау Гаральд Тенисович, 1899 г. рождения, эстонец, в компартии с 1917 г., в РККА с 1918 г., в Разведупре с 1923 г., зам. начальника 3-го отдела Разведупра, комбриг;

Мурзин Дмитрий Константинович, 1889 г. рождения, русский, младший офицер царской армии, в РККА с 1918 г., в компартии с 1919 г., в Разведупре с 1925 г., зам. начальника 3-го отдела, комдив;

Тракман Карл Густавович, 1887 г. рождения, эстонец, прапорщик царской армии, в РККА с 1918 г., в Разведупре с 1921 г., в ВКП(б) с 1925 г., интендант 1-го ранга;

Артюкевич Борис Викентьевич, 1894 г. рождения, белорус, начальник административного отделения Разведупра;

Малахов Александр Петрович, 1896 г. рождения, русский, офицер царской армии, в РККА с 1919 г., в компартии с 1919 г., в Разведупре с 1933 г.;

Мамаева Раиса Моисеевна, 1900 г. рождения, еврейка, кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г., в распоряжении 2-го отдела Разведупра, техник-интендант 2-го ранга;

Давидсон Марта Карловна, 1899 г. рождения, латышка, в компартии с 1919 г., в РККА с 1919 г., в Разведупре с 1925 г., секретарь зам. начальника Разведупра;

Ратов (Раков) Борис Иванович, 1903 г. рождения, русский, сотрудник Разведупра, капитан;

Янберг Вильгельм Карлович (Лозовский Александр Петрович), 1895 г. рождения, латыш, член компартии с 1913 г., зам. начальника 10-го отдела Разведупра, бригадный комиссар;

Горев-Высокогорец Владимир Ефимович, 1900 г. рождения, белорус, член компартии с 1920 г., в РККА с 1918 г., в 1924 г. окончил Восточный факультет Военной академии РККА, в 1925-1927 гг. — в Китае, в 1930-1933 гг. — нелегальный резидент в США, в 1936-1937 гг. — военный атташе в Испании, комдив[199].

Также были репрессированы и погибли начальники отделов Разведупра бригадные комиссары Михаил Яковлевич Вайнберг и Яков Аронович Файвуш, комбриг Федор Георгиевич Мацейлик, начальник Центральной школы подготовки командиров штаба полковник Федор Павлович Смирнов, начальники разведотделов округов полковник Христофор Андреевич Пунга

[198] РГВА. Ф.9. Оп.30. Д.53. Л.198-200.

[199] Там же. Д.155. Л.21-22.

(МВО), полковник Хусаин Багаутдинович Мавлютов (ЗакВО), многие зарубежные работники, военные атташе[200].

«Последние могикане» разведывательной службы уходили из Управления, оставляя после себя пустые кабинеты, оборванные связи с зарубежной агентурой и полный развал работы центрального аппарата.

Каким же был итог страшного 1937 года для Разведупра? Точную цифру арестованных и выгнанных (что почти всегда означало последующий арест и часто расстрел) назвать невозможно. Очевидно, эта информация навсегда будет похоронена в архиве ГРУ. Но даже те неполные списки арестованных, которые удалось найти в двух делах фонда Главпура, впечатляют. Было уничтожено руководство военной разведки и все начальники отделов. Один армейский комиссар 2-го ранга, два комкора, четыре корпусных комиссара, три комдива и два дивизионных комиссара, 12 комбригов и бригкомиссаров, 15 полковников и полковых комиссаров. 39 человек высшего командного состава с большим опытом и знанием разведывательной работы и многолетним стажем работы в Разведупре. Это только по двум обнаруженным архивным делам. А сколько еще таких дел хранится в архивах!

В начале 1938 г. в Разведупре стали появляться новые люди. Чаще всего майоры, значительно реже — полковники. Они занимали освободившиеся места начальников отделов и отделений. К разведке эти командиры, за редчайшим исключением, отношения не имели. Ни навыков, ни знаний, ни опыта работы в военной разведке у них не было и совета спросить не у кого — асов разведки уже ликвидировали. После ареста врид начальника Разведупра Никонова общее руководство взял на себя нарком Ежов. Одним из замов, фактически исполнявшим обязанности начальника Разведупра, стал старый чекист, опытный контрразведчик Семен Григорьевич Гендин — старший майор госбезопасности. Замом начальника по иностранной разведке был назначен А.Г.Орлов, бывший военный атташе в Германии, комбриг, ставший и.о. начальника Разведупра после ареста Гендина в октябре 1938 г. О нем известно едва ли не меньше, чем обо всех других руководителях военной разведки. Поэтому хотелось бы привести выдержку из воспоминаний его сослуживца по Управлению военных приборов М.М.Лобанова, впоследствии генерал-лейтенанта инженерных войск : "Юрист по образованию, он был человеком исключительно эрудированным...Глубоко и всесторонне зная правовую сторону дела, он в короткий срок наладил контакты с наркоматами, руководителями ведущих предприятий, институтов...Александр Григорьевич был для всех нас примером принципиальности, выдержки, настойчивости...Смелости и решительности ему было не занимать...Стремление некоторых сотрудников задерживаться в до поздней ночи он расценивал как неумение решать служебные вопросы в отведенное для этого время...Александр Григорьевич отлично понимал, что руководитель обязан знать специфику того дела, которым занимается"[201].

Один из отделов возглавил дивизионный комиссар П.И.Колосов (Заика). На должности начальников отделений и заместителей и исполняющих должность начальника отдела назначили нескольких полковников и полковых комиссаров, пришедших в военную разведку со стороны. Из известных фамилий можно назвать только Хаджи Мамсурова. Герой Испании, знаменитый майор Ксанти, в марте 1938 г. был уже полковником и начальником отделения Разведупра.

Но репрессии продолжались и в 1938 г. Были арестованы и расстреляны оба фактических руководителя Разведупра Гендин и Орлов. Затем начали арестовывать тех сотрудников, которые работали под их руководством. Постепенно исчезали полковники и полковые

[200] Кочик В.Я. Указ.соч. С.115-121.
[201] Лобанов М.М.Мы – военные инженеры. М., 1977. С.99.

комиссары. На их места приходили майоры. Причем майоры 1938 и 1939 гг. Когда агентурную сеть, охватывающую крупнейшие европейские страны, возглавляет майор, то говорить о профессиональном руководстве агентурой вообще не приходится. Для этого нужны огромный опыт агентурной работы, богатейшие знания всех тонкостей агентурной разведки, умение руководить людьми и разбираться в них. А для приобретения этого требуются годы и годы напряженного и упорного труда в разведке. Майоры для такой серьезной работы, конечно, не подходили. Здесь как минимум нужны были генерал-майоры, т.е. комдивы.

В Разведупре наступила эпоха майоров. 23 сентября 1939 г. новый начальник Управления, летчик, комдив И.И.Проскуров подписал список командного и начальствующего состава для получения пропусков на Красную площадь 7 ноября 1939 г. В списке указывались воинские звания и занимаемая должность руководящих работников, приглашенных на парад. Замом начальника Управления являлся майор А.Ф.Васильев, 11 майоров занимали должности начальников и заместителей начальников отделов, 9 майоров — начальников отделений. Можно считать, что за два года репрессий опытное квалифицированное руководство военной разведки было полностью уничтожено.

Как писали в своем обращении к наркому обороны К.Е.Ворошилову исполняющий обязанности начальника 1-го отдела Разведуправления полковник А.И.Старунин и зам. начальника отдела по агентуре майор Ф.А.Феденко, «в результате вражеского руководства в течение длительного периода времени РККА фактически осталась без разведки. Агентурная нелегальная сеть, что является основой разведки, почти вся ликвидирована ... Реальных перспектив на ее развертывание в ближайшее время нет. Итак, накануне крупнейших событий мы не имеем «ни глаз, ни ушей» В управлении есть немало людей, знающих работу, которые могли бы внести в дело развертывания агентуры новую большевистскую струю, но система, косность, трусость и ограниченность так называемых руководителей глушат здравые начинания и инициативу людей».

Надо сказать, что изменился не только возрастной, но и национальный состав разведчиков. На смену латышским, польским и еврейским пришли преимущественно русские фамилии недавних выпускников высших военных учебных заведений. Больше не было людей, у которых в графе «социальное происхождение» было написано слово «интеллигент». У нового поколения военных разведчиков там значилось «из рабочих» или «из крестьян».

Можно было бы говорить о полном разгроме военной разведки, если бы не произошло невозможное. Майорам за два с небольшим года работы удалось сделать то, чего за годы и годы усилий так и не смогли добиться генерал-майоры. Во время второй мировой войны советская военная разведка по праву считалась сильнейшей среди спецслужб всех стран мира. Как это могло произойти?

Накануне, или: — Мы же вас предупреждали!

Военно-политическая обстановка в мире в конце 1930-х годов была крайне сложной и напряженной. Правительство гитлеровской Германии, проведя модернизацию своих вооруженных сил и испытав их в гражданской войне в Испании, взяло курс на новый передел мира. К началу 1941 года Германия оккупировала почти всю Европу, получив в свое распоряжение экономические и военные ресурсы практически всех европейских государств. Под эгидой Германии была сформирована антисоветская коалиция, в которую вошли Италия, Япония, Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария, Словакия и часть других стран. В этой обстановке перед советской военной разведкой стояла крайне сложная задача — своевременно, точно и по возможности полно информировать руководство страны о планах гитлеровского правительства, особенно касающихся возможного нападения Германии на СССР.

Однако выполнение этой и без того сложной задачи существенно затруднили репрессии, обрушившиеся на армию в 1937-1940 годах. За это время было арестовано, а затем расстреляно пять начальников Разведывательного управления РККА: Я.К.Берзин (в 1937 году), С.П.Урицкий (в 1937 году), С.Г.Гендин (в 1938 году), А.Г.Орлов (в 1939 году) и И.И.Проскуров (расстрелян 28 октября 1941 года). Разумеется, кроме начальников Разведуправления арестовывались и практически все начальники отделов и отделений, а также оперативные работники, курирующие зарубежную агентуру и отвечающие за анализ поступающей в Центр информации. Так, начальник Разведуправления И.И.Проскуров в докладе наркому обороны и комиссии ЦК ВКП(б) от 25 мая 1940 года писал:

«Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов от чуждых и враждебных элементов. За эти годы органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчиненных ему частей отчисленно по различным политическим причинам и деловым соображениям 365 человек. Принято вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых без разведывательной подготовки»[202].

Интересно в этом плане и свидетельство генерал-майора ГРУ В.А.Никольского, пришедшего в военную разведку в начале 1938 года:

«К середине 1938 года в военной разведке произошли большие перемены. Большинство начальников отделов и отделений и все командование управления были арестованы. Репрессировали без всяких оснований опытных разведчиков, владеющих иностранными языками, выезжавших неоднократно в зарубежные командировки. Их широкие связи за границей, без которых немыслима разведка, в глазах невежд и политиканствующих карьеристов являлись «корпусом деликти» — составом преступления — и послужили основанием для облыжного обвинения в сотрудничестве с немецкой, английской, французской, японской, польской, литовской, латвийской, эстонской и другими, всех не перечислишь, шпионскими службами. Целое поколение идейных, честных и опытных разведчиков было уничтожено. Их связи с зарубежной агентурой прерваны ...

На должности начальника управления и руководителей отделов приходили новые, преданные родине командиры. Но они были абсолютно не подготовлены решать задачи, поставленные перед разведкой. В Центральном комитете партии считали, что в разведке, как, впрочем, и повсюду, самое главное пролетарское происхождение, все остальное может быть легко восполнено. Такие мелочи, как понимание государственной политики, уровень культуры, военная подготовка, знание иностранных языков, значение не имели. Это давало возможность проникать к руководству нашей «интеллигентной службой» случайным людям, ставящим корыстные, карьеристские интересы выше государственных, или просто добросовестным невеждам. Из них особенно отрицательно проявил себя И.И.Ильичев. Будучи начальником политотдела управления, он рассматривал как потенциальных «врагов народа» всех старых

[202] Павлов А. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. №1. 1995. С.51-52.

сотрудников разведки, а созданную ими агентурную сеть полностью враждебной и подлежащей поэтому уничтожению»[203].

В результате репрессий многое из того, что было подготовлено для работы в военное время, оказалось разрушено. Но самое главное, репрессии отрицательно сказались на настроении и деловых качествах уцелевших и вновь пришедших в военную разведку сотрудников. Они были скованы в работе, избегали брать на себя ответственность и принимать самостоятельные решения. Наиболее тяжело такое положение отразилось на работе информационного отдела Разведывательного управления.

Впрочем, делать на основании вышесказанного вывод, что военная разведка перед войной была дезорганизована и не могла выполнять свои функции, было бы неверно. Несмотря на репрессии зарубежный аппарат Разведуправления работал вполне удовлетворительно, о чем можно судить по огромному количеству донесений, поступающей в Центр из-за рубежа. Чтобы не быть голословным, приведем некоторые сообщения закордонных резидентов Разведуправления, сгруппировав их по странам. При этом в данную подборку не будут включены донесения нелегальных резидентов Разведуправления во Франции (Л.Треппер и Г.Робинсон), Бельгии (А.М.Гуревич и К.Л.Ефремов), Швейцарии (Ш.Радо и У.Кучински), Японии (Р.Зорге), которые и без того достаточно известны.

Германия

В Германии действовала крупная легальная резидентура Разведуправления, которой руководили помощник военного атташе по авиации полковник Н.Д.Скорняков ("Метеор") и военный атташе генерал-майор В.И.Тупиков ("Арнольд"). В резидентуре в разное время работали военно-морской атташе капитан 1-го ранга М.А.Воронцов и его помощник Смирнов (самостоятельная резидентура военно-морской разведки), помощники военного атташе В.Е.Хлопов и Бажанов, Н.М.Зайцев, действовавший под прикрытием должности коменданта советского торгпредства, и другие. Информация, поступавшая из легальной берлинской резидентуры, была чрезвычайно важной и затрагивала широкий круг вопросов. Вот только некоторые из сообщений, посланных из Берлина:

«Сообщение «Метеора» из Берлина от 9.07.1940 г.

Начальнику 5 Управления Красной Армии

В беседе со многими атташе подтверждается, что немцы перебросили ряд частей с запада на восток, в том числе и механизированные. Однако большинство считает, что это не есть сосредоточение сил против СССР. Некоторые увязывают с активизацией СССР»[204].

«Сообщение «Метеора» из Берлина от 29.09.1940 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

«Ариец» провел беседу с Шнурре (руководитель хозяйственной делегации немцев в СССР). Шнурре передал:

1. Налицо существует ухудшение отношений СССР с немцами.

2. По мнению многочисленных лиц, кроме министерства иностранных дел, причинами этого являются немцы.

3. Немцы уверены, что СССР не нападет на немцев.

4. Гитлер намерен весной разрешить вопросы на востоке военными действиями»[205].

«Сообщение «Метеора» из Берлина от 29.12.1940 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

---

[203] Никольский В. Аквариум-2. М., 1997. С.28-29.

[204] 1941 год. Кн.1. М., 1998. С.91.

[205] Там же. С.274.

«Альта» сообщил[а], что «Ариец» от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 г.

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений»[206].

«Сообщение «Метеора» из Берлина от 4.01.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

«Альта» запросил[а] у «Арийца» подтверждения правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 г. «Ариец» подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причем это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам»[207].

«Сообщение «Арнольда» из Берлина от 27.02.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

1. О новом формировании 40 мотодивизий у меня данных нет, но сейчас идет штатно-организационная перестройка большого количества пех. дивизий в сторону увеличения мотомеханизации. В чем конкретно выражается реорганизация и каковой облик новых дивизий, доложить не могу.

2. Общее количество моторизованных дивизий, по имеющимся у нас данным, сейчас 22.

3. Часть танковых дивизий также реорганизуется. В выборке новых штатов принимает участие генерал-майор Функ — командир дивизии, находящейся в Ливии. По имеющимся данным, реорганизация преследует цель — сделать более самостоятельными части и даже подразделения и обеспечить более широкое взаимодействие танков, пехоты и артиллерии в звене подразделения ...»[208].

«Записка советского военного атташе в Германии начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанту Голикову.

25/26 апреля 1941 г.

За 3,5 месяца моего пребывания здесь я послал Вам до полусотни телеграмм и несколько десятков письменных донесений, различных областей, различной достоверности и различной ценности. Но все они являются крупинками ответа на основной вопрос:

Стоит ли, не в качестве общей перспективы, а конкретной задачи, в планах германской политики и стратегии война с нами; каковы сроки начала возможного столкновения; как будет выглядеть германская сторона при этом?

Я привел количество посланных донесений. Вы не заподозрите, что я плодовитость на донесения отождествляю с чем-то положительным в работе. Но изучение всего, что за 3,5 месяца оказалось допустимым, привело меня к определенному выводу, который и докладываю Вам.

Если окажется, что с изложением этих моих выводов я ломлюсь в открытую дверь — меня этот никак не обескуражит.

Если я в них ошибаюсь и Вы меня поправите — я буду очень благодарен...

Вывод:

Все эти данные приводят меня к убеждению, что:

1. В германских планах сейчас ведущейся войны СССР фигурирует как очередной противник.

2. Сроки начала столкновения — возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года ...

3. Очередные, ближайшие мероприятия немцев мне представляются такими:

а) Оседлание Турции пактом трех или каким-либо ему аналогичным.

---

[206] Там же. С.466.

[207] Там же. С.508.

[208] Там же. С.680.

б) Присоединение к пакту трех Швеции, а следовательно, и Финляндии, так как последняя давно готова к нему присоединиться.

в) Усиление переброс войск на наш театр.

г) Планируют ли немцы широкие операции на Ближнем Востоке и в Африке с применением такого количества войск, которое ослабило бы их европейскую группировку, сказать трудно, хотя официально прокламируются такие цели, как Суэц, Моссул, разгром англичан в Абиссинии.

Военный атташе СССР в Германии
генерал-майор В.Тупиков»[209].

Безусловно, репрессии в аппарате Разведывательного управления отразились на работе берлинской резидентуры. Например, был потерян контакт с нелегальным резидентом в Берлине Ильзой Штёбе ("Альта") и находящимся с ней на связи ценным агентом в МИДе Германии Рудольфом фон Шелия ("Ариец"). Но уже в августе 1939 г. в Берлин посылают сотрудника военной разведки Н.М.Зайцева, перед которым ставят задачу восстановить потерянные контакты. Вот что он об этом вспоминает:

«В мою задачу входило наладить связь с Ильзой, которая перед нападением Германии на Польшу вместе со всеми немцами посольства выехала в Германию. О встрече с ней в Германии договориться не удалось. Мне предстояло через ее мать, жившую в Берлине, узнать адрес Ильзы ...

Когда была налажена связь с Ильзой, а она связалась с другими немецкими разведчиками, работавшими на нас, к нам потекла информация о военной промышленности, технике и даже о состоянии разработки атомной энергии. Через «Арийца» ... поступала информация о дипломатической интриге немцев с западными европейскими странами, в том числе с англичанами и американцами»[210].

Кроме того, Н.М.Зайцев упоминает о том, что ему поручили работу «по восстановлению связи с немецкими разведчиками, которая была прервана в 1933-1935 гг., потому что среди них оказались предатели»[211]. И хотя он не говорит конкретно, кто эти люди, с большой долей уверенности можно считать, что речь идет о сотрудниках военного аппарата Компартии Германии, в начале 30-х гг. завербованных для работы на Разведывательное управление О.А.Стиггой (часть из них была провалена во время ареста в Голландии М.Г.Максимова — Фридмана).

Болгария

В Болгарии легальной резидентурой Разведывательного управления руководил помощник военного атташе в Софии майор Л.П.Середа ("Зевс"). Имея в своем распоряжении неплохую агентуру (Й.Берберов — "Маргарит", Т.Берберов — "Бельведер", Д.Георгиев — "Гюго" и др.), он посылал в Центр весьма обстоятельные донесения:

«Сообщение «Зевса» из Софии от 27.04.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

Митрополит Стефан сообщил Гюго, что 25 апреля на обеде в Кюстендиле он имел разговор с одним немецким генералом, который сказал:

1. Немцы готовят удар против СССР, используя сперва положение в армии и внутри страны.

[209] 1941 год. Кн.2. М. 1998. С.113.
[210] Зайцев Н. Вместе с Альтой // Военно-исторический журнал. 1992. №4-5. С.32-33.
[211] Там же. С.33.

2. Офицеры армии Листа, знающие русский язык, отзываются в Берлин для спец. подготовки, затем они будут назначены на границу СССР. В помощь им будут прикомандированы белогвардейцы, знающие Украину.

3. Немецкая разведка в СССР дает полные информации по всем вопросам.

4. Германия не допустит заключения договора СССР с Турцией»[212].

«Сообщение «Зевса» из Софии от 9.05.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

8 мая Маргарит сообщил сведения, полученные от офицеров:

1. Из Западной Македонии через Турцию идут в Ирак официальным порядком немецкие войска.

2. На советско-польской границе 60 немецких дивизий.

3. Германия готовится начать военные действия против СССР летом 1941 г. до сбора урожая. Через 2 месяца должны начаться инциденты на советско-польской границе. Удар будет нанесен одновременно с территории Польши, с моря на Одессу и с Турции на Баку.

4. В Добрудже и Дунае сосредоточены торпедные катера и подводные лодки немецкого флота.

Данные о нахождении немецких войск в Турции уже получал от Боевого.

Считаю первый пункт правдоподобным. Остальные пункты проверить трудно»[213].

«Сообщение «Зевса» из Софии от 14.05.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

12 мая от Бельведера получил следующие сведения:

1. В первых числах мая в Солуне состоялась встреча Царя с Браухичем, обсуждались вопросы: о поведении Болгарии в случае возникновения военного конфликта между Германией и СССР, о мероприятиях по укреплению Черноморского побережья и о помощи Финляндии. По первому вопросу подробности неизвестны. По второму вопросу — мероприятия начнут проводиться в конце мая. По третьему вопросу — решено все оставшиеся в Болгарии русские винтовки передать Финляндии.

2. Генерал Книтель командует 42 пд, которая расположена в Штип. 42 пд. 14 мая выступает из Штип и идет в Деде Агач.

3. Мотодивизия с опознавательным знаком «голова козла», расположенная в районе Драгоман, Перник, Банин, получила приказ уйти в Румынию на границу с СССР. Выступление — в 6 часов 13 мая ...

9. Бельведер утверждает, что в Турции немецкие войска есть. Он считает, что минимум 3-4 дивизии находятся в Турции по пути в Сирию. Бельведер находился в 30 км от греческо-турецкой границы в районе Деде Агач и сам наблюдал движение больших колонн войск в течение трех дней в направлении к турецкой границе ...

После Вашей телеграммы я не настаиваю на правдивости данных сведений, но считаю необходимым донести, так как сведения о проходе немецких войск в Турцию я получаю от третьего источника. Сосед по своей линии имеет аналогичные данные»[214].

Кроме легальной резидентуры Разведуправления на территории Болгарии действовали и нелегальные резидентуры военной разведки, которыми руководили А.Пеев ("Боевой") и П.Шатев ("Коста"). Их донесения также представляли немалый интерес:

«Сообщение «Боевого» из Софии от 27.05.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

---

[212] 1941 год. Кн.2. С.121.

[213] Там же. С.179.

[214] Там же. С.198.

Германские войска, артиллерия и амуниция непрерывно переправляются из Болгарии в Румынию через мост и Ферибот у Руссе, через мост у Никополя и на баржах около Видина.

Войска идут к советской границе»[215].

«Сообщение «Косты» из Софии от 15.05.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

1. Пехота, моторизованные и мотоциклетные части 12 германской армии возвращаются из Греции по жел. дор. через Софию в Румынию. Железнодорожные документы приготовлены для пограничных властей Добружи. Говорят, что эти части уходят в Германию, но в действительности идут в Румынию.

2. По сведениям, полученным от коменданта города Стара-Загора, там ожидается прибытие новой германской армии.

3. С 20 мая болгарские воинские части будут отправляться в Грецию как оккупационные войска.

4. С 10 мая призываются в армию солдаты, которые получили 15-дневные отпуска»[216].

Венгрия

В Венгрии легальным резидентом Разведывательного управления с июня 1940 г. был военный атташе полковник Н.Г.Ляхтерев ("Марс"). О той информации, которую он направлял в Центр, можно судить по следующим сообщениям:

«Сообщение «Марса» из Будапешта от 14.03.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

1. 13 марта я был приглашен начальником 2-го бюро Уйташи, который сообщил: среди дипкорпуса распространяются ложные слухи о подготовке Германии, Венгрии и Румынии нападения против СССР, о мобилизации в Венгрии и посылке большого количества войск на советско-венгерскую границу. Это английская пропаганда. Если Вы желаете, Вы можете сами убедиться, что в Карпатской Украине все спокойно. Венгрия желает жить в мирных условиях с СССР. Германии достаточно войны с Англией, и она экономически заинтересована в мире с СССР.

2. Венгерская печать также сделала сегодня опровержение о мобилизации и концентрации войск на границе.

3. Я договорился с военным министерством о поездке в Карпатскую Украину с 17 марта по 20 марта. Выезжаю с помощником. Проверю личным наблюдением эти слухи»[217].

«Сообщение «Марса» из Будапешта от 15.03.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

1. По моим сведениям и данным югославского и турецкого военных атташе, в Румынии и Болгарии на 14 марта немецких войск имеется 550 тысяч человек, из них около 300000 в Болгарии. Всего переброшено 26-30 дивизий, из них 15 в Болгарию. Немцы сосредоточили в районе Люта, Радомир, София до 7 дивизий, остальные на границе, в Австрии расположена армия генерала Дити — 6 дивизий. Она предназначена для переброски в Италию. В Италии 2 германские дивизии. В Румынии остались: 5 дивизий в Молдавии, три в Галац-Браила, две в Бухаресте и две в Арад-Тимишоара.

2. С 12 марта в Румынию перебрасывается до 50 немецких эшелонов с войсками в сутки, с людским составом и конным транспортом, из них до 10 эшелонов в сутки проходят через Деж на Яссы.

---

[215] Там же. С.266.

[216] Там же. С.211.

[217] 1941 год. Кн.1. С.770.

3. Мобилизации в Венгрии нет. В Карпатской Украине и Трансильвании усиленно идет подготовка резервистов и лиц, ранее не бывших в армии.

4. Для обеспечения германских армий на Балканах венгерское продовольствие и фураж в количестве 1500 поездов должно быть направлено в марте-апреле в Румынию и Болгарию.

5. Считаю, что вдоль западной границы СССР немцы имеют до 100 дивизий, включая Румынию»[218].

«Сообщение «Марса» из Будапешта от 30.04.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

1. Часть германских войск, действовавших против Югославии с Венгрией (из района Сегед Печ), возвращаются на автомашинах через Будапешт в Вену.

Немецкие солдаты говорят, что они получат несколько дней отдыха, затем будут отправлены в Польшу к границе СССР. Другая часть немецких войск из Югославии направляется в Румынию. В Будапеште и Бухаресте имеется много слухов о предстоящей войне между Германией и СССР ...»[219].

«Сообщение «Марса» из Будапешта от 23.05.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

1. Венгерские газеты сообщают, что в Польше прекращено вновь пассажирское движение. В Германии сокращено 20 пассажирских поездов. Турецкий посол говорит, что на линии Вена — Берлин прекращено пассажирское движение.

2. Словацкий посол и военный атташе, считают войну между Германией и СССР неизбежной. Нападение должно быть произведено исключительно мотомеханизированными и моторизованными частями в ближайшее время. Американский военный атташе в Румынии сказал словаку, что немцы выступят против СССР не позднее 15 июня ...»[220].

Румыния

В Румынии легальную резидентуру Разведуправления возглавлял Г.М.Еремин ("Ещенко"), работавший под прикрытием третьего секретаря посольства СССР в Бухаресте. Его заместителем был М.С.Шаров («Корф»). На связи у резидентуры находились ценные агенты, в том числе К.Велкиш («АБЦ») и М.Велкиш («ЛЦЛ»), работавшие в посольстве Германии в Бухаресте. Среди иных информаторов можно назвать Б.Длугач-Кауфмана ("Купец"), адвоката Сокора, журналиста Немеша и др.

«Сообщение «Ещенко» из Бухареста от 1-2.03.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

«АБЦ» в своем докладе о поездке в Берлин сообщает, что... много в Берлине говорили о предстоящем выступлении Германии против СССР. В русском отделе немецкого верховного командования интенсивно работают. Однако на ближайшее время немецкое продвижение на восток якобы исключается, и что слухи о немецких планах войны против СССР распространяются сознательно с целью создать неуверенность в Москве и заставить политику СССР и впредь служить для реализации немецких военных целей. Возможность выступления немецких войск, сконцентрированных в Румынии против СССР, в Берлине решительно исключают»[221].

«Сообщение «Ещенко» из Бухареста от 13 марта 1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

---

[218] Там же. С.771.
[219] 1941 год. Кн.2. С.128.
[220] Там же. С.252.
[221] 1941 год. Кн.1. С.706.

12 марта Купец вызвал Корфа на внеочередную встречу, на которой врач сообщил: «... 11 марта ко мне явился неизвестный немец. Он имел мундир СС, знак «Обергруппенфюрер» и «кровавый орден». Его фамилию я не расслышал. Войдя, он приветствовал меня «Хайль Гитлер» и «Камрад». Я ответил ему тем же ... В разговоре этот немец на мои вопросы: «когда мы идем на Англию?» заявил следующее: о марше на Англию нет и речи. Фюрер теперь не думает об этом. С Англией мы будем продолжать бороться авиацией и подводными лодками. Но мы сейчас имеем 10 миллионов парней, которые хотят драться и которые подыхают от скуки. Они жаждут иметь серьезного противника. Наша военная машина не может быть без дела. Более 100 дивизий сосредоточено у нас на восточной границе. Теперь план переменился. Мы идем на Украину и на Балтийский край. Мы забираем под свое влияние всю Европу. Большевикам не будет места и за Уралом, фюрер теперь решил ударить и освободить Европу от сегодняшних и завтрашних врагов. Мы не можем допустить в Европе новых порядков, не очистив Европу от врагов этого порядка. Наш поход на Россию будет военной прогулкой. Губернаторы по колонизации уже назначены в Одессу, Киев и другие города. Уже все зафиксировано. Я заметил немцу, мол, фюрер сказал нам, что мы друзья с СССР и, что мы не будем иметь два фронта. На это он ответил: так было раньше, но теперь мы не имеем двух фронтов. Теперь положение изменилось. Англичан мы постепенно сломим авиацией, подводными лодками. Англия теперь уже не фронт. Между нами и русскими не может быть никакой дружбы.

Что касается Болгарии, то там 150 тысяч солдат, этого пока хватит. С Турцией мы решим вопрос постепенно. Теперь главный враг — Россия ...»[222].

«Сообщение «Ещенко» из Бухареста от 15.03.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

14 марта Корф имел встречу с адвокатом Сокор, который сообщил:

1) Один немецкий майор, который живет на квартире друга Сокора, в беседе с этим другом заявил: «Мы полностью меняем наш план. Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимы и можем продолжать войну с Англией и Америкой».

2) Полковник Риошану, бывший товарищ министра, друг Антонеску, в личной беседе с Сокором заявил: «Главштаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР. Что эту войну следует ожидать через три месяца».

3) Из ряда мнений Сокор делает следующий вывод: «Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут на Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватив наиболее важные экономические районы СССР, и прежде всего Украину ...»[223].

«Сообщение «Ещенко» из Бухареста от 26.03.1941 г.

Начальнику разведуправления Генштаба Красной Армии

Немеш сообщает:

1. Мои приятели, бывшие офицеры, имеющие связи в румынском генеральном штабе, мне сообщили: «Румынский генеральный штаб имеет точные сведения о том, что готовится в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши 80 дивизий для наступления на Украину через 2-3 месяца. Немцы одновременно вступят и в Балтийские страны, где они надеются на восстание против СССР.

Румыны примут участие в этой войне вместе с немцами и получат Бессарабию».

2. В Молдавии военные части переброшены на строительство стратегических шоссе. Строительство этих дорог было начато немцами, но теперь их продолжают румыны из тех соображений, чтобы СССР не имел никаких претензий.

[222] Там же. С.768.

[223] Там же. С.775.

3. В Молдавии до реки Тротуш из всех местечек началась эвакуация военных организаций. Вывозятся склады, архив и т.д., при этом говорят, что через 2-3 месяца здесь будет начинаться операция на Украину»[224].

«Сообщение «Ещенко» из Бухареста от 5.05.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

«АБЦ» сообщил:

... Становится все более очевидным, что немецкие войсковые соединения перевозятся с Балкан на театр румынского фронта. Один штабной офицер расположенного в Румынии восьмого немецкого авиационного корпуса, который несколько дней назад приехал из Берлина, заявил, что раньше для начала немецких военных акций против СССР предусматривалась дата 15 мая, но в связи с Югославией срок перенесен на середину июня. Этот офицер твердо уверен в предстоящем конфликте ...»[225].

Финляндия

Легальную резидентуру Разведуправления в Хельсинки возглавляли военный атташе полковник И.В.Смирнов ("Оствальд") и майор М.Д.Ермолов ("Бранд"). В их сообщениях достаточно полно раскрывалась картина подготовки Финляндии к войне.

«Сообщение «Оствальда» из Хельсинки от 15.06.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

Точно установлено: в период 5-15 июня в портах Вааза, Оулу, Кеми выгрузились не менее двух моторизованных дивизий, следующих железнодорожными эшелонами, темп 12-16 и походным порядком в районы Северной Финляндии. Выгрузка в портах и транспортировка с конечных районов выгрузки в Рованиеми продолжается.

Одновременно с этим проводится мобилизация резервистов финской армии, усилен полицейский режим населенных пунктов Финского и Западного заливов, объявлены запретные зоны.

Личным наблюдением установлено. Рованиеми и прилегающие районы: не менее 2000 транспортных, легковых и специальных машин, не менее 10000 мотопехоты и спец. части. Большое количество офицеров. Установлено: солдаты и офицеры с номерами 6, 17, 80»[226].

«Сообщение «Бранда» из Хельсинки от 17.06.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

1. Проведение всеобщей мобилизации в Финляндии подтверждается. Повсюду отмечается большое количество резервистов, следующих по назначению. Мобилизация началась 10-11 июня. В Турку, в приходе Коски, Пернио и по деревням долины реки Вуокси проводится мобилизация. 12 июня в Таммисаари объявлено осадное положение, все приводится в боевую готовность.

2. В Хельсинки отмечены признаки эвакуации населения. 16 июня на станции Хельсинки отмечен эшелон с женщинами и детьми, готовый к отправке в Торнио.

3. В частях отпуска прекращены, находящимся в отпуске приказано немедленно явиться в часть»[227].

Франция

Во Франции легальную резидентуру Разведуправления возглавлял военный атташе СССР при правительстве Виши генерал-майор И.А.Суслопаров. Его помощником был М.М.Волосюк

[224] Там же. С.798.
[225] 1941 год. Кн.2. С.170.
[226] Там же. С.366.
[227] Там же. С.383.

(«Рато»), официально занимавший должность помощника военно-воздушного атташе. Донесения нелегального резидентра Разведуправления во Франции Л.Треппера («Отто»), которые он посылал в Центр через И.А.Суслопарова, достаточно хорошо известны. Но вот о сообщениях легальной резидентуры известно гораздо меньше, хотя они заслуживают внимания, как, например, такое:

«Сообщение «Рато» от 3.04.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

Сведения, полученные в результате поездки источников по стране, сводятся к следующему:

1. Франция в данное время разделена на три зоны: запретную зону, оккупированную зону и неоккупированную зоны.

2. После перегруппировки немецких войск в конце февраля и начале марта в оккупированной ими зоне остались 20-25 немецких дивизий.

3. Снятые с оккупированной зоны немецкие войска отправлены в основном на восток и частично в запретную зону, на восток направлена также авиация летом, а имущество авиабаз продолжает следовать по жел. дороге.

4. Из поступающих сведений видно, что на всем побережье оккупированной Франции проводятся мероприятия оборонительного характера, как-то: установка береговой и зенитной артиллерии и большая концентрация войск.

5. Что касается запретной зоны, то из-за двух установленных границ, тщательно охраняемых немцами, пока проникнуть не могли, но известно, что в запретной зоне войск много, туда прибыли части из оккупированной зоны. Граница между оккупированной и запретной зонами проходит по линии: Абвиль, Амьен, Перон, Шони, по реке Сомме и далее по реке «Эн», Ретель, Вузьер, Сэн Менец, Вар Ле Дюк, Шомон и далее на юг по демаркационной линии у города Доль.

6. Все жел. дор. транспорты из Франции получают назначение на жел. дор. станцию Сен Кантен, главный передаточный пункт в запретной зоне жел. дор. линии Париж — Брюссель, где эшелоны получают дальнейшее назначение до конца.

7. Замечено на вооружении резервных немецких полков французские винтовки.

8. Все больше подтверждаются сведения о недостатках резины для колес и масла для моторов.

9. Места расположения частей, убывших в запретную зону и на восток, содержатся готовыми для размещения войск, видимо, в зависимости от событий на Балканах, возможно, ожидаются большие изменения в существующей группировке сил»[228].

Югославия

Легальную резидентуру в Югославии возглавлял военный атташе СССР в Белграде генерал-майор А.Г.Самохин ("Софокл"). Его заместителем был В.З.Лебедев ("Блок"), официально занимавший пост советника советского полпредства в Югославии. Сообщения, направляемые в Центр из Белграда, также были достаточно обстоятельны.

«Сообщение «Софокла» из Белграда от 14.02.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

По данным югославского генштаба, Германия имеет сейчас 250 дивизий, из которых находятся: в Восточной Пруссии 15, Генерал-Губернаторстве 70, протекторате 14, Румынии 20, Словакии 6, Венгрии 2, всего в восточном секторе 127 дивизий, при этом в Генерал-Губернаторстве войска имеют крупную группировку: Варшава-Люблинская 16, Тарновская 18, Краковская (Бласковица) 14, Лодзинско-Познанская 22 дивизии. В Румынии войска сгруппированы: Молдавии 5, Добрудже Банате и Трансильвании 3, Валахии 8 дивизий.

[228] Там же. С.17.

Остальные части немецкой армии группируются: скандинавские страны 5, английский фронт (побережье Ла-Манша) 50, оккупационная армия (мюнхенская группа) 11, в Италии 5, и общий резерв — центральная Германия 24 дивизии. Словацкая армия имеет 5 дивизий, около 100000, венгерская 18 дивизий, около 300000, румынская 28 дивизий, около 500000. В Болгарии немецких единиц нет, есть инструктора в количестве 5000 чел. Состав дивизий в восточном секторе неизвестен, считается, что немцы всего имеют 30 моторизованных, 15 бронетанковых, а остальные пехотные. В Румынии зафиксированы 3 бронетанковых, 4 моторизованных и 13 пех. дивизий. Нумерация дивизий и место высших штабов неизвестны»[229].

«Сообщение «Софокла» из Белграда от 9.03.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

Рыбникарь сообщил сведения, исходящие от министра двора:

1. Германский генштаб отказался от атаки английских островов, ближайшей задачей поставлено — захват Украины и Баку, которая должна осуществиться в апреле-мае текущего года, к этому сейчас подготавливаются Венгрия, Румыния и Болгария.

2. Через Берлин, Венгрию идет усиленная переброска войск в Румынию.

Важный доложил, что с 7.03 фактически власть в Югославии принадлежит генштабу, без него министерский совет ничего не предпринимает»[230].

«Сообщение «Софокла» из Белграда от 4.04.1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

Блок сегодня беседовал со Смеляничем, последний высказал большую тревогу, сообщив ему следующие сведения:

1. Немцы перебрасывают в Финляндию войска.

2. По сообщению военного атташе Югославии в Берлине, немцы перебрасывают из Австрии в Венгрию 10 пехотных и 3 бронетанковых дивизий в район Печуй-Сегедин, он же сообщает, что немцы готовятся в мае напасть на СССР, исходным пунктом для этого будет требование к СССР присоединения к тройному пакту и оказывать экономическое содействие.

3. Против СССР немцы имеют три группировки:

Кенигсбергская — генерал Рундштейн.

Краковская — генерал Бласковиц или Лист.

Варшавская — генерал Бек.

4. Румынские мониторы на Дунае имеют немецкие экипажи.

5. В Праге немцы изготовляют большое количество тракторов, предназначаемых для Украины»[231].

Кроме сообщений из закордонных резидентур, как легальных, так и нелегальных, в Разведуправление РККА регулярно поступали донесения из разведотделов приграничных военных округов: Прибалтийского, Белорусского (позднее Западного) и Киевского. Эти разведотделы вели разведку не только в зонах ответственности своих военных округов, но и в интересах всей РККА. Поэтому с их разведсводками и спецсообщениями внимательно знакомились в Центре, где в начале 1939 г. был создан специальный 7-й отдел приграничной разведки во главе с полковником И.В.Виноградовым. Именно этот отдел занимался укомплектованием кадрами, техникой и материальными средствами приграничных разведотделов. Кроме того, на него возлагалась разработка мобилизационных предписаний для разведотделов приграничных округов, инспекция их боевой готовности и анализ поступающей от них информации. Особую важность в тот период приобрели донесения разведотделов

[229] 1941 год. Кн.1. С.650.
[230] Там же. С.736.
[231] 1941 год. Кн.2. С.25.

западных особых военных округов, для руководства которыми в отделе приграничной разведки было создано 2-е отделение, его возглавил майор Н.В.Шерстнев.

Говоря о работе разведотделов западных приграничных военных округов, не лишним будет привести выдержку из воспоминаний В.А.Никольского, в 1939-1941 гг. работавшего во 2-м отделении 7-го отдела. Сложившуюся тогда ситуацию он характеризовал следующим образом:

«Необходимо отметить, что при достаточно хорошо налаженной работе по получению нужных Кремлю сведений о планах и намерениях политического и военного руководства зарубежных государств, в первую очередь Германии, в отношении нашей страны, ее ответственные работники были весьма слабо информированы о планируемых акциях собственного правительства. Так, освобождение западных областей Украины и Белоруссии, заключение с Германией договора о дружбе и границе были неожиданностью для разведупра. Поэтому мы не смогли дать указания на передислокацию наиболее ценной агентуры из бывших восточных областей Польши на Запад. Вот и получилось нелепица: в результате стремительного продвижения Красной Армии к Бугу наши агенты оказались в собственном глубоком тылу.

... Весной 1941 г. в разведуправлении было созвано совещание начальников разведотделов штабов приграничных военных округов, на котором была вскрыта вопиющая беспечность в подготовке к действиям в условиях войны. Участники выступали с дельными конкретными предложениями по повышению боевой готовности разведки в грядущем вооруженном столкновении с немцами. В том, что это произойдет, ни у кого из присутствующих не было сомнений. Предлагалось развернуть отделы по штатам военного времени, обеспечить техникой, экипировкой, подготовить соответствующие базы на своей территории на глубину до 400 километров на случай вынужденного отхода от границы и ряд других. Руководство Разведуправления и Генштаба отнеслось к этому сбору, как к обычному плановому мероприятию. На таком важном совещании никто из руководства НКО и Генштаба не присутствовал, а начальник управления генерал-лейтенант Голиков прибыл лишь на заключительное заседание, на котором зачитал стандартную речь о повышении бдительности. И ни слова о серьезности предвоенной обстановки. Более того, нас, участников совещания, предупредили, чтобы мы не поддавались паническим слухам, поскольку воевать в соответствии с советской военной доктриной будем только на территории противника...

Создавалось парадоксальное положение, когда в разведуправлении все оперативные сотрудники ожидали войны и боялись даже друг другу открыто сказать об этом»[232].

К этому надо добавить, что агентурная разведка разведотделов западных военных округов была недостаточно укомплектована подготовленными кадрами. Большинство агентов являлись местными жителями, которые не имели доступа к важной информации. А так как связь с ними осуществлялась с помощью курьеров, то немецкой контрразведке без особого труда удалось парализовать их работу — она только лишь усилила контроль на границе. Да и агентурную разведку приграничных округов ориентировали на выявление подготовки Германии к нападению на СССР только с 24 мая 1941 г.

Что же касается войсковой и радиоразведки западных военных округов, то она также не была укомплектована опытными кадрами и не оснащена техническими средствами. То же можно сказать и о воздушной разведке — до мая 1941 г. она велась силами 10 разведывательных авиаполков, имевших в своем составе только 157 самолетов. Все это надо учитывать, читая сводки разведотделов западных приграничных военных округов.

Из сводки №20 разведотдела штаба Киевского Особого военного округа (КОВО) от 20-31 июля 1940 г.:

«Прибытие германских войск в пределы генерал-губернаторства объясняется, с одной стороны, стремлением Германии усилить свою восточную границу, поскольку она значительно

[232] Никольский В. Указ. соч. С.38-39, 42-43.

ослаблена в период решительных операций на Западе, с другой стороны, необходимостью размещения войск, освободившихся после заключения перемирия с Францией, на территориях, более богатых продовольственными ресурсами. Переброска германских войск на территорию бывшей Польши начиная с 20 июля значительно сократилась по сравнению с первой половиной июля. Вместе с прибывшими войсками численность германских войск на территории генерал-губернаторства составляет 35 дивизий»[233].

Из спецсообщения разведотдела штаба Западного Особого военного округа (ЗапОВО) от 3.06.1941 г.:

«На основании ряда проверенных агентурных данных военная подготовка Германии против СССР за последнее время, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно и характеризуется следующими данными:

В течение второй половины мая немцы увеличили свою группировку войск на 2-3 пд., две бронетанковые дивизии СС, главным образом в районе Остроленка, Прасныш, Млава, Цеханов. Дивизии СС — в Сувалки (данные требуют проверки).

Особенно характерно прибытие артиллерийских частей, танковых подразделений и бронемашин.

Одновременно отмечается прибытие средств ПВО, ПТО. Так, например, в районе Варшава — 130 орудий ПТО, 51-й зенитный артполк; Млава — зенитный дивизион и дивизион ПТО ...

О том, что возможность начала военных действий немцами против СССР не исключается в июне м., свидетельствует следующий факт:

По сведениям, требующим проверки, 24.5.1941 г. филиал германской разведки в г. Цеханов выслал на территорию СССР пять агентов с установкой: вернуться не позже 5.6.1941 г.

Один из агентов сказал, что к этому сроку из Белостока в Гродно он возвратиться не успеет. Майор — нач. разведпункта — на это ответил: после 5.6.1941 г. возможно начало военных действий с СССР, поэтому он не может, вне этих сроков, гарантировать жизнь агента; поэтому посещение Белостока и Гродно ему исключили ...

Вывод:

Сведения о форсированной подготовке театра и об усилении группировки войск в полосе ЗапОВО заслуживают доверия.

Данные о прибытии двух дивизий СС в Сувалки требуют дополнительной проверки»[234].

Из сводки №3 разведотдела штаба КОВО от 20.06.1941 г.:

«1. Движение немецких войск к нашим границам подтверждается различными источниками, главная масса прибывающих войск концентрируется на томашов-сандомирском направлении севернее Таневских лесов ...

3. Данные о нумерации армий требуют проверки и уточнения, но наличие двух штабов армий на люблинском и томашов-сандомирском направлениях вполне возможно.

4. Замена ранее находившихся частей на краковском направлении заслуживает внимания, тем более что вновь прибывшие части относятся к менее устойчивым частям германской армии.

5. Крупное движение всех родов войск и транспорта южнее Томашов преследует какую-то демонстративную цель или связано с проводимыми учениями»[235].

Из сводки №01 разведотдела штаба Прибалтийского Особого военного округа (ПрибОВО) от 20.06.1941 г.:

---

[233] Мельтюхов М. Советская разведка и проблема внезапного нападения // Отечественная история. 1998, №8. С.3-20.

[234] Горьков Ю. Москва. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С.314-317.

[235] Мельтюхов М. Указ. соч.

«Продолжается сосредоточение немецких войск к границе. Произошло увеличение в Тильзитской группировке на 1 пд, 2 мотополка. Отмеченные 3 полка тяж. артиллерии, очевидно, являются артиллерией усиления. Появление нового штаба армии в районе Каукемен требует проверки, так как данные первичны»[236].

Из сводки №02 разведотдела штаба ПрибОВО от 21.06.1941 г.:

«1. Продолжается сосредоточение немецких войск к госгранице и из глубины в районы Восточной Пруссии.

2. Общая группировка войск продолжает оставаться в прежних районах.

3. Требуется установить достоверность дислокации в г. Кенигсберге штаба 3-го ак, штаба 1-й армии (Нашими данными в течение продолжительного времени отмечался штаб 18-й армии. Данных о его убытии не поступало.) ...»[237].

Из сводки разведотдела штаба ЗапОВО от 21.06.1941 г.:

«1. По имеющимся данным, основная часть немецкой армии в полосе против Западного ОВО заняла исходное положение.

2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе.

3. Всеми средствами разведки проверяется расположение войск у границы и в глубине»[238].

Вся добываемая военными разведчиками информация стекалась в информационный отдел Разведуправления, где ее анализировали и в виде сводок, спецсообщений и записок за подписью начальника управления рассылали руководителям государства и НКО. Об этом пишет П.И.Ивашутин:

«Тексты почти всех документов и радиограмм, касающихся военных приготовлений Германии и сроков нападения, докладывались регулярно по следующему списку: Сталину (два экземпляра), Молотову, Берии, Ворошилову, наркому обороны и начальнику Генерального штаба»[239].

Об этом же свидетельствует и рассылка, указанная на каждом таком документе.

Начальниками информационного отдела Разведуправления в период с 1939 по июль 1941 г. были:

полковник Г.П.Пугачев — с 05.1939 до 12.1940 г.

генерал-майор Н.И.Дубинин — с 12.1940 до 01.1941 г.

подполковник В.А.Новобранец (и.о.) — 01-04.1941 г.

генерал-майор Н.С.Дронов — с 04.1941 г.

Столь частая смена начальников, разумеется, не способствовала нормальной работе отдела, играющего ключевую роль в оценке складывающейся военно-политической ситуации в мире вообще и опасности германского нападения в частности. Хотя при всех изменениях заместитель начальника отдела по Западу полковник Л.А.Онянов, начальник немецкого отделения полковник Гусев и их подчиненные полковник Дьяков, майор Скрынников, майор Лукманов, капитан Горценштейн и другие оставались на своих местах, а значит, большого урона работе нанесено не было.

Характеризуя работу информационного отдела, очень часто ссылаются на воспоминания В.А.Новобранца, в которых он описывает, с каким недоверием относилось к информаторам руководство Разведуправления. В частности, о Ф.И.Голикове, начальнике Разведуправления (июль 1940 г. — ноябрь 1941 г.), В.А.Новобранец пишет следующее:

---

[236] Горьков Ю. Указ. соч. С.321-322.

[237] Мельтюхов М. Указ. соч.

[238] Там же.

[239] Ивашутин П. Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. №5.

«Вновь назначенный начальник Разведупра генерал-лейтенант Голиков прибыл к нам из Львова, где он командовал 6-й армией. Как командовал — не знаю, но начальником Разведупра он был плохим. В Разведупре это был единственный человек, который попал в сети дезинформации немецкой разведки и до самого начала войны верил, что войны с Германией не будет.

Близко соприкасаясь по работе, почти ежедневно бывая на докладе, я изучил нового начальника Разведупра. Среднего роста круглолицый блондин, вернее, лысый блондин со светлыми глазами. На лице всегда дежурная улыбка, и не знаешь, чем она вызвана — то ли ты хорошо доложил, то ли плохо. Я не заметил, чтобы он определенно высказывал свое мнение. Давая указания, говорил: «Сделайте так или так ...». И я не знал, как же все-таки надо. Если я поступал по своей инициативе или по его указанию, но неудачно, он всегда подчеркивал: «Я вам таких указаний не давал», — или: «Вы меня неправильно поняли». Он просто не знал, какие давать указания. Мы его не уважали. Голиков часто ходил на доклад к Сталину, после чего вызывал меня и ориентировал в том, что думает «хозяин»; очень боялся, чтобы наша информация не разошлась с мнением Сталина»[240].

Однако чересчур доверять мнению В.А.Новобранца не следует, хотя бы потому, что его воспоминания, содержащие множество неточностей, были написаны явно в духе хрущевской конъюнктуры, когда вину за все военные неудачи СССР в начале войны старались свалить на И.В.Сталина и его выдвиженцев. Некоторые авторы идут в своих «разоблачениях» гораздо дальше, доводя ситуацию до анекдота. Так например, известный петербургский историк Б.А.Старков в предисловии к запискам перебежчика В.Кривицкого «Я был агентом Сталина» утверждает, что Голиков, приходя на доклад к Сталину, имел при себе две папки, в каждой из которых лежали донесения, но составленные по-разному и, узнав от секретарши о настроении Сталина, на ходу решал, какой из папок воспользоваться.

Причины же конфликта Голикова и Новобранца, скорее всего, в том, что в Разведуправлении по-разному оценивали численность немецкой военной группировки на Востоке, и их точки зрения по этому поводу, естественно, расходились. И хотя Новобранец в конце концов оказался прав, из этого нельзя делать вывод об угодничестве Голикова перед Сталиным. Вернее будет предположить, что начальник Разведупра считал маловероятным нападение Германии на СССР до разгрома Англии и твердо отстаивал это свое мнение. Что до характеристик Ф.И.Голикова, то имеет смысл привести еще две из них. Опытная разведчица М.И.Полякова, проработавшая в оперативном аппарате Разведупра с 1937 по 1946 г., характеризует его как «хорошего боевого генерала, который особенностей нашей работы не знал и не понимал»[241].

Другой высокопоставленный сотрудник Разведуправления, И.Ахмедов, вспоминал:

«Несмотря на все великолепие парадной формы генерал-лейтенанта РККА, он (Голиков) был не слишком видной фигурой. Он был маленького роста, не выше метра шестидесяти, тучный и совершенно лысый. Лицо у него было неприятно багрового цвета. Однако в его глазах сразу читалась суровая сила. Взгляд его небольших голубых со стальным оттенком глаз буквально пронизывал собеседника»[242].

Что же касается разведсводок и спецсообщений, посылаемых Разведуправлением руководству страны, то они направлялись установленным адресатам регулярно. Ниже приводятся выдержки из отдельных сводок и спецсообщений (в основном сделанные там выводы), они позволяют судить о заключениях, к которым пришло руководство Разведуправления в то тревожное время.

Из сводки 5-го Управления РККА о положении в Германии, Румынии и Латвии от 19.06.1940 г.:

---

[240] Новобранец В. Накануне войны // Знамя. 1990. №6. С.171-172.

[241] Двойных Л., Тархова Н. О чем докладывала военная разведка // Наука и жизнь. 1995. №3.

[242] Цит. по: Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С.274.

«1. Германия усиливает свои войска на границе с Литвой.

2. Переброску на север Румынии 4-й горнострелковой бригады и нахождение в этом районе 1-й горнострелковой бригады, в районе Быстрицы — 2-й горнострелковой бригады можно расценивать как прикрытие специальными горнострелковыми частями горных проходов с севера на юг (от стыка советской и словацкой границ).

Зам. народного комиссара обороны СССР
генерал-лейтенант авиации И.Проскуров»[243].

Из сводки 5-го Управления РККА о сосредоточении германских войск на границах с Литвой от 15.07.1940 г.:

«Переброска германских войск на территорию бывшей Польши и Восточной Пруссии, и в частности в приграничные районы с СССР продолжается. По состоянию на 13 июля 1940 г. в Восточной Пруссии сосредоточено до 11 дивизий и на территории бывшей Польши — до 26 дивизий.

Начальник 5 Управления Красной Армии
генерал-лейтенант Ф.Голиков»[244].

Из сводки №86/252104сс 5-го Управления РККА по событиям на Западе от 20.07.1940 г.:

«Переброска германских войск в В.Пруссию и на территорию б. Польши подтверждается рядом агентурных источников, данными иностранной прессы и заявлением германского военного атташе в Москве от 5.7.1940 г., предупреждавшим о предстоящих перебросках, мотивируя их, как возвращение частей на старые места расквартирования.

За период с 15.6 по 16.7.1940 г. германские части усилились в В.Пруссии на 6-7 дивизий, а в бывшей Польше на 8 дивизий (без учета 7 пех. дивизий в районе Варшавы) Переброска продолжается.

Начальник 5 Управления Красной Армии
генерал-лейтенант (Голиков)»[245].

Из спецсообщения №252724сс Разведуправления Генштаба Красной Армии о новых перегруппировках немецких войск на Балканах от 10.12.1940 г.:

«Вместо убывшей в Румынию группы Бласковиц германское командование создает новую группировку в восточной части Протектората.

По-видимому, Германия намерена разрешить балканскую проблему до начала весны.
(Голиков)»[246].

Из спецсообщения №660159сс Разведуправления Генштаба Красной Армии о мобилизационных мероприятиях в сопредельных с СССР капиталистических странах от 14.02.1941 г.:

«В связи с приближающимся весенним периодом во всех сопредельных с СССР капиталистических странах отмечается усиление мобилизационных мероприятий, направленных на увеличение своих армий.

Голиков»[247].

Из всех спецсообщений и сводок Разведуправления того периода наиболее часто ссылаются на доклад Ф.И.Голикова от 20 марта 1941 г. и на сделанные там выводы. Учитывая важность этого документа, есть смысл привести его полностью:

---

[243] 1941 год. Кн.1. С.42.
[244] Там же. С.118.
[245] Там же. С.121.
[246] Там же. С.443.
[247] Там же. С.653.

«Доклад начальника Разведуправления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанта Голикова в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Высказывания, [оргмероприятия] и варианты боевых действий германской армии против СССР»

б/н

20 марта 1941 г.

Большинство агентурных данных, касающихся возможности войны с СССР весной 1941 г., исходят от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией. Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач осуществление заветных планов Гитлера, так полно и «красочно» изложенных в его книге «Моя борьба», краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 — март 1941 г. заслуживают в некоторой своей части серьезного внимания.

За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз. Из всех высказываний, полученных нами в разное время, заслуживают внимания следующие:

1. Геринг якобы согласен заключить мир с Англией и выступить против СССР.

2. Японский ВАТ передает, что якобы Гитлер заявил, что после быстрой победы на западе он начнет наступление против СССР.

3. В Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь за СССР.

4. Турецкая газета «Сон Поста» сообщает, что германский командующий войсками в Австрии, обращаясь к войсковым частям, заявил, что главным врагом Германии являются русские, и что на германских солдат может быть возложена задача еще большего расширения границ Германии.

5. Американский посол в Румынии в своей телеграмме в Вашингтон сообщает, что Джигуржу имел беседу с Герингом, в которой последний сказал, что если Германия не будет иметь успеха в войне с Англией, то она вынуждена будет перейти к осуществлению своих старых планов по захвату Украины и Кавказа.

6. Германский ВАТ высказал, что после окончания войны с Англией немцы помогут Финляндии получить обратно потерянную территорию.

7. Гитлер намерен весною 1941 г. разрешить вопрос на Востоке.

8. В беседе с югославским ВАТ в Москве, последний говорил, что Финляндия — это зона интересов СССР. Недавно советник германского посольства в Москве Пильгер прямо сказал, что финны храбро дрались зимой и они их русским не отдадут. За последнее время немцы подстрекают финнов против русских. Финны уже поговаривают о том, что «граница с СССР еще не окончательная, посмотрим, что будет после заключения мира в Европе».

9. Югославский ВАТ считает, что среди немцев имеется два течения: первое — СССР в настоящее время слаб в военном и внутреннем отношениях и настаивают на том, чтобы использовать удобный момент и вместе с Японией покончить с СССР и освободиться от пропаганды и от «дамоклова меча», висящего все время над Германией; второе — СССР не слаб, русские солдаты сильны в обороне, что доказано историей. Рисковать нельзя. Лучше поддерживать с СССР хорошие отношения.

10. Английские и французские журналисты утверждают, что в Германии происходит какая-то расстановка сил. В Стокгольме велись переговоры между Германией и Англией, представителем от Англии был Ллойд Джордж, но что эти переговоры ни к чему не привели. Греческий журналист сообщил, что в Мадриде в июле 1940 г. имели место переговоры между Германией и Англией и что Германия недовольна СССР, так как последний предъявляет какие-то новые требования.

11. Данные Германией и Италией гарантии о границе Румынии направленны исключительно против СССР. Эти гарантии дополнены военным соглашением между

Германией и Румынией. Этими гарантиями проникновению СССР на Балканы будет положен конец.

12. Министр иностранных дел Румынии Стурдза старался убедить Гантера внести предложение Рузвельту о мире между Германией и СССР. Гитлер хочет мира, так как его терпение к СССР почти истощилось и что СССР полностью будет готов к войне только в 1942 г.. Он же сказал, что неофициальные мирные переговоры ведутся в Стокгольме, Мадриде и Ирландии.

13. Среди немецких офицеров ходят слухи о том, что в феврале 1941 г. в своем выступлении в «Спортпаласе» на выпуске офицеров, Гитлер сказал, что у Германии имеются три возможности использования своей армии в 228 дивизий: для штурма на Англию, наступления в Африку через Италию и против СССР.

14. Столкновение между Германией и СССР следует ожидать в мае 1941 г. Источником подчеркивается, что это мнение высказывается как в военных кругах, так и в кругах министерства иностранных дел. Никто не реагирует одобрительно на эти планы. Считают, что распространение войны на СССР только приблизит конец национал-социалистического режима. Это мнение высказывает и племянник Браухича, который занимает видный пост в министерстве иностранных дел.

15. Шведский ВАТ в подтверждение сведений о подготовке наступления против СССР весной 1941 г. подчеркнул, что сведения получены от военного лица и основаны на сугубо секретном приказе Гитлера, который известен ограниченному кругу ответственных лиц.

Руководитель восточного отдела министерства иностранных дел Шлиппе сказал, что посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещением Бека. Единомыслия достигнуто не было ни в вопросе о Финляндии, ни о Болгарии.

Подготовка наступления против СССР началась значительно ранее визита Молотова, но одно время оно было приостановлено, так как немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав себе тем самым руки на Востоке.

16. Для борьбы с Англией достаточно тех сил, которые сосредоточены на канале, а остальные силы свободны для борьбы против СССР. Выступление необходимо для того, чтобы создать ясность на Востоке и ликвидировать постоянную опасность того, что СССР может выступить на стороне Англии, а также захватом Украины обеспечить Европу продуктами питания.

Из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

1. Вариант №1 по данным анонимного письма, полученного нашим полпредом в Берлине от 15 декабря 1940 г.:

«... Основное направление удара: а) от Люблина по Припяти до Киева; б) из Румынии между Яссы и Буковиной в направлении Тетерев, и в) из Восточной Пруссии на Мемель, Виллинг, р. Березина и далее вдоль Днепра на Киев»;

2. Вариант №2 по данным КОВО от декабря 1940 г.:

«... Три главных направления удара: а) из Восточной Пруссии в направлении Литвы, Латвии и Эстонии. Этот удар имеет те преимущества, что Литва, Латвия и Эстония сразу же становятся союзниками Германии. Кроме того, Финляндия сразу же присоединяется к Германии, чтобы отнять забранную территорию; б) через Галицию и Волынь. Эта группа войск будет иметь поддержку украинцев и в[ойск] из Румынии, которая будет стремиться захватить отобранную у нее территорию.

Группа войск 2-го и 3-го направлений окружает войска противника в Мало-Польше. На остальном участке наносятся вспомогательные удары на фронтальном направлении с целью очищения всей остальной территории».

3. Вариант №3 по данным нашего агентурного донесения на февраль 1941 г.:

«... Для наступления на СССР создается три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петрограда, 2-я группа

под командованием генерал-фельдмаршала Рунштудт — в направлении Москвы, и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киева.

Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая».

Кроме этих документов, по данным других источников, известно, что план наступления против СССР будет заключаться в следующем:

а) после победы над Англией Германия, наступая против СССР, предполагает наносить удар с двух флангов: охватом со стороны севера (имеется в виду Финляндия) и со стороны Балканского полуострова;

б) коммерческий директор германской фирмы «Тренча майне лимитед» [заявил, что] нападение на СССР произойдет через Румынию. Для этого Германия строит шоссе из Протектората через Словакию в Венгрию с целью переброски войск к советской границе. Венгрия и Румыния разрешили Германии пользоваться всеми путями сообщения для переброски войск, а также разрешили ей строить новые аэродромы, базы для мотомехчастей и склады для амуниции. Венгрия разрешила Германии пользоваться частью своих аэродромов. Все румынские войска и военно-технические сооружения находятся в распоряжении германского командования;

в) югославский ВАТ (военный атташе — авт.) Смидович заявляет, что разрешая балканский вопрос, трудно представить, куда немцы направят свое острие, но он лично убежден, что все это предшествует нападению на СССР. Сам факт выхода немцев в Дарданеллы является прямым актом против СССР. Вообще Гитлер никогда не изменял своей программе, изложенной в книге «Моя борьба», и эта программа является основной целью войны. Дружбой Гитлер пользуется как средством, дающим ему возможность решить задачу переустройства Европы;

г) по сообщению нашего ВАТ от 14 марта, в Румынии упорно распространяются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: «Мы полностью изменили наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимы и можем продолжать войну с Англией и Америкой». Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начала которой следует ожидать через три месяца. Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят перехватить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР, и прежде всего Украину.

д) по сообщению нашего ВАТ из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 г.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весною этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весною этого года войны против СССР необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной Армии
генерал-лейтенант (Голиков)»[248].

[248] Там же. С.776.

А уже через две недели тот же Голиков докладывал: Из спецсообщения №660370 Разведуправления Генштаба Красной Армии об усилении группировки немецких войск на границе с СССР от 4.04.1941 г.:

«В течение всего марта немецким командованием осуществлялись усиленные переброски войск в пограничную полосу с СССР. Начались они еще с конца января 1941 г.

Переброска войск производилась как с западного фронта, так и из центральных районов Германии ...

Общее количество германских войск на границе с СССР до Словакии выражается:

Пехотных дивизий ... 61

Моторизованных дивизий ... 6

Танковых дивизий ... 6-7

Всего: 72-73 дивизии.

... К этому составу немецких войск нужно добавить немецкие войска в Молдавии и Северной Добрудже в общем количестве около 9 пехотных и одной моторизованной дивизий.

С ними общее количество немецких дивизий всех типов в приграничной полосе с СССР достигает 83-84 дивизий, не считая войск, сосредоточенных в Чехии, Моравии и в центре Румынии.

Голиков»[249].

Еще через месяц: Из спецсообщения №660477сс Разведуправления Генштаба Красной Армии «О группировке немецких войск на Востоке и Юго-Востоке на 5 мая 1941 г.» от 5.05.1941 г.:

«1. За два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). Из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 дивизий. С румынской и венгерской армиями это составляет около 130 дивизий.

2. Необходимо считаться с дальнейшем усилением немецкого сосредоточения против СССР за счет освободившихся войск в Югославии и их группировкой в районе протектората и на территории Румынии.

3. Вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группа которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем.

4. Наличные силы немецких войск для действий на Ближнем Востоке к данному времени выражаются в 40 дивизиях, из которых 25 — в Греции и 15 — в Болгарии. В этих же целях сосредоточено до двух парашютных дивизий с вероятным их использованием в Ираке.

Голиков»[250].

Затем: Из спецсообщения №660506сс Разведуправления Генштаба Красной Армии «О распределении вооруженных сил по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 15.05.41 г.» от 15.05.1941 г.:

«Перегруппировка немецких войск за первую половину мая характеризуется усилением группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая и Румынию, дальнейшим усилением сил для действий против Англии на Ближнем Востоке, в Африке и на территории Норвегии ...

Общее количество немецких войск против СССР достигает 114-119 дивизий, включая 6 дивизий, находящихся в районе Данциг — Познань — Торн. Из них пехотные — 82-87 горных — 6, танковых — 13, моторизованных — 12, кавалерийских — 1 ...

Основными районами сосредоточения являются: южная часть Генерал-Губернаторства, Словакия и северная часть Молдавии.

(Голиков)»[251].

---

[249] 1941 год. Кн.2. С.46.

[250] Там же. С.171.

[251] Там же. С.215.

Из спецсообщения №660569 Разведуправления Генштаба Красной Армии о группировке немецких войск на 1 июня 1941 г. от 31.05.1941 г.:

«Группировка немецких войск на 1 июня 1941 г.

В течение второй половины мая месяца главное немецкое командование за счет сил, освободившихся на Балканах, производило:

1. Восстановление западной группировки для борьбы с Англией.

2. Увеличение сил против СССР.

3. Сосредоточение резервов главного командования.

Общее распределение вооруженных сил Германии состоит в следующем:

— против Англии (на всех фронтах) — 122-126 дивизий;

— против СССР — 120-122 дивизии;

— резервов — 44-48 дивизий.

... В результате немецких переброс за май месяц против СССР, необходимо отметить:

1) что за вторую половину мая месяца немцы приступили к созданию оперативной глубины, сосредоточив, как выше отмечено, западнее линии Лодзь, Краков — 6-8 дивизий;

2) перебросив значительные силы из Югославии, Греции и Болгарии на территорию Румынии, немцы в значительной степени усилили свое правое крыло против СССР, повысив его удельный вес в общей структуре своего восточного фронта против СССР (к настоящему времени в Румынии, вместе с Молдавией, насчитывается 28 дивизий).

Что касается фронта против Англии, то немецкое командование, имея уже в данное время необходимые силы для дальнейшего развития действий на Ближнем Востоке и против Египта (29 дивизий, считая Грецию с островом Крит, Италию и Африку), в то же время довольно быстро восстановило свою главную группировку на Западе, продолжая одновременно переброску в Норвегию (из порта Птоттин), имея в перспективе осуществление главной операции против английских островов.

В заключение можно отметить, что перегруппировки немецких войск после окончания Балканской компании в основном завершены.

Голиков»[252].

Таким образом, Разведуправление РККА осознавало угрозу нападения фашистской Германии на СССР и регулярно информировало о ней руководство страны. В поле зрения военной разведки находились как Германия с ее союзниками, так и страны англо-французского блока. Поэтому неправы те исследователи, которые пишут о слабости советской военной разведки, ссылаясь при этом на «Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР С.К.Тимошенко от К.Е.Ворошилова», где говорилось:

«Состояние разведывательной работы.

Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организационной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется.

Работа Разведывательного управления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведывательного управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту приема Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены»[253].

Процитированный документ, несмотря на свою важность для исследователей, не имеет точной датировки. Дело в том, что сдача и прием дел по НКО СССР были проведены во исполнение Постановления СНК от 8 мая 1940 г. Однако на документе имеются пометы, указывающие на то, что этот акт был отпечатан 7 декабря 1940 г. в пяти экземплярах, которые

[252] Там же. С.289.

[253] Там же. С.629.

были направлены И.В.Сталину и В.М.Молотову 16 декабря, К.Е.Ворошилову — 12 декабря и Н.Ф.Ватутину — 23 января 1941 г.[254].

Однако не совсем прав и А.Г.Павлов, когда говорит о наличии у Разведуправления полных данных, «по которым можно было сделать твердые выводы: о принятии Германией решения напасть на СССР; о политических и стратегических планах немцев; о конкретных мероприятиях на всех этапах подготовки войны; о силах и средствах, подготовленных для войны; о замысле и способе развязывания войны; о группировке и боевом составе сил, развертывавшихся у границ СССР; о конкретных сроках нападения»[255].

Разведуправление, хотя и узнало о переброске немецкой армии к границам СССР и в достаточной степени освещало ее, но не располагало точными данными о численности развернутой группировки, что привело к ее завышению. Более того, постоянно завышалось и общее количество немецких дивизий вообще. Это привело к ошибочному мнению о том, что на 1 июня 1941 г. Германия сосредоточила против СССР лишь 41,6% дивизий (на самом деле — 62%), а против Англии — 42,6%. В результате был сделан неверный вывод о том, что Германия не начнет войну против СССР, не победив Англию, а также, что процесс сосредоточения германских сил у границ СССР еще не завершен.

Не соответствует действительности утверждение, что военной разведке удалось получить все основные положения плана «Барбаросса». На самом деле ей стали известны лишь сведения о принятии Гитлером стратегического решения о начале войны с СССР, но никаких конкретных деталей плана, а тем более даты нападения она не знала. Да и знать не могла быть, так как агентура Разведуправления не имела доступа к высшим секретам Рейха. Поэтому говорить, что советской военной разведке удалось вскрыть замыслы германского командования, было бы неправильным. (К тому же, сделать это вообще было бы несколько затруднительно: в Германии было несколько концепций войны, и они постоянно менялись, как менялась и дата нападения на СССР.) Это относится и к предположению Разведуправления, что война с Германией будет затяжной. На самом же деле Гитлер и его генералы строили свои планы на теории «блицкрига».

В свете всего этого трудно упрекать Ф.И.Голикова за то, что он считал невозможным нападение Германии на СССР до окончания войны с Англией, а значит и невозможным нападение в ближайшее время. Соответственно и упреки И.Сталину в том, что он не слушал разведку, не совсем обоснованы. (А ведь к нему направлялись донесения и из НКВД, и НКИД, и НКВМФ, и Коминтерна.) Кроме того, надо учитывать и огромное количество дезинформации, направляемой немцами по различным каналам с целью скрыть свои истинные намерения.

Поэтому, на наш взгляд, наиболее верным будет следующий вывод. Советская военная разведка приложила максимум усилий для того, чтобы добыть и представить руководству страны исчерпывающую информацию о намерениях Германии. Однако в силу объективных причин сделать ей это полностью не удалось, а полученные сведения были довольно противоречивыми, чтобы со всей определенностью ответить на поставленные вопросы. Однако считать работу советской военной разведки плохой неверно, так как германские спецслужбы добились еще меньших результатов.

[254] Двойных Л., Тархова Н. Указ. соч.
[255] Павлов А. Указ. соч. С.59-60.

Советская войсковая разведка в 1941-1945 гг.

Внезапное нападение 22 июня 1941 г. гитлеровской на СССР застало советскую военную разведку неподготовленной к работе в условиях войны. Поэтому с первых дней войны ей пришлось действовать вопреки планам, разработанным до начала боевых операций, что, безусловно, сказалось на деятельности всех ее подразделений, особенно войсковой разведки.

Однако было бы неправильно говорить, что руководство Разведуправления в довоенное время ничего не предпринимало для того, чтобы повысить боевую и мобилизационную готовность разведки, в том числе и разведотделов военных округов. Так, 25 февраля 1941 г. начальник Разведуправления генерал-лейтенант Ф.И.Голиков направил директиву всем начальникам разведотделов приграничных военных округов и отдельных армий о приведении их подразделений в мобилизационную готовность к 10 мая 1941 г. А с 23 января по 22 февраля 1941 г. в Москве состоялись сборы начальников разведотделов военных округов и армий для налаживания деятельности данных отделов в период перехода с мирного на военное время. Руководил сборами начальник 7-го отдела Разведуправления (отдел приграничной разведки) полковник И.В.Виноградов. Участники сборов выступили с целым рядом конкретных предложений по повышению боевой готовности разведки в условиях войны с Германией. В частности, предлагалось развернуть разведотделы округов и армий по штатам военного времени, полностью обеспечить их техникой и экипировкой, организовать базы на своей территории на глубину до 400 километров на случай вынужденного отступления и т. п.

После окончания сборов руководство Разведуправления предложило начальнику Генерального штаба РККА Г.К.Жукову план мероприятий по созданию в приграничных военных округах тайных баз с запасом оружия, боеприпасов и иного военного имущества иностранного образца и резервных агентурных сетей на своей территории на глубину 100-150 километров. Данный план утвердил Г.К.Жуков в мае 1941 г.[256].

Согласно плану с 24 мая 1941 г. агентурная разведка западных приграничных военных округов и армий была ориентирована на работу по Германии. Помимо этого, все 10 полков воздушной разведки западных приграничных округов стали пополняться квалифицированным летным составом и новыми самолетами СБ. Комплектование предполагалось завершить к 1 июля 1941 г. Началось также комплектование кадрами 16 радиодивизионов ОСНАЗ, занимающихся радиоразведкой. А перед самым немецким вторжением, в ночь на 22 июня, в Разведуправлении проводилось штабное учение, где отрабатывались вопросы организации разведки при возможном нападении Германии.

Однако все эти мероприятия запоздали и поэтому не были выполнены в полном объеме. Кроме того, в предвоенный период в Красной Армии господствовало мнение, что будущая война будет вестись наступательными операциями на территории противника. В связи с этим ход боевых действий в первые месяцы войны явился для советской военной разведки неожиданным и противоречащим ее довоенной подготовке. Отсюда вытекают те ошибки и просчеты, которые произошли в начале войны.

Так, разведотдел Южного фронта 2 июля 1941 г. определил группировку противника в районе Стефанешты в 9-10 дивизий (в том числе 5-6 танковых и моторизованных), а количество танков — в 900-960 единиц. На самом деле там находилось всего 5 пехотных дивизий и 5 бригад (из них только одна танковая) и всего 60 танков. В результате командование Южного фронта неверно оценило ситуацию и направление возможного удара противника, что повлекло за собой отступление советских войск к Днестру. Подобное случилось и на Юго-Западном фронте. Здесь разведка также не сумела определить главную группировку противника, что в дальнейшем отрицательно повлияло на ход боевых действий[257].

С началом войны Разведуправление развернуло энергичную работу по налаживанию разведывательной работы в новых условиях. Вот что рассказывает об этом В.А.Никольский —

---

[256] Павлов А. Военная разведка СССР в 1941-1945 гг. // Новая и новейшая история. №2, 1995. С.27.

[257] Мельтюхов М. Советская разведка и проблема внезапного нападения. // Отечественная история. №8, 1998. С.3-20.

в то время сотрудник 2-го отделения 7-го отдела Разведуправления, занимавшегося координацией деятельности разведотделов западных приграничных военных округов:

«В Разведывательном управлении началась лихорадочная деятельность по подбору и подготовке разведчиков для работы в тылу противника. Наверстывались беспечные упущения мирного времени за счет ночных бдений, непрерывных поисков лиц со связями в оккупированных немцами районах. Создавались школы по подготовке командиров групп, радистов, разведчиков. Причем преподавателей от слушателей отличало лишь служебное положение, так как ни теоретической, ни тем более практической подготовки все они не имели.

Подбирались добровольцы из числа знающих радиодело моряков Совторгфлота, Главсевморпути, Гражданского воздушного флота, а также членов Осоавиахима. Ставка делалась на массовость. Обучение продолжалось в зависимости от степени военной и общеобразовательной подготовки, а также длительности предполагаемого использования будущего разведчика в тылу немцев — от нескольких дней до нескольких месяцев. Дольше всех готовили радистов. Они досконально изучали рации «Белка» (в последующем «Север») и должны были уметь передавать на ключе и принимать на слух 100-120 знаков в минуту. Для достижения таких нормативов требовалось несколько месяцев упорной работы.

Недостатка в желающих стать разведчиками не было. Военкоматы наводнялись рапортами с просьбами направить немедленно на самый опасный участок фронта. Выбор представлялся в большом возрастном диапазоне от пятнадцатилетних юношей и девушек до глубоких стариков, участников еще русско-японской войны. Предложение служить в военной разведке расценивалось как проявление особого доверия командования и, как правило, безоговорочно принималось ...

Переброска отдельных разведчиков и целых партизанских отрядов и групп в первые месяцы войны производилась преимущественно пешим способом в разрывы между наступающими немецкими подразделениями и частями. Многих организаторов подпольных групп и партизанских отрядов со средствами связи и запасами боеприпасов, оружия и продовольствия оставляли на направлениях, по которым двигались немецкие войска. Их подбирали буквально накануне захвата противниками населенного пункта из числа местых жителей, которым под наскоро составленной легендой-биографией в виде дальних родственников придавали радиста, а чаще всего радистку, снабженных паспортом и военным билетом с освобождением от военной службы, обуславливали связь, ставили задачи по разведке или диверсиям и оставляли до прихода немцев. Через несколько дней, а иногда и часов такие разведывательные и диверсионные группы и одиночки оказывались в тылу врага и приступали к работе.

Часть разведчиков, главным образом имеющих родственные связи в глубоком тылу, направлялась на самолетах и выбрасывалась в нужном пункте с парашютами.

Аналогичную работу по подбору, подготовке и заброске разведчиков в тыл врага производили агентурные и диверсионные отделения разведотделов штабов фронтов. Разведорганы фронтовых и армейских подразделений начали развертываться по штатам военного времени уже в ходе боевых действий, когда наши войска вели тяжелые оборонительные бои. Поэтому квалификация офицеров специальных отделений была в первые месяцы войны крайне низкой. Опыт приобретался ценой больших потерь»[258].

Спешно набранные слушатели проходили краткое обучение в специально оборудованных местах. Так, например, в учебном лагере на станции Сходня под Москвой в первые месяцы войны находилось около полутора тысяч человек различных национальностей — русские, немцы, поляки, чехи, румыны, испанцы, итальянцы и т.д. В течение двух недель их стремились обучить всему, что могло пригодиться в подпольной работе: стрельбе, радиоделу, топографии, прыжкам с парашютом, вождению автомобиля, основам конспирации.

[258] Никольский В. Аквариум-2. М., 1997. С.45-47.

Если же говорить об общем числе заброшенных в первые месяцы войны в тыл противника разведывательных групп, то только разведорганы Западного фронта в июле-августе 1941 г. подготовили и направили за линию фронта около 500 разведчиков, 29 разведывательно-диверсионных групп и 17 партизанских отрядов. А всего в результате объединенных усилий Центра и разведотделов фронтов за первые шесть месяцев войны в тыл противника было заброшено около 10 тысяч человек, в том числе значительное количество разведчиков с радиопередатчиками.

Говоря о действиях войсковой разведки в период Великой Отечественной войны, нельзя не сказать о партизанских отрядах, создававшихся органами военной разведки с первых дней боевых действий. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., которая определяла основные направления работы военной разведки, в пятом пункте говорилось:

«В занятых врагом территориях создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской борьбы всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д.»[259].

Очень часто партизанские отряды создавались на базе забрасываемых в тыл противника разведывательно-диверсионных групп, задачами которых был сбор разведывательных сведений о войсках противника, совершение диверсий на военных объектах и коммуникациях и т. д. Выполняя эту задачу, разведывательные группы включались в партизанское движение и скоро вырастали в крупные отряды и даже соединения. В качестве примеров можно назвать такие крупные спецгруппы, отряды и соединения, как, например, А.П.Бринского, Д.И.Кеймаха, Г.М.Линькова, И.Н.Банова (Черного) и других.

Здесь же будет уместно назвать и начальников разведотделов фронтов:

Е.В.Алешин (Калининский, Западный, 3-й Белорусский фронты);

Г.И.Бондарев (Юго-Западный фронт);

А.Ф.Васильев (Южный фронт);

И.В.Виноградов (Юго-Западный, Сталинградский, Донской (Центральный), Воронежский, 2-й Белорусский фронты);

Н.Г.Грязнов (Юго-Западный фронт);

К.Н.Деревянко (Северо-Западный фронт);

Я.Т.Ильницкий (Западный фронт);

П.П.Евстигнеев (Ленинградский фронт);

А.И.Каминский (Юго-Западный фронт);

В.М.Капалкин (Северо-Кавказский фронт);

Т.Ф.Корнеев (Западный фронт);

М.А.Кочетков (Брянский, Воронежский фронты);

И.Г.Ленчик (1-й Украинский, 1-й Белорусский фронты);

Ф.Ф.Поветкин (Карельский, 2-й Украинский фронты);

А.С.Рогов (Юго-Западный, 3-й Украинский фронты);

И.Г.Рубин (Юго-Западный фронт);

Н.С.Соркин (Дальневосточный фронт);

Н.М.Трусов (Северо-Кавказский, 1-й Белорусский фронты);

А.А.Хлебов (Брянский, 1-й Прибалтийский фронты);

П.Н.Чекмазов (Брянский, Воронежский, Центральный,1-й Белорусский фронты);

Н.В.Шерстнев (Южный фронт).

Несмотря на героическое сопротивление частей Красной Армии в первые месяцы войны, немецко-фашистские войска стремительно двигались вперед. Владея стратегической инициативой, они к концу октября 1941 г. вышли на подступы к Москве. В этот напряженный период войсковая разведка приложила максимум усилий для того, чтобы вскрыть планы и намерения немецкого командования, установить основные группировки немецких войск, направление главных ударов, прибытие резервов, возможные сроки наступления. Для этого в

[259] Павлов А. Указ. соч. С.28.

тыл противника забрасывались как отдельные разведчики, так и разведывательно-диверсионные группы и отряды.

Так, в августе-октябре группа сотрудников 7-го отдела Разведуправления, командированных в полосу ответственности Западного и Брянского фронтов, создали в Гомеле, Брянске, Курске, Мценске и других городах разведывательные группы. Перед ними поставили задачу вскрывать переброску войск противника через эти пункты. Причем командиры разведывательных групп (резидентур) подбирались в большинстве случаев из местных жителей — чаще всего пожилых людей, не подлежащих призыву в армию, но имеющих опыт армейской службы. В помощь им придавались подготовленные радисты, которые, кроме того, должны были не только обеспечивать связь с Центром, но и выполнять обязанности заместителя командира группы (резидентуры) по агентурной разведке.

Всем остающимся в тылу противника разведчикам выдавались соответствующие легенды-биографии и необходимые документы: паспорта, военные билеты с отметкой о снятии с воинского учета, свидетельства об освобождении из мест заключения и т. п. Радисты получали рации «Север» и два комплекта батарей к ним. Кроме того, группы обеспечивались деньгами, сухим пайком (консервы, сухари, сало, сахар, спирт) на два месяца, оружием, боеприпасами и взрывчаткой.

Как уже говорилось, забрасывались в тыл противника и разведывательно-диверсионные отряды. Один из таких отрядов под командованием И.Ф.Ширинкина в сентябре-ноябре 1941 г. прошел свыше 700 км по территории Смоленской, Витебской, Псковской и Новгородской областей, проводя разведку и совершая диверсионные акты на объектах и коммуникациях противника. За успешное выполнение поставленных задач командир отряда И.Ф.Ширинкин и комиссар Ю.А.Дмитриев были награждены орденами Ленина.

Достаточно активно, несмотря на превосходство противника в воздухе, действовала разведывательная авиация. А радиоразведка, пользуясь трофейными документами (таблицы позывных радиостанций войск вермахта, их распределение по соединениям и т.д.), установила факт переброски в сентябре 1941 г. под Москву из-под Ленинграда 2-й немецкой танковой армии. В качестве примера донесений разведки того периода можно привести такое:

«Главковерху товарищу Сталину

Начальнику Генштаба товарищу Шапошникову

26.9.41 г.

Данными всех видов разведки и опросом пленного летчика-истребителя устанавливается следующее:

1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины по жел. д. Минск — Смоленск — Кардымово и по шоссе Минск — Смоленск — Ярцево — Бобруйск — Рославль.

2. Создает группировки против Западного фронта на фр. 16, 19 и 20-й армий в районе Духовщины, Ярцева, Соловьевской переправы, ст. Кадымово, Смоленска и против Резервного фронта в районе Рославля, спас-деменском направлении.

3. По показаниям пленного летчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма — Москва. Противник подтянул уже до 1000 танков, из них около 500 в районе Смоленска — Починок. [...] Противник сосредоточил на московском направлении до 80 дивизий.

4. Начало наступления 1 октября. [...] Авиация для этой операции перебрасывается из-под Ленинграда и Киева. Войска перебрасываются из Германии и киевского направления...

Конев, Лестев, Соколовский»[260].

А начальник разведотдела штаба Западного фронта Т.Ф.Корнеев, вспоминая те дни, писал:

«23 сентября 1941 г. разведка фронта установила, что противник готовится к наступлению и создал для этого крупную группировку войск перед Западным и Резервным фронтами. Всего

[260] Там же. С.29.

в двух районах было сосредоточено около 80 дивизий, в том числе до 20 танковых и моторизованных. Существенный вклад в решение задачи по вскрытию наступательных группировок внесла радиоразведка»[261].

На оперативности и продуктивности работы военной разведки в это тяжелое время не отразилась даже эвакуация в конце октября 1941 г. центрального аппарата Разведуправления в Куйбышев и центрального радиоузла в Читу. (Правда, в процессе эвакуации радиоузла временно прервалась связь почти со всеми разведгруппами и зарубежными резидентурами, но в середине ноября 1941 г. она была восстановлена.) В Москве в это время продолжала действовать оперативная группа Разведуправления, в состав которой входили полковник И.А.Большаков, майор В.И.Коновалов, майор П.И.Степанов, военинженер 2-го ранга К.Б.Леонтьев, капитан М.И.Полякова и другие. В их задачу, помимо прочего, входила и подготовка запасной сети разведчиков на территории до города Горького включительно.

Говоря о работе войсковой разведки во время битвы за Москву, необходимо отметить, что ее усилия позволили установить точные сроки проведения немцами операции «Тайфун», начавшейся 30 сентября 1941 г., и переброску противником из глубокого тыла под Москву в полосу Западного фронта к 11 ноября девяти новых дивизий. А на основе данных, полученных от агентурных и иных источников, был раскрыт замысел противника по окружению Тулы, что способствовало срыву его наступления на Москву с юга. Хорошо поставленная разведка помогла советскому командованию узнать планы противника, организовать надежную оборону Москвы, а затем 5-6 декабря 1941 г. силами Западного, Калининского и частью сил Юго-Западного фронтов перейти в контрнаступление, в результате которого немецкие войска понесли большие потери и были отброшены на 100-250 км от столицы.

В период подготовки контрнаступления советских войск под Москвой войсковая разведка продолжала вести активную работу в тылу противника, широко применяя разведывательно-диверсионные группы. В их подготовке на Западном фронте огромную роль сыграло специальное подразделение «войсковая часть 9903» (позднее 3-е (диверсионное) отделение разведотдела штаба Западного фронта), которой командовал соратник Я.К.Берзина, участник войны в Испании майор А.К.Спрогис. Именно из этого подразделения были заброшены в тыл противника ставшие позднее широко известными разведчики и диверсанты З.Космодемьянская, Н.Галочкин, Н.Горбач, П.Кирьянов, К.Пахомов и многие другие. А всего разведотделом штаба Западного фронта было заброшено в тыл врага:

— с июня по август 1941 г. — 184 диверсионные группы;

— с 15 сентября по 31 декабря 1941 г. — 71 диверсионная группа и отряд общим количеством 1194 человека.

Приобретая необходимый боевой опыт, войсковые разведчики платили за него огромную цену. Многие из них, захваченные немецкой контрразведкой, погибли, как например З.Космодемьянская, которой впоследствии присвоили звание Героя Советского Союза. Но были и случайные потери, и от этого еще более горькие. Так, 25 декабря 1941 г. в деревенском доме в селе под городом Плавск Тульской области в результате прямого попадания немецкой авиабомбы погиб практически весь переменный оперативный состав 3-го отделения разведотдела штаба 10-й армии Западного фронта.

В ноябре 1941 г. вместо Ф.И.Голикова, вернувшегося в войска и назначенного командующим 10-й ударной армией, начальником Разведупра Генерального штаба стал генерал-майор А.П.Панфилов.

В январе 1942 г. после окончания битвы за Москву Государственный комитет обороны рассмотрел деятельность военной разведки по итогам первых месяцев войны. В ходе рассмотрения были отмечены следующие недостатки деятельности Разведуправления Генштаба РККА:

[261] Ивашутин П. Оперативно и надежно. В кн. Солдаты невидимого фронта. М., 1994. С.110-124.

— организационная структура Разведуправления не соответствовала условиям работы в военное время;

— отсутствовало должное руководство Разведуправлением со стороны Генштаба РККА;

— материальная база военной разведки была недостаточной, в частности, отсутствовали самолеты для заброски разведчиков в тыл противника;

— в Разведуправлении отсутствовали крайне необходимые отделы войсковой и диверсионной разведки.

В результате приказом наркома обороны от 16 февраля 1942 г. Разведуправление было реорганизовано в Главное разведывательное управление (ГРУ) с соответствующими структурными и штатными изменениями. Однако на этом реорганизация не закончилась, и 22 ноября 1942 г. приказом наркома обороны войсковая разведка была выведена из состава ГРУ, а разведотделам фронтов запретили вести агентурную разведку. Одновременно ГРУ перешло из подчинения Генштабу РККА в подчинение наркому обороны, а его задачей стало ведение всей агентурной разведки за рубежом и на оккупированной немцами территории СССР. Тем же приказом в составе Генштаба создается Разведывательное управление (РУ), на которое возлагалось руководство войсковой разведкой. Начальником ГРУ был назначен генерал-лейтенант И.И.Ильичев, а начальником РУ Генштаба — генерал-лейтенант Ф.Ф.Кузнецов.

Однако это решение, в результате которого фронтовые разведотделы лишили права вести агентурную разведку, оказалось ошибочным и было отрицательно воспринято практически всеми оперативными работниками разведки. Уже упоминавшийся В.А.Никольский, всю войну занимавшийся агентурной разведкой и во фронтовых разведотделах, и в Центре, так характеризует данное нововведение:

«Новая система не имела четкого положения, функции баз, как центров агентурной подготовки разведчиков, достаточно продуманы не были, материальные средства и техника, в том числе авиационная, а также радиоаппаратура оставляли желать лучшего. Созданная в Филях центральная разведшкола, рассчитанная на массовую подготовку в возможно короткие сроки агентов и радистов, спешно развернула свою работу, но не могла удовлетворить потребности в кадрах, ранее готовившихся десятком фронтовых школ...

Коренная ломка всей системы разведки в самом разгаре войны вызвала всеобщее удивление не только у офицеров этой службы, но и у всех командиров, в той или иной мере соприкасавшихся со штабной службой в звене армия фронт. Приказ о ликвидации фронтовых агентурных структур был отдан в самый ответственный момент начала нашего общего наступления под Сталинградом, подготовки Ленинградского и Волховского фронтов к прорыву блокады, наступления Северной группы Закавказского, Северо-Кавказского, Юго-Западного и Калининских фронтов. Дезорганизация разведки в этот период весьма отрицательно сказалась на боевой деятельности войск и явилась объективной причиной больших потерь, поскольку штабы фронтов в этот период нужной информации о противнике не получали.

В процессе выполнения этого непродуманного решения, навязанного армии в самый ответственный момент войны, разведка потеряла сотни подготовленных агентурных работников низового звена, значительную часть агентуры в тылу противника и на подготовке во фронтовых разведывательных школах, опытных маршрутников и связников, направленных в соответствии с приказом на пополнение войск.

С учетом организационного периода в разведуправлении с 20 декабря 1942 г. командующие фронтами практически остались без оперативной информации о положении в тылу противника. Получаемые в ГРУ сведения от бывшей фронтовой агентуры после их обработки в информационном отделе зачастую пересылались фронтам с таким опозданием, что они теряли свою актуальность. Терялась и оперативность в руководстве агентами и постановке им заданий. Оперативные офицеры в Центре не были в курсе изменений агентурной обстановки, ранее поступавших к ним напрямую»[262].

[262] Никольский В. Указ. соч. С.124-126.

В связи со сложившейся ситуацией весной 1943 г. командующие фронтами обратились с настоятельной просьбой в Ставку ВГК отменить вышеупомянутый приказ. Просьбу рассмотрели, и приказом наркома обороны от 18 апреля 1943 г. руководство войсковой и агентурной разведки фронтов было возложено на Разведуправление (РУ) Генштаба, которому из ГРУ передавалось управление, отвечающее за проведение агентурной работы и диверсионной деятельности на оккупированной территории СССР. На ГРУ возлагалось ведение зарубежной разведки. Это положение просуществовало до конца войны.

Разведуправление Генштаба размещалось в Москве в доме №17 по улице Карла Маркса и организационно состояло из следующих отделов:

1-й отдел (начальник — полковник С.И.Зайцев) занимался войсковой разведкой и имел функции главным образом инспекционного характера;

2-й отдел (начальник — генерал-майор Н.В.Шерстнев) занимался агентурной разведкой. Отдел имел четыре направления: северо-западное агентурное (начальник — подполковник Смирнов), западное агентурное (начальник — подполковник Никольский), юго-западное агентурное (начальник — подполковник Соколов) и диверсионное. Заместитель начальника отдела полковник Питалев курировал агентурные направления, а другой заместитель — полковник Косиванов — диверсионное направление;

3-й отдел (начальник — полковник Романов) занимался обработкой поступавшей информации.

Кроме этих трех основных отделов в Разведуправлении были и другие:

— политический отдел (начальник — полковник Мальков);

— отдел радио и радиотехнической разведки;

— следственный отдел, который совместно с 1-м и 2-м отделами работал с военнопленными;

— отдел спецрадиосвязи (начальник — генерал-майор Пекурин);

— отделение спецсвязи для обучения агентов и разведчиков шифрам и поддержанию связи с ними;

— авиаэскадрилья особого назначения для проведения ночных операций (командир — майор Цуцаев).

Тогда же в штабах фронтов вместо разведотделов были созданы разведывательные управления, состоящие из пяти отделов:

1-й отдел руководил работой нижестоящих разведподразделений;

2-й отдел занимался агентурной разведкой;

3-й отдел отвечал за диверсионную работу;

4-й отдел обрабатывал поступавшую разведывательную информацию;

5-й отдел занимался радиоразведкой.

Что же касается разведотделов штабов армий, то они состояли из двух отделений: войсковой разведки и информационного. Говоря об их функциях, стоит обратиться к воспоминаниям М.А.Волошина, летом 1942 г. назначенного начальником разведки 39-й армии:

«Первые дни ушли на ознакомление со структурой разведотдела армии и его сотрудниками. Отдел имел в своем составе два отделения: войсковой разведки и информационное.

Отделение войсковой разведки возглавлял капитан Алексей Николаевич Антонов, опытный штабной работник. Его помощником был майор Никита Андреевич Пантелеев. На них возлагалась подготовка общего плана разведки, указаний на разведку соответствующим штабам, контроль за точным выполнением отданных распоряжений, оказание помощи разведывательным подразделениям частей и соединений.

Немногочисленным было и отделение информационное. Начальник — старший лейтенант Иван Максимович Дийков, его помощник — лейтенант Михаил Денисович Кишек. Кроме них в штате отделения состояли переводчики лейтенант Николай Михайлович Юдашкин, чертежник сержант Анатолий Кузнецов. Последний, естественно, часто трудился в интересах всего отдела.

В информационное отделение стекались разведывательные данные из соединений и частей армии. Сюда же в порядке взаимного обмена поступали разведсводки от соседей, дополнительные сведения о противнике из штаба фронта, а иногда и из Главного разведывательного управления Красной Армии. Все эти документы предстояло тщательно проанализировать, сделать из них окончательные выводы, на основе которых строились планы командования»[263].

Еще несколько слов надо сказать о порядке доклада развединформации начальнику Генштаба РККА, который был установлен в первые дни войны и не менялся до ее окончания. Приказом начальника Генштаба Разведуправление сообщало разведдонесения и разведсводки два раза в сутки (утром и вечером), а разведдоклады — три раза в месяц. Доклад о положении на фронтах Разведуправление представляло ежедневно за истекшие сутки, и один раз в неделю к нему в виде приложения давалась карта группировок немецких войск (7, 15, 22 и 30-го числа каждого месяца). Тогда же докладывался и боевой расчет сил противника: группировки войск по фронтам и направлениям до дивизии, отдельных бригад и батальонов включительно. Особо важные сведения передавались по мере поступления в виде спецсообщений. Доклады направлялись всем членам ГКО, начальнику Генерального штаба и начальнику оперативного управления Генштаба. Кроме того, начальник Генштаба получал информацию в виде спецдонесений, справок, шифротелеграмм и личных докладов от начальника ГРУ. Эта информация затрагивала широкий спектр вопросов военно-технического, военно-экономического и военно-политического характера. В результате такой организации работы военная разведка постоянно предоставляла высшему военному и политическому руководству страны необходимую ему информацию[264].

После поражения немецкой армии под Москвой перед советской военной разведкой была поставлена задача внимательно отслеживать приготовление Германии в летней кампании 1942 г. Этим занималось как ГРУ, так и РУ Генштаба. И уже в марте 1942 г., проанализировав полученные сведения, Разведуправление доложило в Генштаб:

«Подготовка весеннего наступления подтверждается переброской немецких войск и материалов. За период с 1 января по 10 марта 1942 г. переброшено до 35 дивизий, непрерывно идет людское пополнение действующей армии. Ведутся интенсивные работы по восстановлению железнодорожной сети на оккупированной территории СССР, идет усиленный завоз боевых и транспортных машин...

Центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта со вспомогательным ударом на севере, при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы... Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий...

Наиболее вероятный срок весеннего наступления — середина апреля или начало мая 1942 г.»[265].

Таким образом был раскрыт план гитлеровского командования на летнюю кампанию 1942 г., согласно ему противник намеревался нанести главный удар в направлении на Кавказ и Сталинград, с тем чтобы захватом Сталинграда повернуть основную ударную группировку на север, отрезать Москву от тыла и начать наступление на нее с востока и запада.

Однако руководство Ставки ВГК, и прежде всего И.Сталин, продолжало считать, что главный удар летом 1942 г. противник осуществит на московском направлении. Именно поэтому с большим опозданием была раскрыта операция немецкой разведки «Кремль», целью которой являлась дезинформация советского командования в том, что главный удар вермахта в 1942 г. будет нанесен на Москву. Это же послужило одной из причин принятия решения о наступлении армий Юго-Западного фронта на Харьковском направлении в мае 1942 г.,

[263] Волошин М. Разведчики всегда впереди. М., 1977. С.10-11.
[264] Павлов А. Указ. соч. С.31.
[265] Там же. С.34.

закончившееся крупным поражением частей Красной Армии. В результате поражения противнику вновь удалось захватить стратегическую инициативу и, прорвав оборону Брянского и Юго-Западного фронтов, перейти в наступление на Кавказ и Сталинград.

В период Сталинградской битвы огромная нагрузка легла на разведотделы штабов Юго-Западного (Сталинградского) и Донского фронтов. Для их усиления из центрального аппарата Разведуправления была направлена большая группа опытных офицеров с задачей организовать агентурную разведку в тылу противника. Так, разведотдел Сталинградского фронта в короткий срок сумел наладить подготовку разведчиков и диверсантов во фронтовой разведшколе, которую возглавлял майор Шарыгин. Однако серьезные затруднения возникли в связи с недостаточным количеством радиостанций для разведчиков. К тому же маршрутные группы и многочисленные разведчики-одиночки, посылаемые в тыл противника через линию фронта, несли огромные потери из-за большой плотности немецких войск и бесчинств калмыков, яростно охотившихся за разведчиками, — за их поимку они получали от немцев крупное денежное вознаграждение.

Кроме того, с 22 ноября 1942 г. согласно приказу наркома обороны фронтовым разведотделам было запрещено вести агентурную разведку. Это произошло в решающий момент подготовки частей Красной Армии к контрнаступлению и сразу же лишило командование Сталинградского и Донского фронтов оперативной информации о противнике. Поэтому часто случалось, что сводки об обстановке в тылу противника приходили в войска, когда они уже занимали территорию, о которой говорилось в присланных сообщениях. К тому же в ходе поспешной реорганизации агентурной разведки сотни разведгрупп и резидентур остались без должного руководства, а часть из них вообще выбыла из строя.

Но, несмотря на все трудности, войсковая разведка еще до начала немецкого наступления на Сталинград в июле 1942 г. раскрыла группировку войск противника первой линии с точностью до батальона, систему их обороны, установила состав и боевой порядок многих соединений перед фронтом наших войск. Так, были добыты сведения о боевом и численном составе, вооружении, дислокации основных частей 4-й и 6-й немецких танковых армий, 3-й румынской и 8-й итальянской армий, о численности 4-го воздушного флота противника. Большую роль в обеспечении Сталинградской операции разведывательными данными сыграла радиоразведка. В начале июля 1942 г. она определила местонахождение штабов соединений группы армий «Б» и вела за ними непрерывное наблюдение. Ею же была раскрыта переброска в район прорыва (44 км юго-восточнее Клетской) 24-й танковой дивизии, переброска с Северного Кавказа штурмовой эскадры и двух групп бомбардировочной эскадры «Эдельвейс», выявлен состав окруженной группировки противника. Очень активно действовала и воздушная разведка, которая своевременно вскрыла переброску с Северного Кавказа двух танковых дивизий в район Котельниково[266].

Все это вместе взятое помогло советскому командованию принимать правильные решения, организовать в ноябре 1942 г. контрнаступление, закончившееся окружением и разгромом 6-й немецкой армии под командованием генерал-фельдмаршала В. фон Паулюса, и выиграть Сталинградскую битву, положив тем самым начало коренному перелому в ходе войны.

В конце 1942 — начале 1943 г. усилилось партизанское движение, партизанские отряды и соединения начали играть все более важную роль в системе военной разведки. В начале 1943 г. на их базе стали формироваться оперативные центры для организации разведывательной работы. Главной задачей таких центров было создание агентурных сетей на занятой противником территории и проведение диверсионных актов. Каждый центр имел в своем составе радиоузел для связи со штабами фронтов. Чтобы радиоузлы нормально функционировали, только в конце 1942 — начале 1943 г. в тыл противника забросили 650 радистов.

[266] Павлов А. Указ. соч. Ивашутин П.И. Указ. соч.

В августе 1942 г. в расположение партизанского отряда Г.М.Линькова в район Пинских болот был сброшен с парашютом капитан Разведуправления И.Н.Банов (Черный). Ему следовало в кратчайший срок добыть сведения о противнике в крупнейших городах и железнодорожных узлах Белоруссии: в Пинске, Бресте, Барановичах, Ковеле, Сарнах, Ганцевичах. Радиоузел, столь необходимый для нормального функционирования оперативного разведцентра, был создан заброшенными еще раньше С.Скрипником и тремя его радистами. Об условиях, в которых И.Н.Банову пришлось начинать свою деятельность, он вспоминает так:

«Считается, что партизанская база должна отвечать следующим условиям: располагаться вблизи хорошо заметных с воздуха природных ориентиров, чтобы летчики без труда находили место для посадки или сбрасывания грузов; находиться, однако, достаточно далеко от этих ориентиров, чтобы противник не мог легко обнаружить ее; размещаться по возможности поодаль от населенных пунктов, лучше всего в мало посещаемых населением лесных районах, но не настолько далеко, чтобы связь с населенными пунктами оказалась слишком затруднительной.

Казалось бы, выбрать такое место просто невозможно.

Тем не менее база Линькова отвечала самим строгим требованиям. Озера Червонное и Белое были хорошо заметны с воздуха, летчикам не приходилось подолгу кружить, чтобы выйти на костры Булева болота, а вместе с тем Белое и Червленное были удалены от базы за пятнадцать-двадцать километров. До ближайшего населенного пункта на западе — села Восточные Милевичи — от базы было семь километров, а на юге до городка и железнодорожной станции Житковичи — километров двадцать пять-тридцать.

Центральная база, где работал штаб отряда, жила охрана и содержался радиоузел, состояла из трех землянок, вырытых на уединенном бугре и надежно замаскированных. Число людей, постоянно находившихся на базе, никогда не превышало двадцати человек. На юго-востоке от центральной базы, километрах в двух от нее, имелась конюшня. К населенным пунктам и дорогам были выдвинуты заставы, надежно прикрывающие центральную базу от неожиданного нападения противника. Заставы, замаскированные столь же тщательно, были удалены от центральной базы, как правило, на три-пять километров.

Тут, на заставах, и размещались основные силы отряда. Сюда приходили с заданий боевые группы подрывников, здесь отдыхали и несли караульную службу, отсюда же уходили на новые задания. И хотя партизанам было известно, что на заставах они охраняют центральную базу, свой штаб, о подлинном местонахождении штаба знали только командиры боевых групп или начальники застав. Это была отнюдь не излишняя предосторожность. Случаи предательства имелись, и командование отряда обязано было принять все меры, чтобы предотвратить разгром своей части»[267].

Выполняя приказ командования, И.Н.Банов создал организацию, нацеленную на планомерную и своевременную разведку. И уже к весне 1943 г. ни один воинский эшелон противника не проходил через район действий его разведчиков незамеченным. Более того, только в течение мая — июня 1943 г. подвижные диверсионные группы центра И.Н.Банова взорвали и пустили под откос 64 воинских состава противника. Разведчики Н.И.Банова первыми сообщили в Центр о переброске на Восточный фронт из Германии новых танков «тигр» и «пантера», а также самоходных установок «фердинанд», передали их тактико-технические данные, проследили движение эшелонов с новой техникой на центральные участки фронта.

В дальнейшем, в ходе продвижения советских войск на Запад, соединение И.Н.Банова форсировало Западный Буг и, выполняя новый приказ, взяло под наблюдение части и соединения противника, дислоцированные на территории оккупированной Польши. Его разведчики проникли в Варшаву, Демблин, Луков, Люблин и другие города, где им большую помощь оказывали поляки. В июле 1944 г. отряд И.Н.Банова соединился с частями наступающей Красной Армии.

[267] Черный И. Данные достоверны. М., 1972. С.32-33.

Здесь следует отметить, что необходимое в партизанских отрядах единоначалие часто перерастало в самоуправство, которое доходило до абсурда. Не избежал этого и И.Н.Банов. Расположившись с оставшимися у него людьми на отдельном хуторе, он ездил к представителям Центра, находящимся во временном штабе в районе Кобрина, на тачанке в сопровождении шести конных автоматчиков, что вызывало насмешки со стороны офицеров Разведуправления. Скорее всего, именно это, а не приказ заставил И.Н.Банова откомандировать полувзвод своих ординарцев в военкомат. Однако личный адъютант оставался при нем до самого его отлета в Москву[268].

Впрочем данное обстоятельство нисколько не умаляет боевых заслуг И.Н.Банова и его соратников. За мужество и стойкость, проявленные в тылу противника, капитан И.Н.Банов был удостоен звания Героя Советского Союза, а свыше 500 его воинов-разведчиков получили высокие правительственные награды.

Из других известных партизанских разведчиков можно назвать Н.П.Федорова, при его отряде в январе 1943 г. начал работать оперативный центр «Омега». Он контролировал районы Припять, Киев, Пирятин, Бахмач и своевременно посылал в Москву информацию о группировках немецких войск в этих районах. Летом 1943 г. создается оперативно-разведывательный центр Разведуправления во главе с А.П.Бринским, действовавший в районе городов Ковель и Каменец-Подольск. Здесь была сформирована обширная агентурная сеть, которая регулярно отправляла в Центр ценную информацию о группировках немецких войск и их перебросках. Сведения А.П.Бринского имели важное значение, например, для планирования и проведения Белорусской операции. Вот только некоторые из посланных им в Центр сообщений:

«15.11.43. Из Коростень в Шепетовку гитлеровцы перебрасывают один пехотный полк из состава 339-й пехотной дивизии ... Брук».

«7.12.43. В течение 5-7 декабря с.г. 24-я дивизия перебрасывалась по железной дороге из Ровно в Ковель. За это время перевезено 189 танков, более 180 орудий, 426 грузовых и легковых машин, около 70 мотоциклов. Отмечено 182 вагона с личным составом ... Брук».

«1.2.44. По шоссейной дороге из Колки во Владимир-Волынский перебрасываются танковые и моторизированные части. В Луцке отмечено большое скопление войск противника, которые предполагается перебросить в район Владимира-Волынского. Движение войск по железной дороге Ровно — Ковель прекратилось ... Брук»[269].

Если же говорить о наиболее громких диверсионных актах, проведенных военными разведчиками-партизанами, то в первую очередь надо упомянуть ликвидацию в 1943 г. в Минске гауляйтера Белоруссии В.Кубе. Проведение этой операции было возложено на разведчиков Н.П.Федорова, которые действовали в районе Минска на базе спецотряда «Дима» под командованием Д.И.Кеймаха. Непосредственные исполнители акции — Е.Г.Мазаник, работавшая прислугой в доме В.Кубе, и М.Б.Осипова, передавшая ей мину с химическим взрывателем. Мину положили под матрац кровати гауляйтера, и в 2 часа 20 минут 22 сентября 1943 г. В.Кубе был убит. За этот подвиг Е.Г.Мазаник и М.Б. Осиповой присвоили звание Героя Советского Союза, а Н.П.Федорова наградили орденом Ленина.

После проведения этой операции Н.П.Федорова направляют в Ровно с заданием уничтожить гауляйтера Украины Э.Коха. Но вскоре он был отозван с Украины и операция не состоялась. Далее Н.П.Федоров возглавлял отряд особого назначения в районе Ковеля, где во взаимодействии с другими партизанскими отрядами установил контроль за железнодорожными магистралями. Его люди не только посылали в Центр важную информацию, но и совершали в тылу противника многочисленные диверсии.

В 1944 г. отряд Н.П.Федорова переправился через Западный Буг и вышел в район Люблина, где, установив связь с польскими партизанами, начал проводить диверсии на

[268] Никольский В. Указ. соч. С.148-149.

[269] Люди молчаливого подвига. Кн.1. М., 1987. С.249.

железных и шоссейных дорогах. В этих боях 17 апреля 1944 г. Н.П.Федоров погиб. 21 ноября 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Об эффективности действий партизанских отрядов говорит тот факт, что летом 1943 г. немцы собирались использовать против них химическое оружие. Об этом доложили в Центр резидентуры и разведывательно-диверсионные группы разведотдела штаба Западного фронта, которые установили факт переброски в районы Могилева, Бобруйска и Борисова вагонов с ОВ. Так, 8 июня 1943 г. в одном из вагонов эшелона, пущенного партизанами под откос у станции Ясень, под сеном оказались баллоны со слезоточивым газом. Примерно в то же время в Бобруйске появился инженерно-химический батальон, а 1 и 2 августа 1943 г. на станции Красный Берег и в Могилеве производилась выгрузка ящиков и баллонов со знаками ОВ. Тогда же разведотдел Западного фронта получил следующую информацию:

«Переводчик командира 634-го французского карательного полка полковника Перлецей сообщил: в деревнях ... Борисовского района завезено по 8 металлических баллонов емкостью 30-40 литров с жидкими ОВ. Всем французам выданы противогазы. В каждой роте есть отделение химиков, снабженных комбинезонами. Проводятся занятия. Цель завоза ОВ — применение их против партизан.

Горняк».

Намерение немецкого командования применить против партизан химическое оружие подтвердила и следующая находка: в 1979-1980 гг. под Барановичами был обнаружен немецкий склад со снарядами, начиненными предположительно люизитом и ипритом. Правда, что помешало немцам его использовать, не известно[270].

После поражения под Сталинградом немецкое командование стало усиленно. готовиться к летней кампании 1943 г., рассчитывая взять реванш за постигшие его неудачи. В связи с этим директивой Ставки ВГК от 3 апреля 1943 г. перед военной разведкой была поставлена задача «постоянно следить за всеми изменениями в группировке противника и своевременно определять направления, на которых он проводит сосредоточение войск и, особенно, танковых частей». Наряду со стратегической агентурной разведкой эту задачу успешно решала и разведка фронтовая. Она использовала все средства агентурной, войсковой, воздушной и радиоразведки.

К началу Курской битвы органы фронтовой разведки контролировали практически все передвижения войск противника, а в его тылу действовало большое число разведывательно-диверсионных групп. Так, разведотделы Брянского (начальник — полковник А.А.Хлебников) и Центрального (начальник — генерал-майор П.Н.Чекмазов) имели в тылу противника по 20 групп, а разведотдел Воронежского фронта (начальник — генерал-майор И.В.Виноградов) — 30 групп. А в общевойсковых соединениях и частях Центрального и Воронежского фронтов с апреля по июль 1943 г. было организовано более 2700 разведывательных наблюдательных пунктов, свыше 100 раз проводилась разведка боем, осуществлено более 2600 ночных поисков пленных и устроено около 1500 засад, захвачено несколько сот пленных[271].

Целенаправленная деятельность разведки накануне Курской битвы позволила советскому командованию разгадать замысел противника, а также выяснить сроки начала операции «Цитадель». Несмотря на то, что они переносились с 3 на 15 мая, а потом еще дальше, именно войсковая разведка точно установила, что наступление начнется в 3 часа 50 минут 5 июля 1943 г. Именно это обстоятельство позволило советскому командованию принять решение о проведении артиллерийской контрподготовки по изготовившемуся к наступлению противнику.

Об оперативности и эффективности разведки во время Курской битвы говорит такой факт. В течение первых шести дней наступления в полосе Воронежского фронта командование противника предпринимало попытки прорваться танковыми дивизиями в направлении

[270] Пороскоов Н. «Химики» из Фатерлянда // Новости разведки и контрразведки. 1996. №21 С.6.
[271] Павлов А. Указ. соч. С.36.

Томаровка, Обоянь, Курск, но безрезультатно. Тогда 11 июля немцы начали перегруппировку сил в направлении на Прохоровку. Но буквально через несколько часов сведения об этом лежали на столе у советского командования. Вот что вспоминал об этом эпизоде начальник разведки Воронежского фронта И.В.Виноградов:

«В ночь на 12 июля противник изменил направление главного удара с Обояни на Прохоровку. Первоначально это заметил воздушный разведчик. А через 5-6 минут доложила радиоразведка, что танковые дивизии СС «Викинг», «Великая Германия», «Мертвая голова» и «Адольф Гитлер» повернули с обоянского направления и продвигаются в направлении Прохоровки. Эти данные тут же были доложены командующему войсками фронта генералу армии Н.Ф.Ватутину. В это время он отдавал приказ командующему 5-й танковой армии генералу П.А.Ротмистрову на переброску армии из района Прохоровки на обояньское направление. Получив эти данные и убедившись в их достоверности, командующий фронтом отменил свой прежний приказ о переброске армии и обязал П.А.Ротмистрова готовить подчиненную ему танковую армию к встречному сражению с наступающими танковыми дивизиями противника»[272].

В результате развернувшееся 12 июля танковое сражение под Прохоровкой окончилось победой советских войск. Г.К.Жуков, оценивая работу военной разведки во время Курской битвы, писал:

«Благодаря блестящей работе советской разведки весной 1943 г. мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением... Хорошо работающая разведка была также одним из слагаемых в сумме причин, обеспечивших успех этого величайшего сражения»[273].

После поражения под Курском командование противника рассчитывало закрепиться на стратегической оборонительной линии, созданной им заранее и носившей название «Восточный вал». Однако советское командование заблаговременно поставило перед разведкой задачу получить подробные данные об этом оборонительном рубеже. И здесь наряду со стратегической агентурной разведкой огромную роль сыграла фронтовая разведка. Благодаря активным действиям войсковой разведки и партизанских отрядов советскому командованию были предоставлены сведения о глубине оборонительных линий и рубежах обороны, структуре укреплений «Восточного вала». Так, действовавшая на территории Левобережной Украины разведгруппа майора К.С.Гнедаша вскрыла систему обороны немцев, количество и расположение войск, техники и складов в районах Киева, Чернигова, Коростеня и Житомира. Данные, полученные от разведгруппы К.С.Гнедаша, во многом способствовали успешному форсированию Днепра.

Затем группа К.С.Гнедаша переместилась в Белоруссию и действовала в районах Слуцк, Осиповичи, Барановичи, Минск, Слоним, Белосток, а с подходом частей Красной Армии перебазировалась на запад в направлении Пинск, Брест, Варшава. Сведения, передаваемые разведгруппой К.С.Гнедаша в этот период, внесли достойный вклад в успешное завершение Белорусской наступательной операции. К сожалению, 19 июня 1944 г. у города Слоним К.С.Гнедаша и радистку К.Т.Давидюк окружил немецкий карательный отряд, и они подорвали себя гранатами. Посмертно К.С.Гнедашу было присвоено звание Героя Советского Союза.

В результате побед, одержанных в 1943 г. в зимней кампании 1944 г., части Красной Армии вышли на границу СССР и перенесли военные действия на территорию оккупированных Германией восточно-европейских государств и Восточной Пруссии. Это обстоятельство потребовало от разведотделов фронтов по-новому налаживать разведывательную работу, особенно агентурную в тылу противника. Дело в том, что на территории Польши или Чехословакии местное население достаточно лояльно относилось к представителям Красной

[272] Ивашутин П. Указ. соч.

[273] Жуков Г. Воспоминания и размышления. 2-е доп. изд. С.259.

Армии, в Германии же каждый был врагом, не за страх, а за совесть помогающим властям бороться с русскими шпионами.

Заброшенных в Германию советских разведывательно-диверсионных групп немцы опасались не меньше, чем наступающих частей Красной Армии, так как за их появлением следовали захват пленных и оперативных документов, диверсии на коммуникациях и т. д. Поэтому местное население постоянно наблюдало за воздухом, крестьяне и в поле имели при себе оружие, по проселочным дорогам круглосуточно разъезжали радиопеленгаторы, а на самих дорогах устраивались засады. Комендантs участков имели при себе именные списки граждан с указанием примет: рост, возраст, цвет волос и глаз. Каждый, незнакомый человек, появившийся на данном участке, должен был назвать того, к кому пришел. И если такого не значилось, то незнакомец расценивался как разведчик. В приказе по 48-му бронетанковому корпусу говорилось:»Все шатающиеся по дорогам мужчины в возрасте от 16 до 60 лет должны направляться в лагеря для военнопленных».

Интересен в этом плане и следующий документ:

«Господам ландратам округа Гумбинен

Копия — президенту округа

Гестапо

Спешное письмо

В ближайшее время в провинциях Восточной Пруссии надо рассчитывать на приземление отдельных парашютистов. Требуется повышенная бдительность, так как они уже приземлялись в бывшей Польше. При появлении доносить срочно по телефону с условным выражением «парашют». По указу командующего полицией охраны порядка Кенигсберга при появлении парашютистов поднять по тревоге полицейских, сельскую стражу, оцепить местность, оповестить бургомистра, коменданта крепости Мемель, начальников гарнизонов Тильзит, Истербург, Летцен, Зудауэн. Силы держать до тех пор, пока это требуется.

Доктор Роде»[274].

24 июля 1944 г. нарком обороны СССР издает директиву, обязывающую начальников штабов и разведотделов фронтов создавать активно действующие агентурные сети на территории Германии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии и других стран путем внедрения агентуры на важные объекты на глубину до 500 км от линии фронта, а также в различные националистические и другие организации и формирования. А в приказе по агентурной разведке №001 наркома обороны за 1945 г. требовалось по мере приближения к территории Германии усилить разведывательно-диверсионную деятельность и увеличить число забрасываемых в тыл противника разведгрупп.

В Польше при командовании 1-й армии Войска Польского находился представитель военной разведки генерал-майор Н.М.Молотков. Во время Варшавского восстания в течение 10 дней в сентябре-октябре 1944 г. находился в качестве офицера связи разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта лейтенант Иван Андреевич Колос, который сумел встретиться с руководителями восстания генералами Монтером и Бур-Коморовским, собрать наиболее полную на тот момент информацию и вернуться живым (его радист Дмитрий Сенько, выброшенный на парашюте вместе с ним, погиб при приземлении)[275]. Группой военных разведчиков в Кракове с лета 1944 г. до освобождения Кракова зимой 1945 г. руководил капитан Евгений Степанович Березняк (история группы "Голос" описана самим Березняком в его воспоминаниях и показана, весьма неточно, в фильме "Майор Вихрь").

В начале августа 1944 г. для организации разведывательно-диверсионных групп, предназначенных для заброски на территорию Восточной Пруссии, в Брест направляется оперативная группа офицеров Разведуправления Генштаба во главе с В.А.Никольским. В состав группы входили подполковник В.И.Кириленко, подполковник И.М.Семенов, подполковник

[274] Пороскоов Н. Немцы против немцев // Независимое военное обозрение. 1998. №8. 27 февр.

[275] Безыменский Л.А.// Новое время. №36.1988.

С.И.Шепелев, майор В.П.Алексеев, майор П. Н.Савельев, старший лейтенант В.Б.Величко и другие. Эта и другие оперативные группы Разведуправления совместно с разведотделами фронтов забрасывали на территорию Германии разведгруппы с заданием выявлять состав и нумерацию частей и соединений противника, переброску войск, местонахождение аэродромов и т.п. Так, в ходе операции в Восточной Пруссии в тыл противника было заброшено 36 разведгрупп, а в полосе ответственности 1-го Украинского фронта действовало более 18 разведгрупп. А упомянутая оперативная группа В.А.Никольского отправила в тыл противника более 120 разведчиков и агентов.

Однако массовая заброска крупных разведгрупп, целиком оправдавшая себя на территории СССР, временно оккупированной немцами, оказалась неэффективной в изменившихся условиях. Главной причиной этого стало стремление как можно быстрее испытанными методами добиться нужных результатов. Но при этом не учитывалась совершенно иная агентурная обстановка, сложившаяся на территории Германии, что привело к неоправданно большим потерям. О них можно судить по документам, сохранившимся в архиве ГРУ:

«При преследовании карателями разведчик резидентуры «Иван» Петр Носырь был ранен и застрелился».

«При разведке г. Лепель старший группы «Редько» и разведчица «Таня» были пойманы и расстреляны немцами».

«Старший группы старший лейтенант Кириченко М.М. подорвался на мине».

«Группа «Клен» старшины Цепкова, выброшенная юго-западнее Тапиау, с 15 по 30 сентября непрерывно преследовалась. 20 сентября командир сообщил: «Основная база разгромлена. Убегаем по болоту. Продуктов имеем на три дня»[276].

А вот что вспоминает о действиях разведгрупп на территории Германии В.А.Никольский:

«Конечные итоги главного направления нашей деятельности не оправдали надежд командования. Еще до окончания войны нам стало известно, что почти все наши разведывательно-диверсионные группы были уничтожены противником вскоре после приземления. Сбылись наши худшие опасения, высказывавшиеся с свое время руководству. Посылка относительно большого числа групп из советских людей, не знающих языка, являлась фактически авантюрой. Наши спецподразделения были слишком малочисленны, чтобы защитить себя и вести разведку, и слишком велики для маскировки и укрытия в искусственно насаженных аккуратных лесах Западной Польши и Восточной Пруссии. Широкие просеки, разветвленная система лесных объездчиков, совершенные средства связи с телефонами не только в квартирах, но и на дорогах, покрывающих густой сетью всю страну, давали возможность по малейшему сигналу любого немца о появлении советских парашютистов направлять моторизованные карательные отряды полицейских и эсэсовцев с собаками в любой пункт, где могли скрываться наши люди. В таких облавах принимали участие все немцы, способные носить оружие. Проводилась так называемая «хазенягд» — «охота на зайцев», где в качестве зайцев выступали обнаружившие себя наши разведчики...

Из 120 опытных разведчиков и агентов, направленных нами из Бреста и Кобрина, в живых уцелело всего с десяток человек, с трудом выживших до прибытия в район их выброски советских войск»[277].

Учитывая сложившуюся обстановку Разведуправление на завершающем этапе войны сделало ставку на заброску в тыл противника небольших групп и отдельных разведчиков, в основном немцев по национальности. Так, разведотдел 3-го Белорусского фронта в декабре 1944 г. в Каунасе стал готовить агентов-немцев. Набирали будущих агентов из числа немецких перебежчиков, военнопленных или репрессированных фашистами. В тыл противника такие агенты забрасывались в немецкой военной форме, они были снабжены соответствующей легендой и документами (солдатскими книжками, командировочными предписаниями,

[276] Там же.

[277] Никольский В. Указ. соч. С.156-157.

отпускными билетами, проездными билетами и т.д.). О масштабах и результатах работы таких разведгрупп можно судить по следующему донесению в Разведуправление:

«Начальнику Разведуправления ГШ Красной Армии

генерал-полковнику Кузнецову

С августа 1944 по март 1945 г. подготовлено 18 разведгрупп из числа пленных — 14 радиофицированных, 4 группы маршагентов. С тремя группами не была установлена связь: одна группа погибла, вторая предана радистом, третья, очевидно, погибла, т.к. выброшена непосредственно в район активных боевых действий. Из оставшихся 11 групп 2 вышли на связь, но не работали. 9 работали от 8 дней до 3 месяцев...4 группы маршагентов в срок не возвратились, судьба их неизвестна.

Начальник разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта

генерал-майор Алешин»[278].

Как видно из данного документа, результаты работы таких разведгрупп были явно неудовлетворительные. Но выбора не было, и заброска разведгрупп, составленных из немцев, продолжалась до самой Победы.

Более успешно действовала фронтовая войсковая разведка. Так, во время подготовки Берлинской операции было проведено 1800 разведывательных поисков, захвачено около 1400 пленных и 2000 различных штабных документов. Воздушная разведка провела 2580 разведывательных вылетов и сфотографировала всю систему оборонительных сооружений противника на глубину 70-80 км, включая Берлин, несколько раз. А радиоразведка установила расположение войск 3-й танковой армии, 9-й армии, штабов всех корпусов и 15 из 25 дивизий противника.

Следует также сказать о военно-морской разведке. На Балтике успешно руководили разведотделом Штаба Краснознаменного Балтийского флота (РО ШКБФ) полковник Наум Соломонович Фрумкин (с начала войны до сентября 1942 г.), капитан 2-го ранга Леонид Константинович Бекренев (сентябрь 1942 — август 1943), капитан 2-го ранга Григорий Евтеевич Грищенко (с августа 1943 до апреля 1945) и на последнем этапе войны — капитан 1-го ранга Михаил Дмитриевич Куликов. Военкомом РО ШКБФ с сентября 1941 по октябрь 1942 гг. был полковой комиссар Борис Назарович Бобков, впоследствии начальник советской военно-морской разведки. Под их руководством разведка Балтфлота проявила себя лучшим образом. Приведем некоторые примеры.

В Эстонии действовала в подполье, передавая в РО ШКБФ информацию о вооружении, численности и дислокации немецких войск, радистка-разведчица Леэн (Елена Андреевна) Кульман, арестованная в январе 1943 и погибшая в марте того же года от рук эстонских пособников нацистов (посмертно удостоена звания Героя Советского Союза). С ноября 1943 по сентябрь 1944 гг. на территории Эстонии вела наблюдение за передвижениями немецких войск, передавая по рации ценную информацию, подвергаясь смертельной опасности и неоднократно вступая в бой с немцами и их эстонскими прислужниками-полицаями, разведгруппа старшины 2-й статьи Владимира Дмитриевича Федорова (6 марта 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза). Радист, старшина 2-й статьи Эрнест Давыдович Аболин, выброшенный с парашютом в сентябре 1943 г. в район Вентспилса в Латвии, организовал партизанско-разведывательную организацию (Северо-Курземскую партизанскую организацию) с широкой агентурной сетью, в течение 20 месяцев до мая 1945 г. собиравшую и предававшую в РО ШКБФ ценную развединформацию о немецких ВМС в портах Виндавы, Риги, Либавы, о немецкой береговой обороне Курляндского полуострова и другие, не менее ценные сведения. Потери среди подчиненных Аболина (18 человек группы "Центр", около 40 осведомителей, более 110 бойцов боевых групп) были небольшими. Э.Д.Аболин был награжден орденом Красного Знамени[279]..

[278] Пороскоов Н. Немцы против немцев.

[279] Захаров И.З. За правое дело, за победу! Спб., 1999.

В заключение своего рассказа о действиях советской фронтовой и армейской разведок в годы Великой Отечественной войны хотелось бы привести список руководителей разведотделов фронтов и армий, участвовавших в победоносной Берлинской операции, поставившей логическую точку в разгроме немецкого фашизма.

1-й Белорусский фронт — генерал-майор Трусов Николай Михайлович
1-й Украинский фронт — генерал-майор Ленчик Иван Григорьевич
2-й Белорусский фронт — генерал-майор Виноградов Илья Васильевич
2-я ударная армия — полковник Синеокий Павел Миронович
3-я ударная армия — полковник Грозд Владимир Клементьевич
3-я гвардейская армия — гвардии подполковник Купенко Николай Михайлович
3-я армия — полковник Туманян Николай Герасимович
5-я гвардейская армия — гвардии полковник Иванов Борис Тихонович
5-я ударная армия — полковник Синяев Анатолий Дмитриевич
8-я гвардейская армия — гвардии подполковник Гладкий Алексей Петрович
13-я армия — полковник Бухтин Николай Сысоевич
28-я армия — полковник Торохов Владимир Николаевич
33-я армия — подполковник Пащенко Иван Наумович
49-я армия — полковник Шматок Петр Кондратович
52-я армия — полковник Буров Иван Васильевич
61-я армия — гвардии полковник Кононенко Андрей Константинович
65-я армия — полковник Никитин Иван Кузьмич
69-я армия — полковник Сусляев Александр Леонтьевич
70-я армия — полковник Прокофьев Дмитрий Дмитриевич
1-я гвардейская танковая армия — полковник Соболев Алексей Михайлович
2-я гвардейская танковая армия — полковник Костромин Степан Спиридонович
3-я гвардейская танковая армия — гвардии полковник Шулькин Лев Моисеевич
4-я гвардейская танковая армия — подполковник Бзырин Николай Васильевич
2-я воздушная армия — полковник Ларин Фрол Сергеевич
4-я воздушная армия — полковник Воронов Василий Федорович
16-я воздушная армия — полковник Пруссаков Георгий Кириллович
18-я воздушная армия — генерал-майор Червериков Валентин Петрович.

Следует также сказать о военной разведки во время советско-японской войны (9 августа-2 сентября 1945). Органами Разведупра соединений Красной Армии на Дальнем Востоке руководили:

и.о. начальника разведотдела Главкома войск на Дальнем Востоке генерал-майор Чувырин Серафим Михайлович,

начальники разведотделов:

Забайкальского фронта – генерал-майор Попов Петр Акимович
1-го Дальневосточного фронта – полковник Ищенко Яков Никифорович
2-го Дальневосточного фронта – генерал-майор Соркин Наум Семенович
1-й Краснознаменной армии — полковник Шиошвили Пантелеймон Шиоевич
2-й Краснознаменной армии — полковник Корнилов Степан Федорович
5-й армии — полковник Родионов Евгений Николаевич
15-й армии — полковник Тверянкин Петр Сергеевич
17-й армии — полковник Храпунов Степан Платонович
25-й армии — подполковник Квасков Иван Михайлович
35-й армии — подполковник Врачинский
36-й армии — полковник Торохов Владимир Николаевич
39-й армии — полковник Волошин Максим Афанасьевич
53-й армии — полковник Калинин Петр Петрович
6-й гвардейской танковой армии — полковник Вальченко Федор Трофимович
9-й воздушной армии — подполковник Кравцов Александр Михайлович

10-й воздушной армии — полковник Аксенов Яков Георгиевич
12-й воздушной армии — подполковник Борзяк Василий Николаевич

В 1945 г. Великая Отечественная война закончилась победой советского народа над немецко-фашистскими войсками. Вклад военной разведки в победу был огромен. Это отмечали в своих воспоминаниях такие видные советские военачальники, как Г.К.Жуков, А.М.Василевский, К.К.Рокоссовский, И.С.Конев, И.Х.Баграмян, С.М.Штеменко, Н.И. Крылов и многие другие. В ходе войны выработалась эффективная система организации разведки и ее применения, сложились боевые традиции, сформировались высококвалифицированные кадры, накопился богатейший опыт проведения разведывательных операций. Все это было использовано в последующие годы, когда мир разделил «железный занавес» и ведущие мировые державы были втянуты в так называемую холодную войну.

Агентурная разведка ГРУ в Западной Европе в годы второй мировой войны

Обычно, когда говорят о советской разведке в Западной Европе во время второй мировой войны, то, как правило, указывают на так называемую «Красную капеллу» — нелегальную агентурную сеть, действовавшую как в Германии, так и в оккупированных ею европейских странах. Однако подобной агентурной сети на самом деле не существовало, а были самостоятельные резидентуры ГРУ и НКВД, к сожалению, раскрытые во время войны немецкой контрразведкой. Что же касается названия «Красная капелла», то первоначально так именовалась зондеркоманда СС (SS-Zondercomander Rota capelle), в задачу которой входила организация радиоперехвата нелегальных передатчиков, работавших на оккупированных немцами территориях Западной Европы. Позднее такое же название получила операция нацистских спецслужб по борьбе с агентурой советской разведки в европейских странах. И только после войны в литературе, посвященной антифашисткой борьбе, так стали именовать подпольные группы антифашистов, связанных с советской разведкой, и в большинстве своем разгромленные гестапо.

Резидентуры же советской военной стратегической разведки в Западной Европе действовали на протяжении всей второй мировой войны и весьма успешно. Одна их часть была уничтожена немецкой контрразведкой в разное время и прекратила свое существование, другая продолжала эффективно работать до самой победы. Многое о деятельности нелегальных резидентур ГРУ в Европе пока еще не известно, однако имеющихся сведений вполне достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. Для того чтобы читатель мог свободно ориентироваться в массе имен и событий, изложение материала будет дано по странам: Германия, Бельгия и Голландия, Франция, Швейцария.

Но прежде чем приступить к рассказу о работе резидентур Разведуправления за рубежом, несколько слов следует сказать о тех, кто обеспечивал их деятельность в Центре. Перед войной работой нелегальных резидентур в Западной Европе руководил 1-й отдел Разведуправления Генштаба Красной Армии во главе с полковниками А.М.Кузнецовым и К.Б.Леонтьевым. А среди тех, кто непосредственно принимал участие в организации и налаживании деятельности нелегалов, необходимо отметить И.А.Большакова и М.И.Полякову.

Иван Алексеевич Большаков родился в 1902 г. в деревне Логиново Можайского района Московской губернии в семье крестьянина. Он окончил сельскую школу в селе Старое, в 1914 г. — городское училище в Москве, а потом учился в торговой школе. Работать начал с 14-летнего возраста: сначала на чугунолитейном заводе, а затем наборщиком в типографии. В мае 1920 г. добровольцем пошел в Красную Армию. В 1924 г. закончил Московскую военно-инженерную школу и был направлен в саперные войска. В 1931 г. он закончил основное отделение Ленинградских военно-политических курсов и вновь продолжил службу в линейных частях. В 1933 г. Большаков поступил на 1-й курс командного факультета Военно-инженерной академии им. Куйбышева, которую окончил в 1936 г. На следующий год он прослушал два курса на Курсах иностранных языков Разведупра и в 1938 г. его направили на учебу в Центральную школу подготовки командиров штаба.

В том же 1938 г. Большаков выезжает в первую заграничную командировку в Западную Европу. По возвращении в Москву в 1939 г. он был назначен начальником 1-го отделения 3-го управления, а в 1940 г. — зам. начальника 1-го отдела Разведуправления. В 1941 г. его назначают начальником 6-го, а затем 2-го отделов Разведуправления. В июне 1942 г. он становится начальником 1-го управления ГРУ, а 22 февраля ему присваивают звание генерал-майор.

После войны Большаков окончил Академию Генштаба, долгое время был одним из руководителей ГРУ. В 1956 г. он вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого II степени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Трудового Красного Знамени и многими медалями.

Умер И.А.Большаков в 1980 г.

Мария Иосифовна Полякова родилась 27 марта 1908 г. в семье рабочего-революционера. В 1921-1924 гг. она проживала вместе с родителями, работниками НКИДа, в Германии и Англии. После возвращения в Москву училась в школе, где в 1927 г. была принята в ВЛКСМ. Закончив девять классов, она начала работать в КИМе в качестве курьера, переезжая из страны в страну и выполняя ответственные конспиративные задания. Здесь огромную помощь оказало ей свободное владение тремя языками: немецким, французским и английским.

Летом 1932 г. Полякову направили на работу в Разведуправление РККА. После окончания курсов подготовки разведчиков ее отправили в качестве нелегала в Германию. Будучи зам. резидента Разведупра М.Максимова, она тесно сотрудничала с руководителями военного и разведывательного аппаратов КПГ Гансом Киппенбергером, Францем Шубертом, Лео Ротом и особенно с Вильгельмом Баником — руководителем подразделения, занимающегося сбором научно-технической информации.

В 1933 г. Полякова возвращается в Москву, но уже в 1934-м выезжает в Австрию, а оттуда в Швейцарию, где приступает к выполнению очередного задания Центра — организации нелегальной разведывательной сети, способной обеспечивать СССР необходимой информацией в случае войны с Германией. В 1936-1937 гг. она блестяще справилась с поставленной задачей, начав формировать знаменитую впоследствии резидентуру ГРУ «Дора».

Осенью 1937 г. Полякова вернулась в СССР, где узнала об аресте своих непосредственных начальников — Я.Берзина и О.Стигги. Был также арестован и ее отец. Однако ее саму репрессии каким-то чудом не затронули. Более того, за работу в Швейцарии ее наградили орденом Красного Знамени. Вплоть до 1946 г. она служила в центральном аппарате военной разведки, а в годы войны работала в немецком отделе ГРУ. С 1946 по 1956 г. она занималась преподавательской работой, после чего ушла в отставку в звании подполковника.

Умерла М.И.Полякова 7 мая 1995 г.

Германия

Хотя согласно установке, принятой в середине 1930-х гг. еще Я.К.Берзиным, основная работа против Германии велась с территории сопредельных с ней государств, в самой Германии также действовало несколько нелегальных резидентур советской военной разведки. Одной из наиболее важных была резидентура «Альта», которой руководила Ильза Штёбе.

И.Штёбе родилась 17 мая 1911 г. в рабочей семье в Берлине. После окончания школы она поступила в торговое училище, где приобрела специальность секретаря-машинистки, а затем устроилась на работу в издательский концерн Моссе. Позднее она перешла на работу в газету «Берлинер тагеблат», и вскоре ее послали корреспондентом сначала в Чехословакию, а затем в Польшу. В 1928 г. в Варшаве она познакомилась с членом КПГ и агентом Разведупра Рудольфом Гернштадтом , работавшим в Польше в качестве журналиста одной из немецких газет. Вскоре Гернштадт с согласия Москвы привлек Штёбе к работе на советскую разведку, и с 1931 г. она значилась в Разведупре под псевдонимом «Альта».

Личность Гернштадта и его деятельность заслуживают того, чтобы рассказать о нем особо. Он родился в 1903 г. в Верхней Силезии в семье преуспевающего адвоката и члена Социал-демократической партии Германии. Первоначально Гернштадт пошел по пути своего отца: изучал право в университетах Берлина и Гейдельберга, работал адвокатом в Бреслау. Но в 1924 г. его жизненный путь резко изменился — он вступил в компартию Германии. После этого он некоторое время продолжал работать по специальности, а в 1925 г. перешел на работу в газету «Берлинер тагеблат», где и познакомился с И.Штёбе.

В 1926 г. его как журналиста-международника и экономического обозревателя «Берлинер тагеблат» командируют в Прагу, где в 1930 г. он был завербован советской военной разведкой и в дальнейшем проходил в Разведупре как агент Арвид. В 1932 г. Гернштадт работал корреспондентом в Варшаве, а с 1933 г. — в Москве. Именно в это время он оформил советское гражданство. Тогда же по заданию Разведупра он стал на позиции крайнего антикоммунизма. Это позволило без всяких подозрений выслать его из СССР вместе с другими четырьмя

немецкими журналистами в ответ на то, что представители советской прессы не были допущены в зал суда во время процесса над поджигателями Рейхстага.

Получив ореол мученика и героя, пострадавшего от большевиков, он вновь в качестве журналиста возвращается в Варшаву, где активно работает как агент-вербовщик. Всего им было завербовано 7 человек. Так, в 1934 г. он завербовал Герхарда Кегеля, корреспондента бреслауской газеты «Последние известия», ставшего впоследствии важным информатором Разведупра в МИДе Германии[280].

В 1935 г. Гернштадт привлек к сотрудничеству супругов Карла и Маргариту Велкиш, которые получили псевдонимы «АБЦ» и «ЛЦЛ» соответственно. Карл Велкиш, доктор юридических наук, работал журналистом газеты «Бреслауер Цайтунг» в Варшаве. Что касается Маргариты, то она выполняла роль фотографа и курьера[281].

В 1937 г. Гернштадт завербовал советника посольства Германии в Варшаве Рудольфа фон Шелия. Фон Шелия родился в 1890 г. Он был единственным сыном крупного силезского помещика-дворянина и дочери министра финансов в кабинете Бисмарка фон Миккеля. В юности он изучал право в университетах Бреслау и Гейдельберга, во время первой мировой служил в кавалерии, а потом поступил на дипломатическую службу и работал секретарем германского посольства в Праге и Константинополе, а затем вице-консулом в польском городе Катовицы. В 1932 г. по протекции посла Германии в Польше Г. фон Мольтке его переводят в Варшаву на должность секретаря посольства. В МИДе он крайне негативно относился к нацистскому министру иностранных дел И. фон Риббентропу и вообще недолюбливал пришедших к власти «мелких лавочников». Правда, понимая, что для дальнейшей карьеры ему необходимо членство в нацистской партии, он в 1933 г., находясь в отпуске в Берлине, становится членом НСДАП и вскоре получает чин действительного советника МИДа.

У фон Шелия были две слабости — азартные игры и женщины. Однако к середине 1930-х гг. его зарплата и доход его жены уже не позволяли ему предаваться своим страстям. Поэтому при его вербовке Москва рекомендовала Гернштадту установить с ним отношения на материальной основе, и фон Шелия (хотя и без особого энтузиазма) согласился сотрудничать с Гернштадтом. Поступающая от «Арийца» (псевдоним фон Шелия) информация была настолько ценной, что в феврале 1938 г. Разведуправление РККА перевело на его счет в швейцарском банке шесть с половиной тысяч долларов — одну из самых крупных сумм, выплаченную советской разведкой в период между двумя войнами.

Вот только некоторые выдержки из донесений, поступавших от фон Шелия во время его пребывания в Варшаве:

«20 декабря 1938 г.

В министерстве иностранных дел в Берлине в настоящее время разрабатывается «германо-чехословацкий договор о протекторате». Здесь неизвестно, идет ли при этом речь о чисто германской инициативе или же между Берлином и Прагой уже имели место переговоры относительно «протектората». Во всяком случае, разработка «договора о протекторате»

[280] Герхард Кегель родился в 1907 г. в селе Пройсиш-Херби под Бреслау в семье железнодорожников. В 1926 г. сдал экзамен на аттестат зрелости, затем успешно закончил курсы при филиале Дрезденского банка и поступил в университет, где изучал государственно-правовые науки. Тогда же он начал работать в качестве репортера в бреслауских «Последних известиях». В 1930 г., будучи еще студентом, он вступил в немецкий комсомол, а в 1932 г. становится членом КПГ. После окончания университета Кегель зачисляется в штат «Последних известий», а в 1933 г. назначается заведующим экономическим отделом газеты. После прихода к власти Гитлера и начала преследования коммунистов Кегель уцелел благодаря отлично налаженной конспирации. Более того, в скором времени он становится корреспондентом в Варшаве. Там он встретился с Гернштадтом, которого знал как товарища по партии, он и привлек его к работе на Разведуправление, где он с этого времени проходил под псевдонимом «ХВС». В мае 1934 г. Кегель вступает в НСДАП, после чего при помощи Гернштадта в начале 1935 г. становится сотрудником немецкого посольства в Варшаве.

[281] В 1941 г. связь с Велкишами, которые работали в это время в Бухаресте, прервалась. Они дважды пытались ее восстановить, но безуспешно. Летом 1944 г., после освобождения Румынии, супруги Велкиш прибыли в Москву, где были арестованы. После освобождения в середине 1950-х гг. Карл Велкиш эмигрировал в Западную Германию, где работал журналистом.

является новым признаком того, что Берлин считает, что нынешнее урегулирование в Чехословакии не может быть сохранено. Эту точку зрения разделяет и наше представительство в Праге. Оно сообщило несколько дней назад в Берлин, что огромное большинство населения решительно отвергает нынешних лидеров Чехословакии (Берана, Гаху, Хвалковского и других).

Для берлинских политиков такие и подобные донесения означают лишь подтверждение высказывавшейся ими со времен Мюнхена точки зрения. Мы убеждены в том, что богемский котел продолжает оставаться очагом сопротивления и что его настоящий разгром еще предстоит. Нельзя поэтому считать события на чехословацком участке законченными. Скорее всего, они находятся еще в начальной стадии. Согласно преобладающей в официальных кругах Берлина точке зрения, первая волна германской экспансии в 1939 г. будет иметь целью полное подавление Богемии»[282].

«7 мая 1939 г.

За последние дни в Варшаву прибыли: 1) ближайший сотрудник Риббентропа Клейст с заданием определить настроение в Польше; 2) германский военно-воздушный атташе в Варшаве полковник Герстенберг, возвратившийся из информационной поездки в Берлин; 3) германский посол в Варшаве фон Мольтке, который по указанию Гитлера был задержан почти на целый месяц в Берлине и в настоящее время, не получив директив о дальнейшей политике в отношении Польши, вновь занял свой пост. Сообщения Клейста и Герстенберга о нынешних планах Германии были идентичными. Мольтке в ответ на заданный ему вопрос заявил, что он также слышал в Берлине об отдельных частях этих планов.

Высказывания Клейста и Герстенберга свидетельствуют о следующем.

Нанесение удара Германии по Польше планировалось уже с 1938 г. В связи с этой акцией не препятствовали присоединению к Польше Тешинской области, в результате чего отношения между чехами и поляками на долгое время должны быть испорчены, что и удалось сделать. Равным образом в связи с предстоящим нанесением удара по Польше вначале отказывали в установлении общей польско-венгерской границы. Затем такую границу наконец пообещали, чтобы продемонстрировать Венгрии, что решение зависит не от Польши, а от Германии.

Германские меры в Словакии — создание протектората и военная оккупация — являются звеном в рамках осуществления широкого военного плана, преследующего цель охватить Польшу с севера и юга ...

По мнению немецких военных кругов, подготовка удара по Польше не будет завершена раньше конца июля. Запланировано начать наступление внезапной бомбардировкой Варшавы, которая должна быть превращена в руины. За первой волной эскадрилий бомбардировщиков через шесть часов последует вторая, с тем чтобы завершить уничтожение. Для последующего разгрома польской армии предусмотрен срок в 14 дней ...

Гитлер уверен, что ни Англия, ни Франция не вмешаются в германо-польский конфликт.

После того, как с Польшей будет покончено, Германия обрушится всей своей мощью на западные демократии, сломает их гегемонию и одновременно определит Италии более скромную роль. После того как будет сломлено сопротивление западных демократий, последует великое столкновение Германии с Россией, в результате которого окончательно будет обеспечено удовлетворение потребностей Германии в жизненном пространстве и сырье.

Для правильной оценки этой информации необходимо сказать следующее: не может подлежать никакому сомнению то, что вышеуказанные мысли обсуждены руководящими берлинскими кругами в качестве руководства при предстоящем осуществлении германских планов. Может случиться также, что попытка осуществления целей Германии будет действительно предпринята в изложенной выше форме. Но, с другой стороны, необходимо учитывать, что концепции руководителей рейха, поскольку речь идет о тактике, как показывает

[282] Год кризиса. Документы и материалы. М., 1990. Т.1. С.156.

опыт, быстро меняются и что каждая новая тактическая концепция излагается доверенными лицами как последняя и окончательная мудрость»[283].

В августе 1939 г. фон Шелия переводят из посольства в Варшаве в информационный отдел МИДа Германии. Перед отъездом Гернштадт предупредил «Арийца», что в Берлине связь с ним будет поддерживать Штёбе, которую он знал по Варшаве. Однако в Германии Штёбе не смогла сразу устроиться на работу, и ей пришлось некоторое время жить в Бреслау. Именно там и установил с ней связь ее новый оператор Н.Зайцев.

Сотрудник Разведуправления Н.Зайцев был командирован в Германию в марте 1937 г. под прикрытием должности дежурного коменданта советского торгпредства в Берлине. В августе 1939 г., когда он находился в Москве в отпуске, ему поручили восстановить связь со Штёбе, а через нее с фон Шелия. Вернувшись в Берлин в конце сентября 1939 г., Зайцев немедленно приступил к выполнению задания. Вот что он вспоминает об этом:

«Мне предстояло через ее мать, жившую в Бреслау, узнать адрес Ильзы. Пароля для встречи установлено не было, и нужно было назвать несколько прежних паролей, чтобы убедить ее признать меня ...

Задача была не из легких. Сильно волновался. Сначала несколько раз прошелся около дома, в котором проживала мать Ильзы. Затем раза два по лестнице мимо квартиры. И уже потом, успокоившись, смело подошел к двери, нажал кнопку звонка и на чистейшем немецком языке с берлинским произношением попросил фрау Штёбе. Увидев пожилую женщину, открывшую мне дверь, понял, что передо мной мать Ильзы. Она мне сказала, что Ильза временно проживает в Бреслау, назвала ее адрес»[284].

Однако первая поездка Зайцева в Бреслау не увенчалась успехом. И только во второй раз ему удалось установить со Штёбе связь:

«Когда я подошел к ограде сада и нажал кнопку звонка, из дома вышла Ильза, которую я сразу узнал. Но не было пароля, она могла отказаться разговаривать со мной. Я назвал ей пароль встречи с нашим человеком в Польше, она поверила, попросила подождать и вскоре вышла ко мне. Мы прошлись по пустынным окраинам Бреслау, она сообщила мне, что скоро получит разрешение на жительство в Берлине и приедет туда. Передал ей указания о строгой бдительности, снабдив деньгами на подбор соответствующей квартиры в Берлине, и мы расстались, условившись о встречах»[285].

В начале марта 1940 г. при помощи фон Шелия Штёбе была принята на работу в пресс-службу МИДа, что значительно облегчало их встречи. Тогда же она поселилась в Берлине в квартире на Виландштрассе, 37. Информация, поступавшая в то время от «Арийца» через «Альту», по-прежнему носила исключительно важный характер: перемещение немецких войск, дипломатическая переписка, сведения об успехах немецких дешифровальных служб и т. д. О значимости получаемых от фон Шелия данных говорит тот факт, что в феврале 1941 г. Штёбе передала ему 30 тысяч марок. Вот только некоторые донесения, полученные в Москве в 1940-1941 гг.

«Начальнику Разведуправления
Генштаба Красной Армии
29 сентября 1940 г.

«Ариец» провел беседу с Шнурре (руководитель хозяйственной делегации немцев в СССР). Шнурре передал:

1. Налицо существенное ухудшение отношений СССР с немцами.

2. По мнению многочисленных лиц, кроме министерства иностранных дел, причинами этого являются немцы.

---

[283] Там же. С.433-435.
[284] Зайцев Н. Вместе с Альтой // Военно-исторический журнал. 1992. №4-5. С.32-33.
[285] Там же. С.33.

3. Немцы уверены, что СССР не нападет на немцев.

4. Гитлер намерен весной разрешить вопросы на востоке военными действиями.

Метеор»[286].

«Начальнику Разведуправления
Генштаба Красной Армии
29 декабря 1940 г.

«Альта» сообщила, что «Ариец» от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 г..

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений.

Метеор»[287].

«Начальнику Разведуправления
Генштаба Красной Армии
4 января 1941 г.

«Альта» запросила у «Арийца» подтверждения правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 г. «Ариец» подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причем это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам.

В подтверждение этого он приводит еще некоторые основные доводы:

1. Его беседы с руководителем Восточного отдела Министерства иностранных дел Шлиппе, который ему сказал, что посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещением Бека. Единомыслия не было достигнуто ни по одному важному вопросу — ни в вопросе о Финляндии, ни в вопросе о Болгарии.

2. Подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на востоке.

3. Несмотря на то, что Германия продает СССР военные материалы, предано забвению занятие Буковины, «не замечает» пропаганды СССР в Болгарии, Гитлером враждебные отношения к СССР не были изменены.

4. Гитлер считает:

а) состояние Красной Армии именно сейчас настолько низким, что весной он будет иметь несомненный успех;

б) рост и усиление германской армии продолжаются.

Подробное донесение «Альты» по этому вопросу — очередной оказией.

Метеор»[288].

Помимо фон Шелия на связи у Штёбе находилось еще шесть источников в МИДе Германии, включая Кегеля (о нем чуть позже). Кроме того, в начале 1941 г. она перешла на работу начальником отдела заграничной рекламы дрезденского химического концерна «Лингерверке» и сама имела возможность получать из первых рук важную информацию. Свидетельство тому следующее ее донесение в Центр:

«28 февраля 1941 г.

...Посвященные военные круги по-прежнему стоят на той точке зрения, что совершенно определенно война в Россией начнется уже в этом году. Подготовительные мероприятия для этого должны быть уже далеко продвинуты вперед. Большие противовоздушные сооружение на

[286] 1941 г.: Кн.1. М., 1998. С.274. Метеор — псевдоним легального резидента Разведуправления в Берлине полковника Н.Д.Скорнякова.

[287] Там же. С.466.

[288] Там же. С.508.

востоке ясно указывают на ход будущих событий. («Ариец» не знал по тому поводу ничего конкретного. Он сообщил, однако, что бомбоубежища, которые расположены по всей Германии, на востоке могли бы быть предназначены, само собой разумеется, для защиты от русских, а не английских самолетов.) Сформированы три группы армий, а именно: под командованием маршалов Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееба. Группа армий «Кенигсберг» должна наступать в направлении ПЕТЕРБУРГ, а группа армий «Варшава» — в направлении МОСКВА, группа армий «Позен» — в направлении КИЕВ. Предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая. Запланирован, по всей видимости, охватывающий удар в районе Пинска силами 120 немецких дивизий. Подготовительные мероприятия, например, привели к тому, что говорящие по-русски офицеры и унтер-офицеры распределены по штабам ...

Гитлер намерен вывезти из России около трех миллионов рабов, чтобы полностью загрузить производственные мощности ... Он намерен разделить российского колосса якобы на 20-30 различных государств, не заботясь о сохранении всех экономических связей внутри страны ...

Информация о России принадлежит человеку из окружения Геринга. В целом она имеет чисто военный характер и подтверждается военными, с которыми разговаривал «Ариец» ...

Альта»[289].

Что же касается Кегеля, то будучи назначенным в 1935 г. секретарем посольства Германии в Варшаве, он до сентября 1939 г. поддерживал связь с Москвой через Гернштадта, а после его отъезда в СССР, через Штёбе[290]. Благодаря своему положению он мог получать важную информацию. Так, в беседе с ним в марте 1939 г. сотрудник Риббентропа Клейст заявил, что «в ходе дальнейшего осуществления германских планов война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики». А германский военный атташе в Польше Хишер рассказал Кегелю о приеме у Гитлера и о его указаниях относительно тайной подготовки внезапного нападения на Польшу. Было у Кегеля немало доверительных бесед и с послом фон Мольтке.

В сентябре 1939 г. после нападения немецких войск на Польшу Кегель вместе с другими германскими дипломатами в Варшаве вернулся в Берлин и почти сразу был назначен представителем МИДа в торговой делегации Германии, направляющейся в СССР осенью 1939 г. О своем назначении он немедленно проинформировал Штёбе, которая отправила в Москву следующее сообщение:

«Курт получил наконец приказ, который подтверждает его немедленный отъезд из Берлина в Москву. Там он будет звонить между 14.00 и 14.30 по телефону, номер которого получил ...

К тому, кто снимет телефонную трубку, он обратится по-немецки со словами: «Это герр Шмидт... Я прошу к телефону господина Петрова...» В условленное место Курт придет с книгой в руке, в книге будет лежать газета...

Альта»[291].

Прибыв в Москву, Кегель установил контакт с сотрудником Разведуправления, представившимся ему Павлом Ивановичем Петровым (это был К.Б.Леонтьев), и поддерживал с

[289] Там же. С.683.

[290] После начала второй мировой войны Гернштадт по решению ЦК КПГ был направлен в Москву и до 1943 г. работал в аппарате Разведупра и Коминтерна. Он являлся политическим руководителем групп парашютистов, состоящих из немецких эмигрантов, проживающих в СССР. В 1943 г. он участвовал в создании комитета «Свободная Германия», а после победы в 1945 г. вернулся в Берлин, где стал шефом-редактором газеты «Берлинер цайтунг», а с 1949 г. — газеты «Нойес Дойчланд». В июле 1950 г. он избирается членом ЦК и кандидатом в члены Политбюро ЦК СЕПГ. Но 26 июня 1953 г. вместе с В.Цайссером Гернштадт был исключен из Политбюро и ЦК партии, а 23 января 1954 г. — из СЕПГ. После этого он работал в Центральном архиве ГДР в Мерзебурге.

[291] Курас В. Под псевдонимом Альта: Сборник: Люди молчаливого подвига: Кн.1. М., 1987. С.167.

ним связь до самого нападения Германии на СССР, информируя обо всем, что ему становилось известно в посольстве. Так, он сообщил о посещении Москвы под видом представителя химической промышленности Германии начальника отдела IVE (контрразведка) РСХА В.Шелленберга, который в одной из бесед рассказал о ходе подготовки войны с СССР, заметив, что она будет носит характер «блицкрига». Однако в результате внезапного нападения Германии на СССР Кегель чуть было не остался без связи в Берлине. Только в последний момент, когда поезд с немецкими дипломатами уже отошел от московского перрона, Петров, севший в вагон около Серпухова, сообщил ему условия связи со Штёбе.

Перед началом Великой Отечественной войны кроме нелегальной резидентуры «Альты» в Германии действовали еще несколько агентов Разведуправления. Среди них можно назвать К.Шаббель и Э.Хюбнера.

Клара Шаббель родилась 9 августа 1894 г. в Берлине в семье рабочих, членов социал-демократической партии. После окончания 8-летней народной школы она стала продавщицей, а потом машинисткой и стенографисткой, работала в Берлине и Бадене. В 1913 г. она вступила в молодежную социалистическую организацию, а в 1914 г. — в СДПГ. После начала первой мировой войны она вошла в союз «Спартак», примкнув к леворадикальной группе, возглавляемой К.Либкнехтом и Р.Люксембург. В 1918 г. она становится секретарем Прусского Совета рабочих депутатов, в 1919 г. вступает в КПГ. В 1919-1920 гг. она работала в Западноевропейском секретариате Коминтерна в Берлине, а в 1920-1923 гг. — в КИМе.

Во время подготовки вооруженного восстания в Германии в октябре 1923 г. Шаббель вместе со своим мужем Г.Робинсоном вела подрывную работу в Рурской области. А с 1924 г. она работала в Москве в центральном аппарате Разведупра РККА. Захват Гитлером власти застал ее в Берлине, где она жила со своим сыном Лео. Вместе со своими товарищами, с которыми она работала на Коминтерн с 1926 г., она включилась в борьбу с нацистами. В то же время ее квартира использовалась Разведупром как конспиративная и как «почтовый ящик».

Эмиль Хюбнер родился 26 марта 1862 г. в Берлине. С 1905 г. он был социал-демократом, а в 1919 г. стал членом компартии Германии. Вместе с ним в партию вступили его сыновья Макс и Артур, дочь Фрида и зять Станислав Везолек. С середины 1920-х гг. семейство Хюбнеров — Везолек начала активно сотрудничать с Разведупром РККА.

Так, Артур Хюбнер, владелец магазина современной радиоаппаратуры в Берлине, в 1931 г. выехал в СССР, где окончил специальные курсы радистов РККА и несколько лет проработал в качестве радиста в резидентурах Разведупра в Румынии и Скандинавии. В конце 1930-х гг. он вернулся в СССР и до начала Великой Отечественной войны проработал инженером на Урале. В 1941 г. он был арестован, осужден на 15 лет лагерей и вернулся в ГДР только в 1958 г.

Его брат Макс, по специальности наладчик станков, занимался подготовкой документов и средств, необходимых для подпольной деятельности. А фотомастерская, которую он содержал, являлась явочной квартирой для антифашистов и агентов Разведупра. Бланки государственных учреждений, поддельные печати, штампы, фотографии, образцы подписей, всевозможные инструменты и различные приспособления для изготовления паспортов, иностранные паспорта и деньги хранились на квартире Э.Хюбнера, которая также использовалась как явочная и конспиративная агентами Разведупра.

22 июня 1941 г. посла СССР в Германии В.Г.Деканозова вызвали в министерство иностранных дел и объявили о начале войны. Сотрудников советского посольства в Берлине лишили права перемещения по городу, и они были обязаны безотлучно находиться в здании посольства. Поэтому практически все агенты Разведуправления, работавшие в Германии и поддерживающие до этого контакты с Центром через советское посольство или торгпредство (так называемое метро), остались без связи.

Резидентура «Альта» имела в своем распоряжении радиопередатчик и радиста К.Шульце («Берг»)[292]. Первое время после начала войны, пока передатчик не вышел из строя, Шульце передавал информацию в Москву. Осенью 1941 г. он через своего старого товарища по КПГ В.Хуземана установил связь с Г.Коппи («Кляйн»), радистом нелегальной резидентуры ИНО НКВД, которой руководили А.Харнак («Корсиканец»), Х.Шульце-Бойзен («Старшина») и А.Кукхоф («Старик»)[293]. Однако и у Коппи прервалась связь с Москвой, поскольку имевшиеся у него передатчики сломались, а возможности починить их не было.

Москву крайне волновало молчание передатчика Шульце. Поэтому резидент нелегальной резидентуры Разведупра в Брюсселе А.М.Гуревич («Кент») получил задание отправиться в Берлин и выяснить причины отсутствия радиосвязи. 10 октября 1941 г. ему была послана следующая радиограмма, которую приводят практически во всех работах, посвященных «Красной капелле»:

«От Директора Кенту. Лично.

Немедленно отправляйтесь в Берлин трем указанным адресам и выясните причины неполадок радиосвязи. Если перерывы возобновятся, возьмите на себя обеспечение передач. Работа трех берлинских групп и передача сведений имеют важнейшее значение. Адрес: Нойвестэнд, Альтенбург аллее, 19, третий этаж справа. Коро. — Шарлоттенбург, Фредерициаштрассе, 26-а, второй этаж слева. Вольф. — Фриденау, Кайзерштрассе, 18, четвертый этаж слева. Бауэр. Вызывайте «Ойленшпигель». Пароль: Директор. Передайте сообщения до 20 октября. Новый план (повторяю — новый) предусмотрен для трех передатчиков».

---

[292] Курт Шульце родился 28 декабря 1894 г. в городе Пириц в Померании. После переезда семьи в Берлин посещал народную школу, а затем стал помощником продавца. В 1916 г. был призван в армию, попал в ВМФ и служил радистом на крейсере «Штутгарт». После окончания первой мировой войны работал таксистом.

В 1920 г. Шульце вступил в КПГ и принимал активное участие в рабочем движении. В 1929 г. завербован Разведуправлением РККА и направлен на учебу в школу радистов в Москву. Вернувшись в Германию, устраивается работать водителем на почту, одновременно выполняя задания по линии Разведупра. С 1941 г. — радист в резидентуре «Альта».

[293] Нелегальная резидентура ИНО НКВД в Берлине, условно называемая «Красная капелла», на самом деле представляла собой несколько независимых друг от друга резидентур, объединенных по воле случая и обстоятельств. Общее число агентов, работавших в этой объединенной сети, превышало 60 человек.

Арвид Харнак (Корсиканец) родился 24 мая 1901 г. в городе Дармштатдт в семье известных ученых. Учился в университетах Йены и Граца, в 1924 г. получил ученую степень доктора юриспруденции. В 1931 г. основал ассоциацию «АР-ПЛАН» для изучения советской экономики, а в 1932 г. посетил Москву.

В августе 1935 г. завербован ИНО НКВД, где проходил под псевдонимом Балт, а потом Корсиканец. Организовал в Германии агентурную сеть, в которую входили многие видные промышленники, чиновники и военные. Информация, поступавшая от него, носила исключительно важный характер. В декабре 1940 г. для работы на советскую разведку им был привлечен Х.Шульце-Бойзен.

Харро Шульце-Бойзен (Старшина) родился 2 сентября 1909 г. в Киле в аристократической семье потомственного военного. Он был сыном капитана ВМФ, внучатым племянником и крестником адмирала фон Тирпица, создателя военного флота Германии в первую мировую войну. Он преподавал право в университетах Фрайбурга и Берлина, а в начале 1930-х гг. стал симпатизировать рабочему движению и даже издавал журнал «Противник».

После прихода к власти нацистов Х.Шульце-Бойзен был арестован, но вскоре выпущен на свободу по ходатайству Геринга — друга его семьи. Однако арест сделал его противником Гитлера, что, впрочем, он не афишировал. По рекомендации Геринга он окончил авиашколу в Варнемюнде и был зачислен в контрразведывательный отдел люфтваффе. В это же время он установил контакты с членами КПГ и сам организовал подпольную группу, задачей которой стала борьба против Гитлера. В его сеть в основном входили высокопоставленные военные. Материалы, передаваемые им в Москву, носили исключительно важный характер.

Адам Кукхоф (Старик) родился 30 августа 1887 г. в Аахене и был единственным сыном известного рейнского фабриката. Учился в университете Галле, изучал политэкономию, германистику и философию, в 1912 г. получил ученую степень доктора философии. Симпатизировал коммунистам.

После прихода к власти Гитлера возглавил антифашистский кружок, в состав которого входили представители творческой интеллигенции. В апреле 1941 г. был завербован сотрудником берлинской резидентуры ИНО НКВД А.Коротковым.

В это же время ИНО НКВД, напрасно прождав более трех месяцев сообщений от Старшины, обратился за помощью в восстановлении связи к Разведупру. 11 сентября 1941 г. в Москве были подписаны приказы об установлении сотрудничества между НКВД и ГРУ. В связи с этим Гуревичу поручили установить связь и с берлинскими резидентурами ИНО НКВД. 11 октября 1941 г. ему отправили радиограмму, подписанную начальником ГРУ А.Панфиловым и его комиссаром И.Ильичевым и завизированную начальником ИНО НКВД П.Фитиным:

«Во время Вашей уже запланированной поездки в Берлин зайдите к Адаму Кукхофу или его жене по адресу: Вильгельмштрассе, дом 18, телефон 83-62-61, вторая лестница слева, на верхнем этаже, и сообщите, что Вас направил друг Арвида. Напомните Кукхофу о книге, которую он подарил Эрдбергу незадолго до войны, и о его пьесе «Тиль Уленшпигель». Предложите Кукхофу устроить Вам встречу с Арвидом и Харро, а если это окажется невозможным, спросите Кукхофа:

1) Когда начнется связь и что случилось?

2) Где и в каком положении все друзья — в частности, известные Арвиду: «Итальянец», «Штральман», «Леон», «Каро» и другие?

3) Получите подробную информацию для передачи Эрдбергу.

4) Предложите направить человека для личного контакта в Стамбул или того, кто сможет лично установить контакт с торгпредством в Стокгольме в [советском] консульстве.

5) Подготовте конспиративную квартиру для приема людей.

В случае отсутствия Кукхофа пойдите к жене Харро Либертас Шульце-Бойзен по адресу Альтенбургеналлее, 19, телефон 99-58-47. Сообщите, что Вы пришли от человека, с которым ее познакомила Элизабет в Маркварте. Задание то же, что и для встречи с Кукхофом»[294].

Берлинские группы были предупреждены о прибытие Гуревича следующей радиограммой от 13 октября 1943 г.:

«От Директора — Фреди, для Вольфа, который передаст Коро.

Кент прибудет из Брюсселя. Задача восстановить радиосвязь. В случае провала или новой потери связи переправить весь материал Кенту для передачи. Скопившиеся сведения также вручить ему. Попробуем возобновить прием информации 15-го. Центр на связи с 9.00».

Гуревич приехал в Берлин 26 октября 1941 г. За две недели пребывания там ему удалось установить контакт с Шульце и встретиться с Шульце-Бойзеном. В результате он выяснил, что Коппи и Шульце работают вместе — их свел общий знакомый коммунист Вальтер Хуземан. Совместными усилиями они пытались починить испортившиеся передатчики сети Старшины, а когда это не удалось сделать, безуспешно старались установить связь с Москвой через передатчик Шульце, пока тот тоже не сломался. Оказать техническую помощь радистам Гуревич не смог, поэтому он передал Шульце новые шифры и взял последние разведданные, полученные «Старшиной» и «Корсиканцем», для передачи их через свой радиопередатчик. Находясь в сложных условиях, он блестяще справился с важнейшим заданием Центра. Казалось, что с этого времени перед советской разведкой открылась прекрасная перспектива получения ценной информации непосредственно из Берлина. Но на самом деле принятое Москвой решение оказалось роковым для берлинских подпольных групп.

Вернувшись в Брюссель, А.Гуревич в серии радиограмм, посланных 21, 23, 25, 26, 27 и 28 ноября 1941 г., доложил о выполнении задания и передал разведыватедывательные сведения, полученные им в Берлине. Эти сообщения имели исключительную важность, о чем можно судить по выдержкам из них:

[294] Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М., 1995. С.461-462.

«Запасов горючего, имеющихся сейчас у немецкой армии, хватит только до февраля или марта будущего года. Те, кто отвечает за снабжение немецкой армии горючим, озабочены положением, которое может возникнуть в связи с этим после февраля — марта 1942 г., прежде чем немецкое наступление достигнет Кавказа, и прежде всего Майкопа, взять который предполагается в первую очередь. Немецкая авиация понесла серьезные потери и сейчас насчитывает только 2500 пригодных к использованию самолетов. Вера в быструю победу Германии испарилась. Эта потеря уверенности в наибольшей степени затронула высший состав офицерского корпуса».

«Несмотря на то, что немцы еще не установили на своих самолетах приборы для ведения химической войны, крупные запасы показывают, что ведется подготовка к ведению химической войны.

Ставка Гитлера часто меняет свое местонахождение, и ее точное расположение известно лишь нескольким людям. Предположительно Гитлер сейчас находится в окрестностях Инстебурга. Ставка Геринга находится сейчас в районе Инстебурга.

У немцев есть дипломатический шифр СССР, который был захвачен в Петсамо; однако, по сообщениям, этот шифр не удалось разгадать настолько, чтобы это позволило расшифровать сколько-нибудь значительное количество советских документов. Начальник немецкой разведки адмирал Канарис за большую сумму денег завербовал французского офицера из штаба генерала де Голля для работы на немцев. [Его] вербовка была осуществлена в Португалии. [Он] был также в Берлине и в Париже, и с помощью немцев вскрыл сеть шпионов де Голля во Франции, где произведены серьезные аресты, главным образом среди офицерского корпуса.

Немцы расшифровывают большую часть телеграмм, посылаемых британским правительством американскому. Немцы также вскрыли всю британскую разведывательную сеть на Балканах. Поэтому «Старшина» предупреждает нас, что опасно вступать в контакт с британцами для совместной работы в балканских странах. Немцы имеют ключ ко всем шифрограммам, посылаемым в Лондон югославскими представителями в Москве»[295].

Однако из-за передачи сообщений берлинских резидентур НКВД в дополнение к собственной информации радистам резидентуры Гуревича пришлось слишком часто выходить в эфир. Они были сильно перегружены и в последнюю неделю своей работы передавали более пяти часов в день, что делало их легкой добычей для немецких пеленгаторов. Кроме того, радисты не всегда успевали уничтожать зашифрованные тексты. Между тем немецкая контрразведка, обеспокоенная активностью нелегальных передатчиков в Бельгии, Франции и Берлине, усилила свою деятельность. В результате 13 декабря 1941 г. подразделение зондеркоманды «Красная капелла» во главе со штурмбанфюрером СС Фридрихом Панцингером совершило налет на конспиративную квартиру резидентуры «Кента» в Брюсселе на улице Артебатов, 101 и арестовало радиста М.Макарова («Хеймниц»), шифровальщицу Софи Познански («Ферунден»), радиста-стажера из парижской резидентуры ГРУ, возглавляемую Леопольдом Треппером, Д.Ками («Деми») и хозяйку конспиративной квартиры Риту Арну («Джульетта»). Таким образом нелегальная резидентура ГРУ в Бельгии, руководимая Гуревичем, была разгромлена, а он сам чудом избежал ареста. Но что самое страшное, гестапо захватило шифрованые тексты передававшихся сведений, которые радисты не успели уничтожить. Теперь немцам требовалось только время и упорство, чтобы расшифровать сообщения передатчика Гуревича и выяснить имена и адреса, содержавшиеся в радиограммах от 10 и 11 октября 1941 г.

Тем временем ГРУ искало другие пути для установления связи с резидентурой Штёбе. В апреле 1942 г. сотрудник стокгольмской резидентуры Адам выехал в Берлин и установил контакт с радистом Штёбе Шульце. Во время встречи с Адамом Шульце известил его, что

[295] Там же. С.463-464.

радиостанции не работают по причине их неисправности и отсутствия батарей питания. Кроме того, он передал Адаму сообщение для отправки в Москву через Стокгольм:

«У нас нет анодов. Пытаюсь достать батареи. Ганс вызывал вас — безуспешно. Стараемся сделать все возможное».

В результате полученных данных в ГРУ и ИНО НКВД приняли решение о заброске в Германию агентов-парашютистов с рациями, которым предстояло выйти на связь с группой «Старшины» и «Альты» и наладить радиопередачи.

5 августа 1942 г. в тыл немецко-фашистских войск в районе Брянска были сброшены с парашютами два агента: Альберт Хёсслер («Франц»), старый член КПГ и боец испанских интербригад, прошедший обучение в разведшколе НКВД, и Роберт Барт («Бек»). Им следовало раздельно добраться до Берлина, где Хесслеру предстояло вступить в контакт с Шульце или членами сети «Старшины» Шумахерами, а Барту — установить связь с агентом НКВД в гестапо В.Леманом. Прибыв в Берлин, Хесслер установил контакт с Шумахерами, а через них — с радистом «Старшины» Коппи. Они вместе стали налаживать радиопередатчики, не подозревая, что гестапо уже вышло на их след.

Кропотливая многомесячная работа гестапо по расшифровке перехваченых радиосообщений и захваченых при аресте радистов Гуревича шифрограмм в августе 1942 г. увенчалась успехом. В результате были определены личности Харнака, Шульце-Бойзена и радиста Штёбе Шульце и их адреса и установлено постоянное наблюдение за ними. В конце августа член сети Шульце-Бойзена Хорст Хайльман, имевший связи в шифровальном отделе ОКВ, узнал о том, что гестапо подобрало ключи к радиопередачам советских подпольных агентов и попытался предупредить его, но было уже поздно. Начались аресты подпольщиков. 31 августа 1942 г. арестовали Шульце-Бойзена, 3 сентября — Харнак и жена Шульце-Бойзена Либертас, 12 сентября — Штёбе, затем взяли Кукхофа, Лемана и другие членов агентурных сетей «Корсиканца», «Старшины» и «Старика». Воспользовавшись предательством Барта, согласившегося сотрудничать с гестапо, немецкая контрразведка начала сложную радиоигру «Функшпиль» с Москвой.

8 октября 1942 г. гестапо якобы от имени «Альты» послало в Москву сообщение с просьбой выслать деньги и новые инструкции для ее агента в министерстве иностранных дел, чтобы активизировать его деятельность, ставшую в последнее время несколько пассивной. В ГРУ это сообщение не вызвало подозрений, и в середине октября агент ГРУ Генрих Кенен («Генри») был сброшен с парашютом в Восточной Пруссии. Ему надлежало под видом направляющегося в краткосрочный отпуск солдата-фронтовика прибыть в Берлин и установить контакт со Штёбе и фон Шелия. В качестве вещественного доказательства у него имелась расписка «Арийца» о получении им в 1938 г. 6500 долларов. В Берлине Кенен сразу же попал в руки к гестапо, которое обнаружило у него передатчик, деньги и расписку. Немецкая контрразведка в конце октября немедленно арестовала только что вернувшегося из Швейцарии фон Шелия. Он подвергся допросу с применением пыток и рассказал все, что знал. Кроме того, ему устроили несколько очных ставок со Штёбе, до этого категорически отрицавшей свою причастность к подпольной деятельности. Несмотря на жестокие пытки, она не выдала никого. Поэтому все остальные члены ее подпольной группы, в том числе и Кегель, избежали ареста и дожили до конца войны[296].

[296] Вернувшись в июне 1941 г. из Москвы в Берлин и продолжив работу в МИД, Кегель восстановил связь со Штебе и передавал ей разведывательную информацию вплоть до ее ареста. Так как Штебе не назвала его имени во время допросов, он остался вне подозрений и даже был награжден крестом «За военные заслуги» 2-го класса. В ноябре 1944 г. он был направлен на Восточный фронт, где при первой возможности перешел на советскую сторону.

После войны Кегель работал в МИД ГДР, служил в бюро президента ГДР, возглавлял издательство «Берлинер ферлаг». Был награжден орденом Карла Маркса.

Умер Герхард Кегель 16 ноября 1989 г. в день своего 82-летия от разрыва сердца, увидев по телевизору, как толпа громит здание госбезопасности в Берлине.

В ходе следствия по берлинским подпольным группам гестапо арестовало 130 человек. Немцы со свойственной им скрупулезностью подсчитали, что среди арестованных было:

29% ученых и студентов;

21% писателей, журналистов и художников;

20% профессиональных военных, гражданских и государственных служащих.

17% военнослужащих призыва времен войны;

13% ремесленников и рабочих.

Говоря о деятельности берлинских подпольных групп, бывший начальник VI Управления (внешняя разведка) РСХА (Главного управления имперской безопасности) бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг в своих воспоминаниях писал:

«Русские благодаря регулярно поставленной информации были лучше осведомлены о нашем положении с сырьем, чем даже начальник отдела военного министерства, до которого такая информация не доводилась вследствие бюрократических рогаток и трений между различными ведомствами... Фактически в каждом министерстве рейха среди лиц, занимавших ответственные посты, имелись агенты русской секретной службы, которые могли использовать для передачи информации тайные радиопередатчики»[297].

Гитлер, Геринг и Гиммлер лично следили за ходом следствия. Чтобы дело «Красной капеллы» не получило огласки, его объявили совершенно секретным. В ходе следствия от пыток погибли семь человек, а еще трое покончили жизнь самоубийством. Состоявшийся в декабре 1942 г. суд приговорил руководителей подполья к смертной казни. 21 декабря 1942 г. Гитлер подписал следующее распоряжение:

«Фюрер Ставка фюрера, 21.21.1942 г.

I

Я утверждаю приговор Имперского военного суда от 14 декабря 1942 г., вынесенный бывшему легационному советнику Рудольфу фон Шелия и журналистке Ильзе Штёбе, а также приговор Имперского суда от 19 декабря 1942 г, вынесенный оберлейтенанту Харро Шульце-Бойзену и другим, за исключением части приговора, касающейся жены Милдред Харнак и графини Эрики фон Брокдорф.

II

В помиловании отказываю.

III

Приговоры в отношении Рудольфа фон Шелия, Харро Шульце-Бойзена, Арвида Харнака, Курта Шумахера и Иоганнеса Грауденца привести в исполнение через повешение. Остальные смертные приговоры привести в исполнение через обезглавливание.

Распоряжение о способе приведения приговора в отношении Герберта Гольнова оставляю за собой.

IV

Приговор Имперского военного суда от 19 декабря 1942 г., вынесенный жене Милдред Харнак и графине Эрике фон Брокдорф, отменяю. Поручить судопроизводство по их делу другому сенату Имперского военного суда.

Подлинный подписал: Адольф Гитлер

Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил: Кейтель»[298].

---

[297] Шелленберг В. Лабиринт. М. 1991. С.275.

[298] Бирнат К., Краусхаар Л. Организация Шульце-Бойзена — Харнака в антифашистской борьбе. М., 1974. С.194-195.

Всего по приговору суда казнили 49 антифашистов. Более 25 человек приговорены в общей сложности свыше чем к 130 годам каторги, а еще пятеро получили вместе 40 лет тюремного заключения. Восемь осужденных были направлены для «искупления вины» на фронт. Штёбе, фон Шелия и Шульце вместе с другими приговоренными к смерти были казнены 22 декабря 1942 г. в тюрьме Плетцензее, и как было принято, мужчин повесили, а женщин обезглавили.

Что касается К.Шаббель и группы Хюбнера, то и их судьба также сложилась трагически. Поскольку они были связаны с КПГ и поддерживали контакт с коммунистами, входившими в группу Харнака — Шульце-Бойзена, то их арест был неминуем. Шаббель арестовали 18 октября 1942 г. и по приговору Имперского военного суда от 30 января 1943 г. она была казнена 5 августа 1943 г.

Э.Хюбнер, его сын, дочь, зать и внуки после нападения Германии на СССР активно помогали советской разведке. Так, летом 1942 г. на квартире Э.Хюбнера укрывались двое парашютистов, заброшенных из Москвы. Арестовали Э.Хюбнера и его близких 18 октября 1942 г.. Во время обыска в его квартире обнаружили бланки государственных учреждений, поддельные печати и штампы, фальшивые поспорта и продовольственные карточки, ничем не отличающиеся от настоящих, инструменты и приспособления для изготовления фальшивых документов. Кроме того, в тайнике нашли большую сумму денег в немецких марках, английских фунтах стерлингов и американских долларах.

10 февраля 1943 г. Имперский суд приговорил Э.Хюбнера и Станислава и Фриду Везолек к смертой казни. Приговор был приведен в исполнение в тюрьме Плетцензее 5 августа 1943 г.

Бельгия и Голландия

Как уже говорилось, сеть нелегальных резидентур Разведупра перед второй мировой войной кроме Германии охватывала и всю Западную Европу. В конце 30-х гг., понимая, что война может начаться в любой момент, руководство военной разведки предприняло меры для организации сбора информации в военное время. С этой целью в середине 1938 г. в Бельгию был направлен нелегал Разведупра Леопольд Треппер («Отто»), ставший позднее известным как Большой шеф «Красной капеллы».

Л.Треппер родился 23 февраля 1904 г. в галицийском городке Новы-Тарг в семье еврея-коммивояжера. Его семья жила бедно, но он сумел поступить в Краковский университет и проучиться там около года, пока нужда не заставила бросить учебу и устроиться на работу каменщиком. В 1918 г. Л.Треппер примкнул к еврейской молодежной организации «Хашомер хацаир», сотрудничавшей с компартией Польши, а в 1920 г. вошел в состав ее руководства. В 1923 г. его арестовала польская полиция за участие во всеобщей забастовке, и восемь месяцев он провел в тюрьме. Понимая, что в Польше ему не дадут жить спокойно, Л.Треппер в апреле 1924 г. при помощи сионистской организации «Гехалуц» эмигрировал в Палестину. Там в 1925 г. он вступил в Коммунистическую партию Палестины и принял активное участие в подпольной работе против английских оккупантов. В апреле 1928 г. его вместе с группой еврейских активистов арестовали и заточили в тюрьму Хайфы. Несмотря на то, что вскоре арестованных освободили, оставаться в Палестине Л.Трепперу больше было нельзя — англичане грозили ему депортацией на один из британских островов. Поэтому в конце 1929 г. он нелегально переправляется во Францию.

Во Франции первое время он работал посудомойщиком в одном из марсельских ресторанов, а потом перебрался в Париж, к другу детства Альтеру Штрому, который свел его с представителями компартии Франции. Вскоре Треппера назначают представителем еврейской секции при ЦК ФКП, и он вновь включился в партийную работу. В конце 1930 г. Треппер женился на Любе Бройде, с которой познакомился еще в Палестине, а 3 апреля у них родился сын Мишель. Однако Л.Трепперу вскоре пришлось срочно покинуть Францию. Дело в том, что в июне 1932 г. его приятель Альтер Штром был арестован французской полицией. Оказалось,

что он являлся помощником нелегального резидента Разведупра во Франции Исайи Бира, контролировавшего сеть так называемых рабкоров газеты «Юманите» и прозванного французской полицией за свою неуловимость Фантомасом. Арест Штрома и И.Бира мог стать угрозой для свободы Л.Треппера и дать властям повод для начала компании против еврейских иммигрантов. Поэтому руководство компартии по согласованию с Коминтерном отправило Л.Треппера в Москву.

В Москве Л.Треппер поступает в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю.Мархлевского. По окончании его в 1935 г. он начинает работать редактором отдела культуры в газете «Эмес», издававшейся для евреев, проживающих в СССР. В 1936 г. в Москву возвратился отбывший свой срок во французской тюрьме А.Штром и поставил перед руководством Разведупра вопрос о невиновности журналиста «Юманите» Рикье, которого обвиняли в провале Бира. По рекомендации Штрома начальник Разведупра Я.Берзин направляет Треппера во Францию с целью установить имя настоящего предателя и добыть доказательства непричастности ФКП к работе военной разведки. В декабре 1936 г. Л.Треппер нелегально выезжает во Францию, где успешно справляется с заданием. Он установил, что провал произошел по вине нелегала Разведупра Роберта Гордона Свитца, до 1932 г. работавшего в США и перевербованного там ФБР. Прибыв по приказу Разведупра во Францию, Р.Свитц выдал полиции И.Бира, а сам при помощи военного атташе США скрылся.

После возвращения в Москву в мае 1937 г. начальник Разведупра Я.Берзин предложил Л.Трепперу стать сотрудником военной разведки. Треппер ответил согласием, и уже в июле 1937 г. его посылают в Бельгию для организации работы по добыванию паспортов, необходимых для легализации в зарубежных странах. В Брюсселе Треппер привлек к работе Лео Гроссфогеля, с которым познакомился в Палестине. Гроссфогель родился в 1901 г. в Страсбурге. После возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии он принял французское гражданство, но в 1925 г., не желая служить в армии, уехал в Палестину, а затем в Бельгию. Там он вместе с членами своей семьи основал фирму «Король каучука» и стал ее коммерческим директором. Через Л.Гроссфогеля, получившего псевдоним Андре, Л.Треппер связался с крупным дельцом по скупке и продаже документов Абрахамом Райхманом (Фабрикант) и договорился с ним о постоянной работе по добыванию паспортов для советской разведки.

Вернувшись в Москву в мае 1938 г., Л.Треппер предложил Центру план создания в Бельгии паспортной резидентуры. По этому плану опорной базой резидентуры должна была стать фирма «Король каучука» во главе с Гроссфогелем, а для легализации вновь прибывающих нелегалов и пункта связи с Москвой следовало организовать фирму «Форин экселент тренч-коут» по экспорту-импорту индустриальных отходов. Руководство Разведупра приняло предложение Л. Треппера и поставило перед ним задачу — создать резидентуру связи, надежно работающую в военное время. Резидентом назначили Л.Треппера, а его заместителем Л. Гроссфогеля. В сохранившихся документах Треппер характеризовался следующим образом:

«Несмотря на ряд отрицательных анкетных данных, основания для политического недоверия нет ... По деловым качествам — способный разведчик, энергичен, инициативен, находчив, умеет подходить к людям. Недостаток — не всегда хватает терпения и настойчивости, чтобы довести начатое дело до конца, чтобы каждый шаг закрепить огранизационно»[299].

Л.Гроссфогель характеризовался так же положительно:

«Мы, конечно, не можем рассматривать его как полностью «нашего» человека, но он относится к той категории иностранных товарищей, которым можно доверять. Он для нас является надежным агентом, работающим, правда, и по материальным соображениям, но у которого, несомненно, превалируют идейные мотивы. Активный, инициативный человек. Имеет опыт конспиративной работы и в то же время весьма сведущ в коммерческих делах. Сочетание этих двух качеств делает Андре ценным агентом»[300].

[299] Галаган А. Послесловие к книге: Треппер Л. Большая игра. М., 1990. С.358.
[300] Там же. С.359.

Осенью 1938 г. Л.Треппер с паспортом на имя канадского промышленника Адама Миклера, снабженный крупной суммой в 10000 долларов, прибывает в Брюссель. С помощью Л.Гроссфогеля он в скором времени открывает фирму «Форин экселент тренч-коут», директором которой становится известный гражданин Бельгии Жюль Жаспар, чей брат одно время занимал пост премьер-министра. Следующим шагом стала организация отделений фирмы в Скандинавских странах. Одновременно Л.Треппер создает сеть конспиративных и радиоквартир, для чего в апреле 1939 г. привлекает к работе на идейных началах Германа Избуцкого («Боба»). С его помощью в качестве хозяев конспиративных квартир были завербованы: Морис Пепер («Вассерман»), голландец, проживающий в Антверпене, Безицер («Собственник»), поляк-портной, Вилли Малек («Колонист»), еврей-портной, «Турист» (фамилия неизвестна), моряк.

В апреле 1939 г. из Центра в помощь Л.Трепперу посылают двух кадровых сотрудников Разведупра — А.М.Гуревича («Кент») и М.В.Макарова («Хемниц»).

Анатолий Маркович Гуревич родился 7 ноября 1913 г. в Харькове. После революции его семья переезжает в Ленинград, где он заканчивает школу и начинает работать сначала разметчиком на заводе «Знамя труда», потом участковым милиционером и заместителем начальника штаба ПВО района. Со второго курса института, готовящего кадры для «Интуриста», Гуревича в 1937 г. под псевдонимом Антонио Гонсалес отправляют в Испанию. Там старший военный советник генерал Григорович (Григорий Штерн) направляет его переводчиком-адъютантом командира подводной лодки С-4 к капитан-лейтенанту Ивану Бурмистрову. Воевал Гуревич успешно и даже был представлен к ордену, который, правда, так и не получил. По возвращении из Испании лейтенант Гуревич получил назначение в Разведупр.

Весной 1939 г. после полугодичного обучения он был командирован в Бельгию в резидентуру Треппера в качестве помощника и радиста. 15 апреля 1939 г. Гуревич, получивший псевдоним «Кент», через Финляндию, Швецию и Норвегию прибыл в Брюссель, имея при себе уругвайский паспорт №4643, выданный уругвайским консульством в Нью-Йорке на имя Винсента Сьерра, родившегося 3 ноября 1911 г. и проживающего в Монтевидео на улице Колумба, 9. В Брюсселе он снял роскошную квартиру на авеню Беко, поступил в столичный свободный университет, где начал изучать бухгалтерское дело и торговое право, завел знакомства в крупных коммерческих кругах.

Несколько раньше А.Гуревича в Бельгию приехал Михаил Варфоломеевич Макаров, также кадровый офицер Разведупра, воевавший в Испании в качестве переводчика при авиаэскадрильи. Он тоже легализовался в качестве уругвайского гражданина Карлоса Аламо и при помощи Л.Треппера стал директором магазина фирмы «Король каучука» в городе Остенде.

Как уже говорилось, основной задачей резидентуры Л.Треппера была работа по добыванию документов и организация связи с Центром во время войны. Поэтому прямой разведывательной деятельности сотрудники резидентуры не вели. Кроме того, организация радиосвязи с Москвой затягивалась, и контакты с Центром приходилось вести через легальную резидентуру в Бельгии, руководимую И.А.Большаковым. Вторым слабым местом Л.Треппера оказалась паспортная группа А.Райхмана.

Райхман, по национальности еврей, родился в 1902 г. в Польше, прибыл в Бельгию в 1925 г. из Австрии, не имея юридического права проживать в этой стране. Здесь он стал заниматься скупкой и перепродажей документов, что грозило ему арестом, который и произошел в июле 1938 г. Выпущеный из тюрьмы при содействии Г.Избуцкого он не оставил своего занятия, а Центр вопреки здравому смыслу приказал Трепперу передать его на связь сначала «Бобу» (Избуцкий), а потом «Кенту» (Гуревич). В октябре 1939 г. Райхмана арестовывают во второй раз, а после его освобождения в ноябре Треппер передает Фабриканта на связь Макарову. Таким образом, вместо того, чтобы полностью изолировать Райхмана от резидентуры, его в течение года сводят с Гуревичем, Макаровым, Избуцким, не говоря уже о том, что ранее он был знаком с Треппером и Л.Гроссфогелем. Эта ошибка Центра впоследствии очень дорого стоила бельгийской резидентуре.

В мае 1940 г. фашистская Германия внезапным ударом оккупировала Бельгию. Несмотря на то, что война застала резидентуру Л.Треппера в стадии становления, он смог, используя знакомство с болгарским консулом Дуровым, перевезти из города Кнокке в Брюссель спрятанный там радиопередатчик и побывать 18-28 мая в полосе наступления немецкой армии. Полученные сведения он через советское посольство передал в Москву, но оставаться в Бельгии Л.Трепперу больше было нельзя. В связи с началом войны бельгийские власти попытались его интернировать, и он с трудом избежал ареста[301].

К тому же агентурная сеть Треппера состояла в основном из коммунистов и лиц еврейской национальности, и работать в условиях немецкой оккупации не могла. Поэтому Л.Гроссфогеля спрятали на территории советского посольства, а позднее переправили во Францию. Туда же были отправлены его жена и помощница Жанна Пезани и некоторые другие агенты Треппера. Несмотря на введенный мораторий, Трепперу удалось снять со счета «Форин экселент тренч-коут» 300000 франков и перевести их в Париж. После этого по приказу И.Большакова он передал бельгийскую резидентуру А.Гуревичу, а сам с документами на имя бельгийского промышленника Жана Жильбера 16 августа 1940 г. на машине советского посольства выехал во Францию[302].

Приняв резидентуру, А.Гуревич, по существу, начал налаживать работу в Бельгии заново. В его распоряжение перешли арестованный бельгийцами в начале войны и освобожденный немцами Г.Избуцкий («Боб»), и не сумевший выехать во Францию М.Макаров («Хемниц»). Более того, фирма «Форин экселент тренч-коут» попала под немецкий секвестр, так как ее владелец Л.Гроссфогель был евреем. Поэтому в первую очередь перед Гуревичем встала задача по организации «крыши». С помощью дочери чешского миллионера Маргариты Барча, с которой у него завязались близкие отношения, он организовал акционерное общество «Симэкско» и стал его президентом, о чем вскоре сообщил «Королевский вестник» Бельгии. Филиалы фирмы открылись в Париже, Берлине, Праге, Марселе и других городах Европы. «Уругваец» Винсент Сиерра стал вхож в самые высокие деловые круги, а кроме того, у него сложились прекрасные отношения с немецкими военными властями. При их содействии он получил пропуск, дающий право на круглосуточное передвижение по оккупированным Бельгии и Нидерландам за подписями комендатуры и гестапо с предложением оказываеть его владельцу содействие в передвижении на автомашине.

Одновременно Гуревич проводил большую работу по привлечению новых источников. Так, он завербовал Исидора Шпрингера («Ромео») — бельгийца, передававшего ему

---

[301] По свидетельству Гуревича, почувствовав угрозу ареста, Треппер бросил свою жену и сына Эдгара на произвол судьбы и спрятался у своей любовницы Джорджии де Винтер. Поэтому отправкой семьи Треппера в СССР занимался Гуревич. Беседа Д.Прохорова с А.М.Гуревичем 22 апреля 1997 г.

[302] В справке от 27 октября 1945 г., составленной сотрудником контрразведки СМЕРШ генерал-лейтенантом Москаленко после допросов Л.Треппера, А.Гуревича и других нелегалов ГРУ, арестованных в Москве, и направленной начальником СМЕРШ генерал-полковником В.Абакумовым начальнику ГРУ генерал-лейтенанту Ф.Кузнецову, говорится:

«Гуревич ... показал:

Когда «Отто» принял решение передать мне бельгийскую резидентуру и стал ее передавать в присутствии представителя ГРУ Большакова, я отказался ее принимать и указал, что «Отто» неправильно информирует ГРУ о работоспособности бельгийской организации, и попросил Большакова по прибытии его в Москву доложить начальнику ГРУ о действительном положении дел в Брюсселе. Я обрисовал Большакову полную картину бельгийской организации, которая должна была привести, по моему мнению, к провалу.

Кроме того, мною также было послано в ГРУ письмо, в котором я указывал, что принцип вербовки, допущенный «Отто» для нашей организации является ошибочным, что не следует полностью вербовать наших работников за счет еврейской секции коммунистической партии Бельгии, что наличие в нашей организации людей, которые по их личному положению должны уже нелегально проживать в стране, увеличит только возможность провала. Это я подтвердил и Большакову ...». — Решин Л. Кто погубил «Красную капеллу»? // Совершенно секретно.1996. №1. С.25.

К этому следует добавить, что когда Треппер передавал в присутствии Большакова резидентуру Гуревичу, последний сказал, что не достиг уровня резидента. На что Треппер заявил, что Гуревич достоин этой должности и прекрасно справится с новыми обязанностями. Беседа Д.Прохорова с А.М.Гуревичем, 22 апреля 1997 г.

информацию по дислокации немецких войск в Бельгии. К началу войны Германии с СССР резидентура А.Гуревича имела в своем составе радиста Макарова («Хемниц»), шифровальщицу Софи Познански («Ферунден», «Йозеф»), содержательницу радиоквартиры в Брюсселе Риту Арну («Джульетта»), информаторов И.Шпрингера («Ромео») и Г.Избуцкого («Боб»), руководителя паспортной группы А.Райхмана («Фабрикант»). Кроме того, резидентура имела конспиративные квартиры в Брюсселе и Кнокке и поддерживала с помощью курьеров (многие из них работали в фирме «Симэкско») связь с Л.Треппером в Париже и подпольными группами Сопротивления в Голландии.

Не следует забывать, что благодаря своему положению Гуревич сам добывал важнейшие сведения. Его невольными информаторами были не только представители военно-промышленной буржуазии Бельгии и оккупационного командования, но и руководство тыла гитлеровских войск, которое через «Симэкско» размещало в оккупированных странах заказы для нужд армии. Кроме того, в марте 1940 г. Гуревич выезжал в Швейцарию, где встречался с нелегальным резидентом Разведупра Шандором Радо («Дора»). Во время этой поездки он передал Радо новые шифры, инструкции по принципам организации радиосвязи и ее маскировки, что значительно облегчило работу Радо в дальнейшем.

После начала Великой Отечественной войны резидентура А.Гуревича активизировала работу по сбору военно-политической и экономической информации. Однако по-прежнему слабым местом резидентуры оставалась связь с Центром. Для организации постоянной и надежной радиосвязи руководство Разведуправления пошло на вынужденный шаг — в июне 1941 г. поручило радисту нелегальной резидентуры «Паскаль» в Бельгии установить контакт с А.Гуревичем и оказать помощь ему и Л.Трепперу.

Резидентуру «Паскаль» возглавлял капитан ГРУ Константин Лукич Ефремов. Он родился в 1910 г. в крестьянской семье в деревне Заводский Хутор Тульской области. После окончания школы-семилетки и рабфака в Туле, он поступил в Московский химико-технологический институт, который вскоре преобразовали в Военно-химическую академию. В 1937 г., окончив академию, он получил звание воентехника 1-го ранга (старший лейтенант), и его направили на работу в Разведуправление. Надо отметить, что Ефремов был единственным из всех находившихся в то время в Европе военных разведчиков-нелегалов, кто имел высшее военное образование.

После интенсивной подготовки Ефремова в качестве нелегального резидента командировали в Бельгию для развертывания работы против Германии. 6 сентября 1939 г. Ефремов прибыл в Бельгию через Швейцарию.У него был паспорт №20268, выданный в Нью-Йорке 22 июня 1939 г. на имя Эрика Йернстрема, финского студента, родившегося 3 ноября 1911 г. в городе Ваза и с 1932 г. проживающего в США. В Брюсселе он поступил в Политехнический институт и вел жизнь прилежного студента. Радистом резидентуры Ефремова назначают И.Венцеля («Герман»).

Иоганн Венцель родился 9 марта 1902 г. в Данциге в рабочей семье. Увлекшись идеями коммунизма, он вступил в КПГ и становится одним из ее активных членов. Он был хорошо знаком с Э.Тельманом, в качестве работника Антивоенного аппарата КПГ (Военная секция Коминтерна) принимал участие в Гамбургском восстании в октябре 1923 г., вел активную пропагандистскую и партийную работу, в чем ему помогло отличное знание французского и испанских языков.

В 1930 г. по решению ЦК КПГ Венцеля посылают в Москву для учебы на военно-политических курсах Коминтерна. В 1931 г. после их окончания он выехал из СССР в Германию в распоряжение КПГ. Дело в том, что в Германии приближались выборы в Рейхстаг, и специалисты его профиля могли потребоваться руководству компартии. Однако на выборах победили нацисты, и Венцель был вынужден перейти на нелегальное положение.

В 1934 г. Разведупр РККА вербует Венцеля в качестве агента. Ему предложили временно прервать связи с КПГ и назначили руководителем подпольной группы №446, действующей на военных заводах Рура в Германии. До 1937 г. «Макс» (таков был псевдоним Венцеля в то

время) передавал в Москву данные о новых образцах оружия, технологии производства и т. д. В 1937 г. его отзывают в СССР и направляют на курсы радистов.

В сентябре 1937 г. Венцель выезжает в Бельгию, где ему поручалось создать нелегальную радиоточку для связи с Москвой в случае начала войны. Но первый раз легализоваться в Брюсселе Венцелю не удалось — бельгийские чиновники отказались продлевать ему визу и в октябре 1937 г. он выехал в Голландию, а оттуда в Москву. Однако в начале 1938 г. Венцель вновь приехал в Бельгию, но на этот раз нелегально, и поселился в Брюсселе на квартире Германа и Франца Шнейдеров. С помощью голландских коммунистов ему удалось выполнить задание Центра и создать радиоточку. А в сентябре 1939 г. Венцель получил приказ войти в состав нелегальной резидентуры «Паскаль» в качестве радиста и заместителя резидента.

Обустроившись в Брюсселе, Ефремов при помощи Венцеля приступил к организации резидентуры и поиску источников информации. К 1940 г. ему удалось создать агентурную сеть в Бельгии и Голландии, а также три линии связи с Центром: две Брюссель — Москва и одна Амстердам — Москва. В Брюсселе его радистами были Венцель и А.Винтеринк («Тино»)[303], а в Амстердаме — В.Воегелер.

Кроме них в агентурную сеть резидентуры «Паскаль» входили Адам Нагель («Вело»), фотограф, член компартии Голландии, Якоб Хилболлинг, выполнявший обязанности владельца конспиративной квартиры в Амстердаме и курьера, Хендрик Смит, Иоганн Лютеран, Элизабет Депельсинер, Ирма Сально, Жан и Жанна Оттены, Марти Ванденхоек, Эдуард Вандерципен, Жозефина Ферхимст и некоторые другие. Информация, направляемая Ефремовым в Москву, касалась дислокации и передвижения немецких войск в Бельгии и Голландии, а также экономического и политического положения в этих странах и в Германии. После начала второй мировой войны А.Винтеринк получил указание вернуться в Голландию, где объединил находившихся там агентов резидентуры «Паскаль» в группу «Хильда». Кроме того, Ефремов с помощью Венцеля наладил контакт с подпольной группой компартии Голландии, возглавляемой Д.Гулузом и группой немецких эмигрантов во главе с А.Кнохелем[304].

---

[303] Антон Винтеринк родился 5 ноября 1914 г. в городе Арнхеме (Голландия). Принимал активное участие в рабочем и коммунистическом движении. Был лидером голландской организации «Красная помощь», являвшейся филиалом МОПР. В 1938 г. был завербован И.Венцелем в качестве радиста.

[304] Даниэль Гулуз родился 28 апреля 1901 г. в Амстердаме. Начав работать плотником, он в 1925 г. вступил в компартию Голландии, а в 1930 г. стал менеджером издательства «Pegasus», специализирующемся на издании коммунистической литературы. В 1936 г. он создает так называемую «Голландскую информационную группу», занимающуюся сбором информации и передачей ее в СССР. В 1937 г. Гулуз посещает Москву, где получил разведывательную подготовку в Разведуправлении РККА. Вернувшись домой, он налаживает регулярную радиосвязь с Москвой. Его радистами были подготовленные в Москве члены компартии Голландии Август Иоханнес ван Проозди и Жан де Лаар. Кроме того, радиопередатчики группы Гулуза использовались и компартией Голландии.

В 1939 г. Гулуз вновь приехал в Москву, где получил инструкции на случай начала войны и запасной шифр. Вернувшись в Амстердам, он оказал значительную помощь Ефремову и Венцелю, обеспечивая их агентурой и связью с Москвой. В 1942 г. он использовался как связной для двух агентов-парашютистов, заброшенных в Голландию.

Первым был Ян Вильгельм Круйт, заброшенный 22 июня 1942 г. с помощью английской службы специальных операций. Гулуз первое время укрывал его на конспиративной квартире, а потом предоставил радиопередатчик и радиста де Лаара. Вторым был Петр Кузнецов, заброшенный 30 ноября 1942 г. и получивший документы на имя Франца Кунха. Его послали для усиления группы Круйта. Они создали агентурную сеть в Голландии и Германии, успешно действовавшую до их ареста 28 июля 1943 г. Во время ареста Кузнецов успел покончить жизнь самоубийством.

Альфред Кнохель возглавлял группу немцев-эмигрантов в Голландии, созданную в 1940 г. Группа имела агентурную сеть в Германии, информация от которой доставлялась при помощи курьеров, а потом через радиопередатчики Гулуза посылалась в Москву. В начале 1942 г. Кнохель при помощи ван Проозди попытался наладить радиосвязь с германской агентурой, но безуспешно. Вторая попытка ван Проозди наладить радиосвязь с Германией, куда он отправился как сотрудник фирмы Квастенберга в Берлине, закончилась его арестом в мае 1943 г.

По The Rote Kapelle. The CIA’s History of Soviet Intelligence and Espionage. Networks in Western Europe. 1936-1945. Washington, 1979.

Выполняя приказ Центра, Ефремов через М.Пепера установил связь с «Отто» (Треппер) и «Кентом» (Гуревич). Но здесь необходимо отметить, что данный приказ был грубым нарушением правил конспирации, оправдать который можно лишь крайне сложной обстановкой. К тому же, отдавая указания Ефремову о сотрудничестве с Треппером и Гуревичем, в Центре полагали, что их контакт будет непродолжительным, и ограничится только помощью в организации радиосвязи. Однако этого не произошло, хотя в августе 1941 г. он привлек к работе в качестве радистов супругов Герша и Миру Сокол («Руэско» и «Мадлен»), в свое время рекомендованных ему советским военным атташе в Виши генерал-майором И.Суслопаровым. (О действиях Л.Треппера во Франции чуть позже). Из-за свойственной Трепперу самоуверенности и переоценки своих возможностей резидентуры Гуревича, Ефремова, и самого Треппера переплелись между собой и образовали рыхлую, плохо законспирированную сеть, в которой Треппер пытался играть роль Большого шефа. Однако все эти ошибки сказались позже, а пока в Центр регулярно направлялась важная информация:

«Верховное командование предлагает перед зимовкой немецкой армии к началу ноября занять позиции по линии Ростов — Изюм — Курск— Орел — Брянск — Дорогобуж — Новгород — Ленинград. Гитлер отклонил это предложение и отдал приказ о шестом наступлении на Москву с применением всей имеющейся в резерве техники. Если операция захлебнется, отступающие немецкие части окажутся без материально-технического обеспечения».

«Немцы потеряли отборные части своей армии на Восточном фронте. Превосходство русского вооружения бесспорно. Штаб обескуражен постоянными изменениями, которые вносит Гитлер в стратегические и тактические планы».

«Общий потенциал немецкой армии: 412 дивизий, из них 21 дислоцирована сейчас во Франции — большей частью резервисты. Численность личного состава постоянно сокращается из-за частых переброс войск. Войска, находящиеся на юге и в окрестностях Бордо у «Атлантического вала», отправлены на Восток. Это примерно 3 дивизии. Личный состав люфтваффе — примерно миллион человек, включая персонал наземных служб».

«Немецкий офицер сообщает о нарастающей враждебности итальянских военнослужащих к нацистской партии. Серьезные инциденты в Риме и Вероне. Военные власти саботируют партийные инструкции. Возможность государственного переворота не исключена, но в ближайшее время маловероятна. Немцы группируют войска между Мюнхеном и Инсбруком для возможного вмешательства»[305].

В конце сентября 1941 г. А.Гуревич получает радиограмму из Центра, в которой ему предписывается отправиться в Берлин и вступить в контакт с неким Куртом Шульце, радистом нелегальной резидентуры ГРУ «Альта». А 11 октября 1941 г. он принял радиограмму, где говорилось, что во время поездки в Берлин он должен встретиться с А.Харнаком и Х.Шульце-Бойзеном, узнать причины, по которым с ними отсутствует связь и получить информацию для передачи в Москву. О причинах, заставивших Центр поступить таким образом, уже говорилось. Хочется только еще раз отметить, что сообщение нескольких адресов в одной радиограмме привело в конце концов к разгрому берлинской сети ГРУ и НКВД.

26 октября Гуревич прибывает в Берлин и устанавливает контакт с К.Шульце и Х.Шульце-Бойзеном. Выяснив, что связь с Москвой отсутствует по причине неисправности передатчиков, он передал К.Шульце и радисту Шульце-Бойзена Г.Коппи новую систему шифрования и взял для передачи через свой радиопередатчик информацию, собранную берлинскими группами. 5 ноября Гуревич выехал из Берлина и благополучно вернулся в Брюссель, блестяще выполнив поставленную перед ним задачу. В Брюсселе, как мы уже писали, А.Гуревич известил Центр о результатах поездки и передал подробные разведданные,

[305] Перро Ж. Красная капелла // Иностранная литература. 1990. №1. С.216-217.

полученные от сетей Корсиканца, Альты и Старшины, в серии радиограмм, посланных 21, 23, 25, 26, 27 и 28 ноября 1941 г.

В Центре высоко оценили поступающую от Гуревича информацию. В одной из радиограмм «Кенту» сообщили:

«Добытые вами сведения доложены Главному хозяину (то есть Сталину. — авт.) и получили его высокую оценку. За успешное выполнение задания вы представлены к награде»[306].

Но немецкую контрразведку уже давно беспокоила активная работа подпольных передатчиков в Европе. Как пишет в своих мемуарах В.Шелленберг, «уже к концу 1941 г. Гитлер приказал принять меры по борьбе с быстро распространявшейся русской шпионской деятельностью в Германии и оккупированных странах. Гиммлеру было вменено в обязанность контролировать обеспечение тесного взаимодействия между моим управлением секретной службы за границей, гестапо, подчинявшимся Мюллеру, и военной контрразведкой Канариса. Координация действий по операции, которой было присвоено кодовое наименование «Красная капелла», была возложена на Гейдриха»[307].

В Главном управлении имперской безопасности (РСХА) была создана зондеркоманда под началом штурмбанфюрера СС Фридриха Панцингера и гауптштурмфюрера СС Карла Гиринга, в задачу которой входила борьба с нелегальными передатчиками. В Бельгии пеленгацией и поиском передатчиков руководил капитан абвера Гарри Пипе.

Между тем передатчик Гуревича в ноябре-декабре 1941 г. был перегружен передачей сообщений, поступающих как от своих источников, так и полученных от берлинских подпольных групп. В последние недели своей работы радистам приходилось выходить в эфир по пять часов в сутки, поэтому их легко было запеленговать. Кроме того, они не всегда успевали уничтожить зашифрованные тексты передаваемых сообщений, что тоже сыграло свою роковую роль[308].

В начале декабря 1941 г. группа пеленгации абвера установила, что передачи ведутся из Брюсселя, а передатчик находится в одном из трех домов (99, 101 или 103) по улице Артебат. Рано утром 13 декабря 1941 г. подразделение зондеркоманды под руководством капитана Г.Пипе устроило облаву по указаным адресам. В результате в доме 101 были арестованы шифровальщица С.Познански, содержательница радиоквартиры Р.Арну и радист-стажер парижской резидентуры Треппера Давид Ками («Деми»). Через несколько часов арестовали М.Макарова, попавшего в организованную в доме засаду. Л.Трепперу, также зашедшему в дом (в этот день он собирался по старой памяти устроить выволочку Макарову за нарушение правил конспирации), удалось уйти, предъявив документы «Организации Тодта».

Избежав ареста, Треппер немедленно предупредил о провале Гуревича. Вместе они приняли меры по локализации провала. Вся агентура была законсервирована, а Треппер немедленно выехал в Париж. Туда же вскоре уехала и Маргарита Барча («Блондинка»), ставшая в июне 1941 г. женой Гуревича. Из Парижа она отправилась в Марсель, где к ней присоединился А.Гуревич. Но локализовать провал не удалось — сказались ошибки, допушеные ранее. К тому же ни Центр, ни Треппер не придали провалу серьезного значения. Центр, не дожидаясь выяснения возможных последствий ареста Макарова, принял решение о передаче оставшихся членов резидентуры Гуревича на связь Ефремову. Треппер же поручил следить за развитием ситуации в Бельгии самому ненадежному агенту — А.Райхману. Кроме того, он сообщил марсельский адрес Гуревича его преемнику Ефремову, который переслал по нему часть вещей Гуревича, оставшихся в Брюсселе.

---

[306] Зоря Ю., Литовкин В. Человек, которого звали «Кент» // Неделя. 1991. №41.

[307] Шелленберг В. Указ. соч. С.270.

[308] В уже упоминавшейся справке СМЕРШ от 27 октября 1945 г. по этому поводу говорится:

«Следует также указать, что ГРУ требовало беспрерывной и продолжительной работы радиостанций, что облегчало иностранным контрразведывательным органам пеленгацию и ликвидацию радиостанций».

Тем временем зондеркоманда, допросив арестованых, и прежде всего Р.Арну, установила истинный масштаб работы подпольных групп. В руках гестапо оказались зашифрованные радиограммы, передававшиеся через брюссельский передатчик. Их расшифровка приведет к полному разгрому в сентябре 1942 г. берлинских резидентур Старшины, Корсиканца и Альты. А пока провалы продолжают во Франции и Бельгии. В ночь с 9 на 10 июня 1942 г. во время передачи были арестованы радисты Л.Треппера Герш и Мара Сокол. 30 июня в Брюсселе при передаче сообщений в Центр арестовали радист Ефремова Венцеля. Узнав об аресте Венцеля, Ефремов 15 июля известил в Центр о его провале и захвате немцами рации и шифров. В ответ Центр потребовал локализовать провалы, но было уже поздно.

Принимая меры предосторожности, Ефремов решил сменить документы и обратился за помощью к Райхману. Это стало роковой ошибкой. Гестапо давно подозревало Райхмана в связях с подпольщиками и для подтверждения подозрений подослало к нему полицейского инспектора Матье, который предложил Райхману добывать для него настоящие бланки документов. Выполняя поручение Ефремова, Райхман обратился к Матье с просьбой достать документы для одного финского студента. В результате 7 августа 1942 г. во время встречи с Матье Ефремова арестовали, поскольку после этого надобность в Райхмане отпала, его также арестовали и подвергли допросу. На первом же допросе Райхман выразил желание сотрудничать с немцами. В результате его предательства 10 августа были арестованы Г.Избуцкий и М.Пепер, осуществлявший связь с агентурой в Голландии.

Это положило начало разгрому голландских групп Винтеринка и Гулуза. 20 августа 1942 г. в Амстердаме арестовали Винтеринк. Вот как описывается арест Винтеринка в отчете секции III F (контрразведка) абвера от 24 марта 1943 г.:

«Вассерман (Пепер) заговорил. Его показания доказывают, что он был курьером для группы в Голландии. Он также показал, что через несколько дней у него состоится встреча с руководителем голландской группы [Антоном Винтеринком]. Старший офицер III F [Гарри Пипе] и другие сотрудники отвезли Вассермана в полицейской машине в Амстердам в день встречи. Встреча состоялась днем в заранее определенном месте на оживленной улице в Амстердаме. При соблюдении строжайшей безопасности Вассерман был выпущен и направлен на встречу. Лидер группы, однако, не появился. Вассерман вернулся. Дальнейшие распросы Вассермана обнаружили, что он знал фамилию семьи, с которой лидер группы поддерживал связь. Следовательно, было решено послать Вассермана в ту семью, чтобы организовать встречу в тот же вечер. Опять при соблюдении строгих мер безопасности Вассерман был послан в дом и вернулся с новостями, что встреча состоится вечером между 8 и 8.30 в ресторане в Амстердаме. Вассерман сел один за столиком в ресторане, недалеко от него сидели сотрудники безопасности. Около 9 часов появился человек, направился к Вассерману и сел за его столик. По заранее согласованному сигналу этот человек был схвачен и арестован. По пути к ожидавшей полицейской машине он оказал существенное сопротивление и имела место короткая драка. Будучи арестованным, этот человек выкрикнул имя в собравшуюся толпу, так что можно предположить, что он был послан убедиться в безопасности встречи и предупреждал своих товарищей, которые были там. Найденные при нем документы не сообщали его адрес. Следовательно, было необходимо арестовать голландскую семью, упомянутую выше. Это была пара по фамилии Хилболлинги. Через них удалось установить кличку арестованного лица.

Это был «Тино» (Винтеринк), коммунистический функционер, уже известный гестапо. С помощью четы Хилболлингов стало возможным обнаружить нелегальную квартиру «Тино», которая была найдена следующей ночью. Обыск квартиры показал, что «Тино» был не только лидером голландской группы, но и ее радистом. Его любовница, которая жила вместе с ним, сбежала, предупрежденная арестом. На квартире были захвачен полный набор радиооборудования, включая все технические данные».

Всего из группы Винтеринка арестовали семнадцать человек, а сам он в скором времени был доставлен в Брюссель, где в течение двух недель подвергался интенсивным допросам. В результате уже 22 сентября 1942 г. его рация начала посылать сообщения в Москву под

контролем гестапо. Однако группы Гулуза и Кнохеля арест Винтеринка не затронул, так как они были предупреждены о нем и «легли на дно»[309].

Тем временем арестованных Ефремова и Венцеля отправили в форт Бреендонк, превращенный немцами в застенок, где подвергли жестоким пыткам. От Венцеля требовали согласия на участие в радиоигре с Москвой, задуманной с целью дезинформации советского командования. В конце концов он согласился, но только после того, как Ефремову удалось передать ему записку с известием, что он предупредил Центр о провале Венцеля. В первом послании, отправленном в августе 1942 г. под диктовку гестапо, Венцель сообщил, что долго не выходил в эфир из-за провала радиоквартиры и поиска нового пригородного помещения.

Посылая подготовленные гестапо радиограммы, Венцель был уверен, что в Центре знают о его аресте. Но он ошибался. В Москве, несмотря на предупреждение Ефремова от 15 июля 1942 г. и Г.Робинсона от 25 сентября 1942 г. (об этом эпизоде несколько позднее), продолжали активный радиообмен с ним, считая, что он находится на свободе. Более того, 4 февраля 1943 г. Центр направляет Ефремову телеграмму, в которой указывалось, что он дезинформировал Москву относительно Венцеля. «Вашу июльскую информацию о положении Германа считаю несерьезной, — говорилось в ней, — а потому вредной». Положение изменилось только в конце 1943 г.

Вечером 18 ноября 1943 г. конвоир, как всегда, доставил Венцеля на радиоквартиру, расположенную в Брюсселе. Открыв дверь, он почему-то оставил ключ в замке, а не положил в карман. Более того, не обращая внимания на Венцеля, повернулся к нему спиной, присел к печке и стал ее растапливать. Решение Венцеля было мгновенным — он схватил табурет и ударил им конвоира по голове. Тот молча повалился на пол, а Венцель, выйдя на улицу и закрыв за собой дверь на ключ, направился к своей давней подруге Марте, о которой никто не знал. У нее он скрывался до освобождения Брюсселя союзниками в сентябре 1944 г.

Судьба Ефремова оказалась более трагичной. Его жестоко пытали, требуя рассказать об известных ему нелегалах в Бельгии и Франции. В одной из записок, переданных Венцелю во время прогулок, он написал: «Я прошел через ад Бреендонка и испытал все. У меня есть только одно желание — увидеть свою мать». Но, несмотря на пытки, он не выдал известных ему агентов, и в 1943 г. военный трибунал Германии приговорил его к смертной казни. На его вопрос: «Как будет приведен в исполнение приговор?», — председатель трибунала ответил: «На открытый солдатский вопрос последует открытый солдатский ответ — расстрел».

Кроме К.Ефремова были расстреляны немцами М.Макаров, Д.Ками и многие другие. С.Познанска, не выдержав пыток, повесилась в тюремной камере. После войны ГРУ пыталось установить место захоронения погибших разведчиков, но безуспешно. Более того, как К.Ефремова, так и М.Макарова стали считать предателями, выдавшими гестапо известную им агентуру. Исправить создавшееся положение попытался в середине 1970-х гг. генерал-майор ГРУ В.А.Никольский, близко знавший К.Ефремова. Он написал письмо начальнику Главпура Советской Армии генералу армии А.А. Епишеву, в котором изложил обстоятельства гибели

[309] Гестапо пыталось использовать радиопередатчик А. Винтеринка для радиоигр с Москвой, но неудачно, так как Гулуз и Нагель, избежавшие ареста сообщили о случившимся в Центр. Так, когда летом 1943 г. немцы от имени Винтеринка запросили у Центра денег и сообщили адрес бывшего члена компартии, куда их следовало прислать, Москва, после нескольких уклончивых ответов, упрекнула лже-Винтеринка в том, что он послал адрес человека, который, по имеющимся сведениям, сотрудничает с гестапо.

В марте 1944 г. Центр приказал Винтеринку прекратить передачи и присоединиться к действующему сопротивлению. Как сложилась его судьба после этого доподлинно неизвестно, но скорее всего, он был казнен.

Что же касается группы Гулуза, то гестапо вышло на нее после ареста в Германии в мае 1943 г. ван Проозди и членов группы Кнохеля. После допросов в гестапо ван Проозди согласился стать двойным агентом и в июле 1943 г. немцы стали сжимать кольцо вокруг группы Гулуза.

Первым был арестован де Лаар, а в конце августа гестапо арестовало заместителя Гулуза Якоба Данкаарта. Узнав об этом, Гулуз с большим риском помог Данкаарту бежать из госпиталя, куда он был помещен. Однако 15 ноября 1943 г. сам Гулуз был арестован в Утрехте и направлен вместе с остальными заключенными в Ораниенбург. После окончания войны Гулуз вернулся в Голландию и снова включился в коммунистическое движение. Умер Д.Гулуз в сентябре 1965 г.

Ефремова и просил восстановить его честное имя. Но ответа от А.А.Епишева не последовало. Тогда Никольский через товарищей по службе попытался навести неофицильные справки. Вот что он пишет о причинах молчания Епишева:

«В конце концов дело прояснилось.

— Понимаешь, — сказали мне, — Константина сильно очернили, замазали такой жирной грязью, что от нее трудно отмыться. И сделал это не кто иной, как Леопольд Треппер, парижский резидент «Отто».

Действительно, после ареста советской контрразведкой СМЕРШ «Отто» показал на допросах, что Ефремов предатель, выдал всех известных ему участников разведывательной организации. Правда, свои показания «Отто» не подтвердил конкретными фактами, за исключением того, что «Паскаль» раскрыл гитлеровцам свой шифр.

Обвинения в отношении Ефремова Треппер в развернутом виде бездоказательно повторил и в своей книге «Большая игра», которую написал после освобождения из заключения ...

Сейчас ... я полагаю, есть возможность и необходимость сказать правду о том, что было с Константином Ефремовым, снять наговоры и клевету с его доброго имени и воздать ему должное за отважную и результативную работу на благо нашей Родины в экстремальных условиях»[310].

Франция

Перед началом второй мировой войны на территории Франции действовали две крупные нелегальные резидентуры Разведуправления РККА. Одной из них руководил Генри Робинсон («Гарри»), а второй — Вольдемар Озолс («Золя»).

Генри Робинсон, настоящее его имя — Арнольд Шнеэ, родился 6 мая 1897 г. в Брюсселе. Позднее он переехал во Францию, получил французское гражданство и в 1920 г. вступил в ФКП. Он изучал юриспруденцию в Цюрихском университете, свободно владел английским, немецким, итальянским, французским и русским языками. Он был женат на Кларе Шаббель, немецкой коммунистке и позднее агенте Разведупра, и имел от нее сына Лео. Но так как она постоянно жила в Берлине, то виделись они чрезвычайно редко. Его первые контакты с советской военной разведкой относятся к 1923-1924 гг. В результате за деятельность в Рурской области его заочно осудил французский суд на 10 лет тюремного заключения. А с 1930 г. его фамилия фигурирует в немецком «Бюллетене розысков».

В 1933 г. Робинсон по личному указанию начальника Разведупра Я.Берзина был завербован резидентом военной разведки в Германии О.Стигга, и с этого времени официально числился в агентурной сети: сначала заместителем резидента, а потом нелегальным резидентом во Франции. В период с 1937 по 1939 г. ему удалось создать большую и хорошо законспирированную агентурную сеть, добывавшую исключительно важную информацию. Агенты Робинсона работали в Англии, Франции, Италии и других странах. Из них можно, например, назвать ученого Андре Лабарта (Жером), Мориса Ойнис-Хенцлина (Робин), Эрнста Вайса (Жан), Ганса Лупчинского (Профессор), Хайнца Кальмана[311].

---

[310] Никольский В. Аквариум-2. М. 1997. С.92-93.

[311] Андре Лабарт, ученый, до 1938 г. работал в министерстве авиации Франции. Позднее он возглавлял несколько государственных научно-исследовательских лабораторий, а в июле 1940 г. одним из первых вступил в образованное в Лондоне генералом де Голлем общество «Свободная Франция».

Мориц Ойнис-Хенцлин родился 20 февраля 1893 г. во Франции. Функционер ЦК компартии Швейцарии. Работал в качестве инженера в торговой фирме «Унипектин». Использовался как курьер между резидентурами Робинсона и Дюбендорфер. Позднее перебрался во Францию и организовал в Париже небольшое предприятие, деньгами которого пользовались члены западноевропейских компартий. Снабжал деньгами и Робинсона, по его поручению он снял в Париже роскошную квартиру, ставшую конспиративной. 12 апреля 1943 г. арестован гестапо, приговорен к смертной казни, но освобожден по ходатайству швейцарского правительства.

Эрнст Давид Вайс родился в 1902 г. в Бреслау, Германия. В 1927 г. окончил Бреслауский университет. Завербован Разведупром РККА в 1932 г. неким Демицем, с которым учился в университете. Работал в 1932 г. в Англии, в 1933-1935 гг. в США, а в 1936 г. передан на связь Робинсону. Руководил группой агентов в Англии, в

Здесь необходимо отметить, что Робинсон не всегда сообщал в Центр фамилии своих источников. Так, однажды из Москвы ему прислали сообщение, в котором говорилось: «Вы ни разу не написали нам, от кого получаете эти материалы. Неясность вокруг этого вопроса нас несколько беспокоит». Ответ Робинсона был категоричен: «В отношении источника... могу сообщить следующее: этот друг сделает безвозмездно все, что сможет, я знаю его в течение 20 лет и сообщу его имя только устно»[312].

До начала второй мировой войны резидентура Робинсона была ориентирована в основном на добывание военно-технической информации, которая носила, как правило, документальный характер. Вот только одно из заданий, полученное Робинсоном из Москвы:

«... Желательно было бы получить описание каждого из заводов в отдельности: его фото и планы, площадь пола отдельных цехов, описание оборудования и силовых установок, новое строительство, организация поточного производства, численность рабочих и число смен, месячная производительность (возможная и действительная), численный и персональный состав конструкторского бюро, связь с другими заводами, получение сырья, полуфабрикатов»[313].

Выполняя задания, Робинсон посылал в Центр материалы о производстве новых орудий, магнитной торпеде, разрывных снарядах, кислородных приборах для летчиков, образцы брони новых французских танков и новых немецких противогазов и т.п. Кроме того, его информаторы достали доклад о частичной мобилизации в Англии в сентябре 1938 г., материалы о мероприятиях в области авиационных вооружений и подготовке английских вооруженных экспедиционных сил к переброске во Францию, документы о создании во Франции «министерства экономического ведения войны» из 500 офицеров, имеющих доступ к материалам разведки и т.п.

После начала второй мировой войны резидентура Робинсона была переориентирована на работу против Германии. Теперь его сообщения в Центр касались прежде всего переброски немецких войск и начавшейся в Германии подготовки к войне против СССР. Помимо этого, в его задачу входило информирование Москву о том, в какой мере Германия использует французскую промышленность, людские и сырьевые ресурсы Франции. Вот только некоторые из сообщений, отправленных Робинсоном в Москву в этот период:

«11.11.1940 г. 4/5 моторизованных сил Германии переброшены в Польшу. На прошлой неделе 12 поездов инженерных войск проследовали с вокзала Ромилли в Германию. В течение двух дней все железнодорожное движение вдоль французского побережья Ла-Манша было приостановлено, доставлено 6 тысяч вагонов снаряжения. Источник: дирекция железнодорожной немецкой военной администрации и летчики»[314].

«5.04.1941 г. По железным дорогам Франции на восток отправляется большое количество санитарных машин.»

«17.04.1941 г. Ближайшие помощники Гитлера считают, что завоевание Украины — одна из задач готовящейся войны».

«27.04. 1941 г. 70-тонные танки заводов Рено перебрасываются в Катовице (Польша). С 21 по 23 апреля на восток отправлено 800 легких танков».

которую, предположительно, входили Х.Кальвин, Г.Любчинский, В.Вернон, В.Мередит. В 1941 г. Вайс был подвергнут допросу сотрудниками МИ-5 и после этого прекратил контакты с советской разведкой.

Хайнц Эрвин Кальман родился 10 марта 1904 г. в Берлине. По профессии физик. С 1929 по 1934 г. жил в Берлине и работал инженером-исследователем в акционерном обществе Лоренца в Берлин-Темпельхолле.В марте 1934 г. переселился в Лондон, где вместе с Г.Любчинским работал инженером в электро— и музыкальной индустрии. В 1939 г. переехал в США.

Ганс Герхард Любчинский родился 30 августа 1904 г. в Берлине. Был членом компартии Германии и работал в фирме «Телефункен». В 1934 г. уехал в Англию, где работал радиотехником.

По The Rote Kapelle. The CIA's History of Soviet Intelligence and Espionage. Networks in Western Europe. 1936-1945. Washington, 1979.

[312] Пороскоов Н. Неизвестный солист «Красной капеллы» // Красная Звезда. 1998. 17 июня.

[313] Там же.

[314] Там же.

«7.05.1941 г. В Польшу отправлено 350 французских 12-тонных танков с заводов Гочкис».

«10.06.1941 г. Знакомый полковник имел беседу с одним из высших немецких офицеров, который заявил, что не позднее чем через два месяца часть территории СССР будет захвачена немцами ... По мнению немцев, СССР превосходит их в численности личного состава и техники, но они считают своих солдат лучше подготовленными к войне, а генштаб более квалифицированным»[315].

К началу Великой Отечественной войны резидентура Робинсона была полностью готова к работе в условиях военного времени. Ее агенты были хорошо законспирированы, а для связи с Москвой имелось два радиопередатчика.

Вольдемар (Владимир Антонович) Озолс родился 17 октября 1884 г. в Выдрее под Витебском в семье рабочего. В 1891 г. его семья переехала в Ригу, где он закончил городскую школу им. Императрицы Екатерины II и в 1904 г. поступил в Виленскую пехотную школу. В это же время он вступает в Латвийскую социал-демократическую рабочую партию. В 1911 г. Озолс поступает в Николаевскую военную академию в Петербурге, которую заканчивает в мае 1914 г. с дипломом первой степени.

Во время первой мировой войны Озолс участвовал в боях на Кавказском фронте, где проявил себя храбрым и инициативным офицером. В ноябре 1915 г. его переводят на Западный фронт и назначают начальником штаба 55-й дивизии, а в феврале 1916 г., после завершения формирования латышских частей — начальником штаба 2-й латышской стрелковой бригады.

После Февральской революции Озолс избирают председателем Исполнительного комитета съезда латышских стрелков (Исколастрел), и на этом посту он остается до августа 1917 г. Когда произошла Октябрьская революция, Озолс встал на сторону большевиков, и в декабре 1918 г. был направлен в Латвию для организации там партизанского движения. Однако в скором времени его арестовали как «красного шпиона», посадили в лиепайскую тюрьму, а потом выслали из Латвии. Но уже летом 1919 г. он возвращается в Ригу и назначается начальником оперативного отдела Генштаба латвийской армии.

В последующие годы Озолс играл видную роль в политической жизни Латвии, являясь одним из руководителей оппозиционного «Рабочего союза». По некоторым свидетельствам именно тогда, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. он впервые вступил в контакт с представителем Разведупра РККА О.Стиггой. В мае 1934 г. после государственного переворота, совершенного К.Улманисом, Озолс был арестован, а 18 июня 1935 г. выслан из Латвии и обосновался в Литве.

В 1936 г. после начала гражданской войны в Испании республиканское правительство пригласило Озолса в испанскую армию. Там он в звании генерала работает в штабе интербригад. А после поражения республиканцев он выезжает во Францию. Здесь его застало известие о вхождении Латвии в состав СССР. Он немедленно обращается в советское посольство с просьбой о возвращении на родину, но военный атташе предлагает ему работать на благо родины в другом качестве. Так Озолс становится резидентом нелегальной резидентуры, получившей название «Золя».

Его предложения о составе резидентуры были рассмотрены и одобрены в Центре, и к 1941 г. он уже имел источники во Франции и Германии. В июне 1941 г. ему передали радиопередатчик для связи с Центром, но освоить его он не успел. После нападения Германии на СССР его связь с Москвой прервалась на долгие два года.

Как уже говорилось, в августе 1940 г. во Францию из Брюсселя приехал Треппер (Отто). Обосновавшись в Париже, он принялся налаживать работу новой нелегальной резидентуры. Первым делом он взялся за организацию надежного прикрытия — коммерческой фирмы «Симекс», основными акционерами стали Лео Гроссфогель, Альфред Корбен и Роберт Брейер. Вскоре «Симекс» становится одним из поставщиков «Организации Тодта» во Франции, которая

[315] Галаган А. Указ. соч. С.367.

ведала выполнением всех строительных и фортификационных работ по заданиям вермахта. Благодаря этому обстоятельству у Треппера появилась возможность получать пропуска в Бельгию, Германию и оккупированную зону Франции, а главное — собирать важную информацию по военно-экономическим вопросам. К началу 1941 г. французская резидентура Треппера закончила организационный период, укрепила свое прикрытие и привлекла к работе ряд ценных источников. Из их числа можно отметить следующих агентов:

— Гилель Кац (Андрэ Дюбуа, Рене) — польский еврей, знакомый с Треппером по Палестине. Его жена работала в резидентуре связной, а сам Кац вскоре стал одним из ближайших помощников Треппера;

— Джени Лерой (Пфегерин) — француженка, руководитель группы «Красного креста» в Париже, имевшая связи среди офицерского состава вермахта;

— Люсьен Раппель (Директор) — директор крупного коммерческого банка, имевший широкие связи в деловых кругах.

Несколько позднее на связь Трепперу были переданы Василий Максимович (Профессор) и его сестра Анна (Врач), завербованные легальным резидентом Разведупра генералом И.Суслопаровым, официально занимавшим должность советского военного атташе при французском правительстве в Виши. Максимович, русский эмигрант, барон, являлся близким знакомым полковника Г.Куприана, возглавлявшего немецкое бюро труда. Немаловажно и то, что в Максимовича была влюблена секретарша Куприана Маргарет Хофман-Шольтц, имевшая доступ к важнейшей информации. Сестра Максимовича Анна работала врачом психиатром в доме отдыха в Бийероне. С ее помощью была завербована Кете Фелькнер, работавшая секретаршей директора парижского отделения так называемой «Организации Заукель», занимавшейся перемещением рабочей силы в Германию.

Опираясь на прикрытие и используя завербованных информаторов, Треппер стал посылать через Суслопарова материалы, касающиеся численности и дислокации немецких войск во Франции. Весьма важным было сообщение Треппера, переданное в середине мая 1941 г. В нем говорилось, что немцы через Швецию и Норвегию перебросили в Финляндию около 500 тысяч солдат, а все высшие руководители «Организации Тодта» переведены в Польшу. В заключение сообщалось о перемещении немецких войск из Франции к границам СССР и называлась дата возможного нападения Германии — 20-25 мая 1941 г. Последнее сообщение о начале войны с точной датой немецкого вторжения Треппер передал через Суслопарова 21 июня 1941 г.

После нападения Германии на СССР все нелегальные резидентуры Разведупра активизировали свою работу. Но так как Суслопаров отбыл в Москву и официального советского представительства во Франции больше не существовало, то резидентуры Озолса и Треппера остались практически без связи. В этой ситуации Центр пошел на вынужденный шаг приказал в июне 1941 г. К.Ефремову, резиденту бельгийской резидентуры «Паскаль», оказать помощь в налаживании связи с Москвой Трепперу и Гуревичу. К чему это привело, уже говорилось. Однако по непонятным причинам в сентябре 1941 г. Москва дала указание Трепперу установить связь и с Робинсоном. Это было еще одним ошибочным решением Центра. Отдавая указание Трепперу о сотрудничестве с К.Ефремовым и Г.Робинсоном, в Москве рассчитывали, что их контакт будет минимальной и ограничится лишь помощью Трепперу в организации радиосвязи с Центром. Но на деле получилось иначе. Треппер не только сохранил связь с Робинсоном, но и свел его с Кацем и Гроссфогелем, и более того, сообщил о нем Райхману. Кроме того, в августе 1941 г. он привлек к работе в качестве радистов супругов Герша и Миру Сокол («Руэско» и «Мадлен»), завербованных в свое время генералом Суслопаровым, а позднее — Давид Ками («Деми»). Причиной этого стало непомерное тщеславие Треппера, желание играть гораздо более значительную роль, чем это было на самом деле, и вполне возможно, стремление как-то приуменьшить свою вину за неудачу в Бельгии. В результате резидентуры Л.Треппера и Г.Робинсона во Франции и А.Гуревича и К.Ефремова в

Бельгии переплелись между собой и образовали рыхлую, плохо зконспирированную сеть, в которой Треппер пытался играть роль «Большого шефа».

Последствия такого положения дел не заставили себя ждать. Первым ударом стал, как мы уже говорили, арест в Брюсселе 13 декабря 1941 г. радиста Гуревича М.Макарова, шифровальщицы С. Познански, содержательницы радиоквартиры Р.Арну и радиста-стажера парижской резидентуры Треппера Д.Ками. Треппер, приехавший в этот день в нарушение всех правил конспирации в Брюссель и намеревавшийся по старой памяти устроить Макарову разнос, счастливо избежал ареста и предупредил о провале Гуревича. После обсуждения создавшейся ситуации ими были приняты меры для локализации провала. Треппер немедленно выехал в Париж, а через пару дней, передав оставшуюся агентуру Ефремову, выехал в Париж и Гуревич, которого сопровождала М.Барча.

Однако в Париже Гуревич не задержался, а отправился в Марсель, где приступил к организации новой резидентуры. Для этого у него была надежная «крыша» — марсельский филиал бельгийской фирмы «Симекс». Его усилия увенчались успехом, и вскоре он мог посылать через Треппера в Москву информацию, носящую военно-политический характер. Основными источниками Гуревича в Марселе были:

— директор марсельского филиала «Симекс» Жюль Жаспар и его окружение — влиятельные политические деятелей, близкие к правительству Виши;

— чех Эрлих, имевший большие связи и, возможно, работавший на английскую разведку;

— жена брата М.Барча фрау Арманн, работавшая, по собственному признанию, на разведку правительства Виши и на разведку лондонского комитета де Голля.

При этом никто из них не подозревал, что уругвайский коммерсант В.Сьерра является сотрудником советской разведки.

Но ошибки, совершенные ранее, продолжали сказываться. Как мы уже писали, в ночь с 9 на 10 июня 1942 г. в Париже арестовали радистов Треппера супругов Сокол. 30 июня 1942 г. в Брюсселе во время передачи сообщений в Центр схватили радиста Ефремова Венцеля 7 августа 1942 г. был арестован сам Ефремов, а с 20 августа начались аресты в Голландии, приведшие к разгрому голландской группы резидентуры «Паскаль».

Но главной целью зондеркоманды «Красная капелла» был арест А.Гуревича и Л.Треппера. К ноябрю 1942 г. гестапо уже располагало достаточными сведениями, чтобы приступить к ликвидации резидентуры Треппера во Франции. Зондеркоманде удалось расшифровать большую часть переписки между Центром и «Кентом», а также получить при допросах арестованных ранее агентов необходимые сведения о французской агентурной сети. 9 ноября 1942 г. в Марселе были арестованы А.Гуревич, М.Барча и все сотрудники марсельского отделения «Симекса». 18-20 ноября 1942 г. в Париже арестовали всех сотрудников парижского отделения компании.

Узнав об этом, Л.Треппер принимает решение отправить своего помощника Г.Каца в Тулузу, где тот должен ждать дальнейших указаний. Л.Гроссфогелю надлежало разорвать все свои связи, оставить квартиру и поддерживать контакты только с Треппером через связника Жиро. Сам Треппер собирался устроить ложные похороны Жана Жильбера, сообщить о его кончине через газеты и перейти на нелегальное положение. Но никто из них не успел выполнить эти решения. 24 ноября 1942 г. в Париже в зубоврачебном кабинете арестовали Л.Треппера, 30 ноября — Гроссфогеля (при его задержании были захвачены шифр и радиограмма из Центра), а 1 декабря — Каца. 21 декабря гестапо схватило Г.Робинсона, в конце декабря 1942 г. были арестованы Максимович и его сестра Анна, а в январе 1943 г. взяты все их агенты. Таким образом французские резидентуры Треппера, Робинсона и Гуревича фактически были разгромлены. Всего же во Франции, Бельгии и Голландии арестовали более 100 человек, из которых около 70 принимали участие в работе на советскую разведку.

Ликвидируя подпольные группы в Бельгии, Голландии и Франции, руководство немецких спецслужб ставило перед собой несколько задач. Первая — арестовать всех советских агентов на территории Западной Европы. Вторая — посредством радиоигры дезинформировать советское командование относительно положения в Германии и оккупированных ею странах, а

также снабжать его ложными данными о перемещениях немецких войск и их оперативных планах. Третья: вбить клин между СССР и его союзниками по антигитлеровской коалиции с целью заключения сепаратного мира. Последняя задача считалась наиболее важной. Начальник VI Управления РСХА В.Шелленберг объясняет это следующими причинами:

«По нашим сведениям, в это время, в августе 1942 г., Сталин был недоволен западными союзниками ... Обстановка в 1942 г. характеризовалась борьбой за выигрыш времени. Англия была слишком слаба, чтобы действовать самостоятельно, и ждала прибытия стратегических материалов из Америки. Сталин ожидал не только поставок, но и эффективной помощи в виде открытия реального второго фронта. Пока западные союзники воздерживались от вторжения — все равно, по каким мотивам, — имелся весьма реальный шанс завязать переговоры о сепаратном мире. Германия в то время обладала настолько превосходящей мощью, что это обеспечивало ей выгодное положение для переговоров с обеими сторонами. Поэтому было важно установить контакт с Россией одновременно с началом переговоров с Западом. Все усиливающееся соперничество между союзными державами должно было укрепить наши позиции. Однако к реализации этого плана следовало приступать с величайшей осторожностью»[316].

Для выполнения указанных задач руководство зондеркоманды «Красная капела» использовало радиостанции Венцеля, Гуревича и Треппера. Из восьми радиопередатчиков, захваченных в течение 1941-1942 гг. в Бельгии, Голландии и Франции, в радиоигре было задействовано шесть. Руководил ею гауптштурмфюрер СС К.Гиринг, которого в июне 1943 г. сменил криминальный советник гестапо Хайнц Паннвиц. Гуревичу и Трепперу, находившимся в безвыходном положении, пришлось подыгрывать гестапо. Однако в июне 1943 г. Треппер, уже будучи арестованным, сообщил в Центр через своего связника с ФКП о том, что передатчики французских и бельгийских резидентур работают под контролем гестапо. Центр получил эту информацию по линии Коминтерна 7 июня 1943 г. Кстати, сообщения о провалах и работе радиопередатчиков под контролем немцев Центр получал и раньше. Еще 15 июля 1942 г. Ефремов известил его, что гестапо арестовало радиста его резидентуры И.Венцеля. 25 сентября 1942 г. Г.Робинсон передал в Центр, что немцами арестован Ефремов и радист-голландец. 1 ноября Треппер сообщил о провалах в Бельгии сотрудников резидентуры Ефремова, а 20 ноября подтвердил сведения об аресте 29 июня Венцеля, а 7 августа — Ефремова.

После получения известия Треппера Центр с июня 1943 г. начал вести радиоигру с немцами в своих интересах. Хотя методы, которые при этом использовались, нельзя назвать гуманными. Для того, чтобы убедить гестапо в том, что оно владеет ситуацией, Центр 14 марта 1943 г. передал указание Трепперу установить через Гуревича связь с французской резидентурой В.Озолса («Золя»). Это решение Центра фактически подписывало Озолсу смертный приговор и объяснить его довольно трудно. Вполне возможно, что после того, как Озолс в июне 1941 г. потерял контакты с Центром и все это время не выходил на связь, доверие к нему было потеряно.

Так или иначе, но гестапо уже в июле 1943 г. установило адрес В.Озолса, а 1 августа 1943 г. состоялась его встреча в парижском кафе «Дюпон» с Гуревичем, который находился под неусыпным контролем сотрудников гестапо. Во время встречи Озолс рассказал Гуревичу о своей деятельности за прошедший период, а тот в свою очередь дал ему указание активизировать работу агентов и установить контакты с французским сопротивлением.

После встречи с Гуревичем Озолс приступил к выполнению его указаний и уже в декабре 1943 г. наладил связь с отставным капитаном французской армии Полем Лежандром. С конца 1940 г. он руководил подпольной группой французского сопротивления «Митридат», действовавшей в районе Марселя. Лежандр согласился сотрудничать с Озолсом, считая, что они борются против общего врага. В январе 1944 г. Лежандр встретился с Гуревичем и передал ему полный список своих агентов в Марселе, что помогло гестапо взять под контроль сеть «Митридат» и использовать ее для получения информации о военных планах союзников.

[316] Шелленберг В. Указ. соч. С.291.

Интересные воспоминания о группе Озолса — Лежандра оставил американский летчик Мозес Гатвуд, сбитый летом 1944 г. над Францией и нашедший убежище у членов организации Озолса. В конце 1944 г. он составил для Управления стратегических служб (УСС) США отчет, из которого следовало, что уже в июне 1944 г. группа В.Озолса полностью находилась под контролем гестапо. Естественно, возникает вопрос: почему гестапо не арестовало членов групп Озолса и Лежандра? Думается, что этого не случилось по нескольким причинам. Во-первых, к середине 1944 г. Гуревич завербовал начальника зондеркоманды во Франции Паннвица и тот не был заинтересован в аресте людей Озолса и Лежандра. Во-вторых, во время одной из встреч с Озолсом Гуревич приказал ему перевести всех его людей на нелегальное положение. Благодаря этому все они благополучно дожили до победы[317].

Но вскоре все ухищрения гестапо пошли прахом. 13 сентября 1943 г., воспользовавшись случаем, Л.Треппер совершает побег. Начавшаяся на него охота не приносит результата, и до самого освобождения Парижа войсками союзников в августе 1944 г. Треппер остается на свободе. Более того, с помощью боевика французского сопротивления Алекса Лесового он пытался организовать захват парижской зондеркоманды «Красная капелла», но безуспешно.

Совершает побег из застенков гестапо и И.Венцель. 18 ноября 1943 г. он, оглушив охранника, бежит из радиоквартиры и до сентября 1944 г. прячется в Брюсселе. В октябре 1944 г. он явился к советскому уполномоченному по делам репатриации в Бельгии и, назвав себя, попросил связать его с представителями ГРУ. Сообщение о появлении Венцеля было передано в Москву, откуда поступило указание поместить его под предлогом написания отчета о проделанной работе в «карантин», что означало фактический арест. В январе 1945 г. Венцеля под конвоем офицеров военной контрразведки СМЕРШ перевезли в Париж, откуда с его согласия под видом репатрианта на самолете отправили в Москву. Он вылетел 5 января вместе с Треппером и нелегальным резидентом ГРУ в Швейцарии Ш.Радо.

Что касается Гуревича, то он оставался в плену до самого конца войны. Но и там он продолжает работу. В результате случилось невероятное — арестованный разведчик завербовал сотрудника контрразведки. Безусловно, для этого были объективные причины. Во-первых, приближающееся поражение Германии в войне. Во-вторых, Паннвиц, как бывший помощник начальника РСХА Г.Гейдриха в Чехословакии, запятнал свои руки кровью при уничтожении Лидице и расстреле английских парашютистов. Поэтому попадать в руки союзников ему явно не хотелось, и работа на советскую разведку стала для него спасительным выходом. Продолжительное время Паннвиц под видом радиоигры передавал в Москву интересующие ее сведения, а когда к Парижу начали подходить войска союзников, уехал в альпийскую деревушку, прихватив с собой парижский архив зондеркоманды «Красная капелла». Вместе с ним покинули Францию Гуревич, радист Паннвица Г.Стлука и его секретарша Э.Кемпа.

После окончания военных действий Гуревич прибыл в расположение французских частей, представился майором Красной Армии Виктором Соколовым, осуществляющим вместе с сопровождающими его людьми специальное задание в немецком тылу, и потребовал связать его с советской военной миссией в Париже. Его требование выполнили, и в июне 1945 г. он, Паннвиц, Стлука и Кемпа, захватив с собой архив, на советском самолете вылетели в Москву.

---

[317] После освобождения Франции Озолс и Лежандр 7 ноября 1944 г. были арестованы французской контрразведкой (DST) по обвинению в шпионаже. Но уже в скором времени по требованию сотрудника советской военной миссии во Франции полковника Новикова они были освобождены. В.Озолс до 17 мая 1945 г. оставался в Париже и работал в советском торгпредстве, а потом вернулся в СССР.

Прибыв в Москву, он написал подробный отчет о своей работе во Франции и, что удивительно, в отличие от многих других вернувшихся в СССР нелегальных резидентов не был арестован. Отказавшись от престижной должности преподавателя в военной академии, Озолс в июле 1945 г. вернулся вместе с женой в Ригу. Там он долгое время работал доцентом в Латвийском государственном университете, где преподавал военную географию и геодезию. Умер В.Озолс 5 июня 1949 г. в Пиебалге.

По The Rote Kapelle. The CIA's History of Soviet Intelligence and Espionage. Networks in Western Europe. 1936-1945. Washington, 1979.

Но далеко не все агенты, работавшие вместе с Л.Треппером и А.Гуревичем, дожили до победы. Так, в 1944 г. был казнен Г.Робинсон, арестованный гестапо во многом по вине Треппера. Первые сведения о его судьбе после ареста в Центре получили в конце сентября 1944 г., когда неизвестный передал в советское представительство в Софии следующую записку:

«Французский товарищ Анри Робинсон «Гарри» был арестован гестапо в декабре 1942 г. в своем доме. Он был выдан лицом, которое получило его адрес в Москве. Его жена и сын были подвергнуты пыткам и заключены в тюрьму, а затем казнены. Сам «Гарри» был заключен в одиночку и впоследствии отвезен в Берлин, Гауптзихерхайтсат (РСХА), Принц-Альбрехтштрассе, где содержится в большом секрете в камере 15 в ожидании смертного приговора. Пишущий настоящие строки видел его последний раз 20 сентября 1943 г. в день выхода из соседней камеры 16 и обещал передать его сообщение ... (Далее следует описание подробностей ареста и поведение отдельных лиц.)

... Все связи к французскому министерству и генштабу в безопасности, т.к. были известны только Га ...

Отрубят голову или расстреляют, победа будет все равно наша. Ваш «Гарри»»[318].

Долгое время о дальнейшей судьбе Робинсона ничего не было известно. Ходили даже слухи, что жив и продолжает работать на советскую разведку. И лишь много лет спустя точно установили, что он погиб в 1944 г.

Были также казнены Д.Ками, Л.Гроссфогель, Г.Кац и многие другие. Под страшными пытками погибли радисты супруги Герш и Мира Сокол. А жена А.Гуревича М.Барча до конца войны находилась в концлагере вместе с только что родившимся сыном.

Швейцария

Находящаяся в центре Европы Швейцария, являясь нейтральной страной и «мировым банкиром», была весьма удобным местом для организации там нелегальных резидентур для работы против третьих стран. Поэтому в Берне, Женеве, Лозанне и других швейцарских городах советская разведка активно действовала уже в начале 20-х гг. Еще более возросло значение Швейцарии после прихода к власти Муссолини в Италии и Гитлера в Германии, и вплоть до окончания второй мировой войны. Нелегальные резидентуры Разведупра РККА, работавшие в Швейцарии в годы второй мировой войны, так же, как и резидентуры в Германии, Франции и Бельгии, проходили в гестапо по делу «Красная капелла» и рассматривались немецкой контрразведкой как часть единой советской разведывательной сети в Западной Европе (так называемая Красная тройка — по числу действующих радиопередатчиков.)

К концу 1930-х гг. в Швейцарии работали три нелегальные резидентуры советской военной разведки, которыми руководили Р.Дюбендорфер («Сиси»), Л.Анулов («Коля») и У.Кучински («Соня»).

Рашель Дюбендорфер, в девичестве Геппнер, родилась 18 июля 1900 г. в Варшаве. Одно время она была замужем за неким Петером Каспарном, имела от него дочь Тамару, но потом развелась и в 1918 г. выехала в Германию. Здесь она активно включилась в коммунистическое движение, став сначала членом «Союза Спартака», а в декабре 1918 г. — членом КПГ. В 1921-1932 гг. она работала машинисткой-стенографисткой в отделе агитпропа ЦК КПГ, и именно в этот период на нее обратили внимание представители Разведупра РККА в Берлине и предложили ей сотрудничать с советской военной разведкой. Она ответила согласием, и с тех пор числилась в Разведупре под псевдонимом «Сиси».

После прихода к власти Гитлера Р.Дюбендорфер как еврейке и коммунистке пришлось эмигрировать в Швейцарию. Для того чтобы натурализоваться и получить швейцарские документы, она вступила в фиктивный брак с местным рабочим — коммунистом Куртом Дюбендорфером. Следующий ее шаг — устройство на работу машинисткой в Международное бюро труда (МБТ) при Лиге Наций, чья штаб-квартира находилась в Женеве. Здесь ей помогло отличное знание французского и немецкого языков. Обеспечив себе таким образом надежное

[318] Поросков Н. Указ. соч.

прикрытие, Дюбендорфер установила связь с сотрудниками Разведупра в Швейцарии и начала заниматься сбором разведывательной информации по Италии и Германии. Примечательно, что в этом ей активно помогала ее дочь Тамара, выполнявшая работу курьера.

Группа «Сиси» была небольшой, хотя и имела важные источники информации. Ближайшим помощником Р.Дюбендорфер являлся немецкий коммунист Пауль Бетхер (Пауль). Он начал свою трудовую биографию наборщиком в типографии. Став в начале 20-х гг. коммунистом, он вел активную партийную работу, его выбирают членом ЦК КПГ, а затем и депутатом Саксонского ландтага (парламента) и председателем его коммунистической фракции. Чуть позже он назначен начальником государственной канцелярии в Дрездене. Но в середине 1920-х гг. во время усилившейся фракционной борьбы Бетхер выходит из КПГ, а с установлением фашистской диктатуры в Германии эмигрирует в Швейцарию. Там он встретил Р.Дюбендорфер, которую знал и раньше, и стал ее любовником. В отличие от Дюбендорфер, Бетхер находился в Швейцарии нелегально, так как ему не удалось получить вид на жительство. Поэтому он не мог устроиться на работу и зарабатывал средства на жизнь журналистикой.

Одним из источников группы «Сиси» была секретарша («Билл») германской военной закупочной комиссии в Швейцарии. От нее в Москву поступала ценная информация о вооружении немецкой армии. Другим важным информатором Р. Дюбендорфер стал Александр Абрамсон. Выходец из Литвы, Абрамсон с 1920 по 1940 г. работал в МБТ при Лиге Наций в Женеве. После того как Литва вошла в состав СССР, его попытались уволить в отставку, но он сумел остаться на работе в пресс-бюро МБТ, а в августе 1940 г. направил письмо в посольство СССР в Берлине с просьбой предоставить ему советское гражданство. Не получив ответа, Абрамсон в октябре 1940 г. направляется в советское консульство в Виши, чтобы узнать о порядке получения советского гражданства. Там легальный резидент Разведупра И.Суслопаров привлекает его к работе на военную разведку. Под псевдонимом «Мариус» Абрамсона включают в швейцарскую нелегальную резидентуру «Сиси».

Абрамсон не только являлся важным источником информации, но и хранителем секретных оперативных материалов. Дело в том, что здание МБТ обладало дипломатическим иммунитетом, и поэтому Дюбендорфер хранила у «Мариуса» в сейфе то, что считала опасным держать у себя. Позднее там же хранились и запасные детали к радиопередатчику. Кроме того, Абрамсон в тех случаях, когда денежные переводы из Центра задерживались, выдавал Дюбендорфер из личных сбережений необходимые ей суммы[319].

Еще один ценный агент Р.Дюбендорфер — Жан-Пьер Вижье («Бранд»). Он родился 16 января 1910 г. в Париже и был сыном французского дипломата Генри Вижье, представителя Франции в Лиге Наций. С середины 1930-х гг. и до начала второй мировой войны Вижье работал в посольстве Франции в Швейцарии, где его в качестве агента завербовала дочь Р.Дюбендорфер Тамара, впоследствии ставшая его женой. Вижье не только являлся источником важной политической информации, но и выполнял роль курьера между Дюбендорфер и французскими антифашистами. После нападения Германии на Францию он вернулся в Париж и вступил в армию. Но перед этим рекомендовал Дюбендорфер французского студента Лашанеля, который стали связным с французским сопротивлением[320].

---

[319] После побега в 1945 г. шифровальщика канадской резидентуры ГРУ И.Гузенко, сообщившего о том, что Абрамсон сотрудничал с советской разведкой, ему было отказано в дальнейшем проживании в Швейцарии. В 1946 г. он выехал во Францию, но и тут с трудом добился как литовский эмигрант только годовой визы. Абрамсон устроился на работу в профсоюзное объединение «Форс Увриер» и обратился в посольство СССР с просьбой о предоставлении советского гражданства. Однако он лишь получил 6500 швейцарских франков, которые ему задолжала Дюбендорфер, а советского паспорта ему так и не дали.

[320] Во время второй мировой войны Вижье был капитаном армии генерала де Лятра де Тасенье, а после ее окончания в 1947 г. направлен делегатом от Франции в комиссию по атомной энергетике. Вскоре он разошелся с Тамарой, поскольку она, недовольная арестом в СССР своей матери, потребовала от него разоблачить известных ему советских агентов.

1 марта 1949 г. Вижье был арестован французской контрразведкой в связи с тем, что у него обнаружили секретные документы атомно-энергетической комиссии. Однако он не был осужден. Его лишь сняли с должности

Среди знакомых Бетхера была и австрийка Лезер Бергер, сотрудница некого Фарела, работавшего на английскую разведку. Впрочем, и сама Бергер не скрывала своей связи с СИС, справедливо считая, что это повышает ее авторитет в глазах местного общества, симпатизирующего англичанам. Она довольно часто делилась с Бетхером информацией о положении на Балканах и взамен ставила вопросы, на которые он мог ответить, исходя из сообщений печати и местных слухов.

Другой важной агентурной сетью ГРУ в Швейцарии руководил Леонид Абрамович Анулов. Он родился в 1897 г. и участвовал в первой мировой и гражданской войнах.В 1919 г. он вступил в ВКП(б), а с начала 1920-х гг. начал работать в военной разведке. В 1923 г. он принимал участие в подготовке «германского Октября», позднее воевал на КВЖД и в Испании. С 1937 г. он в качестве нелегального резидента находился во Франции, откуда руководил агентурной сетью в Швейцарии[321]. Основным агентом-групповодом Анулова был швейцарский журналист Отто Пюнтер («Пакбо»), которого он завербовал в Испании.

Социалист левого направления, симпатизирующий Советскому Союзу, владелец и директор информационного агенства Инса в Берне, Пюнтер (1900 г.р.) имел широкие связи в журналистских, дипломатических и правительственных кругах Швейцарии. Среди его источников можно отметить неких «Габеля» и «Пуассона». «Габель», югослав, в прошлом военный летчик, служил консулом в югославском порту Сушак, где представлял интересы испанского республиканского правительства. Через него в Центр шла информация по Испании и Италии. «Пуассон», немец, принявший швейцарское гражданство, бывший чиновник аппарата Лиги Наций в Саарской области. От него поступали сведения по Германии, в частности о военно-политических мероприятиях гитлеровского правительства. Анулов, как уже говорилось, руководил работой Пюнтера из Франции, периодически приезжая в Берн или вызывая его в Париж. А с июня 1937 г. у него на связи находился обосновавшийся в Швейцарии Шандор Радо («Альберт», «Дора»).

Шандор Радо родился в ноябре 1899 г. в Будапеште. После окончания гимназии и получения аттестата зрелости его призывают в армию и направляют в офицерскую школу крепостной артиллерии. Одновременно ему удалось поступить в Будапештский университет на юридический факультет. Закончив офицерскую школу, Радо в 1918 г. был направлен в артиллерийский полк, где в октябре его застала венгерская буржуазная революция. После провозглашения в марте 1919 г. Венгрии советской республикой Радо участвовал в боях в рядах венгерской Красной Армии, а после падения Венгерской советской республики в сентябре 1919 г. эмигрировал в Австрию.

Находясь в Вене, Радо продолжил образование в Венском университете, одновременно активно работая на Коминтерн, являясь руководителем информационного агентства Роста-Вин. В 1921 г. он был приглашен в Москву на III конгресс Коминтерна, откуда вернулся в Вену, а затем переехал в Германию в Лейпциг, где стал одним из руководителей готовящегося на октябрь 1923 г. вооруженного восстания. Как известно, восстание не состоялось, а вооруженное выступление коммунистов Гамбурга во главе с Э.Тельманом было жестоко подавлено. Поэтому руководство КПГ, учитывая возможность ареста Радо, направило его в 1924 г. в Москву. Летом 1925 г. Радо вместе с женой Леной и старшим сыном Имре возвращается в Германию, где работает в основанном им агентстве «Пресс-географи», одновременно читая лекции в марксистской школе в Берлине. После прихода к власти Гитлера Ш.Радо переехал в Париж, где открыл информационное агентство «Инпресс».

начальника отдела и отправили на незначительный пост в провинции. В 1967 г. Вижье избирается председателем международного трибунала Бертрана Рассела в защиту народа Вьетнама. Умер Ж.-П.Вижье 26 мая 1967 г.

По The Rote Kapelle. The CIA's History of Soviet Intelligence and Espionage. Networks in Western Europe. 1936-1945. Washington, 1979.

[321] В апреле 1938 г. Анулова отозвали в СССР, где он был сначала награжден орденом Ленина, а потом арестован. В 1955 г. его освободили из заключения и реабилитировали. Умер Л.А.Анулов в 1974 г.

В октябре 1935 г. Ш.Радо по приглашению редакции «Большого Советского Атласа» приехал в Москву. Здесь у него состоялась встреча с заместителем начальника Разведупра А.Артузовым. Артузов предложил ему перейти на работу в военную разведку в качестве разведчика-нелегала. Радо ответил согласием, и проинструктированный начальником Разведупра С.Урицким, он в декабре 1935 г. выезжает в Париж. Перед ним была поставлена задача организовать в Бельгии под видом информационного агентства нелегальную резидентуру для сбора интересующих СССР данных по Германии и Италии. В качестве запасного варианта была Швейцария. Закрыв агентство «Инпресс» в Париже, Радо попытался основать новую фирму в Брюсселе, но бельгийские власти наотрез отказали ему. Тогда Радо весной 1936 г. обратился с аналогичной просьбой к швейцарским властям, и в мае получил разрешение на открытие акционерного общества «Геопресс» в Женеве и вид на жительство.

«Геопресс» как единственная в своем роде фирма современной картографии довольно быстро стала известной, что помогло Ш.Радо приобрести аккредитацию при отделе печати Лиги Наций и получать заказы на изготовление карт от различных официальных учреждений многих европейских стран. Поэтому материалы, посылаемые им в Москву через сотрудника легальной резидентуры Разведупра в Швейцарии Полякову, высоко ценили в Центре. В июне 1937 г., в связи с отзывом Поляковой в Москву, Радо был передан на связь Анулову.

По заданию Л.Анулова во второй половине 1937 г. Ш. Радо совершил поездку по Италии. Во время нее ему предстояло собрать сведения о переброске в Испанию немецких и итальянских войск и вооружений. Используя деловые связи, в частности с фирмой «Фиат» и итальянским министерством авиации, Ш.Радо сумел осмотреть несколько портов. В Специи ему удалось побывать на борту крейсера «Джованни делла Банде Нере» и выяснить его боевую задачу на ближайшее время. В Неаполе и Палермо им были отмечены немецкие солдаты, отправляющиеся в Испанию. Собранные сведения Ш.Радо передал Анулову во время очередной встречи в Париже. В апреле 1938 г. Л.Анулова неожиданно отзывают в Москву. Перед отъездом он по приказу Центра передал на связь Радо швейцарскую группу О.Пюнтера. Именно с этого момента Радо становится нелегальным резидентом Разведупра в Швейцарии.

Между тем обстановка в Европе все более обострялась, и в декабре 1938 г. Центр через курьера в Париже передал Радо шифровку следующего содержания:

«Дорогая Дора! В связи с общей обстановкой, которая Вам вполне ясна, я ставлю перед Вами задачу самого энергичного развертывания нашей работы с максимальным использованием всех имеющихся в Вашем распоряжении возможностей. Всемерно усильте работу с Пакбо для получения ценной военной информации и привлечения интересных для нас лиц. Сконцентрируйте внимание Пакбо прежде всего на Германии, Австрии и Италии ...»[322].

Выполняя указания Центра, Ш.Радо активизировал работу и снабжал Москву весьма важной информацией. Она касалась изменений в дислокации сухопутных, авиационных и военно-морских сил Италии, состояния итальянской военной промышленности и судостроения, поставках вооружения для генерала Франко. А летом 1939 г. Ш.Радо передал в Центр сообщение «Пуассона» о готовящемся захвате немцами Данцига.

Но после 1 сентября 1939 г. в связи с началом второй мировой войны Швейцария наглухо закрыла свои границы и контакт Ш.Радо с Центром прервался. Несмотря на то, что у Ш.Радо был радиопередатчик, наладить связь через него было невозможно ввиду отсутствия обученного радиста. В этом сложном положении Центру ничего не оставалось, как приказать резиденту нелегальной резидентуры «Соня» в Швейцарии У.Кучински установить контакт с Альбертом и помочь ему наладить связь с Москвой.

Урсула Кучински родилась 15 мая 1907 г. в семье крупного немецкого экономиста и статистика Рене Кучински. После поражения в первой мировой войне Германия переживала тяжелый экономический кризис, и в этих условиях среди молодежи большую популярность приобретают коммунистические идеи. Увлекли они и молодую Кучински. С 1918 г. она принимает участие в работе комсомольских ячеек, а в 1924 г. вступает в КСМГ. В это время она

[322] Радо Ш. Под псевдонимом Дора. Пермь, 1992. С.54.

знакомится с Э.Тельманом, В.Пиком и другими руководителями компартии Германии, а в 1926 г. становится членом КПГ.

В 1928 г. У.Кучински выходит замуж за архитектора Рудольфа Гамбургера и вместе с ним отправляется в США, а затем в Шанхай, где он получил место в английской администрации городского управления. Находясь в Шанхае, она включилась в конспиративную работу в пользу китайской компартии, а в ноябре 1930 г. познакомилась с небезизвестным Рихардом Зорге. Именно тогда начинается ее сотрудничество с советской военной разведкой.

В 1933 г. Кучински приезжает в Москву и по рекомендации Р.Зорге зачисляется в штат Разведупра РККА. После окончания разведшколы она в середине марта 1934 г. командируется в Маньчжурию в качестве радистки нелегальной резидентуры Иогана Патра (Эрнста Отто). В 1935 г. она возвращается в СССР, а в феврале 1936 г. направляется в Польшу, где с небольшим перерывом работает до июня 1938 г. В июне 1937 г. за успешную работу ее награждают орденом Красного Знамени, который ей вручил М.Калинин.

В июне 1938 г. Кучински отозвали из Польши и вскоре направили через Англию в Швейцарию. В ее задачу входило создание нелегальной резидентуры для работы против Германии. Приехав в Лондон в августе 1938 г., Кучински установила контакт со знакомым ей по Германии членом КПГ и попросила его подобрать для нелегальной работы двух-трех надежных людей. Через некоторое время ей рекомендовали двух молодых англичан, бойцов интербригад в Испании — Леона Бёртона («Джон») и Александра Аллана Фута («Джим»)[323].

После утверждения Центром их кандидатур У.Кучински в сентябре выехала в Швейцарию, условившись, что Бёртон и Фут присоединятся к ней там. Прибыв в Швейцарию под видом беженки из Германии, она после непродолжительных поисков сняла в окрестностях Ко перестроенную крестьянскую усадьбу под названием «Кротовый холм» и в скором времени установила устойчивую радиосвязь с Центром. В конце ноября 1938 г. к ней присоединился А.Фут, в январе 1939 г. — Л.Бёртон, а в апреле 1939 г. — Франц Оберманс («Герман»), направленный из Москвы в качестве радиста[324].

В Швейцарии У.Кучински установила ряд полезных связей, в частности с некой Мари, старшим библиотекарем Лиги Наций, Блеллохом, занимавшим видное положение в МБТ, Робертом Деллом, журналистом, придерживающимся левобуржуазных взглядов, левой журналисткой Кати. С их помощью она не только получала интересную информацию, но и смогла, когда в этом возникла необходимость, достать гондурасский паспорт для себя и боливийский — для Л.Бёртона.

Выполняя поставленную перед ней задачу, Кучински направила Л.Бёртона и А.Фута в Германию. Л.Бёртон осел во Франкфурте-на-Майне и стал искать выходы на концерн «И. Г. Фарбениндустри». Он поселился в доме вдовы тайного советника на положении «постояльца, принятого в семью», используя следующую легенду: его дядя, состоятельный человек, высоко ценит немцев и захотел, чтобы племянник осмотрелся в Германии и выучил немецкий язык. А.Фут обосновался в Мюнхене, начал заводить знакомства среди членов нацистской партии и

---

[323] Леон Бёртон родился в 1914 г. Придерживался левых взглядов и после начала гражданской войны в Испании отправился туда добровольцем и воевал на стороне республиканцев в интербригадах. Летом 1938 г. был завербован для работы на Разведупр РККА.

Александр Аллан Фут также придерживался левых взглядов и воевал в Испании на стороне республиканцев, где был ранен. Его завербовали для работы на Разведупр РККА в одно время с Л.Бёртоном.

[324] Франц Август Оберманс родился 29 октября 1909 г. в Вуппертале (Германия), в семье кельнера. С 1924 г. работал кельнером, а потом на бумажной фабрике. В 1925 г. вступил в ГКСМ, а в 1927 г. стал членом КПГ и Союза красных фронтовиков. В феврале 1933 г. был арестован нацистами, находился в предварительном заключении в Дюссельдорфе и Эссене, в сентябре того же года лейпцигский суд приговорил его к двум с половиной годам тюремного заключения.

В декабре 1935 г. Оберманс эмигрировал в Чехословакию, где включился в подпольную деятельность КПГ. С сентября 1936 г. — в Испании, где воевал на стороне республиканцев в составе 13-й интербригады. В 1938 г. направлен в Москву, прошел здесь курс обучения на радиста в спецшколе Разведупра РККА. В апреле 1939 г. через Скандинавию, Голландию, Бельгию и Францию, имея при себе паспорт на имя финна Эрика Ноки, прибыл в Швейцарию к У.Кучински.

искать возможность попасть на авиационные заводы «Мессершмитт». Радист группы Ф.Оберманс снял небольшую квартиру в швейцарском городке Фрибуре и, стараясь вести себя как можно незаметнее, приступил к сборке радиопередатчика.

К августу 1939 г. ввиду приближающейся войны Бёртон и Фут были отозваны из Германии, где они находились как английские подданные. Они поселились в Швейцарии и с помощью Кучински стали обучаться работе на радиопередатчике. Однако самой Кучински, проживающей по паспорту немецкой беженки, в связи с началом войны оставаться в Швейцарии стало небезопасно. В случае, если гестапо потребовало бы ее выдачи, не помог бы и фальшивый гондурасский паспорт. Поэтому в Центре было решено, что она должна перебраться в Англию и продолжить работу там.

Для получения английского паспорта и права въезда в страну ей предписывалось вступить в фиктивный брак с Бёртоном или Футом. Фут более подходил по возрасту и сначала не возражал. Но весной 1940 г. пересмотрел свое решение, сославшись на то, что перед поездкой в Испанию дал одной девушке в Англии обещание жениться на ней. Этот факт мог привлечь к нему излишнее внимание по возвращении в Лондон, и поэтому Кучински стала оформлять брак с Л.Бёртоном. Но этот процесс затянулся до осени 1940 г.

В конце 1939 г. в группе «Сони» произошел первый провал. 11 декабря швейцарская полиция арестовала в Фрибуре Оберманса за нарушение паспортного режима. В ходе следствия выяснилось, что Оберманс немец, и поэтому гестапо потребовало его выдачи. Но швейцарские власти отказали немцам. Оберманс был отдан под суд в Швейцарии, приговорен к штрафу за нарушение паспортного режима и до конца войны находился в лагере для интернированных.

Но несмотря на этот провал, в конце декабря 1939 г. Кучински получила из Центра указание вступить в контакт в Женеве с неким Альбертом и получить от него ответы на следующие вопросы: «Работает ли его бюро? Как у него с деньгами? Можно ли направлять донесения в Центр через Италию или ему нужна радиосвязь? В состоянии ли он установить такую связь самостоятельно?»

Ш.Радо обстоятельно ответил на вопросы Центра: его бюро продолжало работать, хотя количество заказов в связи с войной резко сократилось, организация связи через Италию в настоящее время не реальна, поэтому требуются подготовленные радисты, шифр, кодовая книга и программа связи. Центр, получив сообщение Ш.Радо, принял решение передавать его донесения через передатчик Сони. А в марте 1940 г. в Женеву из Брюсселя приехал Гуревич («Кент»). Он привез Радо шифр, кодовую книгу, программу связи и провел с ним инструктаж. К сожалению, он не смог привести Радо денег, так как при пересечении границы его могли арестовать за контрабанду валюты.

В июне 1940 г. Ш.Радо привлек к работе в качестве радистов супругов Эдмонда («Эдуард») и Ольгу («Мауд») Хамель. Э.Хамель, радиотехник по специальности, был владельцем магазина по продаже радиоаппаратуры в Женеве.Он и его жена придерживались левых политических взглядов и с симпатией относились к России. Пройдя у Кучински обучение работе на ключе, они с августа 1940 г. начали работать самостоятельно, смонтировав передатчик у себя дома. Таким образом, и Ш.Радо, и У.Кучински передавали в Центр свои сообщения самостоятельно, используя собственные шифры и расписание связи.

В это же время Кучински чуть было не оказалась на грани провала. Дело в том, что ее давняя служанка Лиза Брокель, воспитавшая саму Кучински, а теперь воспитывавшая ее детей и очень их любившая, узнала о предстоящем их отъезде в Англию. Не желая расставаться с детьми она, зная о подпольной деятельности Кучински, донесла на нее в английское консульство. К счастью, Л.Брокель настолько плохо владела английским, что в консульстве ее приняли за сумашедшую и не придали ее словам никакого значения. Узнав о случившемся, У.Кучински срочно переехала из Ко в Женеву и перевела детей в другой интернат. Брокель, не добившись своего и не зная где находятся дети, уехала в Германию, и опасность таким образом, благополучно миновала.

Осенью 1940 г. У.Кучински завершила оформление брака с Л.Бёртоном и получения английской визы. Поэтому Центр предложил ей и Бёртону выехать в Англию. Но Бёртон, как

бывший боец испанских интербригад, не мог ехать по единственно действующему тогда маршруту: через неоккупированную территорию Франции, Испанию и Португалию. В связи с этим было решено, что он и Фут останутся в качестве радистов у Ш.Радо, а Кучински с детьми поедет в Англию самостоятельно. 18 декабря 1940 г. она выехала из Швейцарии и к лету 1941 г. благополучно прибыла в Лондон. После отъезда Кучински Радо получил из Центра указание перевести радиопередатчик Фута в Лозанну. Бёртон же должен был оставаться в Женеве и служить связником между Радо и Футом. В Лозанне Фут снял подходящую меблированную комнату, перевез туда передатчик и в марте 1941 г. наладил устойчивую связь с Москвой. До лета 1942 г. он получал тексты сообщений через Бёртона, а когда тот уехал в Англию — от самого Радо или его жены Лены («Мария»).

Надо сказать, что активную работу Ш.Радо сдерживал недостаток денежных средств, вызванный прекращением курьерской связи с Москвой и началом войны, в результате которой резко уменьшилось число заказчиков Геопресс. Поэтому в октябре 1940 г. Центр предложил ему выехать в Белград для встречи со связником, который передаст деньги и новые средства для тайнописи. Используя свои связи со статс-секретарем итальянского министерства иностранных дел Сувичем, Радо получил разрешение для поездки в Венгрию через Белград для устройства семейных дел. Поездка прошла благополучно, и несмотря на недельную задержку, прибывший из Москвы курьер передал Радо крупную сумму денег и средства для тайнописи. Они были переправлены в Швейцарию в густых волосах жены Ш.Радо Лены. Полученные деньги позволили Радо развернуть разведывательную работу в должном масштабе.

Так, в феврале 1941 г. О.Пюнтер установил контакт с офицером разведки Швейцарии, получившим псевдоним «Луиза». От него стали поступать ценные данные о концентрации немецких частей на востоке Европы, на основании которых Радо отправил в Центр следующие радиограммы:

«21.2.41. Директору

По данным, полученным от швейцарского офицера разведки, Германия сейчас имеет на Востоке 150 дивизий. По его мнению, выступление Германии начнется в конце мая.

Дора»

«6.4.41. Директору

Все германские моторизованные дивизии на Востоке. Войска, расположенные ранее на швейцарской границе, переброшены на юго-восток.

Дора»[325].

В мае 1941 г. в связи с приближающейся угрозой нападения фашистской Германии Центр приказал Радо установить контакт с резидентурой Р.Дюбендорфер, которая с сентября 1939 г. находилась без связи с Москвой. Этот шаг, как и другие подобного рода (контакты Радо и Кучински, Гуревича и Радо, Гуревича и Шульце-Бойзена и т. д.), был вынужденным и диктовался отсутствием у большинства нелегальных резидентур радистов и передатчиков. Ориентированные в основном на связь через посольства СССР за рубежом (так называемое метро), эти резидентуры с началом войны в Европе оказались отрезанными от Москвы и не могли информировать Центр по интересующим его вопросам. Но несмотря на слияние обеих групп в единую резидентуру «Дора», Р.Дюбендорфер сохранила относительную самостоятельность. Так, часть сообщений в Центр она передавала своим личным шифром, не известным Радо. Возможно, это было связано с тем, что ее группе поручили особое секретное задание.

Как и другие резиденты в Европе, Ш.Радо постоянно докладывал в Центр в мае-июне 1941 г. о нападении Германии на СССР в самое ближайшее время. Но так же, как и они, он не смог избежать крючка немецкой дезинформации, которую широко распространяли гестапо и абвер. Об этом свидетельствует следующее его донесение в Центр:

«6.6.40. Директору

[325] Радо Ш. Указ. соч. С.83-84.

По высказыванию японского атташе, Гитлер заявил, что после быстрой победы на Западе начнется немецко-итальянское наступление на Россию.

Альберт»[326].

Правда, это нисколько не умаляет ценности всех переданных им перед войной сообщений, например, следующих:

«2.6.41. Директору

Все немецкие моторизованные части на советской границе в постоянной готовности, несмотря на то, что напряжение сейчас меньше, чем было в конце апреля — начале мая. В отличие от апрельско-майского периода подготовка на русской границе проводится менее демонстративно, но более интенсивно.

Дора»

«17.6.41. Директору

На советско-германской границе стоят около 100 пехотных дивизий, из них одна треть — моторизованные. Кроме того, 10 бронетанковых дивизий. В Румынии особенно много немецких войск у Галаца. В настоящее время готовятся отборные дивизии особого назначения, к ним относятся 5-я и 10-я, дислоцированные в генерал-губернаторстве.

Дора»[327].

С началом Великой Отечественной войны Центр передал Радо следующее указание:

«1.7.41. Доре

Все внимание — получению информации о немецкой армии. Внимательно следите и регулярно сообщайте о перебросках немецких войск на Восток из Франции и других западных районов.

Директор»[328].

Выполняя указание Центра, Радо нацелил своих людей на поиск новых источников информации. Вскоре это принесло свои плоды. В июле 1941 г. О.Пюнтер привлек к работе бывшего французского офицера, симпатизирующего генералу де Голлю и в свое время работавшего в посольстве Франции в Швейцарии. Этот источник получил псевдоним Зальцер. А в октябре 1941 г. тот же О.Пюнтер завербовал другого французского офицера, бывшего сотрудника 2-го бюро (разведка) французского Генштаба. Он эмигрировал после поражения Франции в Швейцарию и работал там в интересах лондонского комитета «Свободная Франция». «Лонг» (такой псевдоним дал французу Ш.Радо) имел многочисленные и информированные источники. Среди них можно назвать Манфреда фон Гримма («Грау») — австрийского аристократа с широкими связями, эмигрировавшего в Швейцарию после аншлюса Австрии, и Эрнста Леммера («Агнесса»), корреспондента швейцарской газеты «Нойе цюрихер цайтунг» в Берлине и одновременно редактора немецкого внешнеполитического бюллетеня. Приобретение новых источников позволило Радо сообщить в Центр важную информацию, сыгравшую большую роль в битве за Москву:

«7.8.41. Директору

Японский посол в Швейцарии заявил, что не может быть и речи о японском выступлении против СССР до тех пор, пока Германия не добьется решающих побед на фронтах.

Дора»

«2.7.41. Директору

Сейчас главным действующим оперативным планом является план №1; цель — Москва. Операции на флангах носят отвлекающий характер. Центр тяжести на центральном фронте.

Дора»

«20.9.41. Директору

---

[326] Там же. С.82-83.

[327] Там же. С.85-86.

[328] Там же. С.90.

Немцы к концу июня имели 22 танковые дивизии и 10 резервных танковых дивизий. К концу сентября из этих 32 дивизий 9 полностью уничтожены, 6 потеряли 60 процентов своего состава, из них была доукомплектована только половина. 4 дивизии потеряли 30 процентов материальной части и также были восполнены.

Дора»[329].

Так как объем передаваемой в Москву информации все время возрастал, Радо привлек к работе в качестве радиста молодую антифашистку Маргариту Болли (Роза). С помощью Э.Хамеля был собран третий передатчик, который разместили на квартире Болли в Женеве. После обучения у А.Фута Болли в августе 1942 г. стала выходить в эфир. Таким образом у резидентуры появилось три радиопередатчика — два в Женеве и один в Лозанне. Продолжался и поиск новых источников. В феврале 1942 г. Р.Дюбендорфер установила контакт с сотрудником МБТ Христианом Шнейдером (Тейлор), оказавшимся весьма осведомленным человеком. Но самое главное, в числе его знакомых был Рудольф Ресслер, которого называют одним из самых лучших агентов второй мировой войны.

Рудольф Ресслер родился в Германии в баварском городе Кауфбойрен, в семье крупного чиновника лесного ведомства. Во время первой мировой войны он добровольцем пошел на фронт, но ужасы войны быстро отрезвили его. По возвращении домой он занялся журналистикой: писал статьи о театре, издавал литературный журнал в Мюнхене, в начале 30-х гг. был руководителем Народного театрального союза в Берлине. В 1933 г. после прихода к власти нацистов Ресслер вместе с женой эмигрирует в Швейцарию. Поселившись в Люцерне, он открывает книжное издательство «Вита-Нова» и становится его директором. Будучи ярым противником фашизма, Ресслер еще до начала второй мировой войны установил контакт с так называемым бюро «Ха» — отделом швейцарской разведки, возглавляемым майором Хауземанном, и стал передавать ему информацию, которую получал от официальных лиц в Германии, примыкавших к антигитлеровской оппозиции, и немецких эмигрантов. Поступающая от него информация была настолько ценной, что ему выдали документ, где Генштаб швейцарской армии предписывал всем чиновникам оказывать его предъявителю всяческое содействие, а агенты контрразведки взяли Ресслера под круглосуточную охрану.

После начала второй мировой войны швейцарские власти, опасавшиеся немецкого вторжения, смотрели сквозь пальцы на то, что Ресслер стал передавать сведения по Германии американцам и англичанам. Но летом 1942 г., недовольный тем, что союзники не делятся с Москвой необходимой ей информацией, он вышел на Х.Шнейдера, догадываясь, что тот связан с советской разведкой. А в ноябре 1942 г. через того же Шнейдера выразил желание регулярно снабжать советскую разведку интересующими ее материалами. При этом он выдвинул условие, что советская разведка не будет выяснять его настоящую фамилию, адрес и род занятий.

Р.Дюбендорфер, которая поддерживала связь со Шнейдером, сообщила об этом предложении Ш.Радо, а тот в свою очередь поставил в известность Центр. Центр решил провести общую проверку нового источника и поставил перед ним вопрос: что известно немцам о действующих на советско-германском фронте частях Красной Армии. Ответ превзошел все ожидания: были указаны дислокация советских армий и многих дивизий, перечислялись их командиры и давалась их оценка с точки зрения немецкого генштаба. После этого Ресслер (с которым виделся только Х.Шнейдер) был включен в агентурную сеть под псевдонимом «Люци», а его источники проходили под псевдонимами «Вертер», «Анна», «Тедди», «Ольга», «Штефан» и «Фердинанд». Эти псевдонимы Ш.Радо давал источникам «Люци» произвольно. Если, например, информация шла с пометкой вермахт, то источник получал псевдоним «Вертер» и т.д.[330].

---

[329] Там же. С.92-93.

[330] По всей видимости, под этими псевдонимами скрывались генерал-майор Ганс Остер, начальник штаба абвера, повешенный за участие в покушении на Гитлера в июле 1944 г., Ганс Бренд Гизевиус, тоже сотрудник абвера, немецкий вице-консул в Цюрихе, полковник Фриц Бетцель, начальник отдела анализа разведданных юго-восточной группы армий в Афинах, Карл Герделер, руководитель консервативной оппозиции Гитлеру, также казненный после покушения 20 июля 1944 г., Карел Седлачек — офицер чехословацкой разведки, работавший в

Как бы то ни было, но информация, поступающая от Росслера, имела первостепенное значение, особенно в период летней компании 1943 г. Об этом можно судить хотя бы по следующим сообщениям:

«8.4.43. Директору. Молния.

От Вертера. Берлин, 3 апреля.

Разногласия между верховным командованием (ОКВ) и командованием сухопутных сил (ОКХ) улажены за счет предварительного решения: отложить наступление на Курск до начала мая. Принятие этого решения облегчалось тем, что Бок, Клюге и Кюхлер смогли доказать растущую концентрацию советских войск во всем северном секторе фронта, в особенности в районе Великих Лук, в районе Ленинграда, и обратили внимание на опасность, которая может возникнуть в случае преждевременного израсходывания резервов.

Манштейн же заявил, что он не сможет удержать южный сектор фронта, если Красная Армия будет продолжать владеть таким прекрасным районом сосредоточения, как курский.

Как главное командование, так и генштаб сухопутных сил не думают, во всяком случае, о наступательных операциях с широкими целями, в том числе ни на юге России, ни на Кавказе ...

Дора»

«18.4.43. Директору. Молния.

Состав 4-й танковой армии под командованием генерала Гота: танковые дивизии — 3, 25, 27-я, дивизия СС «Викинг»; моторизованные и легкие дивизии — 12, 26, 103-я; временно изъяты для пополнения 9-я и 11-я танковые дивизии; изъяты для переформирования 6-я и 7-я танковые дивизии. Формирование 4-й танковой армии к летним операциям должно быть закончено только в мае.

Дора»[331].

Разумеется, столь активная работа подпольных радиопередатчиков на территории Швейцарии не могла не волновать немецкую контрразведку. В зондеркоманде «Красная капелла» они проходили под названием «Красная тройка». Точно установить принадлежность «Красной тройки» к советской разведке зондеркоманда смогла после ареста во Франции в ноябре 1942 г. А.Гуревича («Кент») и Л.Треппера («Отто»). С помощью захваченных шифров гестапо удалось прочитать часть радиограмм «Доры», после чего руководство контрразведки схватилось за голову — через Швейцарию шла утечка секретной информации из высшего военного командования вермахта. Но ликвидация передатчиков «Доры» затруднялась тем, что они действовали на территории нейтрального государства. Поэтому работа по «Красной тройке» была поручена так называемому бюро «Ф», резидентуре VI Управления РСХА, которой руководил Ганс Мейснер, числившийся генеральным консулом Германии в Берне.

В конце 1942 г. Мейснер поручил своему агенту в Женеве Гансу Петерсу попытаться завязать отношения с Маргаритой Болли. Вполне возможно, на нее вышли, ведя слежку за женой Ш.Радо Леной или О.Пюнтером, имена которых были хорошо известны гестапо. Так или иначе, но Петерсу удалось вскружить голову 23-летней девушке, влюбившейся в привлекательного молодого человека. Не последнюю роль в этом сыграло и то, что Петерс выдавал себя за антифашиста, коммуниста и члена подпольной группы Сопротивления. Но что самое страшное, Болли не поставила в известность о своем новом знакомом Ш.Радо. Таким образом гестапо проникло в агентурную сеть Радо и получило возможность наблюдать ее изнутри.

К лету 1943 г. бюро «Ф» в Берне, сравнив и проанализировав агентурные данные и дешифрованные тексты радиоперехватов, составило список возможных членов «Красной тройки». Туда входили Ш.Радо, его жена Лена, О.Пюнтер, Р.Дюбендорфер, Э.Хамель, А.Фут, М.Болли. К списку прилагались адреса, биографические справки и т. д. Резидентом

Швейцарии под именем журналиста Томаса Зельцингера и представлявший в Берне чехословацкое правительство в изгнании. Впрочем, настоящие имена информаторов Росслера не известны до сих пор — эту тайну он унес с собой в могилу.

[331] Радо Ш. Указ. соч. С.184, 187.

справедливо считался Ш.Радо, а его помошником О.Пюнтер. В то же время немцы считали, что Пюнтер занимается главным образом административно-хозяйственным обеспечением группы, тогда как он вел большую оперативную работу. Были верно указаны радисты группы — Э.Хамель, А.Фут и М.Болли, но Р.Дюбендорфер считалась членом французской резидентуры, бежавшей в Швейцарию после разгрома групп «Кента» и «Отто». Что же касается источников резидентуры, о них у бюро «Ф» сложилось превратное представление. Так, немцы были уверены, что «Сиси» имеет связь не только с таинственным «Люци», но и непосредственно с «Вертером», «Ольгой», «Тедди» и другими источниками в Германии, и что связь между ними осуществляется посредством курьера, обладающего дипломатическим статусом. Кроме того, считалось, что «Люци» и «Тейлор» одно и то же лицо, выступающее под двумя псевдонимами. Но что самое главное, лица, выступающие под псевдонимами «Сиси» и «Тейлор», установлены не были. Таким образом основная задача, стоявшая перед контрразведкой, — выявление источников информации — не была решена.

Определив основной круг лиц, входящих в швейцарскую группу, немцы стали предпринимать шаги по ее ликвидации. Уже 8 сентября 1942 г., в самом начале проводимого расследования начальник VI управления РСХА В.Шелленберг конспиративно посетил Швейцарию и встретился с начальником спецслужб швейцарской конфедерации бригадным полковником Роже Массоном. Целью встречи стало намерение Шелленберга добиться ликвидации советской агентурной сети в Швейцарии. В этот раз Р.Массону удалось отделаться общими обещаниями. Но уже в марте 1943 г. во время очередной встречи Шелленберг намекнул Массону, что промедление в этом вопросе может осложнить германо-швейцарские отношения. То же самое было сказано Шелленбергом и комиссару полиции Швейцарии Мауереру во время визита последнего в Берлин.

Под нажимом Шелленберга Массон и Мауерер организовали передвижную службу радиопеленгации под командованием лейтенанта швейцарской разведки Трейрера, в нее вошли сотрудники бюро «Ф» ротмистр Ганс фон Пескаторе и оберефрейтор Вилли Пирт. В их распоряжении находились три машины радиоперенгации, с помощью которых они пытались обнаружить местонахождение женевских радиопередатчиков. Операция началась в сентябре 1943 г., а уже в начале октября было установлено место выхода в эфир — небольшой, отдельно стоящий домик на шоссе Флориссан. 14 октября 1943 г. во время передачи Эдмонда и Ольгу Хамели арестовали. В этот же день была арестована и М.Болли, которую задержали на квартире Г.Петерса. На допросах они всячески отрицали свою связь с советской разведкой, а когда им предъявили фотографию Ш.Радо, заявили, что видят этого человека в первый раз.

Узнав об аресте Хамели и Болли, Ш.Радо предупредил о провале А.Фута, а сам в связи с угрозой ареста перешел на нелегальное положение, укрывшись вместе с женой в квартире надежного человека — доктора Бианки. Оперативное руководство резидентурой было передано О.Пюнтеру, а связь между ним и Ш.Радо осуществлял А.Фут, который к тому же оставался единственным радистом. Казалось, было сделано все, чтобы избежать дальнейших провалов, но этого не случилось. Хотя Фут и выходил в эфир как можно реже, но полностью прекратить связь с Центром он не мог. Последствия не заставили себя ждать. В ночь на 20 ноября 1943 г. во время сеанса связи его арестовали в квартире в Лозанне. Перед тем как полиция взломала дверь, А.Фут сумел ударом молотка вывести из строя передатчик и сжечь на свече телеграммы. Во время допросов Фут утверждал, что работал на одну из западных держав-союзников, передавал ей информацию о гитлеровской Германии, сообщников в Швейцарии не имел, с некими Радо, Хамели, Болли и другими знаком не был.

Арестовав радистов, швейцарская контрразведка попыталась начать с Москвой радиоигру, направляя в Центр от имени А.Фута (Джима) содержащие дезинформацию сообщения. В радиоигре, кроме Массона, участвовали федеральный прокурор Швейцарии Штемпфли, глава федеральной полиции Бальзигер, начальник армейской контрразведки Жакилар. Но швейцарская контрразведка с самого начала допустила ошибку, шифруя сообщения кодом Радо, а не Фута. В Центре сразу же догадались о ведущейся игре, и посылая распоряжения и советы, постарались увести щвейцарцев по ложному пути. Когда же наконец люди Массона

поняли, что их водят за нос, последовали новые аресты. 19 апреля 1944 г. были арестованы Р.Дюбендорфер, П.Бетхер и Х.Шнейдер. А ровно через месяц полиция задержала Р.Ресслера. Арест Ресслера со стороны Р.Массона стал вынужденной мерой. Он опасался, как бы в ходе следствия не обнаружился факт сотрудничества Ресслера с швейцарской разведкой. В этом случае боевикам В.Шелленберга ничего не стоило бы похитить или уничтожить его. Допустить этого Р.Массон не мог, а единственным местом, куда агенты гестапо и СД проникнуть не могли, была швейцарская тюрьма.

Эти аресты фактически разгромили резидентуру «Дора». И хотя на свободе оставался О.Пюнтер, по-прежнему поддерживавший контакты с «Лонгом», «Зальцером», «Луизой», «Пуассоном» и другими агентами, связь с Центром он осуществлять не мог ввиду отсутствия передатчика, радистов и шифров. В этой обстановке оставаться в Швейцарии на нелегальном положении для Ш.Радо не было никакого смысла. Поэтому 16 сентября 1944 г. он и его жена Лена с помощью французских партизан-маки нелегально перешли франко-швейцарскую границу и направились в город Аннси в Верхней Савойе, где власть принадлежала коммунистам. Оттуда в сопровождении членов движения Сопротивления они выехали в Париж и прибыли в освобожденную столицу Франции 24 сентября 1944 г. Там 26 октября Радо установил контакт с представителями ГРУ и сообщил подробности разгрома швейцарской резидентуры.

В сентябре 1944 г. швейцарские власти, видя, что победа союзников не за горами, выпустили из тюрьмы всех арестованых членов группы Ш.Радо, обязав их до суда не покидать территорию конфедерации. Выйдя из тюрьмы, А.Фут связался с О.Пюнтером, с его помощью перешел границу и направился в Париж, где в конце ноября встретился с Ш.Радо. 5 января 1945 г. на советском самолете Ш.Радо, А.Фут, Л.Треппер и другие нелегалы вылетели в Москву. Тот же путь в июне 1945 г. проделали и Р.Дюбендорфер с П.Бетхером, которых снабдил деньгами А.Абрамсон. Р.Дюбендорфер прибыла в Париж не с пустыми руками, а прихватив с собой всю собранную группой за последнее время информацию, которая хранилась в сейфе у А.Абрамсона. Установив в Париже контакт с работниками ГРУ, Дюбендорфер и Бетхер вслед за Ш.Радо и А.Футом вылетели в Москву.

В октябре 1945 г. в Швейцарии состоялся судебный процесс по обвинению в разведывательной деятельности на территории конфедерации Ш.Радо, его жены Лены, Р.Дюбендорфер, П.Бетхера, А.Фута, Р.Ресслера, Х.Шнейдера, М.Болли и супругов Хамелей. Первые пятеро были осуждены заочно. Военный трибунал вынес обвинительные приговоры всем, кроме Р.Ресслера, которого оправдали. Но вторично в тюрьму не попал никто: Хамели и М.Болли как швейцарские граждане были осуждены условно, а Х.Шнейдер уже с лихвой отсидел срок, к которому его приговорил его суд.

Следует сказать, что резидентура "Дора" насчитывала в общей сложности 77 человек. Из них в Женеве действовало 19 человек, в Берне — 15, в Цюрихе — 9, в других городах Швейцарии — 27, в Германии — 17, в Италии — 2, в Австрии — 3, во Франции — 5 человек. Распределялась агентурная сеть в основном по 4-м групповодам : "Пакбо" — 34 человека, "Сиси" — 20 человек, "Пьер" — 4 агента, "Джим" — 9 человек.

Заканчивая разговор о деятельности нелегальных резидентур ГРУ в Западной Европе во время второй мировой войны, необходимо рассказать о том, как сложилась дальнейшая судьба военных разведчиков и их помощников после победы.

Как уже говорилось, после освобождения Парижа в августе 1944 г. туда направились все оставшиеся на свободе нелегальные резиденты и часть их помощников: Ш.Радо, Л.Треппер, И.Венцель, А.Гуревич, Р.Дюбендорфер, П. Бетхер, А.Фут. Все они установили контакт с представителями советской военной миссии во Франции, в состав которой входили и сотрудники ГРУ, и под видом репатриантов на самолетах отправлялись в Москву.

5 января 1945 г. из Парижа вылетел советский самолет, на его борту находились Л.Треппер, Ш.Радо, А. Фут, всего двенадцать человек. Поскольку в Центральной Европе война еще продолжалась, самолет летел в Москву следующим маршрутом: Париж — Триполи —

Каир — Анкара — Тегеран — Москва. Настроение, царившее на борту, нельзя было назвать праздничным. Треппер, побывавший в руках гестапо, поделился с Радо своими опасениями: «Центр строго наказывает за неудачи и, попав в Москву, вы вряд ли сумеете вернуться в Париж».

Эти слова не добавили оптимизма Радо, находящемуся в состоянии глубокой депрессии. Сказалось длительное пребывание (более года) на нелегальном положении без выхода на улицу и полученное в Париже известие о гибели в Венгрии в фашистском концлагере всех родных. Боясь, что в Москве не будут объективно заниматься разбором дела и всю вину за провал резидентуры взвалят на него, Радо во время остановки в Каире, бежал из гостиницы «Луна-парк» и обратился с просьбой о политическом убежище в английское посольство.

Но англичане посчитали, что Игнатий Кулишер, бывший советский военнопленный, репатриируемый в СССР (паспорт на это имя вручили Ш.Радо перед вылетом в Париже) не представляет для них интереса, и отказали ему в просьбе. Не отдавая отчет в своих действиях, через два часа после посещения посольства Радо попытался покончить жизнь самоубийством. К счастью, ему вовремя оказали медицинскую помощь и поместили в госпиталь, а после выздоровления — в лагерь для интернированных лиц.

Исчезновение швейцарского резидента не на шутку встревожило руководство ГРУ в Центре. Были приняты соответствующие меры. Советский посол в Египте вручил властям ноту, в которой говорилось, что Игнатий Кулишер совершил на территории СССР убийство, и потребовал его выдачи. Не желая ссориться с Советским Союзом, каирские власти передали Радо в августе 1945 г. официальным представителям СССР. Его доставили в Москву и передали органам военной контрразведки (СМЕРШ).

После более чем полугодового следствия Ш.Радо в декабре 1946 г. был осужден Особым совещанием при МГБ СССР на 10 лет тюремного заключения за шпионаж. Ему вменялось в вину:

во-первых, провал швейцарской резидентуры, произошедший по его халатности при хранении шифров, оперативных материалов и из-за отсутствия необходимой конспирации;

во-вторых, тот факт, что в его агентурной сети были агенты-двойники, работавшие одновременно на советскую, английскую, французскую и швейцарскую разведки («Лонг», «Зальцер», «Люци» и другие);

в-третьих, то, что он сам был двойником. (Это обвинение было выдвинуто на основании телеграммы Ш.Радо в Центр после ареста всех радистов, в которой он предлагал передавать сведения в Москву через английское посольство, а также по факту его бегства в Каире.)

Разумеется, все эти обвинения не имели под собой ни малейшего основания. Их надуманность была полностью доказана в 1954 г. специальной комиссией ГРУ, занимавшейся пересмотром дел арестованных разведчиков.

Столь же трагично сложилась судьба помощников Ш.Радо в Швейцарии Р.Дюбендорфер и П.Бетхера. Как уже говорилось, в июне 1945 г. они нелегально покинули Швейцарию и прибыли в Париж, откуда их на самолете отправили в Москву. Там их уже ждали на Лубянке следователи СМЕРШ, которые обвинили разведчиков-интернационалистов в предательстве и связях с английской разведкой. Так же как и Ш.Радо они были осуждены Особым совещанием при МГБ.

Коснулись репрессии и оставшихся в живых сотрудников французской и бельгийской резидентур ГРУ. В январе 1945 г. сразу по прибытии в Москву арестовали Л.Треппера и И.Венцеля. В июне 1947 г. Л.Треппер был осужден на 15 лет тюрьмы. Такой же срок получил и Венцель. Ему предъявили обвинение в сотрудничестве с немецкими спецслужбами и шпионаже. Следователи СМЕРШ, которые вели дело, требовали от него признания, что он сотрудничал с гестапо по собственной воле, и выдал известных ему членов подполья. Венцель категорически отрицал свою вину. На так называемое сотрудничество, как утверждал Венцель, он пошел только после того, как получил записку от Ефремова, в которой он сообщал о том, что проинформировал Москву о его провале. Следовательно, в Центре не должны были верить ни единой его радиограмме, посылаемой в эфир после 15 июля 1942 г.

Но доводы Венцеля не приняли во внимание. В 1946 г. его дело было передано в Особое совещание при МГБ СССР. Обвинительное заключение, составленное следственной частью СМЕРШ, гласило: гестапо перевербовало Венцеля, но как агент он не представлял для немцев большой ценности. Через него в Центр направлялись второстепенные сведения дезинформационного характера, имевшие целью убедить Москву в том, что нелегальные резиденты «Паскаль», «Кент» и «Отто» находятся на свободе, а следовательно, передают надежную информацию. В итоге Особое совещание приговорило Венцеля к 15 годам лишения свободы.

В июне 1945 г. арестовали А.Гуревича, прибывшего в Москву вместе с завербованным им начальником зондеркоманды Паннвицем, его секретаршей Кемпа, радистом Стлукой и архивом зондеркоманды. Надо ли говорить, что и он после полугодового следствия 10 декабря 1946 г. был признан виновным в сотрудничестве с гестапо. В выписке из решения Особого совещания, которую он подписал, говорилось:

«Гуревич Анатолий Маркович, 1913 г. рождения, уроженец г. Харькова, еврей, гражданин СССР, с незаконченным высшим образованием, сотрудник Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР, капитан, на основании ст. 58-1 «б» УК РСФСР приговаривается к 20 годам ИТЛ с конфискацией изъятых у него при аресте ценностей»[332].

Совершенно иначе сложилась судьба А.Фута. Его ни в чем не подозревали, в Москве поселили на конспиративной квартире, где он написал обстоятельный отчет о своей работе в Швейцарии, а также предложил варианты своего дальнейшего использования как разведчика. Прожив некоторое время в Москве, он выехал в советскую зону в Берлин, где выдавал себя за немца-репатрианта, с целью дальнейшего переезда в Аргентину и создания там разведывательной сети ГРУ против США. Но, похоже, судьба Ш.Радо, Л.Треппера и других товарищей по нелегальной работе не способствовала укреплению его коммунистических взглядов, и в августе 1947 г. он бежал в английский сектор Западного Берлина, а потом в Англию, где дал показания властям о своей работе на ГРУ. В 1949 г. он выпустил мемуары о своей работе в Швейцарии под названием «Руководство для шпиона», а в 1958 г. умер от рака.

Избежали сталинских застенков У.Кучински и Л.Бёртон. Кучински прибыла в Англию в начале 1941 г., сняла небольшой дом в четырех километрах от Оксфорда и стала ждать связника из Центра. Однако контакт с Москвой ей удалось установить только мае 1941 г., когда связник Сергей (под этим псевдонимом в легальной лондонской резидентуре ГРУ с 1937 по 1944 г. работал Николай Владимирович Аптекарь) поздравил ее с благополучным прибытием и поставил задачу организовать нелегальную резидентуру, ориентированную на сбор военной, политической и экономической информации.

Кучински переговорила с отцом и братом Юргеном, и они согласились ей помочь. Р.Кучински, используя свои знакомства среди лейбористских политиков и экономистов левой ориентации, регулярно передавал ей материалы, содержащие оценки политики Англии, ее военного и экономического потенциала. Его сообщения дополнял Юрген, который к тому же познакомил ее с Гансом Кале, лондонским корреспондентом журналов «Таймс» и «Форчун». А когда осенью 1944 г. он был направлен на службу в армию США, в Бюро по американской стратегии бомбовых ударов, в Москве начали получать секретные документы, предназначенные только для высшего руководства США и Великобритании. Источником информации "Сони" был также офицер технической секции ВВС "Джеймс", передававший информацию о разработке новых типов самолетов[333].

Летом 1942 г. к Кучински присоединился Л.Бёртон, и тогда же она стала оператором К.Фукса, немецкого ученого-физика, эмигрировавшего из Германии и работавшего в секретном английском проекте «Тьюб эллойз» по созданию атомной бомбы. Контакты Кучински с Фуксом продолжались до декабря 1943 г., когда его направили в Америку для участия в «Манхэттенском проекте».

---

[332] Зоря Ю., Литовкин В. Человек, которого звали «Кент» // Неделя. 1991. №42.

[333] Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994. С.222.

Однако в августе 1947 г. произошло событие, которое могло привести У.Кучински и Л.Бёртона к провалу. Дело в том, что А.Фут на допросах в МИ-5 подробно рассказал о своей работе на советскую разведку. При этом он упомянул Кучински и Бёртона, но заявил, что они прекратили сотрудничать с ГРУ в 1940 г., после начала советско-финской войны. Этим он отвел от них непосредственную угрозу ареста, но продолжать работать в Англии они уже не могли. Поэтому в 1950 г. Кучински уезжает с мужем на родину в ГДР.

В ГДР Кучински сначала работает в отделе информации и печати ЦК СЕПГ, а потом становится профессиональной писательницей. Ее перу принадлежат книги «Необычная девушка», «Ольга Бернарио», «Через сотни гор» и многие другие. В 1969 г. Кучински была награждена вторым орденом Красного Знамени. А в 1977 г. в Берлине вышла ее автобиографическая книга «Соня рапортует», переведенная впоследствии на многие языки, в том числе и на русский[334].

После смерти в 1953 г. Сталина и начала хрущевской «оттепели» начался пересмотр многих судебных дел и огромное число незаконно репрессированных людей вышло на свободу. Были пересмотрены и дела осужденных военных разведчиков-нелегалов и их помощников, действовавших во время войны в Западной Европе. В мае 1954 г. были полностью реабилитированы и выпущены на свободу Ш.Радо и Л.Треппер. Радо в июне 1955 г. вернулся в Венгрию, где вновь увидел жену, не знавшую о его судьбе с января 1945 г. На родине он занялся научной деятельностью в любимой им области географии и картографии. Позднее советское правительство наградило его орденами «Дружбы народов» и «Отечественной войны I степени». А в мае 1973 г. увидели свет его мемуары «Под именем Дора». Умер он в 1980 г.

В апреле 1957 г. выехал в Польшу Л.Треппер. Его жена Люба до самого его освобождения 23 мая 1954 г. не знала, что случилось с ее мужем. В справке, выданной Центральным управлением НКО СССР в октябре 1945 г. говорилось, «что ее муж Треппер Лев Захарович действительно пропал без вести при обстоятельствах, не дающих право ходатайствовать о получении пенсии»[335]. При встрече оба его сына не узнали отца. В Польше Треппер работал в еврейском комитете, но после начала в 1967 г. антисемитской компании стал добиваться выезда в Израиль. После продолжительных мытарств в 1973 г. он выезжает в Англию, а через некоторое время — в Израиль. Книга его воспоминаний «Большая игра» вышла в СССР в 1980 г., а через год Л.Треппер умер.

В мае 1955 г. был освобожден и выехал в ГДР И.Венцель, все обвинения с него сняли. На родине он долгое время работал инструктором на машинно-тракторной станции в местечке Претцель. Тогда же, в 1955 г. по правительственному соглашению между СССР и ФРГ был передан германским властям и бывший начальник парижской зондеркоманды Х.Паннвиц, отбывавший срок в одном из сибирских лагерей. Вместе с ним возвратился в ФРГ и другой гестаповский начальник, курировавший дело «Красной капеллы» — оберштурмбанфюрер Ф.Панцингер, взятый в плен в 1945 г. Перед отъездом из СССР он дал добровольное согласие сотрудничать с советской разведкой. Но, оказавшись в ФРГ, он тут же рассказал об этом сотрудникам западногерманской разведки (БНД) и выразил согласие стать агентом-двойником. Однако у советской разведки в БНД имелся свой агент — Х.Фельфе, немедленно поставивший ее в известность о случившемся. В результате шеф БНД Р.Гелен заподозрил Ф.Панцингера в двурушничестве и высказал ему резкое неудовольствие отсутствием результатов в его работе. Придя после этого разговора к себе домой Панцингер пустил пулю в лоб.

17 февраля 1956 г. решением Военной коллегии Верховного Суда СССР было прекращено за отсутствием состава преступления дело в отношении Р.Дюбендорфер, и она вместе в П.Бетхером выехала в ГДР. В конце 1969 г. в связи с 20-летием ГДР ее наградили орденом Красного Знамени. Пытаясь хоть как-то загладить вину, советское руководство пригласило ее и еще двух оставшихся в живых антифашистов в СССР для отдыха и ознакомительной поездки.

[334] Вернер Р. Соня рапортует. М., 1980.

[335] Треппер Л. Большая игра. М., 1990. Фотография на вкладке.

Тогда же руководство ГРУ предложило включить в список награжденных и Р.Есслера. Но министр госбезопасности ГДР Мильке выступил с решительными возражениями и умерший 12 декабря 1958 г. Р.Есслер не получил заслуженной награды даже посмертно.

Но самые тяжелые испытания выпали на долю А.Гуревича. Его освободили 17 сентября 1955 г. после Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии». При освобождении ему «посоветовали» никогда никому не рассказывать о том, что с ним произошло. Он вернулся в Ленинград к тяжело больной матери и узнал, что его отец умер, не дождавшись возвращения сына. Друзья помогли амнистированному «врагу народа» устроиться на работу в научно-исследовательский институт бумажной промышленности. Жизнь постепенно налаживалась. Не зная, что произошло с его женой М.Барча и сыном Мишелем, он познакомился с другой женщиной, Лидией Васильевной, согласившейся стать его женой. В 1958 г. после процессов над Берией, Абакумовым и Меркуловым он вновь написал прошение о пересмотре своего дела. Ответ не заставил себя ждать. 10 сентября 1958 г. его снова арестовали, заявив, что амнистия 1955 г. была применена к нему неправильно.

Во второй раз на свободу А.Гуревич вышел только 20 июня 1960 г., без снятия судимости и с поражением в гражданских правах. С большим трудом через суд он добился права жить в Ленинграде. И все это время он был лишен возможности оправдаться, снять с себя клеймо предателя. Но все же правда восторжествовала. 20 июня 1991 г. А.Гуревич пригласили в Москву в Главную военную прокуратуру, где ему объявили, что постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 15 января 1947 г. его необоснованно привлекли к уголовной ответственности. Поэтому на основании проделанной следователями военной прокуратуры работы и в соответствии с Указом Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х гг.» от 13 августа 1990 г. Гуревич А.М. считается полностью реабилитированным.

А в августе 1991 г. к нему в Ленинград прилетел испанский журналист Мишель Барча, его жена Катрин и сын Александр. Радость встречи с сыном и внуком омрачала только преждевременная кончина Маргариты Барча, умершей в 1985 г. от рака.

На этом, как кажется, можно поставить точку в рассказе о деятельности нелегальных резидентур советской военной разведки в Западной Европе в годы второй мировой войны.

Хотелось бы в заключение сказать о сотрудничестве советской военной разведки с разведками других стран антигитлеровской коалиции. До сих пор об этом практически ничего не сообщалось. Только в последнее время стало известно о пребывании в Англии в 1941 г. советской военной миссии согласно постановлению ГКО (5 июля 1941 г.) во главе с генерал-лейтенантом Ф.И.Голиковым. Его заместителем по военно-морским вопросам был контр-адмирал Н.М.Харламов, по вопросам ВВС — начальник отдела РУ ГШ полковник Г.П.Пугачев, членами миссии были назначены военный атташе в Лондоне полковник И.А.Скляров, зам. начальника 5-го отдела РУ ГШ полковник В.М.Драгун, пом. военного атташе майор Б.Ф.Швецов, сотрудники Разведупра майор А.Ф.Сизов и военный инженер 2-го ранга П.И.Баранов, назначенный секретарем миссии (в апреле 1942 г. Пугачев, Швецов и Баранов погибли в авиакатастрофе над территорией Англии)[336]. Вр время войны резидентура ГРУ в Англии продолжала действовать. Более подробно об этом будет рассказанов главе "Атомный шпионаж". Здесь хотелось бы отметить дело члена Компартии Великобритании Д.Ф.Спрингхолла и офицера Управления специальных операций О.Л.Юрена, приговоренных в 1943 г. к 7 годам заключения за передачу информации об авиавооружениях и центральном аппарате УСО советской военной разведке[337].

[336] Органы госбезопасности в Великой Отечественной войне. Кн.2. Начало. Т.1. М., 2001. С.366.
[337] Найтли Ф.Шпионы XX века. М., 1994. С.224.

Атомный шпионаж

16 июля 1945 г. на американском полигоне в Аламогордо была взорвана первая в мире атомная бомба. Это событие, опрокинувшее старые представления о войне и мире, трудно переоценить. «17 июля пришло известие, потрясшее весь мир, — вспоминал У.Черчилль. — Днем ко мне заехал Стимсон и положил передо мною клочок бумаги, на котором было написано: «Младенцы родились благополучно». Я понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. «Это значит, — сказал Стимсон, — что опыт в пустыне Нью-Мексико удался. Атомная бомба создана ...»».

24 июля 1945 г. после окончания очередного заседания Потсдамской конференции президент США Г.Трумэн известил И.Сталина о создании нового оружия «необыкновенной разрушительной силы». Маршал Г.Жуков, присутствовавший при разговоре, вспоминал об этом эпизоде так:

«В ходе конференции после одного из заседаний глав правительств Г.Трумэн сообщил И.В.Сталину о наличии у США бомбы необычно большой силы, не назвав ее атомной.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У.Черчилль впился глазами в лицо И.В.Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г.Трумэна. У.Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждал, что, вероятно, И.В.Сталин не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И.В.Сталин в моем присутствии сказал В.М.Молотову о состоявшемся разговоре с Г.Трумэном. В.М.Молотов тут же сказал:

— Цену себе набивают.

И.В.Сталин рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы»[338].

Из этого видно, что И.Сталин и другие советские руководители были прекрасно осведомлены о разработке американцами атомной бомбы. И большая заслуга в этом принадлежала советской военной разведке.

Прежде чем начать рассказ, как военным разведчикам удалось проникнуть в тщательно оберегаемую контрразведкой США и Англии тайну атомной бомбы, необходимо подчеркнуть, что вопросы, связанные со спором о том, явились ли сведения разведки решающими в создании советского ядерного оружия и как это оружие изменило соотношение сил на мировой арене, рассматриваться здесь не будут. Речь пойдет лишь о том, каким образом сотрудники советской военной разведки получали материалы о разработке на Западе ядерного оружия.

Первыми, кто начал на государственном уровне работать над ядерным оружием, были немцы. Весной 1939 г. профессор Гамбургского университета П.Гартек написал письмо в военное министерство Германии, где обосновал возможность использования ядерного взрывчатого вещества в военных целях. И уже осенью 1939 г. в Германии открывается «Урановое общество», куда вошли выдающиеся ученые Гейзенберг, Гартек, Герц, Боте, Вайцзеккер и другие. Программа ядерных исследований была утверждена правительством и имела поддержку военного руководства.

После захвата Бельгии в руках немецких ученых оказалось свыше тысячи тонн уранового концентрата, что соответствовало примерно половине всех мировых запасов. Под руководством Гейзенберга фирма «Ац эргезелтшат» построила исследовательский реактор, эксперименты на котором показали возможность возникновения цепной реакции. В 1940 г. Вайцзеккер с помощью расчетов установил, что в реакторе из тяжелого изотопа урана получится новый элемент — плутоний, более подходящий в качестве начинки для бомбы, нежели уран-235. Таким образом Германия опередила все страны в разработке ядерного оружия.

[338] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С.685.

Но к созданию атомной бомбы немцы так и не приступили. Дело в том, что в 1942 г. ядерная программа Германии была заморожена. О причинах такого решения А.Шпеер, министр вооружений Третьего рейха, вспоминал так:

«Осенью 1942 г. я еще раз спросил физиков-ядерщиков о возможных сроках создания атомной бомбы и, узнав, что потребуется три-четыре года, приказал прекратить все работы в этом направлении. Ведь тогда война или закончится, или ее исход будет уже окончательно предрешен. Зато я разрешил проводить разработку уранового реактора для выделения энергии определенного типа. Ее следовало использовать на оборудовании, предназначенном для военно-морских кораблей»[339].

Данное решение Гитлер поддержал, но разрешил финансировать только те научные проекты, которые обещали немедленную отдачу, поэтому оно поставило крест на ядерной программе Германии, имевшей определенные перспективы. То, что немецкие ученые могли добиться успеха, подтверждает и рассекреченная в 1992 г. стенограмма тайного прослушивания разговоров немецких ученых, оказавшихся после войны в английском плену и содержавшихся в лагере Фарм-Холл под Кембриджем. Из нее следует, что когда они узнали о создании американской атомной бомбы, то в ходе бесед сделали предположение, что Германия могла сделать бомбу раньше союзников, если бы были выделены необходимые материальные ресурсы. Подобную точку зрения высказывает в свои мемуарах и А.Шпеер:

«Не исключено, однако, что к 1945 г. нам все же удалось бы изготовить определенное количество атомных бомб. Но тогда мы должны были бы своевременно направить на осуществление Уранового проекта все технические и финансовые средства, а также научные кадры и, значит, отказаться от любых разработок ракет с дальним радиусом действия. С этой точки зрения создание ракетного центра в Пенемюнде было величайшей ошибкой»[340].

В отличие от немцев англичане и американцы хорошо понимали всю важность создания ядерного оружия. И поэтому они не только активно работали над его разработкой, но и всячески препятствовали немцам в осуществлении их уранового проекта. Так, в феврале 1943 г. диверсанты из английской Группы по особым операциям уничтожили завод по производству тяжелой воды, расположенный в Веморке, местечке к западу от Осло (Норвегия). Тщательно разработанное нападение стало абсолютно неожиданным для немецкой охраны, которая была нейтрализована еще до того, как прозвучал сигнал тревоги. В результате этой диверсии производство тяжелой воды остановилось как минимум на 12 месяцев. Помимо взрыва самого завода англичане уничтожили и паром с огромным количеством тяжелой воды, приготовленной к отправке из Норвегии в Германию.

Кроме того, англичане и американцы намеревались похитить или убить руководителя немецкого ядерного проекта Гейзенберга. В 1942 г. планировалась операция по его похищению. Гейзенберга предполагалось захватить в Германии, насильственно вывезти в Швейцарию, тайно посадить в американский самолет и сбросить на парашюте недалеко от присланной в Средиземное море подводной лодки. Абсурдность этого плана настолько бросалась в глаза, что от него в скором времени отказались. Однако в декабре 1944 г., когда данная операция уже не имела практического значения, американская разведка предприняла попытку ликвидации Гейзенберга. Американский агент Мо Берг приехал в Цюрих и пришел на лекцию Гейзенберга с пистолетом и должен был застрелить ученого. Но, замешкавшись, он упустил удобный момент, и Гейзенберг остался в живых.

В Англии возможности атомной бомбы первым оценил профессор Бирмингемского университета Р.Пайерлс. Он же первым в результате численных расчетов установил, что для бомбы нужен только легкий изотоп урана и что количество заряда будет измеряться не тоннами, а фунтами. В октябре 1940 г. вопрос о создании атомной бомбы обсуждался в Британском комитете по науке, возглавляемом лордом Хэнки. Был основан Урановый комитет, который на своем заседании 16 апреля 1941 г. пришел к выводу, что атомная бомба вполне

[339] Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997. С.316-317.
[340] Там же. С.317.

может быть разработана в течение двух лет. 20 сентября 1941 г. Комитет начальников штабов на своем совещании принял решение о немедленном начале строительства завода по изготовлению урановых бомб. А 24 сентября доклад Уранового комитета рассмотрел Военный кабинет. В итоге в рамках проекта «Тьюб эллойз» началась работа по созданию атомной бомбы. Основным подрядчиком стал концерн «Империал Кемикал Индастриз», которому выделили крупные суммы. Кроме него к работам были подключены Вульвичский арсенал и фирма «Метро-Виккерс». Вскоре образованный осенью 1941 г. консультационный комитет «Тьюб эллойз» пришел к выводу, что к производству атомной бомбы следует привлечь Соединенные Штаты Америки.

В США над проблемами создания атомной бомбы работали в рамках так называемого Манхэттенского проекта (МАП). Именно такое кодовое название имел обширный комплекс НИОКР, начавший свою деятельность в 1941 г. Название было взято от Манхэттенского инженерного округа (Manhattan Engineering District) армии США, в ведение которого находидась организация строительных работ и материально-техническое обеспечение МАП. Общее руководство МАП осуществлял генерал Л.Гровс, обладавший незаурядными организаторскими способностями и опытом строительных работ. Под его руководством, например, построено здание Пентагона. «Генеральная задача МАП, — писал Гровс в своих мемуарах, — была двоякой: во-первых, создать оружие, способное обеспечить победу в войне, и, во-вторых, сделать это раньше наших противников. Чтобы справиться с этими задачами, мы должны были работать ускоренными темпами»[341].

На осуществление программы МАП выделили огромные средства (общие затраты на его реализацию оцениваются в пределах 2-5 миллиардов долларов — по тем временам суммы колоссальные), а заказы, поступающие от МАП, по специальному распоряжению правительства США считались первоочередными. Структурно МАП представлял собой крайне обособленную организацию, включающую несколько строго засекреченных и изолированных друг от друга объектов. Они подчинялись только руководителю МАП, который в свою очередь отчитывался лишь перед президентом США.

Главным объектом МАП была научно-исследовательская лаборатория в Лос-Аламосе. Там разрабатывалась конструкция атомной бомбы и технология ее изготовления. Возглавлял лабораторию талантливый ученый Роберт Оппенгеймер. Кроме того, в научных исследованиях принимали участие такие научные звезды первой величины, как Альберт Эйнштейн, Лео Сциллард, Нильс Бор, Энрико Ферми, Клаус Фукс и другие ученые. В этом отношении США очень повезло, поскольку здесь в конце 30-х гг. оказались многие специалисты в области ядерной физики, бежавшие от преследований фашистских режимов в Европе. Численность сотрудников лаборатории и обслуживающего персонала составляла 45 тысяч человек, а в отдельных случаях лаборатория сотрудничала с рядом американских университетов, которые выполняли специальные задания МАП.

Позднее в составе МАП создается группа военных операций, на нее возлагается организация испытаний атомной бомбы и разработка оперативных планов первого применения атомных бомб. Кроме того, по настоянию генерала Гровса в составе МАП формируется собственная служба безопасности численностью 435 человек, возглавляемая Б.Пашем, сыном митрополита русской православной церкви в США, известным своими антисоветскими взглядами.

Служба безопасности МАП стала полностью автономной и действовала независимо от ФБР и военной контрразведки, которые также занимались контрразведывательным обслуживанием атомного проекта. Для обеспечения режима секретности МАП были приняты беспрецедентные меры. Для въезда в район Лос-Аламоса требовалось специальное разрешение, а всем проживающим там, как работающим, так и членам их семей, разрешалось выезжать с территории раз в месяц — в последнее воскресенье. Вся входящая и исходящая почтовая корреспонденция подлежала цензуре, а опускать письма за пределами Лос-Аламоса

[341] Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М., 1973.

категорически запрещалось. Все жители города были обязаны сообщать администрации обо всех своих знакомых и всех контактах во время отпуска, а также о тех, кто вел с ними разговоры о МАП или пытался узнать их адрес. Более того, для всей остальной Америки Лос-Аламос вообще не существовал в природе. Так, его жители могли сколько угодно нарушать правила дорожного движения, поскольку извещения о штрафах немедленно уничтожались службой безопасности, а в их водительских правах вместо фамилии ставился только номер и имя владельца машины.

Главной целью принятых мер безопасности являлось сохранение в тайне конечной цели МАП. Из всего личного состава, занятого в проекте, лишь около 10 человек были в курсе поставленных задач и всего объема выполняемых работ. Даже госдепартамент до начала Ялтинской конференции не знал о МАП. А Г.Трумэна, хотя он занимал должность вице-президента США, не информировали о том, сколько средств тратится на МАП. Всю переписку между объектами МАП свели к минимуму и закодировали. Например, текст сообщения генералу Гровсу о пуске 2 декабря 1942 г. ядерного реактора в Чикаго выглядел следующим образом:

«Итальянский мореплаватель высадился в Новом Свете. Туземцы настроены дружелюбно» (Итальянский мореплаватель здесь — это создатель реактора Э.Ферми, а туземцы — специальная комиссия, созданная для проверки работы реактора. — авт.).

По признанию генерала Гровса, стратегия в области обеспечения безопасности сводилась к трем основным задачам: «предотвратить попадание в руки к немцам сведений о секретной программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы было полностью неожиданным для противника, и, насколько это возможно, сохранить в тайне от русских открытия и детали наших проектов и заводов»[342].

А в 1943 г. в Квебеке (Канада) Англия и США заключают соглашение, по которому Рузвельт и Черчилль обязались не передавать третьей стороне информацию о МАП. В связи с этим интересно следующее высказывание Гровса:

«Спустя две недели после того, как я возглавил МАП, у меня не было никаких сомнений в том, что Россия наш враг, и что МАП осуществлялся на этой основе. Я вовсе не придерживался распространенного в стране мнения о России, как о доблестном союзнике»[343].

Но все же, несмотря на столь беспрецедентные меры безопасности, принятые для сохранения в тайне МАП, советская разведка не только узнала о его целях и задачах, но и получила исчерпывающие материалы по атомной бомбе.

Первые оперативные материалы о начале работ над созданием атомной бомбы на Западе ГРУ получило осенью 1941 г. из Лондона. Именно тогда свои услуги советской разведке предложил ученый-физик Клаус Фукс.

Клаус Фукс родился 29 декабря 1911 г. в Германии в деревне Рюссельхайм под городом Дартштадт. Его отец был лютеранским священником, сторонником идеи так называемого христианского социализма, вступившим в 1912 г. в Социалистическую партию Германии. После окончания гимназии «Оденвальдшуле» в Айзенахе Фукс в 1928 г. поступил в Лейпцигский университет, где начал заниматься математикой и теоретической физикой. В мае 1931 г. семья Фуксов переехала в Киль, и Клаус продолжил свое образование в Кильском университете. Там он вступил в Социалистическую партию, а в 1932 г. — в компартию Германии.

В 1933 г., после прихода к власти Гитлера, Фукс был вынужден перейти на нелегальное положение, а в июле 1933 г. эмигрировать во Францию, где он принял активное участие в работе антифашистского комитета Анри Барбюса. 24 сентября 1933 г. Фукс по приглашению английского промышленника Р.Ганна, с которым был знаком его отец, выехал в Англию. Там его приняли на работу в лабораторию известного физика Н.Мотта в Бристольском

[342] Там же.
[343] Там же.

университете, и он начал заниматься вопросами теоретической физики. В декабре 1936 г. Фукс защитил докторскую диссертацию на тему «Связующие силы металлической меди и эластические константы моновалентных металлов», а в феврале 1937 г. перебрался в Эдинбург, где стал работать под руководством Макса Борна. Все эти годы он продолжал оставаться нелегальным членом КПГ и не скрывал своих прокоммунистических взглядов.

После начала второй мировой войны Фукс, как «враждебный» иностранец предстал перед комиссией по проверке лояльности, но благодаря заступничеству М.Борна получил так называемую льготную категорию «С», и ему следовало лишь периодически отмечаться в местном полицейском участке. Однако после оккупации Германией Дании, Бельгии, Голландии и Франции Фукс в мае 1940 г. был интернирован в лагерь для иностранцев на острове Мэн. В июле 1940 г. интернированных немцев и итальянских военнопленных из лагеря на острове Мэн отправили в Канаду, где разместили в пригороде Квебека Шербруке. Там Фукс находился до декабря 1940 г., пока благодаря усилиям М.Борна и Р.Ганна его не освободили. Он вернулся в Англию и продолжил работу в Эдинбургском университете.

В начале 1941 г. Фукс принял английское гражданство, а в мае получил приглашение от Р.Пайерлса участвовать «в одном военном проекте». Фукс ответил согласием и с июня 1941 г. начал работать в Бирмингемской лаборатории в рамках проекта «Тьюб эллойз» по созданию английской атомной бомбы.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз Фукс принимает решение помочь стране социализма. Осенью 1941 г., во время одной из поездок в Лондон он связался со своим знакомым, эмигрантом из Германии доктором Юргеном Кучински, работавшим в Бюро по стратегии бомбовых ударов США. По мнению Фукса, он мог помочь ему выйти на сотрудников советской разведки. Ю.Кучински, один из руководителей компартии Германии, был хорошо знаком с послом СССР в Лондоне И.М.Майским, ему он и сообщил о предложении Фукса. В свою очередь Майский, недолюбливавший резидента НКВД в Лондоне И.А.Чичаева, рассказал о Фуксе резиденту ГРУ и военному атташе И.А.Склярову, который поручил встретиться с Фуксом своему секретарю С.Кремеру.

О Семене Давыдовиче Кремере, человеке яркой судьбы, следует сказать несколько слов отдельно. Он родился 10 февраля 1900 г. в Гомеле. В 1917 г. вступил в гомельский отряд Красной гвардии, в ноябре 1918 г. — в Красную Армию, а в 1919 г. — в ВКП(б). В гражданскую войну Кремер воевал на Западном фронте, а после ее окончания занимался военно-политической работой. В 1934 г. Кремер окончил Военную академию им. Фрунзе, а в 1936 г. был направлен на работу в ГРУ. В 1937 г. по личному указанию начальника ГРУ С.Урицкого его командируют в Англию секретарем военного атташе.

Когда Кучински в следующий раз посетил советское посольство, Майский познакомил его с Кремером. И хотя Кремеру никто не поручал заниматься проблемами ядерной физики, он сразу же заинтересовался Фуксом и договорился с Кучински о способах связи с немецким физиком. Кучински во время очередного приезда Фукса в Лондон передал ему, что он может встретиться с советским представителем в один из ближайших вечеров на одной из улочек западного Лондона. Чтобы Фукс был твердо уверен, что встретился с нужным человеком, тот скажет ему пароль: «Привет от Кучинского».

Здесь надо сделать небольшое отступление. Почему-то считается, что в 1941 г. Фукс сам пришел в советское посольство и обратился к послу Майскому. Но это не соответствует действительности. Кремер, лично установивший в это время контакт с Фуксом, утверждал:

«Я хорошо помню, что в советское посольство Фукс никогда не приходил. О встрече мы договорились через доктора Кучински. Она состоялась на одной из улиц западного Лондона ночью. К этой встрече я готовился очень тщательно, постоянно проверялся ...»[344].

Во время встречи Фукс рассказал Кремеру о начале работ по созданию атомной бомбы в Англии и США. А на вопрос Кремера: «Почему он решил передать эти сведения Советскому Союзу?» — ответил, что СССР необходимо иметь свою бомбу для обеспечения собственной

[344] Пестов Ст. Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней. СПб, 1995. С.33.

безопасности. В сделанном им 27 января 1950 г. заявлении сотрудникам английской контрразведки он так объяснил мотивы своего поступка:

«В это время у меня не было ни малейших сомнений в правильности советской внешней политики, и я был уверен в том, что западные союзники сознательно способствуют тому, чтобы Советский Союз и Германия полностью истощили себя в смертельной схватке. Я не испытывал ни малейших колебаний, передавая советским представителям всю известную мне информацию, хотя я старался, по крайней мере, в начале, сообщать им только результаты моих собственных исследований»[345].

Во время следующей встречи с Кремером, состоявшейся также на одной из улиц Лондона, Фукс передал ему большой блокнот с материалами об английском проекте «Тьюб эллойз». В основном это были собственные исследования, копии обзоров и докладов Фукса. Все полученные материалы Кремер отнес в резидентуру, откуда их дипломатической почтой направили в Москву. В ответ из Центра пришла телеграмма, приказывающая связи с Фуксом не прерывать.

Но весной 1942 г. контакт Фукса с лондонской резидентурой ГРУ по независящим от него причинам прекратился. Дело в том, что отношения между сотрудниками резидентур НКВД и ГРУ в Англии складывались сложно. Их разногласия и трения коснулись и Кремера, которому один из сотрудников резидентуры НКВД начал открыто угрожать. Не дожидаясь времени, когда угрозы станут реальностью, Кремер, воспользовавшись приездом в 1942 г. в Лондон начальника ГРУ Ф.Голикова, сумел добиться откомандирования в Москву[346].

Потеряв связь с Кремером, Фукс снова обратился к Ю.Кучински. На этот раз Ю.Кучински связал его со своей сестрой — Урсулой Кучински (Гамбургер, Бёртон), давней сотрудницей ГРУ, работавшей под псевдонимом Соня. В начале 1941 г. она прибыла в Англию из Швейцарии с заданием организовать работу нелегальной резидентуры. Их первая встреча состоялась летом 1942 г. Оператором Фукса У.Кучински была до ноября 1943 г., и за это время она передала в Центр через своего связника, шофера военного атташе Н.Аптекаря (псевдоним Сергей), много важных сведений. Об объеме и характере информации от Фукса можно судить по следующей выдержке из секретного меморандума директора ФБР Э.Гувера специальному помощнику президента США контр-адмиралу С.Сауэрсу от 2 марта 1950 г.:

«В соответствии со своим намерением передавать Советскому Союзу только результаты своих собственных работ, Фукс передавал советскому агенту копии всех докладов, подготовленных им в Бирмингемском университете ...

Помимо копий документов, автором которых он был сам, Фукс действительно сообщил советскому агенту в общих чертах о научно-исследовательских работах в рамках программы «Тьюб эллойз» в Великобритании и о создании небольшой экспериментальной станции по изучению процессов диффузии урана на базе одного из заводов министерства снабжения в Северном Уэльсе (объект «Долина»). Он сказал, что никакой проектно-конструкторской информации по этой экспериментальной станции и используемому на ней инженерному оборудованию он советским агентам не передавал. Кроме того, он сообщил русским, что аналогичные исследования проводятся также в Соединенных Штатах и что между двумя странами существует сотрудничество в этой области»[347].

---

[345] Кулишов В. Конец атомному секрету: Сборник: Профессия: разведчик. М., 1992. С.132.

[346] Прибыв в Москву, Кремер стал добиваться перевода в действующую армию. Но по сложившейся в то время практике зарубежные работники на фронт не допускались. Тогда Кремер в августе 1942 г. добился назначения начальником западного факультета Военного института иностранных языков, а оттуда, в июле 1943 г. — в действующую армию. Он воевал на Брянском, Центральном, 1-м Украинском, 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах, командуя сначала танковой бригадой, а потом занимая должность зам. командира механизированного корпуса. Был удостоен звания Героя Советского Союза, награжден двумя орденами Ленина, орденами Отечественной войны I и II степеней, орденом Красной звезды и многими медалями. В 1956 г. уволился в запас. Умер генерал-лейтенант С.Д.Кремер в Одессе 1 ноября 1991 г.

[347] Кулишов В. Указ. соч. С.132.

Фукс успешно работал в Бирмингеме до ноября 1943 г. Но дальнейшую его судьбу определило соглашение, подписанное Черчиллем и Рузвельтом 19 августа 1943 г. в Квебеке, по которому Англия и США объединяли свои усилия в создании атомной бомбы. В результате Фукс получил приглашение от руководителя лаборатории в Лос-Аламосе Оппенгеймера продолжить свою работу в США. Фукс ответил согласием и уже 22 ноября 1943 г. получил въездную визу в США.

В этот же день Фукс встретился с У.Кучински и сообщил ей о предстоящей поездке в Америку. Во время следующей встречи Кучински передала ему инструкцию для установления контакта с американским связником по имени Раймонд. Встреча с ним должна была произойти в первую субботу февраля 1944 г. в Нью-Йорке. Обговорив условия связи, Фукс 28 ноября на американском корабле «Андрес» вместе с тридцатью другими английскими учеными отплыл из Ливерпуля в Норфолк, штат Вирджиния.

Фукс прибыл в США и начал в декабре 1943 г. работать в Колумбийском университете, где занимался разработкой математического аппарата газодиффузионного процесса и решением конкретных технологических проблем строящегося комплекса в Оук Ридже. Его связником и оператором стал агент НКВД Г.Голд (Раймонд). Таким образом Фукса передали из ГРУ в НКВД, где он проходил под псевдонимом Чарльз. Связано это было с тем, что по настоянию Л.Берия координацию деятельности советской разведки по сбору информации, относящейся к атомной проблематике, в 1942 г. возложили на НКВД.

Говоря о деятельности лондонской резидентуры ГРУ во время войны, следует также рассказать о ставшей известной недавно (в сентябре 1999 года) англичанке Мелите Норвуд, которая, как оказалось, была агентом советской разведки с 1937 года.

Мелита Норвуд (урожденная Зирнис) появилась на свет в 1912 году в Англии недалеко от портового города Саутгемптона. Ее отцом был латышский политэмигрант большевик Александр Зирнис, а матерью — англичанка, активистка женского социалистического движения. Зирнис ("товарищ Саша"), переплетчик по профессии, приехал в Великобританию, спасаясь от преследования царской охранки, и вскоре занял видное место в британском коммунистическом движении. Главным в его деятельности в Англии был перевод на английский язык работ Ленина и других лидеров РСДРП. Мелита Норвуд, до сих пор относящаяся к отцу с восхищением, в разговорах с журналистами отмечала: "Это была его работа — организовать дешевую печать этих брошюр и их распространение".

Кроме того, Зирнис был основателем и первым редактором еженедельной газеты "The Southern Worker" ("Южный рабочий") и журнала "Labour and Socialist Journal" ("Трудовой и социалистический журнал"). Но в мае 1919 года 37-летний Александр Зирнис умер. В некрологе, опубликованном на первой странице майского номера "Трудового и социалистического журнала", о нем было сказано и такое:

"Его переводы работ товарищей Либкнехта, Ленина и Троцкого были своевременными и обеспечили тысячам английских читателей возможность читать в подлиннике этих мастеров мирового социализма".

Оставшись после смерти мужа с двумя дочерьми на руках, мать Мелиты переехала в городок Крайстчерн под Борнмутом, где проживала весьма значительная по численности колония русских политэмигрантов. Именно там Мелита, которую прозвали Маленькая Летти ("Little Lettie" — Латышечка), получила первые уроки политической грамоты. А в 19 лет она стала членом женского профсоюза конторских работников и секретарш, в котором ее тетушка занимала один из руководящих постов.

Разразившаяся в начале 30-х годов Великая депрессия заставила Мелиту оставить учебу в Саутгемптонском университете, где она изучала латынь и логику, и отправиться в Лондон в поисках работы. Столица Великобритании встретила ее огромными очередями безработных, стоявших в ожидании раздачи бесплатного супа, и другими прелестями затяжного кризиса. И несмотря на то, что ей самой удалось в 1932 году устроиться на работу секретаршей в Британскую ассоциацию по исследованию цветных металлов (БАИЦМ), Мелита только укрепилась в своих политических пристрастиях. В 1933 году она вступила в Независимую

партию труда (НПТ), а когда в 1935 году НПТ распалась — в полуподпольную Коммунистическую партию Великобритании. К Советскому Союзу как к первой стране социализма Мелита относилась с восхищением.

В 1937 году Мелита вышла замуж за учителя математики Хилари Норвуд, который также был коммунистом. И в этом же году произошло событие, перевернувшее ее жизнь: по рекомендации одного из основателей компартии Великобритании с ней встретился сотрудник Разведупра — советской военной разведки. Встреча эта закончилась тем, что Норвуд стала агентом советских спецслужб. Причем работала она исключительно по идейным соображениям, категорически отказываясь от любого материального вознаграждения, хотя в это время вместе с мужем переехала в собственный дом в южном пригороде Лондона Бекслихесе, содержание которого требовало определенных средств.

Первоначально Норвуд не входила в число основных агентов, хотя была личным секретарем директора БАИЦМ. Но когда в сентябре 1941 года в Англии начались работы по созданию атомной бомбы (так называемый проект "Тьюб эллойз"), ее ценность для советской разведки значительно возросла. Дело в том, что ассоциация проводила в рамках программы "Тьюб эллойз" исследования свойств цветных металлов, в частности урана. При этом большая часть документов, касающихся атомного проекта, проходили через руки начальника Норвуд. В результате она могла передавать своему оператору (вероятно, это была Урсула Кучински ("Соня"), нелегальный резидент ГРУ в Англии с мая 1941 года) большое число секретных документов, относящихся к программе "Тьюб эллойз".

Информацию об английском ядерном проекте Норвуд продолжала передавать и после войны. Это было особенно важно в связи с тем, что из-за предательства шифровальщика канадской резидентуры ГРУ И.Гузенко английской контрразведкой МИ-5 были арестованы А.Мей (в марте 1946 года) и К.Фукс (в январе 1950 года). В это же время между ГРУ и внешней разведкой МГБ развернулось соперничество за контроль над Норвуд. При поддержке Л.Берия победило МГБ, после чего оператором "Холы" (псевдоним Норвуд) стал сотрудник лондонской резидентуры ПГУ МГБ Николай Павлович Островский. Когда же в мае 1947 года ГРУ и ПГУ МГБ были объединены в Комитет информации (КИ), военная разведка вернула себе контроль над Норвуд и ее операторами стали сотрудники ГРУ Галина Константиновна Турсевич и Евгений Александрович Олейник.

Однако в апреле 1950 года, после осуждения К.Фукса и расследования МИ-5 по делу успевшей уехать в ГДР "Сони", оператора Фукса и Норвуд во время войны,"Хола" в целях ее безопасности была временно законсервирована. Контакт с ней был возобновлен только в ноябре 1951 года, после расформирования КИ. Тогда же Норвуд вновь была передана на связь легальной лондонской резидентуре ПГУ МГБ.

В октябре 1952 года, на островах Монте Белло возле северо-западного побережья Австралии прошли успешные испытания первой английской атомной бомбы. Но во многом благодаря усилиям Норвуд в СССР были осведомлены как о ее конструкции, так и о ходе и результате самих испытаний. Разумеется, информация, передаваемая "Холой", не ограничивалась атомными секретами. Документальные материалы, добываемые Норвуд в БАИЦМ, практически всегда находили применение в советской промышленности. Недаром в 1958 году ее наградили орденом Красного Знамени.

В 1962 году Норвуд получила от ПГУ КГБ пожизненную пенсию в размере 20 фунтов стерлингов в месяц. Но, как уже говорилось, она работала не ради денег, а из идейных соображений. Поэтому в 1972 году после выхода на пенсию она отказалась получать деньги, заявив, что у нее достаточно средств и что она не нуждается в пенсии. Когда после подписания в 1975 году Хельсинкского соглашения между Востоком и Западом наступил период "разрядки", Норвуд дважды посетила СССР в качестве туриста. В 1979 году во время второй поездки ей вручили орден Красного Знамени, которым она была награждена еще в 1958 году.

Прекратив в 1972 году отношения с советской разведкой, Норвуд продолжала оставаться убежденной коммунисткой. Живя одна после смерти мужа в 1986 году, она по-прежнему активно участвовала в левом движении, а также каждую субботу покупала три десятка

экземпляров коммунистической газеты "Морнинг стар" и раздавала знакомым. Все соседи считали ее милой пожилой леди, имеющий небольшой коммунистический "пунктик". Но в субботу 11 сентября 1999 года эта идиллия рухнула. В этот день лондонская "Таймс" вышла с огромной фотографией Норвуд на первой полосе и статьей, в которой говорилось о ее работе на советскую разведку. А узнали журналисты об этом из только что опубликованной книги "Архив Митрохина: КГБ в Европе и на Западе", авторами которой были профессор Кембриджского университета Кристофер Эндрю и бывший сотрудник ПГУ КГБ Василий Митрохин.

После этого в Англии разразился скандал. "Теневой" министр внутренних дел консерватор Энн Виддекомб потребовала от правительства немедленно представить разъяснения по делу Норвуд. В результате министр МВД Джек Стро был вынужден признать, что британская разведка еще в 1992 году узнала имена, адреса и послужные списки бывших советских агентов, но не сообщала о них, так как ее руководству очень не хотелось признавать, что под носом у английских спецслужб работали шпионы, о которых они ничего не знали. Что же касается Мелиты Норвуд, то власти решили не привлекать ее к суду, учитывая ее преклонный возраст.

Но вернёмся в 1941 год. Принятие советским руководством решения о передаче атомной проблематики в НКВД вовсе не означало того, что военная разведка больше не занималась сбором информации о создании ядерного оружия. Наоборот, работу в этом направлении активизировали как в Англии, так в США и Канаде. Очень плодотворно «урановой проблемой» занимался, например, нелегал ГРУ Я.Черняк, работавший до 1943 г. в Европе, а потом перебравшийся в Канаду[348]. У него на связи находилось большое количество агентов, в том числе и ученый с мировым именем (ныне покойный). Информация, направляемая им в Москву, имела огромное значение. Находясь в Канаде, Черняк передал однажды в Центр следующие материалы:

— доклад о ходе работ по созданию атомной бомбы с указанием научно-исследовательских объектов США, исходных материалов для бомбы с описанием установок для отделения изотопа урана, процесса получения плутония, принципа создания и действия «изделия»;

— образцы урана-235 и урана-233;

— доклад об устройстве и действии уранового котла с чертежами.

Не менее активно решала данную задачу и легальная резидентура ГРУ в США. Например, главный резидент ГРУ в США П.П.Мелкишев (Мольер), работавший там с 1941 по декабрь 1945 г. под фамилией Михайлов и официально занимавший должность вице-консула в Нью-Йорке, поддерживал контакты с А.Эйнштейном через М.И.Коненкову[349].

История пребывания в США известного русского скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова и его жены Маргариты Ивановны таит в себе немало загадок. Они прибыли в Нью-Йорк весной 1924 г. для организации выставки русского искусства и остались в Америке на долгие 20 лет. С Эйнштейном М.Коненкова познакомилась в 1935 г., когда он согласился позировать ее мужу. Тогда между ними завязался роман, ставший особенно бурным после смерти жены Эйнштейна Эльзы. Это обстоятельство не привлекло бы к себе особенного

[348] Биографию Яна Черняка — см. далее.

[349] Павел Петрович Мелкишев родился в 1902 г. в Кронштадте в крестьянской семье. В Красной Армии с 1920 г. В 1927 г. окончил Артиллерийскую школу и вступил в ВКП(б). В 1936 г. после окончания факультета авиационного вооружения был направлен на работу в военную разведку и назначен начальником отделения бронетанковой техники и авиации в отделе военной техники. Перед войной, в 1940-1941 гг., — начальник отделения военно-техническго отдела (носившего в разное время 3-й, а затем 4-й номер) Разведывательного управления Генштаба. С 1941 по декабрь 1945 г. был главным резидентом ГРУ в США под прикрытием должности вице-консула, а потом исполняющего должность генконсула в Нью-Йорке. В 1950-1960 гг. работал в Европе под именем Федора Петровича Малина. Позднее являлся одним из руководителей ГРУ Генштаба. Умер в Москве 11 августа 1985 г., похоронен на Ваганьковском кладбище.

внимания, если бы не было известно, что М.Коненкову очень плотно опекали разведчики как ГРУ, так и НКВД, из чего можно сделать вывод, что супруги Коненковы эмигрировали в США не только по собственному желанию.

Мы не будем останавливаться на всех аспектах деятельности М.Коненковой в США как агента советской разведки, расскажем лишь о ее помощи резиденту ГРУ П.Мелкишеву в установлении контактов с Эйнштейном. В 1942 г. М.Коненкова становится секретарем Комитета помощи России получает возможность официально общаться с Эйнштейном и Оппенгеймером. И в августе 1945 г. она сумела уговорить Эйнштейна встретиться с советским консулом Михайловым. Эти встречи вскоре стали регулярными и происходили как в коттедже Эйнштейна на Саранак-Лейк, так и в нью-йоркской квартире Михайлова. В своих письмах к М.Коненковой Эйнштейн называл Михайлова не по фамилии, а «наш консул», упоминая при этом о его «советах» и «рекомендациях». В одном из них он сообщает, что «в соответствии с программой» сам нанес визит «консулу», а еще позднее пишет совершенно откровенно:

«Оттуда (из Нью-Йорка) смог вернуться только вчера вечером. Так тяжело задание, которое несет большие перемены для тебя... Хотя по прошествии времени ты, возможно, будешь с горечью воспринимать свою порочную связь со страной, где родилась ...»[350].

Что конкретно передал Эйнштейн Мелкишеву неизвестно. Но именно он как и.о. генконсула помог Коненковым в сентябре 1945 г. без препятствий получить советские визы и в ноябре 1945 г. вернуться в СССР. Правда, и сам он в декабре 1945 г. после того, как его объявили персоной «нон грата», был вынужден покинуть Америку

Кроме легальной резидентуры ГРУ в США добыванием информации о создании атомной бомбы занимались и нелегалы военной разведки, действующие в Америке. Один из них — А.Адамс («Ахилл»), чей вклад в области атомного шпионажа до сих пор не оценен по достоинству.

Артур Александрович Адамс родился 25 октября 1885 г. в шведском городе Эскильстуне. После смерти мужа мать Адамса, русская еврейка, вернулась в Россию, но в 1895 г. тоже умерла. Оставшийся сиротой Адамс до 1898 г. воспитывался у родственников матери, живших в Чудово под Петербургом. В 1899 г. он поступил в школу морских механиков, где познакомился с марксистским учением и вступил в социал-демократический кружок.

С этого времени судьба Адамса неразрывно связана с революционным движением. За участие в агитационной работе и забастовках он несколько раз арестовывался, однажды был жестоко избит в «охранке» (после этого у него всю жизнь болел позвоночник), приговаривался к ссылке и тюремному заключению. В 1907 г. он нелегально выехал в Финляндию, а оттуда — в эмиграцию. Долгое время он жил в Египте, Италии, Аргентине, США, Канаде, участвуя в левом студенческом социалистическом движении, и при этом Адамс постоянно учится. В 1920 г. он вступил в компартию США, и с того же времени ему начислялся партстаж в ВКП(б).

В 1919 г. Адамс начинает работать в качестве заведующего техническим отделом в неофициальном представительстве РСФСР в США, более известном как миссия Мартенса, а в 1921 г. выезжает в Советскую Россию. В РСФСР он работал на заводе «АМО» (будущий «ЗИЛ»), ЦУГАЗе, Ленинградском сталелитейном заводе. В 1925 г. его направляют в Авиатрест и вводят в состав его правления. В 1927 г. Адамс был отправлен в США для освоения опыта производства большегрузных автомобилей. Судя по всему, уже в это время он начал выполнять задания советской военной разведки. В 1932 г. он вновь уезжает в Америку — на этот раз для решения вопроса о закупке СССР американских истребителей.

В 1938 г. Адамс отправляется в длительную зарубежную командировку в Америку. В США он въехал как гражданин Канады, радиоинженер по специальности. Помог ему в этом прокоммунистически настроенный владелец нью-йоркской фирмы по производству радиооборудования Самуэль Новак, с которым он познакомился еще в 1932 г. и который снабдил его рекомендациями к американским иммиграционным властям. В Нью-Йорке Адамс зарегистрировался в отеле П.Купера как торговец химреактивами, что позволяло ему свободно

[350] Одноколенко О. Любовь и бомба // Сегодня. 1998. 9 июня. С.3.

разъезжать по всей стране. Кроме того, он, используя старые связи, устроился «частично занятым инженером» еще на целый ряд фирм и таким образом всегда мог доказать любому проверяющему, что не только имеет средства к существованию, но и востребован в США как специалист.

О работе Адамса в США можно рассказывать бесконечно. Но в данном случае разговор пойдет о том, как он получил доступ к атомным секретам. Заданий по получению информации об атомных исследованиях в США Адамс от Центра не получал, хотя и обратил внимание в 1940 г. на то, что в американских научных журналах исчезли публикации о работах по исследованию урана. Первую возможность выйти на ученых, занятых в «Манхэттенском проекте» он получил после очередной встречи со своим агентом Кларенсом Хискеем (Эскулап), химиком, работавшим в Чикагском университете в рамках «Манхэттенского проекта». 21 января 1944 г. Хискей сообщил Адамсу, что один из его друзей, ученый, имеет доступ к секретным документам, относящимся к производству атомной бомбы.

Эту ценную информацию Адамс немедленно передал в Центр и попросил разрешение на вербовку ученого, придерживающегося левых взглядов. Однако ответ из Москвы задерживался, и Адамс решил действовать самостоятельно. Его первая встреча с ученым (имя которого до сих пор точно не известно) произошла в конце января 1944 г. В публикации В.Лота ученый фигурирует под именем Мартина Кемпа, так же мы будем называть его и здесь[351]. Но вполне возможно, что это был Джон Х.Чепин, работавший в это время в Чикагском университете и занимавшийся проблемами атомной бомбы.

Следующая встреча Адамса с Кемпом состоялась 23 февраля 1944 г. На ней Кемп передал Адамсу около тысячи листов различных документов и образцы чистого урана и бериллия. Во время очередного сеанса радиосвязи с Москвой Адамс сообщил в Центр о содержании полученных материалов. Это были доклады о разработке нового оружия, инструкции по отдельным вопросам, отчеты различных отделов лаборатории, схемы опытных агрегатов, спецификации используемых материалов, описание методов получения металлов высокой чистоты, а также доклады по вопросам использования молекулярной физики, химии и металлургии применительно к требованиям атомного проекта. Все документы и материалы были отправлены в Москву с первым же курьером.

Кроме того, Адамс позволил себе направить два доклада на имя начальника ГРУ И.Ильичева. Они настолько интересны, что мы приводим некоторые выдержки из них:

«... Не знаю, в какой степени вы осведомлены о том, что здесь в США усиленно работают над проблемой использования энергии урания (не уверен, так ли по-русски называется этот элемент) для военных целей ... Могу доложить, что эта работа здесь находится в стадии технологического производства нового элемента — плутониума, который должен сыграть огромную роль в настоящей войне. Только физики уровня нашего академика Иоффе могут разобраться в направляемых Вам материалах. Для характеристики того, какое внимание уделяется этой проблеме в США, могу указать следующее:

— секретный фонд в один млрд долл., находящийся в личном распоряжении Президента США, уже почти израсходован на исследовательскую работу и работу по созданию технологии производства названных раньше элементов. Шесть ученых с мировым именем — Ферми, Аллисон, Комтон, Урей, Оппенгеймер и другие (большинство имеет Нобелевские премии) стоят во главе этого атомного проекта;

— тысячи инженеров и техников заняты в этой работе. Сотни высококвалифицированных врачей изучают влияние радиоактивного излучения на человеческий организм. В Чикагском и Колумбийском университетах, где ведутся эти исследования, построены и действуют особые лаборатории. Специальная комиссия, состоящая из наивысших военных чинов и ученых, руководит этой работой ...;

— мой источник сообщил, что уже проектируется снаряд, который будет сброшен на землю. Своим излучением и ударной волной этот взрыв уничтожит все живое в районе сотен

[351] Лота В. Военный разведчик по воле судьбы // Независимое военное обозрение. 1998. №41. С.7.

миль. Он не желал бы, чтобы такой снаряд был сброшен на землю нашей страны. Это проектируется полное уничтожение Японии, но нет гарантий, что наши союзники не попытаются оказать влияние и на нас, когда в их распоряжении будет такое оружие. Никакие противосредства не известны всем исследователям, занятой в этой работе. Нам нужно также иметь такое оружие, и мы теперь имеем возможность получить достаточно данных, чтобы вести самим работы в этом направлении.

Прошу выразить Вашу реакцию на это предложение «проволкой» (по радиосвязи);

— посылаю образцы ураниума и бериллиума ...»[352].

Интересна и резолюция, наложенная И.Ильичевым на доклад Адамса:

«Материал срочно обработать и направить тов. Первухину. Сообщить Ахиллу оценку по получению ее от тов. Первухина»[353].

Во время следующей встречи Кемп передал Адамсу для перефотографирования еще 2500 страниц секретных материалов, а в период с мая по август 1944 г. он предоставил еще около 1500 страниц документов. О важности получаемой Адамсом информации говорит тот факт, что ему приказом начальника ГРУ было предоставлено право вербовать агентов, имеющих доступ к атомным секретам, без санкции Центра. Такое право предоставлялось в исключительных случаях и только тем разведчикам, которые пользовались полным доверием Москвы. При этом не надо забывать, что Адамсу к этому времени исполнилось 60 лет.

Впрочем, удача не всегда сопутствовала Адамсу. Весной 1944 г. К.Хискей как приверженец коммунизма и Советского Союза попал в поле зрения ФБР и военной контрразведки («Джи-2»). Когда же выяснилось, что он имеет доступ к работам в рамках «Манхэттенского проекта», за ним установили наружное наблюдение, в ходе которого обнаружились контакты Хискея с Адамсом. В результате Хискея без лишнего шума отстранили от работы в Чикагском университете — в апреле 1944 г. его призвали в армию и отправили в качестве интенданта сначала на Аляску, а потом на Гавайские острова. Было установлено наблюдение и за Адамсом. Но оно ничего не дало, за исключением его единичного контакта в ноябре 1944 г. с советским вице-консулом Михайловым (Мелкишевым). Адамс, по целому ряду признаков понявший, что попал под наблюдение, прекратил активную деятельность.

Но в покое его не оставили. Вскоре его посетил один из бывших студентов Хискея якобы для консультации и во время беседы намекнул, что владеет некоторыми секретами разработки атомного оружия. Адамс, сразу же понявший, что перед ним провокатор, дал понять «студенту», что эти вопросы его не интересуют, что он серьезно болен и на днях уезжает домой в Канаду.

Тем временем на стол президента США Ф.Рузвельта легло досье, обвиняющее Адамса в шпионаже в пользу СССР. ФБР потребовало ордер на арест Адамса. Однако разрешение на возбуждение уголовного дела агенты ФБР не получили, так как никто не хотел обострять отношений с Советским Союзом. Пока длилась эта бюрократическая переписка, Адамс в конце 1946 г. исчез из США. Достоверные сведения о том, как ему удалось уйти из под наблюдения и пробраться на корабль, идущий в СССР, остаются тайной до сих пор[354].

Кроме Адамса, Мелкишев координировал действия и другого нелегала — «Дельмара», настоящее имя которого неизвестно до сих пор. «Дельмар» был единственным из советских разведчиков, кому удалось устроиться на работу в закрытый ядерный центр США Ок-Ридж. Именно от «Дельмара» ГРУ стало известно, что в Ок-Ридже производится обогащенный уран и что этот объект разделен на три основных литерных сектора (K-25, Y-12 и X-10). В настоящее время «Дельмар», которому исполнилось 87 лет, живёт в Москве.

---

[352] Там же. С.7.

[353] В 1944 г. Михаил Григорьевич Первухин был заместителем Председателя СНК СССР и курировал работы по организации и деятельности Лаборатории №2 во главе с И.В.Курчатовым, занимающейся проблемами создания советского ядерного оружия.

[354] В конце 1946 г. Адамс прибыл в СССР, где встретился наконец с женой — Доротеей Леонтьевоной Кин, которую не видел много лет. Ему было предоставлено советское гражданство и присвоено воинское звание инженер-полковник. Умер А.А.Адамс в 1970 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Так же активно, как легальные и нелегальные резидентуры ГРУ в США, действовала легальная резидентура ГРУ в Канаде. Канада участвовала во второй мировой войне на стороне союзников и согласно «Программе канадской помощи СССР» поставляла Советскому Союзу оружие, промышленное оборудование и продовольствие. Официальным советским инспектором на канадских предприятиях, выпускающих продукцию для СССР, был майор В.Соколов («Дэви»), который одновременно выполнял обязанности резидента ГРУ.

В 1943 г. в Москве принято решение усилить канадскую резидентуру, и в июне 1943 г. в Оттаву в качестве советского военного атташе прибыл полковник Н.Заботин («Грант») и его помощники майор Романов и шифровальщик лейтенант И.Гузенко. Чуть позднее к ним присоединились подполковник П.Мотинов, майор В.Рогов, капитан Ю.Горшков, лейтенант П.Ангелов и другие. Официальным резидентом становится полковник Н.Заботин, его первым заместителем, отвечающим за оперативную работу, назначают подполковника Мотинова («Ламонт»), окончившего, как и Заботин, спецфакультет Академии им. М.В.Фрунзе и работавшего по линии ГРУ в Китае.

К этому времени Москва уже знает, что Канада принимает участие в работах по созданию атомной бомбы. Поэтому перед резидентурой ГРУ в Оттаве ставится задача проникнуть в канадский Национальный исследовательский совет и исследовательский отдел Министерства обороны. В связи с этим в резидентуре создается оперативная группа «Бэк», занимавшаяся вопросами атомной бомбы. Вскоре к сотрудничеству с резидентурой привлекается ряд канадских ученых — Дэнфорт Смит (Бадо), Нэд Мазерал (Багли) и Израэль Гальперин (Бэкон). С марта 1945 г. от них начала поступать важная информация. Вот только некоторые сообщения, отправленные в это время из Оттавы в Москву:

«Бадо сообщает, что наиболее секретные работы ведутся по ядерной физике. Бадо полагает, что с этим связана покупка правительством завода по производству радия, он же передает доклад о работе Национального исследовательского совета».

Это сообщение вызвало живейший интерес Центра, и перед резидентурой была поставлена очередная задача:

«Уточните у Бадо, сможет ли он получить уран-235, и предупредите его об опасности. Попросите его представить детальное письменное сообщение о заводе по производству радия».

Через некоторое время в Москву ушла следующая телеграмма:

«В стадии строительства находится завод по производству урана. Инженерный персонал будет набираться из Макгильского университета. В результате экспериментов с ураном установлено, что он может стать начинкой для бомб. Американцы развертывают широкие исследовательские работы, вложив в это 660 миллионов долларов»[355].

Справедливости ради необходимо отметить, что не все завербованные агенты работали активно. Например, Гальперин («Бэкон») часто старался уклониться от получения и выполнения заданий, о чем свидетельствует следующая телеграмма резидентуры в Центр:

«... С ним стало трудно работать, особенно после того, как я попросил его достать уран-235. Он заявил, что это невозможно... Бэкон объяснил мне теорию атомной энергии, которая, возможно, известна вам. Он отказался представить в письменном виде информацию и дать фотографию. К моим запросам относится с большой неприязнью ...»[356].

Однако наиболее эффективным агентом канадской резидентуры ГРУ, имевшим доступ к атомным секретам, был английский ученый-физик Аллан Мей.

Аллан Нанн Мей родился в 1912 году в Бирмингеме в семье обеспеченного меднолитейщика. Это обстоятельство позволило ему поступить в Кембриджский университет в Тринити-колледж, где он сделал блестящую карьеру. Будучи серьезным, хотя и несколько замкнутым физиком-экспериментатором, он уже в 1933 году получил докторскую степень по физике. Обучаясь в Тринити-колледже, он вступил в коммунистическую ячейку, в которой состояли будущие агенты советской разведки Гарольд (Ким) Филби и Дональд Маклин. А

[355] Пестов Ст. Указ. соч. С.189-190.
[356] Там же. С.190.

насколько позднее Мей стал членом кембриджского филиала Союза научных работников, профсоюзной организации, объединяющей людей умственного труда.

Своих коммунистических взглядов и симпатий к Советскому Союзу Мей никогда не скрывал. Более того, в 1935 году в составе группы выпускников Кембриджа и Оксфорда он посетил СССР и несколько недель провел в Ленинграде. А вернувшись в Англию, он становится членом редакционного совета газеты "Scientific Worker" — печатного органа Союза научных работников. Впрочем, все это не помешало молодому доктору физики работать сначала в Кембридже, а перед самой Второй мировой войной получить место преподавателя в Лондонском университете.

После начала Второй мировой войны английские ученые-физики, в первую очередь профессора Бирмингемского университета Отто Фриш и Рудольф Пайерлс, подняли перед правительством Великобритании вопрос о создании атомной бомбы. Уже в марте 1940 года на стол председателя Комитета по научным вопросам военно-воздушной обороны Г. Тизарда легла трехстраничная записка, получившая позднее название "Меморандум Фриша-Пайерлса". Только один ее заголовок — "О создании "супербомбы", основанной на ядерной цепной реакции" — произвел переворот в головах тех, кто отвечал за научно-техническое обеспечение обороны Англии. В результате в октябре 1940 года вопрос о создании атомной бомбы обсуждался в Британском комитете по науке, возглавляемом лордом Хэнки, а несколько позднее был основан Урановый комитет, который на своем заседании 16 апреля 1941 года пришел к выводу, что атомная бомба может быть разработана в течение двух лет. 20 сентября 1941 года Комитет начальников штабов на своем совещании принял решение о немедленном начале строительства завода по изготовлению атомных бомб, а 24 сентября доклад Уранового комитета рассмотрел Военный кабинет. В итоге в рамках проекта, получившего название "Тьюб эллойз", в Англии начались работы по созданию атомной бомбы.

Для работы в проекте "Тьюб эллойз" были привлечены многие известные английские физики. Среди них был и Аллан Мей, получивший в апреле 1942 года приглашение от сэра У.Эйкерса, отвечавшего за безопасность "Тьюб эллойз", поработать «в одном секретном проекте». Мей ответил согласием и с начала мая присоединился к группе физиков, работавших в Кавендишской лаборатории в Кембридже.

Но, как уже говорилось, советская разведка была в курсе, что в Великобритании начались работы по созданию нового оружия на основе расщепления ядра урана. Резидентура внешней разведки НКВД в Лондоне еще в сентябре 1941 года получила от своего агента Дональда Маклина («Гомер») информацию о разработке английскими учеными атомной бомбы. А несколько ранее, 3 августа 1941 года, сведения о начале работ по созданию атомной бомбы в Англии и США получил сотрудник лондонской легальной резидентуры ГРУ полковник Семен Кремер («Барч»). Его информатором был Клаус Фукс, с июня 1941 года работавший в Бирмингемской лаборатории в рамках проекта "Тьюб эллойз". Поэтому нет ничего удивительного в том, что 10 июня 1942 года директор Радиевого института академик В.Хлопин направил начальнику ГРУ генерал-майору А.Панфилову следующую записку:

"...Если Разведывательное управление располагает какими-либо данными о работах по проблеме использования внутриатомной энергии урана в каких-нибудь институтах или лабораториях за границей, то мы просили бы сообщить эти данные в спецотдел АН СССР..."

В ГРУ внимательно проанализировали свои агентурные позиции в Англии и в июле 1942 года направили нелегальному резиденту в Лондоне Яну Черняку ("Джен") указание приступить к вербовке сотрудника Кавендишской лаборатории Кембриджского университета Аллана Мея, который ранее придерживался левых взглядов и с симпатией относился к СССР.

То, что Центр в качестве вербовщика Мея выбрал Черняка, не было случайным. А поэтому о нем следует рассказать особо. Ян Петрович Черняк родился 6 апреля 1909 года в австро-венгерской провинции Буковина. Детство его было безрадостным, так как родители маленького Яна пропали без вести в Первую мировую войну и его отдали в детский дом. В 1927 году после окончания средней школы он поступил в Высшее технологическое училище в Праге, где вскоре становится одним из лучших учеников. Получив диплом, Черняк некоторое

время работал на электротехническом заводе, но после того, как разразился мировой экономический кризис, был уволен и остался не у дел. Тогда, решив продолжить образование, Черняк выехал в Германию, где поступил в Берлинский политехнический колледж.

В июне 1930 года у Черняка состоялся разговор с сотрудником Разведупра РККА. Советский разведчик предложил Яну оказать содействие в борьбе против фашизма, на что он ответил согласием. С этого времени судьба Черняка оказалась надолго связана с советской военной разведкой. С 1930 по 1934 год он работал в Румынии, где создал агетурную сеть, собирающую военную и научно-техническую информацию по Германии. В 1936 году после обучения в разведшколе в Москве Черняк выехал в Швейцарию в качестве официального корреспондента ТАСС. Через некоторое время, освоившись и получив необходимые средства, он приступил к организации новой агентурной сети. И вскоре среди его источников были такие фигуры, как секретарь министра, глава исследовательского отдела авиационной фирмы, офицер разведки, высокопоставленный военный в штабе, крупный банкир и т.д. Соответствующей была и информация, которую Черняк направлял в Центр. О работе Черняка в это время можно судить по следующей записи в его характеристике:

"Находясь в зарубежной командировке, Я.Черняк провел исключительно ценную работу по созданию нелегальной резидентуры и лично завербовал 20 агентов".

В октябре 1938 года после заключения Мюнхенского соглашения Черняк переезжает в Париж, но уже не как корреспондент ТАСС, а в качестве нелегала. Однако обстановка там была крайне напряженной, и поэтому перед оккупацией Франции гитлеровскими войсками летом 1940 года Черняк возвращается в Цюрих, а затем перебирается в Англию.

После нападения Германии на Советский Союз нелегальная резидентура Черняка не только не прекратила работу, но стала источником важнейших материалов по фашистской Германии. К середине войны она превратилась в мощную разведывательную организацию, включающую в себя около 35 источников ценной информации, в большинстве своем работавших бескорыстно.

Будучи опытным вербовщиком, к тому же хорошо разбирающимся в технических вопросах, Черняк успешно выполнил задание Центра. Он установил с Меем контакт и сумел убедить его в том, что передавая советским представителям сведения об английском атомном проекте, тот окажет СССР посильную помощь в борьбе с фашизмом. В итоге до конца 1942 года Черняк провел с Меем, получившим псевдоним "Алек", несколько тайных встреч, во время которых получил документальную информацию об основных направлениях научно-исследовательских работ по урановой проблеме в Кембридже. Кроме того, Мей передал ему данные по установкам по отделению изотопов урана, описание процесса получения плутония, чертежи "уранового котла" и описание принципов его работы — всего около 130 листов документации. Однако в отличие от К.Фукса, К.Филби, Г.Берджесса и других ведущих советских агентов Мей не испытывал ни малейшего удовольствия от тайной деятельности. Позднее он вспоминал об этом времени так:

"Вся эта история причиняла мне огромную боль, и я занимался этим лишь потому, что считал это своим посильным вкладом в безопасность человечества".

Мей находился на связи у Черняка лишь до конца 1942 года, так как в декабре его перевели в Монреальскую лабораторию Национального научно-исследовательского совета Канады. На последней встрече с Меем Черняк оговорил условия восстановления контактов в Канаде, но без уточнения сроков, так как в это время дипломатических отношений между СССР и Канадой еще не было.

В январе 1943 г. Мей прибыл в Канаду и присоединился к монреальской исследовательской группе Кокрофта. По неизвестным причинам он долгое время оставался без связи с представителями ГРУ, и только в конце 1944 г. Заботин получил приказ установить с ним контакт через Сэма Карра (Шмуль Коган). Карр, национальный секретарь компартии Канады, в 1924 г. был завербовал НКВД, а в 1943 г. его передали на связь канадской резидентуре ГРУ, где он проходил под псевдонимами Сэм и Фрэнк. Заботин, не желая, чтобы НКВД был в курсе оперативной деятельности его резидентуры, послал в Москву телеграмму, в

которой просил разрешение установить связь с Меем при помощи своего сотрудника, и в конце концов добился того, что получил приказ действовать самостоятельно.

В начале 1945 г. сотрудник оттавской резидентуры П.Ангелов получил задание встретиться с Меем. Приехав в Монреаль, Ангелов установил адрес Мея и направился прямо к нему домой. Мей, явно не ожидавший, что и в Канаде ему придется сотрудничать с советской разведкой, сделал попытку уклониться от контакта, сославшись на то, что старая связь с Москвой оборвалась и что он находится под наблюдением контрразведки.

Но Ангелов был настойчив. «Довольно грубо, — вспоминал потом Ангелов, — я ему сказал, что не верю этому. Во-первых, пришло для него задание из Москвы, а во-вторых, если доктор Мей откажется, то у него самого возникнет повод для серьезного беспокойства». В результате Мей согласился на продолжение сотрудничества и получил указание подготовить доклад о проводимых в Канаде и США исследованиях по атомной бомбе[357].

Здесь, как кажется, имеет смысл привести и воспоминания самого Мея относительно его контактов с сотрудниками ГРУ в Канаде:

«Когда я находился в Канаде, со мной вступил в контакт человек, личность которого я раскрывать воздержусь. Очевидно, он знал, что я работаю в Монреальской лаборатории, и хотел получить от меня информацию по атомной энергии.

Я тщательно проанализировал вопрос о правомерности того, что развитие атомной энергетики должно быть прерогативой лишь США. Я принял очень болезненное для себя решение о том, что следует предать общей гласности информацию по атомной энергии, и был серьезно уверен в том. По этой причине я решил принять предложение этого человека. После предварительной встречи я еще несколько раз виделся с ним в Канаде. Он потребовал от меня представить образцы урана и общую информацию.

На одной из встреч я передал ему микроскопические образцы урана-233 и урана-235. Уран-235 был немного обогащен, находился в небольшой стеклянной трубочке и представлял собой миллиграмм окиси. Уран-233 составлял десятую часть миллиграмма и был нанесен тончайшим слоем на платиновую фольгу.

Я также передал этому человеку письменный доклад о ядерных исследованиях — все, что было мне известно ...

Он передал мне сверток, где было некоторое количество долларов (я не помню — сколько), которые я принял вопреки моему желанию ...

Все мои действия были очень болезненны для меня, я стал на этот путь, руководствуясь соображениями внести добрый вклад в спасение и безопасность рода человеческого. Разумеется, во всем этом не было моей личной выгоды»[358].

Доклад Мея был предельно четким и исчерпывающим. В нем описывалась конструкция бомбы, ее детали и отдельные узлы, а также технологические процессы их изготовления. Кроме того, он представил подробную схему организации атомного проекта в США и Канаде: структура проекта, фамилии ученых и военных и т.д., были перечислены сверхсекретные объекты и заводы в Оук Ридже, Чикаго, Лос-Аламосе, Хэнфорде, Чок Ривере, дано их четкое описание, назначение, состав выпускаемой продукции. Отдельно прилагался список ученых, через которых можно было установить контакт с участниками атомного проекта.

Получив доклад Мея, Заботин 9 июля 1945 г. послал в Центр телеграмму:

«Директору №241

Факты, переданные Алеком:

1. Испытания атомной бомбы были проведены в Нью-Мехико. Бомба, сброшенная на Японию, сделана из урана-235. Известно, что выход урана-235 на заводе магнитного разделения в Клинтоне составляет 400 граммов в день ... Планируются к публикации научно-исследовательские работы в этой области, но без технических подробностей. Американцы уже выпустили книгу об этом.

[357] Пестов Ст. Указ. соч. С.191.
[358] Там же. С.191-192.

2. Алек передал нам пластину с 162 микрограммами урана в форме окиси на тонкой пленке ...»[359].

Доклад Мея и образцы урана было решено отправить в Москву не с дипломатической почтой, посчитав ее ненадежной, а с Мотиновым, который должен был возвращался в СССР для получения нового назначения в США. Прилетевшего в Москву Мотинова на аэродроме лично встречал начальник ГРУ Ф.Ф.Кузнецов. Вот как вспоминает об этом сам Мотинов:

«На аэродроме меня встречал сам Директор (Ф.Кузнецов). С большими предосторожностями я достал из-за пояса драгоценную ампулу и вручил ее Директору. Он немедленно отправился к черной машине, которая стояла тут же, на аэродроме, и передал ампулу в машину.

— А кто там был? — спросил я потом Директора.

— Это Берия, — прошептал Директор.

А от ампулы с ураном у меня до сегодняшнего дня мучительная рана, и приходится менять кровь по нескольку раз в год»[360].

Тем временем Заботин, узнав от Мея о строящемся в Чок Ривер урановом заводе, решил лично побывать в районе строительства. Воспользовавшись знакомством с одним канадцем, живущим поблизости, он съездил к нему «в гости» на моторной лодке. Во время прогулки по реке Заботин внимательно осмотрел завод и послал в обстоятельный доклад в Москву. В ответ из Москвы поступило указание:

«Гранту №11438

Телеграфируйте: как связан Ваш знакомый с заводом, где он сейчас работает и каковы ваши отношения? Если возможно, дайте более подробное описание внешнего вида завода. Директор. 14.08.45 г.»[361].

Выполнить задание Центра Заботин поручил Мею, которому удалось побывать не только на заводе в Чок Ривер, но и на Чикагском заводе, работавшем в рамках «Манхэттенского проекта». Собранная им информация была немедленно отправлена в Москву.

Однако вскоре Мей должен был покинуть Канаду и вернуться в Англию. В связи с этим Центр прислал Заботину следующие инструкции для встречи Мея со связником в Лондоне:

«1. Место — перед зданием Британского музея на улице Грейт Рассел, со стороны Тоттенхем Роуд.

2. Время — как указано вами, однако в 23 часа довольно темно, поэтому лучше в 20 часов, если это устроит Алека.

3. Опознавательные знаки — слева под мышкой у Алека газета «Таймс», связник в левой руке держит журнал «Пикчер Пост».

4. Пароль — связник: «Как пройти покороче до Странда?» Алек: «Пойдемте, я иду туда же».

В начале беседы Алек говорит: «Сердечный привет от Майкла ...»[362].

К середине 1945 г. прекрасно отлаженная и отлично функционирующая агентурная сеть ГРУ, занимающаяся вопросами атомного шпионажа, позволила осветить все основные вопросы, касающиеся теоретических разработок и промышленных технологий создания атомной бомбы. Но в сентябре 1945 г. предательство шифровальщика канадской резидентуры ГРУ И.Гузенко поставило под удар всю дальнейшую работу в этом направлении.

Игорь Сергеевич Гузенко родился в 1920 г. Когда началась Великая Отечественная война он был призван в армию и направлен в спецшколу, где прошел курс обучения на шифровальщика и получил назначение в штаб одного из фронтов. Через год его перевели в главное шифровальное бюро ГРУ, а в 1943 г. командировали вместе с семьей в Канаду

[359] Там же. С.196-197.
[360] Пестов Ст. Канадская А-бомба // Совершенно секретно. 1994. №11. С.7.
[361] Там же.
[362] Там же.

шифровальщиком резидентуры ГРУ в Оттаве. Гузенко сумел понравиться своему непосредственному начальнику полковнику Заботину, и поэтому пользовался рядом необоснованных льгот. Так, вопреки всем установленным правилам, он вместе с женой и сыном проживал не на территории посольства, а в городе, на частной квартире. И это при том, что шифровальщикам даже за пачкой сигарет разрешалось покидать посольство только в сопровождении двух человек.

Данный факт вскрылся после того, как первый заместитель начальника 1-го управления ГРУ полковник М.Мильштейн в мае-июне 1944 г. совершил инспекционную поездку по легальным резидентурам в США, Мексике и Канаде[363]. В ходе проверки Мильштейн установил, что Гузенко не только проживает вне посольства, но и имеет доступ к личному сейфу заместителя резидента подполковника Мотинова. Более того, у Мильштейна сложилось впечатление, что Гузенко находится на пути к предательству и готовится к побегу. Вот что он .вспоминал по этому поводу:

«Перед отъездом я еще раз сказал Заботину о необходимости переезда Гузенко и решил снова с ним встретиться. Я внимательно слушал его, задавал разные, часто несущественные вопросы — какое-то необъяснимое и тревожное предчувствие на протяжении всего разговора мучило меня. Мне все время виделась в нем какая-то неискренность. Внутренний голос подсказывал, что с ним неладно. Он решил что-то такое, чего очень боится, что оно может быть раскрыто. И вот тогда, в июне 1944 г., я пришел к выводу, что он готовится бежать. Готовится, но еще не решил окончательно»[364].

По возвращении в Москву Мильштейн доложил о своих подозрениях начальнику ГРУ генерал-лейтенанту И.Ильичеву и начальнику отдела кадров ГРУ полковнику С.Егорову. И хотя доклад Мильштейна не приняли всерьез, в сентябре 1944 г. в Оттаву ушла телеграмма об отзыве Гузенко в Москву, а на его место был направлен его сменщик лейтенант Кулаков. Однако Заботин сумел настоять на отмене этого решения, и только в августе 1945 г. новый начальник ГРУ генерал-лейтенант Ф.Кузнецов отправил новую телеграмму о немедленном отзыве Гузенко и его семьи в СССР.

Узнав о предстоящем возвращении в Москву, Гузенко, прихватив из сейфа секретные документы, 5 сентября 1945 г. попросил политического убежища в Канаде. Последствия этого побега оказались катастрофическими. Образованная после побега Гузенко Канадская королевская комиссия по вопросам шпионажа выявила имена 19 агентов ГРУ в Канаде, из которых 9 были осуждены. Наибольшие потери понесла агентурная группа «Бэк», ориентированная на добывание материалов по атомной бомбе.

Не избежал ареста и Мей, сотрудничество которого с оттавской резидентурой ГРУ продолжалось до сентября 1945 года, когда его в связи с окончанием работ в Чок Ривере отозвали в Англию. Узнав об этом, Заботин оговорил с Меем условия встречи в Лондоне и сообщил о них в Москву:

«... Условия встречи — 7, 17 или 27 октября на улице перед Британским музеем. Время 11 часов вечера. Опознавательный знак — газета слева под мышкой. Пароль — сердечный привет Майклу».

В середине сентября Мей благополучно прибыл в Англию и в скором времени устроился на работу преподавателем в Королевском коллежде в Лондоне. А за несколько дней до этого, 5 сентября, из оттавской резидентуры ГРУ бежал шифровальщик лейтенант Игорь Гузенко («Кларк»). Предатель передал канадской контрразведке множество документов, среди которых были копии донесений агента «Алека» в Москву и условия связи с ним в Лондоне. Полученная

[363] Михаил Абрамович Мильштейн родился в 1910 г. В военной разведке с середины 1930-х г. До войны работал в Западной Европе. После начала Великой Отечественной войны занимался разведкой в тылу и прифронтовой полосе немецко-фашистских войск, занимая должность зам. начальника 2-го (агентурного) отделения разведотдела Западного фронта. В 1944 г. — первый заместитель 1-го (западного) управления ГРУ. С 1945 г. — зав. кафедрой разведки Академии Генерального штаба. Доктор исторических наук, профессор. Умер в августе 1992 г. в Сочи, похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

[364] Мильштейн М. Побег Гузенко // Совершенно секретно. 1995. №3. С.25.

от Гузенко информация была немедленно доведена до руководителя Особого отдела Скотланд-Ярда подполковника Леонарда Барта, который получил указание срочно установить личность таинственного «Алека». Барту, который работал в плотном контакте с МИ-5, не составило труда выяснить, что под псевдонимом «Алек» скрывается доктор Аллан Мей.

За Меем, получившим у английских контрразведчиков кличку «Первоцвет», было установлено круглосуточное наблюдение. Однако и 7, и 17, и 27 октября он находился дома. Не было также замечено никаких признаков появления в эти дни советского агента у Британского музея. Но подполковник Барт продолжал выжидать. И лишь после того, как 3 февраля 1946 года американское радио сообщило о раскрытии в Канаде советской шпионской группы, а 15 февраля премьер-министр Канады Маккензи выступил с официальным заявлением по этому поводу, он решил действовать. 15 февраля Барт позвонил Мею на работу в Шелл-Макс-Хаус и пригласил посетить Управление по атомной энергии, сказав, что ему надо навести некоторые рутинные справки. В время беседы за чашкой чая Барт заявил Мею, что ему известно о его сотрудничестве с советской разведкой и о несостоявшейся встрече у Британского музея. Несколько растерявшийся Мей после продолжительного раздумья признался,что действительно, находясь в Канаде, встречался с русским в период с января по сентябрь 1945 года и передал ему образцы урана. Однако, несмотря на признание, арестовали Мея только 4 марта.

Суд над Меем начался 1 мая 1946 года. Государственный прокурор сэр Хартли Шоукросс обвинил его в нарушении Закона о государственной тайне посредством "передачи между 1 января и 30 сентября 1945 года неизвестному человеку информации, которая предназначалась для прямого или косвенного использования врагом". Несмотря на возражения адвоката судья Оливер вынес Мею обвинительный приговор — 10 лет тюремного заключения.

Свой срок Мей отбывал в Уэйкфилдской тюрьме в Йоркшире. В январе 1953 года его за примерное поведение досрочно освободили, после чего он устроился на малозначительную работу в Кембридже. Позднее он вновь начал заниматься физикой, в частности, исследованиями по теории усталости металла, а его статьи стали появляться в одном из ведущих научных журналов мира «Nature». В 1962 году он покинул Англию и перебрался в Гану, где ему предоставили место специального профессора физики в местном университете.

Но, самое главное, Мей никогда не раскаивался в содеянном. Это очень верно подметил известный английский научный обозреватель Г.Пинчер, сказавший: «Он сумел вернуться в научный мир и получить признание, не дав ни малейшего повода заподозрить его в раскаянии или компромиссе с обществом, чьей безопасности он угрожал, когда передавал секреты атомной бомбы русским, политическому делу которых он был тайно предан».

Тогда же, а точнее, немного раньше — в феврале 1946 г., арестовали и И.Гальперина. Однако на суде он держался твердо, категорически отрицал свое участие в выдаче атомных секретов, а обвинение не смогло представить убедительных доказательств его вины. В результате его оправдали, но во время ареста у него изъяли записную книжку, в которой сотрудники контрразведки обнаружили фамилию К.Фукса. Данные сведения были доведены до ФБР, что послужило поводом для начала расследования деятельности советской разведки в США. Первым следствием этого стало выдворение из США в декабре 1945 г. главного резидента ГРУ Мелкишева.

Из-за предательства Гузенко были провалены и нелегальные резиденты ГРУ. Так, в конце 1945 г. срочно пришлось покинуть Канаду нелегалу ГРУ Я.Черняку[365], а в ноябре 1945 г., едва

[365] Нелегально покинув Канаду на советском судне под видом члена экипажа и прибыв в СССР, Я.Черняк получил в 1946 г. советское гражданство и некоторое время работал референтом в ГРУ. Результаты работы его резидентуры были высоко отмечены: два его агента награждены орденом Ленина, четверо — Трудового Красного Знамени, восемь — Красной Звезды, еще двое — орденом «Знак почета». Однако самого Я.Черняка не наградили, так как он имел смелость не согласиться с наказанием полковника Заботина и высказал свое негативное отношение к соперничеству ГРУ и НКГБ. Более того, его уволили из ГРУ и долгие годы он работал в ТАСС переводчиком. И только 14 декабря 1994 г. был подписан Указ о присвоении Яну Петровичу Черняку звания Героя Российской

избежав ареста, был вынужден немедленно выехать из США другой нелегал ГРУ, действовавший в Лос-Анджелесе, — З.Литвин («Мулат»)[366]. Но на этом провалы советской разведки, произошедшие в результате предательства Гузенко, не закончились. 2 февраля 1950 г. в Англии арестовали К.Фукса. На допросах он признался в том, что работал на советскую разведку, и его осудили на 14 лет тюремного заключения.

Для разбора обстоятельств побега Гузенко по указанию И.Сталина была создана специальная комиссия под председательством Г.Маленкова. В состав комиссии вошли Л.Берия, В.Абакумов, Ф.Кузнецов, В.Меркулов, а ее секретарем назначен помощник Берия Мамулов. По результатам работы комиссии виновным в побеге Гузенко признали Заботина. Он, его жена и сын были арестованы и находились в лагерях до смерти Сталина[367].

Что касается Гузенко, то он долгое время находился под охраной и на попечении канадской контрразведки, а в 1948 г. выпустил книгу о своей жизни под названием «Железный занавес». Позднее он начал сильно пить, очень скоро спился и умер в 1982 г.

Как известно, атомную бомбу применили, слава богу, единственный раз — в августе 1945 г. США сбросили ее на японские города Хиросиму и Нагасаки, которые были практически полностью разрушены. Эффект от применения нового оружия превзошел все ожидания.

Разумеется, советское руководство, ученые, занимающиеся разработкой ядерного оружия, военные были крайне заинтересованы в получении достоверных сведений о последствиях взрыва атомной бомбы. Поэтому неудивительно, что уже 6 августа 1945 г. начальник Генштаба Красной Армии маршал Антонов поставил перед ГРУ задачу взять всевозможные пробы в районе взрыва. Выполнение данного приказа поручили сотрудникам токийской резидентуры ГРУ М.Иванову и Г.Сергееву, которые находились в Японии как работники генконсульства СССР. Они прибыли в Нагасаки через день после взрыва. Вот как описывает свои впечатления от увиденного М.Иванов:

«Собирали, что требовалось, среди пепла, руин, обугленных трупов. Видели ли когда-нибудь отпечатанный миллионы лет назад на геологических отложениях папоротник? А вот когда от людей, еще сутки назад пребывавших в здравии, только след на камне ... Страшно вспоминать, но мы взяли с собой наполовину обугленную голову с плечом и рукой»[368].

Чемодан со страшным грузом был благополучно доставлен в советское посольство, но исполнители этого, мягко говоря, необдуманного приказа заплатили за его выполнение дорогой ценой. Сергеев вскоре умер от лучевой болезни, а Иванову перелили в общей сложности 8 литров крови. При этом сами врачи удивлялись, как он остался жив[369].

Федерации. Вручение награды состоялось 9 февраля 1995 г. в госпитале, куда Я.Черняк попал ввиду резкого ухудшения здоровья. А еще через десять дней он умер.

[366] Залман Вульфович Литвин родился в 1908 г. в городе Верхнеудинске. В 1926 г. окончил китайское отделение Восточного факультета Дальневосточного университета, после чего работал в системе Наркомата внешней торговли СССР. В 1929 г. началась его деятельность в Разведупре РККА. С 1934 по 1936 г. — зам. резидента Л.Боровича (Розенталя) в Шанхае. С 1937 г. на нелегальной работе в США под именем Игнатия Самуэля Витчака, выходца из Канады польского происхождения. Окончил Южно-Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и был оставлен там в качестве преподавателя. Создал обширную агентурную сеть, которая занималась сбором информации по США и Японии. После предательства Гузенко попал под наблюдение ФБР и бежал из страны. В дальнейшем до 1953 г. работал в Европе и преподавал в Военно-дипломатической академии. В ходе компании по «борьбе с космополитизмом» был уволен из ГРУ и Советской Армии. В 1956-1993 гг. — научный сотрудник ИМЭМО АН СССР — РАН. Умер в Москве в 1993 г.

[367] Выйдя на свободу, Н.Заботин развелся, женился на простой деревенской женщине и уехал из Москвы в провинцию, где вскоре умер.

[368] Иванов М. Чемодан с пеплом // Советская Россия. 1995. 2 авг.

[369] Михаил Иванович Иванов родился в 1912 г. В 1932 г. поступил в военное училище связи. В 1937 г. воевал в Испании, где был контужен. В 1938 г. поступил в Академию им. Фрунзе, по окончании которой его направили в Разведуправление РККА. С 1941 по 1945 г. находился в Японии под прикрытием должностей секретаря консульского отдела, вице-консула, консула. Осуществлял связь с нелегальной резидентурой ГРУ «Рамзай» во главе с Р.Зорге. В 1950-х гг. — в Турции, потом на преподавательской работе в Военно-дипломатической академии.

Впрочем, в истории атомной бомбардировки японских городов есть одна несколько необычная история, о которой впервые поведали московские журналисты С.Козырев и И.Морозов. По их мнению, американцы сбросили на Японию не две, а три атомные бомбы. Но одна из них не взорвалась и в конце концов была доставлена в СССР. При этом они ссылаются на письмо бывшего сотрудника ГРУ П.Титаренко начальнику ГРУ П.Ивашутину, написанное в 1970-х гг. В нем Титаренко, в 1945 г. находившийся в качестве переводчика при штабе маршала Р.Малиновского, рассказывает, в частности, следующее:

«... А теперь приступаю к рассказу о том, ради чего, собственно, и пишу Вам.

Как только началось разоружение Квантунской армии, в Чаньчунь из Токио 23-24 августа 1945 г. прилетел представитель императорской ставки. Его представил генералу Ковалеву начальник разведотдела Квантунской армии полковник Асада, сказав, что он прибыл в Чаньчунь в целях наблюдения за ходом выполнения приказа императора о безоговорочной капитуляции. Это был богатырского и роста и телосложения молодой офицер в чине полковника. (Он очень мало был в Чаньчуне, и фамилии его я не помню.) Как впоследствии выяснилось, действительной целью его прибытия в Чаньчунь было не наблюдение за ходом выполнения приказа императора, а передача Советскому Союзу третьей невзорвавшейся атомной бомбы, сброшенной на город Нагасаки в августе 1945 г., и он в одной из бесед со мной предложил мне взять у него эту бомбу. Я хочу подробно рассказать Вам содержание нашей беседы во время сделанного им предложения.

Как только полковник Асада и представитель ставки покинули штаб, Ковалев дал мне указание — принимать представителя ставки вне очереди. Дело в том, что в эти дни в штаб потоком шли различные японские делегации, считавшие своим долгом представиться советскому командованию, а поэтому в штабе с 10 до 14 часов всегда было многолюдно, и именно в это время в течение нескольких дней штаб посещал представитель ставки. Он, видимо, рассчитывал на нормальную работу штаба, которая позволит ему беспрепятственно встретиться с Ковалевым и выполнить свое секретное задание, но в эти дни у Ковалева и у меня в приемной были люди, и тогда, видя, что срок передачи атомной бомбы истекает, так как на 28 августа была назначена высадка американских войск в Японию, он изменил время посещения штаба и пришел к нам 27 августа 1945 г., уже после официального приема, примерно часов в 15-16. В это время в штабе никого из посторонних не было: я сидел один в приемной. А напротив, в кабинете генерала Ямады, находился только генерал Ковалев и генерал-лейтенант Феденко из ставки маршала Василевского — он возглавлял общее руководство разведкой на Дальнем Востоке. Вдруг появился представитель ставки. Я доложил о его приходе Ковалеву, который сказал мне: «Мы сейчас пишем одно срочное донесение, принять его не можем. Попроси, чтобы он подождал минут 30». Когда я уже выходил из кабинета, Ковалев крикнул мне вслед: «Ты займи его там разговорами, чтобы он не скучал».

Поскольку в то время в памяти были свежи атомные бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки, то у меня возникла мысль поинтересоваться, как у них в ставке оценивают это новое американское оружие и какую роль сыграли бомбардировки японских городов в деле капитуляции Японии, а потому, когда мы остались с полковником наедине, я и задал ему эти два вопроса.

Отвечая на мой первый вопрос, он сказал, что атомные бомбы — действительно мощное оружие, тут ничего не скажешь, они обладают огромной разрушительной силой, он назвал число жертв и охарактеризовал масштабы разрушений. Что же касается причин нашей капитуляции, то основную роль в ней сыграли не атомные бомбардировки, а неожиданное и быстрое поражение Квантунской армии; это, сказал японец, лишило нас тыла и сделало дальнейшее сопротивление невозможным. Американцы, сбрасывая на нас бомбы, продолжал японец, не достигли той цели, какую они ставили перед собой: во-первых, это новое оружие пока еще является дорогостоящим даже для такой страны, как Америка, и во-вторых, нам хорошо известно, что в их распоряжении находится очень незначительное количество этих бомб — вот они сбросили на нас эти три бомбы и на этом полностью исчерпали все свои запасы. Я поправил его, сказав, что американцы сбросили на Японию две, а не три бомбы: одну

на Хиросиму и другую на Нагасаки. «Нет, — ответил полковник, — они сбросили на нас три бомбы: одну на Хиросиму и две на Нагасаки, но одна у них не взорвалась». Это было неожиданным для меня, и я как-то сразу спросил его: «И что же вы сделали с этой бомбой?» «А что мы можем с ней сделать при нынешнем нашем положении? Лежит она у нас, придут американцы, возьмут ее, и на этом все будет закончено». Затем, сделав небольшую паузу и внимательно посмотрев на меня, добавил: «Знаете, мы бы с большим удовольствием передали ее вам». Это было так неожиданно, что я не принял всерьез его слова и с нескрываемой усмешкой сказал: «Это интересно знать, почему Япония вдруг решила передать нам американскую атомную бомбу, да еще с большим удовольствием?». «Видите ли, в чем дело, — начал пояснять полковник, — наши острова будут оккупировать американские войска, и если Америка будет обладать монополией на атомное оружие, то мы пропали: она поставит нас на колени, закабалит, превратит в свою колонию, и мы никогда не сможем вновь подняться. А если атомная бомба будет и у них и у вас, то мы глубоко уверены, что в самом недалеком будущем мы вновь поднимемся и займем подобающее нам место среди великих держав».

Мне эти доводы показались убедительными, и я спросил его: «А как вы практически мыслите осуществить передачу нам атомной бомбы?» «Да это очень просто сделать, — ответил полковник, — пока у нас с Токио есть прямая связь, пойдемте с вами к аппарату, вы получите подтверждение о передаче вам атомной бомбы, затем сядем, ну, хотя бы с вами, в самолет, полетим в Токио, там вы получите атомную бомбу и привезете ее сюда».

Участие в этом деле Токио вызвало некоторые сомнения, и я спросил его: «И вы думаете, что Токио даст свое согласие на передачу нам атомной бомбы?» «Я по этому поводу не думаю, — ответил полковник, — я знаю, что Токио даст его: я гарантирую вам это. Связь с Токио я устраиваю не для себя, а для вас, чтобы вы были уверены в вашем полете».

Но мне как-то все еще не верилось, что Япония передаст нам атомную бомбу, и я, стремясь получить еще какие-то подтверждения, задал ему каверзный вопрос: «А как вы будете отчитываться перед американцами, что вы им скажете, куда делась третья, невзорвавшаяся бомба?» Но полковник махнул рукой и сказал: «Это вы не беспокойтесь, перед американцами мы отчитаемся, мы найдем, что им сказать.» Я почувствовал, что говорить нам больше не о чем: бомба передается, обо всех деталях передачи мы договорились, осталось действовать — идти к прямому проводу, получить подтверждение и лететь в Японию за получением атомной бомбы.

Я поблагодарил полковника за сделанное им предложение и сказал, что о нашем разговоре доложу своему командованию. «Доложите, — ответил полковник, — только имейте в виду, что для передачи вам атомной бомбы в нашем распоряжении остались уже не дни, а часы. И если только вы решите взять у нас атомную бомбу, то нам надо действовать как можно быстрее, пока еще не высадились на наших островах американцы и мы еще являемся на них полными хозяевами». Я заверил его, что с докладом своему командованию не задержусь.

Вскоре Ковалев пригласил его к себе. Сначала, поскольку полковник торопил меня с докладом, я хотел тут же, при нем, сообщить о его предложении, но в последний момент решил, что надо дать возможность нашим генералам наедине обсудить этот вопрос. И как только он ушел, я сразу рассказал, что сейчас, во время разговора с полковником мне удалось выяснить, что на Японию сброшено не две, а три атомные бомбы, но одна из них не взорвалась, и он предлагает нам взять у них эту бомбу.

Выслушав меня, генерал-лейтенант Феденко воскликнул: «Да этого не может быть, это невероятно, чтобы он предложил нам взять у них атомную бомбу! Не пошутил ли он?» Я ответил, что на шутку не похоже: он предлагает идти к прямому проводу и заверяет, что Токио подтвердит его предложение, и просит, если мы только решим взять у них атомную бомбу, действовать как можно быстрее, так как для передачи бомбы остались, по его словам, не дни, а часы, поэтому нам надо что-то срочно ему ответить: он ждет нашего ответа. После моих слов Феденко быстро встал и, направляясь к двери, повторил: «Это невероятно, это чудовищно, что Япония предлагает нам взять у нее атомную бомбу!». С этими словами он вышел из кабинета.

Дальнейшее мне неизвестно: у Феденко был свой переводчик, и он практическую сторону дела взял в свои руки. Но мне известно, что полковник сразу же после этого посещения штаба прекратил свои наблюдения за ходом выполнения приказа императора и исчез, причем так быстро, что даже не нанес Ковалеву прощального визита, который он должен был нанести ...

... Рассказал Вам это потому, что, возможно, я остался единственным живым свидетелем тех сверхсекретных переговоров, а подробности этих переговоров Вам могут в Вашей работе как-то пригодиться»[370].

Кроме письма Титаренко Ивашутину авторы этой версии приводят две телеграммы, причем первая из них, направленная начальником штаба Квантунской армии генералом Хатой, сохранилась и в японских архивах:

«Радиограмма №1074

27 августа 1945 г.

Заместителю начальника Генштаба

от начальника штаба Квантунской армии

Неразорвавшуюся атомную бомбу, доставленную из Нагасаки в Токио, прошу срочно передать на сохранение в советское посольство. Жду ответа».

Вторая телеграмма была послана заместителю наркома иностранных дел С.Лозовскому из советского посольства в Токио:

«Товарищу Лозовскому

Следуя достигнутой с японской стороной договоренности, направляем неразорвавшуюся атомную бомбу и материалы к ней в распоряжение советского правительства»[371].

По прочтении этих документов может создаться впечатление, что таинственную неразорвавшуюся атомная бомбу Япония действительно передала Советскому Союзу. Однако И.Морозов, проведя дальнейшее расследование, был вынужден признать, что так называемой третьей бомбой оказался американский радиозонд. А тайная миссия члена императорской семьи Мия Такэда и майора Сигэхару Асаэда (это он разговаривал с Титаренко), заключалась в том, чтобы заставить командующего Квантунской армией генерала Ямада применить против советских войск бактериологическое оружие[372].

Впрочем, эта история показывает, какие проблемы стояли перед военными разведчиками, когда они работали по добыванию материалов по атомной бомбе.

29 августа 1949 г. была взорвана первая советская атомная бомба. А через месяц, 25 сентября, обнародовано следующее сообщение ТАСС:

«23 сентября президент США Трумэн объявил, что, по данным правительства США, в одну из последних недель в СССР произошел атомный взрыв. Одновременно аналогичное заявление было сделано английским и канадским правительствами.

Вслед за опубликованием этих заявлений в американской, английской и канадской печати, а также в печати других стран появились многочисленные высказывания, сеющие тревогу в широких общественных кругах.

В связи с этим ТАСС уполномочен сообщить следующее:

В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов — строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которое вызывает необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят очень часто в разных районах страны, то возможно, что эти работы могли привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1946 г. министр иностранных дел СССР В.М.Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не

[370] Морозов И., Козырев С. Бомба для Нагасаки в России? // Совершенно секретно. 1992. №7. С.3-4.
[371] Там же. С.4.
[372] Морозов И. Тайная миссия принца Такэды // Лит. газ. 1997. №34. 20 авг.

существует». Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В.М.Молотова как блеф, считая, что русские могут овладеть атомным оружием не ранее 1952 г. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 г.

Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований ...».

Конечно, далеко не все в этом сообщении ТАСС соответствовало действительности. Но после него стало ясно, что Советский Союз действительно обладает ядерным оружием, и тем самым было полностью опровергнуто утверждение аналитиков из ЦРУ, считавших, что «существует чрезвычайно слабая вероятность того, что русские создадут свою первую атомную бомбу к середине 1950 г., но наиболее вероятная дата, по нашему мнению, — середина 1953 г.»

Безусловно также, что роль разведки в создании советской атомной бомбы была велика. Но до сих пор главную заслугу в получении секретной информации об атомных проектах на Западе приписывали внешней разведки органов госбезопасности. Думается, что по прочтении этой главы станет ясно, что вклад военной разведки в дело создания советской атомной бомбы ничуть не меньше, если не больше.

Приложения[373]
ДОКУМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ ГРУ

Документ 1

М.И.Сироткин

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЗИДЕНТУРЫ «РАМЗАЯ»[374]
Раздел III. ПЛАН ОРГАНИЗАЦИИ ТОКИЙСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ
А. Организационный план 1933 года

План организации резидентуры в Токио (1933 г.), определяющий цели создания и общие задачи резидентуры, излагающий предварительную схему ее организации и перечень намечаемых оргмероприятий, не был зафиксирован каким-либо специальным документом.

Лишь сопоставление отдельных архивных документов — заметок, оргписем, резолюций и т.п. — дает возможность воссоздать в общих чертах картину предварительного планирования и последующего развития схемы организации резидентуры и проследить практическую реализацию намеченных мероприятий.

Было ли со стороны Центра ошибкой решение послать резидентом в Токио все же именно «Рамзая» — после того, как он всего лишь год назад был отозван из соседней с Японией страны под угрозой расшифровки?

Ответ на этот вопрос и уяснение мотивировки решения Центра имеет существенное значение.

На протяжении последних 5 лет существования резидентуры в аппарате Центра неоднократно составлялись «справки-доклады» на резидентуру «Рамзая». В каждой из этих справок, в качестве исходной основы для сомнений в полноценности резидентуры, неизменно фигурирует перечень шанхайских «грехов» «Рамзая», и если не высказывается прямо, то явно сквозит осуждение руководства Центра, «легкомысленно» направившего «Рамзая» в 1933 году в Токио после его ошибок и промахов в Шанхае.

Какие же соображения могли обосновать решение Центра в выборе кандидатуры «Рамзая»?

В пользу «Рамзая» говорило:

ряд его личных качеств, отвечающих требованиям и условиям предстоящей работы: энергичность, решительность, «пронырливость», уменье приобретать широкие связи; известная склонность к авантюризму — в положительном смысле этого слова, т. е. «любовь к приключениям»; хорошая профессиональная подготовка как журналиста; свободное владение немецким и английским языками; наличие 5-летнего опыта зарубежной работы по линии Коминтерна; 3-летний опыт нелегальной разведывательной работы в Шанхае.

Его личные политические доклады и обзоры показывали, что он довольно успешно изучает и осваивает проблемы Дальнего Востока, умеет правильно анализировать военно-политическую обстановку и давать обоснованные, грамотные выводы.

Личные недостатки, ошибки и промахи в методах и направлении агентурной деятельности «Рамзая» не являлись решающим препятствием к дальнейшему использованию его в Японии: они требовали лишь твердого и четкого инструктирования и руководства, систематического наблюдения и контроля со стороны Центра в процессе будущей деятельности «Рамзая».

Сомнительными моментами, требовавшими особого внимания и создававшими определенный риск для дальнейшей работы «Рамзая» в Токио, являлись:

---

[373] При составлении приложений использованы материалы исторических справочников «ГРУ, КГБ и другие» и «Специальные и не очень», изданных Военно-историческим обществом им. Я.К.Берзина (М., 1999), а также статья В.Кочика «Советская военная разведка: структура и кадры («Свободная мысль», 1998, №5-8).

[374] В угловых скобках <...> — выпущенное архивом ГРУ.

В тексте произведены изменения орфографии и знаков препинания в соответствии с современными нормами.

1) угроза со стороны Берлина: возможность того, что берлинские полицейские органы заинтересуются личностью Зорге после того, как в газетах начнут появляться корреспонденции из Японии и статьи за его подписью. Полицейская картотека может дать справки о прежней деятельности «Рамзая» в Европе по линии Коминтерна;

2) возможность того, что «Рамзай», в результате своих шанхайских ошибок, взят на учет японской контрразведкой и сразу же будет находиться под наблюдением;

3) угроза из Шанхая — по линии связи между немецкими колониями: возможность передачи информации о «неблаговидной» советско-коммунистической деятельности «Рамзая» в Шанхае.

Нет сомнения, что руководство Центра, планируя организацию токийской резидентуры и намечая кандидатуру «Рамзая», учитывало все эти сомнительные моменты и взвешивало тот риск, который они могут создать для успеха предприятия.

Соответствующий стиль и политическая окраска помещаемых в газетах статей должны были помочь этой цели и нейтрализовать внимание берлинской полиции.

Позиция немецкого журналиста-фашиста, работа под германской крышей вместе с тем в какой-то мере путали карты японской контрразведки, если даже она взяла «Рамзая» на учет в Шанхае.

Наблюдение за любым иностранцем в Японии было делом совершенно неизбежным. Легализационной задачей «Рамзая» было лишь всем своим поведением демонстрировать приверженность идеалам фашистской Германии, родственным по духу идеалам определенных агрессивных кругов Японии.

Опасения справок берлинской полиции и японской контрразведки следовало оценивать все же с точки зрения лишь известной вероятности.

Наиболее реальную и почти неизбежную угрозу представляла возможность поступления информации о шанхайской деятельности «Рамзая» по линии связей между шанхайской и токийской колониями немцев. Эта опасность были наиболее реальной, если учесть близкое соседство и регулярные связи между Токио и Шанхаем.

К сожалению, в освещении плана организации резидентуры для нас остается весьма существенный пробел, который играет важную роль — как в оценке решения Центра и оргплана в целом, так и в последующей оценке деятельности «Рамзая» и анализе его взаимоотношений с германским посольством.

Этот пробел заключается в следующем:

нигде, ни в одном документе не зафиксировано, какие установки и указания получил «Рамзай» при инструктировании и обсуждении плана работы — по вопросу о парировании «Шанхайской угрозы», какая была разработана легенда для объяснения прежней деятельности «Рамзая» в Шанхае — на случай, если токийские немцы получат какие-то сообщения из Шанхая. Трудно допустить, чтобы этот вопрос, определявший основной риск использования «Рамзая» в Японии, остался вне поля зрения «Рамзая» и руководства Центра. Если даже допустить, что в силу какой-то небрежности этот вопрос не обсуждался, то трудно поверить, чтобы сам «Рамзай», многократно напоминавший Центру об «угрозе из Шанхая», не продумал заранее для себя легенды и тактики поведения на случай, если из Шанхая в Токио «долетят кое-какие брызги грязи».

«Рамзай» уже имел позади 7-летний опыт зарубежной нелегальной работы, обладал достаточной предприимчивостью, находчивостью и изворотливостью.

Маловероятно, чтобы он, напоминая несколько раз Центру о «тяжелой опасности, грозящей ему из Шанхая», лично сам оставался в роли безучастной жертвы, пассивно ожидающей неизбежного удара.

Возможно, что он окончательно конкретизировал план своего поведения и легенду лишь после приобретения связей в посольстве, учтя реальную обстановку и характер своих взаимоотношений с сотрудниками посольства.

Основными лицами, которым предстояло составить основное ядро резидентуры, являлись:

1) «Жиголо» (Бранко Вукслич) <...> намеченный на первое время в качестве связующего центра для прибывающих сотрудников резидентуры.

По национальности серб, натурализовавшийся во Франции. Родился в 1904 году в Сербии. Окончил университет в Загребе, по специальности искусствоведение. В 1924 году в Загребе подвергался аресту как член группы студентов-марксистов. В 1925 году принимал участие в движении за независимость Хорватии. 1926 году уехал во Францию и поступил на юридический факультет Парижского университета. 1932 году вступил во французскую компартию. В марте 1932 года привлечен вербовщиком «Ольгой» к работе на идейно-политической основе.

В феврале 1933 года, выполняя указания Центра, получил корреспондентские поручения от французского иллюстрированного журнала «Обозрение» («La Vue») и югославской газеты «Политика» и прибыл в Японию с женой («Эдит») и сыном.

«Рамзай», установив в конце 1933 года связь с «Жиголо», в письме Центру от 07.01.34 г. дал «Жиголо» следующую начальную характеристику:

«Жиголо», к сожалению, очень большая загвоздка. Он очень мягкий, слабосильный, интеллигентный, без какого-либо твердого стержня. Его единственное значение состоит в том, что мы его квартиру, которую мы ему достали, начинаем использовать как мастерскую.

Так что он в будущем может быть для нас полезен лишь как хозяин резервной мастерской».

2) «Отто» (Одзаки Ходзуми) — японец, видный журналист-литератор, крупный специалист по вопросам Китая. По политическим убеждениям сочувствующий идеям марксизма.

С 1930 по 1932 г. использовался «Рамзаем» в Шанхае в качестве информатора. В 1932 году возвратился из Шанхая в Японию и в 1933 году проживал и работал в г. Осака — в иностранном отделе редакции газеты «Осака Асахи» и в институте социальных проблем «Охара».

3) «Джо» (Мияги Йотоку) — японец, по профессии художник. Родился в Японии в 1903 году. В 1919 году уехал в США (в Калифорнию). В 1925 году окончил художественную школу в Сан-Диего.

В 1926-1933 гг. в компании с другими японцами содержал ресторан в Лос-Анджелесе. В 1926 г. совместно со своими друзьями-японцами организовал группу по обсуждению социальных проблем (общество «Пробуждение» — «Реймейкай»). В 1929 году вступил в организацию коммунистического фронта— Общество пролетарского искусства. В 1931 году вступил в Компартию Америки.

Предполагалось, что «Рамзай», выехав из Москвы 15 мая 1933 года, в течение 1,5 месяцев осуществит в Европе все предварительные мероприятия, необходимые для обеспечения его легализации в Японии в качестве немца журналиста, корреспондента европейских газет.

Раздел IV. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЗИДЕНТУ РЫ

Практическое осуществление начального плана Центра по организации и упрочению резидентуры потребовало значительного времени (порядка 2-х лет), причем условия реальной обстановки на месте внесли ряд существенных изменений и дополнений в первоначальные наметки Центра. В истории организации резидентуры различаются два периода: 1-й период (1933-1936 гг.) — можно характеризовать как период подготовительной организационной деятельности, обоснования резидентуры на месте и приобретения основных связей для последующего развертывания работы.

<...>

2-й период (1936-1941 гг.) — период развернутой деятельности резидентуры.

После вызова в Москву (июль-август 1935 г.) для личного доклада и инструктирования «Рамзай» возвращается в Японию, снабженный конкретным планом дальнейшего развертывания работы.

Взамен отозванного «Бернгарда» в резидентуру направляется радист «Макс» («Фриц»), работавший ранее в шанхайской резидентуре «Рамзая». «Фриц» налаживает регулярную радиосвязь с Владивостоком и, успешно легализуясь, создает прочную коммерческую крышу.

<...>

К середине 1936 года он уже приобретает положение видного журналиста, состоя корреспондентом следующих газет и журналов:

1) «Амстердаме Альгемейне Гандельсблатт» (голл.);

2) «Гамбургер Фремден Блатт» (нем,);

3) «Франкфуртер Цейтунг» (нем.);

4) «Геополитик» (нем.);

5) «Дер Дейтше Фольксвирт» (нем.).

Крепнут и углубляются его связи с германским посольством.

<...>

Германский ВАТ Отт, уезжая летом 1936 года в отпуск в Германию, предлагает «Рамзаю» включить его в штат посольства в качестве «вольнонаемного сотрудника» — для работы в роли «помощника Отта по линии промышленно-экономического изучения страны».

«Рамзай», опасаясь официального согласования своей кандидатуры в Берлине, воздерживается от окончательного ответа на это предложение, ссылаясь на свою занятость корреспондентской работой.

Представитель Центра в Шанхае — «Алекс» так характеризовал положение «Рамзая» в 1936 году:

«В колонии «Рамзай» завоевывает все больший авторитет как крупный отечественный журналист. Он теперь является представителем не только одной маленькой газеты, с которой он начал, но, как Вам может быть известно, корреспондентом одной из крупнейших тамошних газет и ведущего толстого экономического журнала. Его отношения с другими сотрудниками посольства также хороши, и те из них, которые были натянуты, теперь улучшились».

В письме от 14.05.37 г. «Рамзай» сообщает, что он «стал известным журналистом» и является «заместителем руководителя одного важного бюро» (Германское информационное бюро в Токио).

В 1939 году (1940?) «Рамзай» назначается на должность корреспондента и пресс-атташе германского посольства, т.е. становится его постоянным штатным сотрудником.

<...>

В чем причина и основа успеха легализации «Рамзая», какие условия обеспечили ему возможность приобрести особое доверие со стороны германских «друзей» и войти в посольство в качестве штатного сотрудника? Попытка найти ответ на эти вопросы будет сделана ниже, при анализе связей и деятельности «Рамзая» в германском посольстве.

Здесь же можно ограничиться лишь следующими замечаниями:

1. «Рамзай», руководствуясь конкретной и ясной установкой Центра относительно характера его взаимоотношений с посольством («войти в полное доверие сотрудников германского посольства», «считать наиболее эффективным установление служебного или полуслужебного сотрудничества в посольстве»), мог завоевать такое доверие, лишь оказывая эффективные услуги посольству,— в первую очередь военному атташе — разведчику Отту. Как это будет подробнее изложено ниже, эти услуги заключались в снабжении Отта разного рода полуофициальными и неофициальными информациями по экономике, внутриполитическому положению и военно-политическим мероприятиям Японии. Это явилось основным, важнейшим фактором, который помог «Рамзаю» сделаться «своим человеком» в германском посольстве.

2. Назначение «Рамзая» на штатную должность в посольство и на пост заместителя главы Германского информационного бюро позволяет сделать вывод, что немцы считали «Рамзая» достаточно проверенным и не располагали какими-либо материалами, компрометирующими «Рамзая».

Если предположить, что посольство имело какие-то сведения о прежней или настоящей работе «Рамзая» на советскую разведку, то можно еще допустить, что военный атташе Отт все

же пошел бы на использование его как информатора-двойника для получения сведений по Японии, но невозможно считать вероятным, чтобы немцы, зная или подозревая «Рамзая» как советского разведчика, могли назначить его на штатную должность в посольстве и на ответственный пост заместителя руководителя Германского информационного бюро.

«Фриц» (Макс Клаузен)

«Фриц», направленный к «Рамзаю» в качестве радиста взамен отозванного «Бернгарда», был старый знакомым «Рамзая». С 1929 по 1931 год «Фриц» (под именем «Макс») работал радистом в шанхайской резидентуре «Рамзая», а с конца 1931 года до июля 1933 года был самостоятельным резидентом в Мукдене.

В 1933 году он вместе с женой «Анной» был отозван в Москву, несколько месяцев работал инструктором в радиошколе Центра, а затем был отчислен и вместе с «Анной» отправлен на поселение в Республику немцев Поволжья.

До 1935 года «Фриц» работал там механиком Краснокутской МТС. «Фриц» в своем отчете от 1946 года, упоминая о своем временном увольнении, связывает его с неприязненным отношением к нему со стороны одного из руководящих работников Центра в результате каких-то недостатков или упущений «Фрица» во время работы в Мукдене:

«...так как, видимо, мое имя не пользовалось хорошей репутацией из-за Мукдена, тов. Давыдов недолюбливал меня... В результате этого, для меня и моей жены не было больше места в нашей семье, и мы были отправлены в Республику немцев Поволжья».

В действительности причина, вызвавшая отчисление «Фрица» из состава РУ, была несколько иная: руководство Центра сочло невозможным использовать в дальнейшем «Фрица» на нелегальной работе, так как он, будучи в Шанхае, женился на белоэмигрантке Анне Раутман.

В 1935 году новый начальник РУ пересмотрел вопрос об увольнении «Фрица», расценив его отчисление как показатель «отсутствия достаточной заботливости к старым кадрам со стороны Р.У.»

Весной 1935 года «Фриц» вместе с «Анной» был вызван обратно в Москву, вновь привлечен к работе и направлен в токийскую резидентуру «Рамзая».

<...>

«Анна» (Анна Раутман-Валенниус-Клаузен — жена «Фрица»).

«Анна», находившаяся с 1933 года также в Республике немцев Поволжья, в 1935 году была вместе с «Фрицем» вызвана в Москву. После отъезда «Фрица» «Анна» оставалась в Москве, ожидая известия о благополучном прибытии «Фрица» на место.

После получения этого извещения, 2 марта 1936 года «Анна» была отправлена в Шанхай, откуда в дальнейшем «Фриц» должен был перевезти ее к себе в Японию.

<...>

Поскольку «Анна» до брака с «Фрицем» носила фамилию первого мужа-финна Валениус, при оформлении брака она была зарегистрирована как финка и в дальнейшем превратилась в немецкую гражданку — финку по происхождению.

По прибытии в Токио «Анна» была введена «Фрицем» в местную немецкую колонию, завела знакомстве с немецкими женщинами и стала принимать участие в жизни немецкой колонии, как к тому ее обязывало положение жены добропорядочного немецкого коммерсанта.

Свою легализацию в Токио и положение в немецкой колонии «Анна» характеризует так:

«Не чуждаясь немецкого общества внешне, мы стали его членами. Я завела знакомства с немецкими женщинами. Они часто устраивали различные благотворительные мероприятия в пользу немецких солдат. Я вынуждена была принимать в этом участие, и это дало очень много для упрочения нашей легализации. Меня принимали за постоянную немку. Как-то председательница немецкого женского общества фрау Эгер спросила меня, почему я не имею детей, и посоветовала обзавестись ими, так как «нашей стране» нужны дети, они будут иметь счастливое будущее. Это подтвердило лишний раз, что они считали меня своей. У японцев я

была зарегистрирована как немецкая гражданка-финка. Также была ориентирована и домашняя прислуга».

Легализацию «Анны» в качестве жены немецкого коммерсанта, немецкой гражданки, финки по происхождению, следует признать успешной и надежной.

Оформление брака «Фрица» и «Анны» сыграло положительную роль и в укреплении положения самого «Фрица», так как он затребовал из Германии и представил в консульство документы, свидетельствующие о «чисто-арийском происхождении его самого и всех его предков».

Работник аппарата Центра, уже не первый год непосредственно ведающий резидентурой «Рамзай», пишет на телеграмме, поступившей от резидента:

«Тов. В. Ведь Фриц имел торговлю от американской фирмы. Зачем ему амы, торгуя с немцами? По-моему, денег давать не нужно. 29.12.40. П.»

Эта резолюция убедительно показывает, что ответственные сотрудники Центра совершенно безответственно относились к серьезнейшему делу денежного снабжения резидентуры. Легализационные связи резидентуры, обеспечивающие маскировку денежного снабжения, не изучались, не учитывались и, по существу, оставались Центру неизвестными; при переводах денег фамилию получателя указывали, полагаясь лишь на свою память и фантазию, не затрудняя себя справкой в личном деле адресата.

Вплоть до 1945 года во всех справках о резидентуре, периодически составлявшихся подразделением аппарата Центра, непосредственно ведавшим резидентурой, в качестве легализационного предприятия «Фрица» фигурирует «мастерская по продаже велосипедов, смазочных масел и пр.» — предприятие, которое в действительности было лишь мелким, временным эпизодом легализационной деятельности «Фрица» в 1935-1936 гг.

Уже с осени 1937 года «Фриц» создал самостоятельное торгово-производственное предприятие по производству и продаже копировальных аппаратов. Материалы для этих аппаратов ему приходилось выписывать из Германии.

17.02.41 г. «Рамзаю» отправляется письмо следующего содержания:

«Дорогой Рамзай. Внимательно изучив Ваши материалы за 1940 год, считаю, что они не отвечают поставленным Вам задачам. <...>

Большая часть Ваших материалов несекретны и несвоевременны. Наиболее ценные сведения достаете лично Вы, а Ваши источники ценных материалов не дают. <...>

Требую активизировать Вашу работу, обеспечить меня оперативной информацией. <...>

Считаю необходимые сократить расходы по Вашей конторе до 2000 иен в месяц. Платите источникам только за ценные материалы, сдельно. Используйте доходы предприятия «Фрица» для дополнительного финансирования нашей работы. <...>»

В письме Центру от 26.03.41 г. он сообщал:

«...Когда мы получили Ваши указания о сокращении наших расходов наполовину, мы восприняли их как своего рода меру наказания. <...>

Если Вы настаиваете на сокращении нашего бюджета до 2000 иен, — писал Рамзай, — то Вы должны приказать мне уволить Джо и Жиголо, которые были присланы мне распоряжением Центра. Вы должны также приказать мне и Фрицу жить здесь на половинном жаловании. Если Вы настаиваете на сокращении наших расходов до 2000 иен, то вы должны быть готовы к разрушению того маленького аппарата, который мы создали. Если Вы не найдете возможным согласиться ни с одним из этих предложений, я вынужден буду просить Вас отозвать меня домой. Вы знаете, что я просил об этом уже несколько раз. Пробыв здесь 7 лет и став физически слабым, я считаю это единственным выходом из этих трудностей».

На основе архивных материалов не удается документально установить истинную причину, вызвавшую решение о сокращении сметы резидентуры.

<...>

Личная деятельность «Рамзая» как разведчика и руководителя резидентуры

а) Германское посольство как крыша и источник информации «Рамзая».

В истории резидентуры заслуживают особого внимания вопросы сотрудничества «Рамзая» с германским посольством в Токио, Приобретение близких связей и прочного положения в посольстве в качестве полуофициального, а в последующем и <...>

Прежде чем говорить о развитии и углублении личных и служебных взаимоотношений «Рамзая» и Отта, следует остановиться подробнее на личной характеристике Отта, поскольку он являлся центральной фигурой, главным лицом, связь с которым обеспечила «Рамзаю» прочную позицию в посольстве.

б) Германский посол Эуген Отт.

Эуген Отт был представителем старых кадров германской разведывательной службы. Еще в период первой мировой войны (1914-1918 гг.) он был ближайшим помощником небезызвестного «полковника Николаи, возглавлявшего в то время всю систему германского шпионажа»[375].

Надо полагать, что и в годы, непосредственно предшествовавшие приходу к власти Гитлера, Отт сохранял эту связь с Николаи, ведя под его руководством пока еще скрытную деятельность по воссозданию и развертыванию разведывательной службы германского рейхсвера.

«Рамзай» в письме Центру от 07.01.34 г., сообщая о своем знакомстве с подполковником Оттом, прикомандированным на полгода к японским войскам, называет его «правой рукой Шлейхера».

Этот эпитет, дающий известную политическую характеристику Отту, был, видимо, не случаен, а основывался на соответствующих сведениях, почерпнутых из общения «Рамзая» с супругами Отт.

Генерал Шлейхер, предшественник Гитлера на посту рейхсканцлера, 30 июня 1934 года по приказу Гитлера был убит — убран с дороги как опасная фигура, пользовавшаяся большим влиянием в антигитлеровских оппозиционных кругах офицерства рейхсвера.

Есть основания считать, что и Отт не относился к числу ярых приверженцев и последователей Гитлера, а скорее придерживался известных оппозиционных антигитлеровских взглядов, свойственных старому кадровому офицерству рейхсвера.

<...>

в) Сотрудничество «Рамзая» с Оттом. «Шанхайская угроза».

Назначенный по окончании стажировки военным атташе Эуген Отт оказался перед нелегкой задачей. Ему предстояло всесторонне изучить Японию как потенциального военного союзника: состояние японских вооруженных сил, мобилизационные возможности, военно-экономический потенциал страны, военно-политические группировки, истинный смысл их политических претензий и т.п.

Германия, не имевшая до этого особых интересов в Японии, не располагала там каким-либо более или менее развитым агентурным аппаратом. Рассчитывать на широкую готовность японских органов давать официальную, достоверную информацию не приходилось: Отт не мог не убедиться уже в недоверии и настороженности; скрываемых под маской японской доброжелательной улыбки. Отту предстояло заново изыскивать и создавать иные возможности для выполнения своих задач. В этих условиях старый знакомый жены — германский журналист Зорге явился для него ценной находкой. Зорге хорошо ориентировался в общеполитической обстановке на Дальнем Востоке, свободно разбирался в вопросах экономики, внешней и внутренней политики Японии, имел какие[376] связи и знакомства в местных японских и иностранных журналистских и деловых кругах, умел добывать некоторые неофициальные сведения и злободневные слухи.

Фрау Отт протежирует своему старому другу — доктору Рихарду Зорге и приглашает его на интернациональные вечера, устраиваемые военным атташе Оттом.

---

[375] См.: Рисс К. Тотальный шпионаж. Изд. ННО, 1945. С.27, 28, 171-176.

[376] Так в тексте.

Отт охотно беседует с «Рамзаем», от которого нередко получает информации по интересующим его вопросам.

Постепенно «Рамзай» становится своим человеком в доме Отта. Отдельные информационные услуги со стороны «Рамзая» развиваются в более доверенное неофициальное сотрудничество: он уже не только снабжает отдельными информациями, но и помогает Отту составлять доклады и военно-политические обзоры для представления в Берлин. Иногда «Рамзай» даже помогает Отту шифровать донесения в Берлин <...> Отт знакомит Рамзая с получаемыми директивами и указаниями, а также с различными документами, поступающими в посольство от германских представительств в Китае и т, п.

По мере углубления этого полуофициального сотрудничества все более укрепляются личные отношения между «Рамзаем» и Оттом, переходя в близкую дружбу.

Близость к разведчику Отту, покровительство с его стороны являются достаточно высокой маркой, своего рода показателем для других сотрудников посольства. Примеру Отта следует военно-морской атташе Венекер, а в дальнейшем — преемники Отта — военные атташе Шолль, Кречмер, с которыми также устанавливаются отношения неофициального сотрудничества.

С доверием к «Рамзаю» относится и сам посол Дирксен, которому, видимо, стало известно от Отта о ценных информациях и широкой осведомленности «Рамзая». Дирксен периодически принимает «Рамзая» для докладов, использует его информации в своих донесениях в Берлин.

<...>

Естественно поставить вопрос: как мог старый, матерый разведчик Отт так просто довериться «Рамзаю», не предприняв каких-либо мер к проверке «Рамзая» через соответствующие берлинские органы? Зная от своей жены, что «Рамзай» — бывший коммунист, не мог ли Отт подозревать в нем советского агента?

Во-первых, мы не знаем, делал ли или не делал Отт запрос берлинским органам относительно «Рамзая».

Может быть, такой запрос был послан, и в ответ получен такой же расплывчатый, неопределенный отзыв, какой получил Шелленберг в 1940 году, потребовав у гестапо досье на Зорге (см. ниже).

Во-вторых, надо думать, что на первых порах Отт видел в «Рамзае» не доверенное лицо, а лишь источник необходимых ему ценных информаций по Японии.

Если даже у Отта возникали подозрения о работе «Рамзая» на советскую разведку, то могло ли это служить поводом к отказу от использования его информации по Японии? «Рамзай» доставлял ему ценные сведения, и, в конце концов, не все ли равно ему было, дает ли «Рамзай» эти сведения только ему или же работает еще на кого-то. Даже и в этом случае, используя «Рамзая», Отт едва ли мог бы считать это прегрешением против принципов германской разведки.

Вскоре после знакомства с Оттом «Рамзай» значительно подкрепил свое положение, вступив в нацистскую партию и став в местной фашистской организации инструктором пропаганды. Это бесспорно решительно укрепило его позиции.

Германский журналист Зорге — член нацистской партии, инструктор пропаганды местной фашистской организации — приобретал более прочный облик надежного, доверенного лица.

Если негласное использование Оттом «Рамзая» в качестве информатора относилось к области частных методов Отта и не требовало согласования с берлинскими властями, то назначение на должность пресс-атташе посольства требовало, вероятно, уже официальной санкции высших инстанций и сопровождалось соответствующей проверкой «Рамзая» через органы гестапо.

Такая проверка действительно была произведена, но результаты ее не дали конкретных компрометирующих материалов в отношении «Рамзая».

Об этом мы имеем некоторые сведения от Шелленберга, который в своих мемуарах отводит специальную главу «Делу Рихарда Зорге».

Шелленберг говорит, что личность и деятельность Зорге привлекла внимание центральных органов германской разведки и контрразведки лишь в 1940 году в связи с запросом, поступившим от фон-Ритгена, главы Германского информационного бюро в Берлине.

Зорге, работавший в то время заместителем Германского информационного бюро в Токио, представлял свои доклады и обзоры Ритгену, который оценивал материалы Зорге весьма высоко.

По словам Шелленберга, Ритген в 1940 году обратился к нему с просьбой «проверить в соответствующих органах гестапо дела Зорге с целью определить, нельзя ли найти возможность оградить Зорге, как ценного и нужного информатора, от препятствий, которые ему чинит токийская организация нацистской партии в связи с его политическим прошлым» (Шелленберг[377], с.251).

Шелленберг затребовал и просмотрел дела Зорге, и картина, которую он раскрыл, «не выглядела слишком хорошей для Зорге», а именно:

«Если не было никаких доказательств, что Зорге был членом германской компартии, то не было сомнения в том, что он, по крайней мере, симпатизировал ей. Зорге, конечно, был в связи со множеством людей, которые известны нашей разведке как агенты Коминтерна, но он в то же время имел тесные связи с людьми из влиятельных кругов, и последние обычно защищали его от нежелательных слухов. В период между 1923 и 1928 годами Зорге был связан с немецкими националистами и крайними правыми кругами, и в то же время он держал связь с нац. социалистами. Таким образом, прошлое Зорге по тем делам, с которыми я познакомился, было довольно запутанным» (Шелленберг, с.251, 252).

Нетрудно видеть, что эта характеристика, которая, по мнению Шелленберга, «не выглядела слишком хорошей для Зорге», не содержала ни одного конкретного факта, а лишь общие рассуждения и предположения и с равным успехом могла быть отнесена как к Зорге, так и к тысячам других любых немецких граждан. Указания на какие-то связи с немецкими националистами, крайними правыми и национал-социалистами вообще не соответствовали подлинным биографическим данным «Рамзая». Деятельность его в качестве инструктора Коминтерна в странах Скандинавии и в Англии (где он даже был слегка скомпрометирован), как видно, вообще не попала на учет гестапо. Не исключена возможность, что справочные данные на Зорге столь неопределенного, «запутанного» содержания были наскоро состряпаны чиновниками гестапо в ответ на запрос Шелленберга за отсутствием подлинных материалов, которые, возможно, еще не были вскрыты в обширных архивах догитлеровской полиции.

Единственный конкретный факт, который упоминает Шелленберг и который он оценивает как «подозрительный», — это связь Зорге с советником Чан Кайши — Стиннесом — бывшим руководителем штурмовых отрядов, бежавшим из Германии в 1934 году.

Однако ссылка и на этот факт может вызвать лишь недоумение, так как, судя по всем материалам, которыми мы располагаем, «Рамзай» не имел никакой связи со Стиннесом. Если бы даже во время одной из поездок в Китай он и имел с ним случайную встречу, то это не имело никакого отношения к разведывательной деятельности «Рамзая».

Вывод, к которому следует придти: в 1940 году гестапо не располагало какими-либо конкретными материалами, компрометирующими Зорге, вскрывающими его связь с советской военной разведкой и прежнюю работу в Коминтерне.

В 1940 году, после проверки, проведенной Шелленбергом, берлинское руководство решило все же использовать Зорге как информатора, поручив негласное наблюдение за ним представителю гестапо в Токио.

«Фон-Ритген, — указывает Шелленберг, — наконец решил, что, если даже предположить о наличии связи у Зорге с русской секретной службой — мы должны, приняв необходимые меры предосторожности, найти путь к использованию его глубоких знаний.

---

[377] Здесь и далее имеется в виду кн.: The Labirynth: Memoirs of Walter Schellenberg. New York: Harper and Brothers Publishers, 1956. В рус. пер.: Шелленберг В. Лабиринт: Мемуары гитлеровского разведчика. М.: СП «Дом Бируни», 1991.

В конце концов мы пришли к соглашению, что я должен буду защищать Зорге от нападок со стороны нацистской партии, но только при условии, что Зорге в своих докладах будет включать секретные сведения о Советском Союзе, Китае и Японии. Я сообщил этот план Гейдриху. Последний согласился, но добавил, что Зорге необходимо держать под строгим надзором и всю его информацию пропускать не через обычные каналы, а предварительно подвергать специальной проверке. Первое условие Гейдриха о надзоре практически выполнить было очень трудно, так как наши агенты в Японии были очень молоды и в большинстве совершенно неопытны.

Поскольку в то время (1940 г. — М.С.) полицейское представительство в Токио должен был возглавлять Мейзингер, я решил перед его отъездом поговорить с ним о Рихарде Зорге. Мейзингер обещал тщательно следить за Зорге и регулярно информировать вас по телефону. Все это он впоследствии делал, но обычно Мейзингер и Мюллер разговаривали по телефону с таким сильным баварским акцентов, что я ничего из их разговора понять не мог.

Насколько я припоминаю, отзывы Мейзингера о Зорге были в основном положительными. Он говорил, что Зорге был нужным лицом в германском посольстве, поскольку он имел тесный контакт с японским правительством» (Шелленберг, с.252, 253, 255, 256).

Ряд замечаний Шелленберга свидетельствует о том, что германское руководство высоко оценивало информации, получаемые от «Рамзая». Описывая попытки германской разведки разгадать истинные замыслы японского правительства летом 1940 года и оценивая донесения, полученные от одного из германских агентов, Шелленберг указывает: «Это донесение, наряду с донесением представителя Германского информбюро в Токио Зорге, Гейдриху предстояло обсудить на совещании с участием Гитлера, Гиммлера, Риббентропа, Кетеля и Иодля. Материалы, которые присылал Зорге Ритгену, были очень полезными и по своему содержанию не могли вводить в заблуждение» (Шелленберг, с.256, 404).

Шелленберг не упоминает ни одного случая, когда Зорге прислал бы какую-либо информацию по Советскому Союзу. Предъявленное «Рамзаю» требование: «включать в его доклады секретные сведения о Советском Союзе» — носило по существу формальный характер и выглядело довольно странно. «Рамзай» в течение семи лет работал в Японии, имел связи в японских правительственных кругах, и было, по меньшей мере, нелогично ожидать от него секретных информаций по Советскому Союзу. Следует остановиться на замечании Шелленберга по поводу каких-то препятствий, которые чинила токийская «организация нацистской партии» в связи с его политическим прошлым.

Сам «Рамзай» никогда не писал Центру о каких-либо трениях или недоразумениях с местными нацистами.

«Алекс» в письме Центру от 29.11.36 г. сообщал:

«Рамзай как-то намекнул Густаву, что один немец, являющийся агентом гестапо, ему не нравится, вернее, ему не нравится отношение этого человека к нему».

О некоторых сотрудниках посольства, настроенных враждебно по отношению к «Рамзаю», рассказывал «Фриц» в своем докладе от 1936 г.:

«В посольстве были люди, которые не любили Рамзая и завидовали его тесной дружбе с Оттом. Это были слепые приверженцы Гитлера: граф Дюркхейм, Шмидт, Шульце и др.».

<...>

Не исключена возможность, что кое-какие слухи о прежней деятельности и леворадикальных связях «Рамзая» в Шанхае дошли до Токио по линии связи между токийскими и шанхайскими нацистами. Да и сам «Рамзай», вступая в местную организацию нацистов, вероятно, должен был в каком-то виде преподнести свою автобиографию и характеризовать свою прежнюю политическую принадлежность. Помимо того, при близком дружеском общении с Оттом, Венекером, Шоллем и др. неизбежно должны были возникать иногда разговоры о прежней жизни и деятельности «Рамзая». При этом «Рамзай» мог быть уверен, что сведения о его шанхайской деятельности без сомнения рано или поздно дойдут до посольства: германские представители из Шанхая нередко бывали в Токио, а сотрудники посольства выезжали в Китай н посещали шанхайские представительства.

Скрывать свою прежнюю работу в Шанхае, отрицать связи с леворадикальными элементами, близость с Агнессой Смедли, сотрудничество в коммунистической газете «Чайна Форум» — пред лицом живых свидетелей — было бы неразумно, так как это вызвало бы лишь недоверие и подозрения. Следовательно, нужно было: не отрицая своей прежней шанхайской деятельности, прикрыть ее какой-то легендой, позволяющей увязать теперешние политические взгляды (нацистские) и сотрудничество в посольстве фашистской Германии с леводемократической окраской деятельности шанхайского периода.

К сожалению, как уже указывалось, ни в архивных документах резидентуры, ни в дополнительных материалах, полученных после провала, нет никаких указаний на то, как именно разрешил «Рамзай» эту деликатную проблему.

Все, что мы можем, это лишь в порядке предположения рассмотреть наиболее вероятные варианты его решения, исходя из реальной обстановки того времени (1933-1934 гг.).

В 1933 году германское посольство в Токио состояло в основном из старых кадров догитлеровских дипломатических работников. Аппарат посольства, да и вся немецкая колония, были сравнительно невелики. Соответственно и местная нацистская группа не была еще многочисленна и организованна, гестапо еще не было создано, а следовательно, и при посольстве еще не было его представителя.

«Рамзай», прибыв из Германии, где только что пришли к власти фашисты, приобретая знакомства в немецкой колонии, конечно, не обошел и местных нацистов и, надо думать, в разговорах с ними рассказывал о положении в Германии, демонстрировал свое одобрение и сочувствие новому режиму. Это был первый подход к поставленной цели — приобретению прочной легализации.

Сближение с Оттом, неофициальные информационные услуги ему, Ве-некеру, Дирксену обеспечили «Рамзаю» положительную характеристику со стороны посольства, отзыв о его полезной и квалифицированной информационной деятельности.

В докладе Центру от 07.35 г. «Рамзай» сообщал:

«Когда я понял, что не смогу себя обеспечить, оставаясь вне фашистской организации, я добился того, что через посольство был введен в местную организацию нацистов».

<...>

Выражение «введен через посольство», очевидно, надо понимать так, что заявление «Рамзая» о приеме в партию было подкреплено соответствующими отзывами Дирксена и Отта.

Как же обстояло дело с опасениями относительно «слухов из Шанхая»? Вероятнее всего, «Рамзай» не обходил вопрос о своей шанхайской деятельности ни при вступлении в партию, ни в беседах с «друзьями». Он мог рассказывать о своей журналистской работе и прежних связях в Шанхае, но во-первых — изображать все свои леворадикальные связи как своего рода вынужденный прием журналиста, ищущего доступа к интересующим его объектам освещения, во-вторых — прямо заявить об изменении своих прежних «ошибочных» политических взглядов и суждений и утверждении в фашистском мировоззрении. Это тоже не выглядело бы особо натянуто и невероятно, если учесть, что в этот период волна фашистской демагогии захлестнула широкие массы населения Германии, и в фашистскую партию, наряду с мелкой и средней буржуазией и интеллигенцией, нередко вступали даже довольно значительные группы одураченных рабочих.

«Рамзай» был принят в нацистскую партию и даже вскоре был назначен «инструктором пропаганды» (Schulungsleiter), а его политическое прошлое было принято к сведению и взято на заметку.

В дальнейшем, с развитием германо-японских отношений, аппарат германского посольства сильно расширился и, конечно, был укреплен теми «слепыми приверженцами Гитлера», о которых упоминал в своем докладе «Фриц».

Атмосфера соперничества, взаимного подсиживания, борьба за место и влияние — весьма характерные для нацистской партии вообще — бесспорно нашли себе место и в разросшейся токийской организации нацистов.

Близость «Рамзая» к послу Отту, доверие, оказываемое ему ответственными сотрудниками посольства, известное влияние, которое он на них имел, не могли не вызывать зависть и недоброжелательство со стороны некоторых особо рьяных нацистов — сотрудников посольства.

Вполне возможно, что, узнав от местного нацистского руководства кое-какие сведения о «политическом прошлом» «Рамзая», они пытались использовать эти сведения против него.

Именно этим, вероятно, и было вызвано обращение «Рамзая» в 1940 году к фон-Ритгену и ходатайство последнего за «Рамзая» перед Шелленбергом.

Этим, по существу, исчерпываются наши возможности исследования вопроса о парировании «шанхайское угрозы», которой так опасался «Рамзай», отправляясь в Токио в 1933 году.

г) «Рамзай» — немецкий журналист-нацист. Образ жизни, поведение в быту, отношения с коллегами, знакомыми, друзьями

«В физическом отношении Зорге был крупный человек, высокий и коренастый, с каштановыми волосами. Как заметил один из его знакомых японцев, с первого взгляда на его лицо можно было сказать, что он прожил бурную и трудную жизнь. В выражении глаз и линии рта сквозили надменность и жестокость. Он был горд и властен, сильно любил и горячо восхищался теми, чьей дружбы он искал, но был безжалостен к остальным и откровенно ненавидим ими. Многие его японские коллеги по печати видели в нем типичного головореза, высокомерного нациста и избегали его. Он был горячий человек, любивший сильно выпить и привыкший часто менять своих любовниц. Известно, что за годы службы в Токио он находился в интимных отношениях примерно с 30-тью женщинами... И все же, несмотря на увлечение женщинами, запойное пьянство и тяжелый характер, он ни разу не выдал себя» (Меморандум).

<...>

Эта довольно образная и меткая характеристика «Рамзая», которую дает Уиллоуби по отзывам и рассказам лиц, близко знавшим Зорге, интересна для нас прежде всего как свидетельство того, что «Рамзай» сумел полностью вжиться в образ своего «второго я», надежно прикрывшись обликом высокомерного головореза-нациста.

Вместе с тем, говоря о серьезной и весьма щекотливой проблеме — деятельности советского разведчика под маской фашиста, уместно поставить вопрос: не выходил ли «Рамзай» за пределы необходимого, не преступал ли он допустимых границ и норм поведения советского разведчика-коммуниста, усиленно демонстрируя некоторые отрицательные в моральном смысле черты, свойственные нацистскому головорезу?

Речь идет, в частности, о пьянстве и беспорядочных связях с женщинами. Кроме замечания Уиллоуби, у нас нет иных, более конкретных указаний на запойное пьянство «Рамзая». Однако склонность к злоупотреблению спиртными напитками бесспорно была одной из слабостей «Рамзая», проявившейся в первые же месяцы его работы еще в Шанхае, где случалось, что в пьяном виде он ввязывался в драки и скандалы в барах и ресторанах. <...>

Образ жизни «Рамзая», вся система его взаимоотношений со знакомыми, коллегами, друзьями, несдержанность, высокомерие и т.п. позволяли безошибочно причислить его к разряду разнузданных представителей «высшей расы», для которых не существует обветшалых границ морали и нравственности. В этом смысле «Рамзай» добился большой удачи, надежно обеспечив себе соответствующую репутацию, вводившую в заблуждение и гестапо, и японскую контрразведку.

д) Германское посольство как основной объект личной разведывательной деятельности «Рамзая».

Особенностью деятельности «Рамзая» как резидента являлось то, что он не только объединял и направлял работу своей агентуры, но и лично сам вел непосредственную активную разведку по Германии, используя приобретенное им положение доверенного лица германского посольства.

Как уже указывалось, исходной основой для этого явилось сближение с германским военным атташе, впоследствии послом, Оттом и установление с ним неофициального

сотрудничества в области сбора информации по Японии. Примеру Отта в дальнейшем следовали другие ответственные сотрудники посольства: военные атташе Шолль, Кречмер, моратташе Венекер, Литцман и др.

<...>

Практически «Рамзай» приобрел возможность:

1) обмениваться мнениями с ответственными сотрудниками посольства и знакомиться с их докладами в Берлин по конфиденциальным вопросам германо-японских отношений и вопросам политики Германии в Европе и на Дальнем Востоке;

2) знакомиться с рядом документов, поступающих в посольство от периферийных германских органов — консульств, представительств, миссий и т.п., а также с различными директивами, указаниями и распоряжениями берлинских правительственных органов;

3) фотографировать документальные материалы, получаемые для ознакомления на дом, а в некоторых случаях фотографировать документы непосредственно на месте, в посольстве.

Такого рода возможности «Рамзаю» удалось приобрести уже в 1935 году, то есть не более чем через полтора-два года по прибытии в Японию.

В октябре 1936 года шанхайский резидент «Алекс» после встречи с «Рамзаем» сообщал Центру об условиях и методах его деятельности в германском посольстве: ««Рамзай» дает Отту информации главным образом по экономике Японии, пишет ему на эти темы доклады. Время от времени передает ему также сведения военного и военно-политического характера. Отт целиком использует доклады «Рамзая» для своих докладов в Берлин. Дирксен такие относится к «Рамзаю» с доверием и принимает его для докладов, используя неоднократно информации «Рамзая» для своих докладов в Берлин. Отт, получив какие-либо интересные материалы или собираясь писать, приглашает «Рамзая» и знакомит его с материалами. Менее важные передает «Рамзаю» на дом для ознакомления, более важные, секретные — «Рамзай» читает у него в кабинете. Бывает, что Отт, дав материал, уходит из кабинета по делам или с очередным докладом к послу. «Рамзай» выявил расписание этих докладов (продолжающихся 20-40 минут) и, пользуясь этим, приходит к Отту минут за 15 до доклада — с тем, чтобы задержаться с материалами на время его отсутствия. За это время он имеет возможность сфотографировать материалы».

Особенно массовое фотографирование немецких документов «Рамзай» практиковал в 1936-1938 гг., когда штат германского посольства не был многочисленным, помещения посольства не были переполнены сотрудниками и не была еще организована жесткая охрана и контроль за хранением и выдачей документов. В этот период нередко с очередной почтой «Рамзай» присылал по нескольку сот кадров, заснятых на пленку документов. В числе этих документов (часть которых получала высокую оценку) были: экономические и политические обзоры и доклады германских консульств и посольства в Китае, доклады в Берлин военного атташе, политические доклады посла Дирксена и т.п.

Однако начиная примерно с 1938 года обстановка в стенах германского посольства начала изменяться, делаясь все более неблагоприятной для деятельности «Рамзая». По мере расширения японо-германских связей после заключения договора кадры германских представительств стали сильно разрастаться. В посольстве появляется много новых лиц, помещения посольств заполняются многочисленными новыми сотрудниками, организуется специальный аппарат охраны, условия для подробного изучения, выноса и фотографирования документов становятся все более неблагоприятны.

Характеризуя возросшие трудности разведывательной деятельности в посольстве, «Рамзай» в июне 1939 года писал Центру:

«При современных условиях переполненности помещений посольства и усиленной охраны возможность взять что-либо с собой из помещений аппарата посольства или ВАТ-а почти совершенно исключается. В теперешней обстановке даже лучший мой друг не решился бы выдать из аппарата посольства даже простого клочка бумаги. Есть опасение, что вся новая техника, которую я здесь развернул, а именно: обработка материала на месте — стоит под угрозой в связи с чрезвычайным недостатком места».

«Рамзай» продолжает сохранять положение доверенного лица, поддерживает деловую связь с ответственными сотрудниками посольства и даже сам, по представлению посла Отта, зачисляется в штат посольства как пресс-атташе. Но прежние условия для свободного выноса материалов и фотографирования на дому или непосредственно в посольстве уже не восстанавливаются. Возможности «Рамзая» по сбору информаций путем ознакомления с документами и личного общения с работниками посольства не только не уменьшаются, но в известном отношении даже возрастают (как пресс-атташе «Рамзай» является зам. нач. Германского информационного бюро), исключается лишь возможность фотографирования документов.

Добытые «Рамзаем» сведения сообщаются Центру в форме сводок-докладов и телеграфных донесений и нередко получают высокую оценку.

Однако сотрудники аппарата Центра, явно игнорируя сообщения «Рамзая» об изменении обстановки в посольстве и проявляя ничем не оправданный формализм, ставят ему в упрек почти полное прекращение присылки фотокопий документальных материалов, расценивая это как понижение уровня разведывательной деятельности. В марте 1941 года «Рамзай» вынужден снова писать об обстановке в посольстве, снова повторять о невозможности применения фото в существующих условиях:

«В течение последних 3-х лет учреждения германского посольства настолько расширились и появилось такое большое количество новых людей, что буквально не найти ни одного свободного местечка. При этих условиях почти совершенно исключена какая бы то ни было возможность фотографирования того материала, который еще сейчас мне удается получать для прочтения. За все эти годы мне удавалось, несмотря на существенную смену аппарата, сохранить свое положение человека, пользующегося доверием. Сейчас мне также удается читать почти столько же материалов, сколько и прежде, а может быть и больше. Но, к сожалению, в большинстве случаев я не могу их фотографировать, как я это делал прежде. Вы должны понять, что материалы и документы, которые мне разрешают читать, я не могу при существующих условиях ни в коем случае выносить за пределы учреждения. Только в самых редких случаях удается что-либо подобное. Этому мешает строгая секретность и предосторожность против местных шпионов, царящие в названных учреждениях».

Подробный анализ и оценка материалов и информации, добытых резидентурой, даются ниже. Характеризуя в целом разведывательную деятельность «Рамзая» в германском посольстве, следует признать, что эта деятельность была весьма эффективна и являлась большой разведывательной удачей «Рамзая». В течение ряда лет Центр получал подробную и достоверную информацию о развитии германо-японских отношений, о скрытых трениях и противоречиях между правительствами Германии и Японии, о планах и конкретных мероприятиях германского правительства по подготовке войны против СССР.

В частности, именно по линии германского посольства «Рамзаем» были заблаговременно добыты и сообщены Центру точные данные о готовящемся нападении на Польшу, а за 1-1,5 месяца до начала второй мировой войны был установлен намеченный срок вторжения в СССР и добыты ориентировочные сведения об общем количестве и группировке войск первого эшелона и предполагаемом направлении главного удара.

е) Профессиональные и прочие связи «Рамзая».

В качестве немецкого журналиста, корреспондента ряда германских и голландских газет, сотрудника германского посольства «Рамзай» имел многочисленные связи среди германских, иностранных и японских журналистов и довольно широкие знакомства в местных немецких и голландских деловых кругах.

Однако все эти связи и знакомства, особенно за последние 3-4 года, почти не имели какого-либо разведывательного значения и в основном были полезны лишь для укрепления легализации.

По словам «Рамзая», до 1938 года он еще частично использовал связи с германскими инженерами и бизнесменами для добывания некоторых информаций об общеэкономической обстановке и германо-японском военно-экономическом сотрудничестве.

В числе такого рода источников он называет, в частности, германского инженера Мюллера — представителя германской машиностроительной компании, главу германского химического концерна Кальбауна, инженера Хаага — представителя германской авиапромышленной компании «Хейнкель» и др.

По мере укрепления положения «Рамзая» в германском посольстве, значение этих связей все более снижалось и к началу 1939 года оно полностью утратило какую-либо ценность, поскольку «Рамзай» получил возможность основывать свою разведывательную деятельность целиком на материалах, добываемых в посольстве (Шанхайский заговор[378]. С.215).

До 1938 года «Рамзай» как корреспондент голландской газеты «Амстердам Гандельсблатт» поддерживал связь также с голландскими дипломатическими и деловыми кругами, откуда черпал некоторые сведения относительно активизации японской политики в Голландский Восточной Индии и о голландско-британских, а позднее — голландско-американских совместных усилиях по пресечению японской экономической экспансии в Голландской Индии.

Связь с голландцами прервалась в 1938 году, когда политика Германии в Европе привела к напряженности в отношениях между Голландией и Германией.

«Рамзай» занимал довольно солидное положение среди местных германских журналистов, с которыми поддерживал тесные профессиональные связи. Свои взаимоотношения с ними он характеризовал так:

«Мои профессиональные связи с другими германскими журналистами в Японии были, естественно, очень тесными. Я часто встречался с Вайзе и Коров из Германского информационного агентства, Шурцом — из «Дойче Альгмейне Цейтунг», Магнусом — из Германского экономического агентства и Цермейером — из «Трансоцеан Пресс». Ни один из них не подозревал о моем истинном положении и деятельности. Конечно мы, как газетные работники, обменивались мнениями о разного рода случаях и политических событиях, обсуждали различные проблемы и, по журналистской привычке, высмеивали разных политиков. Я считался хорошо информированным среди других корреспондентов, которые не давали мне каких-либо новых сведений, заслуживающих внимания. Это до некоторой степени было причиной их желания получать сведения от меня. Но я должен подчеркнуть, что никогда не передавал никаким другим журналистам информаций, полученных от моих японских сотрудников, или секретные сведения, добытые мною в германском посольстве. В этом отношении я был очень строг и точен. Другие журналисты уважали меня не только как известного германского журналиста, но и как отзывчивого друга, готового помочь в случае необходимости. Например, когда Вайзе уезжал в отпуск, я оставался за него в Германском информационном агентстве. Также если случалось что-либо, заслуживающее телеграфного донесения, о чем другим узнать не удалось, то я их информировал. Мы не только встречались в служебном помещении, но и обедали вместе и бывали друг у друга дома. В свою очередь, когда они знали, что я не хочу идти куда-либо, например, в «Домэй» или информационное бюро японского правительства, то они делали это за меня.

Меня считали слегка ленивым, обеспеченным репортером. Конечно, они не имели понятия о том, что мне приходится делать очень многое помимо моей журналистской работы. В целом мои отношения с германскими журналистами были близкими, приятельскими» (Показания Рамзая // Шанхайский заговор. С.213).

Отношения «Рамзая» с прочими иностранными корреспондентами — представителями европейской и американской прессы — были, по его словам, «весьма отчужденными», не более чем «условно-деловыми», поскольку не могло быть речи о сближении между работниками антигерманской прессы и нацистским журналистом (Шанхайский заговор. С.220).

Это отчуждение не создавало особых забот «Рамзаю» и не наносило ущерба деятельности резидентуры, поскольку задачу сбора информации среди иностранных корреспондентов с успехом выполнял <...> «Жиголо».

[378] Здесь и далее имеется в виду книга: Willoughby Ch.A. Shanghai Conspiracy. New York: E.P.Dullin, 1952.

Также весьма ограничены были связи и с японскими журналистами, с которыми «Рамзай» старался общаться «не более, чем это было нужно для того, чтобы не создать впечатление о полном перерыве отношений с японцами». «Рамзай» поддерживал с ними лишь строго официальное общение, изредка приглашая на завтрак репортеров из «Асахи», «Ници-ници», «Домэй». Строго официальными рамками ограничивались отношения также с представителями отдела прессы японского военного министерства, армейскими офицерами и политическими деятелями, с которыми «Рамзай» знакомился через германского посла или ВАТ-а. Как штатный информатор посольства «Рамзай» нередко присутствовал на официальных приемах и встречах с японскими деятелями, получал у них интервью, посещал пресс-конференции и т.п. (Шанхайский заговор. С.220-221).

В целом все профессиональные связи «Рамзая» и его связи в иностранных и местных кругах по линии посольства играли почти исключительно лишь легализационную роль, способствуя укреплению положения и авторитета «Рамзая» как видного германского журналиста-нациста и доверенного лица германского посольства.

Надо признать безусловно правильной строгую направленность, целеустремленность «Рамзая» в его личной разведывательной деятельности.

Основным объектом личной разведывательной деятельности и важнейшим источником информации являлось для него германское посольство. Он был совершенно прав, используя все остальные личные связи лишь для обеспечения и укрепления своего официального положения, не разменяваясь на рискованные поиски и приобретение второстепенных источников среди своих коллег-друзей.

Несколько слов об использовании «Рамзаем» его партийных связей: с отдельными членами местной нацистской организации «Рамзай», по его словам, поддерживал довольно тесный контакт и нередко получал от них откровенные политические информации о внутреннем положении в Германии, о закулисных планах и антисоветских настроениях германской военщины и нацистского руководства. Сведения, полученные по линии нацистской организации, иногда являлись ценным дополнением к информациям, добытым в посольстве.

ж) «Рамзай» как резидент — руководитель агентурной организации.

Одиннадцать лет нелегальной разведывательной деятельности в Китае и Японии дали «Рамзаю» богатый опыт руководства резидентурой в специфических условиях стран Дальнего Востока.

В показаниях, данным после провала, он довольно подробно останавливается на вопросах руководства резидентурой, говорит о роли и задачах резидента, его личных качествах и подготовке, обеспечивающих успех нелегальной разведывательной деятельности в условиях Японии, приводит ряд конкретных примеров из личной практики (Шанхайский заговор. С.191-228). Однако не все высказывания и положения, выдвигаемые «Рамзаем», можно принять полностью и безоговорочно, не все примеры и факты из его личной практики можно считать положительными образцами. Надо учитывать, что показания «Рамзая» содержат значительный элемент самовозвеличивания и приукрашивания личной деятельности. Он ни слова не говорит о своих ошибках, промахах, упущениях, организационных неполадках в работе резидентуры, рисуя картину безупречно и слаженно действовавшей разведывательной организации.

Мотивы, которыми при этом руководствовался «Рамзай», в данном случае не имеют значения.

Важно лишь учесть, что положения и факты, приводимые в показаниях «Рамзая», необходимо принимать, сопоставляя их с архивными документами и фактическим материалом, характеризующим деятельность резидентуры в целом и «Рамзая» лично.

Обобщение всех этих данных позволит правильнее и всесторонне характеризовать «Рамзая» и установить, что, при всем его богатом опыте разведчика-нелегала, он как резидент не был лишен и серьезных недостатков, допуская в руководстве резидентурой порочные методы, таившие в себе опасные последствия.

Исследование и оценка деятельности «Рамзая» как резидента заставляют остановиться на следующих основных моментах, характеризующих как личные качества и методы работы

«Рамзая», так и его взгляды и выводы о наиболее целесообразной системе руководства нелегальной разведывательной организацией в условиях Японии:

1. Личная подготовка резидента. Важнейшее требование — детальное знание страны противника.

Нельзя не согласиться с утверждением «Рамзая» о том, что успех его легализации и эффективной разведывательной деятельности в значительной мере обусловливались его глубоким и всесторонним знанием Японии, приобретенным в результате упорной, настойчивой учебно-исследовательской работы на протяжении всего времени пребывания в стране.

«Я не намеревался, — говорит «Рамзай», — действовать только как почтовый ящик для информаций, собираемых другими. Напротив, я считал абсолютно необходимым лично приобрести наиболее полное понимание проблем Японии... Моя научно-исследовательская работа.

Документ 2

ПИСЬМО Л.ТРЕППЕРА В ЦЕНТР О ПРОВАЛЕ «КРАСНОЙ КАПЕЛЛЫ», ПЕРЕДАННОЕ ЧЕРЕЗ КОМПАРТИЮ ФРАНЦИИ В ИЮНЕ 1943 Г.

Товарищу ДИМИТРОВУ Г.М.

Сообщение Отто[379] своему Директору[380]:

Вследствие ужасного заговора немецкой «Контры»[381] мы — Отто, Андрэ[382], Рене[383], Гари[384] и часть наших людей в течение пяти месяцев находимся в заключении.

На музыкальных линиях[385] Паскаля[386] и Германа[387] — в Бельгии, Фино[388] — в Голландии, Ксоно[389] — в Германии, Андрэ и Кента[390] — во Франции и, вероятно, также на других линиях, связанных с этими группами, под каковыми обозначениями они могут еще выступать, с вами работает немецкая «Контра»[391], наши люди схвачены, о чем вы не знаете.

Через несколько дней после моего ареста я столкнулся с ужасным фактом, вся наша работа раскрыта. В мае Хемницем[392], в августе Францем[393], Фабрикантом[394] и Мальвиной[395], в декабре — директором «Коммерсантом»[396]. В результате их предательства ликвидирована группа Паскаля. Однако «Контра» не совсем в этом уверена, что могли существовать тайные планы, поэтому чтобы разработать меры защиты и организовать мое спасение, вы должны непременно продолжать музыку по всем линиям без перерыва, как до сих пор.

"Контре", силой или с их согласия, удалось получить у людей коды и музыкальные программы[397], причем она обещала хранить в тайне их арест, а позднее освободить. До сих пор лишь один ГАРИ не дал своего кода, и поэтому "Контра" не может работать на музыкальной линии. "Контре" удалось утонченными способами сохранить молчание о всех арестах, путем различных маневров вовлечь КЕНТА и ПАСКАЛЯ в свою игру и продолжать работу с вами от имени всех наших людей; заговор грозит распространиться на Швейцарию, Италию и другие страны.

При таком отчаянном положении и перед лицом опасности катастрофических результатов для всей нашей работы я решил уничтожить заговор изнутри всеми возможными средствами и любой ценой добиться установления контакта с вами. Я воспользовался последним и единственно возможным средством борьбы — симулировать согласие с предложением «Контры» — хранить в тайне свой арест с перспективой работать после войны для "Контры", но мне удалось доказать "Контре", что мои корпоранты[398], т.е. партия, знают об аресте моих людей и подумают, что я также арестован и что если не произойдет встречи между мною и одним из корпорантов, планы "Контры" рискуют провалиться.

---

[379] Леопольд Треппер.
[380] РУ Генштаба РККА.
[381] Немецкая контрразведка.
[382] Леон Гроссфогель.
[383] Хилель Кац.
[384] Анри Робинсон.
[385] Радиосвязь.
[386] Константин Ефремов.
[387] Иоганн Венцель.
[388] Вероятно, Тино — Антон Винтеринк.
[389] Вероятно, Хоро — Харро Шульце-Бойзен.
[390] Анатолий Гуревич.
[391] Т.е. немецкая контрразведка ведет радиоигру.
[392] Михаил Макаров.
[393] Франц Шнайдер.
[394] Абрам Райхман.
[395] Мальвина Грубер (Гофштаджерова).
[396] Вероятно, «коммерческий директор» — Альфред Корбен.
[397] Шифры и радиокоды.
[398] Имеется в виду Французская коммунистическая партия.

Арест КЕНТА в момент вступления немецких войск в неоккупированную зону позволил, наконец, "Контре" добраться до меня и моих людей. Несмотря на то, что я и Андрэ неоднократно предупреждали вас летом 1942 года, что Паскаль, Герман, Фино и их люди арестованы, "Контре" удалось продолжать с вами работу от их имени.

Малейшее подозрение "Контры" о моей связи с корпорантами приведет не только к моей немедленной казни, но также к казни других людей. Передаю подробности заговора.

(Прод. следует)

Товарищу ДИМИТРОВУ Г.М.

2. Путем различных средств, в том числе путем следствия, направленного против меня, которое опиралось на заявления других арестованных, мне удалось констатировать следующее:

а) До мая месяца 1942 года полиции не удалое выпытать у арестованных в декабре 1941 года характера нашей работы.

б) В мае 1942 года Хемнитц капитулировал, был переведен в Берлин и передан в распоряжение Контры. Там он полностью выдал характер нашей работы, роль E.K.S.[399] работу Андрэ, Кента, Отто, Германа, Фабрикан и Боб[400], код Кента и музыкальные программы станций Осколь[401] и Герман.

в) В результате полученных сведений центральный орган Контры создал специальную команду для раскрытия наших групп, тайного ареста наших людей и продолжения работы с вами от их имени.

г) Выдача музыкальных программ привела к провалу станции Осколь 9 июня и станции Герман 30 июня.

д) Думаю, что музыкальная программа Кента была уке давно известна Контре, так как у нее имеется большое число телеграмм, отосланных и полученных по этой линии до 13 декабря 1941 года. Все эти телеграммы, а также телеграммы, полученные по линии Осколь и Герман в мае-июне 1942 года, были расшифрованы после выдачи кодов. Спасены телеграммы, отосланные нами по линии Осколь в апреле, а также переданные через корпорантов и через Л.[402]

е) В августе был арестован Паскаль, вовлеченный в ловушку инспектором — другом Фабрикан, при получении паспорта. Инспектор является очень старым агентом Контры. Несколькими днями позже провалились Фабрикан, Мальвина, Боб, Вассерман и музыкант из Остенде[403].

ж) 3 сентябре Фабрикан и Мальвина перешли на работу к Контре и были освобождены. Контра послала Фабрикана во Францию в ноябре.

з) Возможно, что Паскаль, вышедший из тюрьмы 15 сентября, хотел при свидании с Францем предупредить нас об угрожающей нам опасности и о том, что музыка и код попали в руки Контры. Но Франц был уже в сетях Контры и информации Паскаля дошли до нас в искаженном виде. Паскаль наивно полагал, что он будет освобожден, но Контра, держа его в тюрьме, включила его в свои планы, чтобы продолжать работу от его имени.

и) Боясь, что вы узнаете об аресте Паскаля через меня или через Андрэ, Контра послала вам версию о том, будто Паскаль был замешан в деле с валютой, а затем отпущен. Паскаль, Герман и их люди были изолированы в крепости, в окрестностях Антверпена.

к) В сентябре и октябре усиленно искали Андрэ Отто и Кента.. Я предупредил Кента, отослал ему бумаги и посоветовал перейти в подполье.

л) 9 ноября Кент, который жил по прежнему со старыми документами, был арестован и выслан из Швейцарии в Берлин. Под влиянием открытия заговора Кент капитулировал, дал

[399] Основанная в марте 1941 года фирма «Симэкс» в Париже и Марселе и «Симэксо» в Брюсселе.
[400] Герман Избуцкий.
[401] Радиостанция супругов Герша и Мириам Сокол.
[402] Вероятно, «Лео» — другой псевдоним Анри Робинсона.
[403] Радист Август Сесее.

различные показания о людях и своих поездках в Берлин, Прагу и Швейцарию, что Контре было известно лишь частично до ареста. Кента. В настоящее время Кент сотрудничает с Контрой, редактируя телеграммы, которые посылаются вам от его имени.

м) Около 20 ноября параллельно имела место болезнь E.K.S.

н) 24 ноября я был арестован во время визита к дантисту. Я был выдан коммерческим директором, арестованным двумя днями раньше меня.

о) Параллельно заставили секретаря бельгийской Торговой палаты в Париже[404], которая была арестована тайно, угрожая ей расстрелом семьи, пригласить на свидание Андре, где его и арестовали.

п) Вследствие показаний коммерческого директора и Фабрикана, Рене также провалился.

р) Вследствие показаний Франца, были пойманы в ловушку сначала Гари, затем Гриоло и его жена[405], а спустя несколько дней Ганслин[406], через которого Гари должен был переслать деньги из Швейцарии.

с) Чтобы сохранить втайне арест Андрэ и мой арест, в Бельгии и во Франции арестовали около 60 человек, не имеющих отношения к нашей работе, но которые могли узнать или сообщить о нашем аресте. В их числе находятся все родственники наших людей.

т) Из наших людей провалилось 11: четверо по линии E.K.S., четверо из технического аппарата, а также три источника: профессор[407], сестра[408] и блондинка Кетти[409].

у) В феврале были арестованы в Лойоне по бельгийским следам: Ромео[410], его жена[411], Камил[412] и Поля (Паула)[413].

ф) Все люди находятся в Фресн в одиночках под номерами; Кент и я находимся в здании немецкой полиции в бывшем здании Национальной охранки в камерах (Хафтраум) под номером 600. В Голландии провалились сразу же после ареста Паскаля, Фино и его друга.

х) Что касается Швейцарии, Контра располагает точными данными об Анне[414] и мужчине[415], к которому Кент ездил в 1939 году[416]. Контра знает программы двух музыкальных линий, но не знает кода.

ц) Надо полагать, что Ксоро и его люди[417] провалились в результате показаний Хемнитца, который вместе с Кентом шифровал свой отчет, о поездке в Берлин. У Контры имеются точные данные о работе Ксоро. Особая команда Контры находится на третьем этаже здания Национальной охранки. Руководит разведкой советник Гериед[418], комиссар Райзер[419], капитан Берг[420], доктор Ропер[421] и Фукс[422]. Бюро начальника в комнате 335, где находятся все документы заговора. Мне удалось добиться следующих результатов:

---

[404] Симона Петер.
[405] Медардо Гриотто и его жена Анна Гриотто.
[406] Морис Энис-Хенслин.
[407] Базиль (Василий) Максимович.
[408] Анна Максимович.
[409] Кете Фёлкнер.
[410] Исидор Шпрингер.
[411] Флора Шпрингер.
[412] Иезекиль Шрайбер (Джордж Кифер).
[413] Жермена Шнайдер.
[414] Анна Мюллер.
[415] Шандор Радо.
[416] На самом деле эта поездка состоялась в марте 1940 года.
[417] Имеются в виду Харро Шульце-Бойзен и руководимая им организация, работавшая не на РУ ГШ, а на 1-е управление НКГБ.
[418] Правильно Карл Гиринг.
[419] Йозеф Райзер.
[420] Вильгельм Берг.
[421] Не установлен.
[422] Не установлен.

3. Симулируя готовность перейти на сторону Контры в ответ на предательство моих сотрудников и согласие на германо-русское соглашение, мне удалось ознакомиться с планами заговора и серьезно спутать их карты.

а) Контра узнала подробные данные через телеграмму, расшифрованную совместно с корпорантами, и через полные показания курьера Робера[423]. Она решила заменить наших людей своими агентами, чтобы таким образом достичь музыки, являющейся аппаратом корпорантов. С помощью Рене мне удалось окончательно отрезать Контре путь к корпорантам.

б) Мне удалось отстранить опасность немедленной смертной казни некоторых наших людей.

в) Отстранить опасность заболевания человек пятнадцати, почти всех музыкантов.

г) Спровоцировав очную ставку с Гари, договорился не замешивать корпорантов в наше дело; через очную ставку с профессором — не допускать концентрации внимания на близких нам источниках, а также на кругах французских и немецких монархистов.

д) Разными средствами заставить Контру сообщить вам о части арестов; различными советами вызвать посылку телеграмм, в которых бы Контра уклонялась от ответа на главные организационные вопросы, а также посылала бы вам ложные и тенденциозные информации, чем подорвала бы ваше доверие в свои телеграммы, посылаемые за подписью Отто и Андрэ. Из поведения Контры я заключаю, что мой замысел частично удался. Я им даю также план для реализации моей операции. Немедленно предупредите людей и адреса, от которых вы послали в Бельгию последние слова, что Контра уке начала их онемечивать. Опасность грозит Поку[424] в Италии. Им известно его имя и адрес 1942 года в Риме.

е) Главное заключается в том, что я добился от Контры свидания с один корпорантом, которое является моей единственной надеждой на. разоблачение перед вами заговора. Примите немедленно следующие меры:

4. Я даю .корпорантам список лиц, которые немедленно должны быть предупреждены о грозящей им опасности. Во Франции Контра разыскивает белогвардейского русского журналиста[425], латвийского экс-генерала[426] и людей Кента, по-видимому в Марселе. Предупредите людей из группы Гари. Измените музыкальные программы для Швейцарии. Порвите все попытки Контры установить через вас контакт на линии Кента, Паскаля и других, чтобы припереть Контру к стене, а мне дать как можно больше возможности маневрировать до начала моей операции; попросите передать вам адреса: мой, Андрэ, Ренэ, указать через Отто запасные свидания, потребовав моего присутствия на них; постоянно давайте новые задания об информации, фиктивные имена людей, которых будто бы нужно разыскать, так как ясно, что до конца подготовки предохранительных мер Контра не почувствует, что вы в курсе этих вещей; корпорант или другое лицо, которое придет на свидание со мной, должен быть изолированным. Но нечего опасаться за него, он не будет арестован, потому что его арестом Контра разрушила бы основания своего заговора. Если моя операция не будет выполнена немедленно, можно опасаться, что меня перевезут в Германию. Если моя операция не удастся, знайте, что в эти ужасные и трагические месяцы до последней минуты всей душой с вами и передайте моей семье и детям мой последний поцелуй. Всегда ваш ОТТО.

Постскриптум. 1) Чтобы замаскировать нарушение свидание в Швейцарии, сообщите по линии Отто, что ваше лицо не совсем здорово и что вы дадите указания для нового свидания.

2) В квартире Ренэ живет теперь Фабрикан, его адрес: улица Монрожэ, №3 или 5, на шестом этаже. Дом, где находился санаторий сестры профессора "Замок Вейеро", в шести километрах от станции Шарите, которая находится под наблюдение Контры. Там находится жена Ренэ со своими детьми, не зная истинного положения.

---

[423] Робер Жиро, который вместе со своей женой Люсьеной был курьером между Треппером и французской компартией.

[424] Неизвестный до сих пор резидент РУ ГШ в Риме. Шандор Радо в своих мемуарах называет его Пауло.

[425] Л.М.Неманов — белоэмигрант, член Союза русских писателей в Германии, масонской ложи «Свободная Россия», сотрудник парижских «Последних новостей».

[426] Вольдемар Озолс.

3) Кроме Фабрикана, в нашем деле работают еще два агента: Рожэ, его настоящее имя Шумахер[427], и старая агентша Контры, которая называет себя Поля (Паула), или Мадлэн. Оба они стремятся найти корпорантов по нашей линии. Эта женщина, кажется, была одним из секретарей на последнем конгрессе К.И.[428]

4) Мне удалось получить все эти данные путем различных маневров. Разумеется, они не исчерпывают всего сюжета. Контра старается сохранить втайне различные стороны заговора.

5) Подозрительно, что люди Контры очень уверенно говорят о бывшем консуле в Париже Киселеве, так, словно они знали его лично. Они утверждают, что знают, будто он был арестован в Москве в ноябре 1941 года.

Этот доклад, написанный по-польски, который мы должны были перевести, Отто передал через одну коммерсантку[429], с которой он был связан и с которой одна из наших разведок имела контакт; тем временем дата плана операций прошла.

Неизвестны детали и условия, в которых Отто смог передать этот документ таким образом, что сторожа ничего не заметили. Эту коммерсантку изолировали.

ДЮКЛО

[427] Отто Шумахер
[428] Вероятно, Эльза Ноффке.
[429] Жюльетта Мусье.

Документ 3

СПРАВКА НАЧАЛЬНИКА ГУ «СМЕРШ» В.С.АБАКУМОВА НАЧАЛЬНИКУ ГРУ Ф.Ф.КУЗНЕЦОВУ

Совершенно секретно

Главное Разведывательное Управление генштаба Красной Армии

товарищу Кузнецову

Лично

27 октября 1945 г.

При этом направляю справку о недочетах в подготовке, заброске и работе с агентурой за границей, со стороны аппарата Главного Разведывательного Управления Красной Армии.

Приложение — по тексту

Абакумов

Совершенно секретно

Справка

Во второй половине 1945 года Главным Управлением «СМЕРШ» были арестованы закордонные агенты и резиденты Главного Разведывательного управления Красной Армии ТРЕППЕР Л.З., ГУРЕВИЧ А.М., РАДО Александр, ЯНЕК Г.Я., ВЕНЦЕЛЬ И.Г. и другие, оказавшиеся германскими шпионами.

В процессе следствия по делам этих арестованных, наряду с разоблачением их вражеской деятельности, выявлены недочеты в подготовке, заброске и работе с агентурой за границей со стороны аппарата Главного Разведывательного Управления Красной Армии.

Так, арестованный в июле 1945 года резидент Главразведупра Красной Армии в Бельгии ГУРЕВИЧ (кличка «Кент») показал, что он был подготовлен наспех, а переброска его в Бельгию была организована непродуманно.

По этому вопросу ГУРЕВИЧ показал следующее:

«Перед переброской меня за границу, по существу, я никакой подготовки не получил. Правда, после оформления моей вербовки работником Главразведупра Красной Армии полковником СТАРУНИНЫМ, я был направлен на курсы при разведшколе Главразведупра Красной Армии, но они для практической работы ничего, по существу, не дали. На этих курсах я в течение 5-ти месяцев изучал радиодело, фотодело, и был ознакомлен с общим порядком конспиративных встреч с агентурой за границей.

Следует указать, что ознакомление с порядком встреч с агентурой в условиях конспирации было очень поверхностным. На этот счет мы знакомились с материалами, составленными, главным образом, возвратившимся из-за границы работником Главного разведывательного управления БРОНИНЫМ, в которых обстоятельства встреч и сама конспирация их излагались очень неконкретно и, я бы сказал, даже примитивно.

Такая система обучения для меня, неискушенного в тот период человека, казалась вроде бы нормальной, но когда я столкнулся с практической работой за границей, то убедился, что она была не только недостаточной, а совершенно неприменимой в условиях нелегальной работы».

Как заявил ГУРЕВИЧ, вначале он должен был ехать для работы в Бельгию через Турцию, для чего ему были изготовлены соответствующие документы. Однако, в связи с отказом турецких властей в выдаче ГУРЕВИЧУ визы, Главразведупр за несколько часов до отъезда ГУРЕВИЧА изменил маршрут его следования в Бельгию, предложив ехать через Финляндию, Швецию, Норвегию, Германию и Францию под видом мексиканского художника, побывавшего несколько месяцев в Советском Союзе.

По вопросу о полученной легенде ГУРЕВИЧ показал:

«Надо сказать, что данная мне легенда была очень неудачной хотя бы потому, что я в связи с недостаточностью времени не мог получить никакой консультации о Мексике, об ее внутреннем положении, условиях жизни, и даже ее географических данных. Кроме того,

испанский язык, являющийся основным в Мексике, я знал далеко недостаточно для мексиканца и говорил на нем с явно выраженным русским акцентом.

Таким образом, в пути следования я был не в состоянии отвечать на самые простые вопросы о положении в Мексике, а это, бесспорно, навлекало на меня всевозможные подозрения.

Будучи в Париже, я встретился там со связником Главразведупра, который вручил мне уругвайский паспорт на одну из фамилий уругвайского коммерсанта, а я ему сдал свой мексиканский паспорт.

Получая паспорт уругвайского гражданина, я был совершенно недостаточно осведомлен о жизни Уругвая. Когда этот вопрос я поднял еще будучи в Советском Союзе, мне БРОНИН сказал, что такая возможность мне будет предоставлена.

Действительно, спустя некоторое время мне была представлена для ознакомления коротенькая справка, написанная от руки на 2-х страницах одним разведчиком, находившимся в Уругвае очень короткий промежуток времени. Причем в этой справке были указаны две улицы Монтевидео, названия нескольких футбольных команд и подчеркнуто, что население, особенно молодежь, часто собирается в кафе. Ни географического, ни экономического и политического положения в этой справке освещено не было.

Я даже не знал фамилии президента «моего государства», т.к. по этому вопросу в Главразведупре имелись противоречивые данные.

Когда я заметил БРОНИНУ, что этих данных для меня недостаточно, он обещал мне их дать, но их в Главразведупре не оказалось, и мне в последний день перед отъездом было предложено пойти в библиотеку имени Ленина и ознакомиться там с УРУГВАЕМ по БСЭ. Естественно, что и там нужных мне данных, как для коммерсанта из богатой уругвайской семьи, найти, конечно, не представилось возможным».

Арестованный Главным Управлением «СМЕРШ» резидент Главразведупра Красной Армии во Франции ТРЕППЕР (кличка «Отто»), объясняя причины провала своей резидентуры, показал:

«Резидент МАКАРОВ (кличка «Хемниц»), несмотря на то, что он как будто бы прошел специальную школу, не знал самых элементарных понятий о разведработе, не говоря уже о том, что он не знал ни одного иностранного языка. Кроме того, «Хемниц» должен был проживать как уругваец, в то время как он не имел никаких понятий о его «родной стране», и еще менее о стране, в которой ему пришлось работать.

Такие же самые недочеты мне пришлось наблюдать и при моей встрече с резидентом ЕФРЕМОВЫМ (кличка «Поль»). Главной задачей группы «Поля» было информировать Главразведупр Красной Армии о передвижении номерных частей через Бельгию, но при моей встрече с «Полем» оказалось, что ни «Поль» и никто из его группы не имеет элементарного представления о знаках различия немецкой армии».

Арестованный закордонный агент Главразведупра Красной Армии ВЕНЦЕЛЬ (кличка «Герман») на допросе показал:

«Подготовка радистов в Москве Главным Разведывательным Управлением поставлена примитивно.

Радисты готовились в течение 3-4 месяцев, что явно недостаточно, в особенности для работы за рубежом, где каждый радист должен быть мастером своего дела. Он же в этот период времени, кроме изучения радио, обучался языку и другим дисциплинам.

Тактической подготовке совсем не уделяли внимания, в то время как это является основным для зарубежного агента».

Бывший агент Главразведупра «Берг» рассказывала, что, будучи переброшенной в Италию для выполнения специального задания, она не могла там легализоваться вследствие слабой подготовки и данной ей в Главразведупре непродуманной и громоздкой легенды.

Она заявила:

«Основная причина моей трудности работать в Италии — это несоответственность и громоздкость моей легенды.

Я была послана с легендой, что родилась на Кубе, жила в Испании, ездила в Америку, Францию, жила в Бельгии, затем через Голландию, Норвегию попала в Швецию, пожила в Стокгольме, а оттуда, направляясь в Кубу, через Италию приехала в Советский Союз, и наконец, через Румынию и Югославию прибыла в Рим.

Для укрепления и подтверждения моей легенды мне ничего не было сделано. Я не могла показать ни одного письма с кубинской маркой, и вообще ничего напоминающего о Кубе. Кроме того, общеизвестно, что в природе не существует кубинок с моим цветом волос и лица. Все это, естественно, должно было казаться странным самому непредубежденному человеку.

... Я знала слишком мало о Кубе. Больше того, что было прочитано мною перед отъездом в энциклопедическом словаре в Риме, мне найти не удалось. На вопросы знакомых я описывала Гавану и кубинскую жизнь по тому, как я представляла в своем воображении по песням и фильмам».

Арестованный ГУРЕВИЧ показал, что Главное Разведывательное Управление Красной Армии неправильно наметило ему маршрут следования через Ленинград, где он на протяжении длительного времени проживал, работал и имел много знакомых, что привело к его расшифровке.

Прибыв на советско-финскую границу, ГУРЕВИЧ при объяснении с военнослужащими советской погранохраны и работниками таможни встретил там свою знакомую, бывшую ученицу курсов усовершенствования переводчиков при институте иностранного туризма в Ленинграде, которая сразу же узнала его.

Экипировка ГУРЕВИЧА была также не в соответствии с данной ему легендой.

По этому вопросу ГУРЕВИЧ показал:

«... Выезжая из Советского Союза, я по легенде до этого находился в Нью-Йорке и других странах, а вез с собой только один, небольшого размера чемодан, в котором находились: одна пара белья, три пары носков, несколько носовых платков и пара галстуков, в то время как иностранные туристы, побывавшие в других странах, везут с собой в качестве багажа по нескольку чемоданов с различными носильными вещами, большое количество различных фотографий, личных писем и т.д.

Больше того, я, как личный турист, побывавший в Советском Союзе несколько месяцев, не взял с собой в качестве «памятки» ни единой русской вещи или даже открытки, которая бы напоминала о моем посещении этой страны.

Вследствие этого, сразу же, как только в Ленинграде я сел в вагон, в котором находились иностранцы, следовавшие в Финляндию, на меня было обращено внимание, почему именно я, как иностранный турист, не имею с собой никакого багажа».

И далее, касаясь своей переброски за границу, ГУРЕВИЧ показал:

«По приезде в Хельсинки я должен был явиться в Интурист и получить билет на самолет, следовавший в Швецию. Когда я обратился к швейцару Интуриста, поскольку других работников в воскресенье не было, и спросил его на французском языке о том, что мне должен быть заказан билет на самолет, он предложил мне говорить на русском языке, дав понять, что он знает о том, что я русский, и играть в прятки с ним не следует.

К тому же надо отметить, что сам факт, связанный с предварительным заказом билетов через Интурист, не вызывался никакой необходимостью, поскольку это можно было бы сделать без всякой помощи».

Аналогичные затруднения по вине Главразведупра Красной Армии, как заявил ГУРЕВИЧ, он встретил также и в других странах:

«По приезде в Париж я остановился в гостинице «Сейтан», и на другой день должен был зайти в кафе «Дюспо», находящееся на Криши, для встречи со связником Разведупра. При этом было обусловлено, что при входе в кафе я займу место за заранее определенным столиком, закажу чай, немедленно расплачусь за него и буду читать французскую газету. Связник должен был точно так же находиться в кафе, сидеть за столом, имея на столе французский журнал. Здесь мы должны были друг друга только видеть, сами же встречи должны были произойти немедленно по выходу из кафе, около дома №120 или 140 по Криши.

Прибыв по указанному адресу, я не нашел кафе с названием «Дюспо». В этом доме находилась закусочная, рассчитанная на обслуживание шоферов конечной автобусной остановки, под названием «Терминюс». При входе в закусочную я увидел, что там имеется всего 1-2 стола, за которыми посетители обычно играли в карты. Посетители же в основном заказывали вино и горячее кофе, как это принято в закусочных во Франции.

То, что я занял место за столом и заказал чай, вызвало смех у официанта, и мне было предложено кофе, говоря, что чаем они вообще не торгуют.

Я пробыл в кафе более получаса, однако связника Разведупра по данным мне приметам не встретил. Полагая, что возможно был перепутан адрес, я попытался разыскать на этой улице нужное мне кафе, однако его не нашел. В действительности же оказалось, что несколько лет тому назад в помещении, в которое я заходил, было именно кафе «Дюспо», но впоследствии оно было преобразовано в закусочную».

ГУРЕВИЧ также заявил, что Главразведупром Красной Армии ему было предложено по приезде в Брюссель остановиться в гостинице «Эрмитаж». Оказалось, что эта гостиница уже 5 лет тому назад была превращена в публичный дом и иностранцы там не останавливались.

Как показали арестованные агенты КАЮМХАНОВ Е.М. и ЯНЕК Г.Я., их провалу в значительной степени способствовало то, что Главное Разведывательное Управление Красной Армии пользовалось линиями переправ и проводниками агентуры за границу, которые из-за продолжительности их использования, без какой бы то ни было проверки, попали в поле зрения иностранных контрразведок.

Так, КАЮМХАНОВА через советско-турецкую границу сопровождал проводник «Мирза», который привел его к агенту Главразведупра, проживавшему в Турции в 8 км от советско-турецкой границы. По указанию Главразведупра он должен был содействовать КАЮМХАНОВУ в дальнейшем продвижении его в глубь страны. Однако агент, при посадке КАЮМХАНОВА на пароход, следовавший в город Татван, передал его турецкой полиции.

Агент ЯНЕК, перебрасываемый Главразведупром Красной Армии в Чехословакию, должен был, по полученному им заданию, добраться до села Иорданово, что в 40 км южнее гор. Кракова и, связавшись там с агентом Главразведупра, при его помощи доехать до гор. Цешин, затем пройти чехословацкую границу и пройти в гор. Прагу. Однако последний предал его гестапо, в результате чего ЯНЕК был арестован.

Арестованный ТРЕППЕР показал, что крупным недочетом в работе за границей, который приводит к провалам, является несвоевременное снабжение зарубежной агентуры документами, и плохое их оформление.

По заявлению ТРЕППЕРА, находясь в Брюсселе, он получил из Москвы паспорт для въезда во Францию. В паспорте должна была быть указана профессия — журналист. В действительности же, при получении паспорта, в нем была указана профессия не журналист, а «журналье», что означает — поденщик. Естественно, что поденщик, едущий в международном вагоне, сразу же вызвал бы подозрение у французской пограничной полиции.

Для пребывания в Бельгии, как показал ТРЕППЕР, он получил канадский паспорт на фамилию крупного промышленника МЕКЛЕРА, по происхождению из города Самбор, который более 10 лет проживал в Канаде. ГРУ было известно, что ТРЕППЕР не знает английского языка, а также не было принято во внимание, что на случай войны и возможной оккупации немцами Бельгии ТРЕППЕР не сможет проживать там, как канадский гражданин.

В связи с этим в первые же дни после начала войны ТРЕППЕР потерял возможность проживать в Бельгии, т.к. в многочисленных бельгийских кругах он был известен как бельгийский подданный.

ТРЕППЕР, предвидя такое положение, своевременно обращался в Главразведупр о высылке документов для него и его работников, подходящих для военной обстановки, однако полученные документы оказались полностью непригодными.

Резиденты «Хемниц» и «Кент», работавшие в Бельгии, не получив резервных документов, к началу войны США с Германией остались со старыми уругвайскими документами, к тому же эти документы были оформлены с грубыми ошибками.

Как показал ТРЕППЕР, резидент «Хемниц», когда он был задержан 13 декабря 1941 года немецкой полицией, не был бы арестован, если бы он имел другие документы, а не уругвайские.

Главным Разведывательным Управлением Красной Армии в Бельгию был направлен агент по кличке «Алекс», документы которого оказались совершенно непригодными для продолжения его поездки согласно заданию в США.

В таком же положении оказался и агент Главразведупра по кличке «Поль», который был направлен в Швецию, как резидент, через Италию, Германию и Бельгию.

По указанию Главразведупра «Поль», будучи снабженным швейцарским паспортом, не нуждался в германской и бельгийской визах. Фактически же оказалось, что немцы к тому времени уже несколько месяцев не пропускали через свою территорию иностранцев, и в первую очередь — подозрительных швейцарцев.

Арестованный ГУРЕВИЧ о качестве полученных им из Главразведупра документов показал:

«Выбор уругвайского паспорта для меня, как легализующего документа, не был достаточно хорошо продуман и подготовлен Главразведупром. В Бельгии уругвайских подданных были считанные единицы, в то же время в полиции зарегистрировались одновременно два вновь прибывших уругвайца.

Это были агент Главразведупра Красной Армии МАКАРОВ — коммерсант, родившийся в Монтевидео и купивший предприятие в Остенде, и я, тоже родившийся в Монтевидео и тоже занимавшийся торговой деятельностью в Бельгии. Причем оба наши паспорта были выданы в уругвайском консульстве в Нью-Йорке. Один был выдан в 1936 году, а другой в 1934 году. Номера же этих паспортов были последовательны, так, если один был за №4264, то другой был за №4265.

Оба паспорта затем были продлены в Монтевидео также в разные периоды, однако носили точно так же последовательные записи и одинаковые подписи.

Кроме того, в период нашего пребывания в Бельгии Главразведупр продлил оба паспорта. Продление сделано в Париже, в то время как никоим образом иностранцы, проживающие в Брюсселе, не могли своих паспортов продлевать во Франции — в силу жесткого полицейского надзора. Подписи в этом случае были сделаны по трафарету, т.е. те же.

Таким образом, самый поверхностный контроль со стороны полиции должен был вызвать к нам подозрение.

Для легализации наших работников за границей Главразведупр, кроме паспортов, никаких других документов не предоставлял в распоряжение наших работников.

Я обращался в Главразведупр с предложением — организовать направление писем из Уругвая на имя МАКАРОВА и на мое имя, чтобы хоть этим путем укрепить нашу легализацию, ибо письма всех иностранцев контролировались бельгийской полицией и почтой, и в самих домах, где иностранцы проживали, неполучение писем от родителей и знакомых вызывало всегда подозрение.

Несмотря на то, что ТРЕППЕР и я указывали, что эта посылка писем особенно важна для нас, Главразведупр даже и этого не мог организовать.

Впоследствии мы отказались от документов, присылаемых Главразведупром, и старались сами, на месте, приобрести нужные документы».

Направленному в Италию агенту «Берг» Главразведупр, как она заявила, способов легализации не указал, в связи с чем она по своей инициативе пыталась устроиться на учебу в одну из консерваторий в Риме.

Для этого ей необходим был документ, который бы свидетельствовал об окончании ею начального музыкального образования.

Главразведупр выслал «Берг» документ, однако из-за его недоброкачественности она его использовать не могла, т.к. документ имел дату, хронологически не совпадающую с ее легендой. Кроме того, на печати кубинского музыкального учебного учреждения в документах было написано русское «к».

«Берг» также рассказала, что письма, направляемые ей Главразведупром с целью подтверждения ее легенды, были оформлены настолько небрежно, что кроме вреда ничего принести не могли. Они были с грамматическими ошибками и пропусками букв. Адрес на конвертах был написан по образцу, принятому в Советском Союзе, т.е. сначала город, улица, фамилия, имя, а не наоборот.

По показаниям арестованных устанавливается, что Главное Разведывательное Управление направило за границу большей частью неисправные рации, и при отсутствии радиоспециалистов там создавались большие трудности в их использовании.

Арестованный ТРЕППЕР по этому вопросу показал:

«В начале 1939 года Главразведуправлением в первый раз была поставлена задача подготовки и создания собственной радиосвязи с центром. Эта задача была возложена на «Хемница», который как будто прошел до приезда полную техническую радиоподготовку.

«Кент», после своего приезда, имел задачу помочь ему в этом направлении, и его Разведупр также считал вполне подготовленным к этой работе.

На практике оказалось, что ни тот, ни другой подготовки не имели и эту работу до конца довести не смогли.

В то же самое время все полученные приборы оказались в неисправном состоянии.

В начале 1940 года, видя, что они не справятся с этой работой, я потребовал от Главразведуправления — или прислать мне настоящего техника, или разрешить вербовать техников среди лиц, близких к компартии. Главразведупр обещал мне, что необходимый техник будет прислан. Однако Главразведупр такого специалиста не прислал, и в начале июня 1941 года агентура в Бельгии осталась полностью отрезанной от центра.

При моем приезде из Бельгии во Францию, в июле 1940 года, когда я приступил к налаживанию агентуры во Франции, я констатировал, что Главразведупр не может мне дать никакой помощи как в технических приборах, так и в техниках для налаживания радиосвязи с центром.

После продолжительных требований мне удалось только в июне 1941 года получить две радиостанции, которые приходилось в исключительно тяжелых условиях нелегальной работы перебрасывать в оккупированную французскую зону и в Бельгию. Но и тогда оказалось, что обе эти радиостанции по техническим причинам не были пригодны к введению в строй.

Как мне удалось узнать уже после моего ареста немцами, в конце 1941 года Главразведуправлением в Бельгию и Голландию были направлены с парашютистами радиоаппараты. Парашютисты были захвачены немцами, но, как рассказали немцы, аппараты были неисправны и ими нельзя было пользоваться».

Об обеспечении Главразведупром Красной Армии зарубежной агентуры деньгами арестованный ТРЕППЕР показал:

«К началу войны ни одна из известных мне групп не была снабжена центром нужными средствами для продолжения своей работы, несмотря на то, что уже видно было, что большинству групп придется работать изолированно и что во время войны они не смогут снабжаться средствами из центра.

... Я лично, пользуясь средствами созданной мною, с санкции ГРУ, коммерческой фирмы «ЭКС», имел возможность за все время войны снабжать средствами наши группы, однако группа «Гарри» во Франции, «Поль» и «Герман» в Бельгии, группа в Голландии, резидентуры в Берлине, Чехословакии и в других странах оставались полностью без средств.

Тяжелое и безвыходное положение групп Главразведупра приводило к почти полному свертыванию работы».

Арестованные ТРЕППЕР и ГУРЕВИЧ показали, что с начала войны Германии против Советского Союза Главным Разведывательным Управлением Красной Армии было дано указание о том, чтобы резидентуры, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Германии, связать между собой.

Например, было предложено резиденту в Бельгии «Полю» связаться с резидентом «Германом». «Герману» связаться с резидентом в Бельгии «Кентом» и «Хемниц». Резиденту

«Кент» — с резидентом «Полем» и резидентами в Голландии, Берлине и Швейцарии. Резиденту «Отто» связаться с резидентом «Гарри» и резидентом во Франции «Балтийским генералом».

Это обстоятельство привело к тому, что провал группы «Хемница» в декабре 1941 года в Бельгии поставил под удар все остальные резидентуры.

Так, арестованный ГУРЕВИЧ заявил:

«Перед отъездом из Москвы Главразведупр указал мне, что в связи с провалами принято решение — не создавать больших резидентур, а работать небольшими группами. После того, как Главразведупр принял решение о моем оставлении работать в Бельгии в качестве помощника резидента «Отто», мне бросилось в глаза то обстоятельство, что резидентура в Бельгии насчитывает большое количество людей, находящихся на твердой зарплате и практически не проводивших никакой разведывательной работы, и знающих о существовании нашей организации. Я обратил на это внимание «Отто», но получил ответ, что все эти люди предусмотрены на военное время ...

Провал 1941 года произошел из-за неправильной организации разведгруппы в Бельгии и Франции под единым руководством резидента «Отто» с большим количеством агентов и отсутствия конспирации в работе ...».

Арестованный резидент Главразведупра Красной Армии ТРЕППЕР показал:

«Все указания Главразведупра по вопросу о том, чтобы связать между собой резидентуры, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Германии, создали исключительно благоприятную почву к провалам, которые по этой причине произошли.

Провал в Братиславе привел к провалу резидента «Герман», провал в Голландии, как и провал «Германа», привел к провалу «Поля», провал «Хемница» — к провалу «Кента».

Все вышеперечисленные группы, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Германии и Чехословакии, будучи связаны между собой, привели к тому, что к началу крупного провала 13 декабря 1941 года группа «Хемниц» подвела под удар все остальные группы.

В результате это привело к провалу крупной части разведывательной сети в Центральной Европе.

Таким образом, принципиально неверная система создания звеньев Главразведупра, находящихся в разных странах и связанных между собой стабильной связью, сделала невозможным локализацию провала».

Арестованный Главным Управлением «СМЕРШ» начальник зондеркоманды гестапо в Париже немец ПАННВИЦ по вопросу провала резидентов ТРЕППЕРА («Отто») и ГУРЕВИЧА («Кента») показал:

«Как явствовало из материалов следствия по делам «Отто» и «Кента», с которыми мне пришлось знакомиться при приеме дел зондеркоманды, провал начался с ареста агента «Аламо».

«Аламо» проживал в Брюсселе и вел легкомысленный образ жизни, что дало повод политической полиции заподозрить его в спекуляции. При обыске, произведенном на квартире у «Аламо», у него был отобран радиопередатчик. В связи с тем, что «Аламо» выполнял обязанности радиста, шифровальщика и использовал[ся] в качестве инструктора, он знал многих агентов резидентуры «Отто».

После ареста «Аламо» признал, что является советским разведчиком, дал показания в отношении «Отто» и других советских агентов, имевших с ним связь, а также передал в руки гестапо советский шифр.

До этого службой подслушивания было перехвачено большое количество радиограмм, посылавшихся советскими разведчиками из Европы в Москву, которые были расшифрованы после того, как «Аламо» сообщил шифр.

В одной из радиограмм к «Отто» имелось указание из Москвы — приехать в Берлин и по указанному адресу связаться с советским разведчиком ШУЛЬЦ-БОЙЗЕН, старшим лейтенантом германских воздушных сил, работавшим в Берлине. В результате этого берлинская резидентура советской разведки была ликвидирована.

Наряду с этим путем допроса «Аламо» было установлено, что парижская торговая фирма «Симэкс» являлась предприятием советской разведки. После этого были арестованы работающие в фирме советский агент ГРОССФОГЕЛЬ, а также сотрудники фирмы, не связанные с советской разведкой — КОРБЕНЦ и ДРЕЛИ. КОРБЕНЦ на допросе назвал врача, у которого «Отто» лечил зубы. На квартире у этого врача «Отто» был арестован. Несколько позже в Марселе был арестован «Кент».

Надо сказать, что провалу резидентур «Отто» и «Кента» способствовало главным образом то, что в работе всей резидентуры в должной мере не соблюдалась конспирация. В частности, агент «Аламо» знал почти всю резидентуру».

В 1942 году, как показал ПАННВИЦ, резидент «Отто» в Брюсселе созвал всех своих агентов на инструктаж. В связи с тем, что в этот период германская полиция вела активную работу по борьбе со спекуляцией, все собравшиеся на инструктаж агенты были задержаны и арестованы, как спекулянты.

Во время обыска на квартиру пришел «Отто», которому удалось избежать ареста лишь потому, что при задержании он заявил, что зашел на квартиру по ошибке.

Арестованный ПАННВИЦ также показал:

«В процессе радиоигры, приблизительно в мае 1943 года, из Москвы была получена радиограмма, в которой «Отто» было предложено передать «Кенту» распоряжение, чтобы он установил связь с советским резидентом «Золя», находившимся в Париже.

Надо сказать, что советскому разведцентру в Москве в то время было известно о серьезных провалах в резидентурах «Отто» и «Кента», поэтому установление этой связи ставило резидентуру «Золя» под удар гестапо. Безусловно, в этом случае советский разведцентр допустил грубую ошибку, в результате которой пострадал оставшийся неизвестным до этого времени резидент «Золя».

Кроме того, провалу советской агентуры в Бельгии, Франции и Германии в значительной степени, как показали арестованные ТРЕППЕР и ГУРЕВИЧ, способствовало грубое нарушение правил конспирации в шифровальной работе.

По указанию Главразведуправления резидент ТРЕППЕР обучал ГУРЕВИЧА шифровальному делу на своем шифре, посредством которого он осуществлял связь с Москвой. ГУРЕВИЧ, в свою очередь, на своем шифре обучал шифровальному делу агентов «Хемниц», «Аннет» и ШУЛЬЦ, причем последний в течение двух лет пользовался этим шифром при связи с Москвой.

Арестованный ГУРЕВИЧ показал:

«Главразведуправление дало мне указание выехать в Германию и обучить моему шифру радиста в Берлине. Я ответил Главразведупру, что считаю неправильным такое указание, т.к. таким образом телеграммы, направляемые мной в Москву в течение длительного периода времени, в случае провала агента-радиста, могут быть немцами расшифрованы. Несмотря на это, Москва все же подтвердила это указание. Я передал, во время моего пребывания в Берлине, ШУЛЬЦУ один из ранее использованных мною шифров и обучил его шифровальному делу. Кроме того, я также подготовил к шифровальному делу агента в Швейцарии Александра РАДО».

Кроме того, когда в Брюсселе немцами были арестованы «Хемниц» и «Аннет», ГУРЕВИЧ и ТРЕППЕР сообщили об этом в ГРУ и потребовали немедленной замены шифра, однако Главразведупр также не принял никаких мер, и они продолжали поддерживать связь с Москвой, используя шифр, захваченный немцами при аресте «Хемница» и «Аннет».

ГУРЕВИЧ и ТРЕППЕР также показали, что в шифре, которым они пользовались, отсутствовали условные сигналы на случай работы по принуждению. Это обстоятельство не давало им возможности сообщить ГРУ о вербовке их немцами и использовании их в радиоигре с ГРУ.

Следует также указать, что Главразведупр требовал беспрерывной и продолжительной работы радиостанций, что облегчало иностранным контрразведывательным органам пеленгацию и ликвидацию радиостанций.

Так, радисты группы «Андре» в Париже находились у аппаратов беспрерывно по 16 часов.

«Кент» и «Андре» получили от Главразведупра указание — приступить к ежедневным радиопередачам, хотя Главразведупр знал о том, что выполнение этих указаний угрожает быстрым обнаружением радиостанций и их провалом.

Арестованный агент Главразведуправления РАДО (кличка «Дора»), работавший в Швейцарии, показал, что провал возглавляемой им резидентуры в Швейцарии начался с ареста радистов «Эдуарда», «Мауда» и «Рози», которые по всем данным были запеленгованы швейцарской полицией.

Установить нахождение указанных радиостанций, как показал РАДО, путем пеленгации особого труда не составляло, т.к. волны, на которых работали радиостанции, и их позывные Главразведуправлением не менялись в течение двух лет. При этом, по требованию Главразведуправления, работы на радиостанциях проводились каждый день, и сеанс работы длился от 2 до 6 часов беспрерывно.

Наряду с этим Главразведупр часто требовал повторения уже переданных в Москву радиограмм. В связи с этим радисты вынуждены были создавать архив уже отправленных радиограмм. При аресте «Хемница» и «Германа» немцы нашли у них ряд копий отправленных радиограмм.

Необходимо отметить, что, как показали арестованные, резервных радиопрограмм, а также и специальных радиопрограмм для важных передач по оргвопросам у них не было. Это положение еще более осложнилось после провала резидентуры в Бельгии в декабре 1941 года.

В апреле 1942 года была получена из Главразведупра новая радиограмма, но она направлялась по старому и уже известному немецкой контрразведке шифру. В результате радиостанция, действовавшая под Парижем, куда была направлена радиопрограмма, немцами была ликвидирована.

Арестованные резиденты Главного Разведывательного Управления Красной Армии ГУРЕВИЧ, РАДО и другие показали, что на неоднократные их просьбы — дать конкретные указания по тому или иному вопросу, Главразведупр ограничивался молчанием.

Так, ГУРЕВИЧ по этому вопросу показал:

«Когда «Отто» принял решение передать мне бельгийскую резидентуру и стал ее передавать в присутствии представителя ГРУ БОЛЬШАКОВА, я отказался ее принимать и указал, что «Отто» неправильно информирует Главразведупр о работоспособности бельгийской организации, и просил БОЛЬШАКОВА по прибытии его в Москву доложить начальнику ГРУ о действительном положении дел в Брюсселе. Я обрисовал БОЛЬШАКОВУ полную картину бельгийской организации, которая должна была привести, по моему мнению, к провалу.

Кроме того, мною было также послано в Главразведупр письмо, в котором я указывал, что принцип вербовки, допущенный «Отто», для нашей организации является ошибочным, что не следует полностью вербовать наших работников за счет еврейской секции Коммунистической партии Бельгии, что наличие в нашей организации людей, которые по их личному положению должны уже нелегально проживать в стране, увеличит только возможность провала. Это я подтвердил и БОЛЬШАКОВУ. Несмотря на это, никаких указаний от Главразведупра в части работы нашей группы в Бельгии не последовало ...

Резидент «Отто» жил в Бельгии и был известен там под фамилией ЖИЛЬБЕРТ. Во время ареста МАКАРОВА «Отто» посетил дом, в котором уже находились немцы, и предъявил документ на имя ЖИЛЬБЕРТ. Под этой фамилией он был известен МАКАРОВУ, а также «Аннет». Несмотря на это, он с разрешения Главразведупра производил поездки и после провала резидентуры в Бельгии, и до своего ареста пользовался фамилией ЖИЛЬБЕРТ и под этой фамилией и был арестован.

Главразведупр не дал и в этом отношении никаких указаний «Отто», очевидно полностью ему доверяя, и не учитывал тех замечаний, о которых я сообщал в докладах БОЛЬШАКОВУ и непосредственно Главразведупру о плохой его конспирации.

Арестованный в августе 1945 года бывший резидент Главразведупра в Швейцарии РАДО показал, что в 1943 году он в одном из своих донесений сообщил Главному Разведывательному Управлению подробные данные о дислокации и количестве венгерских войск в Северной Трансильвании на границе с Румынией.

На это сообщение РАДО получил из Главразведупра ответ, в котором указывалось на якобы неправильную его информацию, с подтверждением, что Северная Трансильвания является румынской территорией, а не венгерской.

Помощник начальника главного управления «СМЕРШ» генерал-лейтенант МОСКАЛЕНКО

27 октября 1945 года.

Из архива ФСБ РФ

Документ 5

ПРИКАЗЫ И.В.СТАЛИНА О РЕОРГАНИЗАЦИИ ГРУ

ПРИКАЗ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ГЛАВНОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

№00222

23 октября 1942 г.

В целях упорядочения и улучшения работы военной разведки приказываю:

1. Выделить из состава Генерального штаба Красной Армии Главное разведывательное управление, подчинив его Народному комиссару обороны.

2. На Главное разведывательное управление Красной Армии возложить ведение агентурной разведки иностранных армий как за границей, так и на временно оккупированной противником территории СССР.

3. Войсковую разведку изъять из ведения Главного разведывательного управления.

4. Для руководства и организации работы войсковой разведки создать в составе Генерального штаба Красной Армии Управление войсковой разведки, подчинив ему разведотделы фронтов и армий.

Установить, что начальник Управления войсковой разведки Генштаба является одновременно заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии.

Запретить Управлению войсковой разведки Генштаба Красной Армии и разведотделам фронтов и армий ведение агентурной разведки.

5. Дешифровальную службу Главного разведывательного управления передать в ведение НКВД СССР.

6. Выделить из состава Главного разведывательного управления Отдел центральной военной цензуры, сохранив его в системе Наркомата обороны как самостоятельный отдел.

7. Начальнику Главного разведывательного управления Красной Армии в пятидневный срок представить на утверждение структуру и штаты Главного разведывательного управления Красной Армии и его периферийных органов.

8. Разрешить Главному разведывательному управлению Красной Армии создание на периферии вдали от штабов фронтов трех-четырех разведывательных групп, использовав для прикрытия их представительства Центрального штаба партизанского движения при военных советах фронтов.

9. Начальнику Генерального штаба Красной Армии тов. Василевскому совместно с начальником Управления войсковой разведки в пятидневный срок представить на утверждение структуру и штаты Управления войсковой разведки Генштаба и разведотделов фронтов и армий, предусмотрев при этом, что начальники РО фронтов и армий одновременно являются заместителями начальников соответствующих штабов.

Народный комиссар обороны СССР

И.Сталин

РГВА. Ф.4. Оп.11. Д.68. Л.347-348. Подлинник.

ПРИКАЗ О РЕОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКОВОЙ РАЗВЕДКИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

№0071

19 апреля 1943 г.

1. Реорганизовать Управление войсковой разведки Генштаба в Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии, возложив на него: руководство войсковой и агентурной разведкой фронтов, регулярную информацию о действиях и намерениях врага и проведение дезинформации противника.

2. Предоставить право ведения агентурной разведки и диверсионной работы на временно оккупированной территории Союза ССР Разведывательному управлению Генштаба и

разведывательным отделам фронтов. Разведывательным отделам армий агентурной разведки не вести.

3. Упразднить в составе Главного разведывательного управления Красной Армии 2-е управление, ведущее агентурную разведку на временно оккупированной территории Союза ССР. Передать Разведывательному управлению Генерального штаба Красной Армии агентурную сеть. материальные средства и кадры этого управления.

4. Главному разведывательному управлению Красной Армии вести агентурную разведку только за рубежом.

5. При начальнике Генерального штаба Красной Армии создать группу командиров во главе с генерал-полковником т. Голиковым с задачей обобщения и анализа поступающих данных о противнике от всех органов разведки и контрразведки (НКО, НКВД, НКВМФ, Главного управления «Смерш» и партизанских штабов).

6. Для более квалифицированного допроса военнопленных ввести в штаты разведывательных отделов фронтов и армий следственные части.

В местах заключения органов «Смерш» (контрразведки) выделить специальные помещения с охраной для содержания заключенных военнопленных, находящихся в ведении разведывательных отделов фронтов и армий.

7. Утвердить структуру Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, разведывательных органов штабов фронтов, армий, корпусов, дивизий и полков.

8. Главному управлению «Смерш» по материалам следствия информировать Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии:

а) о причинах провала агентов разведывательных органов Красной Армии, перевербованных противником;

б) о методах работы разведки противника по вербовке агентуры, ее подготовке, документации, организации радиосвязи и способах заброски.

9. Разведывательному управлению Генерального штаба Красной Армии все получаемые данные об агентуре противника, подготовляемой для заброски в Красную Армию, немедленно сообщать органам «Смерш».

10. Назначить:

а) заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии по разведке и начальником Разведывательному управления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенанта т. Кузнецова Федора Федоровича;

б) заместителями начальника Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-майора т. Онянова Л.В. и генерал-майора т. Вавилова П.Н.

11. Реорганизацию закончить к 1 мая 1943 года.

Приложение: на 2-х листах.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза И.Сталин

ПРИЛОЖЕНИЕ

к приказу НКО СССР от 19 апреля 1943 г. №0071

Структура Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии

Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии иметь в составе:

1. Первый отдел (войсковой разведки)
2. Второй отдел (агентурной разведки)
3. Третий отдел (по руководству агентурной разведкой фронтов)
4. Четвертый отдел (оперативной информации)
5. Пятый отдел (радиоразведки и забивки радиостанций противника)
6. Шестой отдел (радиосвязи)
7. Седьмой отдел (кадров)
8. Восьмой отдел (шифровальный)
9. Административно-хозяйственный отдел
10. Специальное отделение (дезинформации)

11. Отделение оперативной техники
12. Финансовое отделение
13. Следственная часть
14. Секретариат Управления
15. Авиационный отряд
16. Радиоузел связи
17. Школа агентурной подготовки

Структура разведывательного отдела штаба фронта
Разведывательный отдел штаба фронта иметь в составе:
1. Первое отделение (войсковой разведки)
2. Второе отделение (агентурной разведки)
3. Третье отделение (диверсионных действий)
4. Четвертое отделение (информационное)
5. Пятое отделение (авиационной разведки)
6. Шестое отделение (радиоразведки)
7. Седьмое отделение (агентурной техники)
8. Восьмое отделение (шифровальное)
9. Следственная часть
10. Административно-хозяйственная часть
11. Отделение кадров
12. Финансовая часть
13. Секретная часть
14. Радиоузел разведотдела штаба фронта
15. Моторизованная разведывательная рота

Структура разведывательного отдела штаба армии
Разведывательный отдел штаба армии создать в составе:
1. Первое отделение (войсковой разведки)
2. Второе отделение (информационное)
3. Следственная часть
4. Делопроизводство отдела

Структура разведывательного отдела штаба корпуса
Разведывательный отдел штаба корпуса создать в составе:
1. Начальник разведывательного отдела штаба корпуса, он же заместитель начальника штаба корпуса по разведке
2. Старший помощник начальника разведывательного отдела по войсковой разведке
3. Старший помощник начальника разведывательного отдела по информации
4. Два переводчика

Структура разведывательного отделения штаба дивизии
Разведывательное отделение штаба дивизии создать в составе:
1. Начальник разведывательного отделения штаба дивизии, он же заместитель начальника штаба по разведке
2. Помощник начальника разведывательного отделения
3. Переводчик
4. Разведывательная рота

Структура разведывательного органа полка
1. Пом. начальника штаба полка по разведке
2. Переводчик

3. Взвод пешей разведки
4. Взвод конной разведки.
РГВА. Ф.4. Оп.11. Д.74. Л.163-166. Подлинник